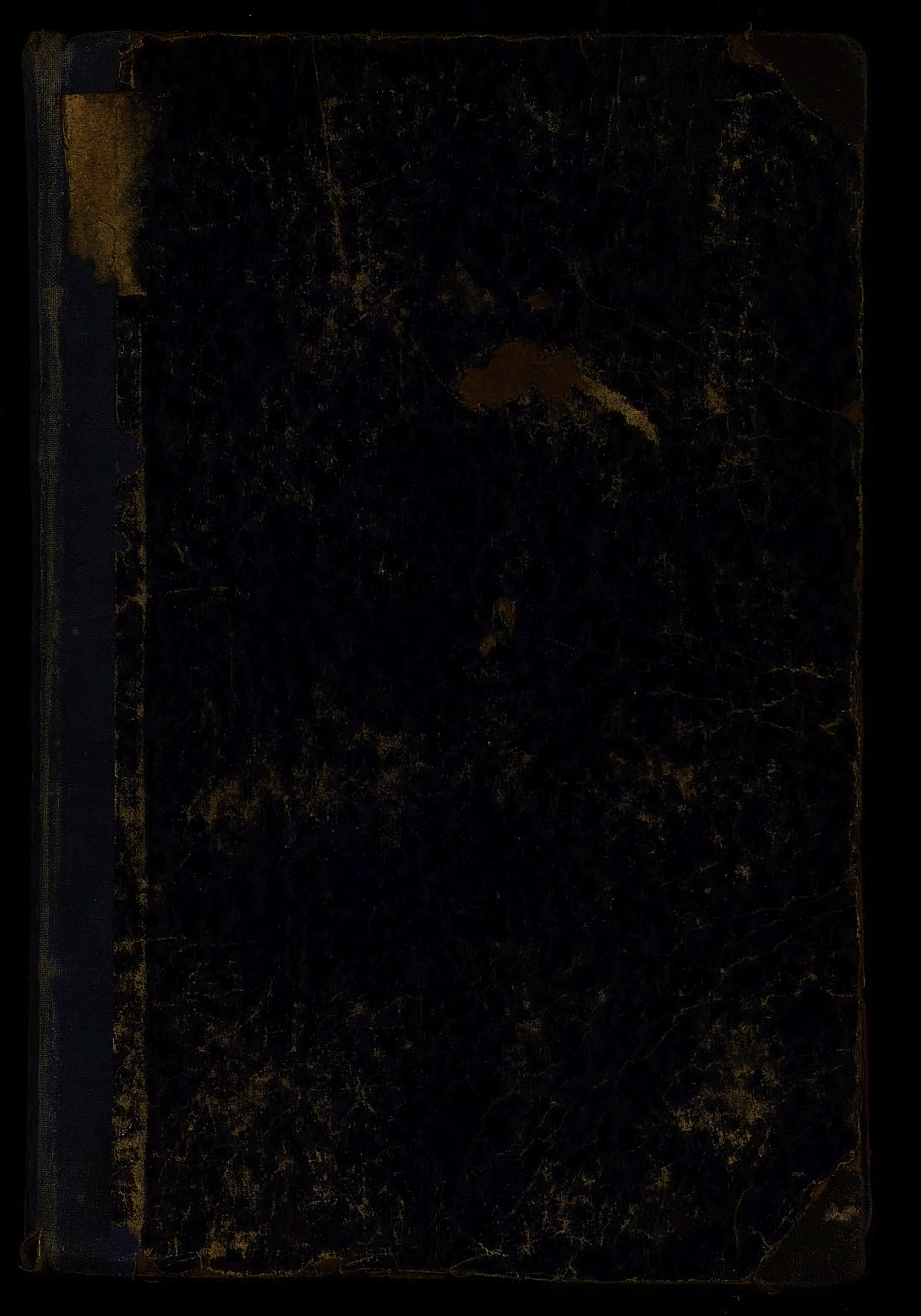
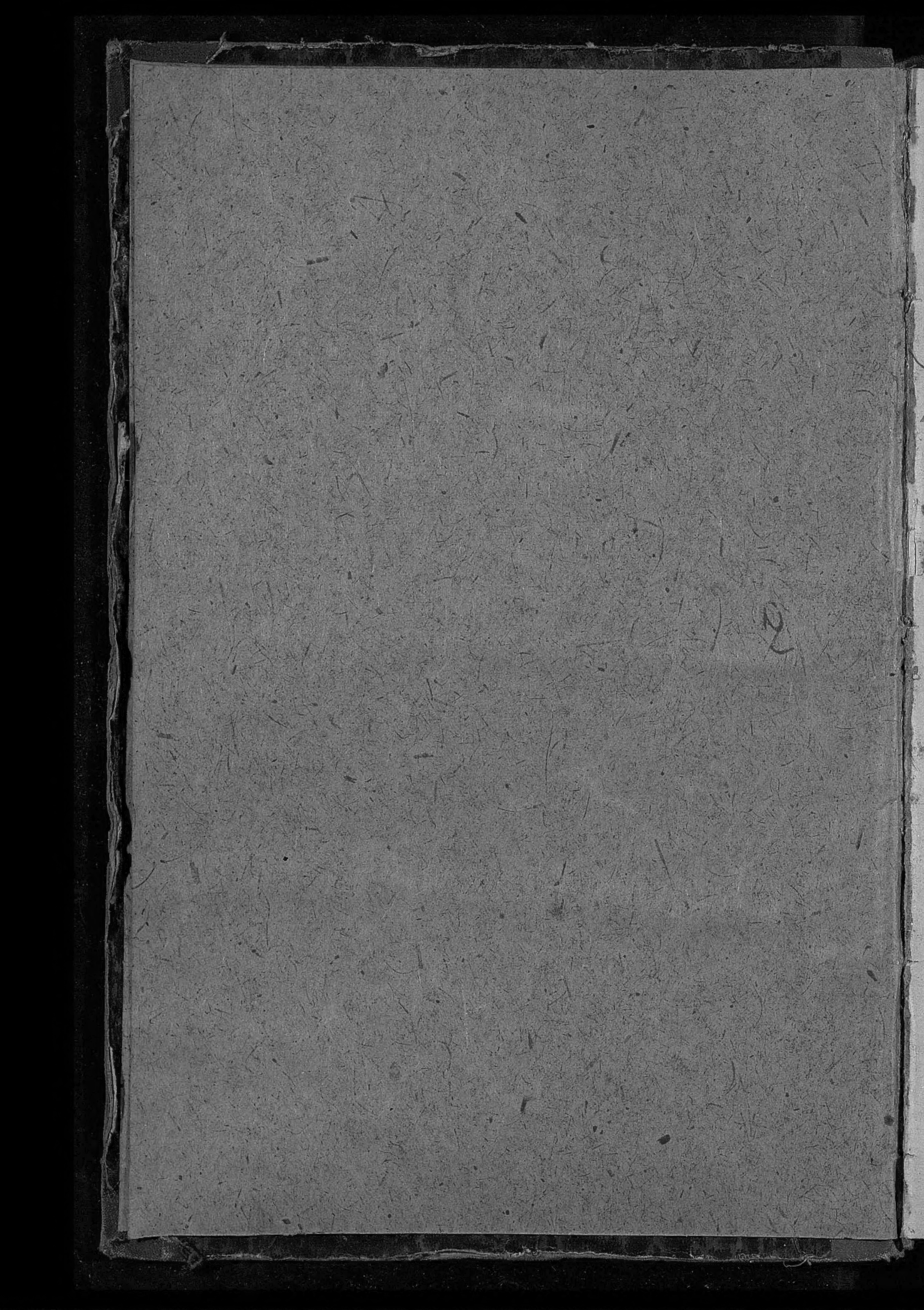

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

ПЯТИДЕСЯТЫЙ ГОДЪ.

НОЯБРЬ.

Редакцiя и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

ПЕТРОГРАДЪ.

1915.

Типогр. т-ва „Общественная Польза“, Петроградъ, Б. Подъяч., 39.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ.—НОЯБРЬ.

О Т Ъ Р Е Д А К Ц І И. Рукописи, присылаемыя въ редакцію для просмотра, должны быть переписаны на пишущей машинѣ и на одной сторонѣ листа; на отвѣтъ редакціи и на возвратъ рукописи заказной бандеролью должны быть приложены марки.

Пріемъ редакторовъ: А. С. Посникова — по субботамъ отъ 4½ до 5½ ч., Д. Н. Овсянико-Куликовскаго — по средамъ отъ 2 до 3 ч. (кромѣ праздниковъ).

Съ К. К. Арсеньевымъ—сношенія письменно по адресу: Царское Село, Церковная улица, д. Сутугиной.

Пріемъ секретаря—по средамъ отъ 11 до 1 ч., а также въ часы пріемовъ редакторовъ (кромѣ праздниковъ).

ПЕРЕДЪ ЛИЦОМЪ СМЕРТИ.

Разсказъ.

I

Хриплымъ ревомъ гудка разрѣзая утреннюю тишину, пароходъ быстро приближался къ берегу. Уже ясно были видны кудрявые склоны горъ, дремлющихъ въ голубыхъ туманахъ. Изъ зелени уютно выглядывали бѣлыя дачи и, сіяя золочеными куполами, воздушно возносилась къ небу игрушечная церковь, вокругъ которой, точно черные монахи, стояли на-стражѣ угрюмые кипарисы. Взошло солнце. Тысячами розовыхъ блестокъ разсыпалось оно по морской лазури, зажгло привѣтственные огни на горныхъ вершинахъ, жаркими лучами развѣяло прохладу ночи. И всѣмъ, кто ѣхалъ сюда въ первый разъ, казалось, что и жизнь здѣсь такая же яркая, радостная и красивая, какъ этотъ бѣлый городокъ, синее море и зеленыя горы, обласканныя солнцемъ.

На пароходѣ началось движеніе. Забѣгали матросы, гремѣла якорная цѣпь, заспанные пассажиры поспѣшно приводили въ порядокъ свой багажъ и свои костюмы. Нарядныя дамы, офицеры, грязные турки въ разноцвѣтныхъ лохмотьяхъ, простыя женщины съ кричащими ребятами на рукахъ,—все это смѣшалось въ одну пеструю, шумную толпу, и каждый старался поближе протиснуться къ трапу, чтобы скорѣе получить мѣсто въ фелюгѣ и высадиться на берегъ. Но Иванъ Михайловичъ Тихомоловъ не торопился. Багажу у него было немного, на берегу его никто не встрѣчалъ, и, стоя на верхней палубѣ, онъ съ тайнымъ волненіемъ и любопытствомъ всматривался въ ажурныя очертанія дачъ, разсыпанныхъ среди садовъ, стараясь угадать, въ которой изъ нихъ живетъ его жена, Дарья Львовна, съ дѣтьми, Витечкой

и Алешей. Въ этомъ году они въ первый разъ рѣшили провести лѣто на побережьи и такъ какъ дача была нанята заочно, черезъ знакомыхъ, а Дарья Львовна уѣхала гораздо раньше, то для Ивана Михайловича все здѣсь было ново, и потому таинственно и интересно. О днѣ своего пріѣзда онъ не извѣщалъ нарочно, желая сдѣлать сюрпризъ (ребятишки особенно любили такіе сюрпризы!),—но кромѣ сюрприза было еще нѣчто, побудившее его пріѣхать неожиданно, и, хотя онъ самъ себѣ стыдился въ этомъ признаться, «нѣчто» это все время грызло его душу, отчего онъ такъ и волновался, вглядываясь въ привѣтливо улыбавшійся городокъ. Что-то ждетъ его тамъ...

Между тѣмъ къ пароходу подошли фелюги, и подъ оглушительный грохотъ лебедки, подъ гортанные крики турокъ-фелюжниковъ, пассажиры начали спускаться по трапу внизъ. Море было тихое, только чуть-чуть морщилось отъ дыханія легкаго бриза, поэтому посадка обошлась безъ особенныхъ аховъ и оховъ. Тихомоловъ выждалъ, когда на палубѣ стало немного посвободнѣе, сѣлъ въ послѣднюю фелюгу и скоро былъ на каменистомъ пляжѣ, гдѣ грузинъ-извозчикъ съ удивительными черносливинами вмѣсто глазъ предложилъ ему свой фаэтонъ-корзину съ бархатнымъ сидѣньемъ и бѣлымъ балдахиномъ надъ головой.

— Дачу Соломониди знаешь?—спросилъ Иванъ Михайловичъ.

Черносливины такъ и засіяли, и всѣ тридцать два зуба предъявили Ивану Михайловичу свою ослѣпительную бѣлизну и несокрушимую крѣпость.

— Какже нэ знаэмъ! Знаэмъ! Садысь, сычасъ поѣдемъ.

И въ то время, какъ лошади медленно поднимались въ гору, извозчикъ, обернувшись къ Ивану Михайловичу, добавилъ:

— Тамъ барына живетъ, карасывый, волоса желтый, какъ кукуруза, ой-ой-ой!

Иванъ Михайловичъ ощутилъ въ груди непріятный холодокъ: красивая барыня съ желтыми волосами была несомнѣнно она, Дарья Львовна...

Да, это видно, что Дорочка не теряла здѣсь времени даромъ, если каждый извозчикъ ее знаетъ.

— Ну, а ты поѣзжай, поѣзжай!—строго сказалъ онъ, давая этимъ понять, что всякіе частные разговоры кончены.

Мимо магазиновъ съ зеркальными окнами, турецкихъ и греческихъ кофеенъ, газетныхъ кіосковъ и неизбѣжнаго кинематографа съ громкимъ названіемъ «Олимпъ» они поднялись на гору, и фаэтонъ, мягко покачиваясь на рессорахъ, покатилъ по

широкой улицѣ, похожей больше на аллею какого-нибудь загороднаго парка. За сквозистыми стѣнами каштановъ, лавровъ и кружевныхъ криптомерій мирно дремали тихія дачи, изъ-за изгородей свѣшивались розовые и бѣлые гроздья олеандровъ, раскаленными угольками вспыхивало гранатовое дерево, лились душистые каскады розъ.—Ихъ было особенно много: блѣдныя, золотистыя, нѣжно-розоватыя, наконецъ, темно-багровыя, какъ запекшаяся кровь, онѣ обвивали балконы и веранды, выползали на улицу, перепутываясь съ колючей ежевикой, и струили сладкій, опьяняющій запахъ, отъ котораго кружилась голова. Не этотъ ли розовый дурманъ вскружилъ и желтоволосую головку Дорочки?

Извозчикъ обернулся и опять показалъ Тихомолову всѣ свои тридцать два зуба.

— Барынъ, ты первый разъ здѣсь?

— Да,—холодновато отвѣчалъ Иванъ Михайловичъ.

— И въ другой разъ прыэдишь! У насъ хорошо, ой-ой-ой какъ, самъ видалъ. Лѣсъ, гора, гуляй туда-сюда, хочешь паркъ музыка слушать—иди паркъ; хочешь гора ѣхать—бери лошадь, у меня хорошій лошадь есть.

Иванъ Михайловичъ чуть было не спросилъ: «А барыня съ желтыми волосами брала у тебя лошадь?», но устыдился: ужъ очень выходило похоже на слѣдопытство. И, разсердившись на себя, сорвалъ досаду на разговорчивомъ извозчикѣ:

— Поѣзжай, поѣзжай, голубчикъ, послѣ когда-нибудь поговоримъ...

Но фаэтонъ и безъ его понуканій быстро мчался по гладкому, какъ паркетъ, шоссе. Теперь они уже ѣхали подъ гору, и направо, сквозь зеленое кружево буковой рощи, переливчато засверкало море. Иванъ Михайловичъ невольно залюбовался. Да, здѣсь красиво, и все было бы хорошо, если бы не то...

Онъ досталъ изъ дорожной сумки пачку мелко исписанныхъ листочковъ и сталъ перечитывать подчеркнутыя мѣста: «...вчера мы съ Георгіемъ Александровичемъ ѣздили на водопады. Это была удивительная прогулка; жаль, что тебя не было съ нами. Воображаю, каково тебѣ сидѣть въ пыльномъ городѣ и корпѣть надъ этими противными бумагами. Когда же, наконецъ, ты получишь отпускъ, бѣдняжечка ты мой?» «...Знаешь, Ваня, у Георгія Александровича необыкновенная способность сходиться съ дѣтьми. Ты не можешь себѣ представить, какъ Витя и Алеша привязались къ нему. Безъ него я прямо не могла бы справиться съ этими сорванцами»... «Я сдѣлала открытіе:

Георгій Александровичъ оказывается не только адвокатъ, но и поэтъ...» И такъ далѣе, и такъ далѣе: Георгій Александровичъ, у Георгія Александровича, съ Георгіемъ Александровичемъ... точно кромѣ Георгія Александровича никого и ничего нѣтъ на свѣтѣ...

— Барынъ, прыэхали!

II.

И здѣсь та же сонная тишина, тѣ же олеандры, лавры и кипарисы, то же сверкающее море смѣется сквозь листву,—и розы, розы, розы безъ конца... Изъ калитки выскочила злющая на видъ собаченка, черная, въ рыжихъ пятнахъ, зарычала, оскаливъ острые, какъ иголки, зубы, и скрылась. Иванъ Михайловичъ пошелъ за ней и очутился въ трепещущемъ сумракѣ виноградной аллейки, въ концѣ которой виднѣлась большая веранда, задернутая парусиновыми драпировками. Собачонка уже рычала и тявкала оттуда. Мелькнуло розовое платье, и знакомый голосъ крикнулъ:

— Шайтанка, цыцъ, вотъ я тебя!

— Саша, это вы?—негромко спросилъ Тихомоловъ.

— Батюшки, баринъ!..

И, шурша юбками, нянька Саша, загорѣлая, какъ цыганка, весело блестя глазами, сбѣжала съ веранды навстрѣчу Ивану Михайловичу.

— Здравствуйте, баринъ, да какъ же это вы, да когда же?..

— Тише, Сашенька... Наши спятъ?

— Спятъ, а я только съ базара пришла. Господи, вотъ радость-то, а мы ужъ ждали-ждали!..

— Ну, хорошо, хорошо, вы идите, расплатитесь съ извозчикомъ и возьмите вещи, а я пройду къ нимъ. Куда идти-то?

— А вотъ прямо, это нашъ балконъ и есть, тамъ не заперто, войдите въ дверь, сейчасъ налѣво спальня.

Въ сопровожденіи все еще рычащаго Шайтанки Саша побѣжала за вещами, а Иванъ Михайловичъ прошелъ на террасу. Здѣсь стоялъ большой обѣденный столъ; въ углу качалка, по полу разбросаны дѣтскія лопатки, мячики, кегли и всюду, какъ неизбѣжная принадлежность каждаго приморскаго курорта, груды разноцвѣтныхъ обточенныхъ прибоемъ камешковъ. Съ чувствомъ внезапно вспыхнувшей нѣжности и умиленія Иванъ Михайловичъ подобралъ съ пола чей-то забытый крошечный башмачекъ

и осторожно, на цыпочкахъ, прокрался въ спальню. На него пахнуло душнымъ тепломъ и приторнымъ запахомъ увядающихъ розъ; жалюзи были спущены, но солнце проникало въ щели и наполняло комнату зеленоватымъ полусвѣтомъ. У стѣны на своихъ кроваткахъ, разметавшись, спали мальчуганы; за китайскими ширмами стояла кровать жены. Тихомоловъ сначала постоялъ около сыновей, любуясь на ихъ смѣшно разинутые рты и милыя мордочки, которыя и во снѣ сохраняли характерныя особенности обоихъ братьевъ: у старшаго, семилѣтняго Вити— легкомысліе и стремительность, а у Алеши—серьезную задумчивость: «Этотъ несчастный будетъ!», почему-то подумалъ про Алешу Иванъ Михайловичъ и, вздохнувъ, перешелъ къ Дарьѣ Львовнѣ. Она лежала къ нему спиной; при видѣ ея загорѣлыхъ плечъ и негустой косы золотистаго оттѣнка онъ сильно взволновался, потомъ рѣшительно шагнулъ впередъ, опустился на колѣни и поцѣловалъ горячую, влажную щеку.

Дарья Львовна, по-кошачьи выгибая спину, сладко потянулась, прошептала что-то и еще въ полуснѣ закинула обѣ руки за шею мужа. Но вдругъ вздрогнула, открыла глаза и удивленная поднялась.

— Ваня, это ты? Господи! Откуда это? Когда? Отчего не телеграфировалъ?

Иванъ Михайловичъ, весь блѣдный, растерянно смотрѣлъ на жену. Почему она точно испугалась, когда увидѣла его передъ собой? И кому же въ такомъ случаѣ были адресованы ея полусонныя объятія?..

— Ну, Ваничка, такъ невозможно! — продолжала Дарья Львовна своимъ обычнымъ, немного капризнымъ тономъ, какъ будто они разстались только вчера, а не два мѣсяца тому назадъ.— Мы такъ ждали, хотѣли встрѣчать, и вдругъ пріѣхать потихоньку, не предупредить, что за фантазія?

— Какъ бы то ни было, да вѣдь пріѣхалъ же!—принуждая себя улыбнуться, сказалъ Иванъ Михайловичъ.—А ты меня такъ встрѣчаешь, что можно подумать, будто ты совсѣмъ не рада...

— Какія глупости!—возразила Дарья Львовна и, потянувшись, зѣвнула.—Еще вчера мы точно предчувствовали, цѣлый вечеръ о тебѣ вспоминали съ Георгіемъ Александровичемъ.

Опять Георгій Александровичъ... Иванъ Михайловичъ непріятно засмѣялся

— Чрезвычайно польщенъ. Ну-съ, а что же такое вы вспоминали обо мнѣ съ Георгіемъ Александровичемъ?

Дарья Львовна уловила ироническія ноты въ голосѣ мужа и сейчасъ же пустила въ ходъ самое дѣйствительное средство изъ арсенала своихъ женскихъ чаръ: протянула къ Ивану Михайловичу тоненькія голыя руки и сдѣлала тѣ особенные, до святости наивные глаза, за которые кто-то прозвалъ ее «сестрой Беатрисой».

— Нѣтъ, Ваня, ты гадкій, гадкій, я отъ тебя этого не ожидала! И еще сердится, скажите, пожалуйста... Ну, нечего дуться, иди сюда, вѣдь мы съ тобой еще не поздоровались, котикъ ты мой милый...

Вся теплая, пахнущая розами, она притянула его къ себѣ и, разглаживая опущенные книзу усы, шептала между поцѣлуями:

— Нѣтъ, безъ меня ты совсѣмъ испортился. Ну что это, волосы зачѣмъ-то сбрилъ, усы не подстрижены, здѣсь морщина, и здѣсь тоже, и здѣсь... фу, какъ это некрасиво! Что значитъ — остаться безъ жены. Нѣтъ, тутъ у насъ такъ нельзя. Тутъ даже старички молодятся. Вотъ погоди, мы тебя преобразимъ...

«Съ Георгіемъ Александровичемъ!» — хотѣлъ было сказать Иванъ Михайловичъ, и не сказалъ, потому что ротъ его былъ зажатъ поцѣлуемъ.

— И все-таки я тебя люблю, милый ты, милый, хотя и безконечно гадкій мой котикъ... Ну, цѣлуй же, цѣлуй, крѣпче, крѣпче, вотъ такъ!..

Иванъ Михайловичъ цѣловалъ, а самъ думалъ: — «Не то, не то!.. и зачѣмъ она такъ много говоритъ? Нѣтъ, не то!..»

Ихъ голоса разбудили дѣтей. Витя первый поднялъ голову съ подушки и насторожился. Потомъ съ крикомъ: — «Папа пріѣхалъ!..» дернулъ брата за ногу, выскочилъ изъ кроватки и, пока медлительный Алеша еще обдумывалъ, какъ ему поступить, Витя уже успѣлъ осѣдлать отцовскую шею.

— Папочка, папочка! — пронзительно визжалъ онъ, барабаня голыми ножонками по груди Ивана Михайловича. — А какую лодочку сдѣлалъ намъ Георгій Александровичъ!..

III.

Пили чай на верандѣ. Занавѣски отдернули, и вся она наполнилась сверканіемъ и игрою солнечныхъ отраженій, за которыми какъ будто гонялись зеленыя руки виноградной лозы, раскинувшей надъ верандой свою узорчатую сѣнь. Моря не было

видно, но оно чувствовалось совсѣмъ близко, и Витя увѣрялъ, что во время большого прибоя до ихъ дачи долетаютъ брызги. Ему не вѣрили, онъ спорилъ, кричалъ, суетился и совершенно оглушилъ Ивана Михайловича. Но и взрослые не отставали отъ него; даже толстенькая, кругленькая Саша, въ своемъ розовомъ платьѣ похожая на только-что выдернутую изъ грядки редиску, непрерывно вставляла замѣчанія въ общій разговоръ. Какъ всегда это бываетъ послѣ долгой разлуки, говорили всѣ разомъ, не слушая и перебивая другъ друга, разсказывали разныя маленькія событія изъ своей жизни, и каждому хотѣлось сообщить что-нибудь особенное. Конечно, въ разсказахъ чаще всего упоминался Георгій Александровичъ и еще какое-то «черное домино».

— Что это за домино такое?—спросилъ Иванъ Михайловичъ.

Дарья Львовна оживилась.

— Ахъ, это очень интересно!.. Она живетъ тоже на нашей дачѣ, только на верху. Таинственная особа. Мы ее прозвали такъ потому, что она всегда въ черномъ шелковомъ капотѣ,— даже въ самую страшную жару. И представь,—добавила она по-французски,—капотъ, а подъ нимъ ничего... одни только блѣдно-розовые длинные чулки и зеленыя подвязки. Оригинально, не правда ли?

— Однако, у васъ тутъ и нравы!—поморщившись, сказалъ Тихомоловъ.

— Ахъ, Ваничка, ну что жъ тутъ такого? Самые обыкновенные курортные нравы! Вѣдь сюда пріѣзжаютъ не науками заниматься, а отдохнуть, поправиться, повеселиться. Я тоже рѣшила, что здѣсь ни одной книжки въ руки не возьму,—развѣ только что-нибудь очень легонькое на ночь. И не брала!

— Это и видно...—язвительно пробормоталъ Иванъ Михайловичъ.

Дарья Львовна сдѣлала нетерпѣливую гримаску.

— Охъ, какой ты скучный! Что же, по-твоему, астрономіей что ли здѣсь заниматься? Покорно благодарю... Нѣтъ ужъ, мы тебѣ тутъ серьезничать не позволимъ, у насъ этого нельзя!

Это «мы» и «у насъ» начали бѣсить Ивана Михайловича; въ своей собственной семьѣ онъ вдругъ почувствовалъ себя чужимъ и одинокимъ. Насупившись и лаская прикурнувшаго у него на колѣняхъ Алешу, онъ сказалъ:

— Да, весело вы тутъ живете. Тебя, Дора, знаетъ даже извозчикъ, который меня привезъ.

Ему показалось, что жена немного смутилась. Прищуривъ глаза, она спросила небрежно:

— Какой извозчикъ?

И, когда Иванъ Михайловичъ разсказалъ, всѣ засмѣялись, а Витя, хлопая въ ладоши, закричалъ:

— Это Карасинъ, Карасинъ! Его зовутъ Герасимъ, а онъ говоритъ «Карасинъ». Мы съ нимъ ѣздили на перевалъ снѣжныя горы смотрѣть, ахъ, папа, какъ было весело! Мы и съ тобой туда поѣдемъ.

Иванъ Михайловичъ немного успокоился.—А можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ ничего нѣтъ дурного, просто онъ самъ себя такъ настроилъ, вотъ и лѣзутъ въ голову разныя подозрѣнія. И, замѣтивъ, что Дарья Львовна какъ будто надула губки, онъ примирительно спросилъ:

— А гдѣ же Георгій Александровичъ живетъ?

Ему отвѣтилъ опять всезнающій Витя. Живетъ совсѣмъ недалеко въ пансіонѣ, а ходитъ къ нимъ каждый день... У него есть аппаратъ, и онъ ихъ всѣхъ снялъ—и Сашу, и Карасина, и Шайтанку... А потомъ онъ умѣетъ рисовать смѣшныхъ человѣчковъ и представлять разныхъ животныхъ... А потомъ, а потомъ... и снова полились разсказы, въ которыхъ главную роль игралъ все тотъ же Георгій Александровичъ. Вспомнила что-то и Саша и, ухмыляясь, сказала:

— А какая у насъ намедни происшествія была,—съ чернымъ доминомъ-то. Разскажите, Витечка!

Но Витечка не успѣлъ разсказать, потому что явился самъ Георгій Александровичъ. Увидѣвъ Ивана Михайловича, сначала удивился, потомъ выразилъ шумную радость и даже расцѣловался. Раньше, когда онъ бывалъ въ домѣ у Тихомоловыхъ, Иванъ Михайловичъ не обращалъ на него никакого вниманія,— самый обыкновенный молодой человѣкъ, и больше ничего. Но теперь онъ разсматривалъ его съ жгучимъ интересомъ и, помимо своей воли, особенно останавливался на отрицательныхъ чертахъ. Съ мужской точки зрѣнія Георгій Александровичъ даже не былъ красивъ. Плотный, съ широкимъ тазомъ, при невысокомъ ростѣ, онъ казался черезчуръ толстымъ, а его нѣжный цвѣтъ лица, большіе голубые глаза, маленькій розовый, какъ у женщины, ротъ, кудрявая русая бородка и такіе же волосы дѣлали его похожимъ на парикмахерскую куклу. Зато у него было то, чего не было у Ивана Михайловича: жизнерадостная моходость и какая-то чисто-дѣтская общительность, съ которою онъ подходилъ ко всѣмъ людямъ и во всякомъ обществѣ сейчасъ

же становился своимъ человѣкомъ. Въ этомъ, должно быть, и таился секретъ обаятельности Георгія Александровича. Все черезчуръ сложное пугаетъ и отталкиваетъ, а онъ былъ простъ и понятенъ,и не только не принуждалъ никого приноравливаться къ себѣ, напротивъ, самъ никогда не пытался стать выше общаго уровня. Оттого-то и было съ нимъ такъ легко, весело и пріятно.

На верандѣ его встрѣтили съ распростертыми объятіями. Кислая гримаса на лицѣ Дарьи Львовны смѣнилась очаровательной улыбкой, порозовѣли щеки, заблестѣли глаза, она сразу помолодѣла и похорошѣла вдвое. Витя, болтая ногами, повисъ у гостя на шеѣ, потомъ обслѣдовалъ его карманы и изъ одного вытащилъ огромную грушу, а изъ другого—хорошенькую раковину. Нянька Саша какъ расплылась въ восхищенной улыбкѣ, такъ и осталась; даже зубастый Шайтанка выползъ изъ какого-то потаеннаго угла и радостно заплясалъ вокругъ Георгія Александровича на своихъ кривыхъ ногахъ. Но особенно глубоко уязвило Ивана Михайловича то, что и солидный Алеша, его любимецъ, такъ похожій на него и лицомъ и характеромъ, потихоньку сползъ съ отцовскихъ колѣнъ и тоже перебрался поближе къ молодому человѣку. Тихомоловъ закусилъ губы, и лицо его приняло знакомое Дарьѣ Львовнѣ деревянное выраженіе, которое всегда являлось у него въ минуты раздраженія и досады.

Ничего не подозрѣвая, Георгій Александровичъ какъ ни въ чемъ не бывало разсѣлся на качалкѣ и, вытянувъ свои коротенькія ножки въ безукоризненно-бѣлыхъ ботинкахъ, началъ разспрашивать Ивана Михайловича, какъ онъ доѣхалъ и что новаго у нихъ въ городѣ—вышла ли замужъ Лиза Иванова, куда поѣхали на дачу Степановы, получилъ ли наслѣдство Ѳедоровъ. Иванъ Михайловичъ отвѣчалъ сдержанно и сухо, и мало-по-малу Георгій Александровичъ совершенно завладѣлъ разговоромъ. Разсказалъ нѣсколько забавныхъ анекдотовъ, представилъ въ лицахъ, какъ у нихъ въ пансіонѣ двѣ дамы поссорились изъ-за моднаго тенора, наконецъ, изобразилъ, какъ взвивается и лопается ракета,—ж-ж-ж-пафъ!—чѣмъ привелъ ребятишекъ въ неистовый восторгъ. Помѣстившись у него на колѣнкахъ—Витя на одной, Алеша на другой—они визжали, хлопали въ ладошки и требовали повторенія. Смѣялась и Дарья Львовна. Возбужденная, съ растрепавшимися волосами, она взглядывала иногда на мужа, какъ бы приглашая его принять участіе въ общемъ весельѣ, но, встрѣтивъ деревянный ликъ съ угрюмо насупленными бровями, снова поворачивалась къ Георгію Александровичу и бросала ему какую-

нибудь коротенькую фразу, на которую онъ немедленно отвѣчалъ. Казалось, они понимали другъ друга съ полуслова и даже думали одинаково, потому что часто Дарья Львовна начинала говорить, а онъ доканчивалъ, и оба смѣялись надъ такимъ страннымъ совпаденіемъ. Иванъ Михайловичъ сидѣлъ всѣми забытый и еще острѣе чувствовалъ свое отчужденіе и одиночество.— «Душа общества»!.. думалъ онъ иронически, прислушиваясь къ мягкому, пріятному голосу Георгія Александровича.—«Шутъ гороховый... сусальный херувимъ!.. И что такое можетъ въ немъ нравиться, не понимаю».

Когда Георгій Александровичъ ушелъ и Саша увела дѣтей на берегъ моря, Дарья Львовна вдругъ какъ-то вся потухла и встала.

— Ты куда?—спросилъ Иванъ Михайловичъ.

— Пойду купаться, уже двѣнадцать, а въ два часа намъ принесутъ обѣдъ.

— Погоди, купанье еще не уйдетъ,—сказалъ Иванъ Михайловичъ и измѣнившимся голосомъ добавилъ тихо:—Дорочка... я не видѣлъ тебя два мѣсяца, кажется, намъ есть о чемъ поговорить. И вотъ мы одни, а ты уже хочешь отъ меня бѣжать. Что это значитъ?

— О, Господи!—со скукой вздохнула Дарья Львовна.— Да ничего не значитъ... Ты, Ваня, сталъ какой-то странный, право.

— Я странный?

— Ну да! Развѣ я не вижу, что ты все время на что-то злишься? Пришелъ человѣкъ, а онъ сѣлъ въ уголъ, какъ мумія, говоритъ сквозь зубы, даже невѣжливо, я просто какъ на иголкахъ сидѣла, такъ мнѣ было стыдно за тебя.

— А что же мнѣ прикажешь радоваться и скалить зубы, когда этотъ вашъ ососъ говоритъ всякую ерунду?

— Что это еще за выраженіе такое—«ососъ»?—вспыхнувъ, спросила Дарья Львовна.

— Не притворяйся, прекрасно понимаешь, что это значитъ. И предупреждаю, я вовсе не намѣренъ восхищаться, какъ всѣ вы, балаганнымъ остроуміемъ и пряничной рожей этого господинчика.

— Фу, какъ это грубо, какъ некрасиво!..—воскликнула Дарья Львовна.—Макаревичъ совсѣмъ этого не заслуживаетъ, и ты не имѣешь никакого права такъ къ нему относиться. Онъ очень, очень хорошій человѣкъ.

— Ага,—Макаревичъ хорошій, а я, стало быть, извергъ,

скучная мумія и что еще? Отлично, теперь я вижу, что пріѣхалъ не во-время и помѣшалъ вашему пріятному времяпрепровожденію...

Они посмотрѣли другъ на друга пылающими глазами... И вдругъ Дарья Львовна громко расхохоталась.

— Ваничка, да ты не ревнуешь ли, чего добраго? О, Господи, вотъ смѣшно-то! Ну, послѣ этого намъ съ тобой и говорить нечего...

Продолжая смѣяться и нервно комкая въ рукахъ платокъ, она пошла въ комнаты. Иванъ Михайловичъ испугался.—Можетъ быть, и даже навѣрное, между женой и Макаревичемъ нѣтъ ничего серьезнаго, а онъ, высказывая свои ревнивыя подозрѣнія, самъ наталкиваетъ Дарью Львовну на дурныя мысли. Ему вдругъ вспомнилась Андреевская Катерина Ивановна, о которой у нихъ было такъ много споровъ въ позапрошломъ году, и онъ, мысленно раскаиваясь въ своей нелѣпой вспышкѣ, побѣжалъ за Дарьей Львовной. Она стояла въ спальнѣ передъ зеркаломъ съ купальной простыней на плечѣ и голубой чадрой завязывала свою бѣлокурую головку. И, любуясь ея высокой, стройной фигурой, Иванъ Михайловичъ почувствовалъ къ ней страстную нѣжность мужчины и въ то же время радостную гордость обладателя.

— Дорочка...—виновато заговорилъ онъ.—Ты, пожалуйста, не подумай, что я это въ серьезъ... Я и не думаю тебя ревновать... считаю даже унизительнымъ для себя... въ моихъ глазахъ ты выше всякихъ подозрѣній. Нѣтъ, просто мнѣ стало досадно и немножко больно. Вѣдь я сюда не ѣхалъ, а прямо на крыльяхъ летѣлъ,—такъ стосковался о тебѣ, такъ мечталъ наговориться съ тобой, наглядѣться на тебя,—пріѣзжаю, и вдругъ что же? Приходитъ этотъ господинъ, цѣлое утро у васъ съ нимъ болтовня и хохотъ, а для меня ни одной минутки. Я не спорю, можетъ быть, онъ милый и прекрасный человѣкъ, но согласись, Дорочка, вѣдь досадно же...

— Просто ты усталъ съ дороги, вотъ тебѣ и кажется Богъ знаетъ что...—рѣзко сказала Дарья Львовна и, окончивъ свою прическу, вышла.

IV.

Наступилъ огненный вечеръ и превратилъ сады и дачи въ пылающіе костры. Съ горъ дохнуло свѣжестью, какъ будто вѣчные снѣга прислали оттуда свой ледяной привѣтъ; еще нѣжнѣе и слаще запахли розы. Въ паркѣ играла музыка, и смягченные

разстояніемъ звуки вальса кружили голову и наполняли сердце сладостной грустью. Но вотъ, точно потушенные чьею-то невидимой рукой, угасли небесные факелы, пепломъ покрылись раскаленныя облака, синяя вуаль ночи упала на землю, и живыми брилліантами замелькали въ сумракѣ свѣтящіеся мингрельскіе жучки.

Иванъ Михайловичъ сидѣлъ на верандѣ. Онъ выспался послѣ обѣда, хорошо отдохнулъ и былъ настроенъ болѣе благодушно, хотя передъ нимъ на качалкѣ опять непринужденно развалился Георгій Александровичъ и что-то разсказывалъ своимъ мягкимъ теноркомъ. Ивана Михайловича теперь не раздражали ни этотъ голосъ, ни бѣлыя ботинки; однимъ ухомъ онъ слушалъ Георгія Александровича, другимъ старался поймать мотивъ вальса; на колѣняхъ у него комочкомъ свернулся Алеша, и Тихомолову было трогательно-пріятно ощущать на своей груди теплое, маленькое тѣльце сына. Онъ тихонько гладилъ его по черненькой головкѣ и думалъ, что что бы ни случилось, вотъ этого у него уже не отниметъ никто.

— Послушай, Ваня, да онъ у тебя давно спитъ!—сказала Дарья Львовна.—Пора ихъ укладывать; не знаю, гдѣ это запропастилась Саша съ Витей.

— Ну что жъ, укладывать, такъ укладывать,—согласился Иванъ Михайловичъ, хотя ему не хотѣлось трогаться съ мѣста.—Алексѣй Иванычъ, слышишь, что мама говоритъ? Спать пора!

Алеша поднялъ голову и соннымъ голосомъ сказалъ:

— Папочка, ты меня самъ уложи и разскажи сказку.

Иванъ Михайловичъ отнесъ его въ спальню и сталъ раздѣвать. Вслѣдъ за ними ворвался и Витя и тоже потребовалъ, чтобы его раздѣвалъ «самъ папочка». Было много возни съ лифчиками и штанишками; наконецъ, кое-какъ раздѣлись и, уже лежа въ кроваткахъ, оба въ одинъ голосъ напомнили:—«Ну, теперь сказку!»

— Сказку? Гм!.. (Иванъ Михайловичъ улыбался; не мастеръ онъ былъ разсказывать сказки).—Какую же вамъ сказку? Ну, хорошо, слушайте. Жилъ-былъ въ лѣсу одинъ карликъ...

— Это такой маленькій человѣчекъ?—перебилъ Витя.

— Да-да, а ты слушай. Ну вотъ, жилъ онъ въ лѣсу, жилъ и поживалъ...

— А гдѣ жилъ? У него былъ тамъ домикъ?

— Да нѣтъ, онъ въ дуплѣ жилъ. Вотъ одинъ разъ сидитъ онъ подъ деревомъ и думаетъ: ахъ, какъ хорошо мнѣ жить!..

— А дѣти у него были?

— Не знаю, должно быть, были. И вдругъ приходитъ въ лѣсъ великанъ...

— Зачѣмъ?

— Просто погулять пришелъ. И не замѣтилъ, что карликъ подъ деревомъ сидитъ...

— Такой былъ огромный?—воскликнулъ Витя и даже сѣлъ въ кроваткѣ.

— А ты лежи, лежи! Ну, конечно,—вѣдь великанъ, значитъ, огромный.

— Съ самое большое дерево?

— Можетъ, и съ дерево.

— Ну?

— Ну пришелъ, не замѣтилъ карлика, наступилъ на него и раздавилъ.

— Ну, зачѣ-ѣмъ!..—недовольно протянулъ Витя.—Не надо—раздавилъ...

— Да вѣдь это сказка,—оправдывался Иванъ Михайловичъ.—Вѣдь карлики и великаны только въ сказкахъ бываютъ, а на свѣтѣ ихъ нѣтъ.

— И все-таки не надо, чтобы раздавилъ! Нехорошая сказка. Мнѣ жалко карлика...

— И мнѣ тоже!—отозвался до сихъ поръ молчавшій Алеша, про котораго Иванъ Михайловичъ думалъ, что онъ давно спитъ.—Очень жалко карлика, а великанъ совсѣмъ гадкій... (онъ подумалъ и неожиданно прибавилъ):

— Отчего это, папа, ты всегда разсказываешь страшныя сказки, а Георгій Александровичъ—смѣшныя?

— Оттого, что онъ молодой, а я старый,—шутя, отвѣчалъ Тихомоловъ.

— Неправда, неправда, и ты молодой. Я, папочка, тебя очень люблю...

— Ну, и отлично, и спи.

Онъ выждалъ, когда мальчики затихли, и вернулся на веранду. Тамъ стало еще темнѣе, смутно бѣлѣли фигуры Дарьи Львовны и Макаревича. Тихонько поскрипывала качалка и явственно было слышно, какъ въ паркѣ надрывисто пѣла валторна: «Что день грядущій мнѣ готовитъ»...

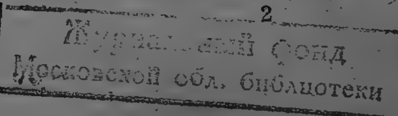
— Ну что, уснули?—спросила Дарья Львовна.

— Да, только моя сказка ихъ очень огорчила.

— Какая сказка?—почему-то встревожилась Дарья Львовна.

— Про карлика, котораго великанъ раздавилъ.

— Ну, зачѣмъ это!—совершенно такимъ же тономъ, какъ

давеча Витя, сказала Дарья Львовна.—Я противъ того, чтобы дѣтямъ разсказывать такія исторія, отъ которыхъ они плачутъ. Успѣютъ еще наплакаться, когда выростутъ.

— Я съ вами согласенъ,—осторожно замѣтилъ Георгій Александровичъ. (Ивану Михайловичу показалось, что онъ вообще сталъ говорить гораздо осторожнѣе, чѣмъ утромъ).—Помоему, не слѣдуетъ черезчуръ рано знакомить дѣтей съ темными сторонами жизни. Это придетъ само собой, а пока они малы, пусть радуются, смѣются и все видятъ въ розовомъ свѣтѣ.

— Ну, и выйдутъ кисляи,—рѣзко возразилъ Иванъ Михайловичъ.—Какъ столкнутся съ настоящей жизнью, да какъ увидятъ, что она вовсе не такая розовая, какъ рисовали имъ милые родители и воспитатели, вотъ и представьте себѣ, что это будетъ! Или вѣчное нытье, или разочарованіе, ужасъ, пуля въ лобъ, больше ничего.

— Но вѣдь и преждевременное знакомство съ отрицательными сторонами можетъ глубоко потрясти дѣтскую душу,—еще мягче и осторожнѣе вымолвилъ Георгій Александровичъ.

— Это уже другая крайность. Я вовсе не говорю, что дѣтямъ непремѣнно надо показывать однѣ отрицательныя стороны. Но я не понимаю, зачѣмъ отъ нихъ скрывать и сознательно замазывать то, что́ есть и что́ они видятъ. Пусть они входятъ въ жизнь подготовленными ко всѣмъ ея и темнымъ и свѣтлымъ явленіямъ; иначе они или растеряются и весь свой вѣкъ безполезно простоятъ въ сторонкѣ, или ихъ затолкаютъ и затопчутъ смѣлые хищники.

— Стало быть, по-вашему, дѣтямъ надо говорить все?—съ нѣкоторымъ вызовомъ въ голосѣ спросила Дарья Львовна.

— И опять крайность... Что такое-*все*? Всего дѣти и не могутъ понять. Но то, что они видятъ и о чемъ спрашиваютъ, надо имъ объяснять въ предѣлахъ ихъ пониманія и по возможности ближе къ правдѣ. Только не лгать... Ложь—это хуже всего. Только не лгать!

Замолчали, и въ наступившей тишинѣ еще слышнѣе стали звуки оркестра. «Но я другому отдана и буду вѣкъ ему вѣрна»... печально и строго пѣла Татьяна, и вспоминалось что-то старинное, милое, что̀ давно уже ушло въ вѣчность и не возвратится никогда.

— Нѣтъ, я все-таки не могу понять, что́ такого особеннаго въ моей сказкѣ,—взволнованнымъ голосомъ заговорилъ опять Иванъ Михайловичъ.—Великанъ раздавилъ карлика,—развѣ это невозможно? Да мы сами на каждомъ шагу давимъ

миллiоны живыхъ существъ и даже не замѣчаемъ этого.—Онъ на мгновенiе умолкъ, какъ бы ожидая возраженiя, но, не дождавшись, продолжалъ:—Вотъ сейчасъ мнѣ пришла въ голову одна мысль. Вотъ мы сидимъ здѣсь на террасѣ, слушаемъ музыку, наслаждаемся, а тамъ гдѣ-нибудь уже приближается къ намъ нѣчто грозное, страшная, невѣдомая бѣда, которая придетъ... и раздавитъ. Развѣ всѣ мы, бѣдные карлики земли, застрахованы отъ этого?

— Знаете, что?—порывисто вставая, сказала Дарья Львовна.—Пойдемте лучше къ морю... Тамъ теперь чудно хорошо!

— Пойдемте!—быстро согласился Георгiй Александровичъ.

V.

По той же виноградной аллейкѣ вышли на шоссе. Здѣсь было гораздо свѣтлѣе, чѣмъ на верандѣ; всюду виднѣлись оживленныя группы гуляющихъ, задорно звенѣлъ женскiй смѣхъ; звучно щелкая копытами, пронеслась кавалькада. Какъ-то незамѣтно случилось, что увлекшiеся разговоромъ Георгiй Александровичъ и Дарья Львовна ушли впередъ: она—тоненькая, высокая, вся воздушная въ своемъ бѣломъ платьѣ съ развѣвающимися лентами; онъ—приземистый, толстоногiй, на полголовы ниже ея ростомъ. Иванъ Михайловичъ смотрѣлъ на нихъ сзади и думалъ: «Неужели этотъ пижончикъ ей нравится? Не можетъ быть... не можетъ быть».

Въ паркѣ мимо нихъ промелькнула какая-то темная тѣнь. Дарья Львовна прiостановилась и, быстро обернувшись къ мужу, прошептала:

— Ваня, черное домино, вотъ она, вотъ она, смотри!

— Ну, Дорочка, какое мнѣ дѣло до вашего чернаго домино?—недовольно проговорилъ тотъ.

— Ахъ, какой ты, Ваня! Интересно...—И, засмѣявшись, она прибавила: — Вотъ бы тебѣ поухаживать за ней, право... предупреждаю заранѣе, я ревновать не буду.

— Ты съ ума сошла, Дора!—строго сказалъ Иванъ Михайловичъ.—Съ какой стати я стану ухаживать за посторонней женщиной?

— Ну, Ваня, ты всегда ужасно серьезно принимаешь! Просто для развлеченiя... это было бы очень забавно... Кстати, она очень красивая.

— Ну, матушка, такія развлеченія не въ моемъ вкусѣ. Старъ я для нихъ и неповоротливъ; предоставляю это Георгію Александровичу, онъ помоложе.

— Пробовалъ, Иванъ Михайловичъ,—добродушно отозвался Макаревичъ.

— Ну, и что же?

— Потерпѣлъ фіаско.

«А теперь ухаживаешь за моей женой!»—начиная раздражаться, подумалъ Иванъ Михайловичъ.—«Надѣешься здѣсь имѣть успѣхъ... Фу, какая гадость мнѣ лѣзетъ въ голову,—не надо, не надо думать объ этомъ!»

Въ аллеѣ, ярко освѣщенной электричествомъ, они опять встрѣтили «черное домино». Она стояла вся на свѣту, прислонившись къ дереву, и разсѣянно смотрѣла на гуляющихъ. Дарья Львовна впилась въ нее жаднымъ взглядомъ, какимъ женщины осматриваютъ другъ друга при встрѣчахъ; Макаревичъ вѣжливо раскланялся. Она, не оборачиваясь, отвѣтила небрежнымъ кивкомъ; черные глаза блеснули.

— Всегда одна!—сказала Дарья Львовна, когда они уже спускались по боковой тропинкѣ къ морю.—Ваня, ты видѣлъ? Правда, красива?

— И не видѣлъ и не знаю, зачѣмъ мнѣ нужно ее видѣть. Мало ли всякихъ искательницъ приключеній!

— А вѣдь она навѣрное тобой заинтересовалась, я замѣтила, какъ она на тебя смотрѣла.

— Ну, Дора, довольно. Не люблю я такихъ шутокъ,—перебилъ ее Иванъ Михайловичъ, и сердце у него по-давешнему тоскливо заныло. Ему показалось, что жена какъ будто съ умысломъ толкаетъ его къ этой одинокой дамѣ; не хочетъ ли она этимъ отвлечь его вниманіе отъ своего собственнаго романа? Но усиліемъ воли онъ снова отогналъ отъ себя отвратительное подозрѣніе.

На берегу было таинственно и красиво. Огромное, полное звѣздъ небо, огромное, чуть-чуть вздыхающее море, безпредѣльный просторъ, божественное спокойствіе. Звуки музыки сюда не достигали; только изрѣдка слышались глухіе удары барабана, да отрывистые и грубые вскрики какой-то горластой трубы. Тишина, безлюдье, соленое дыханіе моря, звѣздныя пространства, отъ которыхъ вѣяло безстрастіемъ вѣчности, успокоили всѣхъ. Иванъ Михайловичъ разостлалъ на камняхъ пальто, усадилъ жену рядомъ съ собою и взялъ ея руку въ свою. Она притихла. Георгій Александровичъ расположился у самой линіи прибоя и

слѣдилъ, какъ волна съ невнятнымъ шопотомъ то всползала на камни, то отбѣгала назадъ.

— «Въ отлива часъ не вѣрь измѣнѣ моря»...—вполголоса продекламировалъ онъ и замолчалъ.

— Ну что же вы?—встрепенулась Дарья Львовна.—Прочтите, прочтите все!

«Эхъ, зачѣмъ это»,—хотѣлъ-было сказать Тихомоловъ.— «Такъ хорошо было молчать и слушать музыку неба и моря»...

Но Георгій Александровичъ уже началъ читать. Прочелъ одно, другое и закончилъ «Умирающимъ лебедемъ» Бальмонта. Читалъ онъ очень выразительно, задушевно, съ большимъ подъемомъ, и, не видя его, казалось, что это не коротконогій франтикъ въ бѣлыхъ ботинкахъ, съ кукольнымъ лицомъ, а какой-то незнакомый, очень грустный и очень серьезный человѣкъ. Даже Иванъ Михайловичъ заслушался.

— Ну, еще, еще что-нибудь!—сказала Дарья Львовна.— Прочтите свое... пожалуйста. Навѣрное, у васъ есть новенькое?

— Новаго нѣтъ, но есть одно старое, вы его еще не знаете. Только прошу снисхожденія, очень плохое.

Мирная прелесть небесъ голубыхъ
Вѣчно влечетъ человѣка;
Имъ ты не вѣрь, ибо кроются въ нихъ
Грозныя силы отъ вѣка.
    Въ тихой лазури
    Таятся бури,
Молній коварныхъ алмазный изломъ,
Смерть, разрушенье и зло...

Бойся и моря безмолвныхъ глубинъ,—
Мнится тамъ міръ обольстительно-чудный,
Но избѣгай ты манящихъ пучинъ,
Ихъ красоты изумрудной.
    Вмѣсто сокровищъ
    Тамъ сонмы чудовищъ
Ждутъ, стерегутъ смѣльчаковъ молодыхъ,
И заласкаютъ въ объятьяхъ своихъ.

Но пострашнѣй всѣхъ чудовищъ морей,
Бурь и блистаній небесныхъ,
Нѣжный и страстный взоръ женскихъ очей,
Кроткихъ и райски-прелестныхъ.
    Онъ обѣщаетъ и манитъ,
    Онъ завлечетъ и обманетъ...

О, берегись и бѣги безъ оглядки.
Не разгадать тебѣ вѣчной загадки
Сфинкса прекраснаго съ тайной въ очахъ,
Съ лаской въ улыбкѣ и ложью въ устахъ...

Дарья Львовна отняла свою руку у мужа и преувеличенно-громко захлопала:—Браво, браво, прелесть. Ваня, тебѣ нравится?

— Ничего, недурно, — хмуро усмѣхаясь, сказалъ Иванъ Михайловичъ.—Георгій Александровичъ не только поэтъ, но и психологъ. Не очень лестная, но вѣрная характеристика женщины... какъ это? «Съ лаской въ улыбкѣ и съ ложью въ устахъ»... У васъ поразительное знаніе женскаго сердца,—откуда это? Большой опытъ, вѣроятно?

Какъ бы предупреждая отвѣтъ Георгія Александровича, Дарья Львовна вдругъ заторопилась домой.

— Пора, пора, господа, очень сыро, я озябла. Ахъ!..

— Что съ тобой, Дора?

— Черное домино...—прошептала Дарья Львовна.—Нѣтъ, Ваня, какъ хочешь, а это она тебя преслѣдуетъ,—раньше она никогда за нами не ходила. Кажется, я начинаю ревновать...

И она кошечкой прижалась къ мужу. Теперь они шли подъ руку впереди, а Георгій Александровичъ одиноко плелся сзади и здѣсь, въ свѣтѣ электричества, опять сдѣлался маленькимъ, чистенькимъ, незначительнымъ человѣчкомъ.

VI.

Не прошло и недѣли, какъ Иванъ Михайловичъ уже совершенно освоился съ курортной жизнью и продѣлывалъ все то, что дѣлали другіе. Принималъ солнечныя ванны, купался, бродилъ по окрестностямъ, а вечера проводилъ въ паркѣ, слушая музыку и наблюдая пеструю толпу курортныхъ гостей. Въ разслабляющей нѣгѣ южной природы, среди сытыхъ, веселыхъ, нарядныхъ людей, оставившихъ дома всѣ труды и заботы, жизнь здѣсь казалась вѣчнымъ праздникомъ. По улицамъ носились шумныя кавалькады молодежи въ черкескахъ и папахахъ, мчались автомобили съ разряженными дамами и офицерами, кофейни и рестораны были переполнены кейфующей и флиртующей публикой, а когда надъ городомъ спускалась чарующая, ароматная ночь, то тамъ, то здѣсь на дачахъ зажигались фейерверки, со свистомъ взвивались ракеты, точно огненныя змѣи бороздя бархатную тьму небесъ, сыпались брилліантовые дожди, разноцвѣтными звѣздами вспыхивали и угасали римскія свѣчи. И гулъ праздничнаго ликованія сливался съ гуломъ безпокойнаго моря, которое съ трехъ сторонъ опоясывало солнечный городъ бирюзовою каймой.

На дачѣ Соломониди, кромѣ самихъ хозяевъ, чернаго домино и Тихомоловыхъ, жили еще пожилой учитель гимназіи откуда-то съ Волги и курская помѣщица съ двумя сыновьями. Учитель пріѣхалъ лѣчиться отъ худобы и поэтому непрерывно что-то кипятилъ, варилъ, жарилъ на спиртовкѣ, а покушавъ, растягивался на топчанѣ въ тѣни развѣсистой акаціи и цѣлые часы неподвижно лежалъ, напоминая египетскую мумію. Помѣщица, наоборотъ, жаждала избавиться отъ излишней полноты и съ утра, обмотавъ голову ярко-зеленымъ шарфомъ, въ широчайшемъ лиловомъ капотѣ съ разводами, отправлялась къ морю потѣть на солнцѣ. Оба они фанатично придерживались предписаннаго имъ режима и были истинными мучениками, но, несмотря на это, когда еженедѣльно и непремѣнно вдвоемъ отправлялись въ аптеку взвѣшиваться, оказывалось, что учитель потерялъ въ вѣсѣ полфунта, а помѣщица фунтъ прибавила. Общее несчастіе ихъ сдружило и, хотя учитель по убѣжденіямъ примыкалъ къ кадетамъ, а помѣщица была ярая черносотенница, хотя между ними вѣчно кипѣли жестокіе споры, это не мѣшало имъ трогательно заботиться другъ о другѣ.

Истиннымъ наказаніемъ Господнимъ для жильцовъ дачи Соломониди были сыновья помѣщицы—студентъ Коля и гимназистъ Петя. Первый, къ ужасу всѣхъ сосѣдей, былъ надѣленъ отъ природы громаднѣйшимъ баритономъ и, кромѣ множества романсовъ, зная въ совершенствѣ церковную службу, съ утра до ночи оглашалъ окрестности то тропарями и кондаками, то отрывками арій изъ всевозможнѣйшихъ оперъ. Вставалъ съ постели—пѣлъ, умывался—пѣлъ, ложился спать—пѣлъ, и при этомъ каждая исполняемая арія, или романсъ, или церковное пѣснопѣніе соотвѣтствовали переживаемому моменту жизни. Потихоньку отъ мамаши онъ сильно пріударялъ за хозяйской дочкой, черноглазой и черномавой гречанкой, Анастасіей, и вотъ, если дѣла съ ней шли хорошо, то вся дача сотрясалась отъ торжествующаго «Исаія ликуй», если же плутоватая гречанка устраивала ему сцену или не выходила въ паркъ на свиданіе, сосѣди ложились спать подъ надгробныя рыданія или покаянные псалмы, что вовсе не способствовало спокойнымъ и пріятнымъ сновидѣніямъ.

Братишка его, Петя, талантами не обладалъ, зато имѣлъ пагубную склонность къ собиранію коллекцій, при чемъ особенное предпочтеніе отдавалъ насѣкомымъ. Вооружившись сѣткой, банками и эѳиромъ, онъ цѣлыми днями рыскалъ по лѣсамъ и горамъ, переворачивалъ камни, копался въ гнилушкахъ и воз-

вращался нагруженный скорпіонами, червями, огромными жуками, даже змѣями и прочей нечистью. Вся эта добыча подвергалась дѣйствію эѳира, тщательно сортировалась, накалывалась на булавки и размѣщалась по банкамъ и коробкамъ. А ночью коллекція какимъ-то образомъ оживала и расползалась по всей дачѣ, наводя ужасъ на нервныхъ субъектовъ. Жуки страшно жужжали и шуршали булавками, торчащими изъ ихъ спинъ; скорпіоны оказывались подъ подушками, и сама помѣщица однажды чуть-было не умерла отъ удара, увидѣвъ утромъ выползающую у нея изъ туфли змѣю. Въ концѣ концовъ и жуки и змѣи все-таки дохли и распространяли нестерпимое зловоніе; ихъ выкидывали, а потомъ появлялись новые, и опять начиналась та же исторія.

Эту разнообразную толпу людей, населявшихъ дачу Соломониди, обслуживали двое: горничная Феня и сторожъ съ поэтическимъ именемъ Аристидъ. Работали они цѣлый день,—ставили самовары, чистили сапоги, мыли посуду, подметали, подтирали, а вечеромъ Аристидъ принаряжался, надѣвалъ приличную тройку, повязывалъ красный галстукъ, нацѣплялъ въ петлицу алую розу и отправлялся въ паркъ слушать музыку, Феня ходила туда только по праздникамъ, въ будни же, послѣ работы, она садилась на лавочкѣ у калитки и пріятнымъ голоскомъ пѣла или «Быстры, какъ волны», или «Волга, Волга, весной многоводной». Нерѣдко къ ней присоединялся Аристидъ съ кѣмъ-нибудь изъ товарищей; у нихъ составлялся довольно согласный хоръ; потихонечку пѣли даже «Вихри враждебные». Это было очень молодо, очень наивно и напоминало Ивану Михайловичу студенческіе годы: часто онъ съ удовольствіемъ прислушивался къ Фенину и Аристидову пѣнію, и тогда ему начинало казаться, что на этомъ модномъ курортѣ только они и есть настоящіе люди; прочіе же всѣ, праздные, веселящіеся, флиртующіе,—какая-то накипь, по недоразумѣнію существующая на бѣломъ свѣтѣ.

Вернувшись къ привычной семейной жизни, онъ-было отдохнулъ, успокоился и невольно поддался очарованію кавказской природы, которую видѣлъ въ первый разъ. Но въ послѣдніе дни имъ снова овладѣли тяжелыя предчувствія и мрачныя подозрѣнія. Теперь онъ уже не сомнѣвался, что Дарья Львовна измѣнилась; что такое это было,—Иванъ Михайловичъ и самъ не могъ бы опредѣленно объяснить, но оно было, и ему, знающему каждый жестъ, каждую улыбку или гримасу своей жены, особенно бросалось въ глаза. Раньше у нея былъ довольно ров-

ный характеръ; теперь настроеніе ея мѣнялось на дню нѣсколько разъ. То она была чрезмѣрно оживлена и болтлива, то раздражалась по пустякамъ и начинала придираться къ дѣтямъ, къ Сашѣ, къ мужу, а то вдругъ умолкала, садилась куда-нибудь въ уголъ и отсутствующимъ взоромъ смотрѣла вдаль. При свободѣ и простотѣ курортной жизни она, подъ предлогомъ купанья или покупокъ, могла уходить одна, иногда подолгу пропадала и возвращалась домой точно не своя,—какая-то странная, задумчивая, съ влажнымъ блескомъ въ глазахъ и красными, какъ будто припухшими отъ поцѣлуевъ губами. Въ эти минуты она не любила, чтобы ее спрашивали, гдѣ она была, и однажды по этому поводу разыгралась непріятная сцена, которая произвела на Ивана Михайловича отвратительное впечатлѣніе. Послѣ одной такой продолжительной отлучки къ ней на колѣни забрался юркій Витя и, цѣлуя ее, неожиданно воскликнулъ:—«Мамочка, а я знаю, гдѣ ты была, въ польской кондитерской, отъ тебя лимоннымъ оршадомъ пахнетъ!»—Дарья Львовна страшно разсердилась, рѣзко столкнула Витю съ колѣнъ, а когда отъ обиды мальчуганъ поднялъ ревъ, она больно его нашлепала, чего прежде никогда не бывало. Иванъ Михайловичъ долго не могъ забыть ея искаженнаго злобой лица, и ему казалось страннымъ, почему невинный вопросъ Вити вызвалъ такую, совершенно непонятную, вспышку ярости.

Георгій Александровичъ по-прежнему бывалъ у нихъ каждый день и велъ себя, какъ всегда: приносилъ дѣтямъ маленькіе сюрпризы, игралъ съ ними, разсказывалъ смѣшныя исторіи. И все-таки Иванъ Михайловичъ никакъ не могъ побороть въ себѣ антипатіи къ нему. Противны были ему эти ласковые голубые глаза, густыя кудри, чувственный ротъ; прикосновеніе его маленькой пухлой руки вызывало въ немъ чувство, граничащее съ отвращеніемъ, и часто онъ ловилъ себя на дикомъ желаніи сказать въ присутствіи жены какую-нибудь непозволительную грубость, унизить Макаревича, сдѣлать его смѣшнымъ. А тотъ какъ-будто ничего не видѣлъ или не хотѣлъ видѣть и оставался неизмѣнно корректнымъ и безмятежно добродушнымъ. Подолгу засиживался у нихъ за вечернимъ чаемъ, ходилъ вмѣстѣ въ паркъ и къ морю и, когда они втроемъ шли мимо дачъ, Ивану Михайловичу казалось, что всѣ провожаютъ ихъ насмѣшливыми взглядами, въ которыхъ читается затаенная мысль: «Вотъ идетъ рогатый мужъ съ своей хорошенькой женой и другомъ дома»...

VII.

Дарья Львовна любила купаться вечеромъ передъ закатомъ солнца, и эти огненные одинокіе часы въ ожиданіи ея возвращенія были особенно тягостны для Ивана Михайловича. Онъ не могъ ничего дѣлать, ходилъ по верандѣ взадъ и впередъ, и одна и та же мучительная мысль гвоздила мозгъ. Можетъ быть, *они* теперь гдѣ-нибудь въ укромномъ уголкѣ млѣютъ въ объятіяхъ другъ друга, и этотъ красавецъ съ конфектной коробки своими красными губами впивается въ бѣлую шею его жены... Кровь бурно закипала въ жилахъ, въ головѣ подымался шумъ, дыханіе спирало отъ бѣшенаго гнѣва и мстительныхъ желаній. Въ такія мгновенія онъ былъ способенъ на все. Но прирожденная разсудочность брала верхъ. Иванъ Михайловичъ приходилъ въ себя и начиналъ размышлять.—За что она могла его полюбить? Вѣдь не за стихи же?.. Не виноватъ ли тутъ самъ Иванъ Михайловичъ? Возможно, что онъ слишкомъ старъ и серьезенъ для Дарьи Львовны. Ей 27 лѣтъ, ему около 40; она съ нимъ скучаетъ, не находитъ общихъ интересовъ, чувствуетъ себя одинокой. Тотъ моложе, чувства у него свѣжѣе, и по характеру онъ больше подходитъ къ ней. Ихъ обоихъ занимаетъ то, что̀ Ивану Михайловичу кажется мелкимъ и даже пошлымъ; вѣдь могутъ же они по цѣлымъ часамъ говорить о костюмахъ, о томъ, кто за кѣмъ ухаживаетъ, и все въ этомъ родѣ. Ну, а если это только одна голая чувственность, капризъ похотливой самки, ищущей новыхъ острыхъ ощущеній?.. Тогда это ужасно!—Иванъ Михайловичъ шелъ въ спальню, запирался и жадно разсматривалъ себя въ зеркалѣ. Да, въ немъ уже нѣтъ того, что̀ привлекаетъ женщинъ. Взглядъ озабоченный, усталый, воспаленныя губы подергиваются какою-то непріятной усмѣшкой, есть и морщины. Дорочка, пожалуй, права... Но зачѣмъ же въ такомъ случаѣ обманывать, лгать, скрываться? Полюбила другого,—приди и скажи. Конечно, ему будетъ страшно тяжело, но вѣдь не перерветъ же онъ ей глотку, какъ какой-нибудь троглодитъ, который разбивалъ дубиной черепъ измѣнившей ему самкѣ...

На верандѣ топотали маленькіе шажки и, барабаня кулачками въ дверь, Витя кричалъ:

— Папочка, иди скорѣй, какъ интересно! Петя нашелъ вонючаго червяка.

Шли къ сосѣдямъ. Учитель и помѣщица занимали комнаты рядомъ, и веранда у нихъ была общая. Обѣдали тоже за однимъ

столомъ. Но въ настоящую минуту столъ находился въ полномъ распоряженіи Пети; онъ разложилъ на немъ листы бумаги, на которыхъ что-то сушилось, обставился банками и сидѣлъ, точно древній алхимикъ. Ивана Михайловича поразилъ отвратительный запахъ, наполнявшій всю веранду.

— Что это у васъ тутъ такое?—спросилъ онъ, зажимая носъ.

— А это вотъ видите ли нашъ естествоиспытатель!—иронически отозвался учитель, съ газетой въ рукахъ лежавшій на своемъ топчанѣ въ углу.—Разыскалъ какую-то тварь и занимается изслѣдованіемъ. А насъ съ души воротитъ.

— Это такъ называемый Юлюсъ пахучій,—съ важностью сказалъ Петя.—А по-мѣстному—кивсякъ. Хотите посмотрѣть?

— Самъ ты кивсякъ!—горестно воскликнула помѣщица, появляясь въ дверяхъ съ платкомъ у носа.—Задушилъ, совсѣмъ задушилъ, изъ дома выжилъ. Уморитъ онъ меня когда-нибудь своими пахучими!

— Не волнуйтесь, Ольга Ивановна, вамъ вредно, кондранчикъ, пожалуй, хватитъ!—успокаивалъ ее учитель.—Потерпите для науки.

— Богъ съ ней и съ наукой, если отъ нея все нутро выворачиваетъ. Петя, уберись ты куда-нибудь съ этимъ червякомъ, а то всѣ твои банки переколочу. Силъ моихъ больше нѣтъ!

— Вы, мамаша, ничего не понимаете,—возразилъ Петя.—Это очень рѣдкій экземпляръ, я изъ-за него всѣ штаны себѣ изорвалъ.

Однако, онъ собралъ всю свою лабораторію и ушелъ въ садъ; Витя и Алеша побѣжали за нимъ. Помѣщица сѣла и продолжала:

— Тутъ и такъ огорченіе, опять два фунта прибавила. Ничего не помогаетъ, ужъ не знаю, что и дѣлать.

— Да вѣдь предлагаю вамъ помѣняться, вы на мой режимъ, а я на вашъ.

Помѣщица безнадежно махнула рукой. Изъ сада донеслись унылые вопли:

— «Зряще мя безгласна и бездыханна»! — и на веранду вошелъ студентъ.

— Что, опять не повезло?—подмигивая Ивану Михайловичу, спросилъ учитель.

Студентъ сдѣлалъ ему страшные глаза и еще унылѣе возопивъ:—«Идѣ же нѣсть печали и воздыханія», поспѣшно скрылся.

— Вотъ наградилъ Господь дѣтками, — вздохнула помѣщица. — Одинъ вонью задушилъ, а другой заживо отпѣваетъ. Вамъ хорошо, у васъ еще маленькіе,—обратилась она къ Ивану Михайловичу. — Оттого и заботъ нѣтъ. Посмотрю я на вашу супругу, совсѣмъ и на даму не похожа, чисто дѣвушка.

Иванъ Михайловичъ былъ такъ настроенъ, что даже въ этихъ простыхъ словахъ ему почудился какой-то скверный намекъ. Онъ поспѣшилъ перемѣнить разговоръ и спросилъ учителя, что̀ новаго въ газетахъ.

— Здѣсь такая разслабляющая атмосфера, что даже чтеніе на умъ не идетъ,—прибавилъ онъ.—Вчера купилъ газету, пошелъ на море и потерялъ.

— Нѣтъ, а я не могу безъ газеты, — сказалъ учитель.— Лучше безъ ѣды остаться, но чтобы газета была. А новости скверныя: пожалуй, война будетъ.

— Да что вы, не можетъ быть, какая война?

— Вотъ и видно, что вы газетъ-то давно не читаете! Война прямо на носу. Австрія что-то шевелится; ужъ не знаю, Германія что ли ее наускиваетъ, но дѣло нечисто. Здорово порохомъ пахнетъ.

— Ахъ, это изъ-за убійства эрцгерцога съ Сербіей? Ну, какъ-нибудь уладится; воевать-то никому не хочется.

— Дай Богъ, чтобы уладилось, а то начнется, да какъ попрутъ на насъ со всѣхъ сторонъ,—бѣда!

— Кто это попретъ? — вступилась помѣщица. — Нѣмцы что ль? Попробуй только, сунься, намъ не въ первый разъ ихъ колотить-то.

— Ого, какая воинственность! А если Коленьку заберутъ?

— Своими руками благословлю, — а вы что думаете? За Россію-то? Жизни не пожалѣю, да будетъ вамъ извѣстно!

— Ишь какая Жанна д'Аркъ изъ Курской губерніи! Ну, а все-таки, Ольга Ивановна, не дай Богъ теперь войны, плохо намъ будетъ.

— Это почему?

— Да вы почитайте газеты, забастовки-то вездѣ какія.

— Охъ, ужъ эти мнѣ забастовщики! И что ихъ всѣхъ не перевѣшаютъ.

— Свирѣпая вы дама, Ольга Ивановна. Ну хорошо, ну перевѣшаютъ, а кто же воевать-то пойдетъ?

У нихъ разгорѣлся споръ. Учитель утверждалъ, что все дѣло въ образованіи и культурѣ; помѣщица въ воинственномъ пылу кричала, что «намъ до зарѣзу нуженъ Великій океанъ».

Зачѣмъ онъ ей понадобился, это такъ и не выяснилось, потому что дѣло скоро дошло до личностей, явились на сцену «кадюки» и «курскіе соловьи», начались взаимные упреки въ историческихъ ошибкахъ и преступленіяхъ. Ивану Михайловичу сначала было смѣшно, потомъ стало скучно, а мысль упорно возвращалась къ Дарьѣ Львовнѣ и Макаревичу. Солнце уже сѣло, и красно-золотыя облака горѣли на небѣ, какъ исполинскіе факелы. Прибѣжалъ Витя и сообщилъ, что мамочка пришла. Иванъ Михайловичъ всталъ.

— Куда же вы?—сказала помѣщица.—Попили бы съ нами чайку. Вотъ еще этому кадюку несчастному яичницу надо дѣлать.

— Ага, перемиріе, значитъ?—усмѣхнулся учитель.—Да, хорошая вы были бы дама, Ольга Ивановна, если бы не ваше курское міровоззрѣніе!

Когда Иванъ Михайловичъ пришелъ къ себѣ, Дарья Львовна на него накинулась.

— Куда это вы всѣ разбѣжались? Я думала, самоваръ уже на столѣ, и вдругъ никого. Саша совсѣмъ съ ума сошла, влюбилась въ этого Аристида и цѣлые дни торчитъ у калитки, а дѣти въ разбродѣ.

Она сердито расхаживала по террасѣ, собирала разбросанныя вещи, но Ивану Михайловичу казалось, что сердится она нарочно, что ей просто нужно отвлечь вниманіе отъ самой себя. И онъ хмуро сказалъ:

— Напрасно ты волнуешься. Съ дѣтьми все время былъ я, а самоваръ сейчасъ подадутъ.

Дарья Львовна сдѣлала видъ, что успокоилась, сѣла въ качалку и, тихонько покачиваясь, сказала мечтательно:

— А какой закатъ былъ чудесный! Я въ первый разъ видѣла совершенно розовое море. Удивительно!

Нервно крутя усы, Иванъ Михайловичъ нѣсколько разъ прошелся по верандѣ, потомъ рѣшительно остановился передъ женой.

— Дорочка,—глухо вымолвилъ онъ.—Скажи откровенно: тебѣ нечего мнѣ сказать?

Дарья Львовна перестала качаться, на лицѣ ея мелькнулъ испугъ.

— Что такое сказать? Я не понимаю...—растерянно проговорила она.

— Вотъ видишь ли, Дора...—продолжалъ Иванъ Михайловичъ, присаживаясь около нея. — Я сейчасъ ужасно много

думалъ о нашихъ съ тобой отношеніяхъ. Мнѣ кажется, я тебѣ надоѣлъ. Я старъ для тебя... не лѣтами, а характеромъ; мы съ тобой совсѣмъ разные люди. Можетъ быть, я сталъ тебѣ въ тягость. Тогда скажи...

Дарья Львовна съ облегченіемъ вздохнула.

— Фу, какія глупости ты говоришь, Ваня! Знаешь, ты сталъ ужасно странный. Откуда ты взялъ, что ты мнѣ надоѣлъ?

— А развѣ нѣтъ?

Она взяла его за голову обѣими руками и притянула къ себѣ. Онъ смотрѣлъ въ таинственную глубь ея свѣтлыхъ глазъ и думалъ:—«Лжетъ или нѣтъ»?.. Вспомнились стихи Макаревича:—«Не разгадать тебѣ вѣчной загадки сфинкса прекраснаго съ тайной въ очахъ»... Можетъ быть, она и его также обманываетъ?

— Ахъ, Дорочка... страстно прошепталъ Иванъ Михайловичъ.—Если бы ты знала, какъ я тебя люблю и какъ мнѣ тяжело будетъ потерять тебя...

Дарья Львовна отвѣтила ему жаркимъ поцѣлуемъ. Любовный хмель ударилъ въ голову, сердце зажглось безумной радостью. И хотѣлось вѣрить.

VIII.

Въ воскресеніе Дарья Львовна затѣяла поѣздку на перевалъ. Къ нимъ присоединились учитель и помѣщица съ сыновьями. «Карасинъ» доставилъ восьмимѣстную линейку и двухъ верховыхъ лошадей для Дарьи Львовны и Георгія Александровича. Хотѣли выѣхать пораньше, но, какъ всегда это бываетъ, всѣ проспали и едва-едва собрались къ 8 часамъ. Самымъ аккуратнымъ оказался Георгій Александровичъ и, когда Иванъ Михайловичъ вышелъ на веранду, онъ былъ уже тамъ и, сидя на качалкѣ, терпѣливо ждалъ. Иванъ Михайловичъ взглянулъ на его румяное лицо, на толстыя ноги, обтянутыя синими офицерскими рейтузами, и непреодолимое чувство ревнивой ненависти, смѣшанной съ отвращеніемъ, снова овладѣло имъ. Настроеніе было испорчено на цѣлый день.

У веранды появилась коричневая физіономія Карасина и сказала:

— Барынъ, ѣхать пора, лошадь гарачій, стоять не хочетъ.

Дарья Львовна изъ-за двери крикнула, что она еще не готова и пусть пока садятся безъ нея. Это еще болѣе усилило

досаду Ивана Михайловича.—Наряжается... для кого? Вѣдь не для него же и не для учителя...

Насупившись, онъ пошелъ къ калиткѣ. Тамъ уже были въ сборѣ. Помѣщица съ огромной корзиной, изъ которой торчали бутылки и куриныя ноги, помѣщалась въ центрѣ; сыновья сидѣли по бокамъ. Петя имѣлъ видъ настоящаго натуралиста: черезъ плечо у него висѣла ботанизирка, къ поясу была прикрѣплена банка съ эѳиромъ, въ рукѣ марлевая сѣтка. Помѣщица косилась на него и спрашивала:

— А эту аммуницію-то зачѣмъ тащишь? Неужели опять змѣй и скалапендръ будешь ловить?

— Ничего подобнаго,—съ достоинствомъ отвѣчалъ Петя.— Скалапендры вовсе уже не такая рѣдкость, а вотъ у меня въ коллекціи недостаетъ цикады и сухопутнаго краба, это будетъ поинтереснѣе вашихъ скалапендръ.

— Тьфу!—заранѣе отплевывалась мамаша.

Студентъ ѣхалъ налегкѣ и больше всего на свѣтѣ интересовался черными очами Анастасіи, которая стояла у калитки и изъ-подъ бѣлой чадры бросала на него такіе огненные взгляды, что онъ совсѣмъ одурѣлъ, да какъ хватитъ вдругъ—«Возложилъ на главу ихъ вѣнцы отъ камене честна», — даже лошади шарахнулись.

— Лошадей, барынъ, пужаешь! — укоризненно замѣтилъ Карасинъ.

А Дарьи Львовны все не было. Иванъ Михайловичъ сидѣлъ какъ на иголкахъ; ему казалось, что учитель и помѣщица насмѣшливо переглядываются, а подъ толстыми черными усами Карасина змѣится двусмысленная улыбка. Наконецъ, она появилась: взглянувъ на нее, Иванъ Михайловичъ понялъ, почему она запоздала. Ея тонкую талію ловко облегала бѣлоснѣжная черкеска съ серебряными газырями и серебрянымъ ажурнымъ поясомъ. На ногахъ были голубыя шелковыя шаровары, на головѣ изъ бѣлаго мѣха кабардинка съ голубымъ верхомъ. Желтые сапожки, желтыя перчатки и стэкъ съ серебряной ручкой дополняли костюмъ. Появленіе ея произвело эффектъ необычайный. Карасинъ зажмурился, какъ котъ, и почмокалъ губами: «Ой, ой, ой, тц-тц-тц!»—молодой булочникъ, только-что принесшій корзинку «вѣнскаго печенія, дамскаго утрешняго развлеченія», снялъ шляпу и зачесалъ въ затылкѣ, а Ивану Михайловичу стало нестерпимо стыдно, точно Дарья Львовна явилась совсѣмъ голая. Зато Витя и Алеша пришли въ неистовый восторгъ, запрыгали, захлопали въ ладоши и закричали:

— Мамочка черкесъ, мамочка черкесъ!..

Иванъ Михайловичъ сердито на нихъ прикрикнулъ, а Дарья Львовна, какъ ни въ чемъ не бывало, подошла къ лошади и при помощи Карасина съ спокойной граціей вспрыгнула на сѣдло.—«Настоящая курортная авантюристка»... съ раздраженіемъ подумалъ Тихомоловъ и уставился на Георгія Александровича, втайнѣ желая и надѣясь, что онъ сдѣлаетъ при посадкѣ какую-нибудь неловкость, будетъ неуклюжимъ и смѣшнымъ. Къ его удивленію и досадѣ, молодой человѣкъ сидѣлъ на лошади, какъ настоящій горецъ; весело переговариваясь и смѣясь, они дали поводья и помчались впередъ. Карасинъ провожалъ ихъ восхищеннымъ взглядомъ.

— Карасывый барына, карасывый барынъ, картынка надо снимать,—бормоталъ онъ, взбираясь на козлы.

— Вы балуете свою жену, — сказала помѣщица, думая, вѣроятно, что эти слова доставятъ Ивану Михайловичу большую пріятность.

Тотъ промычалъ что-то неопредѣленное. А помѣщица съ фамильярностью женщины, уже считающей себя старухой, продолжала:

— А вы не боитесь отпускать ее одну съ молодымъ человѣкомъ? Такое довѣріе дѣлаетъ честь и вамъ, и вашей супругѣ. Впрочемъ, теперь это принято, и нынѣшнія женщины вообще держатъ себя свободно.

— «Чтобы ты лопнула, старая жаба!»—непочтительно подумалъ Иванъ Михайловичъ и выместилъ кипѣвшую въ немъ злость на бѣдномъ Витѣ, строго прикрикнувъ на него, чтобы онъ не вертѣлся во всѣ стороны. Къ счастью, его выручилъ учитель; онъ подхватилъ фразу помѣщицы о современныхъ женщинахъ и что-то возразилъ, та отвѣтила, они опять сцѣпились спорить. Предоставленный самому себѣ, Иванъ Михайловичъ мрачно задумался, не замѣчая разлитой вокругъ него ликующей красоты. Что ему была эта самодовлѣющая красота, когда свѣтъ и радость его жизни капля по каплѣ уходили отъ него!

Они уже выѣхали изъ города и мчались по гладкому, какъ стекло, шоссе. Причудливыми петлями оно извивалось вдоль морского берега и на каждомъ поворотѣ открывало такія живыя картины, какія бываютъ только въ волшебныхъ сказкахъ или снятся во снѣ. Вотъ на фонѣ лазурныхъ небесъ и сверкающаго моря смѣлый изломъ утеса, круто падающаго внизъ, а на самой вершинѣ его, цѣпляясь корнями за камни, чернымъ кружевомъ повисла сосна. Но одинъ поворотъ—и нѣтъ утеса, нѣтъ сосны;

зелеными волнами льются лѣса по склонамъ горъ, и на грани, отдѣляющей эти потоки зелени отъ густой морской синевы, воздушная, какъ мечта, бѣлѣетъ вилла, вознося къ небу свои узорчатые минареты. Иногда дорога ныряла въ лѣсъ, и серебристые буки въ перемѣшку съ темными, обомшѣлыми дубами сплетали свои вершины, образуя зеленый, прохладный корридоръ.

На восьмой верстѣ свернули на такъ называемый переселенческій трактъ и начали подыматься въ гору. Лѣсъ порѣдѣлъ и часто перемежался волнующимися кукурузными полями; стало сильно припекать, и въ неподвижномъ раскаленномъ воздухѣ особенно рѣзко звучали трескучія трели цикадъ. Гимназистъ выскочилъ изъ линейки и, размахивая сачкомъ, цѣпляясь длинными ногами одна за другую, побѣжалъ впередъ. Помѣщица раскисла, хотѣла пить и безпрестанно спрашивала Карасина, скоро ли будетъ какое-нибудь жилье, гдѣ можно достать воды или молока. Карасинъ на это крутилъ отрицательно головой и говорилъ насмѣшливо:

— Какой тыбэ здѣсь молока, какой вода, прыѣдишь духанъ, будетъ вода, все будетъ, а здѣсь гора, лѣсъ, молока не будетъ...

— А что, сударыня?—подсмѣивался учитель.—Это вамъ не гнилая Европа, не какая-нибудь Швейцарія, гдѣ на каждомъ шагу и ресторанчикъ, и кафе-о-ле и биръ и всякая штука. У насъ на святой Руси ничего этого не полагается, ибо наша историческая миссія не культура, а бараній рогъ.

— Ну ужъ, пожалуйста! — возражала разомлѣвшая отъ жары помѣщица.—Какая это Россія, когда кругомъ ни одного русскаго лица нѣтъ, все армянскія да турецкія образины. У насъ-то въ настоящей Россіи вы въ каждой деревнѣ и молоко найдете и яйца, не то что у этихъ дикарей.

— Превосходно! А кто не далѣе, какъ вчера говорилъ, что русскій мужикъ—лѣнтяй, пьяница, грязная свинья и тому подобное, и что если бы не бараній рогъ и не ежовыя рукавицы, то онъ давно бы подохъ съ голоду.

Снова сцѣпились. — «Господи, и какъ это имъ не надоѣстъ!» — тоскливо думалъ Иванъ Михайловичъ, вглядываясь впередъ, не мелькнетъ ли бѣлая черкеска. Но ничего не было видно, кромѣ бѣлой ленты дороги, бурныхъ скалъ, по которымъ бѣгали ящерицы, густыхъ зарослей орѣшника, перевитыхъ колючею ежевикой и душистымъ клематисомъ, отъ котораго кружилась голова. Ребятишки тоже забезпокоились и безпрестанно спрашивали, куда же это мамочка дѣвалась? Наконецъ они оба привалились къ отцу и заснули, а изнывающій отъ скуки сту-

дентъ пропѣлъ имъ «вѣчную память», за что получилъ отъ мамаши «дурака».

Между тѣмъ подъемъ кончился, повѣяло освѣжающимъ вѣтеркомъ. Линейка катилась теперь по узкому карнизу, на которомъ едва могли бы разъѣхаться два экипажа. Съ одной стороны его подымалась почти отвѣсная стѣна вся въ расщелинахъ, изъ которыхъ свѣшивались гирлянды какихъ-то ярко-синихъ цвѣтовъ; другая круто обрывалась въ пропасть, и тамъ, въ голубой дымкѣ, мерещились зеленыя поля, крошечные домики, клубящіяся волны безконечныхъ лѣсовъ. А дальше, еще дальше, за темной линіей холмовъ, въ побѣлѣвшемъ отъ зноя небѣ недвижно громоздились золотистыя облака. Проснувшійся Витя протянулъ къ нимъ руки и закричалъ:

— Папа, папа, смотри, горы, снѣжныя горы!

Обернулся Карасинъ и, скаля зубы, сказалъ:

— Не видно горы, это туманъ. Назадъ поѣдемъ, будетъ видно, сейчасъ нѣтъ. А вонъ и наша барынъ.

На самомъ краю обрыва красиво вырисовывались силуэты лошадей, которыхъ держалъ въ поводу Георгій Александровичъ; Дарья Львовна стояла рядомъ съ нимъ плечо къ плечу, и оба склонились надъ пропастью. Услышавъ шумъ колесъ, они обернулись, и Дарья Львовна подбѣжала къ линейкѣ. Отъ солнца, движенія, волнующихъ впечатлѣній она вся разгорѣлась, глаза ея сіяли, счастливая улыбка дрожала на губахъ.

— Ну что, Ваня, правда, вѣдь красиво? Тебѣ нравится?

Вмѣсто отвѣта Иванъ Михайловичъ бросилъ на нее такой взглядъ, что она вздрогнула, поблѣднѣла и, закусивъ губы, отошла къ Макаревичу. Такой же счастливый и оживленный, онъ протянулъ къ ней обѣ руки, какъ бы принимая ее въ свои объятія, подсадилъ на лошадь, сѣлъ самъ, и они ускакали. Злобное раздраженіе Ивана Михайловича смѣнилось смертною тоской.—«Что я дѣлаю, зачѣмъ, вѣдь я самъ толкаю ее къ нему»... каялся онъ и въ то же время сознавалъ, что иначе поступать не можетъ, что нѣтъ больше у него силъ бороться съ собой.

IX.

Нѣсколько минутъ стояли надъ голубой бездной, пока умирающая отъ жары и жажды помѣщица не возроптала.

— Ничего нѣтъ особеннаго,—отдуваясь, сказала она...

— Въ Курской губерніи лучше?—уязвилъ учитель.

— Да, конечно, лучше! У насъ въ поле-то выйдешь,—просторъ, красота, тамъ тебѣ пшеница, тамъ овсы, гречиха, горохи, а здѣсь только одна эта несчастная кукуруза торчитъ. Однако, куда это мой ученый запропастился, ужъ не сверзился ли чего добраго въ какую-нибудь прорву.

«Ученый» оказался легокъ на поминѣ. Весь красный, потный, онъ неожиданно вылѣзъ изъ-подъ кручи съ букетомъ синихъ цвѣтовъ на шляпѣ и торжественно провозгласилъ:

— Двѣ цикады поймалъ и одну ящерицу. Мамаша, дайте мнѣ липкаго пластырю, всѣ руки себѣ ободралъ.

— Царь небесный, вотъ наказанье-то! Да садись ты скорѣй и поѣдемъ. Куда теперь?

— Духанъ поѣдемъ, — осклабившись, утѣшилъ ее Карасинъ.—Шашлыкъ будешь кушать, кахетынскій пить, ой-ой какой, одинъ стаканъ выпилъ, сычасъ тыбэ задъ чижолый будетъ, двѣ ноги мало, на всѣ четыре пойдешь.

Помѣщица только рукой махнула; выразить свое негодованіе болѣе энергично она уже была не въ силахъ.

Четырехверстный спускъ они пролетѣли очень быстро и очутились въ живописной долинѣ, со всѣхъ сторонъ сдавленной горами. Здѣсь, на берегу шумнаго горнаго потока, подъ сѣнью каштановъ и огромныхъ грецкихъ орѣховъ, пріютился небольшой поселокъ «Медвѣжій»—мужского пола 32 чел., женскаго—40, какъ значилось на доскѣ у въѣзда. Карасинъ подвезъ ихъ прямо къ греческой кофейнѣ, около которой на корточкахъ сидѣли два задумчивыхъ человѣка, курили и изрѣдка перебрасывались отрывистыми фразами. Появленіе линейки, нагруженной красными отъ жары, запыленными путешественниками, не вызвало въ нихъ ни особеннаго интереса, ни удивленія, и, когда помѣщица обратилась къ нимъ съ вопросомъ о самоварѣ, ни одинъ не тронулся съ мѣста.

— Да что они по-русски-то понимаютъ?—спросила она съ недоумѣніемъ.—Сидятъ, какъ идолы, прости Господи!

Крикнулъ имъ что-то по-своему Карасинъ. Одинъ изъ нихъ пошевелился и, не вынимая изо рта папиросы, воззвалъ куда-то въ пространство:

— Анна! Эло до! [1]).

На этотъ зовъ со двора выскочили двѣ грязныя, растрепанныя бабы съ чулками въ рукахъ и, не переставая работать спицами, подняли сначала страшный крикъ съ задумчивыми

---

1) Поди сюда.

курильщиками. Помѣщица потеряла терпѣніе и вылѣзла изъ линейки.

— Ну ужъ сторонка!.. Галдятъ чего-то, а чего — неизвѣстно. Тетеньки, есть что ли у васъ самоваръ-то?

Бабы, наконецъ, сообразили и, радостно кивая головами, пригласили путешественниковъ въ кофейню. Тамъ было прохладно и темно; у стѣнъ тянулись длинные деревянные диваны, накрытые ветхими коврами; надъ ними висѣли въ самодѣльныхъ рамахъ олеографіи: Георгій-побѣдоносецъ, поражающій змѣя копьемъ, одалиска съ негритянкой, греческая королевская фамилія, греческій флотъ. Но едва путники вошли, со всѣхъ столовъ поднялся цѣлый рой мухъ, и кофейня наполнилась неистовымъ жужжаніемъ.

— Батюшки, да онѣ насъ съѣдятъ! — закричала помѣщица.—Какъ хотите, я ни за что здѣсь не останусь!

— Хочешь вода?—спросила одна изъ гречанокъ.

— Да хоть вода, хоть огонь, только не въ этой казни египетской.

Черезъ маленькій дворикъ гречанки, крича и жестикулируя, привели гостей въ запущенный садъ, гдѣ стоялъ грубо сколоченный изъ досокъ столъ со скамейками вокругъ него. Надъ столомъ пышно разрослось огромное фиговое дерево, увѣшанное плодами, а внизу, перескакивая съ камня на камень, мчался потокъ, наполняя серебрянымъ звономъ своимъ зеленую гущу сада.

— Эдакій рай у нихъ, а они, какъ свиньи, живутъ,—удивлялась помѣщица, распаковывая свою корзину.—Ну, садитесь, господа, до самовара-то закусимъ, здѣсь хорошо, спокойно и мухъ нѣтъ.

Однако, ей не пришлось долго радоваться; откуда ни возьмись, повылазило множество черныхъ, какъ жуки, ребятишекъ, потомъ пришла облѣзлая кошка съ котятами, за ней собака со щенятами, вся эта орава обступила столъ и, разинувъ рты, жадно смотрѣла на помѣщицу. Это было еще хуже мухъ... Всѣмъ нужно было хоть что-нибудь дать, ребятишки, собаки, кошки перехватывали другъ у друга куски, дрались, лаяли, мяукали, гречанки разгоняли ихъ хворостинами, но они появлялись опять и опять устремляли на помѣщицу жадные глаза.

Подали самоваръ, принесли сѣраго хлѣба, чашку соленыхъ огурцовъ и чашку недозрѣлыхъ сливъ,—очевидно, это было все, что нашлось у хозяина кофейни. Помѣщица продолжала удивляться.

— Ну, а яйца у васъ есть?

— Нема!—Обѣ гречанки трясли головами.

— А молоко?

— Ничего нема!

— Народецъ!.. Хорошо, что я съ собой кое-чего захватила, а то хоть помирай съ голоду. Иванъ Михайловичъ, что же вы ничего не кушаете?

— Да вотъ жену поджидаю, Ольга Ивановна, — стараясь казаться веселымъ, сказалъ Тихомоловъ.—Боюсь, не случилось бы чего; здѣсь, въ горахъ дороги убійственныя, иногда пѣшкомъ трудно пройти, не то что верхомъ.

— Охъ, не говорите, бѣда съ этими молодыми людьми! Я вотъ также, какъ уйдетъ у меня Петька за скорпіонами своими, просто безъ души сижу, умираю со страху.

Молодые люди... значитъ, онъ-то рядомъ съ ними уже совсѣмъ старый... Ивана Михайловича отъ этого наивнаго сопоставленія покоробило, и про себя онъ опять непочтительно обозвалъ добродушную Ольгу Ивановну толстой жабой. Сердце ныло все сильнѣй и сильнѣй, и хотѣлось поскорѣе вернуться домой, остаться одному и тихонько скулить, какъ скулятъ больныя, заброшенныя собаки.

Самоваръ уже давно потухъ, и учитель съ помѣщицей начали подумывать о возвращеніи, когда, наконецъ, подъѣхали запоздавшіе. Дарья Львовна сейчасъ же со смѣхомъ стала разсказывать, какъ они свернули не на ту тропинку, попали въ какой-то лѣсъ, долго плутали и насилу нашли дорогу на Медвѣжій поселокъ. Разсказывала что-то уже черезчуръ подробно, избѣгая смотрѣть на мужа, но зато безпрестанно взглядывая на Георгія Александровича, точно приглашая его подтвердить ея разсказъ. И онъ поддакивалъ, отвѣчая такими же интимными взглядами, въ которыхъ угадывалась не только близость душъ, но и близость тѣла. «Лжетъ!...» устало думалъ Иванъ Михайловичъ, перехватывая эти взгляды. «Оба лгутъ! Заблудились... а почему же у нея на шеѣ красныя пятна, а у него довольный видъ самца-побѣдителя. Какъ это гадко, какъ отвратительно... и какъ я глупъ въ роли стараго обманутаго мужа»...

— Ну, однако, господа, пора ѣхать,—сказалъ онъ, подымаясь.—Теперь поѣдемъ тихо, подъемъ большой, какъ разъ поспѣемъ къ заходу солнца. А Дарья Львовна съ Георгіемъ Александровичемъ насъ догонятъ.

— Да, да, надо ѣхать, — согласился учитель. — Позднѣе будетъ сыро, а я, признаться, боюсь схватить малярію.

— Малярія вовсе не отъ сырости,—важно изрекъ гимназистъ.—Малярія отъ комара, и очень странно, что вы преподаватель, а этого не знаете.

— Ахъ, матушки мои!—заахала помѣщица.—Петька, да ты совсѣмъ взбѣсился, — старше себя такія дерзости говорить!

— Какая же это дерзость, мамаша, не понимаю! Это научная теорія, и всякому образованному человѣку, тѣмъ болѣе педагогу...

Онъ не договорилъ, потому что его рѣчь была прервана страшнымъ крикомъ. Дарья Львовна, заинтересованная его ботанизиркой, открыла крышку, и заключенная тамъ ящерица прыгнула прямо на нее. Поднялся переполохъ; Дарья Львовна визжала не своимъ голосомъ, Георгій Александровичъ метался вокругъ нея, всѣ повскакали съ мѣстъ, а Петя, опрокидывая посуду, ринулся ловить ящерицу. Но юркое животное, искусно лавируя между стаканами, соскользнуло со стола, шмыгнуло въ траву и исчезло. Петя былъ въ отчаяніи.

— Кто васъ просилъ трогать мои вещи?—весь дрожа отъ бѣшенства, набросился онъ на рыдающую Дарью Львовну.— Попробовали бы, полазили сами на карачкахъ, небось, не стали бы выпускать. А то, ишь, выпустила, да еще оретъ, нѣжности какія!

— Петя, Петя!..—простонала помѣщица.—Какъ ты смѣешь съ дамой такъ разговаривать?

— А мнѣ очень нужно, что она дама!.. Если дама, такъ и можетъ чужихъ ящерицъ выпускать? Я вѣдь къ ней не лѣзу, зачѣмъ же она въ мою ботанизирку залѣзла.

— Однако, вы, молодой человѣкъ, поосторожнѣй!—вспыхнувъ, сказалъ Георгій Александровичъ. — Вы очень не воспитаны, вамъ надо поучиться держать себя въ приличномъ обществѣ.

Гимназистъ фыркнулъ, но ничего не сказалъ и, ворча что-то себѣ подъ носъ, ушелъ.

— Наказаніе, прямо наказаніе!—воскликнула помѣщица.— Такое нещечко растетъ, и не знаю, что съ нимъ дѣлать!

— Уши надрать, вотъ что,—посовѣтовалъ учитель.

— Да, поди-ка, надери, онъ либо тебя застрѣлитъ, либо самъ застрѣлится. Такой отчаянный народъ пошелъ, просто бѣда. Вы ужъ извините его, Дарья Львовна; я сама отъ него страдаю.

Но Дарья Львовна уже оправилась отъ своего испуга и, смѣясь, маленькими глоточками пила воду изъ стакана, который

держалъ передъ ней Георгій Александровичъ. Со стороны можно было подумать, что это и есть ея настоящій мужъ, а тотъ, стоявшій поодаль высокій, сумрачный человѣкъ, совершенно постороннее лицо.

Иванъ Михайловичъ и самъ чувствовалъ себя постороннимъ. Сцена съ ящерицей произвела на него отвратительное впечатлѣніе. Противны были и крики жены, и грубыя слова гимназиста, и то, что за жену заступился Макаревичъ. Въ другое время онъ и самъ бы навѣрное расправился съ дерзкимъ мальчишкой, но теперь, вмѣстѣ съ какою-то нравственной оскоминой отъ всего происшедшаго, онъ испытывалъ также и злорадное чувство оттого, что жена попала въ глупое и смѣшное положеніе, а съ Петиной дикой выходкой готовъ былъ даже примириться, угадывая въ ней безсознательный протестъ неиспорченнаго мальчика противъ женскаго кокетства.

Передъ отъѣздомъ Дарья Львовна, улучшивъ минуту, когда всѣ суетились около линейки, подошла къ мужу.

— Послушай, Ваня, за что ты на меня злишься?—съ невиннымъ лицомъ спросила она.

— Я не злюсь,—сквозь зубы проговорилъ Иванъ Михайловичъ.—Мнѣ просто противно.

— Что такое противно?

— Все. Къ чему, напримѣръ, этотъ маскарадъ? (Онъ съ отвращеніемъ кивнулъ головой на ея черкеску). И вообще всѣ эти ваши джигитовки...

— Не понимаю! что тутъ особеннаго?

— А то особеннаго,—начиная раздражаться, продолжалъ Иванъ Михайловичъ,—то особеннаго, что такъ крикливо наряжаются и такъ развязно себя ведутъ только женщины легкаго поведенія.

— Ахъ, вотъ какъ!—съ истерическимъ смѣхомъ воскликнула Дарья Львовна.—Отлично... благодарю васъ...

— Папочка, мамочка, ѣхать пора, а то снѣжныя горы не увидимъ!—кричали съ линейки Витя и Алеша.

«Бѣдныя дѣти»... думалъ Иванъ Михайловичъ, садясь въ линейку и нѣжно прижимая къ себѣ ребятишекъ.—«Бѣдныя дѣти, которыхъ мать такъ легко и просто промѣняла на любовника»... И все время, пока ѣхали, и на перевалѣ, когда смотрѣли на вѣчную ледяную улыбку горъ, обагренныхъ кровью заката, и въ тиши раннихъ сумерекъ, пронизанныхъ мистическими огоньками свѣтящихся жучковъ, одна и та же мысль томила душу.

«Бѣдныя, бѣдныя дѣти!..»

Изъ линейки ихъ вытащили уже совсѣмъ сонныхъ и на рукахъ перенесли въ кроватки. Снимая съ нихъ башмачки и костюмчики, Иванъ Михайловичъ вдругъ услышалъ за окномъ взволнованный голосъ учителя:

— Иванъ Михайловичъ, вы слышите? Чрезвычайно важное извѣстіе... Покуда мы тамъ наслаждались горными видами, тутъ такія событія...

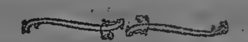
— Да что такое?—нетерпѣливо спросилъ Тихомоловъ.

— Война, батенька, война!.. Австрія отвергла сербскій отвѣтъ на ихнюю ноту, посланникъ выѣхалъ изъ Бѣлграда... Въ Сербіи всеобщая мобилизація... Предложеніе Россіи тоже отвергнуто!

— Ну и пусть ихъ!—равнодушно сказалъ Иванъ Михайловичъ и снова склонился надъ кроватками. Какое ему было дѣло до Австріи и Сербіи, когда призракъ горькаго сиротства уже стоялъ около его дѣтей.

В. Дмитріева.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИМЯ ГОСПОДНЕ.

Жидкія брошены сходни,
Поетъ монастырская пристань [1]):
«Хвалите Имя Господне
И нынѣ, и присно!»

Въ иконостасѣ дубовомъ
Спокойные лики прекрасны...
И ладанъ шёлкомъ лиловымъ
Тянется ясный.

Умной молитвы обрывки,
Наперсники думъ о бываломъ,—
На стойкѣ: бисеръ, прошивки
Съ игольникомъ алымъ.

Брякаютъ въ горсточки чашекъ
Затертыя денежки звонко...
Желтѣютъ свѣчи монашекъ
За ширмою тонкой...

Сталъ пароходъ молчаливымъ,
А Волга—былинною Волгой.
Туда бы, къ тихимъ заливамъ,
Плыть долго бы, долго.

---

1) На волжскихъ монастырскихъ пристаняхъ имѣются церкви, гдѣ во время стоянки парохода служится молебенъ.

Весла поднять надъ водою,
Жемчужныя зерна роняя:
Пусть лодку несетъ, сѣдою
Волной нагоняя.

Слушать, какъ въ плёсъ многоводный
Далекая пѣла бы пристань:
«Хвалите Имя Господне
И нынѣ, и присно!»

Левъ Зиловъ.

МИРНЫЕ ЖИТЕЛИ.

ГЛАВА I.

Не хорошо стало заходить солнце: каждый вечеръ за фіолетовую тучу съ багровымъ отливомъ. А послѣ заката, на розовомъ небѣ ложились кровавыя полосы, точно глубокія свѣжія царапины, проведенныя острымъ гвоздемъ по нѣжному тѣлу.

Но хлѣба уродились великолѣпные, давно не случалось въ Монаховкѣ пожаровъ, и на счетъ воровства не было слышно.

Въ субботу или подъ праздникъ, когда потухала неласковая заря, и безъ сумерекъ опускалась многозвѣздная южная ночь, тогда кое-гдѣ слышались два-три женскихъ голоса, дѣвушки начинали пѣсню и не кончали. Бабамъ работать приходилось много, но онѣ не роптали и говорили, что готовы такъ трудиться всегда, лишь бы мужчины не заливались горилкой.

Паробки по ночамъ тоже рѣдко пѣли, больше вспоминали ушедшихъ на войну пріятелей или шли къ кому-нибудь изъ мѣстныхъ панковъ послушать чтеніе газеты. Почти вся интеллигенція уѣхала въ большіе города, иные записались санитарами, и образованныхъ людей на всю двухтысячную Монаховку осталось нѣсколько человѣкъ: почетный гражданинъ и дѣятель Спиридонъ Васильевичъ Чопокъ, отставной чиновникъ пробирной палатки—Григорій Ивановичъ Сторожевскій и владѣлецъ сорока десятинъ семидесятилѣтній старикъ Сумочка. Былъ въ этомъ селѣ еще молодой мелкій помѣщикъ Володя Зиберовъ, за сварливый нравъ и вѣчный крикъ, крестьяне прозвали его Крикливымъ и газетъ просить къ нему не ходили.

И Сторожевскій, и Сумочка, и Чопокъ, и Володя Крикливый были между собой или родственниками, или свойственниками, но всѣ терпѣть не могли другъ друга, встрѣчались и разговаривали только въ крайнихъ случаяхъ.

Ближе всѣхъ къ мужикамъ стоялъ Чопо́къ, и казалось, что онъ ихъ единственный, искренній и безкорыстный другъ и совѣтчикъ. Собственной земли у Чопка не было, но онъ устроился сначала въ качествѣ управляющаго, а затѣмъ и супруга при неуспѣвшей во́-время выйти замужъ дѣвицѣ изъ дворянокъ Настасіи Петровнѣ.

Григорій Ивановичъ Сторожевскій могъ бы жить и въ городѣ на скопленный за долголѣтнюю службу капиталецъ, но онъ крѣпко боялся расходовъ и очень любилъ охоту. Любилъ Сторожевскій когда-то и музыку и не плохо игралъ на скрипкѣ, потомъ женился и забросилъ ее, и съ этихъ поръ восхищался граммофономъ.

— Чудесная штука: тутъ тебѣ и опера, и хоровая пѣсня, и разсказы. Завелъ, поставилъ на столъ, закрылъ глаза и въ театрѣ.

Подъ окнами у Сторожевскаго часто собирались мужики, бабы и дѣти послушать замѣчательную машину. Если Григорій Ивановичъ бывалъ въ хорошемъ настроеніи, то читалъ иногда людямъ вслухъ газеты, но въ руки ихъ никому не давалъ и не дарилъ—жена запрещала, говорила:

— Ты все раздаешь, раздаешь, а придетъ время вареніе варить, и нечѣмъ будетъ завязывать банки.

И всего вдоволь было у этого человѣка, но все расходовалось очень осмотрительно, всѣ дыни, всѣ арбузы были на счету.

Граммофонныя пластинки Сторожевскій покупалъ не часто и больше по выбору жены. Только недавно купилъ пѣсню Черноморскихъ казаковъ, потому что ѣздилъ въ городъ одинъ.

Поливайте та доріженьку,
Щоб не курилася...
Розважайте та дівчиноньку,
Щоб не журилася...

Молодецкій и въ то же время полный ласки музыкальный и задумчивый народный мотивъ красиво переливается на чистомъ воздухѣ. Звенѣли высокіе тенора.

Слушалъ Григорій Ивановичъ и молодость вспоминалъ, кололо въ носу, и временами плакать хотѣлось. Проходили мысли свободныя, проходили времена, когда не объ одномъ своемъ покоѣ онъ мечталъ... Рисовалась фигура дѣвушки, любилъ онъ ее крѣпко, ее единственную—досталась она другому,—нѣмцу...

А теперь всего много, только личнаго счастья мало, выходило оно какое-то прѣсное, точно соломенное.

Пластинка съ этой пѣсней, да одиночество на охотѣ—только

и жизни настоящей было. Но всѣмъ казалось, что для Григорія Ивановича дороже всего его проценты и купоны...

Богомольный Сумочка, завидѣвъ фигуру Сторожевскаго, останавливался, складывалъ молитвенно руки и шепталъ: «Но Богъ сказалъ ему: Безумный! въ сію ночь душу твою возьмутъ у тебя, кому же достанется то, что ты заготовилъ?..»

Каждый изъ «помѣщиковъ» считалъ себя морально выше трехъ остальныхъ, особенно гордо презиралъ всѣхъ Володя Крикливый, хотя и его идеаломъ были деньги, не очень большія, но вѣрныя, а главное такія, которыя можно было бы получать, не двигаясь съ мѣста. Мечталъ онъ сначала о мѣстѣ земскаго начальника, затѣмъ о мѣстѣ члена управы, а въ послѣднее время махнулъ рукой и пересталъ ожидать.

Слова: вексель, пенсія, закладная и проценты въ Монаховкѣ произносились особенно часто, хотя и разными голосами: Чопо́къ шепталъ ихъ вкрадчиво и сладострастно, Крикливый оралъ, Сторожевскій важно и не спѣша отчеканивалъ, а старикъ Сумочка гудѣлъ.

Всѣ одному Богу молились и одной молитвой: «Пошли Боже грошей». Но грошей было все-таки немного, — больше всѣхъ у Сторожевскаго, а сколько именно, никто не зналъ.

Чопо́къ работалъ съ утра и до вечера, хотя одновременно съ доходами увеличивались и расходы по хозяйству, и прикопить значительную сумму никакъ не удавалось, но тысяченки двѣ-три всегда лежали въ банкѣ. Усталый сидѣлъ Спиридонъ Васильевичъ послѣ ужина на крылечкѣ дома Настасіи Петровны и думалъ, думалъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ шумѣлъ паркъ небольшой усадьбы, владѣлецъ которой—братъ Настасіи Петровны, по профессіи художникъ, Анатолій Петровичъ, почти всегда жилъ за границей. Ему часто требовались деньги, и Анатолій Петровичъ черезъ своихъ повѣренныхъ нѣсколько разъ закладывалъ и перезакладывалъ и землю и домъ съ паркомъ, а затѣмъ пошли слухи, что онъ хочетъ продать все свое имущество.

Чопо́къ хорошо зналъ, что не «хочетъ», а вынужденъ, и также хорошо зналъ, что Анатолій Петровичъ не пожелаетъ продать усадьбу ему или сестрѣ. А были въ этой усадьбѣ хорошія яблони и груши, и столѣтніе дубы, и стройные тополи, и чистенькій бѣленькій домикъ, и покрытая медовыми травами «левадка».

Больно было смотрѣть Чопку на все это.

Долго не рѣшался, наконецъ попробовалъ сказать своей женѣ:

— Знаешь что, если тронуть твои грошенята да мои, да еще немного одолжить, да продать нѣсколько коровъ, такъ можно купить обѣ закладныя недорого, а затѣмъ и весь хуторокъ будетъ нашъ.

— Какой хуторокъ?

— Да братца твоего.

— Ни за что на свѣтѣ... Во-первыхъ, до срока закладныхъ еще полтора года, а, во-вторыхъ, Анатолій ихъ и самъ выкупитъ... Теперь его картины цѣнятся все дороже и дороже, о нихъ уже въ газетахъ пишутъ, съ нихъ открытки дѣлаются...

— Дураки пишутъ... Развѣ можно, чтобы за картины давали тысячи рублей. Ты знаешь, я въ молодости и самъ рисовалъ (онъ выговорилъ «рисувавъ») и масляными красками и даже по магазинамъ предлагалъ, такъ разъ дали пятерку, а больше ни черта!

— То ты, а то онъ.

— Да никогда твой братъ не выкрутится, я тебѣ вѣрно говорю. Можетъ, и есть такіе дураки, которые ему большія деньги платятъ, можетъ, онъ и талантъ, а только я знаю Анатолія Петровича, онъ изъ Рима да поѣдетъ въ Испанію, а изъ Испаніи еще куда-нибудь, закладныхъ и не выкупитъ... А мы для сына...

— Не хочу, чтобы потомъ говорили, что я брата ограбила, онъ страшно любитъ свой хуторъ, и у него дѣти тоже есть...

— А тамъ дѣти!—Дочери замужъ повыходятъ, а землю все-равно мужики заберутъ...

— Ну и пусть ихъ забираютъ, а не мы съ тобой.

— Дай же мнѣ слово сказать.

— Спиридонъ Васильевичъ, замолчи!

— А ты послушай.

— Спиридонъ Васильевичъ, замолчи!

Основательно ссориться съ женой теперь не входило въ разсчеты Чопка, онъ какъ-то сгорбился и на самомъ дѣлѣ замолчалъ, только потомъ цѣлую ночь думалъ и ворочался до разсвѣта,—слышалъ, какъ поетъ соловей въ паркѣ Анатолія Петровича.

Заслушался пѣвецъ самого себя. Сомкнулъ вѣки, приподнялъ головку, не видѣлъ и не чуялъ, что приближается, осторожно цѣпляясь бархатными лапками, ласковый для всѣхъ, сладострастный котъ. Притаился хищникъ, долго лежалъ, какъ мертвый, и вдругъ сдѣлалъ только одно быстрое и ловкое движеніе впередъ, и замолчалъ соловей навсегда.

ГЛАВА II.

Долго ворочался на своемъ сѣнникѣ Чопо̀къ. Рѣшилъ дѣйствовать лаской, а главное, выждать моментъ. До восхода солнца еще одѣлся онъ, выпилъ кружку молока и босой, чтобы не шумѣть, вышелъ черезъ кухню, взялъ палку, пошелъ какъ-будто на ячмень поглядѣть, хорошо ли колосится,—по сосѣдству съ усадьбой Анатолія былъ этотъ ячмень посѣянъ.

Остановился Чопо̀къ и, не поглядѣвъ на колосья, поднялъ голову вверхъ, сталъ смотрѣть на высокіе, раннимъ утромъ синеватые, тополи и дубы, не вытерпѣлъ, перепрыгнулъ черезъ пограничную канаву и помѣрилъ на четверти первый дубъ, сообразилъ, что цѣна такому дереву теперь не менѣе ста рублей, и вспомнилъ, что въ городахъ его даже на пудъ покупаютъ столяры.

Хрустнула гдѣ-то близко подъ человѣческой ногой сухая вѣтка. Чопо̀къ снова перепрыгнулъ черезъ ровъ и увидѣлъ на тропинкѣ рыжую лягавую собаку, а рядомъ съ ней Григорія Ивановича Сторожевскаго, съ ружьемъ и въ большихъ сапогахъ.

Поздоровались.

— Усадебку осматриваете?—спросилъ охотникъ.

— Нѣтъ, я только полюбопытствовалъ, есть ли земляника въ травѣ. Здѣсь какъ въ лѣсу, а она любитъ такія мѣста,—тѣнистыя...

— Да, пріятная ягода, вамъ бы совсѣмъ купить этотъ паркъ. Вѣдь, говорятъ, продаетъ...

— Куда намъ, у насъ денегъ нѣтъ, крестьяне купятъ.

— Крестьяне купятъ, срубятъ, а вы бы сберегли, такая красота. Черезъ десять лѣтъ втрое дороже дадутъ, а хозяинъ этого не понимаетъ...

— Онъ хорошо понимаетъ, да закладныхъ ему никто не захочетъ отсрочить.

— Вотъ вы и купите сначала закладныя, чего его, бездѣльника, жалѣть, онъ если и вернется, всѣмъ только непріятно будетъ.

— Да, да, да,—уклончиво отвѣтилъ Чопо̀къ.

Сторожевскій почесалъ у себя подъ шеей.

— Вѣдь онъ не сегодня, такъ завтра застрѣлится. Чтобы такъ жить, нужно уйму денегъ, а кто ихъ ему дастъ? Онъ же ихъ не считаетъ. Да, по правдѣ сказать, и какой изъ него ху-

дожникъ, больше каррикатуры можетъ дѣлать, а теперь этотъ товаръ не въ цѣнѣ... Меня подлецъ изобразилъ какимъ-то промышленникомъ...

— Да, да, да... Ну, мнѣ нужно домой, а то пастухъ заспалъ, а уже время коровъ гнать. А вы на болото?

— Нѣтъ, я такъ пройтись, молодую собаку пріучаю. До Петра и Павла вѣдь нельзя охотиться. Гамидъ, иси! Кланяйтесь Настасіи Петровнѣ.

— Спасибо, спасибо.

Чопо̀къ опять сгорбился и, помахивая палкой, замелькалъ босыми ногами. Сторожѐвскій повернулъ вправо и медленно пошелъ по доро̀гѣ внизъ.

Еще двѣ недѣли выждалъ Чопо́къ и въ ясное праздничное утро послѣ обѣда снова сказалъ женѣ:

— А вѣдь ты знаешь, что и въ самомъ дѣлѣ нужно Анатолію помочь.

Настасія Петровна широко раскрыла глаза и спросила:

— Какъ же ему помочь?

— Да вотъ я слыхалъ, что крестьяне даютъ ему за усадьбу десять тысячъ, а мы дадимъ ему немножко больше.

— Гдѣ же мы достанемъ денегъ?

— Достанемъ. И есть еще другое обстоятельство. Я знаю, ты отзовешься на него, ты женщина добрая, и ты дѣйствительно любила вашего покойнаго отца...

— Да, любила.

— Такъ вотъ ты и подумай, онъ домъ этотъ изъ своего дерева строилъ по собственному плану, самъ онъ сажалъ эти яблони возлѣ дома, и вдругъ все это попадетъ мужикамъ, вѣдь въ этомъ домѣ и ты жила когда-то, вѣдь тебѣ должно быть больно, если онъ достанется Богъ знаетъ кому.

— Конечно, больно...

Въ тонѣ ея голоса уже не было прежней рѣшимости. Чопо̀къ въ этотъ день больше разговора о покупкѣ хутора не поднималъ, но до самаго вечера оставался въ отличномъ настроеніи духа. Но вдругъ Настасія Петровна произнесла:

— А что, если и въ самомъ дѣлѣ помочь Анатолію за два года проценты впередъ внести, онъ тогда и закладныя выкупитъ.

Чопо̀къ покраснѣлъ и визгливо спросилъ:

— Такъ это мы будемъ помогать?

— А хоть бы и мы...

— Такъ, такъ мы будемъ отъ восхода и до захода ро-

бить да за какого-то тунеядца проценты платить, за мазильщика, за прожигателя жизни, который отъ всей родни отрекся...

— Спиридонъ Васильевичъ, замолчи!

— Не замолчу, ты хозяйка, ты мать, представляется удобный случай, а ты хочешь, чтобы я его проморгалъ...

— Спиридонъ Васильевичъ, замолчи!

— Не замолчу...

Пришедшіе за газетой паробки полтора часа стояли возлѣ воротъ и слушали супружескій разговоръ.

— И въ нашемъ селѣ война...—произнесъ остроумецъ Левко.

Войти во дворъ не рѣшились.

И отправились на другой конецъ Монаховки къ Сторожевскому послушать газету, а затѣмъ, если Григорій Ивановичъ будетъ въ хорошемъ расположеніи духа, то и граммофонъ. Ночь была лунная, мягкая. Гудѣли въ прудѣ лягушки. Село уже спало. Только въ домикѣ Сторожевскаго былъ виденъ огонь.

Паробки шли черезъ греблю, тяжело ступали чоботами по сыроватой землѣ и разговаривали. Встрѣтили бывшаго сельскаго учителя Любченка; теперь онъ былъ въ солдатской формѣ, и прислали его сюда на поправку на два мѣсяца. Изъ круглолицаго, всегда улыбающагося, учитель обратился въ блѣднаго съ впалыми щеками и горящими глазами человѣка.

Какъ и всегда, стали его разспрашивать о войнѣ и, какъ и всегда, учитель отвѣчалъ имъ то же самое:

— Разсказать про это нельзя... Кто не видѣлъ, не пойметъ. Когда кончится—вернутся наши, тогда все будетъ ясно и для всѣхъ... А я не могу и не умѣю... Иногда кажется, что страшный судъ начался, а иногда что живымъ въ землю тебя положили...

Паробки думали, что Любченко заговаривается, онъ почувствовалъ это и хоть и пошелъ съ ними дальше, но до самой усадьбы Григорія Ивановича молчалъ и тамъ молчалъ, только разъ болѣзненно улыбнулся.

Сторожевскій сидѣлъ на верандѣ, совсѣмъ одинъ. Его жена ушла въ гости къ матери Володи Крикливаго и долго не возвращалась. Григорій Ивановичъ уже хотѣлъ спать и, чтобы развлечь себя, какъ-разъ собирался завести граммофонъ. Онъ вынесъ шкатулку, затѣмъ рупоръ и поставилъ на столъ. Услышавъ шаги, тревожно поднялъ голову, но, когда увидѣлъ знакомыя лица, сейчасъ же улыбнулся.

— А здорові були!

— Здравствуйте.

— Машину послушать пришли? Чего-жъ такъ поздно...

— Да такъ, завтра гулящій день... И газетку у васъ попросить хотѣли...

— Газеты, голубчики, я самъ еще сегодня не успѣлъ прочесть. А вотъ я вамъ сейчасъ поставлю маршъ. Военная музыка будетъ играть.

— А ну-те-жъ, ну-те-жъ!

Сторожевскій завелъ машину, затѣмъ долго искалъ пластинку, наконецъ нашелъ и положилъ ее на зеленый кругъ.

Щелкнуло. Пластинка завертѣлась. Грянулъ маршъ. Звуки ни съ того, ни съ сего то повышались, то понижались, затѣмъ начали хрипѣть...

— Ваша машина навѣрное простудилась...—сказалъ Левко.

— Да, хрипитъ, нужно перемѣнить иголку,—отвѣтилъ Григорій Ивановичъ...

Но и послѣ перемѣны иголки граммофонъ не игралъ, а шипѣлъ и завывалъ. Сторожевскій нахмурился и остановилъ машину. Когда-то давно онъ былъ на естественномъ факультетѣ, и потому считалъ себя немножко и механикомъ.

— Вотъ, значитъ, нужно смазать машинку, и тогда всѣ посторонніе звуки смягчатся и даже уничтожатся.

— Извѣстно, не помажешь, не поѣдешь,—произнесъ кто-то въ толпѣ.

Грустный учитель едва замѣтно улыбнулся. Григорій Ивановичъ нахмурился и пошелъ въ домъ за масломъ, которымъ его жена смазывала швейную машину. Вернулся, засучилъ рукава и началъ возиться съ граммофономъ. Паробки нетерпѣливо но съ уваженіемъ слѣдили за тѣмъ, какъ двигались руки Сторожевскаго. Прошло минутъ десять. Кто-то кашлянулъ.

— Сейчасъ, сейчасъ,—успокоительно произнесъ Григорій Ивановичъ и снова положилъ на зеленый кругъ пластинку,—пустилъ.

— *Ш-ш-ш-ш...*

— Сейчасъ, сейчасъ,—повторилъ Сторожевскій и что-то поправилъ.

Но опять раздалось шипѣніе, похожее на звуки, которые испускаетъ разозлившійся гусакъ.

И больше ничего.

Левко громко фыркнулъ, а за нимъ остальные. У Сторожевскаго задрожали руки.

— Наглецы, подлецы, чего сюда собрались реготать—ни черта не понимаете въ механикѣ, а туда же... Вонъ отсюда... Я васъ не звалъ... Шляются по чужимъ дворамъ! Погодите, осенью всѣхъ заберутъ...

Когда онъ поднялъ голову, паробки были уже далеко. Кто-то изъ нихъ замѣчательно вѣрно передразнивалъ граммофонъ:

— *Ш-ш-ш-ш...*

Сторожевскій хотѣлъ натравить вслѣдъ цѣпного пса Мухтара, но опомнился и, все еще дрожащими руками, понесъ граммофонъ въ домъ.

Вспыльчивость была его болѣзнью. Какъ ни старался онъ владѣть собой, но спохватывался обыкновенно только тогда, когда отношенія были уже испорчены. Всякую непріятную фразу онъ называлъ «наглостью», а всякую ласку—«кисляйствомъ». Еще въ молодости любилъ онъ поговорку: «Тьмы низкихъ истинъ намъ дороже насъ возвышающій обманъ»... Затѣмъ подымалъ палецъ вверхъ и важно произносилъ:

— А кто это сказалъ? А? Вотъ и не знаете...

ГЛАВА III.

Сѣялъ дождикъ. Еще не вставало солнце, мокрая паутина всю ночь застилала звѣзды. Часы въ столовой почему-то остановились, и Чопокъ долго не могъ сообразить, рано или поздно проснулся. Босой, въ однѣхъ кальсонахъ стоялъ онъ на крыльцѣ и чесалъ въ затылкѣ до тѣхъ поръ, пока не увидѣлъ, что пастухъ идетъ къ колодцу; остановилъ его и негромко сказалъ:

— От-що, Петро! Запряжи менi зараз гнiдого у бричку, та швидко.

Пастухъ поковырялъ у себя въ носу и пошелъ въ конюшню.

Спиридонъ Васильевичъ наскоро одѣлся, ополоснулъ лицо возлѣ корыта и началъ помогать пастуху запрягать. Чопокъ хотѣлъ уѣхать въ городъ, пока не проснулась Настасія Петровна, и это ему удалось. Когда Монаховка осталась версты за двѣ позади, онъ пустилъ лошадь шагомъ.

Чопокъ вспоминалъ свою первую жену, вспоминалъ вторую и наконецъ третью—Настасію Петровну, всѣ онѣ съ его точки зрѣнія были идеалистками и барынями, не любившими копить денегъ, а потому дѣла дѣлать всегда лучше было безъ ихъ совѣтовъ, а о сдѣланномъ разсказать уже послѣ.

Теперь онъ рѣшилъ взять изъ банка свои двѣ тысячи и

сегодня же купить одну изъ закладныхъ у еврея, который далъ денегъ Анатолію Петровичу. «Ему нельзя имѣть собственности въ нашихъ мѣстахъ,—соображалъ Спиридонъ Васильевичъ, и если я ему предложу сверхъ процентовъ еще двѣ сотни, онъ уступитъ, а можетъ быть, уступитъ и за одну сотню».

И все уладилось.

Деньги въ казначействѣ выдали безъ задержки. Еврей, владѣлецъ закладной, оказался дома, и помирился только на полутораста рубляхъ надбавки. Сейчасъ же и къ нотаріусу пошли.

Къ вечеру погода вдругъ стала ясной и ласковой. Чопокъ купилъ чаю и сахару, потомъ пошелъ въ игрушечную лавку и выбралъ сыну большого бумажнаго коня, рядомъ въ желѣзной лавкѣ онъ купилъ еще хорошія съ голубоватымъ отливомъ стальныя англійскія вилы и быстро зашагалъ на постоялый дворъ запрягать лошадь.

Хотѣлось вернуться домой до захода солнца. Думалось: «Если Настя и разсердится, то будетъ кричать не больше двухъ часовъ, и можно перетерпѣть, затѣмъ она утомится, и мы сядемъ ужинать, а закладная все-таки останется у меня въ карманѣ, и усадьба Анатолія будетъ моя. Кончикъ отъ петельки въ моихъ рукахъ, теперь нужно только выждать время и подтянуть, не торопясь».

Но и дома Чопку повезло. Настасія Петровна крѣпко цѣнила всякую ласку къ сыну и, увидѣвъ привезенную мужемъ игрушку, улыбнулась и даже не стала спрашивать, зачѣмъ Спиридонъ Васильевичъ ѣздилъ,—она была убѣждена, что мужъ получалъ проценты.

Въ этотъ вечеръ ей нужно было поглядѣть, выпололи ли дѣвки спаржевую фасоль и клубнику.

Когда наступила темнота, сейчасъ же и легли спать. Чопокъ нарочно началъ чмокать губами и храпѣть, чтобы жена не вздумала обратиться къ нему съ разспросами. Рѣшилъ сказать ей о своей спекуляціи только черезъ недѣлю. А на слѣдующее утро отбилъ косу и пошелъ накосить травы для телятъ. Чопокъ любилъ эту работу дѣлать въ одной рубахѣ и, замахиваясь косой, часто думалъ: «Теперь я похожъ на Льва Толстого... Нужно только не упустить вторую закладную».

ГЛАВА IV.

Все лѣто Володя Крикливый злился: не удавалось получить мѣсто земскаго начальника, и мало было надежды сдѣлаться мировымъ судьей.

Кроткая, молчаливая жена Володи слушала его воркотню, украдкой плакала и не знала, чѣмъ помочь мужу. Старуха-мать тоже крѣпко досадовала и какъ-то сказала:

— Чѣмъ же мы виноваты?... Ты самъ понимаешь, что безъ протекціи никакого мѣста получить невозможно,—пойди къ своему родственнику Сторожевскому и скажи, чтобы онъ за тебя попросилъ, а главное, чтобы подалъ голосъ на выборахъ, и получишь мѣсто члена управы.

— А ну его къ чорту!

— Ты всѣхъ посылаешь къ чертямъ, а они тебя туда же... Вотъ и сиди.

— Ахъ оставьте, надоѣло.

Крикливый поймалъ на стеклѣ съ окна осу, бросилъ и со вкусомъ раздавилъ ее ногой, затѣмъ взялъ дубинку съ кожанымъ наручникомъ и пошелъ въ садъ.

Прежде онъ безумно любилъ эти деревья и дорожки, и казались они ему великой роскошью и радостью, а теперь рисовались жалкими и безпомощными столѣтніе вязы, трухлые въ серединѣ, и отвратительными красные тараканы, суетившіеся въ дуплѣ.

Хотѣлось убѣжать отсюда на край свѣта или застрѣлиться. Было стыдно своей безпомощности передъ женой, которая ему вѣрила.

Звонили въ церкви въ одинъ колоколъ, и это раздражало. Володя увидѣлъ кошку, кравшуюся въ травѣ, осторожно вынулъ изъ кармана «браунингъ» и выстрѣлилъ въ нее, но не попалъ и снова разозлился.

Тяжелѣе всего было отъ сознанія, что у него крутой и черезчуръ искренній характеръ, при которомъ невозможно жить съ людьми и пользоваться ихъ симпатіями.

Но къ Сторожевскимъ Володя все-таки пошелъ.

Григорій Ивановичъ и его пухлая, купеческой складки, жена на верандѣ пили чай. На блюдѣ красовался окорокъ домашней ветчины. Было поставлено масло, хлѣбъ и вареніе.

— А-а-а, здравствуй, здравствуй, почему давно не заглядываешь?

Сторожевскій, не вставая съ кресла, протянулъ гостю руку.

— Да такъ... Ну какъ поживаешь?

Крикливый приходился Григорію Ивановичу племянникомъ и, встрѣчаясь, они говорили другъ другу ты.

— Спасибо, ничего себѣ. Садись. Ѣсть хочешь? Въ кого стрѣлялъ?

— Въ кошку. Нѣтъ, спасибо, я ѣсть не хочу.

— А у насъ окорокъ, да какъ будто соленый вышелъ...

Володя улыбнулся. Жена Григорія Ивановича покраснѣла и быстро протараторила:

— Ты, Гриша, чепуху разсказываешь: и нисколько не соленый, попробуйте, Володя...

— Нѣтъ, благодарю васъ, мы недавно обѣдали.

Крикливый хотѣлъ поговорить сначала объ охотѣ и о томъ, какія чудесныя груши уродились въ саду Григорія Ивановича, и вообще пойти дипломатическимъ путемъ, но не выдержалъ и вдругъ брякнулъ:

— Ты на выборы въ земскую управу поѣдешь?

— Не знаю, можетъ быть, и поѣду,—вѣдь еще не скоро.

— Такъ ты скажи предсѣдателю, что я хочу быть членомъ и что я буду работать.

— Какъ это «скажи»? Я могу голосовать за тебя, ну и сначала позондировать почву.

— Вотъ, вотъ...

— Хорошо.

— Значитъ, и все!—громко сказалъ Володя.—Ну, давайте, ужъ я попробую вашей ветчины.

Крикливый отрѣзалъ тоненькій кусочекъ безъ жира, положилъ его въ ротъ, пожевалъ и сейчасъ же выплюнулъ.

— Пфэ... одна соль!..

Хозяйка что-то отвѣтила и налила гостю чаю, но Володя отказался и отъ чая.

— Ты бы на войну ѣхалъ... Ты еще молодъ, здоровъ,— наставительно произнесъ Сторожевскій.

— А на кого я семью оставлю?

— Да ты ей и не нуженъ, — все равно, ничего не дѣлаешь...

— Я больной человѣкъ, у меня нервные припадки бываютъ,—съ досадой сказалъ Володя.

— Пустяки. Ты не пьешь, не куришь...

— Ты не знаешь, какъ я себя чувствую послѣ припадковъ, оттого тебѣ и кажется, что это пустяки. Ты лучше устрой меня въ члены управы, я все-таки въ университетѣ хоть два года былъ, а тамъ служатъ такіе...

— Такіе, которые работать умѣютъ.

— И я сумѣю.

— Ты начнешь орать и ругаться трехэтажными словами еще кого-нибудь побьешь...

— Зря не обругаю и не побью. Такъ слушай, будешь за меня голосовать?

— Да, это можно.

— Ну, теперь я спокоенъ, а пока до свиданія, а то уже темно дѣлается.

Володя Крикливый подалъ руку сначала женѣ Григорія Ивановича и такъ пожалъ, что женщина крикнула, затѣмъ попрощался съ хозяиномъ, кивнулъ головой и, помахивая дубинкой, медленно пошелъ по дорожкѣ. Вдругъ остановился, обернулся и крикнулъ:

— А ветчину можно вымочить въ водѣ, а еще лучше собакамъ отдать!

— Дуракъ,—тихо сказала жена Сторожевскаго, посмотрѣла на Григорія Ивановича и добавила:—и ты дуракомъ будешь, если за него голосовать станешь.

Сторожевскій ничего не отвѣтилъ, свистнулъ своего рыжаго сетера Гамида, обождалъ, пока прибѣжала собака, и направился къ воротамъ совершать вечернюю прогулку.

Мать Володи встрѣтила его и торопливо начала спрашивать:

— Ну что, ну что? Говорилъ? Засталъ?

— Засталъ и говорилъ.

— Ну и что жъ?

— Сказалъ, что будетъ голосовать, значитъ, и выберутъ и жалованіе будетъ обезпечено.

— Ну и слава тебѣ, Господи, — отвѣтила старуха и вытерла пальцами ротъ.

Въ этотъ вечеръ жена Володи тоже радостно улыбалась, но ни о чемъ не спрашивала.

— А ты что жъ молчишь?—крикнулъ ей Володя.

Она снова улыбнулась мягко и застѣнчиво.

Все время до замужества жившая въ городѣ и послѣ замужества наивная, какъ дѣвушка, она многаго не понимала въ деревенской жизни, не знала, что значитъ переучесть вексель, не понимала, почему теперь невыгодно продавать лѣсъ, а прежде было выгодно, а главное, не могла уяснить, почему такому мѣчательному человѣку, какъ ея мужъ, не хотятъ дать хорошаго мѣста, и неясно было ей, что это за выборы и почему не выбираютъ тѣхъ, кто хочетъ получать жалованіе.

Володю она рѣдко объ этомъ спрашивала, чтобы не разсердить. Онъ чувствовалъ и цѣнилъ ея деликатность, и теперь вдругъ крѣпко, точно цирковой борецъ, обнялъ ее за шею и поцѣловалъ въ ухо.

Ссоры съ крестьянами изъ-за пустяковъ и подтруниваніе родственниковъ надъ его, какъ онъ думалъ, вынужденнымъ бездѣльемъ, частые разспросы матери,—все это опротивѣло.

Спасало одиночество, которое онъ сталъ любить все больше и больше. Онъ говорилъ и думалъ, что садъ ему надоѣлъ, но здѣсь только и бывалъ спокоенъ, сидя на скамеечкѣ подъ столѣтнимъ вязомъ въ лѣтнюю ночь, а зимой въ своемъ кабинетѣ, куда не всегда пускалъ не только мать, но и жену.

Тридцатилѣтній человѣкъ, Володя жилъ воспоминаніями, и все прошлое представлялось ему поэтическимъ и прекраснымъ, а настоящее и будущее ужаснымъ, невыносимымъ...

Володя не зналъ своего мѣста на землѣ и не умѣлъ опредѣлить цѣли своего существованія. Теперь ему казалось, что эта цѣль—чиновничье мѣсто или вообще мѣсто съ двадцатымъ числомъ. Инстинктомъ онъ чуялъ, что нигдѣ не удержится, что вездѣ можетъ «ляпнуть» горькую правду, за которую его попросятъ удалиться. Потребность быть искреннимъ, искреннимъ до цинизма съ дѣтства была у него такъ же велика, какъ у привычнаго пьяницы страсть къ спирту.

Былъ одинъ способъ высказывать свои мысли и желанія безъ риска,—это вести дневникъ, и Володя его велъ съ четвертаго класса гимназіи. Этому его научилъ когда-то любимый, уже умершій, двоюродный братъ. Сначала Володя писалъ въ простыхъ пятикопеечныхъ тетрадяхъ, затѣмъ началъ покупать такъ называемые «общіе», а со времени студенчества его дневники были уже цѣлые томы, заполненные семейной хроникой, интимными переживаніями и несбыточными мечтами.

Въ нѣдрахъ дѣдушкина огромнаго письменнаго стола хранилось уже двадцать восемь толстыхъ тетрадей, которыхъ не видалъ и не читалъ никто, кромѣ ихъ автора. Изслѣдователь человѣческой души и врачъ-психопатологъ пришли бы въ восторгъ, если бы могли получить въ собственность эти мемуары.

А Володя думалъ: «Нужно будетъ сжечь!» Но все откладывалъ и продолжалъ писать дальше, не подозрѣвая, что цѣль жизни у него есть, что онъ уже зафиксировалъ больше пятнадцати лѣтъ своей и чужой жизни, что онъ всегда былъ писателемъ и умретъ писателемъ, хотя, можетъ быть, и ни разу непечатавшимся при жизни.

И родственники этого не подозрѣвали и все надѣялись, что Володя когда-нибудь образумится, очнется отъ своего бездѣлья и «достигнетъ» земскаго начальника.

ГЛАВА V.

Налетѣла съ большой дороги буря, подняла цѣлый смерчъ пыли, полила всю Монаховку тропическимъ дождемъ, который вдругъ перешелъ въ градъ, точно картечь, сыпавшійся на уже начавшіе колоситься хлѣба.

Полегла пшеница, полегъ овесъ, разбились вдребезги стекла въ парникахъ Настасіи Петровны. Поднявъ хвосты, бѣжали домой коровы. Карьеромъ первыя примчались въ Монаховку свиньи.

Людямъ казалось, что весь урожай погибъ. Охвативъ голову руками, стоялъ на крыльцѣ Чопокъ, весь мокрый, и раскачивался изъ стороны въ сторону, какъ еврей на молитвѣ. Съ тревогой на лицахъ глядѣли на свои груши и сливы Григорій Ивановичъ и его жена. Зажегъ страстную свѣчу и шепталъ молитвы старикъ Сумочка. Растворилъ всѣ окна и жадно глоталъ чистый воздухъ Володя Крикливый.

Вечеромъ вся Монаховка благоухала, и на этотъ разъ зашло солнце не за тучу — веселое, блестящее. Затѣмъ двѣ недѣли прошли при отличной погодѣ. Поднялись хлѣба, и бодрѣе глядѣли крестьяне на море колосьевъ и уже не боялись за урожай.

Чопокъ совсѣмъ расхрабрился. За вечернимъ чаемъ взялъ да и сказалъ женѣ, что купилъ одну изъ закладныхъ Анатолія, и она лежитъ у него въ карманѣ. Глаза Настасіи Петровны расширись, какъ у совы, и она долго не знала, съ чего начать, а мужъ не давалъ ей выговорить ни одного слова и продолжалъ:

— Необходимо, какъ можно скорѣе, выкупить вторую закладную, а то будетъ морока. Затѣмъ слѣдуетъ написать твоему братцу, что онъ теперь въ нашихъ рукахъ, но конечно въ мягкой формѣ, чтобы онъ былъ убѣжденъ, что мы хотимъ его «вызволить»...

— Ну?..—наконецъ произнесла жена.

— А ты не нукай, а поѣдемъ завтра въ городъ, да выкупимъ документъ, а для этого необходимо взять и твои деньги.

Спорили цѣлый вечеръ.

Чопокъ настоялъ на своемъ. Онъ, точно поэтъ, захлебываясь, говорилъ о красотѣ усадьбы Анатолія и о домѣ, который выстроилъ отецъ Настасіи Петровны.

На слѣдующій день поѣхали.

Все сдѣлали, но приплатить пришлось немножко больше. Тѣмъ не менѣе, видно было, что и жена довольна. Точно молодой, обнималъ въ эту ночь ее, старую, больную, Чопокъ. Затѣмъ

отдыхалъ отъ поцѣлуевъ и вѣрилъ, что онъ геніальный человѣкъ, и вспоминалъ, какъ вчера въ уѣздномъ городѣ одинъ купецъ ему сказалъ:

— Вы-таки, господинъ Чопокъ, коммерческая голова и обдѣлали хорошее дѣло. Не теперь, такъ черезъ десять лѣтъ, хорошо заработаете, вотъ посмотрите!

Еще черезъ недѣлю, совсѣмъ неожиданно, вернулся изъ-за границы Анатолій Петровичъ и въ тотъ же день пріѣхалъ къ сестрѣ. Чопка не было дома. Онъ ушелъ въ поле и наблюдалъ за тѣмъ, какъ накладывали снопы на огромную телѣгу-гарбу...

Настасія Петровна едва узнала брата: постарѣлъ, облысѣлъ, растолстѣлъ и одѣтъ былъ какъ-то не по-русски. Поздоровались и даже поцѣловались.

Анатолій Петровичъ закурилъ сигару и спросилъ:

— Правда ли, будто ты скупила мои закладныя?

— Правда, но это не я... Я была противъ этого, но у него были свои деньги... Ты думаешь, я этого хотѣла?

— Ну что жъ, покупай и всю усадьбу,—мнѣ ее не удержать. И крестьяне хотятъ купить, а ты, конечно, дашь дороже, потому что усадьба рядомъ съ твоей землей...

— Почему это и съ какой стати дороже? Какъ другіе, такъ и я. Ты будешь шляться по свѣту, а мы тебя обогащать?

— Врядъ ли я стану отъ этого богаче и затѣмъ мнѣ не нравится твой тонъ.

— Что жъ дѣлать, если я не умѣю иначе говорить.

И женщина опять замахала руками и затараторила быстро, быстро, какъ дождь. Слова: проценты, закладныя, капиталъ, десятины, вексель... летѣли—будто изъ граммофона.

Художникъ почти не слышалъ. Онъ помнилъ сестру еще изящной и нестарой дѣвушкой, и теперь ему не вѣрилось, что передъ нимъ въ синемъ, грязномъ капотѣ визгливая полустаруха— это она самая. Не поднимая головы, исподлобья Анатолій Петровичъ осмотрѣлъ комнату и мебель,—все не бѣдно, только не чисто.

Онъ обождалъ, пока сестра доказала ему, что, пріобрѣтая усадьбу, она дѣлаетъ благодѣяніе, а сама потерпитъ большіе убытки.

Художникъ улыбнулся, вынулъ часы, опять спряталъ ихъ и какъ будто лѣниво произнесъ:

— Ты мнѣ вотъ что скажи: я для тебя такой же продавецъ, какъ и первый встрѣчный?

— Такой же.

— Ну, мнѣ больше ничего не нужно, а о процентахъ, закладныхъ, пошлинахъ и всемъ прочемъ съ вами будетъ разговаривать мой повѣренный.

Еще разъ поглядѣлъ на сестру, надѣлъ шляпу, не прощаясь, повернулся и пошелъ къ ожидавшей его у воротъ извощичьей коляскѣ.

— А, конечно, намъ нужно думать о себѣ, у насъ нѣтъ талантовъ, мы не знаменитости,—визжалъ вслѣдъ бабій голосъ.

Художникъ сѣлъ въ экипажъ и дотронулся рукой къ спинѣ кучера. Лошади шагомъ пошли въ гору.

Всегда считавшій деньги самой непривлекательной стороной жизни человѣка, неясно представлявшій, что̀ такое капиталъ и проценты (они казались ему чѣмъ-то въ родѣ легальнаго воровства)—Анатолій Петровичъ скорѣе чутьемъ услыхалъ, что здѣсь въ деньгахъ весь пульсъ жизни, и ясно ему стало, что нужно снова удирать, и уже навсегда. Къ теплому морю, къ яркому солнцу, къ лѣнивымъ неаполитанцамъ, для которыхъ единственное богатство—свободное, какъ душа, вырвавшаяся изъ тѣла,—милое творчество...

И было ему еще понятно, что Настасія Петровна не виновата въ томъ, что у нея нѣтъ и не можетъ быть другихъ идеаловъ.

Оглянулся на Монаховку, на синеватыя кроны теперь чужого парка, на уголъ крыши дома. И вспомнились слова поэта:

Чигирине, Чигирине,
Все на світі гине...

И не было слезъ въ глазахъ Анатолія Петровича. Сухая, горячая тоска палила его сердце...

ГЛАВА VI.

Затѣмъ Анатолію Петровичу пришлось цѣлую недѣлю жить въ уѣздномъ городѣ, ходить къ нотаріусу, посылать телеграммы, отправлять нарочныхъ въ Монаховку, а по вечерамъ разговаривать съ повѣреннымъ.

Оскорбительнѣе всего было, что сестра продолжала торговаться за каждые сто рублей и каждый разъ присылала сказать повѣренному, что они передумали. Художникъ не сомнѣвался, что ея слова, будто она является спасительницей родового дома,

продиктованы ея мужемъ и необходимы для склоненія на свою сторону мнѣнія сосѣдей, чтобы не быть заподозрѣнными въ желаніи не упустить момента.

Чопокъ любилъ декорацію вообще и боялся тѣхъ, кто могъ обнажить его душу. Здѣсь онъ хитро укрылся за лиловый капотъ уставшей отъ вѣчныхъ заботъ Настасіи Петровны.

Жалость Анатолія Петровича къ этимъ людямъ смѣнилась презрѣніемъ. До смерти хотѣлось какъ можно скорѣе кончить, бросить имъ то, чего они такъ добивались. А нотаріусъ равнодушно заявлялъ, что пока изъ окружнаго суда не будетъ прислана копія какого-то вводнаго листа,—ничего подѣлать нельзя.

Томились у нотаріуса и мужики въ тяжелыхъ, пахнущихъ дегтемъ, чоботахъ, привозили сюда умирающихъ стариковъ подписывать духовныя завѣщанія, приходили бабы съ провалившимися носами, суетились маклера, и всѣ мечтали только о матеріальныхъ выгодахъ. По трое сутокъ сидѣли на крыльцѣ и курили махорку дальніе крестьяне, и вонючій дымъ плавалъ въ сѣняхъ и тянулся на улицу.

Шелестѣли писцы пачками векселей, отворялся и затворялся денежный шкафъ, мычала подъ окномъ корова и почему-то звонили безъ конца въ городскомъ соборѣ. Отъ пыли тяжело было дышать.

Анатолій Петровичъ сидѣлъ, ждалъ и думалъ: «Всѣ эти люди увѣрены, что въ деньгахъ и есть самая настоящая жизнь... И стоило для этого родиться на свѣтъ Божій?..»

Украдкой онъ вынималъ альбомчикъ въ парусиновомъ переплетѣ и, дѣлая видъ, будто что-то записываетъ, набрасывалъ характерныя головы съ блестящими отъ пота носами и руки, тянувшіяся къ засаленнымъ кредиткамъ. И снова приходило въ голову: «Какъ бы ни были прекрасны воспоминанія о Монаховкѣ, какъ бы ни были дороги ея деревья и домикъ съ зеленой крышей, но остаться здѣсь—все равно, что добровольно запереться въ одиночную камеру. Этимъ людямъ кажется, что я бездѣльникъ, а мнѣ, что ихъ дѣло скучное и страшное, какъ могила. Все непрактическое здѣсь, точно у нѣмцевъ, равняется нулю, и я равенъ нулю».

Черезъ двѣ недѣли съ продажей было кончено. Повѣренный подалъ деньги художнику и умолялъ пересчитать ихъ.

— Да, зачѣмъ же, вѣдь вы не мошенникъ.

— Но могла произойти ошибка.

— Во всякомъ случаѣ, и въ ней—вы не виноваты.

Повѣренный улыбался и опять говорилъ:

— А вдругъ тамъ не хватаетъ двадцати пяти рублей?

— Ну и Богъ съ ними... Мнѣ нужно спѣшить на вокзалъ, еще разъ благодарю васъ.

Анатолій Петровичъ пожалъ ему руку и почти убѣжалъ.

Такъ и не поняли другъ друга.

Пріѣхавшій случайно къ нотаріусу Сумочка долго разспрашивалъ повѣреннаго, не обнаруживаетъ ли художникъ вообще какихъ-нибудь странностей. И потомъ отъ себя добавилъ:

— Я слыхалъ, что онъ лѣчится отъ нервовъ, через то что несчастный, и по заграницамъ все путешествуетъ.

Пришелъ сюда и Володя Крикливый и тоже подтвердилъ:

— И мнѣ говорили, что у этого Анатолія здѣсь не того.

Володя повертѣлъ указательнымъ пальцемъ возлѣ своего низкаго лба и добавилъ;

— Вѣдь могъ же онъ продать гораздо выгоднѣе въ разсрочку крестьянамъ, а домъ на сносъ, а паркъ на срубъ... Тысячъ пятнадцать бы и взялъ.

— Онъ выгоды не понимаетъ,—отвѣтилъ Сумочка.

— Ну да, не понимаетъ! Все понимаетъ, только прикидывается. Скажите, вы не знаете, когда будутъ выборы?

— Кажется, въ іюлѣ—въ концѣ.

— Это плохо,—крикнулъ Володя,—долго ждать придется,—затѣмъ онъ обругалъ своихъ будущихъ выборщиковъ и пошелъ къ велосипеду, на которомъ пріѣхалъ.

Ночью, въ своей усадьбѣ, въ кабинетѣ Володя долго писалъ дневникъ и сдѣлалъ такой же выводъ, какъ и Анатолій Петровичъ, котораго онъ считалъ дуракомъ:—что жить тѣми интересами, которыми живутъ мѣстные люди, просто невозможно. И какъ-то сходились у Володи двѣ совсѣмъ разныя мечты: уѣхать на край свѣта или сдѣлаться если не членомъ управы, такъ земскимъ начальникомъ.

И томился Володя цѣлое лѣто.

ГЛАВА VII.

Чудесные дни и вечера наступили въ началѣ іюля. Перекликались перепела въ неубранномъ еще просѣ. Овесъ и рожь кое-гдѣ уже лежали въ покосахъ, и виднѣлись на горизонтѣ лиловыя копны. Суетились какъ муравьи люди,—больше бабы и старики.

Чопокъ вставалъ въ четыре часа. Къ шести онъ забѣгалъ

домой позавтракать, успѣвалъ побраниться съ женой, и каждый споръ начинался одной и той же фразой:

— Если бы не я, такъ ты бы еще ему прибавила, а нужно было выждать, онъ бы и сбросилъ пятьсотъ!

— Спиридонъ Васильевичъ, замолчи.

— Чего мнѣ молчать? Я правду говорю, все равно, пропащія деньги, и онъ ихъ проѣздитъ.

— А мы что будемъ дѣлать съ его усадьбой?

— Я найду, что дѣлать.

— Денегъ нѣтъ и доходовъ нѣтъ,—мертвый капиталъ.

— Постой, постой, уберемся съ хлѣбомъ, я этотъ мертвый капиталъ оживлю, и ты увидишь, какіе онъ будетъ давать проценты.

Повторялся этотъ разговоръ и вечеромъ, но продолжался недолго. Усталые, они ложились спать рано. Во всей Монаховкѣ теперь отдыхалъ только одинъ человѣкъ, Григорій Ивановичъ Сторожевскій.

Съ ружьемъ за плечами, съ любимымъ сетеромъ Гамидомъ, выходилъ онъ передъ вечеромъ на тягу. Полевой дорожкой шагалъ къ изумрудному зеленому болоту. Было тамъ много утокъ, бекасовъ и простыхъ куличковъ. Еще далеко можно было различить цвѣты бобовника и бѣлыя точки водяныхъ лилій. Колыхалась осока. Кружилась вверху чайка надъ стогами сѣна, которое отсюда можно было убрать только послѣ заморозковъ по санному пути.

Не спѣша, чтобы не затратить напрасно энергіи, двигалась фигура Григорія Ивановича. Настойчивымъ свистомъ онъ звалъ назадъ собаку, если Гамидъ слишкомъ убѣгалъ впередъ. Сторожевскій дышалъ предвечернимъ воздухомъ, глядѣлъ на спины работавшихъ на полѣ слѣва и справа крестьянъ, и было ему хорошо.

Двадцать пять лѣтъ прослужилъ онъ штатныхъ да пять сверхштатныхъ и теперь часто думалъ:

— «Я умно сдѣлалъ, что во время службы откладывалъ небольшія сбереженія и что продалъ пахоть крестьянамъ, а усадьбу оставилъ. Деньги въ банкѣ, пенсія въ казначействѣ, только и труда, что перваго числа съѣздить въ городъ отрѣзать купоны, да получить по книжкѣ... Я хорошо сдѣлалъ, что женился на женщинѣ, у которой нѣтъ дѣтей и теперь нѣтъ у меня ни передъ кѣмъ отвѣтственности... Если беречь здоровье, можно прожить еще двадцать пять лѣтъ. Я и сейчасъ моложе своихъ лѣтъ»...

Жаль было только, что время идетъ слишкомъ быстро и нельзя его остановить никакими сбереженіями и никакимъ пищевымъ режимомъ. Уже въ концѣ іюля, послѣ знойнаго дня шелъ онъ своей дорогой на болото и вдругъ вспомнилъ, что завтра выборы и что онъ обѣщалъ Володѣ Крикливому голосовать и поговорить съ кѣмъ слѣдуетъ.

«Значитъ, нужно надѣвать воротничекъ и галстухъ и черный сюртукъ... Ахъ, какая досада, что обѣщалъ».

Настроеніе начало портиться, но въ это время Григорій Ивановичъ машинально свернулъ съ дороги, и почва подъ его ногами стала мягкой. Сапоги точно сдѣлались тяжелѣе. Собака вдругъ замерла и приподняла переднюю лапу. Сами пальцы легли на спускъ ружья, и протянулись впередъ стволы.

— Пиль!

Собака, какъ тугая пружина, дернулась впередъ.

Двѣ молодыхъ уточки вспорхнули, круто повернули и снова тяжело упали, одна мертвой, а другая съ перешибленнымъ крыломъ.

Григорій Ивановичъ, какъ молодой, подбѣжалъ и схватилъ ту, которая еще была жива. Не торопясь, вырвалъ у нея изъ крыла перо и воткнулъ его птицѣ въ затылокъ; она затрепыхалась, и вытянулись темные холодные плавники. Сторожевскій положилъ обѣихъ утокъ въ сѣтку и пошелъ дальше. Черезъ пять шаговъ налетѣлъ бекасъ и тоже упалъ. Къ заходу солнца сѣтка была почти полна, лѣвая сторона куртки и штановъ выпачкались въ желтоватую грязную кровь. Сторожевскій подумалъ о томъ, какъ хорошо, что почти всѣхъ молодыхъ охотниковъ взяли въ солдаты, и поэтому дичи въ этомъ году будетъ гораздо больше.

Настроеніе сразу улучшилось, и домой онъ шелъ бодрый, здоровался и разговаривалъ съ возвращавшимися съ поля мужиками. Не сердила и не страшила даже мысль о томъ, что завтра нужно ѣхать на выборы, хотѣлось только, точно игроку, взявшему хорошую ставку, поохотиться еще завтра, и думалось, что раннимъ утромъ дичи будетъ еще больше.

Григорій Ивановичъ быстро переодѣлся и съ удовольствіемъ вышелъ на веранду попить чайку. Жена хлопотала возлѣ самовара.

— Не наливай такъ крѣпко,—сказалъ ей мужъ,—въ наши годы всякій наркозъ, даже самый слабый, такъ или иначе отзывается вредно. А на болотѣ сегодня чудесно было. Пойду, вѣроятно, и завтра.

— Конечно, пойди.

— Да, но я обѣщалъ Володѣ поѣхать на выборы.

— Скажите, пожалуйста, съ какой это стати ты будешь терять день и морить лошадь? Если выберутъ, такъ и безъ тебя выберутъ.

— Это бы ничего, и лошадь пробѣгалась бы, а вотъ сюртукъ надѣвать..

— А я ему скажу, будто ты свой сюртукъ одолжилъ Сумочкѣ, а онъ уѣхалъ...

— Не повѣритъ. Сумочка чужого сюртука не надѣнетъ.

— Ну скажу, что ты еще весной отвезъ сюртукъ въ губернскій городъ передѣлывать.

— Тоже не повѣритъ.

— Какъ это не повѣритъ, вѣдь ты же и въ самомъ дѣлѣ въ апрѣлѣ ѣздилъ въ дворянскій банкъ.

— Да, но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что его все равно не выберутъ, а сказать ему прямо—обидится.

— Иди на охоту, а въ остальномъ положись на меня. Я сумѣю сказать такъ, какъ нужно.

— Ну, спасибо.

Григорій Ивановичъ отодвинулъ въ сторону стаканъ чая, налилъ себѣ кипяченаго молока, выбралъ кусокъ хлѣба посуше и сталъ пить и ѣсть.

Уже показались звѣзды на потемнѣвшемъ небѣ, и застучалъ въ доску, возлѣ церкви, сторожъ.

ГЛАВА VIII.

Володя Крикливый проснулся не очень рано, но вспомнилъ, что сегодня выборы, и быстро одѣлся. Вышелъ на крыльцо, увидѣлъ своего работника и крикнулъ:

— Грицько!

— Чого?

— Ты не видѣлъ, проѣхалъ Григорій Ивановичъ въ городъ?

— Як кажете?

Володя повторилъ.

— Ні, не бачив.

— Дуракъ.

Володя хлопнулъ дверью и вернулся въ домъ, встрѣтился съ женой, нѣжно на нее посмотрѣлъ и крѣпко ударилъ ладонью по спинѣ. Улыбнулся и сказалъ:

— Не кисни, не кисни!... Скоро получу мѣсто, будутъ деньги. Сегодня Гриша поѣхалъ на выборы, онъ все сдѣлаетъ.

Что происходитъ на выборахъ, Володя представлялъ себѣ неясно. Онъ зналъ одно, что сумѣетъ быть и членомъ управы, а если потребуется, то и земскимъ начальникомъ и даже мировымъ судьей, конечно, съ хорошимъ письмоводителемъ. Володя вѣрилъ, что на этомъ свѣтѣ вездѣ и все зависитъ отъ протекціи, и вѣрилъ, что въ уѣздномъ городѣ всѣ считаютъ Сторожевскаго человѣкомъ очень ученымъ, умнымъ и даже вліятельнымъ.

Послѣ утренняго кофе Володя ушелъ въ кабинетъ и сѣлъ за дневникъ. Онъ писалъ о томъ, что наконецъ близка уже нормальная жизнь, писалъ о томъ, какъ истомился и какъ тяжело ему глядѣть на мать, жену и сестру. Проклиналъ свою молодость и тѣхъ, кто, по его мнѣнію, помѣшалъ ему окончить университетъ.

Володя положилъ перо и поглядѣлъ на часы. До обѣда оставалось много времени, но хотѣлось еще сбѣгать къ женѣ Сторожевскаго и узнать, когда приблизительно можетъ вернуться Григорій Ивановичъ. Володя надѣлъ фуражку и, застегнувъ одной рукой на ходу тужурку, пошелъ черезъ садъ,—такъ было ближе.

Вся раскраснѣвшаяся и въ розовомъ капотѣ, супруга Григорія Ивановича варила вареніе и старательно снимала пѣнки. Увидѣвъ Володю, она положила ложку и какъ можно привѣтливѣе улыбнулась.

— Ну, здравствуйте!—сказалъ Володя и до боли сжалъ пухлую руку женщины,—хотѣлъ выразить заранѣе свою благодарность.

— Здрасьте.

— Вареніе варите?

— Да, черную смородину. Гриша ее очень любитъ.

— А когда онъ вернется?

— Онъ уже вернулся и спитъ.

— Изъ города?

— Нѣтъ, изъ болота.

— Развѣ выборы отмѣнены?

— Не знаю, кажется, нѣтъ.

— И въ городъ онъ совсѣмъ не ѣздилъ?

— Не ѣздилъ.

Володя поблѣднѣлъ, потомъ вдругъ покраснѣлъ, почти посинѣлъ и задыхаясь произнесъ:

— Почему?

— Такъ... Видите ли, онъ въ апрѣлѣ ѣздилъ въ губернскій городъ и тамъ отдалъ въ передѣлку свой сюртукъ. Ну и до сихъ поръ не выписалъ, по почтѣ стоитъ очень дорого, и посылки

пропадаютъ; осенью, когда самъ поѣдетъ, тогда ужъ возьметъ... А безъ сюртука вѣдь на выборы нельзя. Скажутъ, неприлично, скажутъ, что опустился...

И она тараторила еще минуты двѣ быстро-быстро, стараясь улыбаться. Но Володя уже не слушалъ; точно разозленный быкъ, онъ уставился покраснѣвшими бѣлками глазъ въ землю, повелъ ими вправо и влѣво и вдругъ крикнулъ:

— Сволочи вы! Другихъ въ эгоизмѣ упрекаете, а сами... тоже родственники называются.

Дама не очень испугалась и коротко отвѣтила:

— Володя, здѣсь не кабакъ.

— Хуже кабака,—снова завопилъ онъ, круто повернулся и побѣжалъ назадъ.

Боялся, какъ бы не лопнуло сердце, такъ билось оно тяжело и часто. Въ аллеѣ своего сада онъ встрѣтилъ мать и еще издали громко произнесъ, точно капитанъ въ рупоръ:

— Не поѣхалъ! Сюртука нѣтъ!

Старуха поняла.

— Да не можетъ быть?

— Поди сама, если не вѣришь.

Володя вдругъ сѣлъ на скамейку, закрылъ голову руками, весь затрясся и заплакалъ, какъ мальчикъ. Слышно было потомъ, какъ онъ кого-то проклиналъ.

— Ахъ ты, Богъ ты мой, это жъ ужасно, вотъ подлецъ! Да вѣдь онъ обѣщалъ,—бормотала мать.

Поскрипывалъ старикъ-вязъ надъ ихъ головами, равнодушный и къ тому, что̀ дѣлалось здѣсь теперь и сто лѣтъ назадъ.

Жена Володи съ ребенкомъ на рукахъ сидѣла въ столовой одна передъ своимъ приборомъ и не могла понять, почему мужъ и свекровь такъ долго не возвращаются. Когда увидала лицо Володи, все поняла.

Въ этотъ день онъ не обѣдалъ. До самаго вечера лежалъ на кровати у себя въ кабинетѣ, заперся и не отзывался. Мать въ мягкихъ туфляхъ ходила за дверью и боялась, какъ бы онъ не застрѣлился. Жена кормила изъ блюдечка ребенка, и ея слезы иногда капали въ молочную кашку.

Только къ вечеру немного успокоился Володя и затѣмъ надолго изъ крикливаго сдѣлался молчаливымъ. По цѣлымъ днямъ сидѣлъ на балконѣ и долбилъ желѣзнымъ концомъ палки землю. А мать ходила вокругъ и старалась говорить какъ можно убѣдительнѣе и спокойнѣе:

— Ахъ, ты, Богъ ты мой. Не везетъ, такъ не везетъ. Вотъ

подлецы... Ну, Богъ съ ними, а если бы ты отъ людей не прятался, тебѣ бы помогли другіе... Вотъ ты все ругаешь Чопка, а онъ безъ службы живетъ и дѣла дѣлаетъ, я его вчера встрѣтила въ городѣ, и онъ разсказалъ, что добился, наконецъ, разрѣшенія устроить въ Монаховкѣ маленькое общество взаимнаго кредита, и надѣется скоро расширить операціи. Вотъ ты бы къ нему зашелъ и посовѣтовался...

— А ну его къ чорту! Оставьте, мама...

ГЛАВА IX.

Уже падали листья, пожелтѣла степь и было видно кругомъ верстъ на пятнадцать. Въ Монаховкѣ гудѣли молотилки.

Въ бывшей усадьбѣ Анатолія Петровича были сдѣланы вторыя новыя ворота, и туда часто заходили какіе-то люди. Порѣдѣлъ паркъ. Одни тополи еще не сбросили листьевъ и гордо смотрѣли вдаль. И пока не наступили морозы, не хотѣли они терять своихъ одеждъ. Миновалъ храмовой праздникъ и прошелъ безъ водки и безъ дракъ, а на дворѣ все еще было тепло.

Чопокъ сидѣлъ на крыльцѣ и говорилъ стоявшей возлѣ двери женѣ:

— Теперь ты видишь, что я былъ правъ, деньги хоть и затрачены, но часть ихъ уже вернулась, вернемъ и остальныя. Домикъ Анатолія и кусочекъ земли продали за три тысячи мужикамъ, и отъ этого усадьба почти не уменьшилась...

— Ну и продали, а ты же первый говорилъ, что его нужно беречь.

— Постой, не перебивай. Домъ будетъ цѣлъ, ты слушай и соображай... Домъ теперь нанятъ подъ кредитное товарищество и считается проданнымъ, но вѣдь директоръ кредитнаго товарищества я, значитъ, я и хозяинъ. Теперь эти три тысячи я вложилъ туда, и ихъ почти-что разобрали мужики и будутъ платить проценты на тѣ самыя деньги, которыя они внесли, какъ покупщики этого участка... Что жъ выходитъ? Домъ остался, капиталъ остался и проценты идутъ, вѣдь по восемь процентовъ—это не плохо. И мужики довольны. Я зналъ, что я дѣлалъ!..

Настасія Петровна на этотъ разъ не возражала, да и возразить было трудно. Они стали ссориться рѣже, и въ Монаховкѣ стало еще тише.

Сумочка отправилъ сына на войну, передъ этимъ взялъ въ

кредитномъ товариществѣ триста рублей и крѣпко благодарилъ Чопка. Рыжій учитель съ грустными глазами тоже уѣхалъ въ полкъ.

Володя пересталъ кланяться Григорію Ивановичу, и тотъ былъ очень радъ. Появились въ большомъ количествѣ вальдшнепы, жирные и тяжелые,—за нихъ хорошо платили въ городѣ. И по цѣлымъ днямъ Сторожевскому не хотѣлось вылѣзать изъ болота.

Покраснѣли листья бобовника, серебромъ покрывала ихъ и увядшую траву утренняя роса, и еще шире казались лиловыя дали...

Борисъ Лазаревскій.

СОЛОВЕЙ-ЛЮБОВНИКЪ.

(Волжская сказка...)

Послѣ сплошной красоты верхняго плеса, начало средняго, особенно по мѣрѣ приближенія къ Казани, начинаетъ казаться однообразнымъ и не поражаетъ взора путника пріятными неожиданностями. Только подъ Казанью горный берегъ начинаетъ опять привлекать ваше вниманіе, становясь выше, разнообразнѣе и, послѣ желтыхъ и бѣловатыхъ тоновъ обнаженныхъ горныхъ породъ, известковыхъ и глинистыхъ, такъ пріятно радуетъ глазъ зеленью склоновъ, лѣсами и поросшими кустарникомъ оврагами. Тамъ, гдѣ въ Волгу впадаетъ рѣка Свіяга, славящаяся прозрачностью и чистотою своихъ водъ, горный кряжъ берега уходитъ въ глубину и становится правымъ берегомъ огромной поймы, по которой бѣжитъ, извиваясь серебряной лентою на зеленомъ бархатѣ луговыхъ травъ, рѣка Свіяга. Уголъ горнаго кряжа круто вздымается въ высь, откосы его, обращенные къ луговой поймѣ и видные съ Волги, поросли густымъ и крѣпкимъ лиственнымъ лѣсомъ, а безконечные овраги и ущелья всѣ кудрявятся молодымъ березнякомъ. По красотѣ это мѣсто одно изъ лучшихъ на Волгѣ и, пожалуй, не уступитъ сказочнымъ Жегулевскимъ горамъ, этой исторической и художественной гордости всей Волги. Въ весенній разливъ, когда лоцмана забываютъ о меляхъ и перекатахъ, пароходы идутъ очень близко къ залитой свіяжской поймѣ, и красота этого мѣста встаетъ передъ вами во всемъ своемъ величіи. Вся эта поросшая кустами пойма, и овраги, и ущелья горъ славятся не только своей красотою, но еще и соловьями. Много ихъ бываетъ въ Жегуляхъ, но такого изобилія этихъ птицъ-поэтовъ и музыкантовъ, какое бываетъ весною въ этихъ мѣстахъ,—нигдѣ нѣтъ и не было. Это сплошное соловьиное царство! И по талантамъ своимъ они нисколько не уступаютъ прославленнымъ курскимъ соловьямъ... Любители соловьинаго пѣнія изъ окрестныхъ городовъ весной пріѣзжаютъ

въ городокъ Свіяжскъ, лежащій недалеко отъ впаденія Свіяги въ Волгу, спеціально послушать этотъ замѣчательный соловьиный оркестръ!

Изъ Казани въ Свіяжскъ бѣгаетъ маленькій пароходикъ, и потому каждый желающій попасть на весенніе симфоническіе соловьиные концерты очень легко можетъ доставить себѣ это рѣдкое удовольствіе. Я испыталъ его во дни далекой юности совершенно случайно и неожиданно и притомъ въ такое время, когда переживалъ не радость, а муку любви, когда я чувствовалъ себя самымъ несчастнымъ и ненужнымъ человѣкомъ въ мірѣ и грустно мечталъ о «томъ свѣтѣ», меньше всего склонный слушать соловьевъ...

Итакъ—все покончено! Я убѣдился, что нелюбимъ. У насъ, студентовъ, было страдное, горячее время—пора экзаменовъ,—а я не могъ сидѣть за книгой, не могъ ни о чемъ думать, не могъ ни о чемъ говорить. Лютая тоска и отчаяніе, ревность, ненависть къ сопернику, жгучее желаніе что-то узнать и въ чемъ-то окончательно убѣдиться и тогда рѣшить—жить или умереть... Я не находилъ мѣста днемъ, не спалъ ночи напролетъ, молился Богу, въ Котораго раньше рѣшилъ не вѣрить, плакалъ потихоньку, слушая доносившуюся изъ городского сада военную музыку, игравшую тоскливую «Лучинушку»... Однажды, когда тоска выросла до крайнихъ предѣловъ, я рѣшилъ бѣжать отъ нея куда-нибудь. Куда? Все равно, только бы не оставаться въ Казани, въ одномъ городѣ съ измѣнницей и съ тѣмъ, который... Однако, куда можетъ бѣжать бѣдный студентъ, весь мѣсячный бюджетъ котораго равняется четвертной? Въ Америку не поѣдешь! И я поѣхалъ въ Свіяжскъ. Былъ конецъ мая; вешнія воды шли быстро на убыль, и поемные волжскіе луга кое-гдѣ выглянули уже изъ-подъ воды и зеленѣли яркой и сочной травою. Свіяжскій пароходикъ набралъ очень много груза и пассажировъ, раза три ломался въ дорогѣ и въ дорогѣ же чинился, а въ концѣ концовъ храбрый капитанъ этого судна выпилъ лишнее и посадилъ насъ на мель верстахъ въ пяти отъ Свіяжска. Пока бились со съемкою парохода съ мели, свечерѣло. Капитанъ метался, кричалъ въ рупоръ, дергалъ звонокъ въ машинное отдѣленіе и накомандовалъ то «впередъ!», то «назадъ!», но ни впередъ, ни назадъ мы не двигались. Пассажиры роптали, давали совѣты капитану, потомъ стали ругаться:

— Что же намъ ночевать, что ли, здѣсь?

— А я что сдѣлаю?—огрызался измученный капитанъ.—Не хочешь ночевать, такъ иди съ Богомъ! Возьми одръ твой и иди!

— Я, вѣдь, не апостолъ Господень, чтобы по водамъ ходить! Мы люди грѣшные!

— А я святой, что ли?—кричалъ капитанъ.—У меня пароходъ не летаетъ, а плаваетъ!

— Мы, господинъ капитанъ, не на прогулку ѣхали, а по дѣламъ своимъ! Прибавь пару-то!

— Не дóржитъ онъ парóвъ!—острили на палубѣ. А время шло и шло. Капитанъ обругался и ушелъ въ свою каюту чай пить. На мачту пополз сигнальный фонарь; на небесахъ стали быстро потухать золотыя и розовыя ленты вечерней зорьки; какъ-то стихло во всей природѣ и на душѣ, и даже пароходъ нашъ пересталъ шумѣть паромъ и лишь пѣлъ котломъ тихо, грустно и жалобно, словно остывающій и покинутый на столѣ самоваръ. Щелкнулъ въ горахъ соловушекъ, другой, третій; въ луговой поймѣ имъ начали отвѣчать товарищи, одинъ, другой, третій; вотъ—въ ущельи, вотъ—гдѣ-то очень далеко, вотъ еще дальше...

— Засвистали соловушки!

Пока еще соловьи не пѣли, а какъ-то вскрикивали. Вскрикнетъ и смолкнетъ, словно прислушивается, гдѣ ему отвѣтятъ.

— Инструменты свои настраиваютъ, какъ въ Казани на Черномъ озерѣ!—говоритъ кто-то.

Дѣйствительно, похоже. Все чаще эти вскрики, ихъ все больше и больше, далекихъ и близкихъ. Кажется, что каждому такому вскрику отвѣчаетъ нѣсколько эхо; въ горахъ, въ оврагахъ, въ потемнѣвшихъ лугахъ, за Волгой, по берегамъ Свіяги. Вскрики начали переходить въ обрывки пѣсенъ, и скоро началась дружная соловьиная музыка, какой я не слыхалъ никогда въ жизни. Не могу и не буду пытаться описать вамъ эту необыкновенную музыку. Для этого нѣтъ словъ, какъ и вообще для всякой музыки. Сладкая грусть и грустная радость—ея главный мотивъ, а порой вдругъ прорвется такой потокъ счастія, такой экстазъ, что хочется обнять весь міръ, хочется раствориться въ таинственныхъ сумеркахъ тихой ласковой весенней ночи, слиться во-едино съ ея звѣзднымъ сіяніемъ, съ ея ароматными дуновеніями, съ ея трепетами и осторожными вздохами, съ ея странными шепотами и горячими дыханіями... И все равно: безмѣрно ли счастливы вы или безмѣрно несчастны въ этотъ моментъ, соловьиная музыка въ эти весеннія ночи въ «соловьиномъ царствѣ» разбудитъ въ вашей душѣ и въ самомъ тѣлѣ такой восторгъ, что вы совершенно забудете о себѣ, о своемъ

счастіи или несчастіи, и, поднявъ глаза къ звѣзднымъ небесамъ, мысленно скажете: «Слава Тебѣ, Господи!..»

Такъ было въ эту памятную ночь со мною. Утишились, улеглись муки любви, отлетѣли и растаяли въ соловьиномъ пѣніи, въ звѣздныхъ сіяніяхъ, въ синихъ глубинахъ воды и неба, въ ароматахъ ландыша на фонѣ тысячи весеннихъ запаховъ разныхъ травъ, молодой листвы, цвѣтовъ, и снова захотѣлось жить, жить и жадно вбирать въ себя всю эту красоту Божію!

Долго я слушалъ соловьиную музыку, усѣвшись на безлюдномъ носу парохода, и чувствовалъ, какъ вливается въ меня чудо исцѣленія. Но вотъ кто-то запѣлъ на кормѣ грустную русскую пѣсенку. Эта грусть пѣсни и тоскливый, слабый, но пріятный, чистый и молодой тенорокъ какъ-то гармонировали и съ весенней ночью, и съ водной равниной, сверкавшей звѣздными отраженіями, и съ соловьинымъ пѣніемъ... «Кто это тамъ тоскуетъ?» — подумалъ я и пробрался поближе.

. . Встань, голубка, встань, подружка,
Отъ сна пробудися!
Прилетѣлъ къ тебѣ ранёнько,
Отвори-ка двери!
Не отворишь, радость, двери,
Хоть открой окошко,
Пріоткрой, душа, окошко
Ты мнѣ хоть немножко!
Я съ кроватушки вставала,
Окно отворяла,
Я окошко отворяла —
Соловья впускала!..

Славная пѣсня! Я притаился около кормы и слушалъ. Не помню словъ всей пѣсни, которую я прослушалъ до конца, но содержаніе было такое: мѣшали боярской дочери любить бѣдняка-милаго, а ему — боярскую дочь, и лихой паренекъ познался съ колдуньей, которая научила его превращаться въ соловья. И такъ они любились тайно, пока мать дѣвушки, сама вѣдьма, не развѣяла чаръ. Тогда молодца поймали и живого закопали въ землю вмѣстѣ съ милой.

Страшно захотѣлось посмотрѣть на человѣка, который пѣлъ эту пѣсню про соловья. Вышелъ я на корму. Здѣсь спали мужики и бабы въ повалку, и бодрствовалъ только одинъ человѣкъ. Онъ сидѣлъ ко мнѣ спиною, глядя на сонную рѣку, и по всей фигурѣ его было видно, что имъ владѣетъ грусть-тоска о чемъ-то. Молодой, кудреватый. Вѣтерокъ ласково треплетъ

кольца его непокрытой головы. Онъ сидитъ, обнявъ руками свое колѣно поставленной на полъ ноги, и мурлыкаетъ...

— Не спишь?

Парень обернулся, почесалъ въ затылкѣ и отвѣтилъ:

— Соловьи больно поютъ! Не уснешь съ ними, проклятыми!

— Мѣшаютъ?

— Отъ нихъ скушно больно, тоскливо. Растравляетъ человѣка эта птица. Махонькая, съ виду, какъ воробей, а какая у ней пѣсня! а? И что такое за чудеса?! Не иначе, какъ птицѣ пѣсня отъ Бога дана. Вотъ у насъ, то-есть у людей, разные есть: который такъ пѣсни поетъ, что вѣкъ слушалъ бы, а другой—даже нехорошо его слушать! Чудесная птица!.. Покурить вотъ охота, а нѣтъ...

— На, покури!

— Бросай сюда! Спасибо тебѣ... Спички есть у меня, а вотъ папиросъ не имѣю...

— Вотъ *ты* поешь хорошо!

— А ты слыхалъ?

— Слышалъ. Про соловья ты пѣлъ.

— Вѣрно! Я и лучше спою, а только боюсь: спятъ всѣ, ругаться зачнутъ, если я во весь голосъ запою...

— Слова очень хорошія у пѣсни! Никогда я раньше этой пѣсни не слыхалъ...

— Про соловья-то? Очень хорошая пѣсенка. Наша она, нашего свяжскаго уѣзду, и даже про эти самыя мѣста поется... Вонъ гора-то, а подъ ей и теперь много дикой яблони растетъ: садъ тутъ въ старину былъ боярскій, про который пѣсня эта сложена. Такъ мнѣ старики сказывали. Въ родѣ, какъ сказка...

— Можетъ быть, разскажешь?

— Почему же не разсказать? Занятная сказка. Вотъ сколь я ни читалъ книжекъ, а этой сказки не нашелъ, не дошла до книжки-то... Дай-ка еще одну папиросочку!

Парень закурилъ и сталъ разсказывать.

— Вонъ тамъ, подъ горой, на склонѣ, гдѣ оврагъ выходитъ, боярскій дворъ въ старину былъ. Бояринъ самъ былъ ужъ старый, а жену молодую имѣлъ и дочь-раскрасавицу... Жена-то не родная мать ей была, а мачеха, и притомъ злющая. И былъ слухъ въ народѣ, что она—вѣдьма... По-вашему—вѣдьмовъ не бываетъ на свѣтѣ, а вотъ я, баринъ, вѣрю въ ихъ! И теперь онѣ есть! Ну, а тогда ихъ было множество! Чары разныя и травы въ старину знали искать и заговоры разные. Забыли теперь! Смѣются. А я вѣрю!

— А ты разсказывай сказку-то!

— Я сейчасъ... Такъ вотъ дѣвушка-раскрасавица, боярская дочь, жила одна-одинешенька въ хороминахъ, во высокомъ терему, за высокимъ частоколомъ съ гвоздями, за дубовыми воротами на желѣзныхъ засовахъ, при злыхъ собакахъ цѣпныхъ и злой мачехѣ-вѣдьмѣ. Мужъ слѣповатъ у ей былъ, бояринъ-то, а потому не замѣчалъ, какъ она, сволочь, то въ черную кошку, то въ свинью, то въ суку переворачивалась и со двора убѣгала черезъ подворотню съ чертями путаться. А падчерица, дѣвица молодая, накрыла ее однова съ лѣшимъ: сидятъ во лѣсочкѣ, въ овражкѣ, и милуются, а дѣвушка изъ окошечка въ терему смотритъ и видитъ эту мерзость, но только никакъ въ толкъ не возьметъ, что такое за звѣрь съ мачехой играетъ? Онъ, лѣшій-то, знашь, мохнатый, весь мохомъ зеленымъ обросъ, она сразу-то и не догадалась. Вотъ когда мачеха вернулась домой и сѣли они за одинъ столъ ужинать,— дочь при отцѣ и спрашиваетъ:

— Съ кѣмъ ты, матушка, въ овражкѣ сидѣла и игралась?

Старикъ мимо ушей пропустилъ, хотя былъ страсть какой ревнивый, а мачеха испугалась, какъ бы дочь отцу не открыла, что она лѣшему жена двоюродная приходится и что бояринъ сродственникомъ нечистой силѣ сталъ черезъ ея мерзости эти самыя. Вотъ она и возненавидѣла дѣвицу. Женихи хорошіе сватались,— она, мачеха, наговорила, что падчерица—не въ своемъ умѣ, а такъ въ родѣ, какъ дурочка. Прошелъ этотъ слухъ по всей округѣ, и женихи свататься перестали. А времячко уходитъ, дѣвушка въ лѣта вошла и тосковать начала. Никуда изъ двора ее не пускаютъ, подругъ никакихъ нѣтъ, только и забавы, что кружева вяжи да въ саду за частоколомъ погуляй! Вотъ разъ она прогуливается въ тоскѣ своей по садочку, святочки рветъ, слезы бѣлымъ платочкомъ утираетъ и думаетъ: «такъ и помру, незнамши, какая-такая любовь на свѣтѣ бываетъ!» И папаша ихній тутъ же во зеленомъ садочкѣ на лавочкѣ посиживаетъ и всякимъ хозяйствомъ по двору распоряжается. Судитъ-рядитъ да опять на то же мѣсто сядетъ. Кому—ключи, кому—выговоръ, а кому и кнутъ! И вотъ видитъ дѣвица, что привели къ папашѣ какого-то новаго парня, котораго она допрежде не видывала: очень ужъ красивый, хотя и въ драномъ зипунишкѣ. Что это за человѣкъ?—спрашиваетъ у ключницы, а та ей объясняетъ, что папаша новаго батрака купилъ. Въ тѣ поры, насъ господа покупали, какъ всякую скотину разную, домашнюю! Посмотрѣла дѣвица, боярская дочь, на новаго батрака, и забилось у ней сердечко подъ рубахой изъ тонкаго полотна! Глядитъ, не нагля-

дится на молодца. Онъ примѣтилъ это и тоже любовью къ ней загорѣлся. Она, любовь-то, на свѣтѣ горяча и, ужъ ежели схватитъ человѣка, такъ ей все одно: батракъ или бояринъ! Правильно ли говорю?

— Правильно!

— Вотъ то-то и есть! Суженаго конемъ не объѣдешь! Отъ своей судьбы, баринъ, никуда не схоронишься. И вы, господа, случается, что хрестьянку полюбите... У насъ тутъ, верстъ сорокъ отъ Свіяжска, и сейчасъ помѣщикъ живетъ съ простой хрестьянкой, и дѣти есть и все прочее, повѣнчаны передъ престоломъ и...

— Ну! дальше!

— Ну вотъ... Сидитъ боярышня въ теремочкѣ у окошечка, а батракъ въ садочкѣ работаетъ. Нѣтъ-нѣтъ да подыметъ взгляды на окошечко. Ничего еще другъ дружкѣ ни разу не сказали, а сердечки разговариваютъ. Вздохнетъ онъ, вздохнетъ и она; онъ задумается и она головку опуститъ. Вотъ и весь разговоръ! А оба понимаютъ, что одной любовью томятся. Вотъ разъ по веснѣ сидѣла боярышня вотъ этакъ же у окошечка, кружева плела шелковыя и выронила клубочекъ изъ оконца во садочекъ. Спрыгнулъ клубокъ на подоконницу, съ нея наземь и подъ яблоньку...

— Дементій! брось-ка сюда въ окошечко клубочекъ шелку бѣлаго, что скатился подъ яблоньку!

Батракъ впервые голосъ боярышни услыхалъ. Даже сердце застыло у него отъ того голосу дѣвичьяго, ласковаго... Подошелъ батракъ подъ яблоньку, поднялъ клубочекъ шелку бѣлаго и держитъ въ рукѣ. А нитка отъ клубка въ теремъ высокій тянется прямо въ окошечко къ дѣвицѣ, и другой конецъ нитки шелковой въ ручкѣ у ней бѣлой, въ лѣвой ручкѣ подъ сердцемъ дѣвичьимъ. Держитъ Дементій клубочекъ въ рукѣ и слышитъ, ровно тотъ клубочекъ живой: въ рукѣ дрожитъ, трепыхается, изъ руки его вырваться старается. Испугался Дементій—темный человѣкъ. И не понимаетъ того, что чрезъ нитку шелку бѣлаго любовь отъ сердца дѣвичьяго къ нему бѣжитъ. Чуть изъ руки не выронилъ. А самого радостью палитъ, и такъ сладко ему, словно ручку боярышни нѣжную въ своей мужицкой рукѣ онъ задерживаетъ. Постояли такъ въ молчаніи и словно пошептались промежду собой. Потомъ сразу оба опомнились: она вспомнила,—боярская дочь, а онъ вспомнилъ, что—боярскій батракъ...

— Брось, Дементій, клубочекъ шелку бѣлаго ко мнѣ въ косящато окно!—говоритъ боярышня прекрасная, а сама при-

вѣтливо улыбается, на щекахъ ея любовь яркимъ пламенемъ загорается. Метнулъ батракъ клубочекъ, а онъ—опять назадъ и прямо подъ яблоньку въ бѣло-розовомъ цвѣту! Снова поднялъ онъ клубочекъ и метнулъ во второй разъ. И опять клубочекъ прыгнулъ назадъ и, упавши на яблочный цвѣтъ, въ немъ спрятался. Что за чудо, чудо дивное! Метнулъ онъ клубочекъ въ третій разъ, и опять онъ—обратно, да прямо ему же въ руки! Ничего не подѣлаешь, видно, самой надо во зеленый садъ сойти. Побѣжала боярышня внизъ, каблучками по лѣсенкѣ постукиваетъ да пѣсенку поетъ, съ крылечка спрыгнула и очутилась подъ яблонькой. Забился въ рукѣ батрака клубочекъ пуще прежняго и потянуло ихъ другъ къ дружкѣ черезъ нитку шолковую, какъ боярышня ее въ ручку взяла. Поглядѣли они другъ дружкѣ въ ясны глаза, зардѣлись оба, какъ маковъ цвѣтъ, и головки у нихъ затуманились. Ничего больше не помнятъ отъ хмеля сладкаго любовнаго. Стоятъ обнявшись да цѣлуются. Пробѣжала мимо сука черная, заворчала, зубы оскалила на боярышню, а какъ обернулась къ Дементію,—хвостомъ заиграла и стала языкомъ своимъ долгимъ свои губы облизывать. Испугалась боярышня бѣдная злой суки и убѣжала изъ зелена садочка, а сука та стала къ батраку ластиться, хвостомъ вертѣть, да попрыгивать, со красивымъ паренькомъ заигрывать. А была та сука ненастоящая: ею мачеха боярышни обернулася. Понравился ей молодой батракъ и еще больше возненавидѣла она дѣвицу за то, что опять она въ любовныхъ дѣлахъ ей помѣшала. Пока съ Дементіемъ хмель не прошелъ, онъ суки не трогалъ, а какъ прошелъ,—разсердился и ногой ее отъ себя отпихнулъ и крикнулъ: «Цыма, проклятая!» да опять ей въ рыло сапогомъ. Завизжала сука, убѣгла прочь, а на другой день у боярской жены морда вспухла, ровно мужъ избилъ...

— Что съ тобою, сударушка?—спрашиваетъ бояринъ.

— Зубы, муженекъ, болятъ!

А сама лютымъ звѣремъ на падчерицу смотритъ. Такъ и съѣла бы дѣвицу прекрасную. И на батрака взъѣлась. Всё ничѣмъ угодить не можетъ! Мужу на обоихъ наговариваетъ, что—дескать—своими глазами видѣла, какъ боярышня съ батракомъ въ саду миловалася. Разгнѣвался бояринъ на дочь и на батрака. Хотѣлъ обоихъ казнить, да вѣдьма пожалѣла красиваго парня, надѣялась его чарами опоить и любить себя заставить. «Батракъ—говоритъ—неповиненъ, что боярская дочь его цѣловаться заставляетъ: боится онъ ослушаться и противъ хозяйской дочери пойти, а потому его и простить можно, а вотъ дѣвку надо по-

учить!» Такъ и вышло. Батрака бояринъ раза два по мордѣ ударилъ, плюхъ надавалъ, и только всего! А боярышню въ теремъ на замокъ заперъ и никуда безъ присмотру не выпускалъ, а садъ зеленой тоже заперъ и батраку не приказалъ даже къ палисаду подходить. «Если увижу около сада,—до смерти запорю!» Разлучила вѣдьма проклятая дѣвицу-красавицу, боярскую дочь, съ добрымъ молодцемъ, кудрявымъ батракомъ, и не только поцѣловаться, а даже и глазкомъ однимъ имъ увидать другъ дружку нельзя! И живутъ они въ тоскѣ-печали, по ночамъ слезами заливаются. У боярышни подушечка пуховая потонула во слезахъ, день-деньской все плачетъ, убивается, а ночь придетъ,—растворитъ окошечко во зелёный садъ, упадетъ головушкой на косячекъ и застынетъ, слушая, какъ во зеленомъ саду соловушки поютъ... Только одна эта радость у ней и осталась! Семь дёнъ промаялись такъ. Боярышня отъ тоски чахнуть начала, а Дементій всѣ ночи думалъ, какъ бы ему съ зазнобой повидаться. И вотъ прозналъ онъ, что въ горахъ, въ оврагахъ, колдунья живетъ. Выбралъ время, въ монастырь помолиться у боярина отпросился на Николу вешняго, а самъ къ колдуньѣ въ овраги пошелъ. Отыскалъ колдунью, да въ ноги ей! Такъ и такъ,—говоритъ,—мнѣ лучше ужъ не жить, а лютую смерть принять, если съ милой суждено цѣльный вѣкъ въ разлукѣ быть, жить близехонько, а даже однимъ глазкомъ не видать лица милаго! «Коли не боишься лютой смерти»,—говоритъ ему старуха беззубая,—«такъ я тебѣ это дѣло устрою! Только смотри, чтобы послѣ не каяться!—на три ночки я тебѣ могу счастье дать, но не больше! Выбирай самъ, какъ лучше!» Мнѣ—говоритъ Дементій—такъ пришло, что лучше три ночки счастливымъ быть, чѣмъ прожить сто лѣтъ въ тоскѣ-змѣѣ! «А въ такомъ разѣ—вотъ тебѣ зелье чарóвное: какъ испьешь его,—въ соловей-пташку обернешься, попоешь во садочкѣ пѣсенки, съ деревца на деревцо перепархивая, а тамъ—на яблоньку, а съ яблоньки на косящато окошечко, въ дѣвичій теремокъ, а оттоль—на постельку пуховую!» Закружилась головушка буйная отъ старухиныхъ словъ:

— На все, баушка, согласенъ! Дай только ты мнѣ зелья чудеснаго, оберни меня на три ночки въ пташку-соловья!

Упалъ въ ноги старухѣ, башкой о полъ колотится, плачетъ - рыдаетъ, какъ махонькій робеночекъ убивается. Жалко даже стало парня беззубой старухѣ! Подумала она малость, потомъ приказала встать и обождать, а сама принялась чудесное зелье варить. Шептала, мѣшала, наговаривала, отречься отъ

святого креста приказывала, лицомъ къ солнышку повертывала, заставляла говорить:

— Прощай-прощай, солнце красное! Не красный денекъ, а ночка темная будетъ радовать меня предъ сырою могилою. Во тьмѣ три ночи счастливо прожить да остальны года во сырой темной могилушкѣ пролежать!

А потомъ взяла съ его расписку и сунула ему бутылочку съ чудеснымъ питьемъ...

Спряталъ его паренекъ за пазуху и безъ оглядки на боярскій дворъ побѣжалъ. Жжется зелье проклятое, на груди кожу палитъ, рубаха затлѣлась на немъ. Ничего не слышитъ отъ радости. Какъ прибѣгъ во дворъ и сталъ пузырь изъ-за пазухи вынимать, руки ожегъ и гарь почуялъ. Скорехонько пузырь въ печурку положилъ и сталъ ночки дожидаться. Вотъ на закатѣ и солнышко, а все ночка не приходитъ. Каждый часъ вѣкомъ кажется. Измучался весь, истомился, пока на небѣ первая звѣздочка загорѣлась. А какъ загорѣлась первая звѣздочка, выпилъ онъ чудеснаго зелья и пташкой-соловушкомъ изъ дверей избы вылетѣлъ. И прямо во зеленый садъ на черемуху! И запѣлъ онъ вдругъ по-соловьиному; далеко его пѣсня разливается, ей другіе соловушки откликаются. Лучше всѣхъ поетъ красивый батракъ, всѣхъ соловушекъ манитъ къ себѣ, и со всѣхъ сторонъ летятъ они на пѣсню его и на вѣточкахъ въ боярскомъ саду разсаживаются, изо всѣхъ силъ перепѣть другъ дружку стараются! Услыхала боярышня соловьиный хоръ, тяжело ей,—хворой съ тоски,—головку съ подушечки поднять и еще тяжеле съ постелюшки пуховой встать, а не вытерпѣла: поднялась она съ постелюшки и, собравъ остальны силушки, добрела и до окошечка. Распахнула окна створчаты и, упавши себѣ на руки головушкой, стала слушать пѣсни чудныя. Какъ одинъ-то соловей всѣхъ громче поетъ и всѣхъ жалостнѣй, а сидитъ онъ на яблонькѣ въ цвѣту, что стоитъ поближе всѣхъ, что повыше всѣхъ и понаряднѣе. И такъ жалобно пѣлъ Демушка, что заплакала боярышня и тихонько шепчетъ подъ руку: «Дёма, Дёма! Гдѣ ты, миленькій? Пожалѣй ты меня, бѣдную, ты привидься мнѣ хоть въ сладкомъ снѣ»!..

Долго пѣсни соловьиныя въ злой кручинѣ она слушала, пріутихла, слезы вытерла и, захлопнувши окошечко, легла спать въ постель пуховую... И слетѣлъ къ ей сонъ цѣлительный: закрыла свои глазыньки и бѣлы руки раскинула, и вотъ видитъ сонъ, что Демушка къ ей въ окошечко заглядываетъ! Отлетѣла дрема сладкая, очи ясныя раскрылися, на лицѣ улыбки бѣгаютъ.

И вдругъ слышитъ,—соловей поетъ, подъ окошкомъ у ней сидючи! Онъ поетъ по-соловьиному, а ей рѣчь людская слышится:

Встань, голубка, встань, подружка,
Отъ сна пробудися!
Прилетѣлъ къ тебѣ раненько,
Отвори-ка двери!
Не отворишь, радость, двери,
Хоть открой окошко,
Пріоткрой, душа, окошко
Ты мнѣ хоть немножко!

Что за чудо?—думаетъ боярышня и, спрыгнувъ скорѣй съ постели, бѣжитъ подъ окошко. Не одѣта, не обута, въ одной рубашенкѣ; распахнула она створку и вся обомлѣла: соловей порхнулъ въ окошко, мало покружился, потомъ сѣлъ вдругъ на постельку, въ Дему обернулся! Застыдилась и закрылась дѣвушка рукою, а сама тихонько шепчетъ:

«Уходи, мнѣ стыдно!»

Посадилъ ее Дементій на постельку рядомъ, сталъ ласкать ее и гладить по головкѣ русой. Ничего, не отвергаетъ, только все стыдится; свои глазки призакрыла, а сама смѣется... И всю ночку миловались въ пуховой постелькѣ, не замѣтили, какъ ночка быстро пролетѣла. Во садочкѣ, какъ и прежде, соловушки пѣли, а они были счастливы и спать не хотѣли... Вотъ и ноченька уходитъ, свѣтъ видать въ окошкѣ. Уходить надо отъ счастья, а имъ неохота...

Сказочникъ остановился и зачесалъ въ затылкѣ.

— Позабылъ дальше... Какъ это?!.

— Неужели позабылъ?

— Такъ-то не забылъ, а надо складно сказать... какъ въ родѣ пѣсни она сказывается, сказка эта... Дай Богъ памяти! Ахъ, ты, Боже мой!.. Что такое? Ровно какъ отрубило!

— Кто же складно-то эту сказку сложилъ?

— А кто знаетъ! Такъ старики сказывали... Постой маленько! Обожди! Такъ... Вспомнилъ!

И снова полилась плавная, пѣвучая рѣчь, похожая на однотонное пѣніе:

— Въ эту пору черной кошкой вѣдьма обернулась и, подкрамшись подъ окошко, тайну разгадала. Увидала чрезъ окошко постель пуховую, а въ постелькѣ опознала дочку неродную... Съ полюбовникомъ Дементьемъ дѣвушка прощалась, цѣловала его въ губы, звала завтра ночью: «Ну, прощай, моя голубка!»

«Прости, мой соколикъ»!.. Расплетались бѣлы руки,—друга выпущали, разметались у ней косы по рубашкѣ бѣлой. «Завтра жди меня, милая, только зайдетъ солнце,—прилечу къ тебѣ я снова подъ это оконце!.. Обернуся малой пташкой, на яблоньку сяду,—запою я соловейкой, пѣсней тебя вызву, отворяй тогда окошко, отворяй немножко: я влечу, а ты, голубка, ты—запри окошко: потому какъ подъ окошкомъ бродитъ чёрна кошка. То не кошка подъ окошкомъ, сторожитъ насъ вѣдьма! Хочетъ пташку изловити острыми когтями, хочетъ парня загубити, съ милой разлучити. А у насъ, моя голубка, мало въ любви сроку,—покориться, видно, надо злой судьбѣ да року... Только двѣ осталось ночки намъ съ тобой видаться, апосля того придется навѣкъ распрощаться!» Обернулся полюбовникъ птичкой-соловейкой и, вспорхнувши на оконце, вылетѣлъ въ садочекъ; изъ садочка во лѣсочекъ, на горы, въ овражки,—если хочешь узнать дальше, подноси-ка бражки!

Парень пріостановился и попросилъ:

— А ты мнѣ замѣсто бражки папироску дай! инда усталъ... Ндравится?

— Очень!

— Я хорошо, складно могу ихъ разсказывать! Какъ въ книжкѣ!

Закурилъ, поплевалъ и снова началъ:

— Такъ... На чемъ я остановился? Да, знаю... Въ тѣ овраги солетались ото всѣхъ сторонокъ соловьи послушать Дему, соловья чужого: лучше всѣхъ онъ пѣлъ въ садочкѣ въ прошедшую ночку и недаромъ имъ плѣнилась боярская дочка! Въ одну ночь онъ сталъ извѣстенъ товарищамъ-птичкамъ, подлетали и пытали: «ты, должно, нездѣшній?» День насталъ, въ дворѣ боярскомъ батрака хватилися... Нѣтъ и нѣтъ! какъ въ воду канулъ, лишь зипунъ оставилъ, да лаптишки свои бросилъ тамъ, гдѣ спалъ, подъ лавкой; крестикъ мѣдный, съ шеи снятый, на гвоздокъ повѣсилъ... Всѣхъ собакъ съ цѣпей спускали, батрака искали; помогала имъ въ ту пору сука, злая вѣдьма. Прибѣжала во лѣсочекъ, встала подъ дубочекъ, морду кверху поднимала и хвостомъ махала. А на томъ дубу высокомъ, на самой вершинкѣ, подъ зеленыимъ листочкомъ сидѣлъ соловейко; притаился, чуть-чуть дышетъ, вѣтки не колышетъ... Тогда сука, вѣдьма злая, кошкой обернулась и полѣзла вверхъ по дубу къ дѣвкиному другу. Почитай, совсѣмъ долѣзла, расправила когти, принагнулась, изловчилась и прыгнула, стерва! Только листъ одинъ зеленый во когтяхъ остался, а соловушекъ Дементій бабѣ не до-

стался!... Упадала ночь на землю, ноченька вторая, и сидѣла у оконца дѣвушка младая; поджидала снова друга, во садокъ глядѣла, истомилась, ожидая, глазки проглядѣла. Соловьи поютъ, какъ прежде, въ зеленомъ садочкѣ, только нѣтъ промежду ними милаго дружечка! Онъ поетъ, такъ сердце ноетъ, льются изъ глазъ слезы. «Нѣтъ, такого не слыхать въ хорѣ соловьиномъ, не пропалъ ли мой милой во гнѣздѣ совиномъ?» Вдругъ на яблонькѣ въ цвѣту пѣсня загремѣла... «Вотъ онъ, вотъ поетъ дружокъ!» Такъ и обомлѣла! Много ихъ поетъ кругомъ, только онъ всѣхъ громче, хорошо поютъ они, только-онъ всѣхъ лучше! Распахнула она створки, ручкой поманила и соловушку-дружка въ спаленку впустила. «Что ты поздно такъ пришелъ?—попрекнула другу. Али сталъ ужъ забывать про свою подругу!» «Погоди, не плачь, краса, я леталъ за Волгу, хоронился я отъ вѣдьмы, отъ моей хозяйки; черной кошкой обернулась и ко мнѣ все кралась, изловить меня хотѣла, меня выслѣжала, отъ кусточка до кусточка все за мной бѣжала! Волга-матушка спасла, путь ей преградила, далеко я улетѣлъ, очень страшно было! Потому и запоздалъ, милая зазноба, утри слезаньки свои, мы несчастны оба! Что тужить и слезы лить, мало жить осталось! Подойди да обойми!» Подошла, прижалась, обняла его рукой, въ очи поглядѣла, обручальное кольцо на руку надѣла... «Повѣнчала насъ съ тобой ночка да садочекъ, сговорили насъ съ тобой нитка да клубочекъ!» Коротка весення ночь, когда дѣвку любишь! Все цѣлуешь ты ее да не нацѣлуешь! Все глядишь—не наглядишься до сыту до свѣта, все ласкаешь и милуешь, а конца все нѣту! Все-то мало, все не сытъ, какъ на хлѣбъ голодный!... Вотъ и солнышко идетъ! «Уходи проворнѣй!». Словно пьяный, Дема всталъ съ пуховой постельки, попрощался и испилъ изъ бутылки зелья. Только выпорхнулъ въ окно, а за нимъ—сорока, норовитъ его пымать и убить до срока. Все летѣла, все гналась, въ небесахъ ныряя, словно лодочка въ волнахъ; по-сорочьи пѣла: «Погоди меня, дружокъ, я летѣть устала!.., аль не видишь, что люблю, даже захворала! Истомилась по тебѣ, милый и любезный! Какъ батракъ, ты не годишься, а въ любви полезный! Опустись-ка подъ кусточекъ, миленькій дружечекъ; подъ кусточкомъ растетъ травка, травка—муровая... Какъ пуховая постелька, травка зеленая,—полежимъ-ка, отдохнемъ-ка отъ пути-дороги, измотала я себѣ крылья,—мои ноги!» Еще дальше, чѣмъ вчерась, улетѣла пташка и осталась ни при чемъ злая вѣдьма Дашка! Ночка третія пришла,—опять нѣтъ милого. «Не поймала-ль черна кошка друга дорогого?» Вотъ и

ночeнька проходитъ, брезжитъ свѣтъ въ окошкѣ, а милого нѣтъ и нѣтъ... только зенки кошки, какъ огни въ избѣ, горятъ въ яблонькѣ высокой. «Почему же не поетъ парень черноокій?» Стали звѣзды потухать въ небесахъ далекихъ, а его все нѣтъ и нѣтъ... Много слезъ горючихъ пролила тайкомъ тогда боярская дочка. Ахъ, какъ быстро протекала весенняя ночка! На разсвѣтѣ прилетѣлъ соловушекъ милый и по-прежнему запѣлъ пташкамъ всѣмъ на диво. Наконецъ-то дождалась! Только ночь въ исходѣ... Ужъ какая тутъ любовь при честномъ народѣ! Можетъ, только часъ одинъ до свѣту остался. «Ты опять меня забылъ! Вѣдь, остальна ночка! Не любить больше тебѣ боярскую дочку!» Разсказалъ ей все дружокъ, какъ сорока-вѣдьма все позади, все пымать старалась, какъ она подъ кустъ звала, ревностью терзалась. Только разъ поцѣловалъ,—засверкало солнце, загорѣлося огнемъ во садокъ оконце... Пробѣжала подъ окномъ злая черна кошка, позабыли въ торопяхъ запереть окошко! Прыгъ въ окно, потомъ на столъ, гдѣ стояло зелье,—и пришелъ конецъ всему: счастью и веселью! Кошка хвостъ свой развила, лапкой заиграла,—и посудина съ настоемъ со стола упала. Какъ упала и разбилась, и пропали чары; кошка выбѣгла изъ двери, мужа закричала. Зашумѣли, закричали, въ теремъ побѣжали; нашли Демушку въ постели, рученьки связали, сокрутили ихъ возжами крѣпко за спиною, повели на судъ боярскій съ тяжкою виною. Говорила мужу вѣдьма: «Я вамъ говорила! Ваша дочка ужъ давно пса того любила!»... Осерчалъ, какъ лютый звѣрь, старенькій бояринъ: «Кто ты: князь, иль дворянинъ, или знатный баринъ, что высоко залетѣлъ, къ дочери боярской?» Привели прекрасну дочь, щечки горятъ краской, расплелися толсты косы, видитъ отца съ Дашкой... видитъ милаго свого,—опустилъ головку и молчитъ, не отвѣчаетъ, видно, что—неловко... «Кто вѣнчалъ златымъ кольцомъ? Слышишь ты, подлюга?» «Не подлюга я, отецъ, а честна супруга! Ты повѣнчанъ, а жена, твоя Дашка—вѣдьма, всё обманыватъ тебя, пялитъ на всѣхъ бѣльма!».. Еще больше осерчалъ старенькій папаша и сказалъ: «Коль ты—его супруга, значитъ, ты не наша! Закопать обоихъ ихъ рядышкомъ въ могилу!» Подбѣгала злая Дашка, по лицу ихъ била, издѣвалась, измывалась, сняла честной образъ и, какъ милыхъ новобрачныхъ, имъ благословила, обсыпала потомъ хмелемъ, головой клонила: проздравляла, значитъ, съ бракомъ и все больше злилась.

— Ну, теперь, замѣсто бани, ихъ кнутомъ попарьте, а потомъ—въ опочивальню, въ пухову постельку:... положите ихъ

рядкомъ во сыру могилу! Пущай спятъ себѣ они, сладко почиваютъ. Не будите новобрачныхъ: теперь ихня ночка! Истомилися въ любви—паренекъ и дочка!...

Повели ихъ со двора во темный лѣсочекъ... Посмотрѣла молодая на свой теремочекъ: вспомянула ночки темны, шелковый клубочекъ; помянула и постельку свою пуховую, и всю жисть свою съ начала, маменьку родную...

— Прощай, батюшка родной! Прощай и садочекъ! Прощай, яблонька въ цвѣту, шелковый клубочекъ! Прощай, вольный свѣтъ и солнце, прощай ты, дружочекъ!

Пока въ яминѣ копались, они цѣловались; цѣловались-миловались, навѣки прощались. А какъ вырыли могилу, крестомъ осѣнились, поклонились всѣмъ сторонкамъ и съ судьбой смирились... Полегли въ могилу рядомъ, крѣпко обнялися, а могильщики за дѣло дружно принялися... Закопали и устали, отдохнуть присѣли, а ужъ стало вечерѣть, соловьи запѣли... Солетались со всѣхъ странъ къ Деминой могилѣ и всю ночку напролетъ жалостливо пѣли...

Сказочникъ оборвалъ, тряхнулъ кудрями, махнулъ рукой и тяжело вздохнулъ...

— Конецъ?

— Могила! Куда еще? Всѣ мы тамъ будемъ... А не охота, баринъ, помирать!.. Больно жить на свѣтѣ хорошо, сладко! Дай-ка еще одну папиросочку, что ли! И что такое: кажнiй разъ, какъ эту сказку сказываю, тоска меня забираетъ? Почему это?—понять не могу.

Парень притихъ, а потомъ тихо—такъ сказалъ, кротко:

— Свѣтаетъ ужъ... Слышь, какъ соловушки заливаются? Это они своего друга, соловья Демушку, поминаютъ, царство ему небесное! Кажнюю весну ихъ сюда огромадное множество слетается... Всю весну, кажнюю ночку до свѣту не смолкаютъ... Словно вотъ плачутъ они о чемъ-то, тоскуютъ, а сказать словами не могутъ... О чемъ, скажи ты мнѣ, это божiя птица тоскуетъ?!

— Не знаю...

— Да, невозможно узнать, милый...

Чуть брезжила на востокѣ зорька. Изъ овражковъ подувалъ свѣжiй вѣтерокъ. Наносило черемухой, яблоней, ландышемъ. Кротко догорали послѣднiя звѣзды...

А соловьи все пѣли!

Евгенiй Чириковъ.

* * *

Все будетъ, какъ было,
Но многимъ не видѣть весны.
Спокойны, безмолвны могилы
Средь вольной, степной тишины.

Онѣ намъ не скажутъ,
О томъ, какъ скорбѣла душа.
На нихъ голубѣть будетъ пажить,
Весеннею влагой дыша.

Легли и забыты...
Затеряны ихъ имена.
Всѣхъ павшихъ въ бою помяни ты,
На землю вступая, весна!

Екатерина Бунге.

ИДЕЯ ПРАВА И ЕВРОПЕЙСКАЯ ВОЙНА.

I.

Со стороны людей, привыкшихъ видѣть въ правѣ надежную защиту основныхъ благъ личности и общежитія, въ настоящее время часто можно слышать вопросъ: «Какова же подлинная цѣнность права, если всякое государство, чувствующее въ себѣ достаточно силы, можетъ однимъ своимъ дѣйствіемъ нарушить установленное господство права и обратить міръ въ арену разрушительной и кровопролитной борьбы силъ? Гдѣ лежатъ подлинныя гарантіи противъ того, что сила не восторжествуетъ надъ правомъ, и если торжество силы есть постоянный законъ природы, то въ чемъ заключается правовой прогрессъ, достигнутый вѣками? Не служатъ ли войны нагляднымъ свидѣтельствомъ безсилія человѣчества подчинить жизнь опредѣленнымъ началамъ справедливости?» Результатомъ неудовлетворенности въ такихъ вопросахъ является развитіе въ обществѣ правового невѣрія или правового нигилизма, открытое признаніе преобладанія силы во всѣхъ житейскихъ отношеніяхъ и скептическое отношеніе къ тѣмъ, которые сохраняютъ вѣру въ значеніе и цѣнность правъ, даже въ тѣхъ областяхъ, гдѣ эти права, казалось бы, попираются самымъ грубымъ образомъ.

Если бы, дѣйствительно, сила преобладала надъ правомъ въ общественной жизни, то вѣковая дѣятельность юристовъ получила бы весьма печальный характеръ. Они являлись бы людьми, которые посредствомъ хитрыхъ аргументацій стараются отклонить развитіе обществъ и государствъ отъ предназначеннаго имъ пути безпрепятственнаго проявленія ихъ силы или, которые, въ лучшемъ случаѣ, стараются замаскировать въ гибкихъ и сложныхъ формулахъ фактъ своего дѣйствительнаго служенія грубой физической силѣ. И тогда возникъ бы вопросъ, зачѣмъ, въ самомъ

дѣлѣ, такъ заботиться о «фиговомъ листкѣ права», а не провозгласить истину прямо и откровенно.

Но исторія учитъ, что подобныя нигилистическія правовыя построенія и оцѣнки возникаютъ и находятъ широкое распространеніе лишь въ извѣстныя эпохи подъ вліяніемъ неудовлетворенности существующимъ правомъ. Однако, они держатся недолго и выражаютъ собою не «внезапное открытіе новыхъ истинъ о правѣ», какъ то иногда кажется людямъ, переживающимъ ихъ, а свидѣтельствуютъ скорѣе о болѣзненномъ состояніи правовой психологіи народа. Они возникаютъ или въ эпохи долгаго правового застоя, когда старое право, не удовлетворяющее новымъ условіямъ развитія, претворяется въ жизни въ произволъ; или послѣ рѣзкихъ потрясеній, испытанныхъ правомъ, когда однѣ правовыя системы быстро смѣняютъ другія, не успѣвъ достаточно упрочиться въ сознаніи народа; или, наконецъ, въ эпохи великихъ испытаній, однимъ изъ которыхъ является война, временно утверждающая господство силы.

Но въ тѣ же эпохи правового безвѣрія обыкновенно незамѣтно происходитъ другая работа въ области правовыхъ идей. Растутъ и крѣпнутъ новыя правовыя формы и образованія, вырабатываются новыя гарантіи существующаго права, намѣчаются пути его углубленія и расширенія. И слѣдующая эпоха является періодомъ расцвѣта новаго, болѣе сильнаго и благодѣтельнаго права, которое снова находитъ для себя вѣру и уваженіе въ сердцахъ людей [1]).

Идея права выходитъ очищенной и укрѣпленной изъ кризиса и дѣятельность юристовъ опять облекается ореоломъ уваженія. Можно надѣяться, что и въ настоящей войнѣ обновятся нѣкоторыя правовыя идеи человѣчества. Къ числу ихъ относится идея обязательности соблюденія международныхъ гарантій, идея мирнаго сотрудничества народовъ, не думающихъ о поглощеніи или порабощеніи одного другимъ, наконецъ, идея устраненія націоналистическаго гнета въ внутригосударственной жизни. Будущіе историки дадутъ отвѣтъ на вопросъ о результатахъ настоящей войны въ области права, и я въ настоящей статьѣ собираюсь быть не предсказателемъ, а историкомъ. Предъ нами имѣется уже исторически свершившійся фактъ — возникновеніе войны.

Какъ сложное явленіе исторіи, этотъ фактъ можетъ быть

---

[1]) Ученіе о такихъ кризисахъ въ правѣ см. въ книгѣ *Л. I. Петражицкаго*: „Акціи, биржевая игра и теорія экономическихъ кризисовъ", т. I. 1911, стр. 248—307.

объясняемъ со многихъ точекъ зрѣнія. Въ освѣщеніе его внесли долю участія и дипломаты въ своихъ многоцвѣтныхъ книгахъ, и экономисты въ своихъ статистическихъ исчисленіяхъ, и политики, связавшіе нитями преемственности политическія стремленія различныхъ странъ и объяснившіе, почему они сплелись въ гордіевъ узелъ, потребовавшій вмѣшательства меча. Молчали лишь юристы. Они изучали и истолковывали правовыя послѣдствія войны, но мало интересовались возникновеніемъ ея. Между тѣмъ, въ этой области не малую роль сыграла специфическая правовая психологія, и правовое освѣщеніе проливаетъ на причины войны и на роль различныхъ странъ въ возникновеніи ея не меньшій свѣтъ, чѣмъ другія точки зрѣнія.

Настоящая война, какъ на нашей сторонѣ, такъ и на сторонѣ нашихъ враговъ является *народной* войной. Объяснять ее интригами и хитросплетеніями дипломатовъ невозможно. Нуженъ былъ большой сдвигъ народной психологіи, въ частности правовой психологіи, чтобы идея войны могла захватить широкіе общественные круги. Такая война подготовляется не только накапливаніемъ вооруженій, но и воспитаніемъ народа въ опредѣленномъ направленіи, внушеніемъ ему опредѣленныхъ идей. Идея борьбы дремлетъ въ каждомъ человѣкѣ. Но она не загорается отъ одной искры. Для того, чтобы пожаръ борьбы охватилъ весь народъ или значительную его часть, нужно медленное, но упорное накапливаніе горючихъ матеріаловъ.

Германія первая начала настоящую войну. Она готовила ее не только на своихъ оружейныхъ заводахъ и верфяхъ, но подготовляла настойчиво къ тому психологію своихъ гражданъ. Она накапливала въ ихъ идеяхъ то горючее вещество, которое при первой, умышленно брошенной подъ зданіе европейскаго міра, искрѣ, сразу вспыхнуло, охвативъ пожаромъ Европу. Не считаясь ни съ международнымъ правомъ, ни съ началами гуманности и уваженія къ культурѣ, Германія провозгласила торжество силы надъ правомъ и нравственностью и подвергла испытанію выработанную со времени вѣнскаго конгресса 1815 г. идею международной лойяльности. При этомъ населеніе Германіи не только не отшатнулось отъ этого международнаго преступленія, но изъ среды многихъ ученыхъ и дѣятелей, имена которыхъ пользовались уваженіемъ и извѣстностью, появились попытки оправданія и возвеличиванія совершившагося. Какимъ путемъ Германія дошла до такого правового нигилизма, несмотря на свою историческую культуру и на высокое развитіе науки права, представляетъ интересную проблему для историка права. Посиль-

ному освѣщенію этого вопроса, въ скромныхъ рамкахъ настоящей статьи, посвящены дальнѣйшія страницы.

II.

Остановимся сначала на правовой оцѣнкѣ поводовъ войны. Фактическія обстоятельства и дипломатическая сторона вопроса въ настоящее время уже обстоятельно изложены въ заграничной и отечественной литературѣ [1]). Повторять ихъ не стану. Поводомъ къ войнѣ Россіи съ Австріей и Германіей послужило нападеніе на слабую Сербію, а поводомъ присоединенія Англіи — нарушеніе бельгійскаго нейтралитета. Въ обоихъ случаяхъ предметомъ нападенія были небольшія страны Европы, препятствовавшія расширенію территоріальнаго господства Германіи и Австріи.

Ультимативная нота, предъявленная австрійскимъ правительствомъ, съ вѣдома и наущенія Германіи, сербскому правительству, по признанію не только французскихъ и англійскихъ, но и германскихъ дипломатовъ, являлась непріемлемой для каждаго независимаго государства, такъ какъ она содержала требованія, противорѣчащія нормамъ международнаго права и государственной независимости Сербіи [2]). При самомъ зарожденіи конфликта видный германскій юристъ, авторъ учебника международнаго права, проф. *Листъ* въ спеціальномъ журналѣ посвятилъ юридической оцѣнкѣ его особую статью [3]); мнѣнія, высказанныя въ ней, являются особенно характерными въ виду той позиціи, которую занялъ Листъ уже послѣ объявленія войны Германіей. Вотъ что онъ пишетъ:

«Къ международно-правовымъ спорнымъ вопросамъ этотъ случай (убійство въ Сараево) не можетъ послужить какимъ-либо поводомъ. Само собою разумѣется, что по международному праву Сербія обязана возбудить преслѣдованіе противъ своихъ подданныхъ, принимавшихъ участіе въ этомъ преступленіи. Дипломатическія представленія австро-венгерскаго правительства Сербіи, которыя указывали бы на необходимость быстраго и энергичнаго

---

[1]) Въ нашей литературѣ особенно цѣнными являются работы *Б. Э. Нольде*: „Начало войны", 1915, *Н. И. Лазаревскаго*: „Причины и задачи войны", 1915 и *В. М. Гессена*: Война и дипломатія. „Право", 1915 № 25—27.

[2]) См. ссылки на дипломатическіе документы въ книгѣ *Н. Лазаревскаго*, стр. 6.

[3]) *v. Liszt*. Die Rechtsfolgen des Doppelmordes von Sarajewo. Deutsche Strafrechtszeitung, Juli 1914, стр. 377.

преслѣдованія, не превышаютъ границъ, установленныхъ международными обычаями. Одна берлинская газета принесла извѣстіе, что австрійское правительство предъявило Сербіи требованіе, чтобы австро-венгерскимъ властямъ было предоставлено право продолжать производство начатыхъ въ Босніи слѣдственныхъ дѣйствій и на территоріи Сербіи. Это требованіе должно быть признано совершенно необычнымъ и необоснованнымъ съ точки зрѣнія международнаго права (würde allerdings als ungewönlich und in Völkerrecht nicht begründet)». И тутъ же, отказываясь вѣрить возможности такого требованія, Листъ добавляетъ: «Свѣдѣніе само до сихъ поръ не подтверждено и, конечно, покоится на какомъ-нибудь недоразумѣніи».

Замѣчанія берлинскаго профессора оказались неосторожно откровенными. Австрійское, а за спиною его и германское, правительство открыто заняло противорѣчащую международному праву позицію и, несмотря на старанія дипломатовъ другихъ странъ смягчить требованія и на крайнюю уступчивость сербскаго правительства, форсировало конфликтъ и объявило войну Сербіи. Требованія международнаго права и уваженіе къ независимости слабаго государства были попраны въ угоду хищническому стремленію.

Еще болѣе явнымъ попраніемъ международнаго права явилось нарушеніе нейтралитета Бельгіи со стороны Германіи. Обязанность охраненія бельгійскаго нейтралитета, принятая на себя Пруссіей, а позднѣе Германіей по договорамъ 1839 и 1870 г.г., была нарушена грубымъ вторженіемъ германскихъ войскъ на нейтральную территорію [1]). Это вторженіе не было вызвано внезапной растерянностью или исканіемъ спасенія. Оно было давно подготовлявшимся ударомъ международному праву. И въ то время, когда германскій генеральный штабъ вырабатывалъ подробный планъ нападенія на Францію черезъ Бельгію, германскіе юристы и политики соотвѣтственнымъ образомъ подготовляли народную правовую психологію. Такъ, напр., въ популярномъ курсѣ-учебникѣ философіи права извѣстный берлинскій профессоръ Іосифъ Колеръ въ 1909 г. писалъ на заключительной страницѣ своего курса слѣдующее: «Совершенно правильно то положеніе, что государство можетъ отказаться въ случаяхъ настоятельной нужды отъ исполненія договора (vom Vertrag zu-

---

[1]) Правовой оцѣнкѣ нарушенія бельгійскаго нейтралитета у насъ посвящены статьи *А. Н. Нерсесова*, Нейтрализованныя государства. Юрид. Вѣстн. 1914, к. VIII, стр. 23 сл. и *К. Н. Соколова*, Нейтралитетъ независимой Бельгіи. Русская Мысль. 1915, кн. I.

rücktreten darf), если оно иначе должно принести въ жертву свои жизненные интересы. Эта оговорка должна быть подразумѣваема при всѣхъ международно-правовыхъ договорахъ, такъ какъ ни одинъ народъ не управомоченъ отказываться отъ своихъ жизненныхъ условій» [1]). Еще рѣзче выражалъ ту же мысль генералъ фонъ-Бернгарди въ своей книгѣ «Германія и будущая война», вышедшей въ 1911 г. и разошедшейся во множествѣ изданій. «Договорныя права—пишетъ онъ—никогда не являются абсолютными правами; они суть человѣческаго происхожденія, и потому несовершенны и измѣнчивы. Часто существуютъ условія, при наличности которыхъ эти права уже не соотвѣтствуютъ дѣйствительному положенію вещей; въ такихъ случаяхъ нарушеніе этихъ правъ можетъ быть оправдано съ нравственной точки зрѣнія» [2]). Если юристы могли оправдывать вѣроломство, то понятно, почему германскій канцлеръ въ бесѣдѣ съ англійскимъ посломъ Гошеномъ могъ искренне не понимать, какъ можно начать войну «изъ-за одного слова «нейтралитетъ», изъ-за простого клочка бумаги» [3]). Позднѣе, когда взрывъ негодованія охватилъ общественное мнѣніе всего міра, Бетманъ фонъ-Гольвегъ сталъ ссылаться на состояніе крайней необходимости, и тогда нашелся рядъ услужливыхъ юристовъ во главѣ съ тѣмъ же Листомъ, которые стали доказывать примѣнимость этого уголовно-правового понятія къ международному праву. Для этого имѣлась легкая возможность въ той теоріи крайней необходимости, которая, согласно модной въ Германіи теоріи интересовъ, излагалась Листомъ въ его «Учебникѣ уголовнаго права» и другихъ спеціальныхъ работахъ [4]). По этой теоріи, крайность есть случай коллизіи интересовъ, при чемъ интересъ важнѣйшій торжествуетъ надъ меньшимъ; здѣсь право дозволяетъ спасать свои подверженные опасности интересы на счетъ нарушенія правовыхъ интересовъ другихъ лицъ. Но если даже понимать крайность въ такомъ смыслѣ, то представляется невозможнымъ примѣнить ее къ настоящему случаю. Необходимость существуетъ для того, кто спасаетъ свои блага; ссылка же на нее для того, кто самъ является нападающей стороной, звучитъ весьма странно. Къ тому еще требуется неотвратимая другими средствами опасность, о чемъ здѣсь, конечно, не могло быть и рѣчи.

---

[1]) *I. Kohler.* Lehrbuch der Rechtsphilosophie. Berlin 1909, S. 212.

[2]) *v. Bernhardi.* Deutschland und der nächste Krieg 1911, стр. 49.

[3]) См. донесеніе англійскаго посла Гошена своему правительству въ Parliamentary Documents. Rupture of the diplomatical relations between Germany and England. Aug. 1914.

[4]) Liszt. Die Deliktsobligationen. 1898 и Lehrbuch des Strafrechts, § 34.

Съ этимъ германскимъ пониманіемъ значенія принятыхъ на себя обязательствъ по отношенію къ Бельгіи интересно сравнить взгляды руководителей англійской политики. Когда положеніе бельгійскаго нейтралитета во время франко-прусской войны 1870 г. стало угрожаемымъ, Гладстонъ въ засѣданіи палаты общинъ 8 августа 1870 г. занялъ сначала осторожную позицію, не высказывая конечнаго рѣшенія. «Допускаю—говорилъ онъ—что здѣсь имѣется договоръ. Нѣтъ необходимости, да и время не позволяетъ, входить во всѣ подробности сложнаго вопроса о природѣ этого договорнаго обязательства. Однако, я не могу подписаться подъ доктриною тѣхъ, кто утверждалъ въ этой палатѣ, что одинъ фактъ существованія гарантіи обязываетъ каждую сторону къ выступленію во всякомъ случаѣ, когда возникаетъ къ тому поводъ по смыслу гарантіи, совершенно независимо отъ особаго положенія, въ которомъ она можетъ находиться. Авторитеты, къ которымъ я привыкъ прислушиваться, какъ лордъ Эбердинъ и лордъ Пальмерстонъ, никогда, насколько мнѣ извѣстно, не высказывали такого строгаго и непрактичнаго взгляда на гарантію. Фактъ же существованія гарантіи является, по необходимости, важнымъ обстоятельствомъ (weighty element), которое должно быть въ полной мѣрѣ принято во вниманіе» [1]). По поводу этихъ словъ слѣдуетъ замѣтить, что рѣчь шла объ активной защитѣ, а не о нарушеніи нейтралитета. Нѣсколько времени спустя, Гладстонъ уже самымъ рѣшительнымъ образомъ заявляетъ о необходимости, въ случаѣ нужды, активно выступить на защиту гарантіи: «Мы имѣемъ интересъ въ независимости Бельгіи гораздо болѣе широкій, чѣмъ буквальное толкованіе (litteral operation) гарантіи. Онъ выражается въ невозможности для страны, обладающей вліяніемъ и могуществомъ, оставаться въ сторонѣ и спокойно смотрѣть, какъ совершается одно изъ тяжкихъ преступленій (direst crimes), которое когда-либо пятнало страницы исторіи, и такимъ образомъ стать участниками въ грѣхѣ».

Не менѣе рѣшительно заявлялъ и лордъ Грей въ той же палатѣ предъ самымъ объявленіемъ войны Англіей 21 іюля 1914 г.: «Нынѣ наша честь и нашъ интересъ, по крайней мѣрѣ, столь же сильны, какъ въ 1870 г., и мы не можемъ стать на болѣе узкую или менѣе серьезную точку зрѣнія на принятое нами обязательство, чѣмъ въ 1870 г.». «Могутъ сказать, что мы могли бы остаться въ сторонѣ, копить нашу силу и, что бы ни

---

[1]) Hansard, Parliamentary debates Vol. 23, p. 1787.

случилось въ теченіе войны, вмѣшаться въ концѣ ея, чтобы правильно все уладить и согласовать съ нашими точками зрѣнія. Но если въ кризисѣ, подобномъ настоящему, мы уклонимся отъ тѣхъ обязательствъ чести и интереса (obligations of honour and interest) касательно бельгійскаго договора, то я сомнѣваюсь, явится ли наше положеніе, какъ бы ни велика была наша матеріальная сила, уже очень цѣннымъ по сравненію съ тою потерею уваженія, которая насъ ожидаетъ тогда» [1]. Въ этихъ замѣчательныхъ словахъ, рѣшившихъ выступленіе Англіи, фактическая сила противопоставляется моральному достоинству государства, и перевѣсъ остается на сторонѣ второго. При этомъ для Англіи на одной чашкѣ вѣсовъ находилась не сомнительная стратегическая выгода, а грозный призракъ войны въ моментъ, когда страна еще не подготовлена, и тѣмъ не менѣе обязательство чести и интереса перевѣсило.

Выступленіе великихъ державъ Россіи и Англіи на защиту небольшихъ странъ—Сербіи и Бельгіи, надъ которыми Германія и Австрія желали совершить актъ грубаго насилія, опредѣлялось не договорными обязательствами. Россія не имѣла обязательства по отношенію къ Сербіи, а буквальный смыслъ международной гарантіи бельгійскаго нейтралитета еще не обязывалъ Англію къ активному выступленію въ случаѣ его нарушенія. Но эти державы выступили на защиту международнаго права, на охрану установленнаго ими правопорядка противъ открытаго насилія. Руководители германской политики считали возможнымъ игнорировать охраняемую Европой независимость небольшихъ странъ, стремясь къ поглощенію ихъ. Это стремленіе противорѣчило не только праву, но и культурѣ. Исторія показываетъ, что вся современная культура возникла изъ среды малыхъ народовъ, которыми были когда-то евреи, египтяне, греки, римляне, голландцы и пр. И въ настоящее время такія маленькія страны, какъ Данія, Бельгія, Голландія, Норвегія, являются разсадниками высокой цивилизаціи, и въ нихъ, ранѣе чѣмъ гдѣ-либо, развился духъ свободы и вѣротерпимости. Прогрессъ достигается путемъ взаимодѣйствія различныхъ цивилизацій, и каждая изъ малыхъ странъ вноситъ свою долю въ общую сокровищницу. Поглощеніе одной культуры другою было возможно лишь въ періодъ варварства, когда эта культура не заключала еще въ себѣ многихъ цѣнностей, но при современномъ богатствѣ ея оно само является варварскимъ актомъ.

---

1) Statement by sir Edward Grey in House of Commons, Aug. 3, 1914. Printed by order of Government.

Нападеніе на Сербію и Бельгію не было случайнымъ актомъ. Оно было отраженіемъ опредѣленной доктрины, нашедшей себѣ признаніе въ Германіи и Австріи, и существованіе подобныхъ взглядовъ не могло не вызывать серьезныхъ безпокойствъ. По поводу этой доктрины, съ основаніями которой мы еще познакомимся, извѣстный англійскій политическій дѣятель и писатель Джемсъ Брайсъ справедливо замѣчаетъ: «Отдѣльныя государства, большею частью деспотическія государства, порою примѣняли отдѣльныя части подобной доктрины, но ни одно не провозглашало ее въ качествѣ принципа. Завоеватели міра, римляне, не были щепетильнымъ народомъ, но и они сторонились отъ подобныхъ принциповъ, и, конечно, никогда не возводили ихъ въ идеалъ. Не поступали такъ и тѣ великолѣпные саксонскіе и швабскіе императоры, о которыхъ съ такою любовью вспоминаетъ фонъ-Бернгарди. Они не вступали въ Италію какъ завоеватели, заявлявшіе на нее притязаніе по праву сильнѣйшаго, но дѣйствовали, вѣря въ свое законное право и въ то, что приносятъ право и миръ въ эту страну. Они не усвоили еще себѣ ученій школы Трейчке о томъ, что миръ означаетъ упадокъ, а война является истинно-цивилизующимъ факторомъ» [1]).

III.

Доктрина о поглощеніи сильными странами болѣе слабыхъ или малыхъ государствъ возникла на соціологической почвѣ. Родоначальникомъ этой теоріи явился австрійскій государствовѣдъ и соціологъ *Гумпловичъ*. Онъ посвятилъ рядъ своихъ сочиненій доказательству той мысли, что вся исторія опредѣляется борьбою расъ и что одна раса подчиняетъ себѣ другую посредствомъ войны, постепенно поглощая ее [2]). Въ основѣ всѣхъ государствъ лежитъ фактъ завоеванія. «Исторія— писалъ онъ въ общемъ ученіи о государствѣ — не даетъ намъ ни одного примѣра возникновенія государства иначе, какъ путемъ акта насилія. При этомъ, такимъ актомъ насилія всегда являлось завоеваніе и подчиненіе однимъ болѣе сильнымъ и могущественнымъ племенемъ другого, болѣе слабаго, уже осѣдлаго населенія» [3]). По его мнѣнію, господство менѣе много-

---

1) *James Bryce*. Neutral nations and war. London 1914, p. 8—9.
2) *Gumplowicz*. Allgemeine Staatslehre, стр. 44—63, Der Rassenkampf стр. 218, Grundriss der Sociologie, стр. 194—196.
3) Allgemeine Staatslehre, стр. 45.

численнаго, побѣдоноснаго класса надъ этнически-инороднымъ коренными множествомъ является единственною цѣлью образованія государства.

Мысль Гумпловича о творческомъ значеніи войны была усвоена и доведена до крайнихъ предѣловъ австрійскимъ генераломъ *Ратценгоферомъ*, который признается однимъ изъ вліятельныхъ соціологовъ и политиковъ Австріи. По его ученію, этотъ соціологическій законъ примѣнимъ и въ настоящее время. И нынѣ сила является единственнымъ способомъ разрѣшенія политическихъ вопросовъ. Никакая мораль, никакія требованія гуманности не заставятъ болѣе сильнаго отказаться отъ вѣрныхъ плодовъ побѣды надъ болѣе слабымъ. Борьба за существованіе и уничтоженіе слабѣйшихъ есть законъ природы и законъ общественной жизни. Эта борьба является факторомъ усовершенствованія человѣческаго рода. Наиболѣе яркимъ моментомъ этой борьбы за существованіе является война. Это—своеобразный судъ исторіи, передъ лицомъ котораго каждый народъ долженъ доказать свое право на существованіе. Конечно, война сопровождается бѣдствіями и гибелью людей, но цѣною этихъ жертвъ создается новое лучшее человѣчество. Поэтому все историческое значеніе народа выражается въ его силѣ, а идея мира есть продуктъ декадентства, вздорная фантазія, проповѣдуемая «женщинами обоего пола» [1]).

Ученія этой австрійской соціологической школы встрѣтили живой откликъ среди германскихъ политиковъ, быстро утилизировавшихъ ихъ для цѣлей воинствующаго милитаризма. Особенно яркими отразителями ихъ въ Германіи явились Трейчке и генералъ фонъ-Бернгарди, личный другъ императора Вильгельма II.

Трейчке поставилъ эту соціологическую идею въ самую тѣсную связь съ политическими задачами современной Германіи. Въ своей книгѣ «Политика», онъ слѣдующимъ образомъ развиваетъ эту идею [2]): «Государства возникли не въ силу народнаго суверенитета, но вопреки волѣ народа; государство есть могущество утверждающаго себя болѣе сильнаго племени». Приведя рядъ историческихъ примѣровъ, Трейчке продолжаетъ: «И при дальнѣйшемъ теченіи исторіи среди всѣхъ силъ, которыя мы знаемъ, война являлась важнѣйшимъ и могущественнѣйшимъ строителемъ народовъ. Только въ войнѣ народъ становится наро-

[1]) *Ratzenhofer*. Soziologie. 1897. Болѣе подробное изложеніе взглядовъ Ратценгофера см. у *Г. Покровскаго*. Сила или право? Юрид. Вѣстн. 1914 г., кн. VIII, стр. 7—9.

[2]) *Treitschke*. Politik, Leipzig, 1897, стр. 113.

домъ. Распространеніе существующихъ государствъ происходило путемъ завоеванія, и затѣмъ результаты вооруженной борьбы признавались посредствомъ договора. Такимъ образомъ война и завоеваніе являются важнѣйшими созидателями государствъ». «Господь позаботился, чтобы война оставалась всегда сильно дѣйствующимъ лекарствомъ для человѣчества». Отсюда для Трейчке становилась ясной основная цѣль всей политики государства. «Если—говоритъ онъ—мы приложимъ масштабъ болѣе глубокой христіанской нравственности къ государству и вспомнимъ, что сущностью этой громадной коллективной личности является сила, то высшей нравственной обязанностью государства явится забота объ увеличеніи своей силы... и слѣдуетъ признать, что среди всѣхъ политическихъ грѣховъ самымъ презрѣннымъ и отвратительнымъ является слабость; это грѣхъ противъ святого духа политики» [1]). «Каждая нравственная оцѣнка историка—продолжаетъ онъ нѣсколько далѣе [2])—должна исходить изъ того, что государство есть прежде всего сила, которая должна утверждать себя какъ вовнѣ, такъ и внутри, и для человѣка нѣтъ ничего болѣе высокаго и величественнаго, какъ способствовать этой обязанности государства. Мораль должна стать болѣе политической, если политика желаетъ быть болѣе моральной, иначе говоря, моралисты должны сначала признать, что моральную оцѣнку государства слѣдуетъ черпать изъ природы и жизненныхъ цѣлей государства, а не отдѣльныхъ людей. Тогда политическая жизнь покажется имъ безконечно болѣе гуманной и нравственной». Въ дальнѣйшемъ изложеніи Трейчке не останавливается передъ оправданіемъ коварства и обмана въ политикѣ. По его мнѣнію, человѣкъ, который къ концу своей государственной дѣятельности говоритъ себѣ, что онъ ни разу не лгалъ, заслуживаетъ скорѣе рясы монаха, чѣмъ репутаціи достойнаго государственнаго дѣятеля.

Еще рѣзче подчеркиваетъ роль войны и полный нравственный нигилизмъ въ политикѣ *фонъ-Бернгарди* въ своей книгѣ «Германія и будущая война», вышедшей въ 1911 г. Вотъ нѣкоторыя подлинныя цитаты изъ этой книги [3]):

«Война — прекрасная вещь. Она является біологической необходимостью перваго порядка (стр. 18). Неизбѣжность и благословенные результаты войны, какъ необходимаго и двигаю-

---

[1]) Politik, стр. 100.
[2]) Politik, стр. 105.
[3]) Заимствую ихъ изъ работы *I. Bryce*. Neutral nations and war. London 1914, p. 4—6.

щаго впередъ закона развитія, должны быть постоянно подчеркиваемы (38). Война является величайшимъ факторомъ развитія культуры и силы, усилія же обезпечить миръ крайне вредны, поскольку они могутъ оказать вліяніе на политику (28). Къ счастью, однако, эти усилія никогда не достигнутъ своей конечной цѣли въ этомъ мірѣ, потрясающемъ оружіемъ, гдѣ здоровый эгоизмъ руководитъ политикой большинства странъ (36). Старанія уничтожить войну являются не только глупыми, но и абсолютно безнравственными, они должны быть признаны недостойными человѣчества (36). Международные третейскіе суды являются опаснымъ заблужденіемъ, такъ какъ они пытаются наложить руку на естественные законы развитія, что можетъ повлечь самыя печальныя послѣдствія для всего человѣчества (34). Если усилія мира достигнутъ цѣли, то это приведетъ къ общему вырожденію, какъ то бываетъ всегда въ природѣ, когда устраняется борьба за существованіе (35). Громадныя вооруженія сами по себѣ желательны. Они являются самымъ необходимымъ условіемъ національнаго здоровья (11). Въ связи съ этимъ Бернгарди слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ начала государственной политики. Цѣлью всѣхъ, и государства въ томъ числѣ, является сила. Тотъ, кто неспособенъ взглянуть этой истинѣ въ лицо, не долженъ вмѣшиваться въ политику (15). Высшей нравственною задачею государства является увеличеніе своей силы. Государство въ правѣ вести любыя войны въ цѣляхъ увеличенія своей территоріи (46). Самосохраненіе есть высшій идеалъ государства и оправдываетъ любое дѣйствіе, которое будетъ выполнено государствомъ для этой цѣли (49). Мы уже знаемъ, что вѣроломное нарушеніе договоровъ въ такихъ цѣляхъ, по мнѣнію Бернгарди, вполнѣ допустимо. Государство является единственнымъ судьею нравственности своего поведенія. Оно стоитъ выше нравственности, иными словами, необходимость для государства отождествляется съ нравственностью.

Недалеко ушелъ отъ взглядовъ Бернгарди на политику и извѣстный химикъ *В. Оствальдъ*, столь плачевно занимавшійся оправданіемъ поведенія Германіи въ скандинавскихъ странахъ. Подъ свои воззрѣнія онъ также подводитъ научный фундаментъ созданнаго имъ энергетическаго міровоззрѣнія. Въ 1909 г. онъ выпустилъ въ свѣтъ книгу, пытавшуюся примѣнить выводы созданной имъ энергетики къ наукамъ о культурѣ. Глава 12 этого труда, озаглавленная: «Государство и сила», посвящена оцѣнкѣ значенія и достоинствъ государства. Оствальдъ здѣсь приходитъ къ выводу, что то государство является болѣе совершен-

нымъ, которое имѣетъ наибольшее количество войска и капиталовъ. Главнѣйшая задача государства состоитъ въ наилучшей организаціи арміи и въ наибольшей концентраціи капиталовъ. Священная Римская Имперія погибла только потому, что она не могла достичь надлежащаго скопленія энергіи [1].

Ревностнымъ апологетомъ войны и реальной политики является также профессоръ политической экономіи *Othmar Spann* [2]. Шпаннъ считаетъ войну великолѣпнымъ увѣнчаніемъ дѣла конкуренціи. Она, какъ сильнѣйшее и крайнее средство, стоитъ за политическими переговорами. Всякая соперничествующая политика немыслима безъ предпосылки возможной войны. Война вовсе не является анахронизмомъ, какъ полагаютъ нѣкоторые въ наше «прогрессивное» время. Никогда хозяйственный и общественный порядокъ, какъ то видно изъ исторіи, не представлялъ столь много простора для враждебнаго состязанія и для примѣненія силы, какъ нынѣ, и пока хозяйственная и общественная жизнь въ своемъ внутреннемъ настроеніи будетъ покоиться на силѣ, до тѣхъ поръ война будетъ государственной необходимостью. Внѣшніе успѣхи цивилизаціи вовсе не передѣлали человѣческой природы, какъ то полагаютъ теоретики мира; наоборотъ, война нужна для того, чтобы постоянно подстегивать ходъ культуры, иначе человѣчество склонно къ застою. Германія въ настоящій моментъ крайне нуждается въ такомъ возбудительномъ средствѣ. Отрицать въ настоящее время войну—это не только быть неисторичнымъ, но это быть измѣнникомъ высшимъ благамъ культуры. Еще долго война будетъ единственнымъ органомъ, посредствомъ котораго международное развитіе будетъ достигать своихъ политическихъ результатовъ, имѣя въ своей основѣ законъ борьбы за существованіе. Въ своемъ общественномъ дѣйствіи война въ общемъ всегда является справедливой; согласно словамъ Шиллера, «міровая исторія есть міровой судъ», и побѣды грековъ надъ персами, римлянъ надъ греками и даже гунновъ надъ римлянами были дѣломъ справедливости. Во внутреннемъ своемъ вліяніи война приводитъ къ реформамъ, какъ напр. въ Пруссіи въ 1806 г. и въ Австріи въ 1866 г., сплачиваетъ государственные элементы и дѣлаетъ смотръ національной благонадежности гражданъ и партій. Наконецъ, подвиги и стра-

[1] *W. Ostwald.* Die energetischen Grundlagen der Kulturwissenschaft, 1909, стр. 159—160.

[2] Онъ высказался сначала въ своей брошюрѣ: „Zur Soziologie und Philosophie des Krieges“, Vortrag gehalten im Verband Deutsch Völklischer Akademiker, Berlin 1914, стр. 135—143.

данія войны оказываютъ глубочайшее вліяніе на отдѣльныхъ лицъ, вызывая въ нихъ вѣру въ вѣчные, непреложные идеалы, укрѣпляя ихъ энергію, политическій духъ, солидарность и философское настроеніе. Кровь павшихъ воиновъ есть огненное лѣкарство для тканей государственнаго организма.

Когда, съ началомъ войны, мнѣнія Трейчке, Бернгарди и др. обратили на себя вниманіе въ литературѣ другихъ странъ, проф. Эйкенъ, судя по свѣдѣніямъ печати, выступилъ съ протестомъ противъ отождествленія этихъ взглядовъ съ взглядами общественнаго мнѣнія просвѣщенной Германіи. Однако, съ большимъ основаніемъ можно утверждать, что восхваленіе идеи аггрессивной войны и возвеличиваніе государственной грубой матеріальной силы вмѣстѣ съ правовымъ нигилизмомъ въ международной области являлись руководящими лозунгами оффиціальныхъ и военныхъ круговъ, и въ кругахъ юристовъ и, въ частности, государствовѣдовъ не только не встрѣчали препятствій, но находили даже скрытую поддержку.

IV.

Возведеніе войны и грубаго хищничества на степень соціальнаго или даже, какъ у Оствальда, мірового закона, несомнѣнно, являлось сплошной угрозой международному правопорядку. Объективные факты вполнѣ соотвѣтствовали этой угрозѣ. За послѣднее десятилѣтіе вооруженія и военныя приготовленія Германіи развивались въ грандіозномъ масштабѣ. Германія стояла далеко на первомъ мѣстѣ по интенсивности увеличенія своихъ военныхъ силъ. Я не стану приводить общеизвѣстныхъ статистическихъ данныхъ по этому вопросу. Ограничусь одной очень характерной цитатой. Она принадлежитъ выдающемуся берлинскому юристу, редактору вліятельнаго юридическаго журнала и предсѣдателю международнаго союза философіи права и хозяйства, *Ф. Берольцгеймеру* и заимствуется изъ его обширнаго труда о правѣ и государствѣ [1]). Вотъ его слова: «Современная Германія можетъ быть сравнена съ сильнымъ человѣкомъ, который вооруженъ съ ногъ до головы (bis an die Zähne) и съ каждымъ годомъ пріобрѣтаетъ себѣ все большее и большее вооруженіе, завѣряя вмѣстѣ съ тѣмъ каждаго третьяго человѣка

---

[1]) *F. Berolzheimer*. System der Rechts-und Wirtschaftsphilosophie III. Band. Philosophie des Staates samt den Grundzügen der Politik. München, 1906, стр. 360.

съ невиннымъ выраженіемъ лица (mit harmloser Miene):—Я никому не хочу причинить ничего дурного; я ношу свой револьверъ и свой кинжалъ только для защиты. Но вполнѣ понятно, что сосѣди не очень-то довѣряютъ его дружелюбію. Въ самомъ дѣлѣ — думаютъ они — человѣкъ съ такимъ вооруженіемъ долженъ что-то замышлять противъ насъ. И самъ Берольцгеймеръ предостерегаетъ свою родину отъ чрезмѣрной заботы о вооруженіяхъ на счетъ дѣйствительныхъ культурныхъ задачъ; подлинную національную задачу онъ видитъ не въ Machtmehren, а въ Kraftzuwachs. Эта оцѣнка германскаго милитаризма, исходящая отъ германскаго же ученаго, показываетъ, что истинныя стремленія современной политики были достаточно ясны и для научныхъ дѣятелей. Но вмѣсто того, чтобы противодѣйствовать этому, они косвенно поддерживали это теченіе, облекая свои мысли лишь въ болѣе осторожную форму. Приведу нѣсколько примѣровъ.

Въ 1912 г. группа выдающихся германскихъ государствовѣдовъ и юристовъ, въ числѣ которыхъ мы находимъ имена Лабанда, Іеллинека, Ваха, Листа, Каля и др., выпустила капитальный трудъ «Handbuch der Politik», посвященный всестороннему обозрѣнію политическихъ и культурныхъ задачъ Германіи. Уже въ первой статьѣ этого сборника, написанной проф. *Филиппомъ Цорномъ*, членомъ прусской палаты господъ, мы находимъ заявленіе, что существующее «право» является для Германіи «вѣчной болѣзнью». «Германскій народъ можетъ въ одинаковой мѣрѣ претендовать на положеніе великой державы въ государственномъ и хозяйственномъ отношеніи, какъ Франція и Англія, и международная политика только тогда станетъ политикой мира, когда эти притязанія будутъ удовлетворены». «Рѣшеніе этихъ вопросовъ международной жизни—замѣчаетъ авторъ—дается, какъ тому учитъ исторія, не факторами права, а факторами силы народовъ» [1]). И та же мысль, въ еще болѣе рѣзкой формѣ, проповѣдуется на заключительной страницѣ этого изданія. Приведу цитату дословно: «Ни одинъ проницательный человѣкъ не станетъ отрицать, что государственныя проблемы отдѣльныхъ государствъ стоятъ въ противорѣчіи съ проблемами другихъ государствъ и что эти противорѣчія не всегда могутъ быть улажены съ помощью «правовыхъ» формулъ. И исторія нашего времени проповѣдуетъ эту истину въ жестокой формѣ... Пока такія задачи отдѣльныхъ государствъ и міръ государствен-

[1]) Handbuch der Politik. 1912. V. I. S. 6—7. *Zorn*. Politik als Staatskunst.

ныхъ противоположностей не будутъ разрѣшены, мысль о «міровой организаціи» совершенно не можетъ расчитывать на успѣхъ. До того всѣ народы останутся при сознаніи той мысли, которую Феликсъ Данъ выразилъ въ слѣдующихъ прекрасныхъ словахъ: «Величайшимъ благомъ человѣка является его народъ, величайшимъ же благомъ народа—его государство» [1]). Приведенныя разсужденія Цорна были бы еще до извѣстной степени понятны, если бы рѣчь шла о какомъ-либо угнетенномъ народѣ. Но въ примѣненіи къ сильной и подавляющей другіе народы Германіи они звучатъ какъ оправданіе тѣхъ же завоевательныхъ тенденцій по отношенію къ болѣе слабымъ, о которыхъ болѣе откровенно говорятъ Трейчке и Бернгарди.

Ту же мысль, въ нѣсколько иной оболочкѣ, проводитъ проф. *І. Колеръ* въ своемъ популярномъ курсѣ философіи права. «Слѣдуетъ замѣтить—пишетъ онъ—что не всегда правовыя разногласія приводятъ къ войнѣ, но часто причиной тому служатъ культурно-историческія дисгармоніи, которыя препятствуютъ тому, чтобы народъ занялъ положеніе, приличествующее ему по его талантамъ и значенію, въ ряду другихъ народовъ. Въ такихъ случаяхъ силы, таящіяся въ общеніи, стремятся къ разряженію и, когда онѣ становятся достаточно великими, народъ по необходимости начинаетъ стремиться силой достичь осуществленія той цѣли, которую онъ считаетъ необходимой предпосылкой своего благосостоянія. Наступленіе такого развитія и такихъ измѣненій есть народная необходимость. Дѣятельныя силы человѣчества не позволяютъ скрывать ихъ въ теченіе долгаго времени. Новыя стремленія начинаютъ бродить въ старыхъ мѣхахъ и не успокаиваются до тѣхъ поръ, пока не получаютъ своего примѣненія тѣмъ или инымъ способомъ, и только если имъ препятствуютъ превосходящія ихъ другія силы, онѣ могутъ оставаться въ подавленномъ состояніи. И все же приходится и тогда помѣряться силами и посмотрѣть, достаточны ли у народа накопленныя способности, чтобы овладѣть этими препятствіями. Это обстоятельство служитъ важнѣйшей помѣхой для утвержденія общаго мира, и послѣдняя твердыня войны не можетъ быть разрушена до тѣхъ поръ, пока не будетъ изобрѣтено средство соотвѣтственнымъ образомъ устранить эти противорѣчія» [2]). Но если признать вмѣстѣ съ Колеромъ ростъ силъ отдѣльныхъ народовъ, все же характернымъ является то, что выхода для этихъ силъ онъ ищетъ не въ указаніи новыхъ культурныхъ задачъ, а

[1]) Ibid. Vol. II. S. 802. *Zorn.* Die Idee des ewigen Friedens.
[2]) *Kohler.* Lehrbuch der Rechtsphilosophie, 1909. S. 208.

въ той же завоевательной политикѣ и въ нарушеніи права другихъ народовъ, какую проповѣдовали сторонники милитаризма.

Такимъ образомъ, идея наступательной войны, оправдываемой тою или иною соціологической необходимостью, была не чужда и представителямъ юридической науки въ Германіи, хотя они выражали ее не въ такихъ откровенныхъ формахъ, какъ боевые политики.

V.

Войны хищническаго и аггрессивнаго характера, естественно, должны встрѣтить большое противодѣйствіе въ средѣ культурнаго народа, обладающаго развитымъ правосознаніемъ. Нельзя отрицать того, что оба эти качества, культура и правосознаніе, въ Германіи, насчитывающей много именъ великихъ философовъ и юристовъ, прежде стояли на общепризнанной высотѣ. Но послѣ франко-прусской войны и расцвѣта промышленной жизни, объясняемаго успѣхомъ и благодѣтельностью «реальной» политики Бисмарка, въ Германіи начинается долгая полоса увлеченія своею силою и націонализмомъ. Появляются такія ученія въ области права и народнаго воспитанія, которыя извращаютъ подлинныя задачи общей и правовой культуры и доводятъ народъ, какъ то мы видимъ въ настоящей войнѣ, до актовъ крайняго варварства: жестокостей надъ беззащитнымъ населеніемъ, злостнаго уничтоженія чужихъ историческихъ памятниковъ и чужой культуры, попранія всѣхъ законовъ веденія войны. Эти ученія болѣе чѣмъ въ теченіе четверти вѣка внѣдрялись въ народную психологію и настолько притупили правильное пониманіе культурныхъ задачъ въ массѣ народа, что онъ слѣпо пошелъ на хищническую войну, а болѣе просвѣщенные руководители его съ величайшей циничностью взяли на себя ея оправданіе.

Въ области педагогики, во всѣхъ школахъ отъ низшихъ и до университетовъ, получаетъ признаніе идея «національнаго воспитанія». Лозунгомъ для этой идеи послужили слова указа Вильгельма II, изданнаго 1 мая 1889 г., въ которомъ требовалось взять въ качествѣ основы воспитанія юношества нѣмецкій націонализмъ, понимаемый въ смыслѣ торжества узкихъ идеаловъ прусской монархіи. Эти предначертанія были положены въ 1892 г. въ основу учебныхъ плановъ Пруссіи и съ того времени упорно проводились въ жизнь, распространяясь и на

другія союзныя государства. Именно къ настоящему времени они подготовили контингентъ людей, готовыхъ признать себя слѣпымъ орудіемъ воинствующаго государства.

Московскій юристъ *Е. Н. Ефимовъ* въ своей интересной статьѣ «Два идеала гражданскаго воспитанія» [1]), рядомъ цитатъ изъ новѣйшей педагогической литературы Германіи показываетъ, какъ все воспитаніе подростающаго поколѣнія въ этой странѣ было направлено къ тому, чтобы внушить мысль о томъ, что выше національныхъ задачъ нѣтъ ничего, что лишь благо своего народа является подлиннымъ благомъ, а общечеловѣческіе идеалы представляютъ химеру. Это направленіе поддерживалось даже самыми передовыми педагогами Германіи. Такъ, одинъ изъ наиболѣе выдающихся педагоговъ *Кершенштейнеръ* пишетъ: «Насколько далеко за предѣлы своей цѣли государство должно предоставить свою силу на служеніе идеѣ гуманности, въ какой мѣрѣ, напримѣръ, оно должно во имя этого требованія дать моральную и дѣйственную защиту болѣе слабымъ государствамъ, зависитъ отъ того, насколько этимъ оно подвергаетъ опасности свою важнѣйшую задачу—самосохраненіе и народное благосостояніе». Провозглашеніе гуманныхъ принциповъ онъ считаетъ «преждевременнымъ» при нынѣшней степени культуры, «когда государства по отношенію другъ къ другу живутъ какъ бы въ естественномъ состояніи и когда идея культурнаго сообщества составляетъ еще какъ бы нѣчто чуждое отдѣльнымъ государствамъ» [2]). Другой выдающійся педагогъ, *Мессеръ*, учитъ, что интересы государства должны быть поставлены выше интересовъ человѣчества. «Если идея человѣчества—пишетъ онъ,—способствуетъ, повидимому, высшему развитію отдѣльныхъ государствъ, то часто представляется труднымъ рѣшить вопросъ, чѣмъ правительство служитъ больше дѣлу человѣчества: тѣмъ ли, что оно при всѣхъ обстоятельствахъ стремится сохранить уступчивостью другимъ государствамъ миръ между народами, или тѣмъ, что не отступаетъ съ ужасомъ передъ войною, осуществляя полное мощи представительство своей страны» [3]).

Еще болѣе узкій національный эгоизмъ мы встрѣчаемъ въ области правовыхъ ученій, ставшихъ модными за послѣднія десятилѣтія. Эти ученія тѣсно связаны съ именемъ извѣстнаго нѣмецкаго юриста *Рудольфа Іеринга*, пользующагося и понынѣ въ Германіи большимъ авторитетомъ. Основной, не вполнѣ законченный

---

[1]) Вѣстникъ Воспитанія, 1915, № 1.
[2]) Цит. по статьѣ Ефимова, стр. 28.
[3]) Тамъ же, стр. 30.

трудъ его «Цѣль въ правѣ» появился въ 1876 г., въ періодъ національнаго упоенія одержанной надъ Франціей побѣдой. Іерингъ выступаетъ здѣсь съ девизомъ, что «цѣль есть создатель всего права». «Все, что мы находимъ на почвѣ права—пишетъ онъ—вызвано къ жизни цѣлью и ради цѣли. Все право есть не что иное, какъ единое цѣлевое зданіе, мощный правовой полипъ съ безчисленнымъ множествомъ щупальцевъ, именуемыхъ правовыми положеніями, и имѣющихъ каждый какую-либо цѣль, стремленіе, желаніе. Всякому, не боящемуся изслѣдованія и размышленія, цѣль нигдѣ не открывается съ такою очевидностью, какъ въ области права; обнаружить эту цѣль, освободивъ ее отъ обманчивой оболочки истины, составляетъ высшую задачу науки права» [1]). Право, такимъ образомъ, все построено на разсчетѣ. Почвой для него является эгоистическій интересъ. Сущностью права, по мнѣнію Іеринга, является защита интересовъ отдѣльныхъ людей, охрана человѣческаго эгоизма. Наилучшимъ аппаратомъ для проведенія права въ жизнь является государство, которое есть система обезпеченныхъ принужденіемъ соціальныхъ цѣлей [2]). Принужденіе есть формальный признакъ права, его внутреннимъ признакомъ является сила. Все право, признаваемое государствомъ, есть, въ сущности, политика силы.

Эта «практическая теорія права» сводила къ пустымъ бреднямъ всѣ мысли объ естественномъ или стоящемъ надъ государствомъ правѣ. Всякое право насквозь практично. Служа интересамъ людей и опредѣляясь цѣлью, право есть лишь техническое средство достиженія жизненныхъ задачъ, есть простое орудіе въ рукахъ политика. Оно выражается въ «велѣніяхъ законодателя», опирающагося на свою силу.

Нельзя не признать, что подобное правовоззрѣніе, не лишенное, быть можетъ, удобства для практическаго политика, является весьма опаснымъ для культурнаго народа. Игнорируя этическую основу права, оно невольно приводитъ къ взгляду на право, какъ на простое орудіе силы. Такъ именно и была понята правовая философія Іеринга. Выдающійся русскій цивилистъ *Н. Л. Дювернуа* писалъ въ своихъ «Лекціяхъ» по поводу книги Іеринга слѣдующее: «Книга эта появилась послѣ военныхъ успѣховъ Пруссіи въ разгаръ Kulturkampf'а и, несомнѣнно, будетъ утрачивать все свое значеніе вмѣстѣ съ измѣненіемъ

---

[1]) *Іерингъ.* Цѣль въ правѣ. Пер. В. Лицкаго и Н. Муравьева, 1881, стр. 321.

[2]) Тамъ же, стр. 238 *сл.*

случайныхъ условій, потребовавшихъ ея появленія» [1]). «Мысль Іеринга,—писалъ онъ въ другомъ мѣстѣ [2]),—плѣнена идеей универсальнаго властительства. Весь процессъ исторіи сводится у него къ поглощенію политическихъ тѣлъ octav'volum'а volum'ами in folio. Все право есть механизмъ закона, а самъ законъ—орудіе достиженія цѣлей. Есть писатели, которые иначе думали о правѣ. Но кто же это? Это—Фихте, котораго Іерингъ находитъ непрактичнымъ до шутовства, это Гумбольдъ, мечтавшій о воинахъ-гражданахъ, когда ему еще не было 30 лѣтъ. Наконецъ, Милль! Онъ имѣлъ много больше 30 лѣтъ, когда публиковалъ трактатъ о свободѣ, и однако Милль съ этимъ ученіемъ, въ результатѣ, собственно только отстаиваетъ безнаказанное отравленіе китайцевъ опіумомъ, которое даетъ выгоду его соотечественникамъ. Іерингъ знаетъ иные порядки, иныхъ воиновъ, иную основу для права и нравственности. Она вся есть Zwang, извнѣ приходящее, насильственное побужденіе; зато она приводитъ къ заманчивой цѣли, къ торжеству государства in folio volum'а надъ государствами octav'volum'а; она практична! Иллюстрацій этой новой морали легко найти множество въ обширныхъ томахъ «Zweck im Recht».

Не менѣе ясно вскрывалъ почву іерингіанства другой русскій юристъ проф. *Л. І. Петражицкій*. Сначала въ статьѣ «О модныхъ лозунгахъ современной юриспруденціи» [3]), а затѣмъ въ своей «Теоріи права и государства» онъ настойчиво предупреждалъ русскую юридическую науку отъ зараженія модными «практическими» ученіями Іеринга, и ему, на-ряду съ московскими философами права Б. Н. Чичеринымъ и Е. Н. Трубецкимъ, болѣе всего принадлежитъ заслуга того, что русская наука осталась вѣрна этическимъ принципамъ права и смогла поставить идею права выше служенія узко-національнымъ, эгоистическимъ интересамъ. Вліяніе ученій Іеринга на юриспруденцію находитъ себѣ слѣдующую оцѣнку у проф. Петражицкаго: «Естественными послѣдствіями или союзниками воззрѣнія на право, какъ на защиту интересовъ, являются пошло-оппортунистическое и матеріалистическое, въ обыденномъ смыслѣ слова, направленіе юриспруденціи, склонность объяснять развитіе права съ точки зрѣнія эгоистическихъ стремленій и побѣды сильнаго, могущаго силою проводить свои

---

[1]) *Н. Л. Дювернуа.* Курсъ лекцій гражданскаго права, стр. 25.
[2]) Чтенія по гражданскому праву, т. I, в. I, 1898, стр. 24—25.
[3]) См. „Права добросовѣстнаго владѣльца", Спб. 1897, прил. I, а также Lehre vom Einkommen, v. II. 1895.

интересы, склонность не видѣть права за его защитою, односторонне усматривать центръ тяжести права въ процессахъ, искахъ, судебной защитѣ и т. п.» [1]).

Находились и въ германской литературѣ противники этого моднаго направленія, понимавшіе его развращающее вліяніе на правосознаніе народа. Такъ правильно характеризуетъ его проф. *Р. Ленингъ* въ брошюрѣ, появившейся въ 1907 г. [2]). «Я опасаюсь,—пишетъ онъ,—что исключительно формальное опредѣленіе права, какъ средства къ цѣли, и фактическая оцѣнка его съ точки зрѣнія преслѣдуемыхъ цѣлей поведетъ къ тому, что въ глазахъ общества будетъ подрываться уваженіе къ правопорядку. Часто приходится слышать утвержденіе, что изъ такъ называемыхъ высшихъ соображеній можно пренебречь формализмомъ права, что формальный «юридическій хламъ» не долженъ служить препятствіемъ для достиженія высшихъ цѣлей... Пониманіе это имѣетъ своимъ родоначальникомъ Іеринга, который своимъ положеніемъ, что «цѣль есть создатель всего права» далъ магическій лозунгъ новѣйшему направленію нашей науки. Всѣ правовыя нормы, согласно этому воззрѣнію, возникли изъ соображеній цѣлесообразности, и въ этихъ предуказанныхъ цѣляхъ онѣ должны найти свое фактическое обоснованіе и оправданіе. Я придерживаюсь того еретическаго воззрѣнія, что въ столь остроумной и подкупающей формѣ рѣдко высказывались большія несправедливости». Ленингъ называетъ свое отрицательное отношеніе «еретическимъ», расходящимся съ «новѣйшимъ направленіемъ нашей науки». Слѣдуетъ отмѣтить, что къ этой ереси его склонило знакомство съ критическими трудами нашего ученаго.

И дѣйствительно, «юриспруденція цѣли и интереса» оказала сильнѣйшее вліяніе на германскую юридическую науку, подчинивъ себѣ, къ счастью, не всѣхъ, но многихъ и многихъ германскихъ юристовъ. Здѣсь не мѣсто разбирать отдѣльныя отраженія этой теоріи въ спеціальныхъ областяхъ юриспруденціи. Скажу только, что она наложила свою руку на многія ученія государственнаго права. Ученіе о приматѣ государства надъ правомъ, отожествленіе государственной власти съ силою и отрицаніе правовой связанности власти, признаніе за международно-правовыми нормами характера не права, а лишь позитивной морали, пониманіе государственной политики какъ простой борьбы силъ и интересовъ, сведеніе всего права къ велѣніямъ власти

---

[1]) Теорія права и государства, т. I, 1907, стр. 301.
[2]) *Loening*, Ueber Wurzel und Wesen des Rechts. Jena, 1907, s. 7.

и многія тому подобныя положенія обильно расплодились на этой почвѣ. Критика ихъ была бы критикой господствующихъ теченій современной германской юриспруденціи [1]).

Всѣ эти идеи, подчинявшія право требованіямъ силы, ставившія интересы выше правовыхъ обязательствъ, утверждавшія, что слабый не имѣетъ такого же права на существованіе, какъ и сильный, и что послѣдній въ правѣ поглотить его, стояли въ непримиримомъ противорѣчіи съ болѣе высокимъ правовымъ міровоззрѣніемъ, какъ оно выработалось въ международныхъ отношеніяхъ. Онѣ привели Германію къ аггрессивной войнѣ и онѣ же сплотили на сторонѣ ея противниковъ всѣхъ тѣхъ, кому дороги идеалы истинной правовой культуры. Современная война, въ сознаніи большинства европейскихъ народовъ, является энергичной реакціей со стороны международнаго общенія противъ такихъ правовоззрѣній.

Эту реакцію международнаго общенія предсказывалъ еще недавно одинъ изъ проницательныхъ государствовѣдовъ и политиковъ Германіи нынѣ умершій *проф. Іеллинекъ* въ своей брошюрѣ «Борьба стараго права съ новымъ», явившейся его послѣднимъ произведеніемъ [2]). Въ ней онъ высказываетъ слѣдующую основную мысль. Въ исторіи народовъ одна система права смѣняетъ другую. Церковное государственное право было сметено ростомъ свѣтскаго государственнаго права; право, построенное на феодальномъ и сословномъ строѣ, было уничтожено правомъ абсолютной монархіи, а это послѣднее пало подъ ударами правовоззрѣній, выработанныхъ французской революціей. Въ этой борьбѣ не столько одинъ законъ борется противъ другого закона, сколько въ горячей схваткѣ идея борется противъ идеи, принципъ противъ принципа, и въ этой борьбѣ рѣшается вопросъ о внутренней цѣнности и конечной побѣдѣ той или иной идеи. Немаловажнымъ средствомъ въ такой борьбѣ является война. Борьба государствъ часто является вмѣстѣ съ тѣмъ и борьбой правопорядковъ. Побѣдитель получаетъ власть измѣнять правопорядокъ побѣжденнаго, и тогда война получаетъ функцію разрушенія и созиданія права, что̀ особенно рѣзко замѣчается въ области права публичнаго. И брошюру свою Іеллинекъ заканчиваетъ слѣдующими пророческими словами:

---

[1]) См. для обзора этихъ ученій *Krabbe.* Die Lehre von der Rechtssouveränität. Beitrag zur Staatslehre, 1906 и *M. Gavrilovitch.* L'état et droit. Paris, 1911.

[2]) *Georg Iellinek.* Der Kampf des alten mit dem neuen Recht. Heidelberg, 1907, стр. 55—56.

«Будущему несомнѣнно предстоитъ пережить новую борьбу между старымъ и новымъ правомъ. Новыя историческія и соціальныя отношенія создадутъ въ будущіе дни и новыя правовыя системы. За послѣднее время получилъ неожиданную силу и развитіе новый правопорядокъ, къ которому еще недавно многіе относились съ усмѣшкой и на который и нынѣ еще поглядываютъ косо нѣкоторые сверхъ-умники. Именно, въ теченіе нашего поколѣнія международное право, эта гарантія все болѣе и болѣе усиливающагося международнаго общенія, проявило такой прогрессъ, который не въ состояніи были предвидѣть прежнія поколѣнія. Все тѣснѣе охватываетъ правовая связь цивилизованныя государства и все болѣе и болѣе война и миръ заключаются въ крѣпкія границы права. Организація общенія государствъ намѣчается уже въ своихъ первыхъ очертаніяхъ. Какъ далеко она разовьется, мы теперь не въ состояніи предвидѣть. Но уже въ настоящее время возможны и фактически происходятъ конфликты между правомъ отдѣльныхъ государствъ и международнымъ правомъ. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ, эти конфликты будутъ, вѣроятно, все болѣе увеличиваться. И рѣшеніе ихъ будетъ мыслимо лишь тѣмъ путемъ, что право одного порядка будетъ присоединяться къ другимъ порядкамъ. Согласованіе этихъ противорѣчій уже не наша задача, это—дѣло будущаго».

Говоря о сверхъ-умникахъ, косо поглядывающихъ на международное право, Іеллинекъ имѣлъ въ виду опредѣленныхъ представителей германской политической мысли. Онъ предвидѣлъ будущую борьбу растущаго международнаго права противъ отрицающей его обязательность германской воинствующей государственности. И пророчество его сбывается раньше, чѣмъ онъ думалъ. Въ настоящей войнѣ германскимъ «сверхъ-умникамъ» приходится испытать сильный ударъ отъ того международнаго общенія, существованіе котораго они высмѣивали. И новое право, которое грядетъ на смѣну «права сильнаго», будетъ правомъ международной справедливости. Къ выработкѣ дѣйствительныхъ гарантій этого новаго права должны быть направлены всѣ усилія наши и союзныхъ съ нами націй.

П. И. Люблинскій.

НА РОДНОЙ РѢКѢ.

На отлогомъ берегу, подъ вязами,
Гдѣ къ рѣкѣ дремучій лѣсъ приникъ,
Забавлялъ меня задумчивыми сказами
Мой пріятель—сѣденькій старикъ.

Все былое съ темными невзгодами
Проходило, стариной дыша...
Передъ лѣтними, глухими непогодами
Забирались въ нѣдра шалаша.

Мы слѣдили по утрамъ за рыбами,
Днемъ уху варили въ котелкѣ;
Проходили тучи дождевыя глыбами,
Отражаясь пятнами въ рѣкѣ.

Плыли ночи тихія и лѣтнія,
Было ярко зарево костра;
На разсвѣтѣ все яснѣй, замѣтнѣе
За рѣкой вставали хутора.

Умирала ночь, дыша прохладою,
Загорался солнечный разсвѣтъ...
Засыпая, думалъ я:— Обрадую
Старика—куплю ему кисетъ.

Были сны задумчиво-привѣтные,
Шумной жизни странно-далеки...
Такъ мы жили въ эти ночи лѣтнія
Между вязовъ, у родной рѣки.

Юрій Зубовскій.

СИБИРСКОЕ.

„Веревочка".

I.

Поѣздъ пришелъ ночью. Слишкомъ быстро, нежданно какъ-то подскочила нужная станція, и я чуть успѣлъ при помощи подружившагося со мной въ вагонѣ солдатика уложиться и наскоро выскочить изъ вагона.

По имени станція числилась большой. Въ указателѣ напечатано было названіе ея жирными буквами, позади буквъ—силуэтъ объемистой чаши, что означало буфетъ и всѣ удобства. На дѣлѣ вокзалъ былъ маленькій, тѣсный, буфетъ убогій, а всѣ помѣщенія полны сонными и дремлющими людьми, какъ въ сказкѣ о «Мертвой царевнѣ»: спали, сидя на стульяхъ, пассажиры; недвижно стоялъ, похожій на восковую куклу изъ витрины моднаго магазина, лощеный буфетчикъ. Стоялъ съ закрытыми глазами и спалъ. Дремали по угламъ носильщики, вѣсовщики и еще какіе-то люди со значками и кокардами, тяжело съ бредомъ и натугой спали на узлахъ женщины съ дѣтьми. Спали по грязнымъ закутьямъ сѣрые, вездѣ и на всѣхъ вокзалахъ одинаковые мужики.

Отсюда мнѣ нужно было ѣхать на югъ по неогляднымъ степямъ Алтайскаго округа. Способъ ѣзды древній, можетъ быть, нигдѣ, кромѣ Сибири, и не встрѣтишь его. Называется: «веревочка».

Суть «веревочки» въ томъ, что пассажиръ рядится въ цѣнѣ только съ первымъ ямщикомъ на пунктѣ выѣзда. Дальше везутъ его за ту же плату, съ тѣми-же выговоренными удобствами, съ той же договоренной скоростью, что называется: отъ кума къ куму, отъ свата къ свату.

Для человѣка безъ открытаго листа въ карманѣ, безъ ко-

карды на лбу и безъ казенныхъ прогоновъ, какимъ я былъ, «веревочка» болѣе чѣмъ выгодна: не застрянешь въ пути, не будешь обобранъ и брошенъ на половинѣ дороги какимъ-нибудь строптивымъ, несговорчивымъ ямщикомъ.

Обычай таковъ: честь «веревочки»—личная честь входящаго въ ея систему ямщика. Ославь одного ямщика,—ославишь всю веревочку на тысячу верстъ. Есть «веревочки» добрыя, а есть такія, на которую попасть не приведи Господи.

По счастью, я попалъ на добрую, честную веревочку, ее рекомендовали мнѣ заранѣе въ письмахъ. Безъ лишнихъ задержекъ на станціяхъ покидалъ я одну деревню за другой. Низкорослыя, поджарыя лошаденки со всклокоченными гривами, густошерстыя, хвостатыя, полудикія, только и ждали открытыхъ воротъ.

— Садись-ко, баринъ, потуже, да держись-ко дюже!—совѣтовалъ полушутя, полуопасливо ямщикъ.

И дѣйствительно, какъ только какой-нибудь Степша, или Ваньтя, подбѣгалъ, еле двигая полупудовыми пимами, къ воротамъ, наспѣхъ открывалъ ихъ,—лошаденки прыжкомъ, по-заячьи снимались съ мѣста, пускались въ жгучій бѣшеный бѣгъ. Метались, злились, стонали санки, вздымалась, кружась и свистя, ледяная пыль по дорогѣ; озадаченный вѣтеръ сначала сдавалъ, терялся, а потомъ, спохватившись, начиналъ хлыстать морозными клубами по дерзкимъ лошадинымъ мордамъ, по ямщику, пассажиру..

А лошаденки несутся, несутся. Не видно, какъ мелькаютъ ихъ крѣпкія, твердыя ноги, не замѣчаешь натуги, усталости. Такъ верстъ десять-пятнадцать, потомъ въ видѣ отдыха пойдутъ рысцой.

Порой, когда приходилось обгонять обозы, ѣзда становилась безумной безъ преувеличенія. Вмахъ, по-птичьи, брались горы и горки: крутыя, пологія, длинныя, короткія, все одинаково. Чуть не кубаремъ сбѣгали мы въ овраги, и какими-то странными, совсѣмъ непонятными для меня, но все же увѣренными прыжками попадали на утлые, безъ боковъ и перилъ, мостики. При этомъ не разъ пробѣгалъ по мостику одинъ только полозъ саней, а другой съ неменьшей увѣренностью проносился надъ бездной.

Ямщикъ въ такихъ случаяхъ умѣло и во-время перегибался всѣмъ тѣломъ на сторону, подбодрялъ себя гикомъ, и Господь проносилъ насъ, бѣда оставалась сзади.

Сибирская лошадь не любитъ, чтобъ ее обгоняли. Идетъ ли въ обозѣ она, въ однопряжку ли, парой, тройкой, съ грузомъ, или порожняя,—она неуступчива, рѣзва и ревнива одинаково.

Заслышитъ погромки сзади, колокольчики; почуетъ чужую прыть и—готова: заразилась азартомъ. Мотнетъ упрямой головой, чтобъ выбить изъ рукъ кучера возжи, напружится и пойдетъ безъ удержу.

Однажды, когда дорога особенно была ѣздовита, шла вдоль Оби по льду, намъ понадобилось двадцать минутъ, чтобъ обскакать обозъ въ двѣнадцать подводъ.

А обозовъ шло много. Тянулись они пестрой, шумливой вереницей вдоль могучей рѣки, играя и гулко позванивая кованымъ копытомъ по безпредѣльному паркету.

II.

Былъ наборъ ратниковъ. Первый наборъ послѣ призыва запасныхъ, еще не страшный наборъ, безъ лишнихъ слезъ и причитаній, еще съ искренней, не взвинченной пѣсней и удалью.

Дорога, попутныя села, деревни, заимки и хуторки,—все полно ими, ихъ женами, проводами, разговорами о войнѣ, о нашихъ побѣдахъ.

Сами ратники, мужики въ цвѣту, держались такъ, ровно ѣхали не на войну, а къ тестю въ гости, или на престольный праздникъ въ сосѣднюю волость. Въ лучшихъ шубахъ и шапкахъ, въ красныхъ шарфахъ, зеленыхъ кушакахъ, они возбужденными голосами, особенно веселыми и плотными на легкомъ первозимнемъ морозѣ, перекликались съ дальними подводами, шутя подсмѣивались надъ нами съ ямщикомъ, срыву, съ уханьемъ и хохотомъ останавливали своихъ дышащихъ бѣлыми клубами лошадокъ, слѣзали на хрусткую нѣжно-бѣлую дорогу, закуривали, боролись, дрались для согрѣва на кулаки и снова свистали, снова неслись впередъ, торопясь къ сборному мѣсту.

Улицы деревень тоже дышали праздничнымъ настроеніемъ. Говорила гармошка, выкрикивались пѣсни. Плясали, ходили ухарями.

Бабы, еще болѣе нарядныя, чѣмъ ратники, шли толпами, смѣялись и голосили, не забывая, однако, кидать налѣво-направо кокетливые смѣшки, задорные взмахи красныхъ платковъ, бойкія сулящія слова.

Все это было сочно, молодо, красочно, нараспашку.

Пунцовые, зеленые, синіе, оранжевые сарафаны, платки, кушаки, полушальки сплетались не въ букетъ, а въ дикій вихрь красокъ. Вилось, кружилось, взметалось, пѣло, играло, дразнило

и все же не лишено было мягкой задушевной прелести. Кто знаетъ, можетъ быть, безъ слезъ и причитаній вся эта картина проводовъ была бы непереносно груба. Здѣсь была гармонія скорби, радости, или скорбь, скорѣе, являлась подголоскомъ въ общемъ хорѣ проводовъ.

Глядѣлось на эту знойную пестроту жизни, чувствовалось: такъ оно и должно быть, такъ и впредь будетъ. Вѣрилось не стону и плачу, а, казалось бы, никчемной по военному времени силѣ жизни, радости, которая претъ неудержимымъ потокомъ изъ гибкихъ, упругихъ человѣческихъ тѣлъ.

Словно, война—праздникъ...

Въ одномъ изъ богатыхъ пріобскихъ селъ, куда привезъ меня сіяющимъ солнечнымъ утромъ ямщикъ изъ отставныхъ солдатъ, съ особой точностью, безъ подмѣси иныхъ ощущеній, чувствовалось это праздничное настроеніе проводовъ.

Старый солдатъ забылъ даже исконній обычай всѣхъ ямщиковъ міра—лихо, ухарски пронестись по селу и смаху осадить коней передъ окнами станціи,—наоборотъ, онъ придержалъ лошадей, и видно стало, какъ хмѣльная зависть выправила и напружила сутулую спину на козлахъ.

— Что, весело идти на войну?—спросилъ я съ желаніемъ выпытать впечатлѣніе.

Онъ скосилъ назадъ обиндевѣлое, помолодѣвшее отъ гордой улыбки лицо, блеснулъ повеселѣлымъ взглядомъ и попытался чмокнуть изъ подъ-сосулекъ губами:

— Ээ-ахъ! гожихъ парней погнали! А бабы-то... на кого только спокидаютъ такихъ!

— Завидно?

— Что не завидовать? Насъ, паря, развѣ такъ провожали на японца идти? Въ гробъ клали—одно слово!

И вспомнилъ про коней, присвистнулъ, хлестнулъ. Захотѣлось, видно, гомона бубенцовъ. Подумалъ, добавилъ:

— Въ охотники пойду! добровольцемъ! Ей-ей, добровольцемъ пойду!..

Старики на остановкахъ, и тѣ, казалось, не были уже такъ круто опечалены, какъ это надо было ждать отъ отцовъ и хозяевъ.

Правда, на каждой новой станціи, при каждой новой смѣнѣ лошадей разговоръ начинался одними и тѣми же словами:

— Коней тебѣ? Кони есть. Дать коней ничего не доставить, да кто повезетъ, вотъ бѣда? Парни всѣ на угонѣ...

Но всегда кончался такъ:

— Э-эхъ! якорь те въ душу! Самъ поѣду, махну стариной! Ѣзжали когда-то, нонче такъ не поѣдутъ: духомъ однимъ!

Малыши запрягали, старикъ садился на «бесѣдку», косматые звѣри брали съ мѣста яростнымъ прыжкомъ, и мы мчались, какъ на пожаръ, до слѣдующей станціи, до новыхъ такихъ разговоровъ.

Только старухи однѣ печалились искренно. Онѣ съ такой тоскующей горячностью разспрашивали о ходѣ войны, о тѣхъ способахъ, которые «нѣмецкій національный геній» придумывалъ для калѣченья людей, такъ хотѣли наглядно и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко представить себѣ картину страданья и смерти, что больно становилось. Въ простонародной женщинѣ сидитъ это, для другихъ непонятное: всякое несчастье, горе, страданье ей хочется пережить не просто, не съ желаньемъ скорѣе забыть его, а наоборотъ, она его углубляетъ, смакуетъ точно. Если въ домѣ покойникъ,—необходимо разсказать ей о каждомъ мигѣ предсмертной агоніи, вспомнить всякій вздохъ, всякое слово, полуслово, жестъ, намекъ на движенье... Слушаетъ, плачетъ, вздыхаетъ и тѣмъ выражаетъ сочувствіе горю. А если ея горе,— она разскажетъ все.

Плакали.

И это были «однѣ лишь искреннія слезы... слезы бѣдныхъ матерей». Однажды «веревочка» привела меня въ зажиточную крестьянскую избу. Изба была просторная, въ четыре комнаты. Обставлены комнаты вѣнской мебелью, тропической зеленью. Была кисея, ковры, скатерти браныя на столахъ, открытки на стѣнкахъ, вѣеромъ.

Дебелая, полная старуха, накрывая на столъ, принялась съ перваго слова разспрашивать о войнѣ, о ея подробностяхъ и ужасахъ.

Особенно удивило меня то, что она знакома была со словами «контузія», «чемоданъ», «разрывная пуля» и требовала поясненій о пораненіяхъ этими орудіями смерти и ужаса.

Надо сказать, что была пора, когда Сибирь еще не видала раненыхъ. Провозили только плѣнныхъ, съ которыми простому народу разговориться трудно.

Я долженъ былъ возможно мягче удовлетворить любознательность старухи, такъ какъ одинъ ея сынъ былъ уже въ пылу Августовскихъ сраженій, а другого «угоняли» теперь.

Выслушавъ съ видимымъ спокойствіемъ все, что я смогъ сказать, старуха вздохнула тѣмъ тяжелымъ скорбнымъ вздохомъ, который особо напряженъ и глубокъ бываетъ у полныхъ людей,

подумала и проговорила скорѣе для себя самой, чѣмъ для моего слуха:

— Далъ бы Господи... хотя бы безъ рукъ, безъ ногъ, да живьемъ вернулся...

Послѣ этого разговора, когда въ черной избѣ встрѣтилась мнѣ красавица - солдатка, брызжущая здоровьемъ и жадностью къ жизни, я не удержался отъ соблазна, спросилъ ее:

— Рада будешь, если мужъ вернется безъ ногъ?

Вопросъ былъ жестокъ. Она вскинула на меня играющій взглядъ веселыхъ, голубыхъ со звѣздочкой глазъ, ухмыльнулась, отвѣтила густымъ, полнымъ искренней безпечности, голосомъ:

— Вотъ еще, на коего лѣшаго сдался онъ мнѣ такой уродина!

Въ городѣ.

I.

«Веревочка» привела меня въ тотъ самый городъ, гдѣ я намѣтилъ прожить зиму. Городъ большой, не новый, типично сибирскій: съ широкими, прямыми улицами, просторными квадратными площадями, проѣзжими только зимой, да въ лѣтнюю сушь, съ узкими деревянными тротуарами, по которымъ можно ходить только въ одиночку, обнимаясь со встрѣчными, и съ полными глубокими канавами сточныхъ водъ по каймѣ тротуаровъ.

Дома въ городѣ пузатые, въ садахъ при дворахъ березы, березы и черемуха.

Говорятъ, что не такъ давно городъ былъ сосредоточіемъ аристократической жизни, былъ чуть ли не сколкомъ съ Морской, или Англійской набережной. Дамы выписывали костюмы только изъ Парижа, по улицамъ носились въ дышловой упряжи орловскіе рысаки, а въ легкихъ парижской работы ландо полулежали люди въ камергерскихъ мундирахъ.

Подвалы бѣлыхъ, когда-то опрятныхъ, домовъ въ «аракчеевскомъ стилѣ», которые и теперь еще составляютъ нѣчто въ родѣ кремля по отношенію къ остальному городу, ломились отъ накопленнаго золотого песку, самородковъ, серебряныхъ слитковъ, малахита, порфира и другихъ неисчислимыхъ богатствъ Алтайскаго края.

Теперь этого нѣтъ. Дома на-половину облупились, сады около нихъ запущены, погнили, вмѣсто серебрянаго завода ра-

ботаетъ лѣсопилка, да и то какая-то дряхлая, погудываетъ по вечерамъ, словно сторожевой песъ въ покинутой барской усадьбѣ.

О быломъ величіи только и можно вспомнить, пожалуй, по обилію особыхъ, не виданныхъ въ остальной Россіи, чиновниковъ, у которыхъ на лбу вмѣсто кокарды бѣлая, сіяющая на черномъ полѣ околыша, корона.

Семья, въ которой я поселился, была — сказать модными теперь словами — превосходнымъ наблюдательнымъ пунктомъ. Въ домѣ, какъ солнечные лучи въ зажигательномъ стеклѣ, собирались въ плотный пучекъ почти всѣ нити тамошней жизни, жизни, связанной съ войной.

Здѣсь шили, кроили и всячески ладили солдатамъ бѣлье, сюда привозили собранный по деревнямъ «жертвенный» холстъ, отсюда румянымъ хороводомъ высыпали на улицу толпы учащейся молодежи для уличнаго сбора денегъ «въ пользу нашихъ воиновъ», здѣсь затѣвались спектакли и вечера все въ ту же пользу, сюда же, наконецъ, стекались солдатки, хлопотавшія о пособіи, и такъ далѣе, безъ конца.

Сюда же приходили свѣдѣнія и непосредственно съ фронта, такъ какъ одинъ членъ семьи былъ на войнѣ въ качествѣ сестры милосердія.

Вся почти интеллигенція города была знакома дому, вхожа въ него. Тутъ можно было встрѣтить крупныхъ и мелкихъ чиновниковъ, учителей народныхъ школъ и гимназій, литераторовъ, купцовъ, адвокатовъ, докторовъ, священниковъ, офицеровъ... Словомъ, была возможность знать и видѣть настроеніе города, его отношеніе къ войнѣ. И вотъ, здѣсь такъ же, какъ и въ деревнѣ, общую картину настроеній создавали женщины, онѣ окрашивали «тыловую жизнь» своими хлопотами, работой, перепиской съ солдатами, разговорами, даже пересудами,—всѣмъ своимъ существомъ, всей натурой.

Мужчины, конечно, тоже толковали о войнѣ, о связанномъ съ ней международномъ положеніи, о томъ, чего надо ждать въ будущемъ... но только толковали и читали газеты. Часто даже предпочитали они этимъ толкамъ простой преферансъ, а ради винта безъ всякихъ колебаній откладывали въ сторону самую свѣжую телеграмму.

Женщины же рѣдко сидѣли безъ военныхъ темъ, безъ дѣла: сообща кроили, отдавали куда-то на сторону шить, приходили другъ къ другу въ сопровожденіи кучеровъ, обвѣшанныхъ пакетами, мѣшками, тюками, раскладывали по ящикамъ рожде-

ственскіе подарки и клали въ самый ящикъ свои визитныя карточки съ адресомъ.

А, когда приходило по адресу какой-либо дамы умиленное солдатское письмо съ позиціи, бывалъ праздникъ съ ликованіемъ, поцѣлуями, безконечными разговорами и воспоминаніями.

Я, какъ не играющій въ карты, въ силу обстоятельствъ долженъ былъ стать «въ сферу вліянія» дамъ, то-есть быть у нихъ въ рабствѣ. Приходилось дѣлать все: и читать вслухъ газету, подать, придержать, размотать, надѣть для примѣрки, подставить спину для соображеній о какой-либо новой формѣ жилета, который долженъ пригодиться солдату любого роста, любого сложенія, и при всемъ томъ разсказывать. Разсказывать свою прошлую жизнь, журнальную статью, содержаніе моднаго романа, — все, чтó попросятъ, и невѣсть для чего. Ни одного вывода, ни одного сопоставленія, или заключенія не пришлось слышать потомъ. Расцѣнивалось все только двумя словами: «интересно» — «неинтересно».

Дамъ было много, я путался въ именахъ, какъ только могъ. На бѣду половину ихъ звали Маріями. Надо было какъ-нибудь классифицировать, найти признаки, по которымъ можно бы одну знакомую не назвать именемъ другой. Ломалъ голову, пробовалъ отличать по внѣшнимъ признакамъ: по голосу, смѣху, прическѣ, по мужу—не выходило. Наконецъ, напалъ на дѣйствительный и вѣрный способъ: различать по мѣсту работы, по «дѣятельности».

Ту, которая работала въ Красномъ Крестѣ, звали Марія Семеновна. Марія Борисовна завѣдывала какой-то швальней, Марія Григорьевна благотворительными базарами въ пользу раненыхъ, Марія Степановна состояла въ Сибирскомъ обществѣ...

Одна только Марія Михайловна запомнилась по иному признаку.

Разъ какъ-то вечеромъ вошла она въ домъ взволнованная, горячая, съ гнѣвнымъ лучистымъ взглядомъ синихъ, выцвѣтающихъ глазъ и еще въ передней, не снявъ шубы, разсказывала:

— А нашъ-то Яшка! началъ носъ совать. Мы засѣдаемъ, а онъ явился изъ своего кабинета: трынь-брынь, все не такъ!.. Я не выдержала: «Позвольте, говорю, ваше превосходительство, вы не имѣете здѣсь права голоса! Здѣсь комитетъ судейскихъ дамъ, а не палата! ваше дѣло дать помѣщеніе, помочь, ежели попросятъ, а не мѣшаться въ чужія дѣла»... И сѣлъ! Какъ на старыхъ дрожжахъ!

Всѣ смѣялись. Возмутился только одинъ пожилой чиновникъ, да и то вполголоса:

— Это ужъ слишкомъ,—брунчалъ онъ подъ носъ въ протодьяконскомъ тонѣ,—я не поклонникъ всего этого... того... но назвать Яшкой человѣка, которому всѣ говорятъ ваше превосходительство, это того! Вѣдь передъ нимъ тянутся во фронтъ старые люди, сотни чиновниковъ гремятъ стульями, когда онъ въ дверяхъ появляется... и вдругъ: Яшка! Откуда это? Кто далъ ей право?

Я тоже не зналъ откуда, но видѣлъ, что право это у Маріи Михайловны есть, не бытовое какое-нибудь право, обывательское, а другое,—гражданское, связанное съ войной и комитетами.

Въ этомъ убѣдился я послѣ, когда самому пришлось стать въ положеніе «Яшки».

II.

Каждый вечеръ, часовъ около шести, къ крыльцу дома подавался Кореецъ, вороной аргамакъ съ густой гривой и тяжелымъ пышнымъ хвостомъ.

Мы съ хозяйкой дома Маріей Филипповной, доброй изъ добрѣйшихъ русскихъ женщинъ, садились въ санки и ѣхали въ объѣздъ по солдатскимъ женамъ. Марія Филипповна состояла попечительницей и ѣхала по обязанности, а я въ качествѣ кучера. Мнѣ нравилось ѣздить на Корейцѣ. Любо держать въ рукахъ тугія, какъ тетива, возжи и чувствовать, какъ по твоей волѣ застоявшійся конь беретъ улицу широкими взмахами рѣзвыхъ ногъ, какъ стонутъ и мечутся санки, разбѣгаясь, прячутся за спиной дома, заборы, темныя лозы надъ заборами, какъ злится разбуженный бѣгомъ Корейца вѣтеръ, какъ бомбами летятъ въ лицо жгучіе комья снѣга...

На окраинѣ, въ бѣдныхъ кварталахъ я сдерживаю прыть лошади. Марія Филипповна идетъ по сиротливымъ избушкамъ провѣрять права солдатокъ на пособіе.

Провѣритъ одну семью, другую, на третьей семьѣ непремѣнно разсердится. Солдатки, оказывается, народъ хитрый, съ каждой изъ нихъ приходится быть насторожѣ. Напишетъ заявленіе о пособіи, да и напишетъ не сама, ибо неграмотна, а по ея просьбѣ напишетъ та же Марія Филипповна; въ заявленіи укажетъ: дѣтей у нея пятеро, живетъ при ней свекоръ, мать - старуха, еще кто-нибудь...

Городская управа поручаетъ Маріи Филипповнѣ же провѣрить все, вѣрно ли обозначено семейное положеніе.

И вотъ, если Марія Филипповна пріѣзжаетъ, по уговору съ солдаткой, въ назначенный часъ, то оказывается все, какъ написано: дѣтей пятеро, свекоръ лежитъ на палатяхъ и стонетъ, мать кашляетъ у порога.

Выдали пособіе на большую семью, на слѣдующій день въ городскую управу доносъ:

«У такой-ли сякой, Дарьи Охлопковой дѣтей не пятеро, а двое, свекоръ живетъ не при ней, а въ деревнѣ, матери вовсе нѣтъ»...

Маріи Филипповнѣ снова надо ѣхать къ солдаткѣ Охлопковой, снова провѣрить всю семью. Уличенная баба рыдаетъ, ползаетъ на колѣняхъ по грязному полу, двое ребятъ орутъ источнымъ голосомъ...

И вмѣсто нагоняя приходится бабу отпаивать водой, дѣтей утѣшать конфектами.

Меня занимали такіе случаи, какъ интересный бытовой матеріалъ. Нѣкоторые, особенно удачные фортели просто восхищали, и я, къ великому огорченію Маріи Филипповны, не скрывалъ своего радостнаго возбужденія при видѣ ихъ.

Она сѣтовала, сердилась и такъ какъ смысла ея сѣтованій солдатки не понимали, то все это валилось на мою голову.

Я старался доказать Маріи Филипповнѣ, что причина всему— общія условія русской жизни.

— У насъ—говорилъ я—на всякаго неизвѣстнаго человѣка смотрятъ, какъ на жулика. Полагаютъ, что нечестность, это—природное свойство, натура... Отсюда характеръ нашихъ отношеній къ людямъ, нашего законодательства, всегда предусмотрительнаго и детализированнаго до безсмыслія, да еще въ догонку снабженнаго сенатскими разъясненіями. Отсюда наши полицейскія и всякія чрезвычайныя охраны... За границей не такъ. Тамъ предполагается, что всякій человѣкъ прежде всего—честный человѣкъ. Это — естество. И если найдется кто - нибудь неоправдывающій общихъ ожиданій, то къ нему, именно къ нему одному, примѣняются законныя мѣры наказанія ли, другого ли воздѣйствія... Вы же всѣхъ безъ разбору... да, наконецъ, виноватъ ли человѣкъ, если онъ только оправдываетъ чужія ожиданія... Онъ потому, можетъ быть, и жуликъ, что отъ него этого ждутъ, гипнотизируютъ его, толкаютъ на это. Подумали ли вы, напримѣръ, о томъ: почему всѣ наши хорошіе законы, списанные безъ задней мысли съ чужихъ хорошихъ законовъ, никогда не выполняются, а наши доморощенныя обязательныя постановленія живучи? Не въ насъ ли самихъ все это кроется?

Схватывала ли Марія Филипповна нить моихъ разсужденій, или нѣтъ,—не знаю. Возможно, что и нѣтъ. Одно несомнѣнно, я казался ей очень краснорѣчивымъ и умнымъ человѣкомъ, и потому только не рѣшалась она сказать мнѣ что-нибудь въ родѣ «Яшки».

Но вотъ однажды не выдержала, сказала.

Вышло это по такому поводу. Пріѣхали мы провѣрить солдатку въ ночлежный домъ. Это было необычное для города старое зданіе съ церковной главкой на крышѣ: не то тюрьма, не то заброшенныя монастырскія кельи. Долго стучались мы, долго звонили въ какое-то било и, достучавшись, еще дольше бродили по низкому изломанному корридору, полному дровъ, кадокъ, корытъ и всякой рухляди. Полъ, когда-то кирпичный, былъ изувѣченъ, изрытъ, а въ рытвинахъ предательски поблескивали лужи помойной грязи, всякихъ нечистотъ. Чиркая спичку за спичкой и чуть не задыхаясь отъ вони, мы тыкались изъ одной двери въ другую, спрашивая:

— Гдѣ тутъ живетъ солдатка Трофимова съ матерью и троими дѣтьми?

— Трофимова? Какая Трофимова? Тутъ никакой Трофимовой нѣтъ!—откликались на зовъ сиплые голоса.—Хлюпкина рази?

— Хлюпкина, Хлюпкина!—подсказалъ, наконецъ, услужливый бабій голосокъ изъ темноты,—Хлюпкина, она же Трофимова... Пожалуйте, барыня, здѣся! Сколь, бишь, дѣтей-то? троечко?

— Трое.

— Ну она! Она самая, и мать при ней, старуха! Сюда завернитесь, направо. Хлюпкина, она же Трофимова...

Завернули направо, кто-то услужливо распахнулъ передъ нами дверь, мы вошли. Улеглись ворвавшіеся слѣдомъ за нами клубы вонючаго холоднаго пара. Осмотрѣлись. Прямо среди крохотной сводчатой комнатки стояла и топилась накаленная до огненнаго красна желѣзная печь, трое малютокъ, видимо погодки, играли на голомъ кирпичномъ полу, при чемъ младшій съ подсученной выше спины рубашенкой, голенькій и грязный, ползалъ. Перебирая ручонками пространство пола, онъ сидя подтягивался, передвигалъ себя впередъ, и благодаря, должно быть, частому шмыганью о кирпичи все сидѣньице его было ошмыгано, гноилось, кровоточило... Другіе двое, дѣвочка съ мальчикомъ, испугавшись насъ, притихли. Прижались близко-близко другъ къ другу, таращатъ на невиданныхъ посѣтителей большіе

удивленные глазенки, окаймленные рамкой грязи и затертыхъ высохшихъ слезъ.

У самой двери на табуретѣ сидѣла перегнувшись старуха, должно быть, полоумная, такъ какъ въ гнойныхъ глазахъ не видно было ни мысли, ни страха, ни удивленія. Сама солдатка, бойкая пригожая бабенка, не по обстановкѣ опрятная, миловидная, вскочила на ноги, вытерла фартукомъ стулъ, на которомъ сидѣла, пододвинула его къ ногамъ Маріи Филипповны.

— Здрасте, барыня! Садитесь, садитесь! Не прибрано вотъ у меня, сейчасъ съ работы вернулась, не поспѣла...

Говорила пѣвучимъ ровнымъ голосомъ, не смущаясь и не теряя достоинства. Я слѣдилъ и за солдаткой, и за Маріей Филипповной, видѣлъ, какъ понравилась бабенка барынѣ, какъ сразу создалась между ними атмосфера довѣрія. Вполнѣ понятно было и то, что запущены и грязны ребята, бѣдна и грязна обстановка въ комнатѣ.

— Некому присмотрѣть: сама до поздняго на работѣ, старуха полоумная, а сосѣдки... поди, накажи которой: «пригляди, молъ, кума»... Дакъ ей и самой, поди, времени нѣтъ...

Поговорили женщины, спросила Марія Филипповна паспортъ. Паспорта не оказалось.

— Гдѣ его взять, пачпортъ-отъ, кабы мужикъ былъ, а то вѣдь женскимъ дѣломъ не скоро дойдешь, надо все тратиться!

Говоря о мужикѣ, бабенка всплакнула, потомъ разсказала, что онъ у нея въ сраженіи, забыла только, какъ называется городъ. Хотѣла даже письмо вытащить, показать.

Мы уѣхали, вполнѣ удовлетворенные нашимъ разслѣдованіемъ.

Пособіе Трофимова, она же Хлюпкина, получила въ полномъ размѣрѣ: на себя, старуху и троихъ дѣтей.

Мы съ Маріей Филипповной почувствовали даже нѣкоторое душевное удовлетвореніе послѣ всего этого, какъ вдругъ!.. изъ городской управы бумага. Рѣзкая бумага, грубая. Кто-то донесъ, и кто-то провѣрилъ этотъ доносъ; по провѣркѣ же вышло, что Хлюпкина вовсе не Трофимова, а Трофимова—не Хлюпкина, и что ни у той, ни у другой совсѣмъ ребятъ нѣтъ, и нѣтъ никакой полоумной старухи.

Помню, меня взорвало это, я сталъ изливать передъ Маріей Филипповной свое негодованіе. По-моему, она должна была немедленно послать къ чорту всю управу съ ея ненужными грубыми бумагами, тѣмъ болѣе, что это не первый случай: многіе ушли изъ попечителей благодаря некорректности головы и грубости управы...

Марія Филипповна терпѣливо выслушала всѣ мои негодующія рѣчи, грустно, грустно покачала головой и проговорила:

— Я работаю не ради головы городского и не управѣ служу... я дѣлаю необходимое, народное дѣло...

Отвернулась, пригнулась надъ письменнымъ столомъ, стала писать управѣ «бумагу». Я читалъ эту бумагу: попечительница признала вину свою и взяла неправильный расходъ на себя.

Тогда я почувствовалъ, въ чемъ было право Маріи Михайловны назвать его превосходительство «Яшкой».

Можетъ быть, когда-нибудь историкъ женскаго движенія «за равноправіе половъ» учтетъ такіе случаи и придастъ имъ высшую цѣну, нежели представленнымъ въ Государственную Думу адресамъ съ десятками тысячъ женскихъ подписей. Кто знаетъ?

III.

Старшая дочь Шурочка писала съ войны характерныя письма. На одной и той же страницѣ безъ всякой связи и послѣдовательности она сообщала о новой эффектной шляпкѣ, купленной въ Варшавѣ «страшно-страшно дешево», и которая идетъ ей «удивительно-восхитительно», о новыхъ сапогахъ для передовыхъ позицій, о томъ, какъ она набила руку на солдатскихъ письмахъ, какъ въ нее влюбился докторъ и какія ужасныя раны причиняютъ разрывныя пули. Раны эти описывались еще съ большей подробностью, чѣмъ шляпки, и отъ этихъ дѣтски-наивныхъ описаній становилось тяжело дышать, подкатывало къ горлу и чувствовалась на плечахъ какая-то еще неосознанная, но неизбѣжно грядущая міровая вина.

Письма становились достояніемъ всѣхъ знакомыхъ дамъ, всего города. Читали ихъ вслухъ, обсуждали. Дамы просили послѣднюю Шурочкину фотографію въ формѣ сестры, любовались ей, какъ бы примѣряя на фотографіи описанную шляпу, хвалили доктора за то, что у него недурной вкусъ, но никто ни словомъ не заикался о разрывныхъ пуляхъ и ужасныхъ ранахъ.

Страннымъ образомъ раны эти не вмѣщались въ сознаніи дамъ; мужчины же говорили только: «гм»... и снова сдавали, или же пускались въ отвлеченные разговоры о международномъ правѣ.

Бродилъ я по базару, прислушивался къ разговорамъ.

Сибирскіе базары—замѣчательное явленіе русской жизни.

Это какая-то этнографическая ярмарка. Здѣсь рядомъ, возъ къ возу, сидитъ и торгуетъ вся пестрая многоязычная Россія. Великоруссъ, литовецъ, полякъ, нѣмецъ, эстонецъ, мордвинъ, русинъ, полтавецъ, татаринъ, киргизъ... всѣ со своимъ говоромъ, одеждой, манерами, упряжью... У каждаго свое, особое, и у всѣхъ вмѣстѣ общее, русское, чѣмъ болѣютъ всѣ: война.

Здѣсь тоже читаютъ газету, обсуждаютъ ее, но не такъ, какъ интеллигенція,—себѣ подъ носъ, хмыкая и пыхтя папиросой. Здѣсь надъ газетой священнодѣйствуютъ, развертываютъ ее, какъ талисманъ какой, съ трепетомъ, замираніемъ сердца. Читаетъ одинъ, кто считаетъ себя болѣе другихъ понимающимъ, около него толпа напряженно слушающихъ людей.

Сколько разъ я прислушивался къ такимъ базарнымъ чтеніямъ, и ни разу не слышалъ правильнаго чтенія безъ искаженія словъ и смысла. Чтецамъ поголовно газетный языкъ недоступенъ. Мысль въ общемъ никогда не усваивается. Выхватываютъ сознаніемъ отдѣльныя фразы, слова, въ родѣ: «атака отбита», «противникъ наступаетъ», къ этимъ словамъ въ любомъ порядкѣ пристегивается число взятыхъ въ плѣнъ непріятельскихъ солдатъ, количество потерянныхъ орудій и т. п., все это комбинируется и готово свое собственное, народное «извѣстіе съ войны».

При этомъ, разумѣется, главное отъ второстепеннаго никогда не отдѣляется, наоборотъ: главное въ газетѣ то, что доступно по формѣ. Благодаря этому, напримѣръ, статьи нѣкоторыхъ военныхъ писателей изъ «Русскаго Слова» являются единственными свѣдѣніями, которыя залегаютъ въ народномъ сознаніи цѣликомъ. Неизмѣримая отвѣтственность должна лежать на совѣсти такого писателя.

Вотъ примѣръ пониманія народомъ газеты.

Въ центрѣ базара, на самомъ бойкомъ мѣстѣ стоялъ газетный кіоскъ, единственный на весь городъ. Отсюда по командѣ разбитного хозяина кіоска, тамбовскаго мужичка, тучи мальчишекъ разбѣгались по городу съ «Русскимъ Словомъ», «Биржевкой» и разными «синими» и «желтыми» журналами подъ мышкой. Всѣ другія газеты продавались только въ кіоскѣ, потому мнѣ приходилось каждый день туда заглядывать. Около кіоска всегда была толпа, все время читали, разсказывали, спорили, комментировали, и мнѣ волей-неволей по многимъ вопросамъ приходилось играть роль эксперта.

Однажды я стоялъ въ самомъ кіоскѣ спиной ко входу, пересматривая старыя газеты. Одинъ изъ заядлыхъ базарныхъ чтецовъ тутъ же просматривалъ мѣстную газетку. Въ то время какъ-разъ

много и въ повышенномъ тонѣ говорили о вновь вводимыхъ налогахъ.

— Эге! кумъ!—возбужденно крикнулъ чтецъ хозяину кіоска, не отводя глазъ отъ газеты,—ты сколько платишь правовъ?

— А что? пятитку!

— Ну, такъ радовайся! Восемдесять пять рублей будутъ гладить!

— Вре-ешь!

— Ей-Богу! вотъ, хоть самъ погляди...

Чтецъ протянулъ хозяину газету съ прижатымъ къ одному мѣсту пальцемъ. Хозяинъ, поблѣднѣвшій, съежившійся, взялъ въ дрожащія руки газету, внимательно, съ жадностью просмотрѣлъ указанное чтецомъ мѣсто, оторвался, оглядѣлъ всѣхъ насъ дикимъ недоумѣннымъ взглядомъ, постоялъ такъ, еще разъ поднесъ газету къ глазамъ, еще просмотрѣлъ и грохнулъ руками о полы.

— Это что же будетъ такое, грабежъ? — взвизгнулъ онъ слезливымъ тонкимъ голосомъ.—Василичъ? а?

Я взялъ изъ рукъ хозяина газету. Замусленное, затыканное пальцемъ мѣсто было: «отчетъ по устройству благотворительнаго вечера въ клубѣ». На-ряду съ перечнемъ доходовъ стояло: «Кіоскъ—85 руб.».

Мнѣ пришлось разъяснять, что значитъ «кіоскъ» вообще, газетный кіоскъ и кіоскъ на вечерѣ, въ частности.

Газетный кіоскъ существуетъ въ городѣ нѣсколько лѣтъ. Учрежденіе привилось, привилось и слово, но благодушный обыватель рѣшилъ называть этимъ мудренымъ словомъ не лавочку, а человѣка, торгующаго въ ней, по ремеслу, какъ сапожника, бакалейщика...

«Кіоскомъ» въ городѣ звали тамбовскаго мужичка, онъ и самъ себя звалъ такъ, а такъ какъ въ городѣ онъ былъ единственный, то присвоилъ себѣ мудреное имя въ собственность. Кто знаетъ, можетъ быть, кичился имъ, величался передъ пріятелями. И, не будь остраго ожиданія новыхъ налоговъ, такъ бы и остался въ пріятномъ заблужденіи.

И вотъ при такихъ условіяхъ бродилъ я по разноплеменному, разноязычному, но все же русскому, базару, искалъ отраженій войны на общемъ ходѣ жизни, выслѣживалъ настроенія.

Война, конечно, царила надъ всѣми уголками жизни, она картинно бросалась въ глаза всюду, кричала о себѣ, звала и... манила. Ужаса передъ ней не видать было и здѣсь, не чувствовался онъ даже среди новаго призыва, второго послѣ того, который наблюдалъ я съ «веревочки».

Теперь уже призваны были не «парни въ соку», а пожилые, бородатые люди съ сѣдиной. Молчаливыми толпами наполняли они улицы, базаръ, постоялые дворы, съ ними жены, дѣти на возрастѣ. У всѣхъ видъ сосредоточенный, дѣловитый: знаютъ, что надо сдѣлать, куда пойти, кому что сказать... безпечности ни капли.

Въ связи съ призывомъ бородачей пошли въ ходъ бритвы, вздорожали. Стали торговать бритвами въ разносъ. И покупаютъ. Шумливый, веселый старичекъ разложился среди базара, зазываетъ:

— Эй, солдатики-братики, подходи! знаменитыя бритвы!

Подходятъ, выбираютъ, пробуютъ: засучитъ руку по локоть, плюнетъ на нее, сбриваетъ волоски. Торгуются:

— Ежели уступишь, коли-что?

— Не могу! И такъ спустилъ, гля ради тебя! Самъ солдатъ, на японца ходилъ, понимаю... Ты вотъ что, служба, ежели не приглянется,—приноси, назадъ приноси: даромъ отвѣчу!

— Уступи, подходя даю...

Такіе же разговоры около картинъ на военныя темы. Картины ужасныя, грубыя и до того нелѣпыя, что странно, какъ онѣ могутъ кому-нибудь нравиться. Но покупаютъ. Покупаютъ тѣ же призванные, дарятъ провожающимъ ихъ женамъ и дѣтямъ.

И кто знаетъ, можетъ быть, каждая изъ этихъ уродливыхъ картинъ съ Вильгельмомъ въ образѣ свиньи, съ казакомъ Крючковымъ на лошади, похожей на борзую собаку, явится послѣдней прощальной памяткой, послѣдней лаской. И надъ ней будутъ всю долгую сѣрую жизнь литься вдовьи слезы...

Можетъ быть, будетъ, но пока слезъ не видно.

IV.

Въ городѣ появилась первая партія раненыхъ, легко-раненыхъ, конечно. Это были здоровые, коренастые парни изъ сосѣднихъ селъ, сытые, чистые, довольные. Всѣ раны у нихъ на одинъ образецъ: на лѣвой рукѣ, рѣже на правой, бѣлая, тщательно намотанная куколка. И если бы не эта снѣжно-бѣлая куколка, которую они бережно носили передъ собой, точно показывая, страннымъ казалось бы ихъ появленіе въ городѣ: городъ ужъ отвыкъ отъ румяныхъ молодыхъ мужскихъ лицъ, отвыкъ отъ того, красящаго уличную жизнь, грубовато-самодовольнаго

мужского говора, какимъ въ обычное время бываетъ онъ полонъ. Было, разумѣется, въ городѣ много мужчинъ, но это были плѣнные, а развѣ плѣнные могли войти въ общую гармонію здѣшней, собственной жизни? Плѣнные стояли особнякомъ.

Съ появленіемъ въ городѣ раненыхъ дамскіе круги взволновались. Пошла на раненыхъ мода. Дамы какъ-то вразъ забыли свои засѣданія, оживились и если шили теперь, то на раненыхъ, на своихъ раненыхъ, которые прибыли и прибудутъ еще. Стали открываться одинъ за однимъ «пункты» для пріема раненыхъ. Первымъ открыло «пунктъ» Сибирское общество, потомъ Красный Крестъ, общество чиновниковъ Алтайскаго округа... Смущеннымъ солдатикамъ приходилось выбирать: куда идти? Охотнѣй шли туда, гдѣ попроще, именно на пунктъ Сибирскаго общества. Другіе пункты ревновали, силились переманить къ себѣ...

Все это служило оживленной темой для дамскихъ разговоровъ.

Мы съ Маріей Филипповной, садясь теперь на машистаго Корейца, ѣхали не всегда къ солдаткамъ. Все чаще и чаще приходилось мнѣ править къ «пункту раненыхъ». Здѣсь радушная Марія Филипповна глядѣла за щами, пирогами, за кашей, слѣдила за тѣмъ, чтобъ ни одинъ изъ раненыхъ не остался голоднымъ, чтобъ всѣ кушали вволю. А кушать вволю по-сибирски,— это... ухъ, сколько надо съѣсть всего. Солдатики кушали. Потомъ надо было одѣть—обуть ихъ потеплѣе, тоже по-сибирски, найти имъ попутчика, проводить домой, къ роднымъ.

Мало-по-малу и базаръ сталъ наполняться ранеными.

И вотъ, съ поры появленія въ городѣ раненыхъ, я сталъ замѣчать какую-то смутную перемѣну въ настроеніи базара.

Такъ же собирались кучами, слушали. Но слушали не всегда газету, и не съ тѣмъ грустно-молитвеннымъ спокойствіемъ, какъ прежде.

Смотришь, гдѣ-либо въ говяжьемъ ряду толпа. Подойдешь ближе, пригнешься: слушаютъ раненаго. Всего не слышно, долетаютъ обрывки разсказа:

— Вотъ и палитъ, и палитъ, и палитъ! Свѣту не видно...

Наблюдаешь за лицами слушателей. Мужики, бабы, старухи съ мальчишками, всѣ окаменѣли точно, боятся дышать. По глазамъ только видишь, что переживается здѣсь не газетное извѣстіе, а что-то неизмѣримо большее и до конца понятное, свое.

Стали также секретничать. Видишь издали: большая, оживленная толпа, подойдешь—замолчатъ, примутъ скучающій видъ.

Изрѣдка изъ такой скрытной толпы уловишь фразу:

— Всю нашу державу продали сукины сыны!

Уловить контуры новаго настроенія, принесеннаго въ городъ ранеными, было нельзя, но чувствовалось, что оно есть, оно растетъ и ширится не только въ средѣ простонародья, на базарѣ, а также и въ интеллигентскихъ кругахъ.

Въ общихъ словахъ настроеніе это можно было бы охарактеризовать такъ: война изъ праздника стала переходить въ будни. То, что выглядѣло заманчивымъ, героичнымъ, становилось обыденнымъ, а ужасы, мимо которыхъ проходили, не замѣчая,—выплыли, стали осязаемы. Но какимъ образомъ, какими способами эти нерѣчистые, подчасъ косноязычные деревенскіе парни съ бѣлыми куколками на рукахъ смогли пересоздать настроеніе? Пересоздать то, что налажено умѣлыми, рѣчистыми писателями, талантливыми корреспондентами и вообще всей суммой могучаго печатнаго слова,—понять невозможно. Ну, простонародье — туда-сюда. Оно такъ плохо и невнимательно обслужено печатнымъ словомъ, что о немъ говорить нечего. А интеллигенція, почему она при видѣ раненаго спѣшитъ забыть газетную передовицу?

Кто знаетъ, почему? Вѣроятно, это область подсознательнаго, на которой базируется та чудовищно-непонятная психологія человѣческихъ массъ, которую намъ безпомощно приходится наблюдать.

Есть форма выявленія человѣческаго духа, въ которой настроенія сказываются съ наибольшей опредѣленностью, почти осязательно.

Это—пѣсня.

Какъ извѣстно, современныя солдатскія пѣсни одинаковы для всей Россіи какъ по мотивамъ, такъ и по содержанію. Вездѣ онѣ разучиваются по однимъ и тѣмъ же пѣсенникамъ, изданнымъ, очевидно, военнымъ вѣдомствомъ.

Мнѣ приходилось слышать эти пѣсни въ разныхъ городахъ. Въ однихъ мѣстахъ ихъ не поютъ, а просто ухаютъ, въ другихъ придаютъ имъ характеръ марша, чтобъ легко было идти подъ пѣнье...

Пѣніе же, настоящее пѣніе, съ настроеніемъ на тѣ же мотивы слышалъ я только въ Сибири. Да и то не изъ устъ раннихъ, болѣе молодыхъ дружинъ, а потомъ, когда вмѣстѣ съ первыми ручейками талаго снѣга сталъ замѣчаться тотъ самый смутный изломъ въ отношеніи къ событіямъ, о которомъ я только-что говорилъ.

Пѣніе дружинъ въ началѣ зимы было черезчуръ бурно,

картинно и потому грубо. Весной полилась иная пѣсня, иныя струны человѣческой души заговорили въ ней. Никакъ нельзя было предположить, что въ солдатскую пѣсню можно влить такое широкое море грусти, такъ тосковать съ этой пѣсней, жаловаться, плакать по любви, простору и волѣ.

Мѣрно шагали по хлюпкимъ улицамъ люди съ мокрыми ногами и плакали. Не слезами плакали, не словами пѣсни, не мотивомъ даже, а чѣмъ-то неизъяснимымъ, что крылось внутри, что умѣли вложить напримѣръ въ такія безъ содержанія и смысла слова, какъ:

«Гей, гей! Гей, люли!
На барынѣ чепчикъ!..

Да и то, произносили они не «чепчикъ», а — «чопчикъ», не «люли», а — «люлей»:

«Гей, гей! Гей, люлей
На барынѣ чопчикъ!..

Часто я слушалъ и думалъ: наши этнографы собрали большіе сборники народной русской пѣсни, но оказалось — это не все, стали записывать мотивы. Когда же они спохватятся и поймутъ, что, пожалуй, главное-то въ пѣснѣ не ея слова, и не мотивъ, а вотъ тотъ неуловимый духъ, настроеніе, душа пѣсни? Не пора ли научиться записывать и эту душу?

Послѣднее.

I.

Лѣто провелъ я въ Алтайскихъ горахъ, гдѣ нѣтъ газетъ. Есть сѣнокосы, верховая ѣзда, крутыя до безумія, живописныя скалы, вѣчно ревущія, клокочущія горныя рѣчки, густые лѣса по обрывамъ, въ лѣсахъ таятся невидимыя рыси, а дальше, въ глуби медвѣди.

Есть Бѣлуха-гора, на которой никогда не чернѣетъ шапка, которая плачетъ о чемъ-то, и обильныя слезы въ видѣ могучей бурной рѣки Катуни бѣгутъ-бѣгутъ безъ оглядки на сѣверъ къ стылому великану-морю.

Есть Синюха-гора, на ней ночуютъ въ ненастныя ночи

густые туманы, а въ погожіе дни искрятся, красуясь, парчевыя тучи. На этой Синюхѣ есть клады, положенные разбойниками въ бездонные погреба. Клады изъ золота, замуравлены въ бочки, и нѣтъ къ нимъ ходу, нѣтъ возможности добраться до нихъ: кто ни полѣзетъ,—падетъ тотчасъ замертво.

Есть Церковка-гора, которую дожди и вѣтры, а можетъ быть давніе ледники, украсили такой верхушкой: стоитъ соборъ съ колокольней, главами, крыльцами. Все закруглено въ немъ, обточено, расписано лишаемъ да мохомъ. Казалось бы, только кресты поставить, да поднять колокола... остальное все на мѣстѣ.

Къ этой Церковкѣ широкая ѣздовая тропа, сюда ѣздятъ дачники верхами справлять пикники. А верхомъ здѣсь ѣздятъ всѣ одинаково: мужчины и женщины. Смотришь, иной разъ ѣдетъ цѣлая кавалькада бабъ въ сѣдлахъ по-мужски, юбки по вѣтру раздуваются! Въ торокахъ серпы, перевясла, косы да грабли за спинами.

Нѣтъ другихъ дорогъ, кромѣ верховыхъ тропинокъ.

И народъ живетъ здѣсь сыто, богато, не чувствуетъ ни разоренья, ни дороговизны: все еще по-старинному, можно за три рубля въ мѣсяцъ стать на хлѣба и кормиться такъ, какъ въ Москвѣ за пятьдесятъ не прокормишься.

Можетъ быть, и война не чувствовалась бы здѣсь такъ остро, если бы все-таки оставить въ деревняхъ мужиковъ побольше, да не были бы такъ злы и раздражительны бабы. А то бабы здѣсь, какъ пчелы въ безматочномъ ульѣ, чуть не кусаются со злости. Злятся, конечно, на нѣмца, ругаютъ его на чемъ свѣтъ стоитъ. Его и всякаго другого, кто въ страдную пору празднуетъ лодыря, вмѣсто того, чтобъ работать.

Старики добрѣе. Они философы и всякую мысль свою норовятъ передать примѣромъ, сказаньемъ, да притчею.

Вотъ что разсказалъ мнѣ одинъ пасѣчникъ въ поясненіе своей мысли:

«Было это, видишь ли, баринокъ, въ другую войну. Эдакъ же, приходилъ въ нашу, значитъ, державу тоже такой... вояка... Забылъ вотъ, какъ звать-то его. Ну, да не въ имени сила. Пришелъ. Да. А царь нашъ, царство небесное, Ляксандра Павловичъ собралъ воинства видимо-невидимо. Собралъ. «Позвать, баитъ, мнѣ енерала Платова!» Пришелъ енералъ. «Что прикажете, ваше царское величество?»

«Пора бой начинать! Прикажи выстрѣлить пушкѣ». «Никакъ нѣтъ, ваше величество, рано». «Что такъ?» «На небѣ ли-

тургія не отошла». «Такъ ли?» «Такъ точно. Коль не вѣришь мнѣ, стань на мою лѣвую ногу, глянь черезъ мое правое плечо». Сталъ государь на лѣвую ногу, глянулъ Платову черезъ правое плечо, видитъ и вправду: идетъ литургія на небѣ, передъ престоломъ господнимъ херувимы поютъ. «Правда твоя, говоритъ, подождать надо». «Теперь,—Платовъ ему,—встань ты мнѣ на правую ногу, глянь черезъ лѣвое плечо». Всталъ государь, глянулъ: видитъ, все свое вѣрное воинство къ бою готово. Только видитъ еще: у нѣкоторыхъ воиновъ огоньки теплятся надъ головой, у нѣкоторыхъ—нѣтъ. «Это что значитъ?» «А это, государь,—Платовъ ему,—тѣ, кому убиту быть, у тѣхъ свѣча теплится». Велѣлъ государь отобрать всѣхъ эдакихъ, у коихъ свѣчка теплилась, въ казарму назадъ отогнать. Хорошо. Начали бой. И что бы ты думалъ? Тѣ, кои въ бою-то были, кровь проливали,—тѣ до единаго живы остались. А тѣ, кто въ казармѣ—всѣ наповалъ. Бомба влетѣла, всѣхъ покрошила!»

Я не знаю: сознательно ли старикъ вытащилъ эту легенду изъ замуравленной кладовой своей памяти, или такъ она припомнилась, сама, къ случаю. Возможно, что и сознательно. И не первому мнѣ онъ разсказываетъ ее. Слишкомъ ужъ закручинились парни, кои на очереди, черезчуръ стали злы и обидчивы бабы, вопливы старухи...

Умный старикъ: надумалъ утѣшить.

А утѣшеніе дѣйствительно было бы нужно. Вѣдь и туда, гдѣ не было газетъ, и на эту далекую полудикую окраину приходили новости. Тяжелыя новости, какъ молотъ Вулкана. Краткія и потому еще болѣе тяжкія: отступили съ Карпатъ, отдали Перемышль, очистили Львовъ, отошли отъ Варшавы... Первоклассныя крѣпости были взяты врагомъ съ меньшимъ напряженіемъ, чѣмъ какой-нибудь жалкій фольваркъ Могеллы, и безоружная армія яростно пятится, скрежеща зубами, какъ раненый левъ.

Малодушные пали духомъ. Стоики утѣшаютъ народъ старыми притчами. Непоколебимые сжимаютъ до хруста пальцевъ кулаки.

— Нѣтъ!—говорятъ они,—не такъ это просто: заманка! расщетъ! Отойдемъ до Бреста, да такъ стиснемъ колбасника—жмыха не останется!

II.

По дорогѣ съ Алтая попалъ я на пароходъ, полный новобранцами. Это былъ послѣдній призывъ, августовскій.

Юноши, съ первымъ нѣжнымъ пушкомъ надъ губой, еще

краснощекіе, молочные, только входившіе въ пору возмужалости, съ голосами, не совсѣмъ еще переломившимися, они держали себя то преувеличенно гордо, то шалили, какъ подростки.

Вспомнятъ свое «высокое званіе солдата», пріосанятся, запоютъ пѣсню:

Какъ сибирскіе стрѣлочки
Со ученьица идутъ!

Голоса какъ у раннихъ весеннихъ пѣтушковъ: двѣ нотки взрослыхъ, — одна ребячья, двѣ ребячьихъ, — третья полуженская...

Только распоются, матросъ со шваброй прикрикнетъ:

— Ну-ко, вы! кшишь отселева!

Испугаются крика, забудутъ, кто они, метнутся въ сторону, словно мальчишки съ чужого огорода.

Передъ офицеромъ тянутся въ струну и не могутъ скрыть улыбки.

Такъ и проситъ лицо похвалы, спрашиваетъ:

— А что, дяденька, ловко это я?

— Умѣешь, умѣешь,—отвѣчаетъ старый офицеръ изъ «зауряднвъ».

Но отвѣчаетъ не словомъ, а искоса брошеннымъ улыбающимся взглядомъ, небрежнымъ взмахомъ руки.

По странной случайности, всѣ эти юнцы были набраны изъ тѣхъ самыхъ пріобскихъ селъ, черезъ которыя въ минувшее первозимье везла меня въ городъ «веревочка» и въ которыхъ наблюдалъ я бодрую картину проводовъ.

Юнцовъ успѣли набрать, доставить въ городъ, а теперь везли изъ города на желѣзную дорогу.

О томъ, что они изъ пріобскихъ селъ, узналъ я по такой картинѣ. Когда пароходъ сталъ подходить къ первому послѣ города селу, я замѣтилъ, что юнцы сгрудились плотной массой на носу парохода, на борту со стороны села и на вышкахъ. Одинъ ухитрился забраться до полмачты и, не обращая вниманія на окрики матроса, кричалъ оттуда надрывнымъ плачущимъ контръальто:

— По-вали-хинскіе поѣ-ѣ-ѣхали! поѣ-ѣхали!

Другіе махали картузами, кистями рукъ и визжали дикимъ, непрерывающимся горловымъ крикомъ:

— Гии! ги-ги-гиии!

Визгъ былъ дикъ, непріятенъ, одуряющій визгъ. Съ нимъ могла развѣ сравниться только картина убоя свиней на скотномъ дворѣ.

— По-оѣхали! Повалихинскіе поѣ-ѣхали!—не переставая неслось поверхъ визга и гомона.

Село было далеко отъ берега, за песчанымъ лѣсистымъ холмомъ, и все же визгъ и крики были услышаны. Кто-то вынырнулъ изъ-за сосенъ и, видимо, тоже крикнулъ. Откуда-то появился верховой мужикъ на быстрой соловой лошадкѣ. Нахлестывая ее на оба бока поводомъ, болтая длинными ногами въ лаптяхъ и высоко взметая въ тактъ скоку локтями въ драныхъ ситцевыхъ рукавахъ, онъ пронесся по изумрудной поемной луговинѣ по направленію къ селу, и стали высыпать оттуда стада женщинъ, простоволосыхъ дѣвчатъ въ станинахъ, бѣгущихъ, спотыкающихся и падающихъ мужиковъ.

Вмигъ берегъ наполнился людомъ: трепанымъ, возбужденнымъ, дикимъ, испуганнымъ, ничего не соображающимъ.

Гикъ и крики съ парохода усилились, и берегъ въ отвѣтъ пароходу завылъ, застоналъ, завертѣлся.

— Уу, уу, ууу! — плыло оттуда на насъ и захлебывалось.

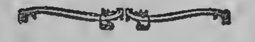
Старыя женщины срывали съ сѣдыхъ головъ платки, рвали на себѣ волосы, бросались прямо передъ собой пластомъ въ воду, но, подхваченныя сзади, повисали такъ, похожія на летящихъ въ бездну колдуній.

Пароходъ шелъ, оставляя за собой бѣгущія, но не догоняющія его купы кустовъ. Народъ рвался за нимъ, бѣжалъ, падалъ, снова бѣжалъ и, не въ силахъ догнать, посылалъ вслѣдъ ему вопли, стоны, рыданья и лишь отдѣльныя еле уловимыя ласковыя восклицанія.

Потомъ другое село, другіе люди, но та же картина воплей, визга, воя и бѣшенаго безцѣльнаго бѣга.

Такъ ѣхали цѣлый день. А ночью въ каютѣ давилъ меня бредовой кошмаръ и что-то лохматое, липкое, безформенное и неизбывное...

С. Аникинъ.

* * *

Люди вышли изъ душныхъ вагоновъ
И ушли въ предразсвѣтную муть.
Было нѣсколько бѣглыхъ поклоновъ
И забытъ вмѣстѣ пройденный путь.

Городъ спалъ, опустивши забрало,
Въ ожиданьи холодной зари
Кое-гдѣ желтымъ свѣтомъ устало
Чуть мерцали во мглѣ фонари.

Разошлись послѣ встрѣчи случайной
Завершать предначертанный кругъ.
Слѣдъ остался глубокій и тайный
Отъ пожатья двухъ трепетныхъ рукъ.

Екатерина Бунге.

ШЕЛЛИНГІАНСТВО И ГЕГЕЛЬЯНСТВО ВЪ РОССІИ.

(Къ исторіи нѣмецкихъ культурныхъ вліяній).

Въ 1842 году кн. Одоевскому приходится встрѣтиться въ Берлинѣ съ Шеллингомъ и въ ихъ разговорѣ однимъ изъ первыхъ вопросовъ является вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ въ Россіи распространена гегелева философія. Шеллингъ относился къ ней отрицательно, называя ее псевдо-философіей. И приглашенъ онъ былъ въ Берлинъ съ цѣлью противодѣйствовать вліянію недавно умершаго Гегеля. Тѣмъ не менѣе, въ Берлинѣ въ сороковыхъ годахъ пользовались большимъ успѣхомъ лекціи прямого ученика Гегеля—Вернера. Онъ принадлежалъ къ ортодоксальному направленію гегелевской философіи, которая неожиданно дала радикальные ростки въ сочиненіяхъ Фейербаха. Это направленіе начинало пріобрѣтать нѣкоторое распространеніе и въ Россіи. 29-го іюля 1842 года, въ письмѣ къ Раевскому, князь Одоевскій писалъ изъ Берлина: «Партія гегелистовъ дошла до совершеннаго атеизма и матеріализма; отрасль этой партіи силится составить отдѣльное общество [1]) отъ христіанъ». Очевидный намекъ на Фейербаха. Тотъ же Одоевскій пишетъ, что король прусскій Вильгельмъ IV выписалъ Шеллинга въ Берлинъ, чтобы противопоставить его вліянію «гегелизма», обращающагося по мнѣнію короля, въ матеріализмъ.

Осуществляя до нѣкоторой степени возложенную на него миссію, Шеллингъ открылъ въ Берлинѣ свой курсъ философіи откровенія. Одоевскій одобряетъ его выборъ, ходитъ на его лекціи и встрѣчаетъ на нихъ много стариковъ. Среди молодежи, по его словамъ, весьма значительно вліяніе Гегеля. Однако жъ замѣчательнаго «таланта» въ этомъ кружкѣ Одоевскій не находитъ. Вер-

---

[1]) Сакулинъ, кн. Одоевскій, томъ I, стр. 383.

нера, лучшаго въ этой «партіи», нѣмцы называютъ профессоромъ-актеромъ. Не особенно благопріятный отзывъ даетъ о немъ и другой русскій гегельянецъ, Иванъ Кирѣевскій. По его словамъ, онъ пользовался нѣкоторое время репутаціей особенно даровитаго мыслителя, покуда ничего не печаталъ и былъ извѣстенъ только по своему преподаванію берлинскимъ студентамъ.

Но, издавъ «Логику», полную общихъ мѣстъ и старыхъ формулъ, одѣтыхъ въ изношенное, но вычурное платье, съ пухлыми фразами, онъ доказалъ, что талантъ преподавателя еще не порука за достоинство мышленія. У Вернера слушали лекціи многіе русскіе гегельянцы—Станкевичъ, Невѣровъ, Бакунинъ, Катковъ, Грановскій, Огаревъ, И. С. Тургеневъ.

Въ то время, когда происходила бесѣда Одоевскаго съ Шеллингомъ, т.-е. лѣтомъ 1842 года, гегелева философія уже пользовалась значительнымъ распространеніемъ въ Россіи, и шеллингіанцы не только относились къ этому факту съ озлобленіемъ, но и открыто признавали его крайне вреднымъ.

Такую мысль высказывалъ, какъ мы видѣли въ письмѣ къ Шеллингу, Чаадаевъ и ее же развиваетъ въ бесѣдѣ съ нимъ князь Одоевскій. «Полнаго изданія вашихъ сочиненій ожидаютъ съ нетерпѣніемъ», сказалъ онъ Шеллингу. «Это тѣмъ нужнѣе, что гегелева философія приводитъ многихъ къ безднѣ отрицанія». На вопросъ Шеллинга, имѣетъ ли Гегель многихъ послѣдователей въ Россіи, слѣдуетъ отвѣтъ: «Довольно». На что Шеллингъ говоритъ: «Философія Гегеля уничтожаетъ всякое реальное знаніе».

Спрашивается, можно ли считать, что первоначальнымъ очагомъ русскаго гегельянства былъ Берлинскій университетъ и лекціи его ортодоксальныхъ истолкователей? Изъ біографій Станкевича, Бакунина и Бѣлинскаго можно вывести обратное заключеніе. Гегельянствомъ русская молодежь заинтересовалась многими годами ранѣе, испытавъ сперва увлеченіе философіей не только Шеллинга, но и Фихте. Въ краткомъ изложеніи своего курса, озаглавленномъ «Эпоха Бѣлинскаго», Венгеровъ указываетъ на то, что во второй половинѣ тридцатыхъ годовъ «поэтически-восторженный идеализмъ Шеллинга вытѣсняется суровой схемой гегелевскаго міропониманія». Увлеченіе кружка Станкевича гегельянствомъ было безмѣрное и дошло до истинной страсти.

По словамъ Герцена, который былъ свидѣтелемъ апогея гегельянства въ Россіи, послѣ своего возвращенія изъ ссылки во Владиміръ, въ кружкѣ Станкевича отъ всякаго вступавшаго въ общеніе съ членами кружка «требовали безусловнаго принятія феноменологіи и логики Гегеля, и притомъ по ихъ тол-

кованію. Толковали же они о нихъ безпрестанно. Нѣтъ параграфа во всѣхъ трехъ частяхъ гегелевой «Логики» и въ двухъ «Эстетики», а также «Энциклопедіи» который не былъ бы взятъ отчаянными спорами въ двоякомъ направленіи. Люди, любившіе другъ друга, расходились на цѣлыя недѣли изъ-за опредѣленія «перехватывающаго духа», принимали за обиду мнѣнія объ абсолютной личности и о ея по себѣ бытіи. Всѣ ничтожнѣйшія брошюры, выходившія въ Берлинѣ и другихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ нѣмецкой философіи, гдѣ только поминалось о Гегелѣ, зачитывались въ нѣсколько дней до дыръ, до пятенъ, до паденія листовъ». Герцена не было въ Москвѣ, когда стало проявляться въ ней особенное увлеченіе гегелевской философіей. Поэтому приведенный отрывокъ изъ его «Былое и думы» не даетъ понятія о томъ, когда и какъ началось это увлеченіе, что ему предшествовало и какое значеніе въ зарожденіи русскаго гегельянства игралъ, въ частности, Бакунинъ, выдающійся членъ кружка Станкевича.

Біографія его, написанная Корниловымъ, даетъ возможность до нѣкоторой степени отвѣтить болѣе опредѣленно на всѣ эти вопросы. Въ 1835 г. Михаилъ Бакунинъ еще далекъ отъ занятія «феноменологіей духа, энциклопедіей права или логикой Гегеля».

Онъ озабоченъ мыслью образовать замкнутое религіозное общество, въ составъ котораго должны были войти члены его семьи и сестры Бееръ. Только въ 1836-мъ году онъ, переселившись въ Москву изъ Твери, начинаетъ воспринимать нѣкоторыя начала нѣмецкой философіи, но его интересуетъ еще не Гегель, а Фихте. Будущій анархистъ, авторъ извѣстной брошюры: «Ni Dieu, ni maître», весь ушелъ въ нѣмецкую философію. Онъ истолковываетъ барышнямъ Бееръ, изъ которыхъ одна вызвала въ немъ временную страсть и планъ женитьбы, извѣстное сочиненіе Фихте подъ заглавіемъ: «Anweisungen zum seeligen Leben». Въ февралѣ 1836 года самъ Бакунинъ переживаетъ періодъ острой религіозности. О его тогдашнемъ настроеніи можно судить по письму къ сестрѣ Татьянѣ: «Друзья мои! земля не есть уже наше отечество. Счастье наше небесное. Жизнь наша небесная. Движенія душъ нашихъ не ищутъ земли, не ищутъ ея наслажденій, нѣтъ, они уже сдружились съ истинными наслажденіями и потому равнодушны ко всему земному. Друзья мои, религія наша безконечна; она включаетъ въ себя все прекрасное, все благородное, она не симпатизируетъ только съ животнымъ, смертнымъ. Религія наша даетъ жизнь всему; всѣ

высокія чувства, всѣ великія помышленія освящаются ею, искусства, науки, все, что есть благороднаго въ человѣкѣ, все, что способно взволновать душу, все это происходитъ изъ нея; все это, освященное святымъ крещеніемъ любви неземной, божественной, должно проявлять незамѣтное приближеніе человѣчества къ божественной цѣли, къ безконечному и безначальному концу и началу всего существующаго. Друзья мои! религія сдѣлала безконечными сердца наши. Она намъ дала любовь, любовь ко всему человѣчеству—нашу частную любовь, нашу частную жизнь, стремящихся влиться въ абсолютную любовь, въ безконечную жизнь. Въ эту минуту я никого не ненавижу, я всѣхъ благословляю» [1]).

Познакомившись съ Бѣлинскимъ, другомъ Станкевича и членомъ его кружка, Бакунинъ старается и его ввести въ кругъ своихъ религіозныхъ и философскихъ интересовъ. Вспоминая въ письмѣ отъ 24-го декабря 1836 г. о своемъ первомъ знакомствѣ съ Бакунинымъ, Бѣлинскій пишетъ: «Я познакомился съ тобою въ 1836 г.... [2]) Я видѣлъ, что ты пристально читалъ Фихте и былъ отъ него въ восторгѣ; это еще болѣе подняло тебя въ моихъ глазахъ; ты перевелъ нѣсколько его статей для «Телескопа»... Я сталъ смотрѣть на тебя, какъ на спутника на одной дорогѣ, хотя ты шелъ своей». До знакомства съ Бакунинымъ, пишетъ Корниловъ, Бѣлинскій считалъ себя шеллингіанцемъ; онъ почерпнулъ свое первое знакомство съ философіей и эстетикой частью отъ Надеждина, котораго ученикомъ онъ себя считалъ, частью отъ Станкевича, къ которому онъ относился не только дружески, но и благоговѣйно.

Шеллингіанскіе взгляды Бѣлинскаго сказались въ его «Литературныхъ мечтаніяхъ», что своевременно и было отмѣчено Анненковымъ. Усвоивъ себѣ шеллингіанскій взглядъ на жизнь, цѣль и значеніе въ ней человѣка, Бѣлинскій не отдавалъ себѣ отчета въ той теоріи познанія, которой онъ придерживался, какъ шеллингіанецъ. Въ письмѣ къ Бакунину въ 1837 году онъ признается, что «только въ Премухинѣ» (имѣніе Бакуниныхъ, куда онъ пріѣхалъ лѣтомъ) «ты» (т.-е. Бакунинъ) «открылъ мнѣ новый міръ, міръ мысли; я былъ изумленъ, подобно Мольерову мѣщанину Журдэнъ, который удивился, узнавъ отъ учителя, что говоритъ прозою. Я написалъ нѣсколько статей, обратившихъ на меня вниманіе, и никакъ не подозрѣвалъ, чтобы развитыя въ

---

[1]) Корниловъ. „Молодые годы Михаила Бакунина", стр. 226—227.
[2]) Корниловъ доказываетъ, что знакомство ихъ началось еще годомъ раньше. ibid., стр. 214 и 215.

нихъ идеи были идеи a priori. Ты первый показалъ и доказалъ мнѣ, что мышленіе есть нѣчто цѣлое, нѣчто одно, что въ немъ нѣтъ ничего особеннаго и случайнаго, но все выходитъ изъ одного общаго лона, которое есть Богъ, самъ себя открывающій въ откровеніи» (письмо къ Бакунину изъ Москвы отъ 21-го декабря 1837 года).

Очевидно, что всѣ эти заявленія касаются ничего иного, какъ ознакомленія Бѣлинскаго Бакунинымъ не съ гегелевской философіей, а съ философіей Фихте. Бѣлинскій отразилъ вліяніе Бакунина и черезъ его посредство Фихте въ большой статьѣ о книжкѣ Дроздова «Опытъ системы нравственной философіи». Объ этой статьѣ Корниловъ пишетъ: «Послѣ рѣзкихъ критическихъ замѣчаній, всецѣло проникнутыхъ субъективно идеалистическими взглядами фихтеанской теоріи познанія, статья эта переходила въ страстное и захватывающее изложеніе новыхъ религіозныхъ понятій и взглядовъ самого критика, успѣвшаго усвоить со словъ Бакунина содержаніе книги Фихте «Anweisungen zum seeligen Leben». Статья эта въ полномъ видѣ не появилась: конецъ ея былъ отрѣзанъ Надеждинымъ. «Я выпустилъ», писалъ онъ Бѣлинскому, «больше половины собственныхъ вашихъ мнѣній, которыя печатать нѣтъ никакой возможности. Вы, почтеннѣйшій, удаляясь въ царство идей, совсѣмъ забыли объ условіяхъ дѣйствительности, т.-е. о цензурѣ». Мы узнаемъ о настоящемъ содержаніи статьи изъ письма Татьяны Бакуниной къ ея младшимъ братьямъ въ Твери отъ октября 1836 года. Она сообщаетъ, что занята была перепискою статьи Бѣлинскаго и обѣщаетъ прочесть имъ ее послѣ ихъ пріѣзда. «Вы раздѣлите наше восхищеніе», прибавляетъ она; «онъ говоритъ такъ хорошо объ истинной святой религіи. Онъ представляетъ ее вамъ во всей ея возвышенной простотѣ. Онъ вамъ представляетъ Бога любви, наполняющаго всю вселенную и выражающагося въ поэзіи, въ музыкѣ, въ благородной душѣ, вообще во всякой красотѣ природы» [1]). Что все это, какъ не развитіе мыслей Фихте? О гегельянствѣ нѣтъ пока и рѣчи. Самъ Бѣлинскій писалъ о времени, проведенномъ имъ въ деревнѣ Бакуниныхъ: «Премухинская гармонія и знакомство съ идеями Фихте благодаря тебѣ» (т.-е. Бакунину) «въ первый разъ убѣдили меня, что идеальная жизнь есть жизнь дѣйствительная, положительная, конкретная, а такъ называемая дѣйствительная жизнь есть отрицаніе, призракъ, ничтожество, пустота» (письмо отъ 16-го августа 1836 г.) [2]).

---

1) Корниловъ, стр. 245.
2) Корниловъ, стр. 272—273.

«Фихтеанизмъ», писалъ Бѣлинскій въ 1838 году, «принесъ мнѣ великую пользу, но и много сдѣлалъ зла... Твой фихтеанизмъ имѣлъ другое значеніе, нежели мой. Ты и понималъ его глубже и онъ былъ для тебя послѣдовательнымъ переходомъ изъ одного момента въ другой, а я прогулялся по немъ больше для компаніи, чтобы тебѣ не было скучно одному» [1].

Не ранѣе 1837 года Бакунинъ приступаетъ къ знакомству съ гегелевой философіей. На первыхъ порахъ, говоритъ его біографъ, знакомство это было поверхностнымъ, и Фихте продолжалъ господствовать въ его умѣ, создавая импульсы къ восторженной декламаціи, которые Гегель несомнѣнно призналъ бы «прекраснодушными». Его письма изъ этой эпохи уже указываютъ и на нѣкоторое знакомство съ Гегелемъ, и на сохраненіе прежней фразеологіи въ духѣ Фихте.

Такъ, въ письмѣ къ сестрамъ отъ 4-го февраля 1837 года, Бакунинъ сообщаетъ, что онъ убилъ въ себѣ эгоизмъ. Онъ пишетъ: «Я думаю, что мое личное «я» совершенно убито; его жизнь отнынѣ будетъ жизнь въ Абсолютѣ, но въ сущности мое личное «я» выиграло больше, нежели утратило; оно потеряло лишь надежды, основанныя на обстоятельствахъ внѣшнихъ, по природѣ своей измѣнчивыхъ, и нашло Абсолютное, всегда незыблемое, всегда полное возвышенной красоты, всегда богатое небесными наслажденіями».

Въ другомъ письмѣ отъ 11-го февраля того же года мы читаемъ: «Внѣшній міръ ничто самъ по себѣ; онъ есть лишь отраженіе нашей души... Что такое божественный міръ, въ чемъ заключается его различіе отъ животнаго внѣшняго міра?.. Основаніе перваго есть Идея, Любовь, абсолютное Единство, основаніе второго есть безконечное множество, любовь къ самому себѣ, конечному существованію, эгоизмъ, инстинктъ». Письмо отъ 20-го февраля того же года уже заключаетъ въ себѣ прямыя ссылки на Гегеля. Бакунинъ заимствуетъ у него классификацію возрастовъ, изложенную Гегелемъ въ его «Антропологіи»...

«Въ жизни человѣка», пишетъ Бакунинъ, «три періода: инстинктивная жизнь разума—привычка, жизнь интеллекта, не пришедшаго къ самосознанію—чувство, и жизнь интеллекта, пришедшаго къ самосознанію—мысль, любовь абсолютная».

О занятіяхъ Бакунина Гегелемъ мы узнаемъ изъ открытаго недавно конспекта «Энциклопедіи» Гегеля, составленнаго рукой Бакунина. Въ началѣ этого конспекта Бакунинъ еще говоритъ

[1] Ibid., стр. 281.

языкомъ, понятнымъ для непосвященныхъ въ глубины гегелевой философіи. Большая часть разсужденій посвящена религіи. «Содержаніе религіи—философія», читаемъ мы въ этомъ конспектѣ, «но, какъ говоритъ Гомеръ о нѣкоторыхъ предметахъ, что они имѣютъ два названія, одно на языкѣ боговъ, другое на обыкновенномъ, такъ и для этого содержанія есть два языка, двѣ формы» и т. д.

Но чѣмъ далѣе мы вчитываемся въ уцѣлѣвшій до насъ конспектъ, тѣмъ языкъ Бакунина становится недоступнѣе для средняго читателя. Нѣкоторыя мысли заслуживаютъ быть отмѣченными, такъ какъ показываютъ способъ пониманія Бакунинымъ тѣхъ сторонъ гегелевой доктрины, которыя такъ горячо обсуждались людьми сороковыхъ годовъ. Къ числу этихъ положеній принадлежитъ извѣстная мысль Гегеля, что «все дѣйствительное разумно». И. С. Тургеневъ, въ своихъ «Воспоминаніяхъ», говоритъ намъ, что рѣдко о чемъ спорили съ большею горячностью, какъ объ этомъ положеніи, не понимая того, что въ полномъ видѣ съ прибавкою, что одно разумное дѣйствительно, оно является не болѣе, какъ тавтологіей. Бакунинъ весьма опредѣленно понимаетъ эту знаменитую формулу Гегеля въ томъ смыслѣ, что не все существующее можетъ быть признано дѣйствительнымъ. Корниловъ указываетъ, что конспектъ, уцѣлѣвшій въ бумагахъ бакунинскаго архива, составленъ не по сочиненіямъ Гегеля, а по книгѣ одного изъ современниковъ Гегеля, противника идеализма Фихте и Шеллинга, а именно Круга. Бакунинъ писалъ по немъ свой конспектъ «Логики» и далеко не довелъ его до конца.

Съ начала іюля онъ уже приступаетъ къ чтенію «Феноменологіи духа». Конспектъ ея написанъ сперва по-нѣмецки, а затѣмъ по-русски. Но и «Феноменологіей» онъ занимается далеко не полно. Съ 21-го іюля онъ принимается за «Энциклопедію» и тутъ-то ему приходится толковать извѣстное положеніе: «что разумно, то дѣйствительно; что дѣйствительно, то разумно». Согласно Гегелю подъ дѣйствительностью не можетъ быть понимаемо всякаго рода повседневное явленіе, а лишь такое, въ которомъ исключено все преходящее и призрачное. Въ этомъ же смыслѣ понимаетъ Гегеля и Бакунинъ. «Что разумно, то дѣйствительно, и что дѣйствительно, то разумно», пишетъ онъ. На это положеніе, высказанное впервые берлинскимъ мыслителемъ въ его «Философіи права» (Гегеля), нападали и нападаютъ со всѣхъ сторонъ. Сперва мы должны условиться, что такое дѣйствительность, и отличить ее отъ случайности» [1]). Параллельно съ кон-

[1]) Корниловъ. Приложенія, стр. 704.

спектами по «Феноменологіи духа» и «Энциклопедіи права», Бакунинъ велъ конспектъ и по той части гегелевой философіи, которая интересовала его всего болѣе, по «Философіи религіи».

Въ этомъ конспектѣ онъ подробно излагалъ гегелевское введеніе въ философію. Изъ сказаннаго ясно видно, какъ несистематично было первоначальное изученіе имъ Гегеля. Занятіе его Гегелемъ продолжалось и осенью 1837 года, опять-таки въ формѣ составленія конспектовъ по «Феноменологіи» и «Энциклопедіи». Въ мартѣ 1838-го года уже въ Москвѣ Бакунинъ переходитъ отъ философіи природы къ философіи духа, но составленные Бакунинымъ конспекты по этой части гегелевой философіи не сохранились. По всей вѣроятности, Бѣлинскій правъ, упоминая въ одномъ изъ писемъ, что Бакунинъ только «просмотрѣлъ» гегелеву философію религіи и права и явился въ Москву съ идеями, изъ нихъ заимствованными. Корниловъ настаиваетъ на той мысли, что чтеніе Гегеля не вызвало въ Бакунинѣ, въ то время еще восторженномъ послѣдователѣ Фихте, той реакціи, которой можно было ожидать и которая воспослѣдовала въ дѣйствительности позднѣе. И изъ Гегеля онъ на первый разъ извлекаетъ только самые оптимистическіе выводы. Напримѣръ, положеніе что: «нѣтъ зла, все—благо». Въ своихъ запискахъ отъ 4-го сентября 1837 года онъ отмѣчаетъ: «жизнь есть блаженство; нѣтъ зла, все благо, все сущее есть жизнь духа, все проникнуто духомъ. Нѣтъ ничего внѣ духа. Духъ есть абсолютное знаніе, абсолютная свобода, абсолютная любовь, а слѣдовательно, абсолютное блаженство... Только для конечнаго ограниченнаго сознанія существуетъ злое, несчастье, но въ сознаніи же лежитъ возможность и необходимость освобожденія. Итакъ, нѣтъ зла, все благо, жизнь есть блаженство... Дѣйствительность есть воля Божія... Для религіознаго человѣка нѣтъ зла, онъ видитъ въ немъ призракъ, смерть, ограниченность, побѣжденную откровеніемъ Христа... Геній есть живое сознаніе современной дѣйствительности». Едва проникнувшись этими мыслями, Бакунинъ спѣшитъ подѣлиться ими съ близкими людьми. 7-го декабря 1837 года онъ поселился у Бѣлинскаго, и первый, на кого Бакунинъ старался повліять въ новомъ направленіи, былъ нашъ знаменитый критикъ. Въ письмахъ Бакунина къ сестрамъ отъ этого времени можно найти слѣды вліянія на него гегелевскихъ идей. Обращу вниманіе хотя бы на слѣдующій отрывокъ: «Понять и полюбить дѣйствительность — вотъ все назначеніе человѣка; я говорю здѣсь не объ томъ, что понимаютъ подъ словомъ дѣйствительность: стулъ, столъ, собака.... все это мертвое,

призрачное, а не живая и истинная дѣйствительность. И въ насъ также есть призрачная дѣйствительность: это разсудокъ, когда, выйдя изъ своей законной сферы, сферы познанія конечныхъ предметовъ, онъ заходитъ въ сферу безконечнаго. Мы всѣ воспитаны въ этомъ разсудкѣ и поэтому всѣ должны освободиться отъ него. Освобожденіе отъ разсудка есть мысль, основанная на откровеніи» [1]).

Въ другихъ письмахъ онъ настаиваетъ на томъ, что въ немъ теперь два сознанія или, лучше сказать, одно главное, изъ котораго вытекаетъ другое, а именно, что «жизнь есть таинство, вѣчный источникъ любви и благородства; изъ этого непосредственно вытекаетъ другое сознаніе, сознаніе того, какъ мало я дѣйствителенъ, какъ мало во мнѣ истиннаго содержанія и какъ необходимо для меня дѣйствительное наполненіе», пишетъ онъ. «Мнѣ еще нужно глубже сосредоточиться въ самомъ себѣ, мнѣ нужно передѣлать, преобразовать себя, мнѣ должно стать новымъ просвѣтленнымъ человѣкомъ, пополнить себя истиною и проникнуть жизнь свою этою истиною [2]).

Въ этотъ періодъ броженія въ Бакунинѣ новаго гегелевскаго вина онъ рѣшается напечатать первую свою статью въ «Московскомъ Наблюдателѣ», за редакцію котораго взялся Бѣлинскій. Бакунинъ намѣчалъ цѣлый рядъ статей, но изъ нихъ вышла всего одна, именно его предисловіе къ рѣчамъ Гегеля, переводомъ которыхъ онъ занялся. Вліяніе, какое онъ въ это время оказывалъ въ смыслѣ передачи гегелевскихъ идей пріятелямъ, какъ и впослѣдствіи, за границей, въ моментъ сближенія съ Прудономъ, было вліяніемъ непосредственнымъ. Бакунинъ не писалъ, а говорилъ, или вѣрнѣе проповѣдывалъ. Причину его глубокаго воздѣйствія на другихъ вѣрно опредѣлилъ И. С. Тургеневъ. Въ недавно отпечатанномъ «Тургеневскомъ сборникѣ» въ «Воспоминаніяхъ Островской» одно мѣсто относится къ Бакунину. Тургеневъ выразился о немъ: «Какой онъ философъ, онъ замѣчательный ораторъ» [3]). То же о Бакунинѣ передавалъ мнѣ довольно близко

---

[1]) Корниловъ, стр. 405.

[2]) Ibid., стр. 407—408.

[3]) „Онъ былъ ораторъ по природѣ. Въ древней Греціи онъ увлекалъ бы народъ своимъ краснорѣчіемъ. Онъ не только не былъ ученымъ, но даже не былъ особенно образованъ и умъ его былъ какого-то особеннаго склада: и глубокимъ, и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ одностороннимъ. А между тѣмъ его считали чудомъ учености и чуть ли не геніемъ. Такъ удавалось ему заставить смотрѣть на себя даже такихъ людей, какъ Жоржъ Зандъ и Фарнгагенъ фонъ-Энзе. Бакунинъ плохо зналъ языки; по-французски и по-нѣмецки онъ говорилъ отвратительно. А между тѣмъ онъ такъ заговорилъ Ж. Зандъ, что та долго ничего слышать не хотѣла, считала его великимъ человѣкомъ и только послѣ нѣсколькихъ лѣтъ зна-

знавшій его Григорій Николаевичъ Вырубовъ. И Бѣлинскій испыталъ на себѣ силу бакунинской проповѣди [1]).

Въ концѣ 1838 года, вспоминая о своихъ отношеніяхъ съ Бакунинымъ годомъ раньше, Бѣлинскій, между прочимъ, пишетъ «о томъ благодѣтельномъ вліяніи, которое ты (т.-е. Бакунинъ) имѣлъ на меня уничтоженіемъ нравственной точки зрѣнія во имя благодати, сообщеніемъ тѣхъ идей, которыхъ я безъ тебя и теперь бы не зналъ» [2]).

Это письмо написано уже послѣ разрыва прежней дружбы, а, слѣдовательно, заподозрить Бѣлинскаго въ преувеличеніи къ выгодѣ Бакунина было бы трудно.

Въ своей перепискѣ Бѣлинскій не разъ возвращается къ той же темѣ: «Послѣ Станкевича» писалъ Бѣлинскій «я тебѣ (т.-е. Бакунину) болѣе всего обязанъ. По моей природѣ я противоположенъ тебѣ, но потому-то ты необходимъ для меня. Для меня истина существуетъ какъ содержаніе въ минуту вдохновенія, или совсѣмъ не существуетъ. Ты, ты для меня сдѣлалъ ее представленіемъ. Ты внесъ въ мою жизнь мысль, которой я не люблю, но безъ которой нельзя жить, безъ которой чувство переходитъ въ хаосъ противорѣчій, пожираетъ само себя... Многое понимаю я теперь глубоко и понимаю черезъ тебя.. [3]) Много, много я мыслей услышалъ отъ тебя перваго; одна изъ нихъ: «жизнь великая школа» (въ дѣйствительности Бакунинъ говорилъ: «жизнь есть великое таинство»). Ты первый уничтожилъ въ моемъ понятіи цѣну опыта и дѣйствительности (Бѣлинскій прибавлялъ «втащилъ меня въ 36-мъ году во фихтеанскую отвлеченность») и ты же первый былъ для меня благовѣстникомъ этихъ двухъ великихъ словъ (опытъ и дѣйствительность, понимаемые въ духѣ Гегеля). Сначала я ихъ услышалъ отъ тебя съ удивленіемъ и остался только при нижайшемъ почтеніи къ нимъ, смутно подозрѣвая въ нихъ какой-то таинственный и важный смыслъ, но не сознавая его. Такова моя натура. Съ напряженіемъ горестно и трудно принимаетъ мой духъ въ себя и любовь и вражду, и знаніе, и всякую мысль, и всякое чувство, но, принявъ, весь проникается имъ до сокровенныхъ и глубокихъ извилинъ. Такъ въ горнилѣ моего духа выработалось самобытно значеніе великаго слова дѣйствитель-

---

комства разочаровалась въ немъ. Фарнгагенъ говорилъ о немъ, что это одинъ изъ самыхъ одаренныхъ людей въ столѣтіи (Воспоминанія Островской).

[1]) Стр. 95—96.

[2]) Корниловъ, стр 405.

[3]) Корниловъ, стр. 430 и 432.

ность [1]). Оказалось, однако, что Бѣлинскій далеко отошелъ отъ Гегеля и его истолкователя, Бакунина, въ пониманіи дѣйствительности. Въ томъ же письмѣ онъ развиваетъ тотъ взглядъ, что: «дѣйствительность есть великая и живая сила, которая при подчиненіи ей устраиваетъ все наилучшимъ образомъ, а съ другой стороны—для людей непокорныхъ, она есть «чудовище, вооруженное желѣзными когтями и желѣзными челюстями». Въ такомъ пониманіи, очевидно, отпадало все то, что Гегель говорилъ о случайномъ и неразумномъ, которое, какъ таковое, не входитъ въ понятіе дѣйствительности. Тотъ выводъ, который сдѣлалъ Бѣлинскій изъ знаменитаго положенія Гегеля о дѣйствительности, повелъ его къ преклоненію передъ существующимъ строемъ, что̀ и сказалось въ написанныхъ имъ въ то время извѣстныхъ статьяхъ о Бородинской годовщинѣ и о критикѣ Гёте, Менцелѣ. Бакунинъ призналъ такое пониманіе искаженіемъ своей подлинной мысли и доказательствомъ низменности натуры Бѣлинскаго. Въ ссорѣ двухъ пріятелей не послѣднюю роль игралъ и этотъ обуявшій Бѣлинскаго консерватизмъ, хотя, наравнѣ съ Василіемъ Боткинымъ, Бакунинъ разошелся съ Бѣлинскимъ главнымъ образомъ изъ-за того, что считалъ его неподготовленнымъ къ фактическому руководительству журналомъ. Но изъ ихъ переписки наглядно выступаетъ и то обстоятельство, что Бакунинъ не могъ одобрить этого новаго направленія, овладѣвшаго Бѣлинскимъ въ 1838 году и отъ котораго самъ онъ вскорѣ отказался. Оправдываясь передъ Станкевичемъ, Бакунинъ объясняетъ причину разрыва слѣдующимъ образомъ: «Главнымъ источникомъ всѣхъ нашихъ недоразумѣній было то, что сначала я, а потомъ и Боткинъ, стали увѣрять его, что безъ знаній нельзя быть дѣльнымъ редакторомъ дѣльнаго журнала, что выводить изъ себя исторію, искусство и т. д. смѣшно и нелѣпо... Онъ очень разсердился на насъ, говоря, что мы, пигмеи, осмѣлились поднять руку на его субстанцію, которую даже ты глубоко уважалъ». Въ томъ же письмѣ Бакунинъ пишетъ: «Бѣлинскій, кажется, совершенно отдался движеніямъ и побужденіямъ своей грубой чувственности, въ которой онъ видѣлъ ту дѣйствительность, о которой говоритъ Гегель. Онъ дошелъ до того, что всякій пошлый дѣйствительный человѣкъ сталъ для него идеаломъ. Онъ ругаетъ Шиллера дуракомъ за то, что будто онъ принесъ ему большой вредъ своимъ идеальнымъ направленіемъ» [2]). Въ это время Бѣлинскій писалъ упомянутыя мною статьи, вызывавшія протестъ и въ Грановскомъ.

---

1) ibid., стр. 443—444. Тотъ же отрывокъ приведенъ у Пыпина „Бѣлинскій, его жизнь и переписка“, часть 1, стр. 227.

2) Корниловъ, стр. 485—486.

«Въ литературѣ онъ Богъ знаетъ что дѣлаетъ», пишетъ послѣдній Станкевичу, «вообрази, душа моя, что мнѣ вездѣ приходится защищать его отъ упрека въ подлости. Болѣе всего мучаетъ меня то, что студенты наши, и лучшіе, стали считать его подлецомъ вродѣ Булгарина; дѣло все въ поклоненіи дѣйствительности... Катковъ, человѣкъ съ большимъ талантомъ, раздѣляетъ эти понятія; вообще философія надѣлала имъ много вреда» [1]. И съ этимъ отзывомъ нельзя не согласиться, или, точнѣе, нельзя не признать, что гегельянство изучалось первыми его провозвѣстниками въ столь поверхностной и отрывочной формѣ, что даже по такому вопросу, какъ пониманіе Гегелемъ дѣйствительности, возникло полное разномысліе. Впослѣдствіи самъ Бѣлинскій не иначе, какъ съ отрицаніемъ, относился къ этой полосѣ своей дѣятельности.

Аполлонъ Григорьевъ пишетъ о немъ: «Разумѣется, онъ не могъ остановиться на этомъ, потому что не былъ способенъ жить предразсудками, а искалъ правды... Онъ безпрестанно шелъ отъ крайности къ крайности, наивно забывая въ послѣднихъ предшествующія, фанатически вѣруя въ послѣднее, какъ въ единственно истинное, готовый восторгаться дѣйствительностью «quand-même», завтра рвать волосы на себѣ отъ восторга и послѣ-завтра восторженно преслѣдовать свои старыя заблужденія» [2]. Не одинъ Бѣлинскій подчинился вліянію исходившей отъ Бакунина проповѣди гегельянства. Вернувшись изъ-за границы горячимъ приверженцемъ Франціи и ея литературы, Василій Боткинъ не столько постепенно, сколько прыжками, становится ревнителемъ, если не праваго, то лѣваго крыла послѣдователей Гегеля.

Лѣтомъ 1839-го года онъ часто пишетъ Бакунину. Письма его наполнены разными новостями изъ сферы философской литературы въ Германіи. Онъ усердно слѣдитъ по «Hallische Jahrbücher» (по Галльскому Ежегоднику) за различными теченіями гегельянства. Въ этихъ письмахъ впервые онъ упоминаетъ имя Людвига Фейербаха, приводитъ отрывки изъ его писемъ о смерти и безсмертіи и замѣчаетъ попутно: «Фейербахъ принадлежалъ къ піетистамъ, но, проживъ нѣсколько лѣтъ въ Берлинѣ, изучилъ философію Гегеля и сдѣлался жаркимъ его послѣдователемъ» [3].

Въ одномъ изъ писемъ (отъ 15-го сентября 1839 года)

---

1) Корниловъ, стр. 504.

2) Собраніе сочиненій Аполлона Григорьева подъ редакціей В. Ѳ. Саводника. Развитіе идей народности въ нашей литературѣ со смерти Пушкина, стр. 96 и 97.

3) Корниловъ, стр. 524 и 525.

Боткинъ сообщаетъ Бакунину, что занялся чтеніемъ Штрауса «о преходящемъ и вѣчномъ въ христіанствѣ». «Это», пишетъ онъ, «его послѣднее слово, слово мира врагамъ. Здѣсь онъ рѣшительно отвлекаетъ личность Христа отъ всего чудеснаго и сверхъестественнаго. Теряетъ ли Христосъ свое значеніе? Колеблется ли наша вѣра въ него? Нѣтъ, напротивъ. Пусть Воскресенье останется однимъ таинственнымъ, глубокимъ миѳомъ, пусть чудеса перейдутъ въ естественное, но необыкновенное; развѣ личность Христа что-нибудь потеряетъ отъ этого? Развѣ для насъ нужно что-нибудь внѣшнее, кромѣ жизни, одной жизни его» [1]).

Занятіе нѣмецкой философіей не встрѣчало сочувствія Бакунина-отца.—Въ то время, какъ сынъ его былъ занятъ статьей о новѣйшей философіи въ Германіи, которая появилась затѣмъ у Краевскаго въ «Отечественныхъ Запискахъ», отецъ писалъ сыну: «Очень радъ, что ты познакомился съ Краевскимъ, но невольно улыбаюсь, прочитавъ слова твои: «я подрядился писать ему статьи по части философіи»... Германская философія не свойственна ни характеру, ни нуждамъ нашимъ и долго будетъ для насъ вовсе безполезной. Намъ еще многому выучиться надо, а потомъ ужъ философствовать» [2]).

Временная ссора Бакунина съ Бѣлинскимъ прекратилась въ ноябрѣ 1839-го года, когда Бакунинъ попалъ въ Петербургъ и провелъ въ обществѣ Бѣлинскаго цѣлыхъ три недѣли. «Я разстался съ нимъ, какъ братъ съ братомъ, другомъ и братомъ души моей», пишетъ Бѣлинскій Боткину. «Это человѣкъ въ полномъ смыслѣ слова, въ немъ сущность свята, но процессы ея развитія... дики и нелѣпы». Возстановленію хорошихъ отношеній содѣйствовало между прочимъ то обстоятельство, что Бѣлинскій былъ тронутъ отзывомъ Бакунина о немъ въ литературныхъ кругахъ.

«Погладь его по курчавой головѣ; право, онъ очень не глупъ, какъ я начинаю увѣряться», читаемъ мы въ письмѣ Бѣлинскаго къ Боткину, «а сколько глубины, сколько инстинкта истины. Какое сильное движеніе духа въ этомъ мужѣ! Я немного побылъ съ нимъ въ Питерѣ, но много узналъ отъ него новаго, много уяснились мнѣ мои собственныя идеи.. Это одинъ человѣкъ, съ которымъ побыть вмѣстѣ,—значитъ для меня сдѣлать большой шагъ впередъ въ мысли. Дьявольская способность передавать».

3-го февраля 1840 года Бѣлинскій въ письмѣ къ тому же

---

[1]) Корниловъ, стр. 533.
[2]) Ibid., стр. 570 и 571.

Боткину говоритъ: «Мысли мои о безсмертіи вновь перевернулись. Петербургъ имѣетъ необыкновенное свойство обращать въ христіанство. Бакунинъ много здѣсь участвовалъ» [1]).

Въ это время Бакунинъ, очевидно, продолжалъ вліять на Бѣлинскаго, обращая его все болѣе и болѣе въ гегельянство, но не лѣвое, а правое. Оно въ то время отвѣчало религіозному настроенію самого Бакунина, который все еще продолжалъ, несмотря на свое гегельянство, увлекаться и Фихте. Въ это время онъ писалъ своимъ сестрамъ: «Я непремѣнно пришлю вамъ книгу Фихте» (рѣчь идетъ о его біографіи). «Вотъ истинный герой новаго времени; я всегда любилъ его и завидовалъ его изумительной силѣ и способности отвлекаться отъ всѣхъ постороннихъ обстоятельствъ и отъ общественнаго мнѣнія для того, чтобы идти къ назначенной цѣли, цѣли просвѣтленной, самостоятельной, истинной и благословенной Богомъ. Одно выраженіе Фихте сильно поразило меня, тѣмъ сильнѣе, что то же самое я написалъ другими словами Бѣлинскому, который все еще хлопочетъ о счастьѣ. Я ему написалъ, что не всякій человѣкъ долженъ быть счастливымъ, но всякій долженъ быть человѣкомъ. Фихте же выразился въ одномъ письмѣ къ своей любезной гораздо лучше: цѣль нашего существованія заключается не въ томъ, чтобы быть блаженными, но въ томъ только, чтобы быть достойными блаженства» [2]).

Письма Бакунина къ Бѣлинскому, къ сожалѣнію, не сохранились, и мы узнаемъ объ ихъ содержаніи только случайно по тѣмъ ссылкамъ, какія самъ онъ дѣлаетъ на нихъ въ своихъ письмахъ къ сестрамъ. Корниловъ полагаетъ, что письмо, упоминаемое Бакунинымъ, то самое, на которое Бѣлинскій отвѣтилъ 26-го февраля 1840 года не безъ нѣкоторой рѣзкости и съ шутливымъ употребленіемъ гегелевской терминологіи. «Съ чего ты взялъ», значилось въ этомъ письмѣ, «что моя дѣйствительность пошлая, повседневная, грязная и до того несчастная, что надъ нею даже мальчики подсмѣиваются. Правда, моя дѣйствительность не твоя, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы она была такая, какою ты ее описываешь. Раны моего сердца, истекающаго живою горячею кровью, свидѣтельствуютъ, что ты лжесвидѣтельствуешь на ближняго. Въ письмѣ встрѣчается слѣдующее характерное выраженіе: «пошлой идеальности я всегда предпочту дѣйствительность и полезность обществу» [3]).

---

1) Письма эти вошли въ II томъ переписки Бѣлинскаго, стр. 6 и 30.
2) Корниловъ стр. 608—609.
3) „Письма", т. II, стр. 77—78.

Во время пребыванія въ ноябрѣ 1839 г. въ Петербургѣ, въ числѣ новыхъ знакомыхъ, съ какими Бакунину пришлось сойтись, мы встрѣчаемъ и Огарева. Послѣдній пишетъ о немъ Герцену: «Бакунинъ погружается въ философію Гегеля, когда одинъ, но коль скоро съ кѣмъ-нибудь, то въ шахматную игру, такъ что уже не слышитъ, что говорятъ».

Біографъ Бакунина, изображая эту полосу въ жизни своего героя, сообщаетъ, что разсѣянный образъ жизни, посѣщеніе музыкальныхъ вечеровъ у Боткина, домашнихъ спектаклей у Огарева, наводило Бакунина на грустныя мысли и порождало въ немъ опасеніе, что «онъ опошлится въ атмосферѣ московской жизни» [1]). Онъ чуждался кружковъ Чаадаева и Ив. Кирѣевскаго, въ которыхъ происходили разговоры на философскія темы, и выговаривалъ даже другимъ, въ томъ числѣ Грановскому, за то, что онъ бываетъ у Кирѣевскихъ. «Странный человѣкъ», пишетъ о немъ Станкевичу Грановскій, «я понимаю теперь, что Боткинъ и Бѣлинскій называютъ его абсолютистомъ [2]).

Бакунинъ, наоборотъ, охотно бывалъ въ кружкѣ старинныхъ друзей Герцена, въ это время проживавшаго въ ссылкѣ во Владимірѣ. Сближеніе послѣдовало и съ самимъ Герценомъ, послѣ его возвращенія въ Москву. Весною Бакунинъ былъ уже на «ты» съ Герценомъ и съ Огаревымъ. Герценъ разсказываетъ въ своемъ «Былое и думы», что первые горячіе споры о разумной дѣйствительности и существующемъ строѣ, споры, въ которыхъ принималъ участіе и Бакунинъ, происходили передъ отъѣздомъ Бѣлинскаго въ Петербургъ. Корниловъ на основаніи оффиціальныхъ документовъ доказываетъ, что Герценъ въ данномъ случаѣ ошибается, такъ какъ онъ это время былъ во Владимірѣ и что поэтому тѣ споры, о которыхъ онъ говоритъ, происходили въ Петербургѣ. Какъ бы то ни было, но несомнѣнно одно, что первая встрѣча Герцена съ Бѣлинскимъ показала, что оба гегельянца разно понимаютъ положеніе Гегеля о томъ, что дѣйствительность разумна. Пассивное преклоненіе передъ существующимъ строемъ, которое Бѣлинскій обнаружилъ въ эпоху редактированія имъ «Московскаго Наблюдателя», вызвало со стороны Герцена рѣзкую отповѣдь, которой Бакунинъ могъ только сочувствовать. Разсказывая о своемъ знаменитомъ спорѣ съ Бѣлинскимъ о разумной дѣйствительности и русскомъ

---

[1]) Ibid., стр. 617.
[2]) Ibid., стр. 618.

самодержавіи, спорѣ, окончившемся тѣмъ, что Бѣлинскій, желая раздразнить Герцена, прочелъ ему «Бородинскую годовщину» Пушкина, авторъ «Былое и думы» пишетъ: «Этого я не могъ вынести и отчаянный бой закипѣлъ между нами. Размолвка наша дѣйствовала на другихъ, кругъ распадался на два стана. Бакунинъ хотѣлъ примирить, заговорить, объяснить, но мира настоящаго не было. Бѣлинскій далъ по насъ залпъ въ статьѣ, которую такъ и назвалъ: «Бородинская годовщина». Я прервалъ тогда съ нимъ всѣ сношенія. Бакунинъ, хотя и спорилъ горячо, но сталъ призадумываться, его религіозный тактъ толкалъ его въ другую сторону... Хоръ былъ за Бѣлинскаго и смотрѣлъ на насъ свысока, гордо пожимая плечами, и находя насъ людьми отсталыми»... Въ письмахъ къ Боткину Бѣлинскій въ декабрѣ 1839 года и началѣ 40-го еще враждебно относится къ Герцену и находитъ встрѣчи съ нимъ для себя нежелательными («Письма», т. II, стр. 18, 121, 132 и 162). Въ это самое время Бакунинъ сходится по-пріятельски съ Огаревымъ и Герценомъ.

Бакунинъ, мечтавшій въ то время о поѣздкѣ въ Берлинъ, находитъ нужныя ему для этого деньги у Герцена. Отецъ обѣщаетъ ему, правда, годовую пенсію, но она недостаточна и стѣсненныя обстоятельства родителей не позволяютъ выплатить ее сразу. О томъ настроеніи, въ какомъ Бакунинъ покидалъ Россію, и о побудительныхъ причинахъ его отъѣзда можно судить по его перепискѣ, какъ съ отцомъ, такъ и съ Станкевичемъ и другими друзьями. Въ письмѣ къ отцу онъ говоритъ «о той абсолютной пустотѣ, совершенномъ религіозномъ индифферентизмѣ и отрицательномъ отношеніи къ нравственному закону, съ которыми онъ вышелъ изъ артиллерійскаго училища... Я бы совершенно погибъ», прибавляетъ онъ, «если бы во мнѣ не сохранилась одна святая искра. И эта искра была безсознательная, почти инстинктивная жажда знанія... Моя потребность знанія, несмотря на всю свою силу, можетъ», писалъ онъ, «превратиться въ болѣзненный призракъ, если она не найдетъ положительнаго дѣйствительнаго осуществленія. Съ 1837 г. и до сихъ поръ, а особливо въ послѣдніе полтора года, я занимался прилежно почти съ утра до вечера, но я не доволенъ этими занятіями; въ нихъ нѣтъ строгой системы. Для того, чтобы дѣйствительно достигнуть своей цѣли, мнѣ нужно учиться и всѣми силами стараться пріобрѣсти то классическое образованіе, котораго я не имѣю и безъ котораго я останусь дилеттантомъ, т.-е. пустымъ человѣкомъ, безполезнымъ для себя и для другихъ».

Бакунинъ въ это время мечтаетъ о профессорской карьерѣ. Онъ находитъ, что въ двадцать шесть лѣтъ ему трудно поступить въ

Московскій университетъ. «Ни одинъ изъ русскихъ университетовъ», прибавляетъ онъ, «не можетъ еще дать классическаго ученаго образованія. Для достиженія его остается только одно средство: ѣхать въ Берлинъ». Отецъ отвѣчалъ сыну согласіемъ, но не воздержался отъ нѣкоторыхъ шутливыхъ упрековъ. «Ты, какъ новый донъ-Кихотъ, влюбился въ новую Дульцинею (очевидно, въ гегелевскую философію) и, увлекаясь мечтательно ея прелестями, совершенно позабылъ свои обязанности». Бакунинъ возлагалъ большія упованія на свою поѣздку. «Я жду», писалъ онъ Герцену, «духовнаго перерожденія и крещенія отъ этого путешествія».

Бѣлинскій одобрялъ проектъ Бакунина. «Въ твоемъ письмѣ», пишетъ онъ, «нѣтъ ненавистной для меня философіи (т.-е. резонерства); но зато есть человѣчность, и отъ него вѣетъ духомъ. Знаешь ли, что только одно это письмо въ первый разъ убѣдило меня, что твоя поѣздка въ Берлинъ не пустая мечта празднаго самолюбія, а дѣйствительная потребность».

Станкевичъ, въ свою очередь, хотя и боролся въ то время съ болѣзнью, скоро сведшей его въ могилу, тѣмъ не менѣе прислалъ Бакунину письмо, въ которомъ дѣлился съ нимъ своими занятіями и своимъ настроеніемъ въ Италіи. «Зиму», пишетъ онъ, «мы перебалтывали во Флоренціи Логику (очевидно, Гегеля) съ Фроловымъ; зимою хочу заняться философіей. Главный вредъ пребыванія внѣ Германіи въ томъ, что не слѣдишь за новыми успѣхами, и вы въ Россіи можете знать о нихъ больше, чѣмъ я въ Италіи» [1]).

Въ письмѣ отъ 20-го мая тотъ же Станкевичъ писалъ Бакунину: «Побывать въ Берлинѣ хотя бы на одинъ семестръ было бы тебѣ положительно полезно. Ты успѣлъ бы пріобрѣсти кое-что; но еще полезнѣе была бы для тебя увѣренность, какъ немногимъ довольствуются тамъ люди, предоставляя времени и дальнѣйшимъ трудамъ объяснить остальное».

О своихъ собственныхъ занятіяхъ Станкевичъ сообщаетъ, что онъ читаетъ лекціи Вернера и выбралъ въ нихъ обзоръ Логики (очевидно, Гегеля), схватилъ нить категорій и разучилъ въ каждой что-нибудь. «Иная мнѣ живѣе, другая нѣсколько loser; все истинно, но не всегда ясно... Большой Логики я не изучалъ по совѣту Вернера... Какъ изучать, когда надо прежде всего выжать цѣлое, прочесть цѣлое, хоть не понимая совсѣмъ; это почти необходимо, но это легко сдѣлать въ Энциклопедіи

---

1) Корниловъ, стр. 621—653.

(того же Гегеля). Я писалъ уже тебѣ, что намѣренъ поработать надъ исторіей философіи. Это считаю логическимъ трудомъ, между тѣмъ надо по возможности слѣдить и за новымъ... Фейербахъ требуетъ, что какъ бытіе есть мнимое начало, то почему не начать съ истиннаго, съ Идеи... Идея прозрачная въ себѣ самой есть жизнь Абсолютнаго. Какъ мы дошли до Идеи, намъ не нужно больше никакой науки... Изъ Идеи можемъ построить жизнь, т.-е. Идея непремѣнно становится дѣломъ и знаетъ свое дѣло и наслаждается имъ». Станкевичъ сообщаетъ, что имѣется брошюрка Цѣниковскаго «Пролегомены къ исторіографіи». «У него три періода въ исторіи: искусство, наука (мы въ концѣ этого періода) и дѣйствіе... Послѣдняя мысль, что наука должна перейти въ дѣло, справедлива. Теперь замѣтно это общее требованіе связать скорѣе эти разбросанныя категоріи съ жизнью сердца, чтобы она—философія—была не въ сердцѣ, а въ крови, въ тѣлѣ, во всемъ существѣ... Я люблю это законное требованіе. Его можно удовлетворить теперь, когда геній Гегеля распуталъ, наконецъ, чувственныя представленія и мысль. До него это было бы невозможно, все вышло фантастично». Это письмо, несмотря на то, что Станкевичъ не столько развиваетъ, сколько набрасываетъ отдѣльныя мысли, его занимавшія, интересно въ томъ отношеніи, что показываетъ, прежде всего, какъ поверхностно было самое изученіе Гегеля въ кругу его русскихъ ревнителей. Большой «Логики» Станкевичъ такъ и не прочелъ, удовольствовавшись короткимъ изложеніемъ Вернера. Это письмо любопытно и своимъ признаніемъ, что далеко не все въ гегелевскихъ построеніяхъ понятно его ученикамъ. Но главное значеніе этого письма лежитъ, конечно, въ томъ, что изъ него съ ясностью выступаетъ стремленіе русскихъ гегельянцевъ пойти вслѣдъ за лѣвымъ крыломъ нѣмецкихъ послѣдователей Гегеля и прежде всего за Фейербахомъ. Въ приложеніи философіи берлинскаго мудреца къ практической жизни, къ дѣятельности, на Бакунина совѣты Станкевича не могли не повліять въ сильной степени. Недаромъ въ письмѣ къ одной изъ своихъ сестеръ онъ признавался, что встрѣча съ Станкевичемъ произвела рѣшительный переломъ въ его жизни.

«Онъ имѣлъ на меня вліяніе», читаемъ мы далѣе, «не только глубокимъ умомъ, благороднымъ направленіемъ, но и прекрасной, совершенно прозрачной непосредственностью всего существа своего» [1].

---

[1] Корниловъ, стр. 655, 657 и 679.

Въ самомъ Бакунинѣ въ это время несомнѣнно происходитъ уже нѣкоторый поворотъ, и къ религіозности присоединилось тоже стремленіе «перейти къ дѣйствительности». Мы видѣли, что его временное расхожденіе съ Бѣлинскимъ вызвано было тѣмъ, что послѣдній все существующее, а слѣдовательно и самодержавно-чиновный строй Россіи, почиталъ заслуживающимъ признанія. Это глубоко возмутило Бакунина и, какъ мы сказали, далеко не его одного; а возмущеніе это, разумѣется, было вызвано не однимъ лишь невѣрнымъ пониманіемъ мысли Гегеля, а тѣмъ отрицательнымъ отношеніемъ къ существующему въ Россіи строю, которое начинало сказываться въ самомъ Бакунинѣ и рѣзко выступало въ средѣ его новыхъ друзей, у Огарева и едва вернувшагося изъ административной ссылки Герцена. Въ послѣднемъ письмѣ Бакунина къ Станкевичу онъ говоритъ ему: «Не оставляй меня совѣтами, а особливо касательно моихъ берлинскихъ занятій. Ты теперь человѣкъ опытный, знаешь, какъ за это должно приниматься, и опытность твоя можетъ мнѣ быть очень полезной. Если будешь писать Вернеру, то замолви ему за меня словечко. Грановскій обѣщалъ мнѣ дать къ нему и къ другимъ письма».

Письмо любопытно еще тѣмъ, что заключаетъ въ себѣ нѣсколько подробностей о молодомъ профессорѣ, также учившемся въ Берлинѣ, также посѣщавшемъ лекціи Вернера и испытавшемъ на себѣ вліяніе гегелевой философіи; я разумѣю Грановскаго. Бакунинъ пишетъ о немъ: «Въ университетѣ онъ пробудилъ сильное и живое участіе къ своему предмету. Студенты любятъ и уважаютъ его; по гуманности своей онъ лучшій изъ всѣхъ профессоровъ, между которыми теперь много есть прекрасныхъ и истинно-полезныхъ людей». Это было какъ-разъ въ то время, когда въ Московскомъ университетѣ собрался кружокъ ученыхъ ревнителей гегельянства. Объ этомъ времени вспоминаетъ мелькомъ Аполлонъ Григорьевъ въ своихъ воспоминаніяхъ, озаглавленныхъ «Автобіографія». Онъ перечисляетъ нѣкоторыхъ изъ этихъ своего рода новаторовъ, въ числѣ ихъ Кудрявцева, Крылова, Рѣдкина. Ихъ дѣятельность началась въ 30-хъ годахъ. Рѣдкинъ, къ сожалѣнію, перешелъ въ Петербургъ и сталъ извѣстенъ своими лекціями по «энциклопедіи и философіи права». Крылова мнѣ еще пришлось застать въ Москвѣ въ годъ моего поступленія въ число преподавателей. Онъ образовалъ, какъ извѣстно, немало выдающихся русскихъ ученыхъ, въ числѣ ихъ и С. А. Муромцева.

Интересныя свѣдѣнія объ этомъ кругѣ профессоровъ за-

ключаютъ въ себѣ и недавно вышедшія отдѣльнымъ томомъ «Записки С. М. Соловьева».

Соловьевъ разсказываетъ о томъ, что представлялъ собою Московскій университетъ въ годы отъ 1838 по 1842-ой. «Гегель кружилъ всѣмъ головы, пишетъ онъ, хотя очень немногіе читали самого Гегеля, а пользовались имъ только изъ лекцій молодыхъ профессоровъ. Занимавшіеся студенты не иначе выражались, какъ гегелевскими терминами. И моя голова работала постоянно; схвачу нѣсколько фактовъ и уже строю на нихъ цѣлое зданіе. Изъ гегелевскихъ сочиненій я прочелъ только «Философію исторіи»; она произвела на меня сильное впечатлѣніе. На нѣсколько мѣсяцевъ я сдѣлался протестантомъ, но дальше дѣло не пошло; религіозное чувство коренилось слишкомъ глубоко въ моей душѣ. И вотъ явилась во мнѣ мысль, заниматься философіей, чтобы воспользоваться ея средствами для утвержденія религіи христіанства; но отвлеченности были не по мнѣ; я родился историкомъ» (Записки, стр. 60-я).

Кто же были тѣ молодые профессора, проникнутые гегельянствомъ, которые едва не увлекли собою и мало расположеннаго къ философіи историка Соловьева? Въ числѣ ихъ мы находимъ одинаково и Грановскаго, и Крюкова. Послѣдній читалъ латинскій языкъ на трехъ старшихъ курсахъ и древнюю исторію на первомъ. Соловьевъ говоритъ о немъ: «Онъ пользовался результатами, добытыми германскими учеными. Читалъ преимущественно подъ вліяніемъ Гегеля» (Ibid., с. 48). «Поклонникомъ Гегеля, пишетъ Соловьевъ, явился и Грановскій» (стр. 49).

Занятія гегелевой философіей начались для Грановскаго довольно поздно, а именно въ 1837 г., во время его пребыванія въ Берлинѣ. Еще изъ Вѣны онъ писалъ своимъ друзьямъ: «Необходимость философіи для меня я часъ отъ часу болѣе и болѣе чувствую. Я теперь очень понимаю, что есть богатыя натуры, которыя вовсе не нуждаются въ философіи; онѣ переносятъ свое внутреннее единство на внѣшній міръ. У меня наоборотъ: Я долженъ извнѣ усвоить себѣ внутреннее единство и согласіе. Только по достиженіи этой цѣли могу я сдѣлать что-нибудь хорошее по моимъ требованіямъ для исторіи» [1]).

Къ занятію философіей побуждалъ Грановскаго и Станкевичъ своими письмами изъ Москвы. «Твой предметъ значится въ одномъ изъ нихъ,—жизнь человѣчества. Ищи же въ этомъ человѣчествѣ образа Божія, но прежде приготовься трудными

[1]) См. Герье. Т. Н. Грановскій, 1914 г. Стр. 8.

испытаніями—займись философіей. Занимайся тѣмъ и другимъ. Этотъ переходъ изъ отлеченной къ конкретной жизни и снова углубленіе въ себя—наслажденіе» [1]).

Посвятивъ въ Берлинѣ зимній семестръ исторіи, Грановскій принялся весною 1837 г. за чтеніе Гегеля. Холера, которой онъ заболѣлъ вскорѣ, на время пріостановила его занятія. Видавшійся съ нимъ въ это время Невѣровъ писалъ о немъ: «Сочинилъ онъ себѣ какое-то глупое правило, что не покоряться должно природѣ, а идти ей наперекоръ, и съ этимъ правиломъ не хочетъ оставить на минуту своего Гегеля и исторію». Въ Берлинъ въ октябрѣ пріѣхалъ и Станкевичъ. Грановскій вмѣстѣ съ нимъ сталъ посѣщать Вернера, читавшаго по утрамъ логику, а послѣ обѣда—исторію философіи отъ Декарта. Грановскій и Станкевичъ слушали у него также приватныя лекціи, которыя нерѣдко превращались въ бесѣду, длившуюся иногда нѣсколько часовъ подъ рядъ. Въ 1838 г. Грановскій въ Вѣнѣ прочитываетъ «Философію исторіи» Гегеля, отъ начала до конца, и со вниманіемъ». Его подготовка позволила ему отнестись критически къ нѣкоторымъ отдѣламъ этой философіи. «Начало, все «введеніе» и древній міръ, пишетъ онъ объ этой книгѣ—отлично хорошо. Но далѣе много субъективныхъ мнѣній, особливо въ отдѣлѣ о среднихъ вѣкахъ. Онъ (Гегель) несправедливъ къ этому отдѣлу исторіи» [2]). Гегель не былъ, однако, въ почетѣ у университетскаго начальства. Герценъ разсказываетъ, какъ объ успѣхѣ, какимъ пользовались публичныя лекціи Грановскаго, такъ и о томъ, что на него вооружился «Москвитянинъ», органъ представителей такъ называемой оффиціальной народности. «Хотятъ печатать въ «Москвитянинѣ», пишетъ онъ, что Грановскій читаетъ по Гегелю». Когда самъ Герценъ написалъ статью о курсѣ Грановскаго и задумалъ помѣстить ее въ университетской газетѣ «Московскія Вѣдомости», то тогдашній попечитель графъ Строгановъ далъ разрѣшеніе, только съ условіемъ, чтобы имя Гегеля не упоминалось въ этой статьѣ. Когда, по окончаніи Грановскимъ его публичнаго курса, Герценъ хотѣлъ дать о немъ вторую статью въ тѣхъ же «Московскихъ Вѣдомостяхъ», Строгановъ объявилъ ему при свиданіи, что будетъ всѣми мѣрами противодѣйствовать гегелизму и нѣмецкой философіи. «Она, сказалъ онъ, противорѣчитъ нашему богословію. На что намъ раздвоенность, два разныхъ догмата,—догматъ откровенія и догматъ

---

[1]) Анненковъ. Литерат. воспоминанія. Стр. 414.
[2]) Герье. Ibid. Стр. 9 и 10.

науки. Я даже не приму того направленія, которое афишируетъ примиреніе религіи съ наукой. Религія въ основѣ» [1]).

Въ своихъ лекціяхъ, говоритъ Герье, Грановскій не разъ подымалъ вопросы философіи исторіи. Такъ, въ введеніи къ курсу 1839—40 г., онъ вполнѣ одобряетъ исходную точку философіи Гегеля, установленную еще Шеллингомъ въ его «Философіи тождества». Объясняя самое понятіе «тождество», Грановскій говоритъ въ своемъ курсѣ: «Простое начало, на которомъ основана философія исторіи, есть согласіе зримаго съ незримымъ, природы съ духомъ, тождества реальнаго съ идеальнымъ, бытія съ мышленіемъ. Это только двѣ стороны одной сущности, вышедшей изъ одного корня,—изъ абсолютнаго, или понятія (der Begrif въ смыслѣ, какой придается этому термину Гегелемъ); это само Абсолютное, открывающее себя въ явленіи. Оно осуществляетъ себя и составляетъ зиждительную силу исторіи и природы. Субъективный духъ и міръ подчинены одному и тому же закону, совершаютъ одинъ и тотъ же процессъ развитія. Одно отражается—какъ въ зеркалѣ—въ другомъ». Герценъ записалъ изъ курса, читаннаго Грановскимъ въ 1843—44 г.г., слѣдующій отрывокъ: «Основныя положенія философіи тождества заключаются въ единствѣ законовъ духа и внѣшней природы; въ единствѣ субъективнаго духа съ окружающимъ міромъ. Это единство, разгаданное вполнѣ только въ наше время и философски утвержденное, было предчувствуемо и прежде и прилагалось къ исторіи человѣчества вообще и къ исторіи человѣка въ отдѣльности. Аналогія, существующая между развитіемъ человѣка въ отдѣльности и исторіей человѣчества, вообще съ явленіями внѣшней природы, предугадываемая прежде, вошла теперь въ число истинъ, навсегда пріобрѣтенныхъ. Духъ узналъ себя въ исторіи, субъективный духъ прочелъ свою собственную исторію въ исторіи всего человѣчества и чрезъ это получилъ ключъ къ уразумѣнію исторіи природы. Задача философіи исторіи заключается въ наше время въ отысканіи вѣчныхъ, не подлежащихъ никакому опыту началъ, лежащихъ въ глубинѣ нашего духа. Эти законы, по которымъ развивается субъективный духъ, надо указать и въ исторіи. Съ перваго взгляда это кажется труднымъ, но, смотря на исторію разумно, увидимъ, что въ ней господствуетъ то же органическое развитіе, та же послѣдовательность моментовъ, которая является въ правильномъ развитіи каждаго человѣка. Аналогіи между исторіей развитія

---

[1]) Герье, стр. 29 и 30.

отдѣльнаго человѣка и человѣчества никогда не должно терять изъ виду. На ней основана идея *органическаго* развитія, благотворная идея для всѣхъ наукъ, измѣнившая совершенно науку филологическую».

Спрашивается, затѣмъ, въ какой мѣрѣ взгляды Гегеля проникли въ отдѣльные курсы, читанные Грановскимъ въ Московскомъ университетѣ и посвященные отдѣльнымъ періодамъ всемірной исторіи? Непосредственное вліяніе «Философіи исторіи» Гегеля усматривается въ курсѣ Грановскаго отъ 1843 г., тамъ, гдѣ онъ признаетъ смѣну народовъ въ исторіи. «Одинъ народъ смѣняетъ другой, пишетъ онъ, на поприщѣ исторической жизни, дѣлаясь наслѣдникомъ всѣхъ умственныхъ сокровищъ, накопленныхъ предшествовавшими поколѣніями. Эти умственныя сокровища становятся сѣменами новой цивилизаціи, которую народъ долженъ развить и въ свою очередь передать поколѣніямъ грядущимъ». Но въ актовой своей рѣчи отъ 1852 г.: «О современномъ состояніи и значеніи всеобщей исторіи», Грановскій уже въ значительной степени эмансипируется отъ гегелевскаго вліянія. «Съ конца прошедшаго столѣтія, пишетъ онъ, философія исторіи не переставала предъявлять правъ своихъ на независимое отъ фактической исторіи значеніе. Успѣхъ не оправдалъ этихъ притязаній». Говоря о «Философіи исторіи» Гегеля, изданной Гансомъ въ 1837 г., Грановскій заявляетъ: «Это произведеніе знаменитаго мыслителя не удовлетворяло самыхъ горячихъ его почитателей, потому что оно есть не что иное, какъ отрывочное и не всегда въ частностяхъ вѣрное изложеніе всеобщей исторіи, вставленной въ рамку произвольнаго построенія». Грановскій критикуетъ ту точку зрѣнія Гегеля, по которой всеобщая исторія дѣлится на четыре періода, соотвѣтствующіе дѣтству, юности, зрѣлости и старости. Гегель отнюдь не доказываетъ, по его мнѣнію, что старость наступила для рода человѣческаго. Четвертый періодъ названъ у Гегеля «германскимъ» и обнимаетъ собою четырнадцать вѣковъ со времени паденія Римской имперіи. Грановскій не соглашается, чтобы терминъ «германскій» характеризовалъ собою все содержаніе этихъ вѣковъ.

Любопытно было бы знать, въ какой степени и какъ долго держалось въ Грановскомъ вліяніе Гегеля. «Вопросъ этотъ, говоритъ Герье, еще не рѣшенъ, но можетъ быть рѣшенъ на основаніи рукописнаго матеріала его лекцій». Починъ въ этомъ направленіи сдѣланъ былъ П. Н. Милюковымъ въ анализѣ рукописнаго курса Грановскаго по средне-вѣковой исторіи, читаннаго въ 1845—6 акад. году.

Милюковъ указываетъ на тѣ страницы въ курсѣ, въ которыхъ говорится объ императорахъ Константинѣ и Юліанѣ. По его мнѣнію, въ нихъ сказался ученикъ Гегеля, подчеркивающій разницу между личными цѣлями дѣятеля и всемірно-историческимъ результатомъ. Милюковъ усматриваетъ также вліяніе Гегеля на изображеніи Грановскимъ рыцарства и крестовыхъ походовъ. «Подобно Гегелю, говоритъ онъ, и для Грановскаго исторія разложенія монархіи Карла Великаго есть время реакціи», т.-е. антитеза къ тому тезису, какой представляло самое созданіе имперіи [1]). Въ свою очередь, одинъ изъ учениковъ Грановскаго, Чичеринъ, самъ гегельянецъ, говоритъ, что его учитель былъ далекъ отъ крайностей чисто-гегельянской школы; онъ крѣпко стоялъ за значеніе и право личности, которыя у Гегеля служили только орудіемъ общаго процесса [2]).

Кромѣ Крюкова и Грановскаго, Соловьевъ упоминаетъ еще о другихъ профессорахъ, проникнутыхъ гегелевской доктриной. Крыловъ не былъ чуждъ ей и еще въ большей степени Кавелинъ и Рѣдкинъ. Изъ молодыхъ на первый планъ нужно поставить Б. Чичерина, впослѣдствіи явившагося съ поправками къ гегелевской схемѣ. Но о немъ еще Жемчужниковъ писалъ:

«Въ тарантасѣ, въ телѣгѣ ли,
Ѣду ночью изъ Брянска я.
Все о немъ, все о Гегелѣ
Моя дума—дворянская».

Говоря о вліяніи нѣмецкой философіи на поколѣнія 30-хъ и 40-хъ годовъ, Гершензонъ въ своей «Исторіи молодой Россіи» пишетъ [3]): «Словами своихъ нѣмецкихъ учителей русскіе юноши говорили, что во вселенной царитъ разумъ, который только въ человѣкѣ можетъ достигать самосознанія, и что, слѣдовательно, высшій долгъ человѣка состоитъ въ томъ, чтобы сознательно жить по тѣмъ же законамъ, какъ и вселенная». Анненковъ пишетъ объ этомъ настроеніи молодежи, говоря: «Какимъ-то торжествомъ, свѣтлымъ, радостнымъ чувствомъ наполнилась жизнь, когда указана была возможность объяснить явленія природы тѣми же законами, какимъ подчиняется духъ человѣческій въ своемъ развитіи... На концѣ всего воззрѣнія стояли нравственныя обязанности и одна изъ необходимѣйшихъ высвобождать въ

---

[1]) П. Милюковъ. Изъ исторіи русск. интеллигенціи, университ. курсъ Грановскаго. Стр. 255—257.
[2]) Б. Чичеринъ. Вопросы философіи. 1904 г. Стр. 381.
[3]) Молодая Россія . Стр. 207.

себѣ самомъ божественную часть міровой идеи отъ всего случайнаго, нечистаго и ложнаго для того, чтобы имѣть право на блаженство дѣйствительнаго, разумнаго существованія» [1]).

На основаніи переписки Станкевича Гершензонъ сдѣлалъ попытку возстановить обликъ совершеннаго гегельянца въ его философіи и морали. Вмѣсто того, чтобы привесть здѣсь цѣликомъ это довольно удачно исполненное заданіе [2]), я приведу отрывокъ изъ письма Станкевича къ Грановскому отъ сентября 1836 г. «Оковы спали съ души, пишетъ Станкевичъ, когда я увидѣлъ, что внѣ одной всеобъемлющей идеи нѣтъ знанія, что жизнь есть самонаслажденіе любви и что все другое—призракъ. Да, это мое твердое убѣжденіе. Теперь есть цѣль предо мною: я хочу полнаго единства въ мірѣ моего знанія». Это единство сообщала русскимъ гегельянцамъ философская система ихъ учителя, въ которой всѣ стороны бытія матеріальнаго и духовнаго были сведены въ стройный процессъ развитія единаго начала—абсолютнаго Духа [3]).

Съ отъѣздомъ Бакунина въ Берлинъ прекратилась возможность его непосредственнаго воздѣйствія на тотъ кружокъ, въ которомъ онъ былъ, если не лучшимъ знатокомъ Гегеля, то во всякомъ случаѣ наиболѣе боевымъ пропагандистомъ его идей. Бакунинъ вернется въ Россію только для того, чтобы изъ австрійскихъ казематовъ попасть въ русскую политическую тюрьму, быть сосланнымъ въ Сибирь, бѣжать оттуда и провести всю жизнь на чужбинѣ, обучая гегелевой философіи, но не русскихъ, а французовъ, въ частности Прудона. Онъ одно время сойдется съ Карломъ Марксомъ, войдетъ вмѣстѣ съ нимъ въ международное общество рабочихъ, чтобы образовать затѣмъ въ немъ особую вѣтвь, такъ называемую «alliance jurassienne», что въ свою очередь вызоветъ расколъ въ интернаціоналѣ и поведетъ къ исключенію изъ него Бакунина и его послѣдователей. Бакунинъ сохранитъ свои добрыя отношенія съ Герценомъ и Огаревымъ, повліяетъ на усиленіе въ «Колоколѣ» теченія, съ которымъ Тургеневъ считалъ нужнымъ бороться, такъ какъ оно увлекало русскую мысль въ сторону постановки въ рѣзкой формѣ соціальнаго вопроса, въ тотъ самый моментъ, когда у насъ только начинался поворотъ въ сторону обновленія. Въ польскомъ вопросѣ Бакунинъ также окажется союзникомъ Герцена, какъ и въ чаяніяхъ

---

[1]) См. Гершензонъ. Op. cit. Стр. 207.
[2]) См. Ibid. Стр. 190—192.
[3]) „Исторія молодой Россіи“ Гершензона, стр. 192 и 193.

великаго призванія Россіи и славянскихъ народностей къ обновленію устарѣлой Европы. Умеръ Бакунинъ въ изгнаніи на берегахъ Лаго-Маджіоре въ скромномъ домикѣ, пріобрѣтенномъ для него его единомышленниками (тѣми анархистами, главой которыхъ онъ считался за послѣднее время).

Съ оставленіемъ Россіи Бакунинымъ проповѣдь гегельянства переходитъ на кружокъ Герцена. Въ цитированной мною брошюрѣ Венгерова [1]) «Эпоха Бѣлинскаго» невѣрно, какъ мнѣ кажется, передано значеніе, какое Бакунинъ имѣлъ въ кружкѣ Станкевича въ смыслѣ пропагандиста и истолкователя гегелевскихъ идей въ Россіи. «По странной ироніи судьбы», пишетъ Венгеровъ, «Бакунинъ, который въ серединѣ 40-хъ годовъ, перебравшись въ Европу, въ одной изъ своихъ статей пишетъ: «страсть къ разрушенію есть жизненная страсть», въ концѣ 30-хъ годовъ не только не имѣлъ разрушительныхъ идей, но прямо пришелъ къ апоѳеозу существующаго строя. На основаніи гегелевской философіи онъ создалъ теорію преклоненія передъ дѣйствительностью и увлекъ за собою кружокъ Станкевича и прежде всѣхъ Бѣлинскаго». Я полагаю, что на основаніи тѣхъ многочисленныхъ выдержекъ изъ писемъ Бакунина, Боткина, Бѣлинскаго, Грановскаго, которыя сдѣланы нами выше при широкомъ пользованіи монографіей Корнилова «о молодыхъ годахъ Бакунина», легко придти къ совершенно обратному выводу. Бѣлинскій оказался одинокъ въ своемъ, къ счастью временномъ, преклоненіи передъ русской дѣйствительностью. Бакунинъ не только не одобрялъ преклоненіе его за это, но, наоборотъ, рѣзко разошелся съ нимъ, увлекая за собою и Боткина. Онъ несомнѣнно также повліялъ своимъ позднѣйшимъ сближеніемъ съ Бѣлинскимъ на тотъ внутренній переворотъ, который заставилъ послѣдняго отнестись отрицательно къ собственнымъ статьямъ, напечатаннымъ въ «Наблюдателѣ», и пойти въ дальнѣйшей своей дѣятельности также въ отрицательномъ направленіи.

Кружокъ Станкевича, разумѣется, далеко не былъ единственнымъ очагомъ гегельянства въ Россіи. Въ своей обстоятельной работѣ «О князѣ Одоевскомъ, какъ мыслителѣ и писателѣ» Сакулинъ собралъ необыкновенно много данныхъ для характеристики кружковъ ревнителей нѣмецкой философіи въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ.

Большинство ихъ увлекалось болѣе Шеллингомъ, чѣмъ Гегелемъ, и болѣе его Философіей откровенія, чѣмъ Натурфило-

---

[1]) Стр. 12 и 13.

софіей. Но и на сторону берлинскаго мыслителя переходилъ не одинъ русскій писатель. Такъ, Катковъ, напримѣръ, печаталъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1841 годъ статью подъ заглавіемъ «Германская литература», въ которой преимущественно говорилось о философіи Гегеля и о его школѣ, о Михелетѣ, одно время съ нимъ полемизировавшемъ, а затѣмъ сдѣлавшемся ортодоксальнымъ истолкователемъ его ученія въ Берлинскомъ университетѣ. «Въ началѣ сороковыхъ годовъ я засталъ его занимающимъ каѳедру философіи и излагающимъ доктрины Гегеля»—пишетъ Катковъ. Въ тѣхъ же «Отечественныхъ Запискахъ» въ 1842 году появились воспоминанія Михелета о Гегелѣ. Редакція въ своемъ примѣчаніи къ этой статьѣ заявляла: «Статья написана однимъ изъ знаменитѣйшихъ учениковъ Гегеля, стяжавшимъ себѣ европейскую славу. Заимствуемъ ее изъ одного нѣмецкаго журнала, чтобы показать, какъ смотрятъ на великаго философа лучшіе умы Германіи» [1]). Причина, по которой русскіе люди одно время болѣе увлекались Шеллингомъ, нежели Гегелемъ, лежитъ въ религіозномъ характерѣ его философіи, въ его основномъ заданіи—примирить вѣру съ разумомъ. Люди, какъ Кирѣевскій, не прочь были думать, что это примиреніе всего легче осуществится на почвѣ православія, и приписывали самому Шеллингу не только глубокую увѣренность въ высокомъ призваніи Россіи, но и готовность перейти въ лоно нашей церкви. Еще въ 1829 году П. В. Кирѣевскій былъ у Шеллинга. Гершензонъ въ своемъ этюдѣ, посвященномъ Петру Кирѣевскому (смотри «Образы Прошлаго», стр. 98), передаетъ текстъ письма, посланнаго Кирѣевскимъ послѣ своего визита къ мюнхенскому философу. «Не можешь вообразить», читаемъ мы въ этомъ письмѣ, «какое странное чувство испытываешь, когда увидишь эту сѣдую голову, которая, быть можетъ, первая въ своемъ вѣкѣ, когда сидишь съ глазу на глазъ съ Шеллингомъ». Шеллингъ въ разговорѣ съ Кирѣевскимъ сказалъ между прочимъ слѣдующее: «Россіи суждено великое назначеніе». Онъ интересовался состояніемъ русской литературы и хвалилъ ему Тютчева, называя его «выдающимся и весьма освѣдомленнымъ человѣкомъ, съ которымъ всегда пріятно вести бесѣду». Въ дальнѣйшихъ своихъ письмахъ Кирѣевскій, посѣщавшій лекціи Шеллинга и другихъ профессоровъ философіи, до нѣкоторой степени его послѣдователей, въ числѣ другихъ Окэна, пишетъ: «Что, если бы одинъ изъ нихъ былъ въ Москвѣ; какая жизнь закипѣла бы

[1]) Сакулинъ, стр. 341, примѣчаніе 3.

въ университетѣ, когда и тяжелый педантическій Давыдовъ могъ возбудить энтузіазмъ!» [1]).

Годъ спустя и Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій попадаетъ за границу. Онъ слушаетъ въ Берлинѣ Гегеля, но безъ особаго увлеченія, какъ видно изъ письма его отъ 20-го февраля 1830 года [2]).

Шеллингъ вызываетъ въ И. Кирѣевскомъ несомнѣнно болѣе живой интересъ. Шеллингъ въ это время перешелъ уже отъ Натурфилософіи къ «Философіи откровенія», но ничего не напечаталъ изъ своего курса. «Система Шеллинга», писалъ о немъ Кирѣевскій, «такъ созрѣла въ его головѣ съ тѣхъ поръ, какъ онъ перестaлъ печатать, что она, какъ готовый плодъ, совсѣмъ отдѣлилась отъ той вѣтки, на которой начинала образовываться, и свалилась кругленькимъ яблочкомъ между исторіей и религіей».

Религіозная сторона философіи Шеллинга привлекла къ себѣ вниманіе и другого русскаго писателя и дипломата Тютчева, который въ 1836-мъ году также побывалъ у него въ Мюнхенѣ. По его словамъ, Шеллингъ не терпимъ своими собратіями, но умнѣе всѣхъ ихъ. «Шеллингъ», значится въ письмѣ, «трудится надъ сочиненіемъ: «О философіи богословія», но, какъ думаютъ многіе, едва-ли рѣшится его когда-либо издать. Поле слишкомъ обширно, и онъ принялся воздѣлывать его уже въ позднихъ лѣтахъ». Преподаваніе Шеллинга», по мнѣнію Тютчева, «отличается ясностью и рѣзкостью почти француза» [3]).

Въ 1839-мъ году М. А. Мельгуновъ видится съ Шеллингомъ. По его словамъ, Шеллингъ въ Мюнхенѣ стоитъ совершенно одиноко и не имѣетъ ни многочисленной школы, ни многочисленныхъ друзей и послѣдователей. Его новая система еще мало извѣстна. По просьбѣ Мельгунова, Шеллингъ сообщилъ ему нѣкоторыя свѣдѣнія о своей философіи, которую онъ назвалъ положительной. «Я этимъ выраженіемъ», сказалъ онъ, «даю знать, что моя система философіи не есть чисто-идеальная, логически построенная, какъ гегелева, но имѣетъ корень свой въ живой дѣйствительности, основана на самой природѣ вещей». Шеллингъ настаивалъ передъ Мельгуновымъ, что основаніе для его системы то же, что и прежде, т.-е. то же самое, на которомъ построена была его натурфилософія. Мельгуновъ подтверждаетъ также, что Шеллингъ имѣетъ о Россіи высокое представленіе и ожидаетъ отъ нея великихъ услугъ человѣчеству [4]).

---

[1]) Ibid., стр. 105.

[2]) Оно отпечатано Гершензономъ въ полномъ собраніи его сочиненій. т. I, стр. 27.

[3]) Сакулинъ, стр. 335.

[4]) Ibid. стр. 339.

Мы видѣли, что Чаадаевъ, по случаю перехода Шеллинга въ Берлинъ, послалъ ему привѣтственное письмо, а первую его лекцію въ этомъ университетѣ, отъ 15-го ноября 1841 года, Катковъ, бывшій въ то время въ Берлинѣ, прислалъ въ переводѣ для напечатанія въ «Отечественныхъ Запискахъ». Въ числѣ людей, всего болѣе интересовавшихся развитіемъ философіи откровенія Шеллинга, мы должны поставить и Ивана Кирѣевскаго.

Когда онъ вступилъ въ болѣе близкое общеніе съ доктринами Шеллинга-теософа, онъ уже выработалъ нѣкоторые взгляды на будущее значеніе Россіи въ дѣлѣ развитія не только православія, но и примиренія религіозной мысли съ философской. При посѣщеніи Европы ему кажется, что всѣ выдающіеся умы Запада страдаютъ неудовлетворенностью.

«Они всѣ», пишетъ онъ въ 1839-мъ году, «жалуются на теперешнее состояніе нравственности, на апатію, на эгоизмъ, требуютъ новой духовной силы внѣ разума, требуютъ новой пружины жизни внѣ разсчета, однимъ словомъ, ищутъ вѣры и не могутъ найти ея у себя, ибо христіанство на Западѣ исказилось въ своей мысли»[1]).

По мнѣнію Кирѣевскаго, Западъ уже обращаетъ свои взоры на Востокъ. Въ этомъ смыслѣ, полно интереса недавнее движеніе въ области религіозной мысли на Западѣ, въ частности, прибавляетъ Кирѣевскій, новая система Шеллинга и борьба, загорѣвшаяся между нимъ и послѣдователями Гегеля.

Шесть лѣтъ спустя, въ 1845 году, Кирѣевскій излагаетъ ученіе Шеллинга о религіи въ статьѣ того же года: «Обозрѣніе современнаго состоянія литературы»; въ ней онъ даетъ общую характеристику философской и религіозной мысли. Теологія и философія, по его мнѣнію, два важнѣйшіе предмета, заслуживающіе общаго вниманія. Соглашеніе между ними—господствующая потребность германской мысли. И во Франціи ждутъ обновленія жизни отъ религіи. Но Кирѣевскій не заблуждается насчетъ успѣха затѣяннаго Шеллингомъ предпріятія. «Его способъ примиренія вѣры съ философіей», пишетъ онъ, «не убѣдилъ до сихъ поръ ни вѣрующихъ, ни философствующихъ. Трудность положенія Шеллинга въ томъ, что онъ родился протестантомъ и что ему приходится теперь сочинять себѣ вѣру». Кирѣевскій продолжаетъ интересоваться Шелингомъ и десять лѣтъ спустя, но уже какъ ступенью къ развитію самостоятельной религіозной мысли на почвѣ православія.

---

[1]) Иванъ Кирѣевскій. „Полное собраніе сочиненій“ подъ редакціей Гершензона, т. I, стр. 113.

Въ статьѣ «О необходимости и возможности новыхъ началъ философіи», отпечатанной въ 1856 году, онъ говоритъ: «Философія нѣмецкая въ томъ развитіи, какое она получила въ новой системѣ Шеллинга, можетъ служить ступенью отъ независимыхъ системъ къ любомудрію, соотвѣтствующему началамъ древне-русской образованности и могущему подчинить раздвоенную образованность Запада цѣльному сознанію вѣрующаго разума» (стр. 264 Полнаго собранія сочиненій, т. I). Одной изъ причинъ, по которой философія Гегеля въ меньшей степени, чѣмъ система Шеллинга, увлекала умы людей, вѣрившихъ въ историческое призваніе Россіи содѣйствовать обновленію Запада, лежитъ въ значительной степени въ томъ преобладающемъ значеніи, какое она придаетъ Германіи и протестантизму. Г. Сакулинъ справедливо указываетъ на то, что въ этомъ отношеніи такой историкъ, какъ будущій академикъ Куникъ, сходился въ своей оцѣнкѣ съ историкомъ русской литературы Шевыревымъ. Въ подтвержденіе этой мысли Сакулинъ приводитъ выдержки изъ обоихъ писателей.

Куникъ въ статьѣ, помѣщенной имъ въ «Москвитянинѣ» въ 1841 году и посвященной обзору исторической литературы въ Германіи за послѣдніе два года, говоритъ о томъ, что Шеллингъ въ скоромъ времени напечатаетъ свои «Чтенія о философіи и миѳологіи» и броситъ, по слухамъ, въ своей новой системѣ взглядъ на Россію, отъ которой ожидаетъ много, особенно въ религіозномъ отношеніи. Куникъ жалуется на то, что нѣмецкіе ученые до сихъ поръ не оцѣнили историко-культурнаго значенія православной церкви, всегда проникнутой духомъ терпимости и стремленіемъ къ общему благу. Гегелю, въ частности, ставится въ вину, что онъ, какъ германецъ, придаетъ слишкомъ высокое всемірно-историческое значеніе тому племени, отъ котораго происходитъ самъ, и считаетъ германцевъ почти единственными блюстителями христіанства; поэтому,—прибавляетъ Куникъ,—постепенное возрастаніе славянства и греческой церкви, также какъ и возможность ихъ будущаго значенія, остаются сокрытыми отъ его взора [1].

Профессоръ Шевыревъ былъ въ числѣ раннихъ въ Россіи шеллингіанцевъ. Въ 1862 году въ письмѣ къ Ивану Аксакову, напечатанномъ въ «Днѣ» и вызванномъ появленіемъ «Студенческихъ воспоминаній» его брата Константина, онъ пишетъ: «Я вмѣстѣ со своими сверстниками и друзьями былъ шеллин-

---

[1]) Сакулинъ, стр. 354.

тіанцемъ; съ гегелевскимъ ученіемъ познакомился я за границей въ Римѣ и узналъ я его изъ живыхъ устъ польскаго поэта Горчинскаго, который былъ однимъ изъ самыхъ страстныхъ и близкихъ учениковъ Гегеля и даже жилъ нѣсколько лѣтъ у него въ домѣ. Тогда уже я объявилъ себя противникомъ этого ученія и нерѣдко велъ жаркіе споры съ ревностными гегелистами. Когда я возвратился въ Россію и принялъ каѳедру, ученіе Гегеля начало сильно распространяться у насъ. Я слѣдилъ за гегелевой философіей по книгамъ, которыя тогда выходили, со вниманіемъ прочиталъ лекціи по философіи и логикѣ, изданныя почти совсѣмъ неразработанными сыномъ самого Гегеля, эстетику, изданную Гото, но и онѣ не увлекли меня; я оставался во все время моего университетскаго поприща постояннымъ и добросовѣстнымъ противникомъ гегелева ученія». Нападки Шевырева на Гегеля возмущали Станкевича, какъ видно изъ его письма къ Фроловымъ изъ Рима. Станкевичъ жалуется на то, что въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» Шевыревъ помѣстилъ статью, въ которой говорилъ, что въ гегелевской философіи нѣтъ Бога. «Какъ хорошо! самъ говорилъ мнѣ, что не знаетъ Гегеля, а теперь такъ пишетъ. И. Кирѣевскій, вовсе не поклонникъ Гегеля, взбѣсился на эту статью». Причину, по которой Шевыревъ сталъ на сторону Шеллинга противъ Гегеля, разгадать не трудно при чтеніи его статьи «Христіанская философія» («Москвитянинъ», 1841 г.). Въ этой статьѣ, между прочимъ, можно прочесть разсужденіе на ту тему, что Германіи въ религіозно-нравственномъ мірѣ, благодаря борьбѣ католицизма съ протестантизмомъ, угрожаетъ распадъ. Существенное значеніе въ этомъ играетъ философія; она слишкомъ увлечена (гордостью разума), что особенно выразилось въ ея послѣднемъ словѣ,—системѣ Гегеля. Современная Германія—арена горячихъ споровъ между различными направленіями гегельянства и, съ другой стороны, между гегельянствомъ и шеллингіанствомъ. У Гегеля много враговъ, и Шевыревъ не пожалѣетъ, если ученіе Гегеля будетъ совершенно уничтожено. «Главный недостатокъ Гегеля тотъ, что его систему нельзя согласовать съ истинно-христіанской религіей. А между тѣмъ вопросъ объ отношеніи философіи къ религіи величайшій изъ вопросовъ современнаго человѣчества. Онъ гремитъ не только тамъ (т.-е. въ Германіи), но и повсюду, гдѣ человѣкъ мыслитъ. Онъ рѣшается и у насъ даже, быть можетъ, сильнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь. Взоры всѣхъ сейчасъ обращены на классическую страну философовъ—на Германію и на ея учителя—Шеллинга. Всѣ не-

терпѣливо ждутъ, что скажетъ учитель, когда откроетъ безмолвныя уста, когда совершитъ великую исповѣдь и повергнетъ знаніе къ подножью вѣры» [1]. Та же мысль, которая тревожитъ Шевырева, проглядываетъ и въ появившейся въ 1841 году статьѣ стараго шеллингіанца, профессора Давыдова. Статья эта также напечатана въ «Москвитянинѣ» въ 1841 году и озаглавлена: «Возможна ли у насъ германская философія». Мы читаемъ въ ней: «Окрыленная торжествомъ реформаціи, германская философія возмечтала руководить религіей, ниспосланной свыше, дабы направить человѣка на путь правый и истинный. Она невозможна у насъ по противорѣчію ея нашей жизни народной, религіозной, гражданской и умственной».

«Намъ предстоитъ», по мнѣнію Давыдова, «выработать собственную философію, но прежде надо познать все, что до насъ знали предшественники наши на поприщѣ просвѣщенія. Лишь послѣ такихъ трудовъ, когда нашъ будущій Шеллингъ или Гегель возсоздастъ свою философію, болѣе прочную и надежную, нежели философія германская при благодати мудрости высшей высказанной Тѣмъ, словеса Коего не прейдутъ, когда прейдутъ небо и земля» [2].

Въ 1842 году князь Одоевскій въ свою очередь знакомится съ Шеллингомъ. Объ этой встрѣчѣ имѣется, какъ я сказалъ, письменный отзывъ въ записной книжкѣ князя, до насъ уцѣлѣвшей. «Онъ обѣдалъ у меня, мы были вдвоемъ... я замѣтилъ Шеллингу, какъ необходимо было бы именно въ нашу эпоху распаденія прежнихъ убѣжденій... выговорить ему послѣднее слово. Чувствую это въ послѣднее время и поэтому рѣшился окончить мою работу coûte que coûte, послѣдовалъ отвѣтъ». Шеллингіанство оставило свой слѣдъ на князѣ Одоевскомъ не только въ періодъ любомудрія, когда онъ, какъ мы видѣли, былъ издателемъ «Мнемозины», но и въ позднѣйшій періодъ его литературной дѣятельности. Всего сильнѣе это вліяніе опредѣлилось въ его «Сужденіяхъ объ эстетикѣ», которыхъ, разумѣется, мы здѣсь касаться не будемъ.

Но и въ другихъ областяхъ нѣтъ-нѣтъ и скажется та или иная мысль, заимствованная изъ философіи откровенія; и въ глазахъ Одоевскаго западъ ищетъ приближенія къ нашей церкви. Такъ смотритъ на вѣроисповѣдный вопросъ рядъ замѣчательныхъ мыслителей Германіи, пишетъ онъ, да и «Шеллингъ на томъ же пути» [3].

---

1) Сакулинъ, стр. 360—361.
2) Сакулинъ, стр. 317 и 318.
3) Сакулинъ, т. I, стр. 595.

Г. Сакулинъ сдѣлалъ попытку опредѣлить, въ какихъ вопросахъ мысли Одоевскаго совпадаютъ съ ученіемъ Шеллинга Общимъ обоимъ онъ признаетъ нападки на эмпиризмъ и матеріализмъ и предпочтеніе умозрительнаго метода эмпирическому даже при изученіи природы. Другимъ, сближающимъ обоихъ ученіемъ является признаніе роли внутренняго чувства. «Вся концепція теософіи Шеллинга вмѣстѣ съ идеей о возстановленіи падшаго человѣчества вошла въ міросозерцаніе Одоевскаго [1]).

Въ беллетристическихъ произведеніяхъ Одоевскаго Шеллингу также приходится выступать не разъ. Въ самомъ значительномъ изъ нихъ, «Русскихъ ночахъ», одно изъ дѣйствующихъ лицъ, Фаустъ, высказываетъ взгляды, близкіе къ Шеллингу. Вы не можете представить себѣ, — говоритъ онъ, — какое дѣйствіе произвела она въ свое время, какой толчекъ она дала людямъ, заснувшимъ подъ монотонный напѣвъ локкоковыхъ рапсодій. Какъ Христофоръ Колумбъ, Шеллингъ нашелъ не то, чего искалъ, какъ Христофоръ Колумбъ, онъ возбудилъ надежды неисполнимыя, но какъ Христофоръ же Колумбъ онъ далъ новое направленіе дѣятельности человѣка.—Шеллингъ въ первый годъ текущаго столѣтія,—продолжаетъ Фаустъ,—бросилъ въ міръ одну глубокую мысль, какъ задачу для юнаго вѣка. Онъ отличилъ безусловное, самобытное, свободное самовоззрѣніе души; онъ призналъ основу всей философіи во внутреннемъ чувствѣ» [2]).

Одоевскій пишетъ свои «Русскія ночи» [3]) въ то время, когда Шеллингъ еще не завершилъ своей системы философіей откровенія, но онъ бесѣдовалъ съ Шеллингомъ и вынесъ то впечатлѣніе, что эта философія будетъ основана на тѣхъ же началахъ, что и философія природы. Фаустъ не хочетъ вѣрить поэтому, «чтобы великій мыслитель нашего вѣка перемѣнилъ свою теорію», хотя Фаустъ уже не шеллингіанецъ. Но все же онъ ближе къ Шеллингу, чѣмъ къ Гегелю; «несмотря на все мое уваженіе къ Гегелю», — говоритъ онъ,—я не могу не сознаться, что отъ темноты ли человѣческаго языка, отъ нашей ли неспособности вникать въ таинственную связь умозаключеній знаменитаго германскаго мыслителя, но въ его сочиненіяхъ встрѣчаются часто на одной и той же страницѣ мѣста, которыя, повидимому, находятся въ совершенномъ противорѣчіи» [4]).

---

[1]) Стр. 603—604.

[2]) Сакулинъ, т. II, стр. 232 и 233.

[3]) „Русскія ночи“ стали выходить съ 1836 года въ „Московскомъ Наблюдателѣ“.

[4]) Ibid., т. II, стр. 204.

«Русскія ночи» отражаютъ, такимъ образомъ, дѣйствительное отношеніе Одоевскаго къ Шеллингу и Гегелю. Гегель потому не удовлетворялъ Одоевскаго, что, по его мнѣнію, этотъ мыслитель приводитъ къ безднѣ отрицанія, а часть его послѣдователей прямо впала въ атеизмъ и матеріализмъ» [1]).

* * *

Въ своемъ стремленіи примирить философію съ религіей или, вѣрнѣе, дать философское оправданіе православію, русскіе мыслители и писатели конца 30-хъ и начала 40-хъ годовъ вернулись къ тому же увлеченію мистикой, которое замѣтно было и у нѣкоторыхъ масоновъ екатерининской эпохи и у современниковъ Александра I, послѣдователей госпожи Крюднеръ. Это движеніе, особенно сильно сказавшееся, какъ мы видѣли, въ годы, предшествовавшіе нашествію Наполеона и слѣдовавшіе за нимъ, сказывается съ новой силой въ сороковые годы прошлаго столѣтія. Кирѣевскій, Шевыревъ, князь Одоевскій, Титовъ, одинаково интересуются мистическимъ ученіемъ Бадеера и Сенъ-Мартена, того самаго автора книги «О заблужденіяхъ и объ истинѣ», которую екатерининское начальство разыскивало у масоновъ. Кирѣевскій болѣе знакомъ съ русскими, нежели нѣмецкими массонами. Одоевскій, наоборотъ, на послѣднихъ строитъ свои представленія о молитвѣ, магнетизмѣ, сновидѣніяхъ. Въ разговорѣ съ Шеллингомъ онъ подымаетъ вопросъ и о мистикѣ. «Что вы думаете о Сенъ-Мартенѣ?» спрашиваетъ онъ мюнхенскаго философа. «Много прекраснаго и глубокаго», отвѣчалъ Шеллингъ, «но мнѣ кажется, что многое у него не оригинально, но заимствовано». Въ Россіи велико число его послѣдователей? «О, нѣтъ», отвѣчаетъ Одоевскій. «Но такъ было въ высшемъ обществѣ?» продолжаетъ Шеллингъ. «Да, но не теперь. Ко мнѣ Сенъ-Мартенъ попалъ въ руки благодаря моей библіоманіи. Читая его, я былъ пораженъ сходствомъ съ вашими мыслями, хотя это совсѣмъ другое дѣло». Шеллингъ: «Да, это сходство дѣйствительно существуетъ. Много отдѣльныхъ глубокихъ мыслей, но это не философія въ собственномъ смыслѣ»... «А что вы думаете о Бадеерѣ?» слѣдуетъ вопросъ Одоевскаго. «Этотъ человѣкъ былъ въ противорѣчіи съ самимъ собой», отвѣчаетъ Шеллингъ, «онъ имѣлъ нѣсколько оригинальныхъ мыслей и былъ интересенъ на первыя двѣ, три встрѣчи, а потомъ повторялъ все одно и то же... Во

---

[1]) Сакулинъ, т. I, стр. 389.

время вѣнскаго конгресса онъ адресовался ко всѣмъ государямъ и просилъ денегъ, представляя свой планъ сочиненія въ пользу христіанства. Одинъ вашъ Александръ обратилъ на него вниманіе и, при пособіи госпожи Эльбитъ, Бадееръ во всю жизнь Александра получалъ пенсію».

Когда началось увлеченіе Одоевскаго мистиками,—съ точностью сказать трудно, но въ эпоху его бесѣды съ Шеллингомъ онъ былъ уже начитанъ въ сочиненіяхъ не только Сенъ-Мартена и Бадеера, съ которымъ лично былъ знакомъ и Шевыревъ, но и цѣлаго ряда другихъ мистиковъ и даже средневѣковыхъ кабалистовъ.

Бадеера очень высоко ставили какъ Титовъ, такъ и Шевыревъ, вѣроятно, по той причинѣ, что больше другихъ Бадееръ относился сочувственно какъ къ русской религіи, такъ и къ русскому политическому строю; въ статьѣ о христіанской философіи подъ заглавіемъ «Бесѣды Бадеера» Шевыревъ изложилъ слышанныя имъ изъ устъ самого автора его основные философскіе взгляды. По его словамъ, Бадееръ принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ мыслителей Германіи и занимаетъ первое мѣсто между тѣми, которые задали себѣ цѣлью—примирить философію съ религіей. Онъ глубже, чѣмъ всѣ другіе, постигъ истинныя начала христіанской философіи и черпаетъ ихъ въ самомъ первоисточникѣ... Онъ изучаетъ Библію, Евангеліе, отцовъ церкви и нѣмецкихъ мистиковъ, въ частности Якова Бэма. Онъ не протестантъ и не католикъ; онъ каѳоликъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова и всего болѣе сочувствуетъ ученію восточной церкви [1]).

Титовъ также высокаго мнѣнія о Бадеерѣ. Онъ имѣлъ возможность бесѣдовать съ нимъ нѣсколько разъ. «Любимая его идея», пишетъ Титовъ, «возстановленіе догматическаго чистаго католицизма, но безъ папы». Онъ не сомнѣвается въ томъ, что это возможно, съ чѣмъ самъ Титовъ, повидимому, не согласенъ. «Что касается реформы католицизма», замѣчаетъ онъ, «о которой толкуетъ мой добрый Бадееръ, то я повѣрю ея возможности, когда найдутъ способъ отрубить голову отъ туловища такъ искусно, чтобъ человѣкъ не издохъ». Привлекаетъ также Титова къ Бадееру и то, что онъ рѣшительный защитникъ не только монархическаго, но даже неограниченнаго образа правленія. Онъ ненавидитъ возникшую въ нашемъ вѣкѣ аристократію движимыхъ капиталовъ. «Въ Западной Европѣ», говоритъ онъ, «личная зависимость въ

1) «Москвитянинъ» 1814 г. томъ III, стр. 378.

сто разъ хуже, чѣмъ была въ средніе вѣка. Тогда человѣкъ былъ прикованъ къ землѣ, а теперь къ деньгамъ; тогда владѣлецъ былъ заинтересованъ въ нравственномъ благополучіи подчиненныхъ, они были отецъ и сынъ, а теперь они относятся другъ къ другу, какъ наемщикъ къ наемнику и одному горя мало до другого» [1]).

Самъ князь увлеченъ этой новой мистикой. «Въ его библіотекѣ», пишетъ Сакулинъ, «оказалось нѣсколько сочиненій Бадеера. Если Кирѣевскій главнымъ образомъ читаетъ тогда Паисія Величковскаго, его книгу «О добротолюбіи», представлявшую сборникъ твореній 24-хъ Отцовъ Восточной церкви, то Одоевскій, также знакомый съ этой книгой, болѣе увлекается Бадееромъ. Не говоря уже о Сенъ-Мартенѣ, дорогомъ еще русскимъ мистикамъ XVIII-го вѣка, Сакулинъ указываетъ на то, что рядомъ съ Сенъ-Мартеномъ Одоевскій читалъ еще Порзента, англійскаго мистика XVII-го вѣка, и посвящаетъ цѣлый рядъ страницъ изложенію его ученія. Мы, разумѣется, не послѣдуемъ за нимъ, такъ какъ для насъ важны только тѣ источники, въ которыхъ писатели и мыслители 30-хъ и 40-хъ годовъ черпали свои философско-религіозныя воззрѣнія. Къ чему привело ихъ это смѣшеніе философіи съ мистикой, можно судить по тѣмъ разсужденіямъ и отдѣльнымъ замѣткамъ, какіе нашему неутомимому изслѣдователю удалось открыть въ бумагахъ Одоевскаго и использовать для его характеристики. Въ числѣ этихъ незаконченныхъ и не появившихся въ печати разсужденій имѣется отрывокъ первой главы: «Опыта о природѣ и человѣкѣ». Одоевскій задумывалъ также написать теософскую Физику, но ни та, ни другая работа, не были доведены до конца. «Исходнымъ пунктомъ для Одоевскаго», пишетъ Сакулинъ, «послужила натурфилософія Шеллинга и Окена, но къ этому ядру», какъ онъ выражается, «его творческая мысль присоединила нѣчто взятое изъ мистической космографіи, между прочимъ, изъ космографіи Порзента. Изъ сочетанія этихъ элементовъ должна была образоваться русская система (système russe)». Я преклоняюсь передъ терпѣніемъ, съ какимъ Сакулинъ изучилъ всѣ эти отрывки, но расхожусь съ нимъ въ признаніи ихъ значенія для исторіи развитія русской мысли. Говоря откровенно, они производятъ на меня впечатлѣніе необыкновеннаго сумбура, какъ и все то, что тотъ же Одоевскій изложилъ на французскомъ языкѣ, въ двухъ неоконченныхъ трактатахъ, вѣроятно, долженствовавшихъ составить

[1]) Письмо Титова къ князю Одоевскому изъ Пер. отъ 16-го марта 1836 года. Цитировано Сакулинымъ на стр. 334 и 335 тома I его изслѣдованія о князѣ Одоевскомъ.

часть одного цѣлаго, и озаглавленныхъ одинъ «Пролегомены», а другой «Физика русской системы» (Fisique systéme russe). Только съ цѣлью освѣтить мое положеніе нѣсколькими примѣрами, я позволю себѣ привести рядъ выдержекъ.

«Внутренняя сущность вещей», пишетъ Одоевскій, «необходимо соотвѣтствуетъ ихъ внѣшнимъ формамъ. Созерцаніе внѣшнихъ формъ должно привести насъ къ сознанію ихъ сущности, хотя впрочемъ нельзя понять внѣшнихъ формъ безъ познанія ихъ внутренней сущности. Въ природѣ все метафора одно другого. Жизнь растенія метафора жизни человѣка, жизнь человѣка метафора временъ. Между явленіями въ природѣ, имѣющими сильное дѣйствіе, и между людьми, имѣющими сильное дѣйствіе на людей, должна существовать аналогія до самыхъ мельчайшихъ подробностей, каковы имя, отчество и прочее. Предметы физическаго міра, ограниченные пространствомъ и временемъ, разнообразны по своимъ формамъ; уже одно это указываетъ на существованіе безконечности, вѣчности, какъ міровыхъ началъ, которыя суть только формы первичной субстанціи вещей». Можно было бы цитировать цѣлыми страницами подобную же, говоря откровенно, галиматью. Еще больше ея, разумѣется, въ томъ отдѣлѣ, который представляетъ въ очень неопредѣленномъ смыслѣ то, что Сакулинъ называетъ психологіей Одоевскаго и что преисполнено всякаго рода разсужденіями о таинственныхъ наукахъ, которыми якобы обладало средневѣковое человѣчество подъ названіемъ магіи, кабалы, алхиміи и прочее. Встрѣчается, напримѣръ, утвержденіе, что ложная теорія навела алхимиковъ на гораздо большее число открытій, нежели всѣ осторожныя изысканія нынѣшнихъ химиковъ. «Сны кажутся намъ нелѣпостями», разсуждаетъ Одоевскій, «но, можетъ быть, существо сна есть нисхожденіе въ другой міръ». Одоевскій сожалѣетъ, что мы мало изучаемъ законы того особаго міра. Свои мысли о привидѣніяхъ, суевѣрныхъ страхахъ, обманахъ чувствъ, кабалистикѣ, алхиміи и другихъ таинственныхъ наукахъ Одоевскій обнародовалъ въ 1838-мъ году въ письмѣ къ графинѣ Э. П. Р. (вѣроятно, Ростопчиной). Въ томъ, что Сакулинъ сообщаетъ намъ изъ этихъ писемъ и другихъ неизданныхъ источниковъ, не оставило во мнѣ впечатлѣнія чего-либо не только серьезнаго, но и просто яркаго. Одоевскій ждетъ наступленія того дня, когда наука неотрицаемымъ образомъ покажетъ произведеніе вещества отъ невещественной силы. «Тогда исчезнутъ всѣ такъ называемыя невѣсомыя тѣла и другія выдумки эмпиризма», говоритъ онъ, «и какой стыдъ тогда будетъ для ученыхъ».

Я не вдаюсь въ разсмотрѣніе взглядовъ Одоевскаго на эстетику, на которые, какъ пишетъ его біографъ, особенное вліяніе оказали взгляды Шеллинга, но позволю себѣ еще нѣсколько выдержекъ съ цѣлью показать, какъ мало отвѣчаютъ понятію соціологіи тѣ разрозненныя и несуразныя мысли, которыя Сакулинъ нашелъ частью въ отпечатанныхъ, частью въ неизданныхъ разсужденіяхъ князя Одоевскаго. Это или избитыя мысли, или ни на чемъ не основанныя догадки. Такъ совершенно вѣрно, но далеко не ново со временъ Паскаля, Тюрго и Кондорсе, то положеніе, что человѣчество прогрессивно развивается, потому что духъ человѣка безпрестанно движется; но все дальнѣйшее представляетъ какую-то странную фантасмагорію. «Эпоха слабости и реакціи обусловливается», по мнѣнію Одоевскаго», тѣмъ, что матерія не успѣваетъ за духомъ; что духъ предвидитъ въ одно мгновеніе, — на повѣрку того матерія употребляетъ годы и духъ, будучи въ оковахъ вещества, какъ бы боится идти далѣе, не провѣривши своихъ прежнихъ произведеній»; или еще: «въ геометрической прогрессіи измѣняемости явленій должно искать причину, почему во всѣ вѣка полагали близкую кончину земного шара». Можно, конечно, согласиться, что Одоевскому не чужды уже ходившія въ его время идеи о томъ, что общество составляетъ организмъ, что на человѣка вліяютъ физическія условія. Самъ Сакулинъ указываетъ, что въ этомъ отношеніи Одоевскій повторяетъ Кетле. Болѣе спорно то положеніе, что идеалъ общества составляетъ полное развитіе наукъ, искусства и религіи и, разумѣется, совершенно бездоказательно, что монархическая форма правленія наиболѣе способствуетъ такому развитію. Еще болѣе спорно, чтобы образованность древнихъ исчезла потому, что она носила исключительно матеріальный характеръ. Я полагаю, что этихъ немногихъ выдержекъ достаточно, чтобы показать, какъ мало нѣмецкая философія съ примѣсью мистицизма помогла Одоевскому разобраться въ основныхъ мысляхъ, на которыхъ опирается его не то, что философская система, а простое пониманіе природы человѣка. Не жалѣть, а радоваться надо тому, что большая часть этихъ сумбурныхъ замѣтокъ осталась погребенной въ архивѣ и увидѣла впервые свѣтъ только благодаря трудолюбію проф. Сакулина.

Максимъ Ковалевскій.

ЧЕТВЕРТЬ ВѢКА ПОЛИТИЧЕСКАГО УЧИТЕЛЬСТВА.

К. К. Арсеньевъ. „За четверть вѣка“ (1871—94 г.г.). Сборникъ статей. Петроградъ. 1915 г.

Въ 1908 году праздновался пятидесятилѣтній юбилей литературной дѣятельности К. К. Арсеньева. И тогда основнымъ тономъ всѣхъ устныхъ и письменныхъ къ нему обращеній служили привѣтствія его, какъ учителя конституціонализма.

Дѣйствительно, въ этихъ двухъ словахъ «учитель конституціонализма» заключается вѣрное и полное опредѣленіе общественнаго значенія и публицистической роли К. К. Арсеньева. Въ теченіе долгаго ряда лѣтъ, пока слагалось конституціонное теченіе въ русскомъ обществѣ, приведшее къ освободительному движенію и давшее въ итогѣ манифестъ 17 октября, К. К. Арсеньевъ каждый мѣсяцъ, со страницъ «Вѣстника Европы», говорилъ по безконечно разнообразнымъ поводамъ, но всегда неизмѣнно одно и то же. Онъ раскрывалъ все несоотвѣтствіе обветшавшихъ «исконныхъ» началъ нашего стараго государственнаго строя и всю невозможность ихъ оживить въ приложеніи къ тѣмъ новымъ условіямъ жизни, которыя создали освобожденіе крестьянъ и другія реформы Александра II. Непоколебимый поборникъ гражданской свободы, онъ, съ одной стороны, не пропускалъ ни одного случая, чтобы показать, что́ даютъ и къ чему приводятъ произволъ и начальственное усмотрѣніе, а съ другой—проводилъ въ сознаніе будущихъ гражданъ уваженіе къ закону и къ органамъ его примѣненія, къ суду. Вступаясь со всей силой логики за право свободной мысли и свободнаго слова, онъ училъ понимать и уважать чужія мнѣнія и отличать, что́ допустимо и что не допустимо въ политической борьбѣ.

К. К. Арсеньева читали въ мрачные годы предконституціонной реакціи и враги, и друзья,—и министры, и губернаторы,

и земцы, и профессора университетовъ, и дѣятели суда. Для однихъ его слова служили укоромъ совѣсти; другимъ они давали утѣшеніе и поддержку въ самыя тяжелыя минуты. И тѣ и другіе одинаково, однако, ждали перваго числа мѣсяца и новой книги «Вѣстника Европы», чтобы узнать, что скажетъ Арсеньевъ. Онъ не ставилъ своего имени подъ «Внутреннимъ Обозрѣніемъ» и подъ «Изъ общественной хроники». Но аудиторія «Вѣстника Европы» знала его, знала егостиль, и ей не нужно было подписи.

Просматривая свои статьи,—пишетъ К. К. Арсеньевъ въ предисловіи къ нынѣ выпущенной книгѣ,—«я пришелъ къ мысли, что темы, которымъ онѣ посвящены, не всѣ и не совсѣмъ отошли въ прошедшее.» Русская государственная и общественная жизнь—продолжаетъ онъ—обновляется медленно и трудно. Несмотря на крутой поворотъ, совершившійся въ ней десять лѣтъ тому назадъ, многое остается въ томъ же видѣ играетъ ту же роль, возбуждаетъ тѣ же споры, какъ и при господствѣ стараго режима».

Эта «медленность» обновленія нашей государственной и общественной жизни, сохраняя за книгой значеніе современности, не устраняетъ ея значенія, какъ сборника историческихъ документовъ. Если «не всѣ» очередныя темы, которыя мѣсяцъ за мѣсяцемъ выдвигались въ 1871—1894 г.г., и «не совсѣмъ» отошли въ прошлое, то въ отношеніи многихъ изъ нихъ въ корнѣ измѣнились сужденія и противоположныхъ лагерей печати, и власти. Весьма замѣтно, судя по статьямъ К. К. Арсеньева, измѣнились и пріемы публицистическаго изложенія, частью, но не исключительно, въ связи съ измѣненіемъ внѣшнихъ условій положенія печати.

Вниманіе современнаго читателя, несомнѣнно, остановятъ въ первыхъ по времени статьяхъ К. К. Арсеньева частыя отступленія отъ темы въ область общихъ вопросовъ, теоретическихъ разсужденій и историческихъ справокъ. Такъ теперь публицисты не пишутъ. Да и въ статьяхъ самого К. К. Арсеньева, относящихся къ концу двадцатипятилѣтняго періода, такихъ отступленій уже гораздо меньше. Знаніе исторіи и иностраннаго права и умѣлое пользованіе соотвѣтственными примѣрами и справками всегда составляло и составляетъ до сихъ поръ особенно сильную сторону во всѣхъ работахъ К. К. Арсеньева. Но если въ настоящее время, разбирая тотъ или другой вопросъ, онъ отводитъ примѣрамъ и справкамъ строчки, то тогда, въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, ему приходилось имъ посвящать цѣлыя страницы. И если бы онъ такъ не дѣлалъ, онъ не былъ бы политическимъ учителемъ. Тогда необходимо было подробно говорить

о томъ, что теперь всѣ знаютъ и чего теперь не нужно объяснять. Тогда нужно было выяснять разницу между судомъ и административной расправой и доказывать преимущества судебнаго разсмотрѣнія уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ. Тогда нужны были аргументы, чтобы возражать противъ запрета принимать въ гимназіи «кухаркиныхъ дѣтей» и чтобы имѣть право негодовать на закрытіе высшихъ женскихъ курсовъ.

Въ данномъ отношеніи, конечно, отражалось на публицистическомъ творчествѣ и цензурное ярмо. Достаточно сказать, что учитель конституціонализма, цѣлыхъ двадцать пять лѣтъ неотступно внѣдряя въ сознаніе читателей конституціонную идею, ни разу въ приложеніи къ Россіи не сказалъ слова «конституція». И это было отнюдь не одно запретное слово. Тогда ихъ было несчетное множество. Понятно, что писать коротко и сжато было невозможно. Цензура вынуждала термины замѣнять описаніями. Цензура того времени вообще создавала для либеральнаго писателя невѣроятно трудную задачу: писать такъ, чтобы главное было заключено не въ строкахъ, а между строками, чтобы читатель понималъ недосказанное и воспринималъ недоговоренное. И книга К. К. Арсеньева свидѣтельствуетъ, что онъ всегда находилъ способъ разрѣшить задачу. Отсюда и вытекаетъ та бѣшеная злоба, съ которой обрушивался на «Вѣстникъ Европы» Катковъ.

Полемикѣ съ Катковымъ и съ Ив. Аксаковымъ посвящена значительная часть статей, собранныхъ въ первой половинѣ книги. Какъ живая, встаетъ изъ-подъ разбора и возраженій К. К. Арсеньева проповѣдь «возврата домой» Аксакова и ярко вспоминается та горячность, съ которой онъ пытался доказать болѣе, чѣмъ рискованное положеніе, что террористическіе акты и бомбу, убившую Александра II, создалъ берлинскій трактатъ. К. К. Арсеньевъ подвергалъ спокойному разсудочному анализу то, что Аксакову диктовали преданность славянофильской идеѣ и не столько разумъ, сколько чувства, и онъ тѣмъ вѣрнѣе выходилъ побѣдителемъ изъ спора.

Тѣ же полемическіе пріемы прилагалъ К. К. Арсеньевъ къ выкрикамъ и извѣтамъ Каткова. И, конечно, подъ ударами спокойнаго анализа, выкрики теряли всякое содержаніе. Полемика съ Катковымъ особенно ярко раскрываетъ разницу между нынѣшнимъ временемъ и тѣмъ, къ которому относятся статьи К. К. Арсеньева. Теперь тоже постоянно кричатъ на тѣ же темы «Земщина», «Русское Знамя» и подобныя имъ изданія. Не отстаютъ отъ нихъ порою и «Московскія Вѣдомости». Правда, со смертью Каткова изъ этой публицистики исчезъ безъ слѣда

катковскій талантъ. Но суть дѣла не въ талантливости Каткова и не въ бездарности его политическихъ преемниковъ. Суть заключается въ томъ, что Каткова слушали, что къ Каткову прислушивались; крики же нынѣшней черной сотни безнадежно замираютъ на столбцахъ газетъ, которыхъ никто не читаетъ. И въ ту эпоху, впрочемъ, къ ея концу, сила выкриковъ уже упала. Въ 1891 году К. К. Арсеньевъ ограничился тѣмъ, что лишь отмѣтилъ, назвавъ ее «великолѣпной», формулу К. Леонтьева: «русскій народъ долженъ быть ограниченъ, привинченъ, сызнова и мудро стѣсненъ въ своей свободѣ».

Полемическій характеръ большой части статей К. К. Арсеньева для тѣхъ, кто не переживалъ той эпохи, пожалуй, не будетъ понятенъ. Но кто ее переживалъ, тѣ помнятъ, что это была единственно возможная форма писать по жгучимъ злобамъ дня. Какъ въ предшествующее двадцатипятилѣтіе литературная критика была единственно доступной формой изложенія отвлеченныхъ мыслей вообще, такъ въ послѣдующее—возражать противъ реформъ наоборотъ возможно было не иначе, какъ въ формѣ возраженія тѣмъ, кто ихъ превозносили въ печати. Когда одна за другой являлись новеллы, обрѣзывавшія коренныя начала судебныхъ уставовъ, нельзя и думать было ихъ непосредственно осуждать. Приходилось ждать восторженнаго привѣтствія новеллъ, чтобы, и то съ оглядкой, говорить о неправотѣ привѣтствовавшихъ. По счастью для лѣвой печати, привѣтствія ждать себя не заставляли.

Въ одной изъ статей К. К. Арсеньевъ, еще въ 1882 году, чрезвычайно мѣтко опредѣлилъ и общія черты того, что писали Аксаковъ и Катковъ, и линію, ихъ раздѣлявшую. «Обѣ московскія газеты,—говорилъ онъ,—выражаютъ собою направленіе, болѣе чѣмъ когда-нибудь сильное въ настоящую минуту. Направленіе это имѣетъ свои оттѣнки. Одинъ изъ нихъ представленъ спеціально «Русью», другой — «Московскими Вѣдомостями». Несмотря на всѣ грѣхи нашихъ нео-славянофиловъ, мы, конечно, не можемъ поставить ихъ на одну доску съ фанатиками реакціи. Мы констатируемъ только тотъ несомнѣнный фактъ, что между тѣми и другими есть много общаго. *Любятъ они не совсѣмъ одно и то же, но въ ненависти сходятся почти всегда*».

Безпрерывной чередой проходятъ въ книгѣ К. К. Арсеньева вопросы дворянскій, крестьянскій, церковный, польскій, финляндскій, еврейскій и т. д., и т. д. Изъ всѣхъ нихъ получилъ разрѣшеніе, такъ роковымъ образомъ запоздавшее, только одинъ—

вопросъ польскій. И поскольку не разрѣшены остальные, постольку правъ К. К. Арсеньевъ, отмѣчая, что «кое-что» изъ сказаннаго имъ тогда «примѣнимо и къ обстоятельствамъ настоящаго времени». Не «кое-что» только, къ сожалѣнію, примѣнимо, а цѣлые десятки, если даже не сотни, страницъ. Въ вопросахъ финляндскомъ и еврейскомъ именно тогда зарождалась ихъ нынѣшняя постановка. Но особенно будетъ любопытно для современника возстановить теперь, черезъ тридцать четыре года, споръ между Арсеньевымъ и Аксаковымъ по церковному вопросу.

По поводу высказанной въ либеральной печати мысли, что въ Россіи есть свой клерикализмъ, свои клерикалы, Аксаковъ пришелъ въ негодованіе. «Клерикализмъ въ Россіи?!»—не то спрашивалъ, не то восклицалъ онъ. «Но вѣдь это явленіе взято изъ западно-католическаго міра? Вѣдь оно значитъ: вторженіе властолюбиваго латинскаго духовенства въ сферу жизни государственной и общественной, за предѣлы, подобающіе званію и вліянію духовнаго пастыря. Съ клерикализмомъ боролись и борются Италія, Испанія, Франція. Но въ исторіи русской церкви и государства, если и былъ серьезный клерикалъ, такъ развѣ Никонъ, да и тотъ кончилъ свое поприще заточеніемъ. Нашего бѣднаго сельскаго священника нужно чуть не за рясу тащить въ народную школу для исполненія своей прямой обязанности ученія и вообще для «оказанія своего вліянія», а тутъ его вдругъ либералы и бюрократы возмнили наиопаснымъ человѣкомъ, отъ вліянія котораго нужно какъ можно скорѣе уберечь русскій простой народъ!»

«Въ этой аргументаціи—съ обычнымъ спокойствіемъ отвѣчалъ К. К. Арсеньевъ,—забыто только одно: забыта возможность самобытнаго возникновенія въ Россіи явленій, конечно, не тождественныхъ, но однородныхъ, аналогичныхъ съ явленіями западно-европейской жизни». И затѣмъ онъ давалъ слѣдующее опредѣленіе клерикализма: «Клерикализмъ—это вторженіе церковнаго, конфессіональнаго элемента (представляемаго не однимъ только духовенствомъ) въ государственную, общественную и умственную жизнь (или въ одну изъ этихъ областей), съ цѣлью подчинить ее дѣйствію неподвижныхъ, не подлежащихъ критикѣ началъ, заимствуемыхъ изъ спеціальной сферы и только въ ней имѣющихъ право на существованіе».

Это опредѣленіе, мало сказать, сохраняетъ свою полную силу въ приложеніи къ нынѣшнему положенію у насъ церковнаго вопроса, но оно получило, въ условіяхъ новаго государ-

ственнаго строя, такія подтвержденія, которыхъ въ 1881 году и самая пылкая фантазія не могла нарисовать въ воображеніи. Конкретно подкрѣпляя свой тезисъ, К. К. Арсеньевъ писалъ: «Духовная цензура, не ограничивающаяся произведеніями спеціально-духовнаго содержанія; духовный судъ по дѣламъ не спеціально-церковнымъ; преслѣдованіе церковью, совмѣстно съ свѣтской властью, ересей, расколовъ и вообще отпаденій или уклоненій отъ церковнаго ученія; преобладающее положеніе духовенства въ народной школѣ—все это или продукты клерикализма, или основы для его развитія».

Что осталось бы отъ восклицаній Аксакова, если бы Арсеньевъ могъ тогда привести его въ Таврическій дворецъ и показать ему пятьдесятъ-шестьдесятъ батюшекъ, вершающихъ дѣла свѣтскаго законодательства подъ бдительнымъ наблюденіемъ церковной власти, не скрывающей, что священнослужитель, въ какихъ бы условіяхъ онъ ни находился, долженъ подчинять себя и свою волю «дѣйствію неподвижныхъ, не подлежащихъ критикѣ началъ», — въ частности началу церковной дисциплины? Утвержденію о существованіи клерикализма въ Россіи Аксаковъ противополагалъ образъ «бѣднаго сельскаго священника», котораго «нужно чуть не за рясу тащить для оказанія своего вліянія». Что онъ могъ бы сказать, если бы его вниманію былъ представленъ архіепископъ, говорящій въ храмѣ проповѣдь противъ парламентскаго прогрессивнаго блока? Могъ ли бы онъ не отказаться отъ своего «негодованія», если бы на его глазахъ проходили выборы въ четвертую Думу, когда выборный успѣхъ опредѣлялся, главнымъ образомъ, волею «ихъ превосходительствъ» и «ихъ преосвященствъ»?

Чрезвычайно рельефную характеристику ближайшему прошлому далъ К. К. Арсеньевъ въ январскомъ внутреннемъ обозрѣніи за 1886 годъ. Онъ изобразилъ это прошлое въ формѣ графической таблицы, въ которой нанесъ три магистральныя и нѣсколько второстепенныхъ линій.

«Для наименованія первой линіи могли бы быть выбраны различные термины, смотря по точкѣ зрѣнія составителей таблицы; одни могли бы назвать ее путемъ «возвращенія правительства», другіе — путемъ «преобразованій наоборотъ» или обратнымъ путемъ русскаго прогресса. Ея исходнымъ пунктомъ было бы 29-е апрѣля 1881 г., ея главными этапами положеніе объ усиленной охранѣ, временныя правила о печати 1882 г., измѣненія въ военно-уголовномъ процессѣ, index librorum prohibitorum 1884 г., университетскій уставъ, закрытіе Кахановской

комиссіи, законъ 20 мая 1885 г.; вдали, въ качествѣ логическаго ея завершенія, виднѣлась бы отмѣна тѣхъ или другихъ главныхъ основаній судебной реформы, земскаго и городского самоуправленія».

«Вторая линія отправлялась бы отъ закона о выморочныхъ дворянскихъ имѣніяхъ и нѣсколько времени точно искала бы своей дороги; законъ о ссудахъ подъ соло-векселя землевладѣльцевъ стоялъ бы еще на распутьѣ, положеніе о дворянскомъ земельномъ банкѣ знаменовало бы собою рѣшительный выборъ направленія. Въ дальнѣйшемъ, предполагаемомъ продолженіи своемъ, вторая линія приближалась бы къ первой (вопросъ объ административной реформѣ, вопросъ о наймѣ сельскихъ рабочихъ),—приближалась бы къ ней настолько, что возникалъ бы вопросъ, сольются ли онѣ въ одно цѣлое, или же какая-нибудь изъ нихъ поглотитъ другую. Это—линія перехода къ сословному, или, лучше сказать, къ спеціально-дворянскому принципу».

«Третья линія, появляющаяся на таблицѣ уже готовою, обнимала бы собою прекращеніе раздачи должностнымъ лицамъ казенныхъ земель, пониженіе выкупныхъ платежей, отмѣну подушной подати, открытіе крестьянскаго поземельнаго банка, измѣненіе правилъ объ арендованіи казенныхъ оброчныхъ статей, регламентацію фабричной работы малолѣтнихъ, учрежденіе фабричной инспекціи и податныхъ инспекторовъ, установленіе налога съ наслѣдствъ, дополнительнаго и раскладочнаго сбора съ торговыхъ предпріятій, налога на процентныя бумаги; вопросительный знакъ, стоящій въ ея заключеніи, относился бы къ дальнѣйшему регулированію фабричнаго труда (въ интересахъ рабочихъ) и къ установленію подоходнаго налога. Это — линія, ведущая къ облегченію массы, къ поднятію матеріальнаго благосостоянія народа»...

Трактуя объ этихъ линіяхъ и разбирая бюрократическій и сословный типы административной реформы, К. К. Арсеньевъ, между прочимъ, выразилъ мнѣніе, что первый изъ нихъ былъ бы меньшимъ зломъ, сравнительно съ послѣднимъ. Подъ рукой «Московскихъ Вѣдомостей» это мнѣніе превратилось въ формулу: «правительство есть несомнѣнное зло». Далѣе газета объявила «Вѣстникъ Европы» органомъ «партіи упраздненія правительства», такъ какъ журналъ установилъ и поддерживаетъ тезисъ: «чѣмъ лучше правительство исполняетъ свои обязанности, тѣмъ хуже для благосостоянія народа»... Этихъ явно и откровенно расчитанныхъ на доносъ передержекъ даже спокойствіе К. К.

Арсеньева не выдержало. Онъ назвалъ замѣтку, въ которой отвѣчалъ «Московскимъ Вѣдомостямъ»: «Ябедники въ Москвѣ».

К. К. Арсеньевъ заканчиваетъ предисловіе къ книгѣ слѣдующими словами: «Мало отраднаго мнѣ приходилось отмѣчать въ той лѣтописи текущихъ событій, которую я велъ въ продолженіе многихъ десятилѣтій; но все же я могу сказать, словами Некрасова, что, «завершая свой жизненный путь, я къ лучшему шагъ замѣчаю». Мы, его ученики, воспитанные на его лѣтописи, имѣемъ право и должны къ стиху Некрасова прибавить: «и въ томъ, что ты замѣчаешь шагъ къ лучшему, много, очень много принадлежитъ тебѣ, дорогой учитель»...

В. Кузьминъ-Караваевъ.

РАЗСКАЗЫ МАРІИ РОДЗЕВИЧЪ.

I.

Хлѣбъ насущный.

Желѣзнодорожный поѣздъ пролетѣлъ по мосту и наполнилъ грохотомъ мертвую тишь пустынной мѣстности. Линія шла черезъ болота и рукава лѣниво текущей рѣчки и бѣлой тесьмой искусственной насыпи перерѣзывала ея мокрыя низины. Кругомъ, насколько хваталъ глазъ, тянулись однообразныя пространства черной воды, мелкаго лозника и торфа, покрытаго рѣдкой травой и сѣдымъ мохомъ. Никто здѣсь не селился, никто не косилъ травы, и единственнымъ обитателемъ этихъ мѣстъ былъ сторожъ, нанятый для охраны прилегавшаго къ этимъ болотамъ помѣщичьяго лѣса. Строго говоря, его служба нужна была только зимою, когда ледъ и морозъ сковывалъ топи; лѣтомъ же пробраться сюда не было никакой возможности.

Сторожъ этотъ жилъ въ старой сѣрой хибаркѣ на островѣ. У него не было ни поля, ни огорода, и онъ отъ скуки охотился и ловилъ рыбу. Охота не особенно удавалась старику, такъ какъ ружье у него было скверное, купленное у кузнеца за два рубля, да и частенько не хватало либо пороху, либо пистоновъ; но зато онъ мастерски плелъ сѣти для рыбы и имѣлъ лодку, сдѣланную изъ стараго корыта, и уловъ часто бывалъ обильный. Онъ кормился рыбой, сушилъ ее впрокъ и цѣлые дни занимался этимъ.

Случилось такъ, что сторожъ проѣзжалъ на лодкѣ недалеко отъ желѣзнаго моста приблизительно черезъ четверть часа послѣ прохода поѣзда и вдругъ услышалъ на мосту какіе-то звуки. Онъ поднялъ голову, заслонилъ глаза отъ солнца и въ багровомъ сіяніи заката увидѣлъ человѣческую фигуру, идущую

по рельсамъ. Человѣкъ казался крохотнымъ среди огромнаго желѣзнаго скелета моста—вѣроятно, это стрѣлочникъ,—подумалъ старикъ.

По цѣлымъ недѣлямъ не видавшій людей, онъ съ любопытствомъ разсматривалъ незнакомца. Тотъ казался ему могучимъ и сильнымъ существомъ. Навѣрное, у него есть спички, табакъ, онъ могъ достать водки, закуски и зналъ много новостей, потому что возвращался, вѣроятно, со станціи въ свою сторожку, около насыпи. Прищуренные отъ солнца, зоркіе глаза стараго рыбака не отрываясь слѣдили за счастливцемъ; ему хотѣлось поговорить съ нимъ, разспросить, но было слишкомъ далеко и высоко—не услышитъ!

На самой серединѣ моста человѣкъ остановился, поглядѣлъ внизъ въ черную пропасть рѣки, съ минуту чернымъ паукомъ мелькнулъ на кровавомъ фонѣ неба и упалъ внизъ. Послышался глухой ударъ, плескъ воды и крикъ тонувшаго. Рыбакъ инстинктивнымъ движеніемъ хватился за весло, оттолкнулъ свою лодку отъ берега и сталъ править въ сторону происшествія. Тамъ еще тревожно пузырилась вода, взбаламученная борьбой жизни со смертью. Доѣхавъ къ мѣсту, рыбакъ увидѣлъ, что въ водѣ что-то движется, нагнулся и протянулъ весло. Рука утопающаго судорожно уцѣпилась за него, тогда рыбакъ потянулъ ее, схватилъ рукавъ; потомъ его ладонь скользнула по коротко остриженнымъ волосамъ и, наконецъ, ему удалось поймать воротникъ, какъ вдругъ рука тонувшаго выпустила весло, и все тѣло стало тяжело опускаться внизъ.

Однако, старикъ держалъ воротникъ крѣпко, словно клещами. Лодку теченіемъ воды относило назадъ. Онъ направилъ ее къ берегу, подъ ракиты. Тутъ, помогая себѣ зубами, онъ втащилъ лодку въ кусты, влѣзъ въ воду и выволокъ утопленника на берегъ.

— А-а-а! это баринъ!—пробормоталъ старикъ съ изумленіемъ, увидя, что это не стрѣлочникъ, а элегантно одѣтый мужчина, въ лѣтнемъ пальто, шелковомъ пиджакѣ, желтыхъ полуботинкахъ и тонкомъ бѣльѣ.

— Пожалуй, опоздалъ я,—подумалъ старикъ и, не надѣясь на спасеніе, машинально сталъ растирать и трясти утопленника; онъ даже удивился, когда наконецъ ему удалось вызвать кашель и рвоту.

— Вотъ отчаялась душа! — бормоталъ старикъ. — Надо отвезти его въ хату. Пожалуй, къ ночи отойдетъ!

Онъ положилъ утопленника въ лодку и сталъ грести. Когда

они были на серединѣ красной отъ заката рѣки, утопленникъ пріоткрылъ глаза, оглядѣлся, замѣтилъ на себѣ пристальный взглядъ старика и спросилъ его какъ бы съ угрозой:

— Ты кто такой?..

— Я рыбу ловилъ у моста, когда вы упали. Подплылъ, вытащилъ во-время. Теперь везу въ хату.

Спасенный сталъ трястись въ лихорадкѣ; онъ снова, въ изнеможеніи, закрылъ глаза.

— Озябъ со страху!—подумалъ старикъ; снялъ съ себя кафтанъ и прикрылъ спасеннаго.

Причаливъ лодку къ островку, онъ снова долженъ былъ подымать и тащить обезсиленное тѣло незнакомца.

Старикъ уложилъ его на лежанку у печки, гдѣ самъ спалъ, и, усталый, въ раздумьи покачалъ головой.

— Что-то съ нимъ неладно! — думалось ему, — тяжелый какъ чугунъ и не глядитъ. Можетъ, отбилъ себѣ что въ середкѣ! Надо отогрѣть его.

Старикъ затопилъ печь, придвинулъ къ огню горшокъ съ кашей, укрылъ больного теплымъ тулупомъ и сталъ философски ждать дальнѣйшаго.

— Если выживетъ, то самъ о себѣ подумаетъ, а умретъ—ну, что жъ?—придется пойти на станцію, къ людямъ и заявить кому слѣдуетъ.

Хотѣлось старику перваго, потому что такъ и хлопотъ меньше, и отъ такого барина, вѣрно, награда выйдетъ, и все обойдется тихо, спокойно, безъ канители по волости и полиціи.

Старикъ принялся за работу. Онъ сталъ готовить пойманную рыбу для сушки, нанизывая ее на ивовый прутъ. Затѣмъ, когда закипѣла каша въ горшкѣ, онъ поужиналъ. Между тѣмъ на дворѣ стемнѣло. Огонь въ печкѣ тоже притухъ. Ничѣмъ не нарушаемая, короткая тишина лѣтней ночи обняла болотистую пустошь.

Старикъ зажегъ сухую лучинку и посвѣтилъ на лежанку. Больной лежалъ неподвижно, съ открытыми глазами, тупо глядя въ потолокъ. Онъ отвернулся отъ свѣта и спросилъ:

— Зачѣмъ ты меня спасъ?

— Что же мнѣ было дѣлать? Я подумалъ, что это будочникъ идетъ, подвыпивши, и голова у него закружилась. А какъ вамъ, баринъ? Полегчало?

— Что это за хата? Это деревня?

— Нѣтъ. Это сторожка.

— Ты тутъ одинъ?

— Одинъ. А вы, баринъ, здѣшній? Можетъ быть, записку отнести или привести кого надо?

— Нѣтъ.

— Попробуйте, баринъ, какъ вамъ дышется. Не попорчено ли что внутри? Сейчасъ тепло. Надо снять одежу, высушить.

— Очень я слабъ. Пусть останется такъ.

— Ладно. Какъ пропотѣете шибко, такъ къ утру все и пройдетъ. Ѣсть не хочется?

— Дай мнѣ горячаго чаю.

— Чаю? Гдѣ мнѣ чаю взять? Каша есть.

— Такъ дай молока.

— Молока? Нѣту, баринъ. Здѣсь, вѣдь, болота да рѣка. Вотъ когда отдохнете да выспитесь, я отвезу васъ подъ желѣзный мостъ, пойдете на станцію, тамъ всего есть. А теперь ночь.

— Мнѣ спать не хочется. Оставь на ночь лампу. Голова отяжелѣла, болитъ, а глазъ закрыть не могу.

— Лампы у меня нѣтъ. Вотъ щепокъ зажгу въ печкѣ, а потомъ мѣсяцъ взойдетъ. А сонъ, онъ самъ придетъ, хоть человѣку и не охота. Бываетъ, въ лѣсу вора подстеречь надо или звѣря какого. Клянешься не заснуть, а сонъ, какъ врагъ, съ ногъ повалитъ. А ужъ тутъ, подъ печкой лежа, какъ его не дождаться! Страху натерпѣлись въ водѣ-то, вотъ оно и представляется будто не въ себѣ!

Старикъ зажегъ нѣсколько щепокъ и сѣлъ на лавку у окна. Посидѣлъ, пошепталъ молитвы, затѣмъ подостлалъ подъ голову кафтанъ и легъ.

Красное пламя огня освѣщало углы хаты; потомъ луна залила ихъ своимъ серебрянымъ свѣтомъ. Было тихо. Раздавался храпъ старика, да иногда тяжкій стонъ спасеннаго имъ человѣка, который не спалъ и терзался томительной душевной мукой. Такъ прошла первая ночь.

Утромъ, рано, старикъ снова взглянулъ на лежанку подъ печкой. Баринъ не спалъ, вяло поглядѣлъ на него и отвѣчалъ слабымъ голосомъ:

— Оставь меня въ покоѣ. Заплачу тебѣ за гостепріимство.

— Не скушаете ли, баринъ, чего-нибудь?

— Не хочу ничего. Пить дай.

Старикъ подалъ ему тепловатой рѣчной воды въ жестяной кружкѣ: пахла она рыбой и ржавчиной.

Больной отпилъ глотокъ и вздрогнулъ отъ отвращенія. Затѣмъ закрылъ глаза и, помолчавъ нѣсколько секундъ, спросилъ:

— А ты бы могъ пойти или поѣхать на станцію?

— За водкой или чаемъ?

— Нѣтъ. Телеграмму послать и подождать отвѣта.

— Если сейчасъ поѣду къ мосту, то къ полдню вернусь. Но на нашей станціи буфета нѣтъ. Водки, можетъ, по знакомству и найду, а вотъ чаю.. развѣ ужъ щепотку начальникъ дастъ.

Больной полѣзъ въ карманъ, вытащилъ промокшій бумажникъ, раздобылъ оттуда листокъ бумаги, карандашъ и написалъ нѣсколько словъ.

Старикъ увидѣлъ, что въ бумажникѣ много денегъ, и почтительно выпрямился.

— Съѣзжу и мигомъ вернусь, баринъ,—сказалъ онъ, беря бумагу и пятирублевку.—Не извольте безпокоиться. А вотъ одежу вамъ бы снять бы надо, и деньги тоже на солнцѣ посушить. Когда вернусь, постираю платье въ рѣчкѣ.

— Иди скорѣй и привези отвѣтъ!

Старикъ взялъ весло изъ угла избы и ушелъ. Пораженный богатствомъ своего гостя, онъ гребъ что было силы, а затѣмъ, очутившись уже на твердой землѣ, быстро пошелъ къ станціи.

По дорогѣ онъ рѣшилъ, что лучше всего не разсказывать вовсе о происшествіи и не возбуждать любопытства людей. Не нужны ему помощники ухаживать за бариномъ, обойдется и одинъ!

Оттого старикъ обрадовался, когда увидѣлъ, что дежуритъ на телеграфѣ убогой, затерянной въ пустынѣ, маленькой станціи заспанный помощникъ, недавно поступившій, новый человѣкъ. Старикъ подалъ телеграмму, деньги и остановился въ ожиданіи, у порога. Чиновникъ прочиталъ вполголоса: «Буки. Доктору Барскому. Когда похороны Северина? Стефанъ», затѣмъ онъ сталъ разыскивать въ книгѣ, есть ли такая станція, затѣмъ написалъ расписку, отсчиталъ сдачу и наконецъ, зѣвая, взялся за аппаратъ.

— А скоро ли будетъ отвѣтъ? Я дожидаюсь,—сказалъ старикъ.

Чиновникъ равнодушно пожалъ плечами.

А въ сѣрой хибаркѣ на островѣ, среди болотъ незнакомецъ лежалъ безъ движенія, безъ воли, безъ связныхъ мыслей. Когда старикъ вышелъ, онъ сейчасъ же пожалѣлъ, что послалъ его: къ чему этотъ безсмысленный вопросъ? Но онъ не въ силахъ былъ закричать и позвать его назадъ. Что-то въ родѣ летаргической дремоты овладѣло больнымъ. Въ ушахъ у него

раздавался слабый шумъ медленно сыплющагося песку, сквозь закрытыя вѣки передъ нимъ колыхалась какая-то сѣро-бурая пропасть, перерѣзанная грязно-кровавыми линіями; во рту чувствовалъ терпкую горечь.

Руки, ноги, голова казались тяжелыми, словно изъ свинца, и неспособными къ движенію. Иногда только пробѣгалъ по тѣлу трепетъ озноба, а въ мозгу болѣзненной точкой оживало одно воспоминаніе, и снова ничего, ничего!..

Изъ этого деревяннаго оцѣпенѣнія больного пробудилъ шелестъ у окна, щебетаніе и трепыханіе птичьихъ крыльевъ. Онъ поднялъ отяжелѣвшія вѣки. Черезъ разбитое окно въ избу попала синица. Она стремилась вырваться и отчаянно билась въ стекло, на солнце, на свободу. За окномъ ея призывамъ вторило дружеское чириканіе, а изъ-подъ стрѣхи раздавался пискъ птенцовъ.

Больной видѣлъ все это, и удары птичьей груди о стекло больно отдавались у него въ мозгу. Онъ приподнялся на лежанкѣ и сѣлъ, борясь со страшной слабостью, затѣмъ всталъ, подошелъ къ окну и отворилъ его.

Синица съ звонкимъ крикомъ упорхнула на волю, а со двора ворвалась въ избу душистая лѣтняя струя. Пахнуло рѣчной свѣжестью.

Больной не вернулся на лежанку. Онъ сѣлъ на лавку у окна и подставилъ наболѣвшую голову волнѣ тепла, солнца, цѣлительной природы. Его сталъ одолѣвать сонъ.

Мать-земля ласкала его любящими руками, баюкала шепотомъ травъ, шумомъ лѣса, гудѣніемъ дикихъ пчелъ и неугомоннымъ птичьимъ гамомъ.

Пахло разогрѣтой солнцемъ древесной смолой, а синева спокойнаго неба и зелень луговъ весело пестрѣли передъ глазами, стирая старую сѣрую пелену съ грязно-кровавыми полосами. Въ ушахъ звучала величавая музыка рѣчного прибоя—царственная музыка природы.

Солнце въ багровомъ сіяніи клонилось уже къ закату, когда спящаго разбудилъ человѣческій голосъ:

— Баринъ, а баринъ! вотъ телеграмма!

Старый сторожъ стоялъ надъ нимъ съ бумагой въ рукѣ. Изъ смутныхъ грезъ приходилось сразу перейти къ дѣйствительности. Онъ сначала ничего не понималъ, не соображалъ, но потомъ вдругъ разомъ, точно молнія, вспыхнуло въ немъ сознаніе. Онъ протянулъ руку за страшной телеграммой, но не вскрывалъ ея.

Зачѣмъ? Онъ убилъ человѣка, своего пріятеля... тотъ погибъ... зачѣмъ было спрашивать о похоронахъ? зачѣмъ?

А старикъ между тѣмъ высыпалъ на столъ сдачу и говорилъ:

— Можетъ, баринъ, и заругаете, но я, грѣшный человѣкъ, водочки выпилъ и чаю купилъ, а потомъ, увидѣлъ у сторожа свѣжій хлѣбъ и взялъ на цѣлый пятиалтынный. Вотъ тутъ вся сдача.

Онъ положилъ на кривой столъ большую краюху ржаного хлѣба и бережно-почтительно накрылъ ее кускомъ холста.

Затѣмъ сталъ разводить огонь, приговаривая при этомъ:

— Хлѣбъ-то еще у меня есть, но уже мѣсяцъ лежитъ въ сѣняхъ на полкѣ и зацвѣлъ, а этотъ—прямо изъ печи. Попробовалъ—вкусъ въ немъ на диво! Сейчасъ будетъ похлебка. Поди, голодно вамъ, баринъ. Слава Богу, что встали.

— А ты говорилъ кому-нибудь, что я здѣсь?

— Да никто не спрашивалъ. Вѣдь, вы нездѣшній.

— А языкъ не чесался разсказать?

— Чего ему чесаться? Если бъ вы, не дай Боже, померли, то я бы долженъ былъ донести, а такъ, какая мнѣ охота зря болтать? Еще чего добраго полиція привяжется.

— А ты, вѣрно, думаешь, что я радъ спасенію?

— Неушто нѣтъ?—удивился старикъ.

— Я хотѣлъ умереть. Понимаешь ты?

Старикъ долго смотрѣлъ на него и покачивалъ головой.

— Значитъ, такая дурь, что-ли, напала. Смерти сами себѣ захотѣли. Ай-ай! А сильно вы, должно, пьяны были, баринъ, что разумъ потеряли.

— Не хочу я жить. И не буду!

— Эхъ, баринъ! Суждено жить, и надо жить, сколько суждено. А смерть сама придетъ. Грѣхъ этимъ шутить. Если не хочетъ брать, то не возьметъ. А вы, баринъ, еще меня когда и поблагодарите за то, что вытащилъ васъ изъ воды. Человѣкъ молодой, рано еще гнить! А вотъ еще что скажу—вы, баринъ, за мои слова не обижайтесь—у насъ въ селѣ двое повѣсились: и оба были парни гулящіе и непутевые.

— А были у васъ такіе, что другого человѣка убили?

— Были. Чему не бывать? Каждый человѣкъ, какъ разозлится, то обидчику своему смерти желаетъ. Одинъ Бога побоится, другой—суда, а есть и такой, что про все забудетъ, ударитъ въ лобъ и шабашъ.

— Какъ же такого человѣка назвать?

— Разно. Если за что стоющее...

— А что по-твоему—стоющее?

— Да вотъ, скажемъ, за землю. Если сосѣдъ твое перепахалъ, сто́итъ бить. Или лошадей увелъ конокрадъ, какъ же не бить? Вѣдь, твое, собственное, забралъ.

— А за женщину?

— Какъ это за женщину? Развѣ она не живая, или скотина какая, что ее можно ночью изъ хлѣва вывести? За бабу человѣка убить—это грѣхъ глупый. Парни иногда за дѣвку подерутся и это ужъ знакъ, что дѣвка—дрянь, озорница! А за жену чтобы одинъ на другого озлился, это, извините, чистая напасть. Ужъ если бабу скрали, то, вѣдь, не безъ ея воли. Нѣтъ, такого убійства въ нашемъ селѣ не бывало.

— А на свѣтѣ бываетъ.

— Знаю. Я по свѣту бродилъ. И въ городахъ жилъ и на станціяхъ и даже въ Америкѣ былъ.

— Что же денегъ не скопилъ?

— Отчего нѣтъ? Скопилъ малость.

— Такъ зачѣмъ же еще служишь?

— Привыкъ я. Дома рукъ довольно. Баба моя померла, а мнѣ неохота у дѣтей сидѣть да бездѣльничать. Отъ бездѣлья и сытости злыя думы одолѣваютъ. Силъ у меня ужъ немного, стерся человѣкъ на работѣ за столько лѣтъ,—ну, а здѣсь я еще могу.

— А какъ хозяина твоего звать? Чьи это болота?

— Баринъ тутъ никогда не бываетъ. Управляющій въ усадьбѣ у него есть. Все хозяйство ведетъ. А хозяинъ, говорятъ, заграницей живетъ. Да его никто, кажись, и сроду не видалъ. А имѣніе зовется Поляново.

— Поляново?.. Вотъ какъ!.. А далеко оно?

— Далеко. Большущее имѣніе! Все кругомъ какъ есть, все это Поляновское. Ужъ вѣрно нашему барину не жизнь, а прямо масляница!

Незнакомецъ съ опущенной головой слушалъ старика. Его лица не было видно. На дворѣ уже темнѣло. Было очень тихо. Сверчки трещали въ лозникѣ, изрѣдка плескалась въ тоняхъ рыба. Искорками блестѣли въ травѣ свѣтляки. Сумерки наполнили хату, и только огонь въ печкѣ освѣщалъ ее.

— А вы, баринъ, телеграмму такъ и не прочитали,—проговорилъ старикъ.

— Знаю я, что въ ней...

— Такъ для чего же было тратить столько денегъ? Больше чѣмъ полтора рубля.

— Тебѣ это кажется много?

— Ну, да. Два пуда ржи можно за это купить, хлѣба имѣть на мѣсяцъ.

— Я бы далъ сто рублей, только бы не имѣть этой бумажки!

— Такъ бросьте ее, баринъ, въ огонь или въ воду!

— Ну и что жъ? Того, что на ней написано, не сотретъ ни огонь, ни вода.

— Охъ, милый баринъ, чего-чего не стерпитъ человѣкъ! Жить надо, работать и терпѣть. А бумажку все-таки прочтите. Ужъ такъ я пропотѣлъ, такъ старался скорѣе вамъ ее доставить.

Незнакомецъ машинально вскрылъ телеграмму. Онъ ждалъ одного только слова, а здѣсь было ихъ цѣлыхъ двѣ строки. Онъ всталъ, подошелъ къ огню и прочиталъ: «Северинъ живъ. Положеніе опасное, но возможно спасти. Докторъ подаетъ надежду».

Руки читавшаго задрожали, губы зашевелились, словно онъ хотѣлъ что-то сказать, но звука не вышло. Онъ тихо отошелъ къ окну, сталъ глядѣть на погожую лѣтнюю ночь, и по его лицу медленно катились слезы.

Старикъ молча слѣдилъ за нимъ. Наконецъ, не выдержалъ и спросилъ:

— Что, баринъ? Худая вѣсть?

Его голосъ какъ будто снялъ чары молчанія.

Молодой человѣкъ обернулся и обнялъ старика за шею:

— Онъ живъ!—закричалъ онъ.

Старикъ, ошеломленный, недоумѣвающій, нагнулся къ рукѣ барина, желая ее поцѣловать.

— Кто живъ, милый баринъ?

— Человѣкъ, котораго я убилъ.

— А-а. Такъ вотъ отчего...

— Живъ, живъ!—повторялъ тотъ.—Послушай,—обратился онъ вдругъ къ старику.—Какъ твое имя?

— Мое? Шимонъ, а по фамиліи Пытка.

— Скажи, что дать тебѣ за то, что ты меня спасъ?

Старикъ лукаво улыбнулся.

— А мнѣ помнится, что вы будто хотѣли, баринъ, даже въ судъ на меня за это подавать.

— И телеграмму ты привезъ. Это тоже спасеніе. Говори, что хочешь?

Онъ раскрылъ свой бумажникъ.

— Ай-ай! отчего же вы, баринъ, бумажечекъ-то не просушили? Еще, пожалуй, принимать не станутъ.

— Пустяки! дамъ тебѣ другихъ. Прямо изъ банка.

Старикъ задумался.

— Деньги—оно, конечно. Но мнѣ ихъ не надо. Дѣтямъ дать—они подумаютъ, что я еще прячу, будутъ спрашивать, надоѣдать, просить. Пойдетъ слухъ, что у стараго Шимона деньги водятся и еще, спаси Боже, какой-нибудь злодѣй ночью тутъ въ пустынѣ задушитъ. А вотъ, если бъ вамъ знакомъ былъ нашъ баринъ, то я бы о чемъ-то попросилъ.

— Я съ нимъ знакомъ!—улыбнулся молодой человѣкъ.

— Ну вотъ. Коли увидите вы его, баринъ, попросите, чтобы онъ далъ записку къ управляющему: сторожу, молъ, Шимону Пыткѣ разрѣшается держать въ лѣсу пчелъ, сколько хочетъ ульевъ.

— Какъ это?

Старикъ оглянулся и понизилъ голосъ.

— Сказать правду, я уже пчелъ имѣю. Только прячу ихъ въ лѣсу. Экономія не разрѣшаетъ. Да я не утерпѣлъ и поставилъ на соснахъ пять пней. Если кто увидитъ—сбросятъ и меня уволятъ. А если бъ вы знали, баринъ, какое это разумное твореніе Божье!

— Ладно. Будешь имѣть разрѣшеніе. Но это, вѣдь, пустяки. Говори еще: что хочешь?

— Ничего какъ-то въ голову не лѣзетъ... А вы, баринъ, теперь какъ полегчало, себя мыслями не утруждайте. Радуйтесь!

— Завтра опять повезешь телеграмму. А теперь дай мнѣ поѣсть.

Старикъ полѣзъ за поясъ, досталъ ножъ, отрѣзалъ отъ краюхи добрый ломоть хлѣба, поставилъ на столъ дымящуюся чашку похлебки и далъ барину деревянную ложку.

Тотъ, проголодавшись, энергично запустилъ зубы въ хлѣбъ и наслаждался пріятнымъ ощущеніемъ насыщенія. Ему чуждъ былъ и голодъ и вкусъ чернаго хлѣба, въ которомъ какъ бы чувствуется запахъ колосистаго поля и влажность вечерней росы и свѣжесть матери-земли.

Казалось ему, что этотъ хлѣбъ живитъ его и согрѣваетъ, какъ согрѣвалъ днемъ его плечи напоенный солнцемъ воздухъ. И торжественнымъ гимномъ звучалъ въ его ушахъ спокойный голосъ старика.

— Хлѣбъ—это самая первая, святая и важная пища. Какъ несутъ ребенка крестить, ужъ ему даютъ кусокъ хлѣба на его первую дорогу, и во всю жизнь человѣкъ, отправляясь въ дорогу, не переступитъ порога хаты безъ хлѣба.

«Молодые, уходя изъ отцовскаго дома, цѣлуютъ его, а въ новое ихъ жилье сваты передъ ними вносятъ освященный хлѣбъ. Даже въ гробъ кладутъ человѣку его послѣдній ломоть. Хлѣбъ нашъ насущный—въ немъ все наше здоровье и сохраненіе.

«Говорятъ нѣкоторые, что столько съ хлѣбомъ этимъ намучаешься, что потомъ горькимъ онъ покажется: но я думаю, что у этого человѣка самого горько во рту. Хлѣбъ, онъ всегда хорошій, а вотъ человѣкъ бываетъ ядовитый. Я даже такъ скажу: чѣмъ больше надъ нимъ наработаешься, тѣмъ онъ вкуснѣе покажется. Сорокъ лѣтъ я пахалъ и сѣялъ — разное помню. А началъ я двѣнадцати лѣтъ. Въ среду, на Петра, отецъ померъ. Ужъ дали ему въ руку свѣчку, а онъ еще охнулъ и матери сказалъ: «Рожь сжать и свезти не штука, но тяжко мнѣ подумать, какъ мальчикъ управится, чтобы вспахать землю и засѣять. Страшно мнѣ—будете ли на слѣдующій годъ свой хлѣбъ ѣсть?»

«А потомъ ко мнѣ обратился и говоритъ: «Помни: сѣять надо въ свѣжій пластъ, пригоршню брать большую и разбрасывать широко и бороны не жалѣй. А зерно на посѣвъ выколачивать изъ снопа полегче, земля любитъ доброе зерно. И еще помни! воловъ почитать надо, какъ хозяевъ».

«Вотъ такъ научилъ меня отецъ въ послѣдній свой часъ. Упокой Боже его душу.

Старикъ замолчалъ, взволнованный далекимъ воспоминаніемъ.

— Ну, какъ же у тебя пошло дѣло?—спросилъ незнакомецъ.

— Да Богъ помогъ. Справился. Мать была орелъ-баба: рослая, сильная, не болтливая, какъ другія бабы бываютъ. Я тоже принялся за работу какъ слѣдуетъ. Амбиція меня взяла: вотъ, молъ, я,—такой малый, а хозяинъ! Когда первый разъ надѣлъ я на вола ярмо и вышелъ въ поле на пашню, то такую въ себѣ гордость чуялъ, точно меня старшиной выбрали. Ей-Богу! А со страху, чтобы надъ моей работой не насмѣялись, я такъ напрягалъ всѣ силы, что, казалось мнѣ, жилы изъ-подъ кожи вылѣзутъ.

— А пуще всего я боялся: будутъ ли волы меня слушаться, признаютъ ли хозяиномъ? Не дай Боже, если они почувствуютъ неумѣлыя руки, слабыя плечи!

Старикъ улыбнулся этому воспоминанію.

— Но все-таки признали они тебя, не поняли перемѣны?

— Я ихъ перехитрилъ. Подумалъ такъ: Я пахать не умѣю, а они умѣютъ, такъ вотъ пусть и учатъ меня! И я не сталъ ни кричать, ни погонять, ни бить. Только напрягъ всѣ силы,

уперся въ рукоятки сохи, держу да посвистываю, точно старый пахарь; на поворотѣ перенесъ соху и опять заложилъ—вотъ и ввелъ воловъ въ обманъ, а они меня и научили, и мы по-отцовски борозду проложили. Люди дивились и говорили: покойникъ сироткѣ воловъ ведетъ.

— А и памятное лѣто послалъ Богъ въ тотъ годъ, на диво, на сиротское счастье.

— Когда пришла пора сѣять, и я выѣхалъ въ поле. Прибѣжала мать, надѣла на меня мѣшокъ, насыпала зерна, снялъ я шапку, прочитали мы «Отче-нашъ», помолились, вспомнили покойника, и пошелъ я по бороздѣ.

— Сердце у меня колотилось, какъ пташка, когда она нечаянно въ хату залетитъ. Мать осталась на межѣ, слѣдитъ да приглядывается, а сосѣди тоже со своихъ полосъ на меня посматриваютъ. А мнѣ даже глазамъ жарко было, и ужъ такъ я старался взять горсть побольше, какъ училъ отецъ, и разбросать широко и ровно на свѣжую землю.

— И хоть была моя горсть невелика и шагъ не длиненъ, все же всходы взошли ровненько, въ самый разъ.

— И ужъ какъ я старался: глазъ со своего поля не сводилъ, зналъ каждый стебелекъ, и по обычаю устлалъ край своей полосы соломой изъ освѣщеннаго вѣнка, чтобы мягко и чисто было Богу ступать, когда онъ придетъ благословить ниву. Иногда прибѣгу, бывало, на поле поглядѣть! Не видно ли слѣдовъ Божьихъ ногъ на соломѣ, и казалось мнѣ, что я видѣлъ. А какъ я осенью боялся заморозковъ, чтобы не померзли мои всходы, какъ зимой любовался снѣжной [illegible]ной, которая ихъ грѣла; едва я дождался весны, чтобы посмотрѣть, живы ли они, поднялись ли, не слишкомъ ли отсырѣли, не черезчуръ ли холоденъ имъ вѣтеръ? Потомъ я молился каждой тучѣ, чтобы она не побила ихъ градомъ, не прибила сильнымъ ливнемъ, а когда зацвѣла и стала колоситься моя нива, я лелѣялъ и оберегалъ ее, какъ мужъ—свою беременную жену! Мать читала въ моихъ глазахъ тревогу и бывало сердится даже: что это такъ боишься, все головой вертишь да на тучи посматриваешь? Что Богъ дастъ людямъ, то и намъ.

— Но я только тогда свободно вздохнулъ, когда пряталъ снопы подъ крышу; а были они такіе тяжелые, что какъ на вилахъ подымаешь, то едва-едва спину разогнешь. Да и то сказать. Больно молодъ я былъ тогда: тринадцать лѣтъ всего и одинъ мужикъ въ хатѣ! Надо и поле обработать, и за скотиной ходить, а къ тому еще гоняли изъ волости на всякія повинности: дорож-

ную, да то да сё. На экономіи тоже приходилось отрабатывать— не столько, какъ сейчасъ,—потому что тогда хозяйничалъ самъ старый баринъ—онъ на селѣ каждаго человѣка зналъ и немного насчитывалъ за выгонъ скота и за хворостъ на топку зимой. Дай ему Богъ царствіе небесное—отцомъ роднымъ былъ!

— Мать моя, ужъ на что строга была, все-таки жалѣла меня и, когда хлѣбъ былъ обмолоченъ, она сказала: свези на мельницу!

— Но мнѣ жалко было отдавать на сторону. Я насыпалъ въ жерновъ и сталъ молоть, хотя отъ усталости у меня уже руки тряслись. Такъ я провелъ свой первый сиротскій хлѣбъ отъ посѣва до самой квашни. И такой вкусъ, какъ въ немъ, я чувствовалъ потомъ только еще два раза за всю свою жизнь».

Старикъ умолкъ, удивленный неподвижностью барина. Тотъ прислонился къ стѣнѣ съ закрытыми глазами и не то уснулъ, не то ослабѣлъ.

Огонекъ уже еле мерцалъ въ печкѣ. Старикъ подложилъ нѣсколько полѣнъ.

— Вы бы отдохнули, баринъ!—тихо сказалъ онъ.

Тогда гость очнулся и поглядѣлъ на пламя.

— Я отдыхаю. Мнѣ такъ хорошо. Разсказывай еще объ этомъ хлѣбѣ.

— Такъ разрѣшите, баринъ, трубку закурить. Табачекъ есть.

— Закуривай, братъ, и разсказывай.

— Д-да... Второй хлѣбъ, котораго я съ такимъ трудомъ дождался, былъ много попозже. Уже мать давно померла, а у меня жена третьяго сына кормила. Урожай въ этотъ годъ былъ такой богатый, что и старики такого отродясь не видывали. Было это осенью. Мы уже обсѣялись, а бабы льномъ забавлялись.

«Вотъ ночью однажды сплю я крѣпко. Далеко ѣздить пришлось по дрова и шибко утомился. Какъ вдругъ кто-то въ окно стучитъ и кричитъ. Вскочилъ я съ лавки: въ окнѣ— зарево, люди толпятся и кричатъ: караулъ! село горитъ! Вскочила жена, проснулись дѣти, выбѣжали мы во дворъ, босые, въ однѣхъ рубахахъ. А эге-ге! у сосѣда уже гумно въ огнѣ.

«Жена схватила подушку и люльку съ ребенкомъ, а я помчался въ хлѣвъ, къ скотинѣ, смотрю, онъ уже занялся. Отвязалъ воловъ, они—умные, понимаютъ, а корова отъ теленка— ни съ мѣста. Только я успѣлъ вытолкать теленка и ее—силой, какъ уже огонь перекинулся на стрѣхи, и овцы и двухлѣтняя кобыла пропали.

«Такъ мы и остались, пять душъ, босыхъ и голыхъ, на этомъ пожарищѣ.

— А страховки вы не получили?

— Дали намъ изъ гмины тридцать рублей. Эхъ, баринъ, деньги за огонь не заплатятъ. Пятнадцать лѣтъ отрабатывалъ я этотъ пожаръ. Пришлось воловъ и корову продать по чемъ попало... жена расхворалась... ребенокъ умеръ... зимовали мы, какъ скотина, въ сараяхъ у тѣхъ, кто уцѣлѣлъ... милостынькой жить приходилось, а больше съ голоду околѣвать. Такой годъ пережить, баринъ,—все равно, что другихъ десять!

«А стараго барина уже въ то время въ усадьбѣ не было. Померъ онъ, и не къ кому было за помощью идти. За молодого барина всѣ дѣла дѣлалъ управляющій, а молодой баринъ никогда въ эти имѣнія и не заглядывалъ. Пошли мы къ управляющему, а онъ говоритъ: я тутъ не хозяинъ. Достаньте отъ пана записку, тогда я и дровъ отпущу, и зерна, а безъ него не могу. А гдѣ намъ было этого пана по свѣту искать? Посовѣтовалъ управляющій послать ему прошеніе. Писарь написалъ, кто умѣлъ—подписался, а кто—крестъ поставилъ и послали. Ужъ какъ мы этого отвѣта ожидали—точно свѣтлой весны. А онъ и до сихъ поръ не пришелъ... Такъ вотъ, баринъ, какъ послѣ этой нужды собрали хлѣбъ, я ѣмъ его, бывало, а отъ радости слезы такъ и капаютъ, что онъ мой, собственный, не купленный, не выпрошенный, не Христа ради поданный. И опять пошли годы. Парни мои подросли, тѣсно стало и въ хатѣ и на полѣ. Загорѣлась какъ-то ссора съ сосѣдомъ, сцѣпился мой старшій сынъ съ сосѣдскимъ хлопцемъ и такъ его по головѣ палкой хватилъ, что тотъ едва живъ остался. Поднялось дѣло. Присудили бы сына на годъ въ тюрьму. Я думаю: какъ тутъ быть? парень молодой, испортится. Съ арестантами и самъ арестантомъ станетъ, душу свою загубитъ. Уговорилъ я свидѣтелей, они на меня показали, и пошелъ я за сына отбывать наказаніе.

«Охъ, баринъ, хлѣбъ тамъ горькій и тяжелый, въ горло не лѣзетъ, а тоска душу грызетъ. Какъ отбылъ я свое время, мнѣ казалось, что я изъ пекла вырвался. Осенью меня выпустили, и вотъ въ темный вечеръ подошелъ я къ родному селу. Тьма, дождь идетъ. Прислушиваюсь—гуси въ хлѣву гогочутъ, колодезь скрипитъ, въ хатахъ огоньки, пахнетъ дымомъ и свѣжимъ хлѣбомъ. Радъ я. Чувствую, у меня съ плечъ десять лѣтъ жизни снято. Вхожу въ избу, а меня радостно встрѣчаютъ и дѣти и маленькіе внуки. А на столѣ каравай хлѣба лежитъ. Только-что его невѣстка изъ печи вынула, еще теплый, душистый, большой такой каравай на кленовыхъ листьяхъ.

«Скинулъ я въ сѣняхъ пропахшіе тюрьмой лохмотья, сѣлъ

ужинать, и какой это, баринъ, тоже памятный былъ хлѣбъ, какой вкусный!

— А отчего же ты теперь не хозяйничаешь на своемъ?

— Оттого, что отработалъ, баринъ, свое. Сорокъ лѣтъ землю свою пахалъ, дѣтей выкормилъ... Что самъ умѣлъ, ихъ научилъ... имущество раздѣлилъ... которые послабѣе, тѣмъ самъ помогъ, сильнымъ не позволилъ обидѣть слабыхъ, въ старостахъ и въ сотскихъ пожилъ, единственную дочку замужъ выдалъ—все сдѣлалъ, что мать передъ смертью наказывала. Подумалъ я: сила не вся ушла, еще на что и пригожусь. А изъ усадьбы въ то время присылали: не пойдетъ ли кто въ сторожа служить? Молодымъ не въ охоту было, оно и вѣрно, что скучно, а мнѣ захотѣлось.

«Любо тутъ лѣтомъ—тихо, привольно, спокойно. Здѣсь я самъ себѣ господинъ. Сижу, да думушку думаю. Вспоминаются человѣку долгіе годы и заботы: отецъ вспоминается и сосѣди, и дѣти, и разные случаи, и чувствуешь утѣшеніе, что столько на своемъ вѣку наработался и перетерпѣлъ. И вотъ живу я такъ тихонько, безъ хлопотъ, ни у кого мѣста не отнимаю, а зимой, когда къ своимъ загляну, то еще и грошъ у меня найдется для того, кому онъ очень нуженъ. Благодареніе Господу, мнѣ нарекать не на что... не успѣлъ и оглянуться, какъ жизнь прожилъ.

Гость всталъ, потянулся, оглянулъ себя и сморщился:

— На кого я похожъ!—проворчалъ онъ.

— Говорилъ я вамъ, баринъ, скиньте свою одежу. Бѣлье чистое у меня кстати есть, а ваше надо выстирать. Понравился вамъ мужицкій хлѣбъ; теперь попробуйте простой холщевой рубахи.

Старикъ вынулъ изъ сундука свертокъ бѣлья, а гость съ улыбкой потянулся и взялъ въ руки грубую шершавую ткань, пахнувшую еще льномъ и дымомъ хаты. Онъ съ любопытствомъ разсматривалъ ее при свѣтѣ огня, а старикъ снова своимъ спокойнымъ голосомъ сталъ разсказывать все, что всплывало въ его памяти подъ шумъ нивы въ тихій лѣтній день.

— Эти рубахи всѣ—работа покойницы - жены, и мнѣ ихъ до могилы хватитъ. Полный сундукъ она мнѣ оставила, дѣтей всѣхъ надѣлила, а иногда и продавала понемножку, когда случалась трудная минута. А сколько этого добра сгорѣло тогда при пожарѣ! Да и правду сказать: не было во всемъ селѣ другой бабы такой искусницы прясть, какъ моя! А помню: какъ я не хотѣлъ ее въ жены брать! Мать меня чуть не силкомъ заставила. И правильно: никогда мужчинѣ не раскусить бабу такъ, какъ это

дѣлаетъ другая баба. Я по вечеринкамъ и на музыкѣ къ дѣвкамъ приглядывался, а она—на полѣ и по хатамъ. Мнѣ каждый разъ другая нравилась, а ей—все одна. И вотъ ужъ надумали сватовъ посылать, а я съ досады въ затылкѣ чешу да въ умѣ перебираю: та богата, эта красива, а третья весело зубы скалитъ, а еще у одной голосъ звонкій, а мать все свое твердитъ: бери Марыну.

— Меня словно кипяткомъ ошпарило: Марына была рябая, угрюмая. Всего разъ мы съ ней разговаривали, да и то она мнѣ затрещину влѣпила. И я противъ матери всталъ да заупрямился: если непремѣнно Марына, то я вовсе не хочу жениться.

— Тутъ мать какъ хватитъ кочергу и на меня! Я отъ нее, пригибаюсь, прячусь, а въ концѣ концовъ къ дверямъ, да и въ ноги!

— Что было дѣлать? Такъ и вышло, какъ мать хотѣла. Поженились мы осенью, и вотъ какъ взялась моя молодая за работу, вижу я, что материнскіе глаза зорко высмотрѣли, а голова—хорошо выдумала. А черезъ годъ всѣ люди мнѣ завидовали. Баба была ядреная, какъ рѣпа, и сильная, какъ лошадь, и что самое главное—тихая. Потому что нѣтъ на свѣтѣ хуже зла, какъ бабій языкъ. У насъ никогда не было ни ссоры, ни дрязговъ. Если, бывало, у нея до сердца дойдетъ, то она прямо драться лѣзетъ, но никогда пустыхъ словъ не говоритъ; а мать мою почитала, какъ родную.

— Изъ-за того, что она не болтала зря, много и наработать могла; бабья, видите ли, работа, она кажется какъ-будто пустяки, вотъ какъ эти нитки въ полотнѣ, но сколько ихъ надо напрясть для одной рубашки! Только мало такихъ женщинъ есть на свѣтѣ.

Гость скрылся за печку и черезъ минуту появился одѣтый съ головы до ногъ въ грубый холстъ. Тогда старикъ снялъ съ лавки лежанку изъ соломы и вынесъ изъ хаты, а затѣмъ вернулся снова съ охапкой свѣжаго сѣна. Разостлалъ его на лавкѣ и съ добродушной усмѣшкой поглядѣлъ на гостя.

— Вотъ вы, баринъ, и другой стали. А теперь ложитесь на свѣжемъ сѣнѣ и засните. Завтра покажу вамъ славное мѣстечко, гдѣ мягкое песочное дно, тамъ выкупаться хорошо,—и совсѣмъ здоровы будете!

— Засну я, какъ камень... Но завтра утромъ придется тебѣ опять депешу повезти и отвѣта ждать.

Черезъ нѣсколько минутъ въ хатѣ воцарилась полная тишина. Искорки догорающаго огня бѣгали-бѣгали по золѣ и, на-

конецъ, потухли. Подъ печкой монотонно трещали сверчки. Вся серебряная отъ луны, стояла на болотистомъ пустырѣ хата, точно жилье добраго волшебника изъ дѣтской сказки.

Когда яркое утреннее солнце защекотало вѣки спящаго, тогда только онъ проснулся. Долго лежалъ онъ, не понимая, гдѣ находится. Полнымъ хозяиномъ хаты теперь было солнце да неумолчно щебетавшія птички. Хотѣлось глядѣть въ синій просторъ за окномъ и долго-долго лежать, наслаждаясь тишиной, но съ мѣста подымалъ его голодъ, невѣдомый ему до сихъ поръ.

Онъ всталъ и, взявъ кусокъ хлѣба, вышелъ изъ хаты.

Кругомъ, насколько хваталъ глазъ, было безконечное зеленое пространство, надъ головой—безконечная синева и царственное солнце во всемъ своемъ великолѣпіи. И ему радовалось каждое твореніе: и птицы по кустамъ, и мошки, кружившіяся среди солнечной пыли, и каждое растеніе, увѣнчанное цвѣткомъ.

Стайка чирковъ паслась безпечно у рѣки, синица подъ крышей кормила своихъ птенцовъ, по березѣ забавно прыгала рыжая бѣлка, а изъ ближняго лѣса доносился стукъ дятла.

Молодой человѣкъ улегся на травѣ передъ домомъ, какъ вчера въ хатѣ на лавкѣ, и, довѣрчиво отдаваясь солнечнымъ лучамъ и воздуху, сталъ ѣсть черный хлѣбъ.

Должно быть, онъ скоро опять уснулъ—хоть казалось ему, что прошла одна минута—потому что, когда онъ раскрылъ глаза, солнце уже меньше жгло и стояло надъ лѣсомъ. Онъ поднялся и пошелъ по протоптанной дорожкѣ къ рѣкѣ, гдѣ чернѣла ольха. Тамъ онъ нашелъ и маленькій заливчикъ—родъ озера—съ чистымъ песочнымъ дномъ.

На берегу лежали тамъ разныя странной формы сѣти для рыбы, на кустахъ было развѣшена его собственное, уже выстиранное, бѣлье, а на единственномъ дубѣ скрытый между вѣтками сѣрый улей.

Какъ пріятно было погрузить разгоряченное солнцемъ тѣло въ прохладную воду и забавляться, словно ребенокъ въ ваннѣ, наблюдая стаи мелкой рыбёшки и неуклюже ползущихъ по песку черныхъ раковъ!

Онъ не выдержалъ, взялъ сѣтку и поймалъ ихъ штукъ десять. «На ужинъ», думалъ онъ: ему уже опять хотѣлось ѣсть. Когда, освѣженный купаньемъ, онъ возвращался въ хату, то увидѣлъ издалека лодку Шимона, и ему показалось, что старикъ не одинъ.

Его встревожила возможность появленія какого-нибудь еще человѣка, словно онъ уже успѣлъ одичать въ этой глуши. Онъ сталъ пристальнѣе вглядываться.

Но вода такъ блестѣла, что слѣпила глаза, и онъ вошелъ въ избу, точно хотѣлъ спрятаться. Вслѣдъ затѣмъ раздались окрики, возгласы, и на порогѣ показался молодой человѣкъ, въ изящномъ свѣтломъ костюмѣ. Онъ ничего не видѣлъ отъ блеска и громко звалъ:—Стефанъ!

И вдругъ узналъ его въ этомъ мужикѣ въ длинной грубой рубашкѣ и громко расхохотался.

— Ну и маскарадъ! Тебѣ надо показываться въ этомъ нарядѣ за деньги, съ благотворительной цѣлью.

— Какъ ты сюда попалъ?.. Северинъ живъ?

— Живъ и поправляется. Теперь страшная суматоха изъ-за тебя. Мать твоя просто голову потеряла. Вся полиція поставлена на ноги. А сколько слуховъ и толковъ. Ты не читалъ газетъ?

— Да гдѣ же? здѣсь?

— Ахъ, правда! Но какъ ты сюда попалъ!

— Тебѣ старикъ ничего не разсказалъ?

— Нѣтъ. Даже и взять меня съ собой не хотѣлъ. Я пригрозилъ полиціей, тогда онъ, наконецъ, согласился... но всю дорогу не раскрывалъ рта. Ты не повѣришь, что пришлось перетерпѣть доктору, когда онъ принесъ твою телеграмму матери. Она моментально отправила меня въ поиски за тобой. Насилу отыскалъ эту дыру... но какъ ты ее выкопалъ?

— Да я вовсе не искалъ. Билетъ взялъ наугадъ до какой-то станціи и сѣлъ въ поѣздъ. Вотъ ѣду, думаю-думаю и понялъ я, что не могу жить убійцей. На какой-то станціи я вышелъ и пошелъ по полотну. Хотѣлъ броситься подъ поѣздъ, но случилась рѣка, и я прыгнулъ въ нее съ моста.

— Сумасшедшій!

— Этотъ старикъ меня вытащилъ и спасъ.

— Хорошая исторія. Когда же это было?

— Не знаю. Мнѣ кажется, какъ-будто съ тѣхъ поръ прошли годы. Но послушай, ты не называлъ старику моей фамиліи?

— Нѣтъ. Я просто спросилъ про барина, что посылалъ телеграмму, здоровъ ли? Онъ отвѣтилъ, что здоровъ: хлѣбъ ѣстъ и спитъ. Такъ я и протелеграфировалъ твоей матери.

— Такъ, пожалуйста, скрывай и дальше мое инкогнито.

— А ты думаешь здѣсь долго пребывать?

— Во всякомъ случаѣ, переночуемъ.

— Точно на весенней охотѣ за тетеревами. Помнишь, когда-то мы были въ твоихъ владѣніяхъ, гдѣ-то тутъ, въ этихъ мѣстахъ. Лѣтъ семь тому назадъ. Жалко, что я не взялъ ружья: на этой рѣчкѣ всякой дичи видимо-невидимо! И еще жаль, что я не привезъ тебѣ болѣе европейскаго платья... ну, и лакея кстати. Но я думаю, что твоя мать все это пришлетъ. Она готова даже сама пріѣхать. Д-да... а что ѣдятъ въ этой благословенной странѣ?

— Черный хлѣбъ. А затѣмъ я, какъ-будто, предчувствовалъ гостя и наловилъ купаясь немного раковъ. Шимонъ!—закричалъ онъ громче.

Старикъ появился на порогѣ съ ручнымъ сакомъ новоприбывшаго гостя и плетушкой рыбы.

— Небось, ѣсть господамъ хочется? Я сейчасъ рыбы почищу на уху. А тутъ что въ ведеркѣ?

— Это раки.

— Ага! Такъ вы, баринъ, уже и за хозяйство взялись?

— А ты, старикъ, съ нимъ много разговорчивѣе, чѣмъ со мной,—засмѣялся новоприбывшій.

Старикъ присѣлъ на корточки и сталъ счищать съ рыбы чешую. Глаза его смѣялись.

— Мы съ бариномъ рыбаки. Вотъ съ его помощью я подъ желѣзнымъ мостомъ поймалъ такую рыбину, что на всю жизнь сытъ буду.

— А пчелъ разведешь на всѣхъ деревьяхъ въ лѣсу!—весело добавилъ гость.

— Кабы остались со мною, баринъ, то и сами полюбили бы пасѣку.

— Такъ ты, Стефанъ, предполагаешь эту идиллію долго продолжать?—разсмѣялся новоприбывшій.

— Пока что до завтра. Но чувствую, что я сюда вернусь. А завтра, Шимонъ, отвезешь насъ въ усадьбу.

— Въ усадьбу?—удивился старикъ.—Такъ, вѣдь, вамъ ближе на станцію. А въ усадьбу теперь трудно добраться. Надо на лодкѣ ѣхать, а потомъ долго по болоту идти. Не знаю, какъ ужъ это удастся...

— Ну что жъ? трудно, такъ трудно. Я долженъ быть въ усадьбѣ. Хочу увидѣть это ваше имѣніе и... самого хозяина.

— Хозяина дома нѣтъ. Его никто не знаетъ. Говорятъ, онъ не вполнѣ въ умѣ.

— Какъ такъ? Кто это говоритъ?

— Такъ евреи толкуютъ. Держитъ онъ управляющаго, а тотъ его обкрадываетъ и подаетъ фальшивые счета, а баринъ никогда не провѣритъ, не пріѣдетъ, не посмотритъ. Такъ какъ же это? Если человѣкъ своего добра не бережетъ, то онъ если не дуракъ, то, значитъ, «спятилъ».

— А отчего не дуракъ?

— Да, видите ли, баринъ, дѣдъ его, старый панъ, очень мудрый былъ и добрый... Откуда же ему дуракомъ быть?

— А ты стараго пана зналъ?

— Какъ же! Его знали всѣ люди, со всѣхъ десяти деревень, что принадлежатъ къ имѣнію. Бывало, ѣдетъ съ фольварка. По дорогѣ-то онъ—быстро, а черезъ деревню—шажкомъ. Имѣлъ онъ рыжаго жеребца и самъ правилъ. И ужъ такъ за порядкомъ слѣдилъ, не приведи Богъ! Какъ увидитъ дыру въ заборѣ или ребенка, оставленнаго на улицѣ, или свиней на огородѣ, или грязную бабу или мужика въ разорванной сермягѣ— сейчасъ остановится и давай ругаться, а голосъ такой, словно быкъ реветъ. И такой хозяйскій у него былъ глазъ, что все замѣтитъ и ничего не пропуститъ.

— Въ воскресенье или въ праздникъ, когда народъ соберется на улицѣ потолковать, онъ подходилъ къ толпѣ, закуривалъ трубку и разговаривалъ, а чаще всего бранился, за цѣлую недѣлю припоминалъ каждому, что ему слѣдовало.

— Но иногда бывалъ онъ добрый, особенно, если кто изъ крестьянъ засадитъ молодой садъ или же деревья на улицѣ. Тогда онъ давалъ серебряный рубль. Очень онъ любилъ лошадей и бывало жеребцовъ даромъ отдавалъ, а за выкормленныхъ жеребятъ еще и подарокъ прибавлялъ. Съ его временъ и осталось въ нашихъ деревняхъ много садовъ, а лошади наши до сихъ поръ славятся на весь околотокъ. Для меня былъ старый баринъ, какъ отецъ родной. Мнѣ восемнадцать лѣтъ было, когда онъ померъ, но похороны помню, какъ сейчасъ.

— Въ тотъ день село точно вымерло—ни живой души въ хатахъ не осталось. Отъ усадьбы до кладбища будетъ верстъ пять—крестьяне все время несли гробъ, хотя осень была поздняя и грязь по колѣни. Всѣ шли за гробомъ и не было человѣка, который бы не плакалъ. Знали, кого и что оплакиваютъ. Барина не стало и хозяйства не стало. Будь у него сынъ, можетъ, старый порядокъ и сохранился бы, но была одна только дочка. Ее куда-то увезли, и она за чужого замужъ пошла. Извѣстно, что стоитъ чужакъ въ хатѣ, а тѣмъ болѣе въ имѣніи! Ну, а женщина, она, понятно, за мужемъ пойдетъ—такъ и наша

пошла. Говорятъ, что чужакъ этотъ богатый былъ и что для него поляновскія имѣнія были нипочемъ!

— Не вѣрю я, но такъ люди болтаютъ!

— А этотъ внукъ, что съ ума спятилъ, никогда не бывалъ тутъ? Я слышалъ, что когда-то онъ былъ здѣсь на охотѣ за тетеревами.

— Какое тамъ биваніе! Вотъ если бы онъ своихъ лошадей да коровъ посмотрѣлъ, это былъ бы хозяинъ. На что ему тетерева? Вотъ если бы онъ на управляющаго облаву устроилъ— это дѣло!

— Я ему передамъ твой совѣтъ.

— Только вы ужъ, баринъ, осторожно говорите, чтобы управляющій не услыхалъ, а то онъ отолжется, вы уѣдете, а онъ меня, какъ червяка, сгноитъ.

— Не бойся, а пока давай намъ скорѣй ужинать.

Старикъ занялся приготовленіемъ ѣды, а молодые люди стали говорить между собою на иностранномъ языкѣ, затѣмъ встали и вышли изъ хаты. Была опять тихая, лунная ночь. Они усѣлись надъ рѣкой, закурили папироски и молчали, слѣдя за лѣнивымъ теченіемъ рѣки.

— Слушай... я уже обо всемъ и обо всѣхъ разспросилъ тебя. Всего недѣля, какъ это произошло... мнѣ кажется, что за эту недѣлю я постарѣлъ на много лѣтъ и что все это было давно, давно... Но еще одного я не спросилъ: какъ *она*?

— Она уѣхала.. съ старымъ Бруннеромъ.

— Только всего?

— Ну, да. Это зналъ весь свѣтъ. Только вы оба были слѣпы и глухи. Она обыкновенная авантюристка. Бруннеръ— милліонеръ, и она, навѣрное, доведетъ его до брака, а вы, два страшно молодыхъ и глупыхъ пѣтуха.

— А если бъ Северинъ умеръ?

— Или тебя этотъ старикъ не вытащилъ во-время изъ воды!

— И все это: безуміе, месть, убійство, отчаяніе и стыдъ— цѣлый адъ душевный, все для подлой бабы! Старый Шимонъ правъ: надо быть дуракомъ!

— Утѣшься: не ты будешь послѣднимъ.

— Но въ *моей* жизни это будетъ послѣднее. Хочу закончить весь этотъ кругъ. Больше у меня нѣтъ силъ перетерпѣть столько, сколько я вынесъ за эти нѣсколько дней. А знаешь, я не помню болѣе остраго ощущенія счастья, чѣмъ тотъ моментъ, когда я узналъ, что Северинъ живъ. Какъ ты думаешь: онъ проститъ меня?

— Господи! Да, вѣдь, онъ чувствовалъ себя виноватымъ по отношенію къ тебѣ. Поѣдемъ завтра?

— Да. Сначала въ Поляново. Я хочу побывать тамъ, показаться всѣмъ и прежде всего отдать распоряженіе, чтобы мнѣ здѣсь, гдѣ эта хата, построили лѣтній домикъ, а Шимонъ будетъ жить и управлять имъ. Я буду сюда наѣзжать, жить, слушать его философію и ѣсть черный хлѣбъ. Здѣсь какой-то особый міръ, другой, въ сторонѣ отъ добра и зла, и я здѣсь больше постигъ, чѣмъ за всю свою жизнь до этихъ дней. Замѣчаешь ли ты, какъ шепчетъ эта тишина?

Они замолкли и прислушались. Однообразно трещали сверчки, иногда въ тоняхъ поплескивала рыба, отъ лѣсу шелъ глухой шумъ; казалось, что изъ кустовъ слышно дыханіе заснувшихъ птичекъ. Съ неба упала звѣзда.

— Дивная ночь!—шепнулъ гость...

Скрипнула дверь въ хатѣ, и медлительный голосъ старика спугнулъ тишину.

— Ужинъ на столѣ, а сѣна я еще постлалъ на лавку. Поужинать надо, да и спать лечь, а то ужъ поздно. Скоро роса начнетъ падать, такъ оно здоровѣе у печки сидѣть.

— Хлѣбъ есть, Шимонъ?

— Есть, баринъ, какъ же! тотъ самый, свѣжій, здоровый. Вотъ попробуете сами.

— Пойдемъ. А ты намъ, можетъ быть, еще что-нибудь разскажешь.

II.

Перстень.

Наступила пора Ясю переходить на свое хозяйство, жениться, долю свою найти. Не хотѣлось матери отпускать его изъ дому—все еще казался онъ ей малымъ ребенкомъ,—не хотѣлось и сестрѣ, но отецъ стоялъ на своемъ, такъ какъ младшіе братья подросли, рукъ было для работы довольно, да и ртовъ тоже. Надо Ясю на свое переходить, счастья искать... Стали его уговаривать, судить да рядить. Пришли на совѣтъ два старшихъ брата, уже выдѣленныхъ и осѣвшихъ, и устроилось въ избѣ цѣлое вѣче.

Были въ селѣ двѣ хорошія невѣсты: дочь корчмаря Кася и волостного старшины—Поля.

Старшій братъ, что почту держалъ, совѣтовалъ выбрать первую.

На постояломъ дворѣ, ужъ извѣстно, всегда весело. Тутъ и скрипки, и пѣсни, и смѣхъ, и выпить всегда есть случай, а ужъ барыша-то сколько съ пьяницъ! Ты, Ясь, и по сторонамъ не гляди; ступай прямо къ корчмарю.

— А какая же эта Кася?—съ тревогой спросила мать.

— Да что тамъ Каська, — проворчалъ отецъ.—Дѣвка какъ дѣвка. Одна она у корчмаря. Вотъ въ чемъ вся суть!

Сидѣлъ еще въ хатѣ дядя по отцу, бездѣтный; держали его и кормили потому, что свое онъ все прогулялъ, безпутный былъ гуляка. У него никто совѣта не спрашивалъ; сидѣлъ онъ подъ печкой, трубку курилъ и слушалъ. И вотъ откликнулся лѣниво:

— Каська, какъ вино. Попробуешь, тогда узнаешь.

А другой братъ стоялъ за войта.

— На постояломъ дворѣ всегда работать надо. Выспаться некогда, каждому услужи, да еще и пьяный въ морду заѣдетъ. А у войта денегъ куры не клюютъ, прислуга за тебя все сдѣлаетъ, а тебѣ только лежать, ѣсть да пить, да денежки считать. Старикъ скопилъ, теперь живетъ въ свое удовольствіе—и ты будешь жить. Надо только къ старику примазаться. Ты ему всякое уваженіе оказывай, почитай старика и Полю получишь.

— А какая Поля изъ себя?,—спросила снова мать.

— Молчи, старая!, огрызнулся отецъ,—болтаешь зря! Не знаешь, что ли? Она наслѣдница войта! Мало тебѣ еще?

А дядя изъ-за печки бурчитъ:

— Поля, какъ колбаса. Съѣшь, тогда вкусъ узнаешь.

— Такъ какъ же?—спросилъ Ясь.—Къ кому мнѣ идти: къ Касѣ или къ Полѣ?

— А какъ хочешь? Сообрази самъ.

— А я почемъ знаю? Поужиналъ, такъ ѣсть не хочется, а ужинъ мать не пересолила, такъ и въ горлѣ не пересохло. Но вина я бы все-таки не прочь отвѣдать!

— Ну, такъ и начни съ корчмы!

— Но только подумай хорошенько, сыночекъ, — сказала мать. — Вѣдь, это не шутки. Подъ вѣнецъ идти, надо перстень дать, связать себя клятвой на всю жизнь.

— А ты, смотри, къ столяру-то не заглядывай!—выразительно напомнилъ отецъ.

— Эге! не такъ ужъ онъ глупъ!—воскликнули братья.

— Ишь, какая невидаль!—подтвердилъ задѣтый Ясь, хотя ничего не зналъ о семьѣ столяра.

А сестра его вдругъ спрашиваетъ:

— А за что, тятька, Зоську столярову позорятъ?

— А ты, дура, зачѣмъ по чужимъ дворамъ бѣгаешь, сплетни собираешь?—разсердился отецъ и давай ужъ ремень снимать—только старуха вступилась.

— Охъ, дѣвичьи годы, что черемухи цвѣтъ. Дѣло молодое, пѣсни, сказки! Вы, мужики, кудели не прядете въ долгіе зимніе вечера; не полете въ огородѣ въ длинные лѣтніе дни. А намъ надо нитку тянуть — сказку сказывать, траву выпалывать, стебелекъ по стебельку—пѣсню пѣть . . . .

. . . .

— Что тамъ пѣсни да сказки? — сказалъ отецъ. — Если столяръ—дуракъ, его жена—не въ своемъ умѣ, а дѣвка—неряха и лѣнтяйка, то не мое это дѣло. Но, вѣдь, голь это и посмѣшище всего свѣта. Стыдно намъ съ ними связываться. А ты, парень, если ужъ къ нимъ попадешь, то...

Онъ не докончилъ. Ясь ужъ безъ того чувствовалъ страхъ и любопытство, и вотъ говоритъ:

— Да что тамъ! Пойду я на постоялый дворъ. Не стану срамить васъ.

А старый дядя вынулъ изо-рта трубку, вытряхнулъ пепелъ и, собираясь уходить, произнесъ:

— А вы парня оставьте: пускай самъ разберетъ, чего ему хочется. У столяровъ только воды дадутъ, да и то послѣ седьмого пота. Не пойдетъ туда маменькинъ сынокъ!

На этомъ совѣщаніе и кончилось, а на другой день, подъ вечеръ, отправился Ясикъ свататься.

Отецъ далъ ему денегъ въ мѣшечкѣ, сестра принарядила его, а мать съ самаго дна сундука достала кованный перстень, надѣла его на шнурочкѣ сыну на шею вмѣстѣ съ образкомъ, прижала его голову къ своему сердцу и говоритъ:

— Помни, сыночекъ: не въ лавкѣ, не на рынкѣ лежалъ этотъ перстень, не за деньги купленъ. Не всякому говори, что онъ у тебя есть. Можешь вернуться безъ одежи, что я обрядила, и безъ денегъ, что отецъ тебѣ далъ, можешь вернуться больнымъ и калѣкой и голышемъ, все равно будешь дитя мое, но если перстень зря сгубишь—не признаю тебя ни живого, ни мертваго. Помни это, сыночекъ, помни!

Жутко стало Ясю, даже по сердцу будто холодокъ про-

шелъ. Онъ плотнѣе застегнулъ свой кафтанъ, спряталъ перстень и пошелъ.

А земля точно на свадьбу убралась: стоялъ май.

Солнце, все въ золотѣ, садилось за луга, за рощу, а изъ долины, точно дымъ изъ кадильницы, вставала вечерняя мгла.

А изъ бѣлоснѣжныхъ отъ цвѣта кустовъ, съ янтарнаго неба, съ заливныхъ луговъ, съ зеленыхъ зарослей — отовсюду шло птичье щебетанье, вечерняя молитва.

Ясь шелъ дорогой, глядѣлъ и слушалъ: не гнала его забота, не тревожили думы. Онъ былъ свободенъ, и времени у него было довольно. Онъ не спѣшилъ, потому что мать не послушалась дяди—напоила и накормила сына. И теперь его не тянуло ни къ вину, ни къ ѣдѣ.

Легко, весело было на душѣ, и казалось ему, что весь свѣтъ—его.

И вотъ остановился Ясь на горкѣ, откуда далеко видно было глазу. И увидѣлъ онъ то мѣстечко, куда шелъ—увидѣлъ крышу постоялаго двора и красивый домъ войта, а потомъ перевелъ онъ глаза на золотистый закатъ и тутъ увидѣлъ диво дивное.

Въ золотомъ сіяніи солнца, на болотистомъ лугу стояла дѣвушка. Руки она вытянула впередъ и будто что-то собирала изъ воздуха, — не то нити, не то паутину. Ловила, свивала, точно кудель пряла—искрящуюся золотомъ пряжу.

Протеръ Ясь глаза, снова глядитъ. Прядетъ дѣвушка золотыя волокна, а вокругъ ея головы точно рой пчелъ вьется. Нѣтъ, не пчелы это, а жаворонки, что воротились на ночь съ небесъ. Кружатся, кружатся, крылышками бьютъ, играютъ и смѣются. А Ясь заглядѣлся и тоже смѣется—такъ и запѣлъ бы. И вдругъ вздрогнулъ онъ: кто-то рядомъ кремнемъ сильно ударилъ, чтобы огонь высѣчь.

Оглянулся Ясикъ, а тутъ дядька на камнѣ сидитъ, трубку раскуриваетъ и говоритъ:

— Угостилъ бы тебя отецъ ремнемъ, кабы видѣлъ, что ты на столярову дочку заглядѣлся.

— А развѣ это столярова дочка?

— Ну, да.

— А что она дѣлаетъ?

— Изъ солнца кудель прядетъ.

— Какъ такъ? Для чего?

— Чтобы зимою прясть.

— Зачѣмъ?

— Чтобы всегда въ избѣ майское солнышко свѣтило.

— А это можно?

— Спроси у нея,—проворчалъ старикъ.

— А птицы... отчего около нея?

— Какъ же имъ не быть около нея, когда онѣ у нея зимуютъ.

— Жаворонки?

— Да всѣ почти... вотъ и соловей къ ней съ черемухи полетѣлъ. Видишь, какъ она ихъ кормитъ.

Солнце погасло, и дѣвушка перестала тянуть нити изъ воздуха; она выставила ладони, и множество птицъ припало къ нимъ, что-то клевало, а затѣмъ она, окруженная стайкой птицъ, пошла, среди серебристой мглы, къ полю, къ рощѣ, къ гнѣздамъ своихъ друзей.

— Такъ это можно такъ?—спросилъ Ясь.

— Спроси ее, если догонишь,—засмѣялся старикъ.

Парень свернулъ съ дороги на лугъ, и вотъ на тропинкѣ поравнялся онъ съ дѣвушкой. Онъ остановился и даже дыханіе затаилъ, такая она была красивая, такая стройная.

Поглядѣли они другъ на друга и вспыхнули оба, точно нашли, точно давно ждали другъ друга.

Она несла охапку березовыхъ вѣтокъ, черемухи, аира, и жаркимъ запахомъ вѣяло отъ нея; а когда она оглядѣла парня, губы ея засмѣялись, какъ вишни, она блеснула зубами, нагнулась и кинула ему на руки свою цвѣтущую ношу.

— Соколъ-парень, помоги донести и проводи мимо кладбища. Мнѣ одной тяжело и страшно.

Ясикъ кинулъ на одну руку всю эту благоухающую маемъ охапку, а правой рукой обнялъ дѣвушку, и они повернули къ мѣстечку.

Какъ прошли они мимо камня придорожнаго—дядя сидитъ и трубкой пыхтитъ.

— Поздравьте стариковъ. Я уже нашелъ себѣ невѣсту,—засмѣялся Ясикъ. А дѣвушка зардѣлась румянцемъ.

— На то май на дворѣ. Молодой хмель вьется вокругъ молодого клена и клянется: отдамъ тебѣ мой вѣнокъ!—шутилъ съ ними старикъ.

Пошли. А по дорогѣ встрѣтилась Кася и повела парня въ корчму. Только подошли къ избѣ, а тамъ пиликаютъ скрипки и гудятъ басы. Вотъ веселье, такъ веселье! Въ танцахъ Кася была близко-близко къ нему, за столомъ сидѣли рядышкомъ. Вино было сладкое и горячее; но горькимъ и холоднымъ, какъ ледъ, показалось оно Ясю, когда онъ попробовалъ ея губъ и скри-

пучей показалась музыка, когда она стала шептать ему и клясться о своей любви. И такъ пріятно ему было все это—танцы, пѣніе и объятія—что онъ не замѣчалъ времени: все казалось ему минутой. Гулялъ Ясь, пока не сталъ валиться съ ногъ, мертвецки-пьяный. Но и тутъ встряхнулся, чтобы гулять дальше. Материнская одежа уже вся клочьями висѣла, деньги отцовскія музыкантамъ пошли, на прилавокъ корчмарю да за Каськину красную корсетку; тогда Ясь подумалъ, что довольно уже пробы: пора свататься къ Каськѣ. Но былъ онъ въ то же время очень сильно пьянъ и сталъ проситься за перегородку отдохнуть. Но тамъ сидѣли самые почетные гости; тогда Ясь свалился на лавку и протрезвился сномъ. Чуялъ онъ сквозь сонъ, будто что-то его давитъ въ груди, что-то болитъ, и, очнувшись, увидѣлъ, что это материнскій кованный перстень — послѣднее, что ему осталось отъ этого сватовства.

Скверно ему было, какъ проснулся, тошно, гадко. И сказалъ онъ Касѣ:

— Дай мнѣ пить!

Дала ему вина и стала манить его танцовать. Но Ясю горница казалась душной, а отъ вина онъ глаза отвернулъ.

— Дай мнѣ, дѣвушка, воды. Чистой, холодной воды!

А Каська въ хохотъ. Такъ и заливается.

— Слыхали вы, люди, чего этотъ оборванецъ проситъ въ корчмѣ? Воды!

Всѣ стали смѣяться, а хозяинъ говоритъ:

— Ты что, такой-сякой, издѣваться вздумалъ, корчму мою позорить? Воды хочется, такъ зачѣмъ въ люди полѣзъ? Тебя бы во дворъ, къ корыту, въ хлѣвъ!

Схватили парни Яся за шиворотъ и за дверь! Онъ еще въ избу заглянулъ, а Каська уже пляшетъ, смѣется, съ другими зубоскалитъ. Сплюнулъ Ясь и думаетъ: не показать ли имъ перстень? За него, вѣдь, всю корчму купить можно. Но раздумалъ, плюнулъ еще разъ и пошелъ по дорогѣ домой. Идетъ, глядитъ, а на камнѣ дядька сидитъ, трубочку покуриваетъ. Остановился, пожаловаться захотѣлось.

— Узнаете меня, дядя?—спрашиваетъ.—Вотъ какъ кончилось сватовство съ Каськой!

— Что жъ! такъ осенью бываетъ: молодой кленъ говоритъ: хмѣльной вѣнокъ мнѣ могилой будетъ. Ступай домой, авось у матери и отойдешь.

Вернулся Ясь домой: лежалъ больной, стоналъ и охалъ всю зиму. Диво, что выходила его мать. И только съ весной

вернулась къ нему жизнь и воля, а отъ горя прибавилось ума.

— Пойду, куда надо. Теперь уже Каськѣ не сманить меня. Достанется мнѣ войтова Поля.

— Смотри, только перстня зря не отдавай,—говорила ему мать, провожая до поворота.—Раньше осмотрись да смекни!

— Да ужъ если онъ у меня въ корчмѣ цѣлъ остался, то будь, мать, спокойна!

Вышелъ Ясь, какъ и въ первый разъ, подъ вечеръ—только теперь уже солнце зашло и на небѣ мѣсяцъ проглянулъ. Въ кустахъ завели пѣсню соловьи, на лугахъ радостно квакали лягушки, а гдѣ-то на дорогѣ пѣлъ дѣвичій голосъ. Тоскливо стало Ясю одному, захотѣлось ему перекинуться словомъ съ кѣмъ-нибудь. Онъ прибавилъ шагу и догналъ дѣвушку. Она оглянулась на него и перестала пѣть. На ней была длинная бѣлая рубашка, убогая, но какъ бы свѣтящаяся отъ мѣсяца.

Въ рукѣ она несла бѣлый глиняный кувшинъ. Ясь поздоровался съ ней, она тихо отвѣтила и такъ пошли въ поле.

— Вино у тебя въ кувшинѣ, что ли, дѣвушка? — спросилъ онъ.

— Вино.

— Изъ корчмы?

— Нѣтъ. Изъ росы полевой.

— Роса—вода, а не вино.

— А развѣ ты пробовалъ изъ моего кувшина?

— Я бы не прочь. Дай-ка!

— А ты заплатишь?

— Вотъ ты какая корыстная! Точно Кася изъ корчмы!

— Не знаю я, кто такая Кася.

— А что же тебѣ дать за вино?

— Кованный перстень!

Вскочилъ Ясь и за грудь ухватился.

— А ты почемъ знаешь, что онъ есть у меня?

— Вижу. Свѣтится онъ, какъ звѣзда.

— А ты кто такая?

— Я—столярова Зоська.

Ясь остановился точно вкопанный отъ изумленія и оглянулся вокругъ: не видитъ ли отецъ его запретное ухаживаніе. Но далеко на дорогѣ только дядя сидѣлъ и дымилъ своей трубкой.

Ясь успокоился и спросилъ съ любопытствомъ:

— Такъ ты сказки сказывать и пѣть мастерица? У тебя

зимуютъ жаворонки и ты прядешь кудель изъ солнечныхъ нитей. Какъ ты ихъ прядешь?

— Дай перстень — тогда услышишь пѣсни, птицы тебѣ свадебную споютъ, а что вытку, въ то тебя одѣну. Дай перстень!

— А твой домъ гдѣ?

— Вонъ тамъ.

— Это сарай, а не домъ. А что это кругомъ бѣлѣетъ? Садъ?

— Садъ. Весь годъ цвѣтетъ.

— Яблоки даетъ?

— Нѣтъ. У насъ въ саду только тернъ.

— Приданое хоть куда!

— Мой тернъ цвѣтетъ отъ весны до весны.

— И колетъ всѣхъ.

— Того, кто въ моей хатѣ живетъ, онъ оберегаетъ. А знаешь, какъ пахнетъ цвѣтъ терна?

— Не знаю и не хочется знать.

Дѣвушка окинула его грустнымъ взглядомъ, тихо, робко промолвила: «Богъ въ помощь!» и прибавила ли шагу, либо онъ замедлилъ, только они разошлись, и когда Ясь дошелъ до дяди, онъ ужъ былъ одинъ.

— Сказала тебѣ, какъ изъ солнца пряжу ткать? — спросилъ старикъ.

— Да нѣтъ. Мы случайно только прошли немножко вмѣстѣ. Не говорите отцу.

— Онъ бы не то что моимъ словамъ, а и собственнымъ глазамъ не повѣрилъ. Думаетъ, что ты давно уже у войта. Торопись: тамъ сегодня кабана закололи. Ждутъ тебя.

Такъ оно и было. Приняли Яся честь-честью. Началось угощеніе и забава. Днемъ Поля показывала ему свои достатки, столъ четыре раза накрывала, а вечеромъ—спать легъ онъ сытый на мягкія перины. Для развлеченія считали съ войтомъ деньги, пышные кафтаны примѣряли или покупали, что имъ нравилось, и гулять шли, принарядившись, людямъ себя показать, насладиться поклонами и привѣтствіями.

Поля каждый день выдумывала новыя кушанія, напитки и печенія, каждый день надѣвала новыя кольца и бусы—такъ и сверкала она.

Отъѣлся Ясикъ, глаза у него запухли отъ сна, подбородокъ выросъ втрое и стало даже ему въ шеѣ тѣсно — глядитъ, а то тесемка съ материнскимъ перстнемъ не сходится.

Тутъ Ясь призадумался: довольно испытанія! поухаживалъ,

пора уже свататься къ Полѣ и перстень дать. Подумалъ—зѣвнулъ и повернулся на перинѣ на другой бокъ: засну, молъ еще, коли зѣваю!

Но зѣванье то было не ко сну, а отъ сытости и съ тѣхъ поръ, словно болѣзнь какая, пристало къ нему. Деньги ли считаетъ, одежу ли новую справляетъ, сидитъ ли съ Полей за столомъ или идетъ посмотрѣть и послушать игры и охоту—все зѣваетъ да зѣваетъ. Дивится войтъ, дивится Поля, лѣкарствомъ Ясяпоятъ, у цыганъ и знахарей совѣта просятъ—перемѣны все нѣтъ. Ясь жалуется, что у него нутро горитъ, въ животѣ печетъ и все зѣваетъ да зѣваетъ. А на мягкой перинѣ сонъ отъ него бѣжитъ, мѣста себѣ Ясь не находитъ—тоска его грызетъ и мучитъ изжога.

И вотъ однажды ночью услышалъ Ясь, какъ запѣлъ пѣтухъ на огородѣ, вспомнилъ родную хату и работу, вскочилъ съ постели и молчкомъ пробрался на дворъ. А на дворѣ снова осень стояла, и утренній свѣтъ едва выползалъ изъ мглы. Съ деревьевъ капала холодная роса, мычали коровы, скрипѣли журавли колодцевъ, а изъ птицъ чирикали одни только воробьи, да пѣтухи напоминали, что пора новый день встрѣчать.

Вышелъ Ясь за ворота, вышелъ на поле и почуялъ запахъ свѣжей земли, взрытой плугомъ. Глядитъ—работникъ войта жнивье запахиваетъ, полусонный за плугомъ бредетъ, да и лошаденка словно во снѣ плетется. Тутъ Яська такъ и подхватило,—какъ тогда въ корчмѣ танцовать: онъ оттолкнулъ работника, взялся за плугъ, повернулъ его, заложилъ край на пластъ, прикрикнулъ на лошадь и пошелъ. До межи дошелъ, сбросилъ кафтанъ — такъ въ немъ кровь играла, хотя холодомъ рѣзало лицо туманное утро; какъ второй разъ повернулъ, сапоги снялъ, а какъ третій разъ прошелъ, снялъ шапку, вытеръ потъ рукавомъ, яснымъ взглядомъ окинулъ вспаханныя борозды, и такъ стало у на него душѣ, что себя не чувствовалъ.

Войта дворъ далеко былъ, а изъ лѣсу вышла навстрѣчу ему дѣвушка, и поздоровались они какъ старые знакомые.

— Подгоняй мнѣ лошадей, дѣвушка!—сказалъ Ясь.

Она пошла впередъ, бороздой, лошади за ней, бодро ступая, а за плугомъ Ясь съ пѣсней. Пашетъ да пашетъ, ложится борозда ровненько, одна за другой,—на плечахъ у Яся уже потъ пробралъ рубаху, на щекахъ у Яся кровь румянцемъ играетъ, а въ груди сила набралась—столько силы, что кажется Ясю, что взвился бы онъ птицей, полетѣлъ, если бъ не держался за ручки плуга.

— Не колетъ тебѣ босыя пятки холодный иней, дѣвушка?— спрашиваетъ Ясь.

— Это не иней; это—первые бѣлые цвѣты.

— И острый песокъ тебѣ ногъ не калѣчитъ?

— Это не песокъ—это мука на калачи.

— Кабы это на наши... свадебные!—робко говоритъ Ясь.

— Люди сказываютъ, что у меня дома и хлѣба нѣтъ,— отвѣчаетъ дѣвушка. — Только это тѣ говорятъ, что у меня не были.

— А былъ кто у тебя?

— У отца всякій бываетъ, когда ему чего нужно, а къ матери всякій радъ притти—за совѣтомъ.

— А къ тебѣ никто не сватается. Больно ты дорожишься.

Молчитъ дѣвушка, не вспоминаетъ о перстнѣ, но Ясь будто отгадалъ ея мысли и говоритъ:

— Значитъ, тебя не получить просьбой?

— Нѣтъ.

— И не силой?

— Нѣтъ.

— Только за кованный перстень?

— Самъ знаешь.

Подошли они ко двору войта, а дѣвушка какъ въ туманъ вошла, имъ словно платкомъ укрылась и пропала изъ виду. А у воротъ стоитъ Поля, руки ломаетъ, и войтъ съ ней, съ досады такъ весь и посинѣлъ.

— Какъ ты, нареченный моей дочери и наслѣдницы, за плугомъ босой ходишь? А гдѣ твой нарядный жупанъ, гдѣ шапка соболья? Такъ ты бродяга, нищій, мужикъ, свое добро въ грязи топчешь! Разумъ у тебя помутился, что́-ли, что ты изъ себя посмѣщище дѣлаешь!

А Поля его обнимаетъ и въ избу тянетъ.

— Иди, милый, иди... отецъ проститъ. Ложись подъ перину... ты усталъ... отдохни. Сегодня бьютъ жирнаго барана, пекутъ свѣжіе пшеничные калачи. Вечеромъ придутъ гости, мы принарядимся. Дома тепло, удобно, не надо работать.

Но Ясь все вглядывается въ туманъ, къ чему-то прислушивается и вдругъ отъ воротъ какъ бросится, отряхнулся, да какъ былъ въ портянкахъ и босой, на дорогу повернулъ; а какъ вспомнитъ Полины обѣщанія, такъ еще шагу прибавилъ.

Домой, скорѣе домой! только бы не задержали, только бы войтамъ перстень не оставить, за тотъ жиръ, что въ гостяхъ у нихъ живучи, наросъ у него. Глядитъ Ясь, а дядька, какъ

всегда, сидитъ на поворотѣ и трубку куритъ. Обрадовался ему Ясь.

— Знаешь, дядя, останься я тамъ, закололи бы меня въ мясопустъ, какъ кабана.

А старикъ голову поднялъ и что-то въ тучахъ разглядываетъ.

— Что́ вы тамъ нашли, дядька?

— Да вонъ, видишь, птицы летятъ. Это къ свадьбѣ.

Поглядѣлъ Ясикъ на вереницу журавлей, грудью разсѣкавшей вѣтеръ, и буйная сила въ немъ заиграла; поглядѣлъ на землю, на лѣса, что стояли кругомъ, и замѣтилъ что-то бѣлое цвѣтущее вокругъ избы столяра.

— Такъ у нихъ и вправду тернъ весь годъ въ цвѣту,— подумалъ Ясь. — Не диво ли, что въ нуждѣ люди такіе работящіе!

— А ты видѣлъ, чтобы они побирались?

— Нѣтъ.

— А видѣлъ, чтобы они крали, чтобы по ночамъ таскались?

— Нѣтъ.

— А подъ лавкой они съ тобой въ корчмѣ лежали?

— Нѣтъ.

— Такъ, значитъ, не нужда у нихъ, а богатство.

— Дядя, а что́, если бъ я къ нимъ пошелъ? попытаться, а?

Дядя посмотрѣлъ на него.

— Рубаха на тебѣ къ тѣлу прилипла, а глаза все-таки смѣются. Въ самый разъ они тебѣ, значитъ, пришлись. Вино тебѣ надоѣло, танцы надоѣли, сало опротивѣло, дукаты считать надоѣло—попробуй пота и пѣсни. Имѣлъ бы ты смекалку, сѣлъ бы со мной у дороги, трубку курилъ и на людей смотрѣлъ, но дѣло твое молодое, любопытство еще есть. Попытайся.

— А вы отцу не скажете, куда я пошелъ?

— Боже спаси! да его кондрашка хватитъ.

— Матери скажите.

— Да что тамъ! она и сама догадается.

Пошелъ Ясь и пропалъ совсѣмъ! не было его зиму, не было его лѣто, не было другую зиму.

Толковали люди, что онъ со столяромъ за станкомъ стоитъ каждый день, съ ранняго утра; что въ праздники съ женой столяра на заваленкѣ сидитъ и у старухи поучается; но никто Яся никогда не встрѣчалъ—ни на дорогѣ, ни на рынкѣ, ни въ лавкахъ, ни въ судѣ, ни на играхъ, ни дома.

Отецъ его проклялъ и лишилъ части наслѣдства, и никто въ семьѣ не смѣлъ вспоминать о немъ.

Однажды, на третій годъ, весенней лунной ночью, когда мать спать собиралась, въ окошко кто-то постучался. Не испугалась она и не спросила: кто тамъ? Встала съ постели, накинула на себя одежу и вышла. У порога стоялъ Ясикъ и къ ногамъ ея припалъ. Обняла мать его голову, къ бьющемуся сердцу прижимаетъ, цѣлуетъ, слезами обливаетъ, едва жива отъ счастья. А потомъ отстранила отъ себя, повернула лицомъ къ мѣсяцу и тревожно въ лицо всматривается. А лицо у Яся, какъ зорька, ясное и глаза спокойные и мудрые, какъ родникъ, а губы улыбаются и радостно шепчутъ.

— Счастливъ ты, сынокъ?

— Счастливъ, мама, какъ тогда, когда ты меня пѣсней на груди своей баюкала.

— А здоровъ ты, сердечный?

— Здоровъ, мама, какъ тогда, когда твой хлѣбъ ѣлъ.

— А веселый ты, сынокъ?

— Какъ жаворонки надъ нивой.

— А отъ чего ты такъ выросъ, возмужалъ, Ясикъ?

— Отъ работы для людей, мама.

— А отчего у тебя такъ свѣтится твоя дерюжная свитка?

— Это она свѣтится отъ солнечныхъ нитей, что мнѣ моя суженая прядетъ.

— Ахъ, дитятко ты мое родное!

Обняла его за плечи, къ груди прижимаетъ, а Ясикъ склонился къ рукамъ матери и робко говоритъ:

— Мама, я долго не смѣлъ къ тебѣ придти, боялся.

— Чего же, Ясь?

— Боялся, что не захочешь меня признать ни живого, ни мертваго.

— Почему такъ, сынокъ?

— Да, вѣдь, ты мнѣ такъ заповѣдала, когда я уходилъ. Помнишь? Когда уходилъ я счастья искать. Ты сказала: вернись хоть безъ одежи и калѣкой, только принеси перстень. А у меня, мама, перстня ужъ нѣтъ.

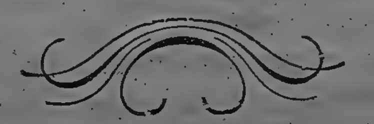
— Кому же ты отдалъ его, сынокъ? Чей ты теперь до смерти и послѣ смерти?

— Зосѣ столяровой отдалъ его, какъ сватался.

Подумала мать, въ небо поглядѣла, на сына посмотрѣла, что-то точно молитву прошептала и говоритъ:

— Не лежалъ этотъ перстень въ лавкѣ на рынкѣ и не суждено ему тамъ лежать. Не за деньги онъ былъ купленъ, и не за деньги ты его отдалъ. Пойдемъ, сыночекъ, на завалинку подъ мѣсячнымъ сіяніемъ присядемъ, а ты разскажешь мнѣ свою судьбу, свою работу и какая къ тебѣ дорожка идетъ, чтобы я къ вамъ попасть могла—въ гости!

Пер. съ польскаго М. Славинская.

СРЕДИ СТЕПЕЙ.

Панаса Мирнаго.

Случалось ли вамъ, поздней весной или раннимъ лѣтомъ, путешествовать по Украинѣ? Наблюдали ли вы безграничныя пространства ея зеленыхъ и ровныхъ степей, гдѣ ничто не мѣшаетъ вашему взору измѣрять ихъ и вдоль, и вширь, и впоперекъ; гдѣ только высокія могилы напоминаютъ вамъ о давней людской жизни, о кровожадныхъ затѣяхъ и кровавыхъ сѣчахъ; гдѣ синее небо, побратавшись съ землею, развертываетъ надъ нею свой голубой, безмѣрно-высокій, бездонно-глубокій шатеръ; гдѣ тонетъ вашъ взоръ въ безконечномъ пространствѣ, какъ и ваша душа— въ безграничной безднѣ этого свѣта и сіянія, синей глубинѣ и сизо-прозрачномъ далекѣ... Если вамъ хоть одинъ разъ привелось видѣть все это, то не забыть вамъ этого до конца вашей жизни.

Утро... ясное, прелестное утро послѣ короткой ночи. Звѣздочки куда-то исчезли—потонули въ синей безднѣ голубого неба; край его горитъ—пламенѣетъ пурпурнымъ огнемъ; красноватыя волны яснаго свѣта трепещутъ среди темноты; надъ степью вьется ея послѣдній вздохъ; внизу балки дремлютъ въ темной тѣни, а высокія могилы блещутъ серебряной росой; подымается сизый туманъ и легкимъ дымкомъ цѣпляется за растенія, стелется по землѣ... Тихо. Ни шелеста, ни звука кругомъ... Вотъ сразу обдало свѣтомъ, какъ будто кто тронулъ полѣно, которое тлѣло догорая, и сизое пламя столбомъ поднялось вверхъ, среди красныхъ, раскаленныхъ угольевъ.

Легкій вѣтерокъ подулъ; вблизи въ травѣ затрещалъ кузнечикъ; гдѣ-то далеко отозвались перепела, а тамъ надъ степью понеслась-полилась, точно серебряный колокольчикъ, пѣсня жаворонка. Недалеко тутъ же раздается другая; перепелы въ травѣ начали перекликаться; кузнечики одинъ за другимъ, точно въ перегонку, затрещали...

Снялся вѣтерокъ посильнѣе и пошелъ-пригнулъ, катя по травѣ едва замѣтную волну, играя серебряной росой... Еще прибавилось свѣту, еще разъ выбросило изъ-за горы краснымъ огнемъ, горизонтъ точно пурпурнымъ бархатомъ покрылся—сверкаетъ, пылаетъ, какъ личико сконфузившейся дѣвушки... Но вотъ, точно кто брызнулъ!.. Изъ-за горы выскочила небольшая искорка, среди краснаго сіянія, и длинною лучистою стрѣлою прорѣзала всю степь; рядомъ съ нею бѣжитъ другая, а третья мчится, ихъ догоняя... Вотъ цѣлый пукъ прорвался, цѣлый снопъ мчится! И на далекомъ небосклонѣ заигралъ-заблестѣлъ кончикъ искристаго круга...

Обрадовалась земля: усмѣхнулись высокія могилы серебряною росою; задымились пологія долины пахучимъ туманомъ; жаворонки изо всѣхъ силъ щебечутъ, перепелы кричатъ, неугомонные кузнечики завели въ травѣ такой трескъ, что ушамъ больно... Солнце, солнце! Это тебя, предвѣчный свѣтъ, встрѣчая, привѣтствуетъ земля.... Прочь все темное и злое, исчезни все горестное и недоброе! Проснулась мать міра, показала намъ свое ясное личико! Слава тебѣ, пышное величіе, молись ей, живой міръ! Мчись ей навстрѣчу, легкій вѣтерокъ, и прочищай, продувай тропинки и дорожки, чтобъ наша мать не запылила своей дорогой одежды!.. Поетъ кругомъ весь міръ, все живое, и сердце трепещетъ, какъ птичка въ клѣткѣ, подпѣваетъ міру, бьетъ и звонитъ въ глухую доску вашей груди. Какая радость обнимаетъ! Какое невыразимо хорошее чувство его колышетъ!..

Ваше тѣло пощипываетъ холодокъ, ваши глаза веселитъ краса міра, ваше сердце чаруетъ его счастье. Вы осязаете, что вы частица этого міра, маленькая точка его тѣла, незамѣтный уголокъ его незримой души. Его мука—ваше горе; его радость—ваше счастье; его удовольствіе—ваше веселье... Скажи же мнѣ, царь земли—человѣкъ, что̀ твое, а что̀ міровое?

Молчитъ царь земли, очарованный красою міра; онъ будто дремлетъ... И вдругъ откуда ни возьмись небольшой кобчикъ; высвистывая пѣсню, поднялся высоко надъ нашей головой. Среди яснаго свѣта чернѣютъ его блестящія перья, широко распростертыя крылья едва дрожатъ въ прозрачномъ воздухѣ—будто кто спустилъ его на незамѣтной ниточкѣ съ самаго неба и держитъ надъ землею. Ваши глаза напряженно слѣдятъ за нимъ; ваше сердце ждетъ— что̀ же дальше будетъ?.. Вотъ что-то слегка треснуло, точно прервалась нитка, придерживавшая этого кобчика на одномъ мѣстѣ, затрепетали его крылья, и кобчикъ стремглавъ

бросился на землю. Не успѣли ваши взоры прослѣдить, куда онъ спустился, какъ онъ снова поднялся вверхъ, заклевывая своимъ острымъ клювомъ свою жертву... «Смерть, разбой.. екнуло въ вашемъ сердцѣ: среди этакой красы природы, когда въ душѣ зарождается радость и счастье, когда просыпается любовь ко всему—и вдругъ—злая смерть и разбой!... Зачѣмъ это, за что?...»

Сразу помутилась въ вашихъ глазахъ краса природы, тихая радость начала исчезать, что-то щипнуло вамъ за сердце, не боль, а какое-то недоброе чувство овладѣло вашей душой.

— Якимъ! пора запрягать,—говорите вы своему возницѣ.

А Якимъ, лежа подъ возомъ на свиткѣ, спитъ. Его шапка насунулась на закрытые глаза; его горячее тѣло ласкаетъ и охлаждаетъ прохлада. Ему такъ хорошо, такъ сладко утромъ дремлется. Онъ цѣлую ночь не спалъ, посматривая на лошадь, чтобы она не ушла куда-нибудь далеко отъ воза, гдѣ вы на пахучей травѣ всю ночь такъ сладко спали подъ покровомъ тихой звѣздной ночи.

— Якимъ!—кричите вы, нагинаясь съ воза.

— А что?—отзывается онъ.

— Пора, говорю, запрягать.

Якимъ почесался, прицмокнулъ, точно сказалъ: хе-е! а не запрегъ ли бы ты самъ?—и, зѣвая, сталъ подыматься.

Вотъ лошадь запряжена. Яковъ подсунулъ зеленую траву, намостилъ ее такъ, чтобъ вамъ было хорошо сидѣть, самъ сѣлъ на голую доску впереди и, подобравши возжи, крикнулъ:

— А ну, гнѣдко, отдохнулъ за ночь? Вези дальше—пока утречко!

Гнѣдко задвигалъ шкурой, дернулъ и неспѣшно пошелъ дорогою, поворачивая свою голову то въ одну сторону, то въ другую, чтобы хоть насмотрѣться на то мѣсто, гдѣ ему было такъ хорошо: и напасся вдоволь, и отдохнулъ порядкомъ.

Якимъ видимо угадалъ мысли Гнѣдка и началъ его упрекать:

— А! не хочешь? Оглядываешься? Не хотѣлъ и Якимъ вставать, такъ, видишь, разбудили... Но-о!

Ременный кнутъ свистнулъ посреди спины Гнѣдка, оставивши на ней длинную полосу. Гнѣдко, точно обожженный, кинулся—прыгнулъ и, фыркая, пошелъ мелкой рысью.

— За что ты, Якимъ, ударилъ его такъ? Пусть бы себѣ тянулъ помаленьку,—говорите вы.

— А когда же ему и побѣжать, какъ не утромъ?—отвѣ-

чаетъ неласково Якимъ.—Пока—холодокъ, пусть бѣжитъ; когда солнце припечетъ, тогда и шагомъ будетъ тяжко!.. Но!—крикнулъ снова Якимъ, дернувъ сердито возжами.

Гнѣдко еще больше прибавилъ ходу. Застучали его копыта о сухую землю, загремѣли колеса, катясь по ровной дорогѣ.

Этотъ стукъ и грохотъ гудятъ въ вашей головѣ, отзываются въ спинѣ. За ними не слышно ни неугомоннаго треска кузнечиковъ, ни веселаго щебетанія птичекъ, ни голоднаго крика кобчика...

Ясное солнышко выкатилось изъ-за далекой горы, обдаетъ васъ теплымъ лучомъ, а встрѣчный легкій вѣтерокъ несетъ съ прохладою запахи степныхъ растеній.

Снова становится вамъ хорошо. Вотъ вы выѣхали на невысокую горку. Сѣрымъ змѣемъ ползетъ дорога съ горы въ долину среди зеленой травы безконечной степи. Солнышко порядочно уже поднялось выше и разсыпаетъ свое золотое сіяніе по зеленой долинѣ. Ни перомъ описать, ни словомъ разсказать о той неожиданной красотѣ, которой усмѣхнулась вамъ долина.

Зеленая травка горитъ—пышетъ зеленымъ огнемъ, на ея длинныхъ листочкахъ играютъ и сіяютъ самоцвѣтные камни, чистая роса; то стрѣльнетъ вамъ въ глаза иголкой желтаго свѣта, то закраснѣетъ круглой горошиной, то засинѣетъ синимъ цвѣтомъ, то посыплетъ зелеными искорками. И это справа, слѣва! Куда вы ни повернетесь—все горитъ, пылаетъ, вся долина красуется, точно она радугами укрыта.

Вы смотрите и удивляетесь; вамъ кажется, что вы ѣдете не по утоптанной дорогѣ въ зеленой степи, а какимъ-то невѣдомымъ краемъ красоты и чаръ и вольнаго воздуха. Вамъ легко дышется, легко живется. Все, что когда-то васъ давило, тоску возбуждало—исчезло; пріятныя и милыя ощущенія начали овладѣвать вами, сны какіе-то душу вашу укачиваютъ; изъ самой глубины сердца вынырнули мысли—думы незамѣтныя, мысли легкокрылыя,—сами мчатся и васъ мчатъ за собою.—Куда?—Не спрашивайте, не ищите!

Среди этого очарованія до вашего уха доносится какой-то глухой шумъ, какой-то неясный скрипъ... Это васъ точно въ бокъ толкнуло.

— Тпрру-у!—слышите вы голосъ Якима, который быстро остановилъ Гнѣдко.

Вы качнулись, васъ подбросило, оглядываетесь.

Недалеко отъ васъ стоитъ обозъ въ восемь возовъ. Верхи на этихъ возахъ высокіе, выплетены изъ лозы и покрыты дерю-

гою. Лошаденки, которыя были запряжены въ возы, заморены, шерсть у нихъ всклокочена, головы онѣ понуро опустили. Возлѣ первой лошаденки стоитъ высокій человѣкъ, худой, какъ палка, черный, какъ сажа. У него только зубы бѣлѣютъ, да блестятъ острые глаза изъ-подъ насупленныхъ бровей; онъ весь опаленъ солнцемъ и густо покрытъ черной грязью. Казалось, что передъ вами стоитъ старая верста съ облупленными боками, вся почернѣвшая отъ ненастья.

— Зачѣмъ вы стали?—кричитъ Якимъ.—Не видите, что навстрѣчу ѣдутъ? Сверните.

— А развѣ у тебя глаза вылѣзли, что не видишь, что мы не налегкѣ?

— Не налегкѣ?!—передразнилъ его Якимъ.—А мы развѣ налегкѣ? Видишь, пана везу!

— Ну то и вези его съ Богомъ!—глухо отвѣтилъ человѣкъ и началъ поправлять чолку у лошади.

Якимъ свернулъ съ дороги и потихоньку началъ объѣзжать обозъ.

Проѣзжая мимо передняго воза, вы видите, что изъ-подъ его навѣса выглядываетъ на васъ молодая женщина съ маленькимъ ребенкомъ на рукахъ, два мальчика съ бѣлыми, какъ молоко, головами, дѣвочка съ заплетенною въ косахъ, вмѣсто ленточки, веревочкою. Возлѣ второго воза, облокотившись на лошадь, стоялъ еще молодой парень и съ любопытствомъ смотрѣлъ на насъ, а съ воза выставились сморщенное лице старушки съ повязанной чернымъ платочкомъ головою, да бѣлая спутанная борода старика съ краснымъ, испеченнымъ солнцемъ, лицомъ и ясными очами.

— Здравствуйте!—привѣтствуете вы старика.

— Здравствуйте и вамъ, — отозвался старикъ беззубымъ ртомъ.

— Куда Богъ несетъ?

— Далеко,—медленно отвѣтилъ онъ,—отсюда не видно!

— Это, баринъ, переселенцы,—сказалъ Якимъ, стегнувши Гнѣдка, чтобы поскорѣе минуть возъ. А вотъ посмотрите, какая хозяйственная женщина: и курятникъ съ курами съ собой везетъ; а вотъ и кота съ собой взяли... Пусть вамъ добро снится!— бормоталъ Яковъ, подгоняя Гнѣдка, чтобы скорѣе миновать обозъ.

Но вы уже не слушаете того, что говоритъ Якимъ, не глядите и на переселенцевъ, которые высунулись изъ-подъ своихъ навѣсовъ и съ любопытствомъ осматриваютъ васъ; не любуетесь

красотою природы, которая передъ вами, какъ коверъ, разстилается, бьетъ въ глаза, къ сердцу радостью проникаетъ...

Голова ваша поникла, тоска обняла душу, нерадостныя мысли начали въ сердце проникать...

— Погоняй Гнѣдка, Якимъ! погоняй, не зная, что дѣлать,— просите вы.

Якимъ ударилъ Гнѣдка... Снова его копыта застучали о сухую землю, снова загудѣли колеса по ровной дорогѣ.

Переѣхавши долину, вы опять начинаете подыматься на холмикъ. Гнѣдко въ гору не скачетъ, идетъ шагомъ; вѣтеръ не мчится вамъ навстрѣчу, не ласкаетъ прохладой вашего лица,— затихъ; солнце высоко поднялось, начало припекать: вотъ оно бокъ вамъ пригрѣло, вотъ припекло плечо, горячо цѣлуетъ щеку. Гдѣ-то и докучливая муха взялась, лѣзетъ вамъ прямо въ глаза. Васъ разбираетъ досада на непрошенную гостью. И какой лѣшій занесъ ее въ это безлюдное мѣсто? Вы отмахиваетесь рукою, а она, не обращая на это вниманія, снимется, полетаетъ надъ вами и—то объ васъ ударится, то сядетъ на щеку и опять лѣзетъ къ глазу.

— А чтобъ ты пропала, подлая!—вскрикиваете вы и внѣ себя ударили по щекѣ рукою.

Только отзвукъ раздался, да потъ облилъ васъ.

— А ну-ка, Якимъ, погоняй. Что это мы точно на волахъ ѣдемъ?—сердитесь вы, глядя на Якима, который покачивается передъ вами съ одного бока на другой.

— Но-о!—крикнулъ Якимъ, ударивши Гнѣдка возжою.

Гнѣдко прибавилъ шагу, но въ гору не скачетъ.

Становится вамъ скучно и душно; солнце печетъ. Теперь настаетъ уже день. На небѣ ни облачка, ни пятнышка—высокое, синее, оно, чѣмъ дальше, начинаетъ желтѣть; не только отъ солнца, отъ него тоже начинаетъ грѣть и печь. Степь, стряхнувши съ себя росу и сбросивъ едва замѣтныя тѣни, горитъ ровнымъ желто-зеленымъ цвѣтомъ; высокая трава начинаетъ гнуться, склоняться, надъ нею только горячій вѣтеръ гуляетъ, да солнце разсыпаетъ свой жгуче-искристый лучъ. Изъ-подъ ногъ Гнѣдка, да изъ-подъ воза, начинаетъ вырываться пылища,—подымается и обдаетъ васъ. Чистый, пахучій воздухъ становится тяжелымъ, пыльнымъ. Вы уже нѣсколько разъ чихнули, нѣсколько разъ схватывались за грудь, едва переводя дыханіе.

А солнце подымается все выше и выше, жжетъ все сильнѣе и сильнѣе; становится душно до дурноты. Охъ, гдѣ бы

найти тѣнистое мѣстечко, чтобы хоть на минутку спрятать въ немъ свою голову.

Но вотъ далеко, далеко въ желтой мглѣ безконечнаго пространства, возлѣ самаго небосклона длинной полоской синѣетъ что-то. Что это? Дождевая ли туча высунула свои верхніе слои изъ-за горы, или темный лѣсъ дремлетъ на солнечномъ припекѣ?.. Время отъ времени тянетъ оттуда прохладой.

— Якимъ! Что это тамъ виднѣется?

— Гдѣ?

— Да тамъ далеко, далеко... Видишь?

— Вижу... Должно быть, лѣсъ будетъ, а можетъ и село надъ рѣчкой вытянулось; оттуда и прохладой вѣетъ,—догадывается Якимъ.

— Твоими устами да медъ пить,—говорите вы, радуясь, что Якимъ угадалъ ваши желанія.

Отъ нестерпимой жары вы не довѣряете своимъ глазамъ. Васъ беретъ сомнѣніе: а что, если это только миражъ, который часто обманываетъ человѣка въ необозримыхъ пескахъ безводной степи? Адская жажда и жара такъ ослабляютъ его, что у него передъ глазами неизвѣстно откуда берутся развѣсистые сады, темные лѣсочки и синія рѣчки. Вотъ, вотъ онѣ передъ глазами блещутъ; еще немного—и онъ утолитъ нестерпимую жажду, потушитъ внутренній жаръ... Не больше версты осталось, а если двѣ, то это много... Но что это? Не успѣлъ онъ мигнуть, какъ таращитъ уже удивленные глаза... Гдѣ же дѣвались сады и лѣса и чистыя быстрыя рѣчки? Предъ нимъ одни только пески, да необозримая пустыня растянулась буро-краснымъ жаромъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, думаете вы,—у насъ такъ не бываетъ; это гдѣ-то далеко, въ чужомъ краю. Вотъ и Якимъ угадываетъ, что это не обманъ, а Якимъ ужъ опытенъ въ этомъ—не промахнется. Охъ, если бы только скорѣе!

А солнце точно разсердилось на васъ за эти мысли; уставилось на васъ, тысячами горячихъ иголочекъ вонзается въ вашу одежду, добирается до вашего тѣла—высасываетъ горячимъ потомъ изъ него всю воду, жаритъ и сушитъ раскраснѣвшееся лицо. Вы чувствуете, какъ у васъ сгущается кровь, едва двигается она во вздутыхъ жилахъ, съ трудомъ къ сердцу доходитъ—сколько-то ему, бѣдному, прибавляетъ работы! Ослабѣвая, оно порывисто бьется: то застучитъ, точно отъ гнѣва, въ сухую грудь, то, успокаиваясь, затрепещетъ сильно и часто, то на мгновеніе совсѣмъ перестанетъ биться — замретъ. Сонъ не сонъ охватываетъ васъ, а какое-то сонное томленіе, и мысли снуютъ

въ вашей головѣ—не мысли, а какіе-то обрывки мучительныхъ мыслей.

— Ну и припекаетъ! — слышите вы будто откуда-то издали.

Это бормочетъ Якимъ уставшимъ голосомъ.

— А ну-ка, проворнѣе! — обращается онъ къ Гнѣдку. Скорѣе къ мѣсту доѣдемъ, гдѣ-нибудь въ тѣни отдохнемъ... Видишь— лѣсъ виднѣется... Но-о!

Васъ дернуло; вы встрепенулись точно со сна, раскрываете глаза... И дѣйствительно, тамъ на горкѣ синѣетъ лѣсъ, то будто стогъ сѣна горбомъ подымается, то острымъ шпицемъ къ небу тянется, то маленькими копнами раскинулся по горкѣ. Свѣжій вѣтерокъ подулъ на васъ... Охъ, легкокрылый братъ! Выходи изъ своего тихаго убѣжища—лѣсной чащи, изъ-подъ развѣсистыхъ вѣтвистыхъ кустовъ, да глубокихъ темныхъ яровъ, гдѣ ты въ пахучей прохладѣ въ полдень отдыхаешь, прячась отъ палящаго жара! Подымись на горы высокія, а потомъ спустись въ долины широкія и подуй, повѣй на степи безконечныя, на поля безмѣрно широкія! Съ синей рѣчки, гдѣ ты любишь качаться на легкихъ волнахъ, схвати прозрачную влагу, оберни ее въ черную тучу и повѣсь, разстели ее по синему небу, спрячь отъ насъ ясное солнышко, защити отъ его злого намѣренія— испечь, растопить насъ.

Ваша голова закружилась, заходили зеленые круги передъ закрытыми глазами; подъ сердце что-то подступило,—давитъ васъ, дыханіе въ груди спираетъ... Какъ снопъ, вы сваливаетесь и лежите на томъ мѣстѣ, гдѣ сидѣли.

Сонъ ли это или другой болѣе страшный недугъ свалилъ васъ? Вы не можете разобрать; мысли ваши спутались, голову вашу точно кто-то руками стиснулъ, болитъ она, жжетъ ее. Вамъ бы хотѣлось крикнуть Якиму, чтобы онъ помогъ вамъ подняться, но языкъ вашъ не поворачивается—онѣмѣлъ, голосъ вашъ ослабѣлъ, пропалъ. Вы чувствуете, что тамъ у васъ,— гдѣ-то глубоко въ серединѣ,—едва движется сердце, едва держится жизнь, что скоро, черезъ мгновеніе, оно еще разъ дрогнетъ, и замретъ на вашихъ устахъ его послѣдній вздохъ... Вамъ дѣлается страшно...

— Э, такъ вы вотъ какъ? спать?!—доносится къ вамъ голосъ Якима будто изъ-подъ земли.—Такъ хорошо, а вы спать! Вставайте-ка, по крайней мѣрѣ надышитесь вволю.

Вы вздрогнули, подымаетесь, раскрываете удивленные глаза... Что за чудо?! Вы въ лѣсу. Среди объемистыхъ высокихъ де-

ревьевъ, далеко подъ горку, корытомъ растянулась дорога; длинныя вѣтви переплелись надъ нею высокимъ сводомъ; зеленая тѣнь и прохлада подъ нимъ, и развѣ только нечаянно ясное солнышко, пробившись сквозь густую листву, движется по землѣ свѣтлымъ пятномъ или тлѣетъ точно разгорѣвшійся уголь...

Сразу же, неизвѣстно гдѣ дѣвалась сонная немощь, вернулась ваша сила. Гнѣдко напряженно тянетъ въ гору, медленно ступаетъ; сбоку идетъ Якимъ, придерживаясь рукою за передокъ воза, чмокаетъ на Гнѣдка, слегка держитъ возжи. Васъ такъ и потянуло соскочить съ воза. Якимъ не успѣлъ остановить Гнѣдка, какъ вы уже спрыгнули; стукнулись о сухую землю ногами, слегка покачнулись и, потягиваясь, расправляете усталую спину. Вамъ становится хорошо: по всѣмъ жиламъ пробѣгаетъ неожиданная мощь,—въ каждомъ суставѣ она отзывается молодою радостью; сердце ваше бьется полно и ровно, грудь дышетъ глубоко и свободно, душу чаруетъ чудное чувство.

Такъ еще недавно васъ жарило, пекло, такъ еще недавно вы не знали, куда дѣваться среди ровной, безбрежной степи, а тутъ гдѣ-то взялась горка и лѣсъ на ней густой и высокій. Величественные дубы гордо вытянули свои головы вверхъ, широко распростерли вѣтви на всѣ стороны; высокій болиголовъ и папоротники примостились возлѣ нихъ въ тѣни—роскошествуютъ; на широкихъ полянахъ молодой орѣшникъ съ желто-зеленой листвой грѣется на солнцѣ; въ прогалинахъ кусты темно-зеленой калины свѣсили свои вѣтки внизъ; на нихъ соловьи засѣли, непрестанно несется ихъ пѣсня по всему лѣсу; маленькія птички соперничаютъ съ ними своимъ щебетаніемъ: что-то бормочетъ чижикъ съ высокаго вяза, пророчитъ лѣто сизая кукушка, желтобрюхая иволга перекликается съ одудомъ, а изъ кустовъ орѣшника идетъ-несется клекотъ орлиный...

Потихоньку вы взбираетесь все выше и выше. Будто и незамѣтно, а напряженіе все-таки есть—оно горячитъ вашу кровь, сердце стучитъ быстрѣе, дыханіе становится труднѣе, останавливается... Но вотъ вы и на горѣ, на широкой полянѣ. Здѣсь деревья рѣже и трава ниже—сожгло ее солнцемъ. Вотъ уже и край неба начинаетъ виднѣться, не прячется за лѣсомъ, а убѣгаетъ куда-то за гору. Можетъ быть, снова на степь безпредѣльную, на поля широкія, гдѣ горячій вѣтеръ вѣетъ, гдѣ печетъ-припекаетъ ясное солнце? Вотъ, вотъ и... вы, какъ очарованный, стали...

Мать красоты, краса міровая! Гдѣ ты берешь такія роскошныя краски, цвѣта блестящіе? Какой мастеръ, какой талантли-

вой рукой, наложилъ ихъ на тебя такъ густо, такъ ровно, такъ умилительно и прекрасно, прикрывъ сверху волшебнымъ свѣтомъ, точно золототканной фатою?.. Къ вамъ обращаюсь, художники, на весь свѣтъ знаменитые! Дайте мнѣ вашу палитру, краски, кисти и полотно! Я буду писать тебя, мѣстечко небеснаго рая, маленькая крохотка красы міровой! Вы, великіе поэты, пѣвцы пророческаго слова! Дайте мнѣ тотъ живой огонь, которымъ вы жжете души людскія, чаруете сердца и вызываете цѣлый рой думъ и мыслей, цѣлую вереницу роскошныхъ мечтаній въ озабоченной головѣ человѣка: слабый голосъ мой не въ состояніи дать понятія людямъ о томъ пріютѣ счастья, гдѣ краса природы соединилась съ тихимъ спокойствіемъ, гдѣ волшебство и чудо въ союзѣ!.. Край мой! Родина моя!

Вы на горѣ, на самой верхушкѣ. По правую сторону сбѣгаетъ внизъ дорога, точно змѣй-великанъ вьется она между деревьевъ; по лѣвую—овраги и пропасти, непроходимыя и острыя головы красной глины, а прямо передъ вашими глазами растянулась долина... Самая талантливая ткачиха не соткетъ такого узорчатаго ковра, какой мать-природа соткала здѣсь на диво людямъ! Зеленые луга съ роскошными цвѣтами составляютъ фонъ; одинокія деревья выступаютъ темнымъ по немъ узоромъ; надъ рѣчкою село съ бѣлыми хатками и вишневыми садиками легло кругомъ прелестной каймой, а чистая рѣчка оторачиваетъ все синей тесьмой. Въ ея темной глубинѣ отражается и лѣсъ, и горы, и село съ хатками и садиками, и небо бездонное, синее съ бѣлыми, какъ паутина, тучками, и солнце жгучее. А тамъ дальше, за рѣчкою, окруженной темно-зеленымъ камышемъ, потянулись нивы длинными полосами, развернулись луга широкими коврами, пряча свои края тамъ, гдѣ земля сходится съ небомъ, гдѣ голубой сводъ неба сливается съ темно-зеленой далью... И надъ всѣмъ этимъ высокое и голубое небо раскинулось шатромъ, сіяетъ искристое солнце и обдаетъ все горячимъ свѣтомъ; ясныя пятна и темныя тѣни ходятъ, переползаютъ съ мѣста на мѣсто. О, волшебница природа! Для чего ты меня манишь своими чарами? Для чего приковала къ одному мѣсту и не пускаешь? Пусти меня! Гляди — Якимъ уже спустился съ горы и, не доѣзжая до моста, повернулъ на поляну, чтобы самому отдохнуть и Гнѣдку дать попастись. Онъ рѣшилъ тамъ остановиться, распрягаетъ... И вы спѣшите за нимъ.

Въ тѣни высокаго широколиственнаго осокоря, среди пушистаго ковра густой травы, остановился Якимъ со своимъ добромъ. Возжами привязалъ Гнѣдка къ сосѣдней березѣ, а самъ,

поставивши треножникъ, приготовляясь варить кашу, съ ведромъ побѣжалъ къ рѣчкѣ, которая недалеко плескалась о свои отлогіе берега. Вода въ ней чистая и прозрачная; солнце ее пронизываетъ сверху до самаго дна, и только въ серединѣ чернѣетъ, что показываетъ, что въ этомъ мѣстѣ глубоко или что зеленая водяная трава укрыла ея чистое дно. Тихій вѣтеръ вѣетъ вдоль рѣчки, подымаетъ небольшую волну и широкой складкой гонитъ ее по теченію. Вотъ погнало ее до самаго берега, плеснуло на песочекъ, подхватило пустую раковину, потянуло ее въ воду, подкинуло, поигралось и снова выбросило на берегъ.

Васъ такъ и потянуло къ водѣ, къ ея чистой волнѣ, ея цѣлительной прохладѣ. Скорѣй одежду съ себя!.. Бухъ въ воду!.. Заклекотала - потемнѣла ея прозрачная масса, широкіе круги пошли по верху и, расходясь во всѣ стороны, набѣгали одинъ на другой, образуя маленькіе пузырьки; поперечныя волны зашатались, подались назадъ и, сталкиваясь, пошли себѣ, подпрыгивая, опережая одна другую... Шу-шу-шу-у! скокъ! ляпъ!.. шу-шу-шу-у! скокъ! ляпъ!.. Вамъ стало трудно плыть подъ водою, дыханіе сперло въ груди, и вотъ вы уже вынырнули изъ-подъ волны. Вы довольны и веселы; стряхнувши воду, которая струями сбѣгаетъ съ вашей головы, раскрываете глаза и, переводя духъ, осматриваетесь кругомъ себя. Чистая вода васъ обмываетъ, лобзаетъ вамъ грудь, плечо, щекочетъ бока, солнце съ высоты сыплетъ на нее свои огненныя стрѣлы, посылаетъ вамъ горячіе поцѣлуи, качается на прозрачной волнѣ. Вотъ вы нечаянно брызнули, маленькая радуга показалась возлѣ васъ, блеснула вамъ въ глаза и быстро исчезла; вотъ вы повели рукою—закипѣла тихая вода, забѣлѣла и обдала васъ пѣной; вы нырнули—пѣна помчалась по теченію, и вы снова среди тихой и чистой воды. Вамъ дѣлается хорошо, несказанно хорошо въ этой прохладѣ; вы чувствуете какую-то мощь, которая напрягаетъ ваши мускулы, вызываетъ радость въ сердцѣ, подбиваетъ васъ играть, забавляться. Точно маленькій ребенокъ, вы начинаете шалить въ водѣ: то ляжете на спину и качаетесь на тихой волнѣ, заглядываясь на синее небо, то, когда унесетъ васъ теченіемъ, переворачиваетесь на грудь и, взмахивая руками, плывете противъ теченія, а то нырнете на глубинѣ, а вынырнете уже на берегу.

Даже Якимъ заглядѣлся на васъ. По его загорѣлому лицу играетъ тихая усмѣшка.

— Рады, что къ водѣ добрались и забавляетесь!—говоритъ вамъ онъ.

— Отчего же ты, Якимъ, не купаешься? — кричите вы ему.—Пока кипятокъ закипитъ—освѣжись!

— Смотрю, какъ вы забавляетесь, и меня манитъ,—отвѣчаетъ Якимъ.

— А коли манитъ, отчего не купаешься? А, можетъ, плавать не умѣешь, боишься утонуть? Вотъ тутъ у берега неглубоко—поболтайся.

— Да я когда-то плавалъ немного, а теперь не знаю, не забылъ ли,—медленно отвѣчаетъ Якимъ, начиная раздѣваться.

— Какъ-то ты тамъ плавалъ когда-то?—думаете вы, глядя, какъ медленно Яковъ снимаетъ съ себя одежду, и сразу замышляете противъ него: когда только онъ войдетъ въ воду—потянуть его на глубину, пусть покажетъ, какъ онъ умѣетъ плавать.

Наконецъ Якимъ раздѣлся; черный, опаленный солнцемъ, стоитъ онъ на берегу и какъ-то недовѣрчиво смотритъ на воду.

Вотъ подошелъ къ водѣ, осторожно ступилъ въ нее одной ногой и, вздрогнувъ, подался назадъ.

— Чего тамъ пробовать? Вода теплая!—кричите вы.

— Гдѣ тамъ теплая? Даже морозъ по кожѣ пошелъ, какъ прикоснулся ногою! — говоритъ Якимъ и опять съ сомнѣніемъ посматриваетъ на воду.

— Конечно, она кажется тебѣ холодною, когда ты только ногою пробуешь. А ты сразу!

— Вотъ такъ!—крикнулъ Якимъ и, точно кто громадный камень бросилъ, кинулся въ воду.

Закипѣло, заревѣло кругомъ, рѣчка ахнула и, не понимая, что дѣлается, заметалась во всѣ стороны; вы не успѣли прійти въ себя, какъ Якимъ вынырнулъ уже возлѣ васъ.

— Го-го-го-го-о! — закричалъ онъ басомъ во все горло, даже эхо отозвалось въ лѣсу.—Братъ ты мой! Какое холодище! А ну-ка грѣться! А ну-ка на тотъ берегъ!

И, какъ хорошій косарь, замахалъ Якимъ руками, разрѣзывая волны поперекъ. Вода подъ нимъ клокотала, выдавленный имъ слѣдъ длинной полосой обозначался на рѣчкѣ, а Якимъ, поворачивая голову то въ одну, то въ другую сторону, знай, машетъ руками, будто саженями измѣряетъ рѣчку. За каждымъ его взмахомъ его загорѣлое тѣло, точно полѣно, всплываетъ на поверхность воды, да такъ и подается впередъ; пока онъ замахнется другой рукой, тѣло его слегка покроется водою, а тамъ снова вынырнетъ, и поверхъ воды мчится на ту сторону.

— Кто бы могъ подумать, чтобы Якимъ, такой неповорот-

ливый, да такъ плавалъ!—удивляетесь вы.—А ну,—догнать его! Гдѣ тамъ! Не вашимъ слабымъ рукамъ соперничать съ сильными руками Якима; нѣтъ у васъ ни той силы, ни той ловкости.

Якимъ словно рыба плаваетъ, кажется, воды не касается, а вотъ уже и на томъ берегу; а у васъ уже и руки отяжелѣли, дышать стало трудно, а вы еще и до середины не дотащились; чтобъ отдохнуть, вы должны лечь на спину.

— Эге-ге!—смѣется Якимъ съ того берега, натирая руки пескомъ,—вы на всѣ лады? А ну-те еще по-бабьи!—Такое глумленіе Якима надъ вами колетъ васъ, обижаетъ, досада овладѣваетъ вами.

— Постой же,—думаете вы,—я-таки удивлю тебя.—И, повернувшись на бокъ, начинаете плыть.

— А это по-какому? По-паучьему? Такъ только пауки прыгаютъ по водѣ!—смѣется Якимъ.

Но вы уже не обижаетесь—вы рады, что добрались до неглубокаго мѣста, гдѣ ногами достали дна. Слава Богу! А то довелось вамъ не разъ и водою захлебнуться, и руки ваши точно кто связалъ, а ноги сковалъ—не слушались васъ.

— А чтобъ тебѣ неладно было, Якимъ,—говорите вы.—За тобою не уплывешь! А я думалъ, что ты только, какъ топоръ, умѣешь плавать.

— И какъ топоръ умѣю, когда захочу!—смѣется Якимъ и снова пускается вплавь.

По серединѣ рѣчки онъ началъ показывать, какъ топоромъ плавать: то вынырнетъ, то заплещетъ въ ладони, то заоретъ: спасите! то заржетъ, какъ конь.

— А вотъ вамъ и по-бабьи,—кричитъ онъ опять. Распластался по водѣ, какъ жаба, вертитъ спиною, перебираетъ ногами такъ, что вода кругомъ него, какъ подъ колесомъ мельницы, бурлитъ и пѣнится.

Но тутъ сразу какъ завопитъ:

— Ахъ ты, дьявольское твореніе! Тпру-у!—и со всей силы замахалъ руками.

Не успѣли вы подняться, чтобы посмотрѣть, отчего это Якимъ такъ заволновался, какъ онъ уже и на берегъ выплылъ и голый помчался вдоль луки.

Что тамъ случилось? Вы всматриваетесь и видите, какъ Гнѣдко, растянувшись на травѣ, намѣревается опрокинуться, качнется съ бока на спину, подниметъ ноги кверху, замелетъ ими и упадетъ снова на бокъ.

— Ишь подлецъ!—крикнулъ Якимъ возлѣ Гнѣдка, когда тотъ успѣлъ-таки опрокинуться.

Гнѣдко, услышавъ возлѣ себя грозный голосъ Якима, поднялся на переднія ноги, взглянулъ на Якима и сразу вскочилъ на заднія, наклоняя низко голову, точно устыдился, что безъ хозяйскаго позволенія маленько позабавился.

— Постой—я тебя, дьявольскую тварь, выкупаю!—сердился Якимъ и началъ отвязывать поводъ. Гнѣдко приблизился къ Якиму, искоса взглянулъ на него своимъ краснымъ глазомъ и потерся мордою о его бокъ.

— А ну тебя! Обрадовался, небось!—И Якимъ замахнулся на Гнѣдка, который, прищуривши глазъ, отвелъ быстро свою голову въ сторону.

Черезъ минуту и Гнѣдко и Якимъ уже плыли по рѣчкѣ. Гнѣдко, задравши морду и выставивши, точно лодку, широкую спину, плылъ тихо, безпрерывно прыская и храпя; а Якимъ, схватившись за хвостъ, подгонялъ сзади Гнѣдка, когда замѣчалъ его намѣреніе свернуть въ сторону.

— Купай же, Якимъ, Гнѣдка, а мнѣ время выходить,— говорите вы Якиму, чувствуя, что вода взяла свое: морозъ чаще пробѣгаетъ у васъ по спинѣ, зубы стучатъ; вы должны ихъ крѣпче стискивать.

Потихоньку вы переплыли рѣчку, быстро выскочили на берегъ одѣваться. Платье, накаленное солнцемъ, согрѣваетъ васъ; теперь вамъ пріятно его тепло. Оно остановило ощущеніе холода, который-было такъ внезапно охватилъ васъ; вызываетъ какое-то успокоительное чувство; будитъ мысли; доходятъ онѣ до глубины сердца.

Лицо ваше печальное, задумчивое, казалось бы, вы разсердились на кого-то. Но это только такъ кажется, это только— со стороны.

Вотъ вы молча, не глядя никуда, одѣлись, поплелись въ тѣнь подъ широковерхій осокорь, гдѣ Якимъ развелъ огонь; мимоходомъ взглянули на котелокъ съ водою надъ огнемъ—не кипитъ ли уже? И, замѣтивши недалеко зеленую полянку, растянулись на ней, какъ на мягкомъ коврѣ.

Тихо. Вы слышите, какъ ваше сердце бьется въ груди глухо, отрывисто. А это что шумитъ? Ваша кровь? Нѣтъ, это красное пламя, поднявшись вверхъ, лижетъ черное дно котла, и вода въ немъ шипитъ; слегка потрескиваютъ дрова; съ рѣчки доносится гиканіе и смѣхъ Якима, прысканіе Гнѣдка... Надъ вами стоитъ высокій осокорь; высоко вверху развѣвается, раз-

двинулъ свою чудную верхушку и прикрылъ васъ легкой тѣнью. А тамъ направо подымаются горы, подковой онѣ обняли долину, на которой вы лежите; вся верхушка ихъ покрыта густымъ лѣсомъ, а бока изрыты ярами и крутыми провалами. Тамъ наворочены цѣлыя кучи желтой глины, наставлены острыя стрѣльчатыя головы краснаго суглинка. А тамъ голая скала стоитъ, немного наклонилась на бокъ; на самой верхушкѣ примостилась бѣлая береза, печально опуская вѣтки внизъ. И надъ всѣмъ этимъ высоко распростерлось голубое небо; блестящее солнце обдаетъ все своимъ золотымъ свѣтомъ. Вы такъ заглядѣлись на все, такъ залюбовались, что не почувствовали, какъ ваши глаза закрылись, какъ тихое забытье начало укачивать вашу голову.

— Эге-ге! Я думалъ, что вы тутъ присматриваете за котелкомъ. А вы спите!—слышите вы голосъ Якима.

Открываете глаза, взглянули... Якимъ, пустивши Гнѣдка на свободу, кинулся къ треножнику, поднялъ котелъ и держитъ его, чтобы пересталъ клокотать. Гнѣдко пошелъ пастись, выискивая болѣе зеленое мѣстечко и пощипывая свѣжую травку.

— Гей, гей, Гнѣдко, Гнѣдко!—кричитъ Якимъ, нагнувшись надъ треножникомъ и не зная, что ему дѣлать: беречь ли котелокъ или бѣжать въ погоню за Гнѣдкомъ.

Вы спѣшите на помощь: берете изъ рукъ Якима палку съ котелкомъ, а онъ бѣжитъ Гнѣдка ловить.

— Бѣда!—думаете вы, засматриваясь, какъ Якимъ забѣгаетъ спереди противъ Гнѣдка, чтобы его остановить.—Бѣда! Вотъ было бы не располагаться подъ осокоремъ, а присматривать за котелкомъ, и бѣды бы не было, и каша уже была бы сварена: не сосало бы такъ за сердце, не ныло бы въ груди...

Якимъ не долго ловилъ Гнѣдка; привязалъ его возжею къ березѣ и быстро кинулся къ котелку. Стараніемъ его каша скоро поспѣла.

Случалось ли вамъ когда-нибудь ѣсть кашу, сваренную въ полѣ? Одна вода, засыпанная горсточкой пшена и заправленная кусочкомъ сала съ лукомъ—вотъ и все! Запахъ кушанья въ связи съ ароматомъ полевого воздуха будитъ въ васъ необыкновенный аппетитъ, вызываетъ ненасытный голодъ!... Кусокъ чернаго черстваго хлѣба, который вы едва можете разгрызть зубами, кажется вамъ лучше всякаго пряника; ложка похлебки, которую вы вливаете въ ротъ, какъ-то вкусно щекочетъ вашъ языкъ; горячій паръ, отдавая слегка старымъ саломъ, пріятно бьетъ вамъ въ носъ и еще больше вызываетъ аппетитъ. Ложка, пере-

ходя быстро отъ рта къ котелку, чтобы опять вернуться ко рту, не поспѣваетъ удовлетворять васъ!... Кажется, наклонилъ бы котелокъ и пилъ—такъ это хорошо и вкусно! Перестало и за сердце сосать и въ груди не ноетъ. Какая-то сила проникаетъ въ васъ, вы становитесь легче, бодрѣе. Вотъ уже ложка начала и дно доставать, скребетъ по немъ, желая полнѣе набраться: на самомъ днѣ каша гуще и еще вкуснѣе—такъ и таетъ во рту, такъ и расплывается, точно масло на сковородѣ.

— Ну, да и мастеръ же ты, Якимъ, кашу варить!—говорите вы, кладя ложку, когда уже въ котелкѣ не осталось ничего.

— Развѣ это я ее варилъ?

— А кто же?

— Огонь!—шутитъ Якимъ.

— Огонь-то, огонь... А кто ее готовилъ?

— Что тамъ за приготовленіе? Бросилъ пшена, заправилъ саломъ—вотъ и все!

— Отчего же она такая вкусная?

— Каша, сваренная въ полѣ, всегда вкусная. Можетъ быть, оттого, что не въ печкѣ варится, а на вольномъ воздухѣ... А то, можетъ, и оттого, что вы проголодались хорошенько, какъ слѣдуетъ?—добавляетъ Якимъ.—На голодные зубы, говорятъ, и подошва вкусной покажется. Голодъ—не свой братъ!—весело болтаетъ Якимъ, перемывая ложки и складывая свое добро въ кулекъ.

— Ну какъ? можетъ, пора уже и двигаться?—спрашиваетъ онъ, быстро собравшись.

— Коли ты готовъ, то и поѣдемъ.

— Вотъ только возъ подмажу и буду готовъ!

Солнце уже совсѣмъ повернуло на западъ, когда вы двинулись съ мѣста. Проѣзжая по мосту, вы еще разъ взглянули на чистую рѣчку, гдѣ вы купались, на зеленую долину, гдѣ вы вылеживались и подкрѣплялись... Чистая вода — прохладительница! Тихій край—земной рай! Если довелось хоть разъ васъ встрѣтить, никогда не забудетъ сердце вашего ласковаго привѣта.

Вотъ и село. Далеко на горѣ раскинулось оно маленькими дворами съ вишневыми садиками, бѣлыми хатками. Въ дворахъ, какъ и слѣдуетъ, амбары, хлѣвы всякіе; кругомъ заборы и изгороди... Зачѣмъ это? Отъ кого люди огораживаются? Отъ какого врага защищаютъ они свое добро этими невысокими плетнями? Сами отъ себя? Отъ своего сосѣда? Охъ, люди, люди! На широ-

комъ свѣтѣ есть много и воли, и простору, и добра всякаго безъ мѣры, но ваше ненасытное око не удовлетворяется тѣмъ, что нужно,—загребаетъ чѣмъ больше, тѣмъ лучше! Нужны плетни и рвы, чтобы вашу ненасытность остановить!

Вамъ дѣлается чего-то больно, досадно... Съ горы такъ далеко видно! И темно-зеленая долина, окруженная горами, и горы, покрытыя лѣсомъ, и луга, разрѣзанные синей рѣчкой. Изъ-за горы солнце сбоку обливаетъ все это золотымъ свѣтомъ, ласкаетъ и краситъ своимъ привѣтливымъ сіяніемъ — украшаетъ темными полосами тѣни... Все такое хорошее, красивое, а вамъ дѣлается досадно! Чисто и привѣтливо село издали, на самомъ дѣлѣ вы видите его и тѣснымъ и вонючимъ, со дворовъ несетъ вонью, на улицахъ узко и тряско, пріятныя бѣлыя хатки кажутся вамъ темными; зависть и вражда свили тамъ гнѣздо... Скорѣе изъ села! Скорѣе на вольное пространство!

Вы уже и за селомъ, на выгонѣ! Грустныя мельницы окружили широкую площадь, точно сторожа; сѣрые остовы кажутся вамъ пузатыми пауками, а длинныя крылья черными когтями. Стали они на краю села, сторожатъ добычу. Посматриваютъ сверху на безконечныя поля и тихо посмѣиваются: ростите, выростайте, зеленые злаки, на нашу корысть! Пригрѣвай и выращай, ясное солнышко, доброе зерно: не минетъ оно нашего ненасытнаго рта, перемелемъ мы его каменными зубами.

Когда земля зимою покроется бѣлымъ снѣгомъ, мы все это обратимъ уже въ бѣлую муку. На что намъ твоя краса и пышное убранство? Корми ими неразумныхъ тварей и скотину, а мы своего господина покормимъ кое-чѣмъ болѣе мягкимъ.

Вотъ вы минули выгонъ, минули и мельницы; выѣхали снова на безконечныя поля, на необозримое пространство степи. Бурой змѣей вьется по степи битая дорога, она, нѣмая и молчаливая, протянулась по землѣ—дремлетъ.

Солнце блестящимъ дискомъ катится на покой; сдается, такъ манитъ его та невѣдомая даль за горою, которая вся загорѣлась, пылаетъ краснымъ пламенемъ. Въ воздухѣ тихо; туманъ или пыль носятся въ немъ, подымаются надъ степью дымчатымъ пологомъ; темныя тѣни стелятся длинными полосами отъ запада до востока. А солнце спускается все ниже и ниже, приближается къ горѣ все ближе и ближе; его блестящее сіяніе меркнетъ, густая пурпурная краска покрываетъ его огромный шаръ. Вамъ становится грустно, голову клонитъ на грудь.

— Вѣроятно, завтра будетъ вѣтеръ!—отзывается Яковъ.

— Почему?

— Очень ужъ краснымъ садится солнце,—показываетъ онъ.

Вы подымаете глаза. Среди яркаго пламени стоитъ, колышется солнечный дискъ. Вотъ-вотъ онъ дотронется до темной горы, которая подымается возлѣ самаго неба. Вотъ-вотъ онъ стукнется объ нее! Что тогда будетъ? Нѣтъ—не стукнулся.

Тихо, точно кто бережно руками спустилъ его, посунулся онъ за гору. Широкая тѣнь пошла отъ нея, какая-то невѣдомая сила погнала ее оттуда на васъ, разстилая ее вдоль степи. Закричали перепела въ травѣ, затрещали неугомонные кузнечики, и жаворонки, качаясь темной горошиной въ синемъ небѣ, послали свои звонкія пѣсни. Какъ и утромъ, всѣ они защебетали, закричали, да только безъ той радости—не было молодого задора, какъ тогда; какъ-то грустно, мучительно-грустно, будто кто-то провожаетъ кого-то близкаго куда-то и изливаетъ свою тоску жалобнымъ стономъ.

Солнце еще больше спустилось; точно половина арбуза краснѣетъ. Вотъ и половина уменьшилась... только четверть... далѣе кусочекъ... полоска только... вотъ и она уплываетъ—исчезаетъ. Небо нахмурилось, темнѣетъ, густая черная тѣнь устилаетъ степь. Жаворонки спускаются ниже, утихаютъ, садясь на землю; кузнечики перестаютъ перекликаться въ травѣ, одни перепела не умолкаютъ... Еще немного погодя западъ начинаетъ блѣднѣть; среди высокаго неба на его темномъ сводѣ начинаютъ загораться звѣздочки, будто кто-то въ дальней высотѣ раскаленнымъ углемъ забавляется, свѣтъ его доходитъ до васъ—то заблеститъ, то померкнетъ. Кругомъ темнота распространяется, подымается съ земли вверхъ, подымается подъ самое небо. Ужъ вамъ становится видно только вокругъ себя, а дальше все меркнетъ въ сѣрой темнотѣ тихаго вечера. Ею покрывается степь, точно ныряетъ она въ сѣромъ морѣ тумана и пыли; края ея чернѣютъ, сходятся и сливаются съ далекимъ краемъ неба; небо темнѣетъ, блестя ясными звѣздочками такъ, какъ будто кто распростеръ надъ землею темно-синій бархатный пологъ, украшенный золотыми пуговками.

— А что—не остановиться ли намъ здѣсь на ночь?—спрашиваетъ Якимъ, оборачиваясь ко мнѣ.

— Какъ знаешь! Мнѣ все равно!—отвѣчаете вы ему нехотя, лѣниво.

Якимъ повернулъ коня съ дороги. Повозку вашу что-то подняло спереди и затѣмъ точно въ ровъ опустило — колеса стукнулись, возъ сзади затрещалъ.

— Дорогу ли такъ испортили, или ровъ выкопали?—проговорилъ Якимъ, сдерживая Гнѣдка.

Вотъ и заднія колеса поднялись вверхъ и, спускаясь, стукнулись объ землю. Повозка покатилась не по битой дорогѣ, а по травѣ.

— Тпру, у, у! Стой!—крикнулъ Якимъ, останавливая коня, и спрыгнулъ съ воза.

— Вотъ здѣсь и будемъ ночевать!—добавилъ онъ и началъ распрягать.

Вы сидите на повозкѣ, вамъ не хочется вставать. Грохотъ колесъ и дорожная тряска отзываются въ вашей спинѣ, шумятъ въ головѣ, въ ушахъ. Вамъ кажется, что вы ѣдете, что васъ качаетъ. Вотъ вы вытягиваете ноги, протягиваете ихъ до самаго передка.

Васъ слегка кольнуло въ бокъ, заболѣло подъ грудью... Потягиваясь и расправляя спину, вы укладываетесь на возу. Какой-то тихій покой васъ охватываетъ, обезсиливаетъ руки и ноги—такъ бы и лежалъ, не шевелясь. Кругомъ васъ тихо, тихо; если бы Яковъ не возился возлѣ Гнѣдка, привязывая его на ночь къ пню, то, кажется, ничего бы не было слышно, только темнота мелькаетъ передъ глазами, точно кто чернымъ платкомъ машетъ передъ вами. А тамъ, надъ вашей головой, чернымъ шатромъ разстилается темно-синее небо съ золотыми звѣздочками. Сколько-то ихъ тамъ? и какихъ только нѣтъ. То въ сторонѣ стоятъ себѣ далеко одна отъ другой и мигаютъ на васъ своими огоньками, то собрались въ кучи и поблескиваютъ неяснымъ свѣтомъ, а то посливались въ длинную, предлинную полосу и бѣловатымъ поясомъ перетянули все небо. Песку, говорятъ, меньше на всей землѣ, нежели такихъ звѣздочекъ въ какой-нибудь частицѣ неба. А это же все живыя творенія, какъ и наша земля; каждая живетъ своей жизнью и тянется къ своей подругѣ, вотъ какъ и наша земля къ солнцу... И всѣмъ намъ есть мѣсто въ этомъ неизмѣримомъ мірѣ... Какимъ же необычайно великимъ должно быть то пространство, которое вмѣщаетъ въ себѣ все это. И въ мысляхъ не представить себѣ его—этого безъ конца-краю пространства. А тамъ за нимъ что? Вся та же міровая жизнь. Только мы тутъ на землѣ привыкли видѣть всему начало и конецъ, и думаемъ, что все на свѣтѣ должно ихъ имѣть. Что же ты такое, міровая пылинка, царь земли, человѣкъ? Если твой умъ не можетъ охватить мірового простору, твоя мысль представить его границы, скажи мнѣ, что ты такое со своими высокими мыслями, съ твоимъ гордымъ разумомъ? Куда ты суешься съ ними, куда

лѣзешь? Жизнь земли обусловила твою жизнь, дала тебѣ пищу, образовала изъ нея кровь твою, вылѣпила въ головѣ твоей мозгъ, сказала: думай имъ... И ты, двуногій звѣрь, высоко поднялъ твою голову вверхъ, загордился: этотъ безграничный свѣтъ—міръ—только для тебя! Все, что родитъ и плодитъ земля—твои слуги, тебѣ на потребу... Образумься и кругомъ посмотри! Эта земля, которая твою жизнь зародила — она же ее и уничтожитъ, болѣзнями, смертью! Земля еси, и въ землю отыдешь, и твой гордый разумъ-мозгъ будетъ точить червякъ, котораго ты при жизни ногами давилъ. Что же ты за царь такой? скажи мнѣ! Что же ты за сила такая, когда ты себя не отъ чего защитить не можешь? Брось же свои спесивыя думы, гордыя стремленія и погляди вокругъ себя! Обрати свои взоры назадъ, на прожитые вѣка, на минувшія столѣтія... Что ты тамъ видишь? Битвы, да рѣзню, насилія и чванство... Кровь братьевъ на тебѣ и до сего часу... Зачатый въ крови, выкормленный и выращенный ею, ею ты и до сихъ поръ живешь; основавши свою жизнь на хищничествѣ, ты это хищничество перенесъ и на общественныя дѣла: размежевалъ братьевъ на классы, подѣлилъ на колѣна, возстановилъ одного противъ другого и тѣшишься этими успѣхами, забывая о братствѣ... Были у тебя руководители, являлись предсказатели; были и великіе пророки. Пронимали они тебя своимъ огненнымъ словомъ, но не проникся ты ихъ святою вѣрою, принялъ ты лицемѣріе за душу и согрѣвалъ въ своемъ сердцѣ хищническіе замыслы. Жизнь твоя и теперь, какъ была встарь. А посмотри на міръ, на его роскошную красоту, на его безграничную ширь. Кажется, всего есть много— и красоты и достатку. Для всѣхъ бы хватило.

— А вы не спите?—спросилъ Якимъ, улегшись спать возлѣ воза на травѣ.

— Нѣтъ, не сплю,—отвѣчаете вы. Довольные, что хоть голосъ Якима отвелъ васъ отъ той путаницы, въ которой запутались ваши неясныя мысли.—А что скажешь, Якимъ?

— Вотъ... хотѣлъ бы васъ спросить...

— Спрашивай. О чемъ?

— Вы не знаете, какъ его записаться на Амуръ?

— Куда?—даже вскрикнули вы.

— На Амуръ... край есть такой... Земли тамъ, говорятъ, и не измѣрить; иди, бери, сколько хочешь—никто тебѣ не запрещаетъ.

— Съ ума ты сошелъ, что ли, Якимъ?—крикнули вы, подымаясь на повозкѣ. — Ты же ѣхалъ со мною цѣлый день, съ

утра до поздней ночи... Видѣлъ этотъ край, какой онъ хорошій и роскошный. Гдѣ ты найдешь такой другой на бѣломъ свѣтѣ?— И вы начали горячо толковать Якиму о всемъ, что̀ довелось видѣть сегодня, о всѣхъ тѣхъ милыхъ и очаровательныхъ чувствахъ, какія вы пережили, о красѣ, достаткѣ края.

— Оно-то такъ... Что и говорить! Хорошо у насъ, прекрасно и всего вволю... Вотъ только у меня жена и трое дѣтокъ, а земли и кусочка нѣтъ. Огородъ такой, что̀ съ своей крыши на чужое каплетъ... Вотъ вы и разсудите: какъ тутъ жить? А Амуръ — край, говорятъ, богатый; земли этой — безъ конца, лѣсу, сколько хочешь; рѣчки такъ и кишатъ рыбой. Вотъ, кабы нашелся кто такой добрый и помогъ бы мнѣ съ семьей туда перебраться!

— А ты тамъ былъ? Своими глазами видѣлъ все то, о чемъ тутъ толкуешь?

— Я не былъ, но всѣ такъ говорятъ... Вотъ тѣ, которыхъ мы сегодня встрѣтили, тоже на Амуръ пошли... И куръ, и кошекъ повезли съ собой. Хорошо!

— Хороши бубны за горами, а вблизи — изъ шкуры— знаешь?

— Знаю,—нехотя отвѣтилъ Якимъ.—Такъ вы, значитъ, не совѣтуете на Амуръ?—нескоро спросилъ онъ.

— Не только тебѣ, но и родному отцу не посовѣтую. Много вашего брата туда пошло; были люди съ достаткомъ, да и тѣ обнищали, обратились въ ничто... Дѣти поумирали; сами отъ болѣзней и всякихъ невзгодъ едва ноги волочатъ... Рады бы назадъ вернуться, да не съ чѣмъ.

— А вы, баринъ, оттуда? Видѣли тамъ сами нашего брата?— спросилъ Якимъ.

— Нѣтъ, я тамъ не былъ,—въ газетахъ пишутъ.

— А-а... пишутъ?.. Ну такъ будемъ спать, отвѣтилъ Якимъ— потому что уже поздно, скоро начнетъ и свѣтать.

Среди ночной тишины и темноты до васъ донеслось, какъ Якимъ началъ готовиться къ отдыху: что-то онъ подкладывалъ, что-то развертывалъ и, зѣвнувши, скоро началъ посвистывать носомъ.

Да, не пора ли и вамъ отдохнуть? Пора, пора! Сойдетъ ли только сонъ на вашу озабоченную голову? Успокоитъ ли онъ ваше взволнованное сердце и истерзанную душу?..

Пер. съ украин. Л. Д.

ПОДСТАВНОЙ АКТЕРЪ.

Мери Чолмонделей.

Единственная форма любви, атрофирующая сердце,—себялюбіе.

Маріонъ Райтъ сидѣла въ центрѣ третьяго ряда креселъ и дрожала отъ озноба, невзирая на свои соболя. Она ожидала генеральной репетиціи своей первой драмы, той драмы, которой она отдала всю себя до крайняго истощенія своихъ умственныхъ способностей.

Тоскливое предчувствіе неуспѣха, отвращеніе и презрѣніе къ своему собственному творенію душили ее, чего, собственно, никогда не избѣгаетъ ни одинъ художникъ и что повторяется такъ же остро послѣ двадцатаго успѣха, какъ и въ часы неувѣренности передъ первой пробой. Все окружающее Маріонъ тоже не способствовало ея успокоенію. Ея непривычнымъ глазамъ пустой, тускло освѣщенный, театръ, окутанный какъ бы простыней изъ пыли, казался зловѣще-печальнымъ. Смѣялся ли когда кто-нибудь въ этой покрытой саваномъ пустынѣ?! Длинный рядъ креселъ, жавшихся подъ смятыми чехлами, тянулся за ней и передъ ней. Ложи имѣли видъ безобразныхъ дыръ, наполненныхъ сѣрой грязью. Казалось, будто лондонскій туманъ окуталъ здѣсь своимъ темно-бурымъ покрываломъ всякую вещь. И въ самомъ дѣлѣ, туманъ проникъ сюда съ улицы такъ, что ничтожное электрическое освѣщеніе, которое зажгли, казалось желтымъ пятномъ. Втащили огромную лѣстницу—три лѣстницы, связанныя вмѣстѣ—и поставили ее отъ креселъ до крыши. Нужно было что-то сдѣлать для освѣщенія потолка.

Унылые люди въ пальто влѣзли въ мѣста для оркестра и, скрывъ свои блѣдныя лица подъ прикрытымъ освѣщеніемъ, начали раскладывать ноты на пюпитрахъ.

Маріонъ была въ театрѣ одна за исключеніемъ нѣсколькихъ

особъ, говорившихъ шопотомъ въ заднихъ рядахъ креселъ, ея горничной, режиссера и одного или двухъ актеровъ, которымъ не нужно было появляться въ первомъ актѣ, да нѣсколькихъ костюмировщиковъ.

Было страшно холодно, и Маріонъ не спала нѣсколько ночей. Она сожалѣла даже о томъ, что живетъ на свѣтѣ.

Великолѣпнаго вида дама спѣшила легкой походкой впередъ и, прижавши себя и свое огромное мѣховое пальто въ проходѣ между креслами, прошла и сѣла возлѣ Маріонъ. Это была Леонора, главная актриса.

Она повернула свое блѣдное, красивое лицо и печальные глаза съ темными рѣсницами къ Маріонъ.

— Я предполагаю, что намъ придется ждать г. Монтгомери по крайней мѣрѣ часа два,—сказала она равнодушно.

— Неужели онъ всегда такъ заставляетъ ждать себя?

— Всегда, съ тѣхъ поръ, какъ онъ ведетъ большую игру у «Дидарса».

Наступила минута молчанія.

— Г. Монтгомери не любитъ своей роли,— сказала актриса, глядя испытующе на Маріонъ и положивъ свою въ безконечно длинной перчаткѣ руку на спинку передняго кресла.

Лицо Маріонъ приняло ожесточенное выраженіе.

— Это несимпатичная роль,—сказала она,— но артистъ обязанъ не думать объ этомъ.

— Да—роль несимпатична,—проговорила Леонора, подымая свой мѣховой воротникъ. Повидимому, главная мужская роль не бываетъ никогда симпатичной въ пьесѣ, написанной женщиной. Если центральная фигура—женщина, мужчины, сгруппированные вокругъ нея, изображаются чѣмъ-то въ родѣ пресмыкающихся. Хотѣлось бы мнѣ знать, почему это? Во всякомъ случаѣ, въ вашей пьесѣ Магги—все, а Жоржъ ничто, насколько я это понимаю. Даже для роли Магги онъ не очень полезенъ.

— Она любила его,—сказала писательница рѣзко.

— Она любила? Когда я играю Магги съ Жоржемъ въ исполненіи Монтгомери, я стараюсь узнать, любила ли она его. Я именно хочу точно понять, могла ли бы я покинуть его, какъ это сдѣлала она? Я имѣю въ виду общее благо и все. Мнѣ кажется, что если бы она заботилась о немъ, дѣйствительно заботилась—вы знаете...

— Она заботилась о немъ,—отвѣтила Маріонъ съ злостью.

— Тогда зачѣмъ же она ссорилась съ нимъ, зачѣмъ опять мирилась? Не была ли она намѣренно жестока съ нимъ?

— Да—это было такъ. Но подумайте только, подумайте по справедливости, что должна была она выстрадать въ третьемъ актѣ въ Савоѣ, когда при той любви, которую она давала ему, при томъ довѣріи, которое имѣла къ нему, она увидѣла его входящимъ съ...

— Хорошо—я полагаю, что вы это лучше знаете,—сказала Леонора, интересъ которой, повидимому, сразу упалъ.—Во всякомъ случаѣ, она страдала, бѣдное созданіе. Женщины, подобныя ей, всегда страдаютъ, такъ я думаю.—Она медленно поднялась.—Я могу, пожалуй, идти и начать одѣваться. Вѣроятно, мы пробудемъ здѣсь до полуночи.

Оркестръ началъ играть.

«Во всякомъ случаѣ, она страдала».

Скрипки подхватили эти слова и сверлили ими опять и опять уши Маріонъ. «Женщины, какъ Магги, женщины съ такимъ глубокимъ сердцемъ, какъ ея (ибо не она ли и есть Магги?)—онѣ всегда страдаютъ, всегда страдаютъ, всегда, всегда!» говорили скрипки.

Вдругъ на сценѣ у занавѣси появился режиссеръ и по мостку быстро направился со сцены къ кресламъ. Это былъ маленькій, крѣпкій, съ тонкими губами, желчный человѣкъ, имѣвшій видъ, точно онъ былъ сотканъ изъ энергіи, дистиллированной энергіи, налитой въ бутылку. Кто-то сказалъ о немъ, что его шляпа была настоящей пробкой, которая можетъ вылетѣть каждую минуту.

Теперь онъ былъ безъ шляпы. Очевидно, произошелъ взрывъ.

Онъ держалъ въ рукахъ записку.

— Монтгомери отказывается отъ роли,—сказалъ онъ.—Вчера на репетиціи онъ держался странно. Я чувствовалъ, что тутъ было что-то неладно. Онъ говорилъ, что онъ никогда не притворяется. А теперь говоритъ, что онъ не можетъ прійти, потому что очень боленъ—бронхитъ.

Предчувствіе бѣды, которое цѣлый день угнетало Маріонъ, сбылось и упало на голову, какъ черепица съ крыши. Она почувствовала себя парализованной.

— Значитъ, пьеса не пойдетъ?—спросила она.

— Если нѣчто подобное должно было случиться, лучше, что случилось сегодня, а не завтра,—сказалъ режиссеръ.—Монтгомери скользокъ, какъ угорь. Я не думаю, чтобы былъ у него бронхитъ; но я не сомнѣваюсь, что, если я сейчасъ побѣгу къ

нему, то я застану его въ постели съ припарками. Онъ сумѣетъ сыграть роль.

— Что же вы будете дѣлать?—спросила задыхаясь Маріонъ.

— Что дѣлать? дѣлать? Здѣсь остается дѣлать только одно—ставить пьесу. Она начнется черезъ нѣсколько минутъ, и мы посмотримъ, что̀ сможетъ сдѣлать изъ нея подставной актеръ. Онъ очень способенъ, но можетъ и смутиться; во всякомъ же случаѣ дикція у него превосходная.

— Кто онъ?

— Нѣкій г. Делакуръ, таковъ по крайней мѣрѣ его псевдонимъ. Послѣднія пять лѣтъ онъ пробылъ въ Америкѣ. Онъ достаточно талантливъ, но настоящее перекати-поле. Онъ не созданъ для того, чтобы быть въ зависимости отъ кого бы то ни было, бѣдняга; но это выборъ Гобсона, и мы находимся въ зависимости отъ него.

Режиссеръ сѣлъ возлѣ Маріонъ и похлопалъ ее по рукѣ.

За занавѣсью лампы вдругъ зажглись, занавѣсь поднялась, и представленіе началось.

Нѣкоторыя пьесы, нѣкоторыя книги, нѣкоторые мужчины и женщины имѣютъ въ себѣ таинственную силу, которую, по недостатку лучшаго термина, мы называемъ жизненностью. Тѣ, которые обладаютъ ею, не даютъ ей никакихъ глупыхъ названій. Тѣмъ не менѣе она составляетъ великій даръ, силу, которая побѣждаетъ, которая создаетъ жизнь на всевозможныхъ жизненныхъ позиціяхъ; она создаетъ солдата, любовника, святого и т. д. Но большая часть изъ насъ—только полуживые люди. Наши дѣла наполовину мертвы. Мы торгуемъ животнымъ чувствомъ и называемъ это любовью. Мы съ паѳосомъ пишемъ о нашей неспособности жить и называемъ это покорностью. Мы, которые никогда не были молоды, мы собираемъ наши наблюденія и по нимъ устанавливаемъ правила, какъ оставаться старыми, и называемъ это искусствомъ достичь старости.

Существуютъ еще и другіе, которые отдаются жизни, не жалѣя себя. Это учители—только они никого не учатъ. Они знаютъ. Если мы хотимъ научиться отъ нихъ, намъ нужно изучать ихъ. Но вотъ есть и еще люди, ихъ судьба изо всѣхъ самая жестокая; они вступаютъ въ жизнь недостаточно вооруженными, не приспособленными для продолжительнаго пути. То самое, что̀ они имѣютъ, то малое, что̀ получается отъ нихъ, они тратятъ въ молодости и не оставляютъ себѣ ничего для средняго возраста.

Такова была Маріонъ. Она талантлива, кромѣ того она но-

сить въ себѣ,—какъ и режиссеръ угадалъ, глядя на нее—жизненную драму. Онъ только сомнѣвался, не было ли ихъ больше, чѣмъ одна. Она имѣла видъ потерпѣвшей крушеніе, живущей въ прошломъ, истерзанной острыми воспоминаніями.

Не могло быть только сомнѣнія, что пьеса была написана подъ вліяніемъ этихъ личныхъ воспоминаній. Очевидно, это былъ личный опытъ, и такъ какъ она была достаточно богата, чтобы рискнуть поставить драму, онъ былъ болѣе чѣмъ готовъ поощрять ее въ этомъ. Драма была полна ошибокъ, была мелодраматична, написана по-дилеттантски, но оживлена страстью. Партеру и райку она понравится, а если кресла найдутъ ее мало стоющей—что за бѣда! У него значительный на эти вещи нюхъ, и онъ увѣренъ, что она будетъ имѣть успѣхъ.

Онъ украдкой раза два глянулъ на красивую, удрученную несчастьемъ, богато одѣтую женщину, сидящую возлѣ него. Ей не на долго хватитъ молодости—она уже проходитъ, но страсть остается все-таки съ большой долей прелести замѣшкавшейся молодости въ ея граціозной, стройной осанкѣ, красивыхъ волосахъ и нѣжной блѣдности.

Она съ лихорадочной живостью говорила ему о томъ, что единственная вещь, къ которой она стремилась—всегда стремилась,—было искусство, успѣхъ, слава. Нѣчто подобное онъ слышалъ и прежде.

Съ подавленнымъ вздохомъ онъ мысленно желалъ, чтобы возможно было развить и въ сердцѣ Леоноры хоть немножко этого эгоистичнаго честолюбія, такъ какъ онъ питалъ къ ней состраданіе и живущую въ немъ съ давнихъ лѣтъ привязанность.

Бѣдная Леонора! что за актриса и что за безнадежно женственная женщина, все еще тоскующая по невозможномъ братѣ, скончавшемся по волѣ Провидѣнія и жившемъ на ея счетъ.

Она была теперь на сценѣ, имѣла видъ семнадцатилѣтней дѣвушки, вся—юность, въ весенней шляпѣ и бѣлой кисеѣ.

Лицо Маріонъ судорожно подернулось: она вспомнила свою молодость.

Засимъ наступила значительная пауза на сценѣ. Леонора общипывала розу, чтобы выиграть время, и посматривала на двери.

— Делакуръ,—крикнулъ режиссеръ, вскочивъ со своего кресла и сѣвши снова.

— Мы въ этомъ мѣстѣ сократили,—сказала Леонора, подошедши къ рампѣ,—а онъ не зналъ. Это не его вина. Онъ ждалъ своей реплики. Вотъ что, г. Делакуръ: выкиньте этотъ кусокъ о маргариткахъ и входите на словѣ «счастье».

Подставной актеръ вошелъ, и сердце Маріонъ повернулось въ ней, точно кинжалъ—она почти потеряла сознаніе, устремивъ глаза впередъ.

Это былъ совсѣмъ не подставной актеръ. Это былъ самый настоящій Жоржъ драмы, когда она разыгрывалась впервые. Маріонъ видѣла возлюбленнаго своей юности, который подошелъ къ Леонорѣ и поцѣловалъ ея руку съ той же самой манерой, съ которой онъ когда-то цѣловалъ ея руку — при солнечномъ блескѣ въ Кентскомъ саду за олеандровымъ кустомъ, въ которомъ жужжалъ шмель, десять безконечныхъ лѣтъ тому назадъ.

Онъ почти не измѣнился—нѣсколько потолстѣлъ, быть можетъ, но ничуть не постарѣлъ, судя по окраскѣ. Это было то же самое беззаботное, добродушное созданіе, которое Маріонъ любила, которое измучило ее, которое доставило ее такъ много горя, которое она наконецъ бросила подъ впечатлѣніемъ горькаго гнѣва, но котораго она никогда не забывала, о которомъ вспоминала съ тоскою.

Занавѣсъ опустился, и капельмейстеръ замахалъ своей палочкой, прежде чѣмъ она пришла въ себя.

Режиссеръ, очень волнуясь, повернулся къ ней.—Ахъ! если бы онъ поддержалъ пьесу! — сказалъ онъ. — Делакуръ вноситъ много жизни въ любовныхъ сценахъ. Онъ передаетъ любовь прекрасно, не правда ли?

— Удивительно!

— Если бы только онъ могъ поддержать ее!—повторилъ режиссеръ.

Въ продолженіе двухъ слѣдующихъ актовъ подставной актеръ оживлялъ пьесу своей игрой. Онъ сдѣлалъ болѣе. Онъ игралъ съ такой интенсивностью, что остальныя роли оказались до нѣкоторой степени безцвѣтными. Въ концѣ же сцены, происходившей въ Савоѣ, какъ разъ передъ опусканіемъ занавѣса, онъ добавилъ свою собственную фразу.

Въ одно мгновеніе Маріонъ вскочила на ноги и, прежде чѣмъ дала себѣ отчетъ въ томъ, что дѣлаетъ, сказала рѣзкимъ и громкимъ голосомъ:

— Этой послѣдней фразы нѣтъ въ роли.

Представленіе пріостановилось. Торопящіеся лакеи съ блюдами въ рукахъ остановились и открыли рты съ такимъ изумленіемъ, точно это вмѣшательство въ игру актеровъ было сдѣлано въ реальной жизни; нѣсколько лицъ, ужинавшихъ за маленькими столиками на заднемъ планѣ театра, поднялись, чтобы увидѣть, что случилось.

Делакуръ со стаканомъ вина въ рукѣ подошелъ къ рампѣ, и глаза ихъ встрѣтились.

— Прошу прощенія,—сказалъ онъ.—Вы говорите, что этого нѣтъ въ роли. Я думалъ, что это было. Въ слѣдующій разъ я опущу эту фразу.

— Вы этого не сдѣлаете,—крикнулъ режиссеръ, вскакивая и потрясая кулакомъ въ его сторону. — Опустить ее! Почему это? Госпожа Райтъ — вѣдь это вдохновеніе! Это завоевываетъ ему полную симпатію какъ разъ въ критическую минуту. Что же касается занавѣса... Господи Боже! Развѣ важно, когда его опустить?

— Такъ не въ немъ дѣло?—спросила Леонора.—Тогда вычеркните совсѣмъ мои слова въ концѣ, и пусть занавѣсъ упадетъ послѣ *этой фразы*. Согласны вы, госпожа Райтъ? А вы, господинъ Делакуръ, постарайтесь поставить себя въ этомъ мѣстѣ въ положеніе центральной фигуры въ пьесѣ.

— Начинайте снова съ «вѣроломства»,—сказалъ поспѣшно режиссеръ Леонорѣ.—Теперь всѣ по мѣстамъ! Сядьте на задній планъ, тамъ!

— Ну!

Пьеса опять пошла. Маріонъ, изумляясь своей собственной рѣзкости, пристыженная, терзаемая сложностью волненій, должна была покориться и дать свое согласіе на перемѣну, такъ какъ все равно режиссеръ ни капельки не заботился о томъ, дастъ ли она это согласіе или нѣтъ.

А Делакуръ? Игралъ ли онъ свою роль? Маріонъ знала, что онъ не игралъ ее: въ продолженіе того, какъ ходъ пьесы развивался, она мѣняла свой характеръ. Слова были словами, какими Маріонъ написала ее. Многія изъ нихъ были словами, которыя онъ имѣлъ обыкновеніе произносить самъ, но страсть, съ которою онъ произносилъ ихъ, измѣняла ихъ. Они получали новое значеніе. Вышло такъ, что Магги оказалась ничтожной фигурой, несмотря на ея высокопарное краснорѣчіе,—возможно, что и по причинѣ его. Ея суровые принципы, ея мелкая эгоистическая спесь, ея непогрѣшимый видъ шокировали зрителей. Леонора, какъ истинная артистка, улавливала новыя стороны положенія и выражала ихъ. Ея Магги умалялась, умалялась, въ то время, какъ мужъ владѣлъ сценой и господствовалъ на ней. Маріонъ никогда прежде не останавливалась на томъ положеніи, какое она занимала въ этой несчастной драмѣ, въ которой счастье ея потерпѣло крушеніе, никогда не видѣла своего характера въ этомъ освѣщеніи. Теперь же оказалось,

будто въ концѣ концовъ сказалъ правду онъ, защищая себя, чего онъ никогда не дѣлалъ въ реальной жизни.

Окончательно отвергнутый, подъ дождемъ ея презрительныхъ ругательствъ, Делакуръ съ достоинствомъ выдержалъ себя, ушелъ и былъ прекрасенъ въ своемъ пораженіи.

Занавѣсъ упалъ въ послѣдній разъ.

Небольшое число зрителей, увеличенное актерами, въ которыхъ не было надобности въ послѣдней сценѣ, съ восторгомъ зааплодировало. Режиссеръ, возбужденный и сіяющій, хлопалъ со всѣми.

— Онъ—великъ! Онъ—великъ!—повторялъ онъ.—Делакуръ—творецъ пьесы. Онъ—великъ! Теперь хоть повѣсься Монтгомери. Онъ можетъ болѣть бронхитомъ, сколько ему угодно. Делакуръ спасъ пьесу. Я пойду за нимъ.

Онъ исчезъ за занавѣсомъ и черезъ пять минутъ появился опять, таща за собой Делакура, чтобы представить его Маріонъ.

— Мы уже встрѣчались прежде,—сказала она тихо, неохотно протягивая ему руку.

— Развѣ мы встрѣчались когда-нибудь?—сказалъ онъ кротко, взявъ ея руку на секунду.

Онъ казался совсѣмъ измученнымъ. Теперь, когда она посмотрѣла на него при пожатіи руки, она замѣтила, что онъ выглядитъ гораздо старѣе, что лицо его было изборождено морщинами, было истаскано.

Она старалась благодарить его, выразить ему свою признательность за то, что онъ вывелъ ихъ изъ большого затрудненія; но она произносила слова съ такою нерѣшительностью и холодомъ, что режиссеръ прервалъ ее и горячо пожалъ артисту руку.

Делакуръ поклонился, пробормоталъ что-то приличное случаю и ушелъ.

Всѣ спѣшили уходить. Маріонъ задержалась дольше, разговаривая съ режиссеромъ, и затѣмъ они ушли вмѣстѣ черезъ королевскую ложу къ приватному выходу, гдѣ ея купе ожидало ее. Какъ разъ, когда они подошли къ выходу, его позвали, и слуга отворилъ ей дверь.

Возлѣ ея купе ждалъ ее Делакуръ подъ дождемъ, держа дверцы купе открытыми передъ ней. Онъ былъ одѣтъ въ изношенное пальто и стоялъ со шляпой въ рукѣ.

Глаза ихъ снова встрѣтились въ долгомъ взглядѣ. Его глаза, потемнѣвшіе, грустные, смиренные, имѣли выраженіе просьбы о пощадѣ.

Она же, казалось, заковала себя въ стальную броню, которая дѣлала всякое движеніе и разговоръ почти невозможнымъ. Она едва слышно поблагодарила его.

Онъ закрылъ дверцы, сказалъ кучеру: «домой» и вернулся назадъ.

Карета помчалась.

Что-то порвалось внутри Маріонъ. Ея другое «я»,—бѣдная женщина, отъ которой она отреклась, которую умертвила, напугала надменнымъ видомъ, прорвалась въ ней и вдругъ въ отчаяніи закричала:

— Прости ему! Что это за жизнь безъ него? Подумай только о десяти послѣднихъ годахъ. Былъ ли хотя одинъ день за всѣ эти гнетущіе годы, когда бы ты не желала страстно видѣть его? Былъ ли хоть одинъ такой день, когда бы ты не желала отдать свое богатство и роскошь за хижину съ нимъ? Случай опять вернулъ его въ твою жизнь. Онъ еще тебя любитъ. Развѣ возможно отпустить его снова? Ты была мстительна, и ты это знаешь. Иди, бросься передъ нимъ на колѣни на мокрой улицѣ и моли его о прощеніи. Скорѣе! скорѣе, пока еще не поздно!

Другая же въ ней женщина, та, которая прогнала его, затыкала уши.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я была вполнѣ права, когда разорвала съ нимъ. Я и теперь такъ же права, какъ и десять лѣтъ тому назадъ.

— Очень хорошо, сказала съ презрѣніемъ первая.—Тогда не смѣй никогда говорить себѣ, что ты его когда-нибудь любила. Прекрати эту ложь. Твоя любовь состояла только изъ красивыхъ словъ, спеси, заботы только о себѣ съ ничтожной примѣсью страсти. Заботилась ли ты о томъ, какъ ему живется? Не отвертывайся! Ты не заботилась о немъ. Никогда не заботилась. Никогда, никогда! И онъ знаетъ это! Онъ говоритъ это себѣ самъ теперь, въ эту минуту.

Она остановила кучера. Она такъ сильно дрожала, что едва могла сказать ему, чтобы онъ повернулъ назадъ къ театру. Онъ повернулъ лошадь медленно, видимо, неохотно, и черезъ пять минутъ она была опять у приватнаго театральнаго подъѣзда. Дверь была заперта. Никого не было видно въ глухомъ переулкѣ. Лампа надъ дверью была потушена. Она вышла изъ экипажа и позвонила одинъ, два, три раза и еще, и еще. Затѣмъ она поступила такъ, какъ это сдѣлалъ бы всякій другой, при появившейся уже на небѣ утренней зарѣ,—она поспѣшно сѣла въ свой экипажъ и уѣхала домой, дрожа всѣмъ тѣломъ.

Въ концѣ концовъ—это не бѣда! Завтра она первымъ дѣломъ возьметъ адресъ его у режиссера и пойдетъ прямо къ нему, увидитъ его и, жертвуя своей гордостью, будетъ умолять его взять ее снова. Она была слишкомъ надменна. Она это видитъ наконецъ. Она ему это скажетъ. Она видитъ, наконецъ, что злопамятность есть вѣроломство. Она и это скажетъ ему. Ей такъ опротивѣла ея настоящая жизнь, что она скажетъ ему все. Слава Богу, онъ еще любитъ ее и, слава Богу тоже—она богата, а онъ, очевидно, бѣденъ. Она имѣетъ состояніе и можетъ подѣлиться съ нимъ. И она еще привлекательна. Многіе мужчины охотно бы женились на ней. Она еще красива. Все, что она имѣетъ, все, что въ ней есть, она отдастъ ему. И этотъ продолжительный десятилѣтній кошмаръ исчезнетъ, наконецъ, какъ и другой кошмаръ ея юности исчезъ — ея несчастный родной домъ съ отцомъ-пьяницей и матерью-мученицей. Это миновало, хотя въ то время казалось, что оно будетъ продолжаться вѣчно. Ея родители умерли и ея простая, добрая богатая тетка усыновила ее. А теперь и этотъ другой кошмаръ приближается тоже къ концу. Она наконецъ будетъ счастлива!

Маріонъ оплакивала себя и не могла заснуть въ эту ночь. На слѣдующее утро такъ рано, какъ только было возможно, она была въ театрѣ. Режиссеръ былъ въ припадкѣ тоски и злобнаго настроенія духа, которыя у него всегда предшествовали первому представленію. Онъ едва находилъ время сказать слово съ ней: было что-то неладно въ инсценировкѣ послѣдняго акта; освѣщеніе не было еще приспособлено; одинъ изъ актеровъ для менѣе значительной роли заболѣлъ и подставного актера для нея нельзя было найти, а сценаріусъ свихнулъ себѣ руку.

— Я не задержу васъ,—сказала Маріонъ, когда увидѣла, что онъ спѣшитъ и сердится.—Мнѣ только нуженъ адресъ Делакура. Я хочу повидаться съ нимъ сейчасъ, чтобы потолковать съ нимъ насчетъ его роли. Есть нѣкоторыя мѣста...

— Адресъ Делакура?—переспросилъ режиссеръ.—Вы не знаете его? О, да, конечно! — Онъ вытащилъ изъ кармана маленькую записную книжку. Затѣмъ онъ быстро взглянулъ на Маріонъ. — Не ходите къ нему. Пошлите за нимъ, или повидайтесь съ нимъ здѣсь. Онъ будетъ здѣсь черезъ часъ—разумѣется, онъ будетъ, если Смитъ достоинъ своего жалованія. Я плачу ему хорошо, чтобы онъ не спускалъ съ него глазъ ни днемъ, ни ночью, чтобы приводилъ его во-время. Но вы сами не ходите къ нему. Я предполагаю, что вы знаете, что онъ...

— Онъ женатъ?—задыхаясь, спросила Маріонъ.

Режиссеръ презрительно засмѣялся.

— Онъ пьетъ, моя милая госпожа! Онъ пьетъ! Теперь только-что прекратился его запой. Но вы не безпокойтесь—за нимъ зорко слѣдятъ; я могу смѣло сказать, что все устроится къ наилучшему. Я надѣюсь на Провидѣніе, что это будетъ такъ. Да не глядите на меня такой испуганной! Смитъ надзираетъ за нимъ, а онъ знаетъ свое дѣло. Делакуръ былъ совсѣмъ трезвъ въ эту ночь. Да я и слышалъ, что пьющіе запоемъ послѣ него перестаютъ пить на нѣкоторое время. Вы уѣзжаете домой? Вотъ и хорошо! Вы совершенно правы. Да и очень холодно теперь здѣсь. Не слѣдуетъ стоять на одномъ мѣстѣ. Увидимся еще позднѣе.

Маріонъ помчалась домой и бросилась въ свою комнату. Запирать дверь было не нужно: она была одинока на свѣтѣ, одинока въ своемъ красивомъ пустомъ домѣ, въ которомъ она всегда была одинока, даже до кончины своей тетки, оставившей ей его... Она хочетъ теперь оставаться всегда одинокой. Только вчера она надѣялась... На что только она надѣялась! Въ своемъ воображеніи она видѣла его здѣсь, какъ онъ превратилъ бы этотъ скучный домъ въ уютный, онъ, чудный, какъ всегда, виновный, какъ всегда, милый, какъ всегда, любимый, какъ всегда, окруженный ея безграничнымъ обожаніемъ. Она видѣла своихъ дѣтей, играющихъ въ ихъ обширныхъ галлереяхъ, бѣгающихъ въ ихъ просторной залѣ. А теперь?..

«Онъ пьетъ!»

Она вздрогнула. Она видѣла уже, какъ пьютъ. Она знаетъ. Никогда въ жизни она не можетъ забыть того, на что̀ похожъ былъ ихъ домъ. Прошлое начало душить ее всей своей гадостью и мерзостью, всѣмъ своимъ униженіемъ и насиліемъ, кончавшимся пьянымъ изліяніемъ чувствъ и дешевыми слезами.

Какъ счастливо вышло, что получилась возможность спасти себя отъ всего этого! Подумать только, что если бы не случайное слово режиссера, она бы безвозвратно отдала себя во власть пьяницы, попала бы опять въ болото, изъ котораго она уже разъ выскочила. О! Какъ милостива была къ ней судьба, когда разлучила ихъ! Какъ маловѣрна она была всѣ эти десять лѣтъ! Она не понимала, насколько божеская любовь и премудрость заботилась о ней и охраняла ее. О, слава Богу, слава Богу, простонала она.

Но другая, бѣдная умирающая женщина въ ней, напрягала послѣднія силы, кричала и внушала ей безумныя вещи. Если къ извѣстному голосу мы не прислушиваемся во̀-время, то послѣ требованія его начинаютъ казаться намъ наконецъ безумными.

— Возьми его все-таки къ себѣ опять,—шепталъ умирающій голосъ.—Выйди за него замужъ! Посвяти ему себя! Заботься о немъ! Подыми его! Ты любишь его. Любовь можетъ это сдѣлать, если она что-либо можетъ.

— Нѣтъ! Я не могу этого исполнить,—простонала Маріонъ.—Мать старалась, но это не приводило ни къ чему хорошему.

— Ну и ты поступай, какъ она — старайся, хотя бы и безуспѣшно!

— Я не могу такъ. Онъ разобьетъ мое сердце.

— Позволь ему разбить его!

Ужасный настойчивый голосъ этотъ съ ожесточеніемъ душилъ ее, и она вскрикнула такъ, точно ея сердце и въ самомъ дѣлѣ хочетъ разорваться. Умолкнувшій голосъ не сказалъ больше ничего.

. . . .

Драма имѣла блестящій успѣхъ. Делакуръ, вернувшійся только-что изъ Америки, создалъ его. Леонора первая признала это, хотя его успѣхъ былъ въ ущербъ ей. Ея роль, казалось, только увеличивала мрачное великолѣпіе его роли.

Драма повторялась и повторялась.

Делакуръ больше не стремился говорить съ Маріонъ. Онъ систематически избѣгалъ ее. Онъ съ своей стороны наблюдалъ за собой, остерегался ея, боролся съ собой и избѣгалъ всякаго случая, когда бы онъ могъ поддаться искушенію. Человѣкъ, который принялъ на себя обязанность слѣдить за нимъ, любилъ его. Его всѣ любили. Режиссеръ былъ въ восторгѣ отъ него. Неосвѣдомленные люди говорили, что онъ переродился. И такъ всегда бывало, когда онъ завоевывалъ себѣ положеніе, на которое талантъ его давалъ ему право. Но всегда выходило такъ, что онъ падалъ какъ разъ тогда, когда у него все шло прекрасно. Никто не могъ положиться на него. Его исторія въ Америкѣ стала постепенно извѣстной. Это была исторія гнусной вспышки и прерваннаго ангажемента.

Вслѣдствіе ревностнаго наблюденія за нимъ другими, которому онъ самъ покорялся, онъ могъ держаться на ногахъ въ продолженіе всего хода пьесы. А затѣмъ, освобожденный отъ наблюденія за собой, усталый душой и тѣломъ, онъ падалъ снова.

Онъ сверкалъ, какъ комета, въ театральномъ мірѣ, и затѣмъ исчезалъ такъ же внезапно, какъ и появлялся.

Маріонъ слышала обо всемъ этомъ и содрогалась. Она счастливо отдѣлалась!

. . . .

Она никогда больше не писала драмъ—по крайней мѣрѣ, такой, которая понравилась бы режиссеру. Она говорила, что не имѣетъ на это времени. Не взирая на свой успѣхъ, она получила отвращеніе ко всему, что́ касается театра. Возможно, что она находила, что этотъ успѣхъ не такая ужъ теплая одежда для разбитой жизни, какъ она ожидала. Но такъ какъ она часто говорила, что у нея нѣтъ ничего другого, что́ бы она больше любила, будучи одинокой въ жизни, то свой интересъ къ театру она перенесла на религію.

Однажды она услыхала съ дѣйствительнымъ сожалѣніемъ, что Леонора потеряла память, намекали, что причиной этого былъ хлоралъ. Она подумала, что ей необходимо постараться спасти ее, обратясь къ ней съ серьезнымъ призывомъ къ тому лучшему въ ней, которое, по мнѣнію Маріонъ, существуетъ во всѣхъ насъ. Но, когда она собирала дальнѣйшія свѣдѣнія о ней, имѣя въ виду прійти ей на помощь, она была испугана открытіемъ, что Леонора нѣкоторое время была гражданской женой Делакура и что потеря памяти у нея была на самомъ дѣлѣ слѣдствіемъ пьянства, которое началось у нея со времени ея замужества.

Прошелъ годъ. Делакуръ началъ опять кое-гдѣ показываться, затѣмъ сталъ появляться все чаще и чаще. Онъ получилъ и принялъ регулярные ангажементы. Но жена его ужъ больше не появлялась.

Теперь драма Маріонъ снова вошла въ репертуаръ и пользовалась громаднымъ успѣхомъ. Въ ней была самая благодарная для Делакура роль. И Маріонъ отправилась взглянуть на свою драму, притаясь за занавѣской своей ложи.

Годы, съ тѣхъ поръ, какъ она въ послѣдній разъ сидѣла въ этой ложѣ, не обошлись съ ней милостиво. Ея недовольное лицо показывало, что она была изъ тѣхъ многихъ жертвъ остановившагося развитія, которое задерживается въ среднемъ возрастѣ эгоистическимъ страстнымъ желаніемъ удержать юность. Въ юности мы хотимъ получать, вмѣсто того, чтобы давать, хотимъ быть любимыми. Хотимъ, чтобъ намъ служили, чтобы нами восхищались. Среднія лѣта представляютъ оборотную сторону медали—приходится любить, служить, давать скорѣе, чѣмъ получать. Маріонъ не усвоила себѣ этотъ элементарный урокъ жизни. Мы всегда можемъ узнать тѣхъ мужчинъ и женщинъ, которые

въ среднемъ возрастѣ стремятся быть любимыми, по ихъ виду, по ихъ нервнымъ брюзгливымъ лицамъ. И любовь знаетъ ихъ, но бѣжитъ отъ нихъ.

Режиссеръ, нѣсколько посѣдѣвшій и похудѣвшій, точно послѣ долгаго поста, пришелъ къ ней повидаться между двумя актами. Онъ ворчалъ, выражая свое порицаніе игрѣ главной актрисы.

— Она ничто въ сравненіи съ Леонорой,—сказалъ онъ.

— Леонора очень—Маріонъ искала слова сожалѣнія—очень больна для того, чтобы играть.

— Она слишкомъ больна, чтобы играть. Она ужъ никогда не будетъ играть. Она умираетъ.

Наступила минута молчанія.

— Она умираетъ отъ пьянства,—сказалъ онъ.—И если существуетъ такое мѣсто, какъ небо, она очень близка къ нему, и если есть тамъ Господь, она скажетъ Ему за меня слово, когда она отправится туда.

Маріонъ молчала. Она была потрясена.

— Она захотѣла выйти замужъ за Делакура,—продолжалъ режиссеръ.— Я просилъ ее выйти за меня. Но она отвѣтила, что я могу работать безъ нея, а онъ не можетъ. Они полюбили другъ друга во время перваго представленія драмы. Я видѣлъ, какъ это надвигалось, видѣлъ, что это будетъ несчастье для нея. Но это была настоящая любовь, и, когда она приходитъ къ намъ, не остается ничего другого, какъ только уступить ей. Она не часто случается. Многіе изъ насъ совершенно не способны къ любви. Я видѣлъ ее одинъ-два раза въ своей жизни. Я долженъ сказать, что я никогда не испытывалъ ее, хотя я отъ всей души хотѣлъ заботиться о Леонорѣ и не допустилъ бы ее до такого тяжкаго положенія. Я поселилъ бы ее въ саду. Она такъ любила цвѣты и текучую воду. Поэтому-то я приготовилъ садъ, но она его никогда не видѣла. Это чудное мѣстечко: маленькій каскадъ съ деревенскимъ мостикомъ; прудикъ съ дномъ, устланнымъ зелеными камышками, чтобы золотыя рыбки казались красивѣе. И ко всему этому садъ розъ. Я такъ хотѣлъ, чтобы она все это увидѣла. Но тутъ подвернулся Делакуръ! Это было похоже на романъ. Они полюбили другъ друга, и онъ держалъ себя прекрасно. Онъ не хотѣлъ жениться на ней. Онъ говорилъ, что не можетъ вылѣчиться отъ пьянства, что одного его желанія—мало для этого. Но она рѣшительно пожелала выйти за него, говоря, что ея желанія было совершенно достаточно для нихъ обоихъ. Я не имѣю понятія о ея желаніи, я думаю, что тутъ была ея любовь, которой было болѣе чѣмъ достаточно. Онъ

уступилъ ей, наконецъ, и они поженились. Я знаю, что я не выдержалъ бы такъ долго, какъ это сдѣлалъ онъ. Сперва все шло хорошо. Онъ былъ у ея ногъ. Онъ говорилъ мнѣ, что всякая женщина только первое время бывала заботлива къ нему. Затѣмъ, несмотря на всю его любовь къ ней, несмотря на все, онъ началъ пить опять. Она сказала, что, если онъ будетъ пить, она тоже будетъ пить, и настояла на этомъ. Если онъ пилъ, она тоже пила. Если онъ пилъ понемногу, она пила такъ же. Напивался сильно, она такъ же пила. Что это было—убійство или лѣченіе? И онъ любилъ ее! Этимъ она держала его въ своихъ рукахъ. Прошло немалое время, и она покорила его. Онъ слишкомъ страдалъ, видя, какъ она убиваетъ себя ради него, и это заставило его воздерживаться. Онъ достигъ того, что пересталъ пить.

— Тогда, почему же она тоже не перестала пить?

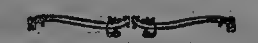
— Она не могла,—сказалъ режиссеръ съ судорогой въ лицѣ.—Она зашла слишкомъ далеко за то время, какъ она лѣчила его. У ней не было той физической силы, какъ у него. Ея роль была окончательно сыграна, она умираетъ, и это они знаютъ оба. Но она относится къ этому совершенно равнодушно. Она спасла его! Въ этомъ была вся суть для нея. Она совершенно счастлива! Ни о чемъ другомъ она не заботится. Онъ великій актеръ, а она жила только для того, чтобы видѣть его признаннымъ всѣми. Многія женщины не захотѣли бы рисковать такъ. Но я предполагаю, что женщина, которая любитъ, можетъ рѣшиться на рискъ; по крайней мѣрѣ такая, какъ Леонора.

— А онъ—не взирая на все—любитъ ли онъ ее еще и теперь?—спросила Маріонъ пересохшими губами.

Режиссеръ молчалъ.

— Я не думалъ, чтобы кто-нибудь могъ лучше заботиться о Леонорѣ, чѣмъ я,—сказалъ онъ наконецъ,—но Делакуръ это дѣлаетъ—онъ заботится о ней «лучше».

Переводъ съ англійскаго Л. Д.

НЕИЗВѢДАННЫМИ ПУТЯМИ.

(Письмо изъ Лондона).

I.

Прежнія войны были для Англіи, въ смыслѣ вліянія на ея общественный бытъ, внѣшними эпизодами. Онѣ оказывали, конечно, свое вліяніе на ходъ повседневной жизни, откладывали на ней свою печать, но не оставляли по себѣ длительныхъ и глубокихъ послѣдствій принципіальнаго характера. Съ того времени, когда экономическій строй страны пріобрѣлъ современныя черты, когда народное хозяйство стало дифференцированнымъ по своему внутреннему строенію и основаннымъ на сложной системѣ развитаго международнаго товарообмѣна, ни одна военная кампанія Англіи не требовала исключительнаго напряженія всѣхъ общественно-экономическихъ силъ ея. Бурская война, несмотря на свои сравнительно значительные размѣры, не выходила изъ рамокъ такъ наз. «колоніальныхъ войнъ». Даже наполеоновская эпопея, создавшая для англійскаго государства потребность въ погашеніи небывало огромныхъ издержекъ и оставившая въ наслѣдство, на-ряду съ колоссальнымъ государственнымъ долгомъ, цѣнное пріобрѣтеніе государственныхъ финансовъ, прогрессивно-подоходный налогъ—даже эта эпопея не создавала необходимости въ коренной перестройкѣ хозяйственной жизни примѣнительно къ нуждамъ войны: формы народнаго хозяйства Англіи, опредѣлившіяся къ эпохѣ наполеоновскихъ войнъ, нисколько не были видоизмѣнены этими войнами. За всю англійскую исторію международные конфликты лишь косвенно вліяли на общественный бытъ страны, были только внѣшними стимулами, которые вносили извѣстный, порой очень значительный, разбродъ въ повседневную жизнь и потому создавали благопріятныя условія для проявленія истинныхъ тенденцій этой жизни—но не болѣе.

И первые мѣсяцы нынѣшней міровой войны не давали еще основаній предполагать, что для Англіи она окажется исключеніемъ

изъ общаго правила. Въ эти мѣсяцы она, подобно пережитымъ ранѣе войнамъ, казалась только эпизодомъ, вызывающимъ лишь отраженно, благодаря порожденнымъ ею бѣдствіямъ, постановку опредѣленныхъ проблемъ общественнаго быта, рѣшить которыя должно было государство. Но дѣйствительнымъ факторомъ, круто сворачивающимъ ходъ этой жизни и подчиняющимъ себѣ все существованіе народа, она первоначально вовсе не рисовалась.

Для этой, чисто-эпизодической роли ея былъ характеренъ тотъ лозунгъ, съ которымъ Англія приняла въ ней участіе. «Brittons' motto—business as usual» (Девизъ британцевъ—дѣла по обычному)—такая фраза, которую первое время приходилось слышать и читать буквально на каждомъ шагу, формулировала собой отношеніе англичанъ къ войнѣ, какъ къ исключительно-внѣшнему осложненію, которое не можетъ и не должно отклонять повседневную жизнь страны въ сторону отъ обычнаго курса.

Конечно, это не означало, что для Англіи безслѣдно проходилъ фактъ ея участія въ общеевропейскомъ конфликтѣ. Разгромъ международнаго товарообмѣна и международныхъ финансовъ, потеря самаго крупнаго, послѣ Индіи, внѣшняго рынка въ лицѣ Германіи, не могли не создать для нея перспективы тяжелаго общественнаго бѣдствія. Но вопросъ объ обезпеченіи населенія, остро поставленный передъ государствомъ такой перспективой, находилъ свое рѣшеніе не по продиктованному войною и военными обстоятельствами плану, а въ мѣропріятіяхъ, которыя являлись прямымъ продолженіемъ англійской соціальной политики послѣднихъ лѣтъ, приводившей къ постепенному разрѣшенію проблемы распредѣленія народнаго богатства и исходившей изъ принципа коллективной отвѣтственности за индивидуальное благополучіе. Какъ намъ приходилось отмѣчать на страницахъ «Вѣстника Европы» [1]), принципіально новаго было мало и въ признаніи «права на трудъ», практически-реализованнаго государствомъ въ мѣрахъ борьбы съ предполагавшейся небывало затяжной массовой безработицей, и въ обезпеченіи семей солдатъ и матросовъ, и въ огражденіи населенія отъ спекулятивнаго повышенія цѣнъ. Во всемъ этомъ останавливали на себѣ вниманіе, главнымъ образомъ, размѣры, до которыхъ выросли съ разрывомъ дипломатическихъ сношеній робкія попытки, дѣлавшіяся въ этомъ направленіи и до войны.

Но та соціальная среда, въ которой нынѣшняя война зародилась и развивается, обусловила совершенно новый характеръ ея.

1) Ст. „Война и общественная жизнь въ Англіи“ въ январьской книжкѣ за 1915 г.

Война стала въ такой же мѣрѣ технически дифференцированной и сложной, въ какой сложна и дифференцирована эта среда. И порожденная ею потребность въ огромномъ напряженіи всѣхъ силъ страны для успѣшнаго веденія этой усложненной войны диктуетъ уже новую экономическую политику, политику «собиранія производственныхъ силъ», которая теперь проведена или проводится по всему европейскому континенту и существенно мѣняетъ весь укладъ жизни.

Понятно, форма «собиранія производственныхъ силъ», а въ связи съ этимъ сущность, объемъ и значеніе порожденныхъ имъ проблемъ, опредѣляется общимъ характеромъ соціальной жизни каждой отдѣльной страны. Въ англійскихъ условіяхъ «собираніе» происходитъ не въ формѣ естественнаго приспособленія промышленной техники къ новымъ задачамъ, не путемъ простого замѣщенія однихъ производственныхъ методовъ другими, при которомъ измѣненія въ структурѣ народнаго хозяйства ограничиваются узко-технической стороной дѣла. Здѣсь это «собираніе» приводитъ къ переходу въ руки государства верховнаго контроля за хозяйственной активностью и непосредственнаго руководства ею.

Постановка же вопроса о государственной реорганизаціи народнаго хозяйства, а тѣмъ болѣе—разрѣшеніе его, связаны для Англіи съ необходимостью перестройки общественныхъ отношеній, выросшихъ на почвѣ существующей организаціи этого хозяйства. Общественный строй страны основывался до самаго послѣдняго времени на индивидуализмѣ хозяйственнаго быта. Этотъ индивидуализмъ не былъ, конечно, тѣмъ чистымъ индивидуализмомъ, которому рисовалось настоящимъ разбойничествомъ законодательное предписаніе, «чтобы человѣкъ не смѣлъ входить въ кабакъ или чтобы его ребенку была обязательно привита оспа, либо чтобы послѣдній посылался въ школу» [1]). Онъ смягчался постепенной реализаціей принципа коллективной отвѣтственности за индивидуальное благополучіе, съ каждымъ десятилѣтіемъ все болѣе и болѣе откладывающаго свою печать на характерѣ англійскаго законодательства и получившаго особенно крупное развитіе съ началомъ нынѣшней войны. По существу, можно было бы даже сказать, что именно тогда, когда чистый индивидуализмъ былъ наиболѣе послѣдовательно формулированъ, какъ политическое ученіе, Герб. Спенсеромъ, онъ находился уже на сильномъ ущербѣ. Но какъ далеко государство ни отходило отъ положеній индивидуализма, оно не задѣвало индивидуалистической основы общежитія, ограничивая свое воздѣйствіе

---

[1]) „The Right and Wrong of Compulsion by State" by Auberon Herbert, Лондонъ, 1885, стр. 25.

исключительно ослабленіемъ, въ духѣ коллективной отвѣтственности за индивидуальное благополучіе, отрицательныхъ послѣдствій основаннаго на частной собственности хозяйственнаго строя. Оно всецѣло предоставляло «непреложнымъ законамъ политической экономіи» опредѣленіе хозяйственныхъ функцій каждой личности и ея мѣсто въ общественномъ производствѣ, придерживаясь по-прежнему въ этомъ отношеніи убѣжденія, что «въ обществѣ, какъ и во всякой иной области мірозданія, имѣется прекрасный принципъ самоприспособленія, удерживающій всѣ его элементы въ равновѣсіи» [1]. Государство, поэтому, обезпечивало существованіе, въ рамкахъ послѣдовательно демократической политической организаціи, соціально-экономической олигархіи, олигархіи капитала, которая опредѣляла собой всѣ общественныя отношенія. Между тѣмъ, фактъ реорганизаціи имъ народнаго хозяйства выбивалъ изъ-подъ существующей системы этихъ отношеній ихъ индивидуалистическую базу. Опредѣленіе хозяйственныхъ функцій если не каждаго члена общества, то значительной части ихъ, занятыхъ производствомъ аммуниціи, либо пригодныхъ для послѣдняго, становилось прямой обязанностью государства, взявшаго на себя бремя успѣшнаго веденія войны. Оно должно было, такимъ образомъ, избрать новыя формы общественныхъ отношеній и тѣмъ самымъ сознательно и цѣлесообразно опредѣлить направленіе соціальной эволюціи Англіи.

Но такой результатъ новаго характера войны поставилъ страну на перекресткѣ, отъ котораго ведутъ равно неизвѣданные новые пути. То, что̀ въ нормальныхъ условіяхъ было бы предоставлено въ Англіи ходу естественнаго развитія, что̀ выростало бы здѣсь органически въ итогѣ медленнаго, почти неуловимаго накопленія соціально-политическаго опыта, въ итогѣ постепеннаго измѣненія въ соотношеніи общественныхъ силъ, внезапно было вынесено напоромъ событій перваго года войны на поверхность общественно-политической жизни въ качествѣ самыхъ больныхъ, настойчиво требующихъ своего рѣшенія вопросовъ. Необходимость избрать какой-либо изъ путей, необходимость отыскать, въ замѣнъ индивидуалистической формы общественныхъ отношеній, какую-либо иную, въ каждомъ случаѣ рисующуюся государственнымъ дѣятелямъ крайне опасной по одной своей неизвѣданности, диктовалась императивными нуждами войны, требовавшими государственной организаціи—и организаціи спѣшной—производства аммуниціи. Но та же война диктовала и прекращеніе политической борьбы, выявляющей реальное соотноше-

---

[1] „The proper sphere of government" by Herbert Spencer, Лондонъ, 1843, стр. 5.

ніе общественныхъ силъ, чѣмъ она лишала государство и его органы привычной аріадниной нити; къ тому же задача сводилась къ перестройкѣ какъ разъ тѣхъ общественныхъ отношеній, равнодѣйствующая которыхъ представляетъ собой въ демократическомъ обществѣ единственную прочную основу государственнаго творчества. Вполнѣ естественно, поэтому, что кабинетъ Асквита, несмотря на всю остроту «аммуниціоннаго кризиса», испытывавшагося Англіей еще съ октября 1914 г., заколебался передъ перспективой государственнаго руководства хозяйственной жизнью и въ теченіе шести мѣсяцевъ не пользовался широкими полномочіями, предоставленными ему въ этомъ отношеніи изданнымъ уже въ январѣ «вторымъ дополнительнымъ актомъ о защитѣ державы» (Defence of the Realm Amendment № 2 Act).

Неустойчивое положеніе, созданное этими колебаніями, не могло, однако, длиться безконечно. Если государство и его органы колебались «between the devil and deep sea» (между дьяволомъ и морской пучиной) поставленной передъ ними войною дилеммы, любое рѣшеніе которой обѣщало въ одинаковой мѣрѣ вызвать серьезное обостреніе общественныхъ противорѣчій, то самый фактъ ихъ нерѣшительности въ здоровомъ обществѣ необходимо переводилъ эти колебанія на языкъ политической борьбы. Неизбѣжныя въ условіяхъ развитой общественной критики нареканія на «относительную недѣеспособность демократически избраннаго правительства во всѣхъ практическихъ вопросахъ» [1]), на отсутствіе въ Англіи «идей, которыя обладаютъ жизненнѣйшимъ значеніемъ повсюду—и въ нашихъ школахъ, и въ нашихъ церквахъ, и въ промышленности, и въ арміи, и флотѣ, и въ нашемъ кабинетѣ» [2])—эти нареканія естественно сопровождались возстановленіемъ заглохшей въ первые мѣсяцы войны, но никогда въ сущности не терявшей своей остроты, борьбы соціальныхъ тенденцій, которою проблемы перестройки быта необходимо оформились и облеклись въ конкретную плоть. И за практическимъ отступленіемъ на задній планъ парламента и публичной платформы, какъ арены такой борьбы, пресса пріобрѣла руководящее значеніе, настоятельно добиваясь реализаціи опредѣленныхъ проектовъ общественнаго строительства.

Разумѣется, разъ императивныя нужды войны диктовали государственную организацію народнаго хозяйства, то и вся англійская печать единодушно требовала соотвѣтствующей организаціи. «Наша

1) H. G. Wells, „The Ideals of Organisation", Nation. № отъ 24 іюля 1915, стр. 535.

2) „Democracy and ideas" by Lord Holdane. Nation, № отъ 7-го августа 1915, стр. 603.

привязанность къ идеалу свободы не должна закрывать намъ глаза на уроки, преподанные намъ войною,—писалъ, напр., редакторъ одной либеральной газеты.—Лютеръ сказалъ, что онъ не позволитъ дьяволу захватить въ свое исключительное пользованіе всѣ лучшіе напѣвы, и нужно, чтобы ненависть къ мотивамъ врага не вызывала въ насъ предубѣжденія противъ его методовъ. Мы должны постараться, чтобы онъ не установилъ монополіи на всѣ лучшіе напѣвы; его же наиболѣе цѣннымъ лейтмотивомъ является организація, и, если мы хотимъ побѣдить въ этой борьбѣ, мы должны показать, что демократія и организація могутъ сосуществовать, политическая свобода совмѣстима съ матерьяльной дѣеспособностью» [1]). Значительная же часть консервативной печати сравнительно давно стала вести пропаганду въ пользу «National Service», національной службы, основной сущностью которой является именно опредѣленный типъ государственной организаціи всей хозяйственной жизни страны.

Однако, уже тогда, когда лишь начинала выясняться для государства необходимость такой организаціи, стало рѣзко проявляться то расхожденіе формы и содержанія общественно-политическаго быта Англіи, которое выражается сосуществованіемъ демократическаго политическаго строя съ олигархическимъ общественно-экономическимъ строемъ. Если съ точки зрѣнія однихъ государство должно было «показать, что демократія и организація могутъ сосуществовать», что, другими словами, въ хозяйственный организмъ страны должны быть внесены принципы широкаго демократизма, то въ противовѣсъ этому взгляду вырисовывалось иное теченіе, ставящее своей цѣлью сохраненіе соціальной олигархіи и въ рамкахъ государственной организаціи народнаго хозяйства. При наличности этихъ діаметрально противоположныхъ теченій неизбѣжна была, понятно, борьба ихъ по вопросу о конкретныхъ формахъ новыхъ общественныхъ отношеній. И пресса, защищающая интересы «собственности и власти для немногихъ», въ этомъ отношеніи первая нарушила «партійное перемиріе» начальнаго періода войны. «Times», ранѣе расточавшій, было, комплименты по адресу рабочихъ, рѣзко измѣнилъ свой тонъ, какъ только вырисовалась перспектива государственной реорганизаціи народнаго хозяйства. «Политики, рабочіе вожди, реформаторы, всѣ тѣ, кто ищетъ поддержки въ народѣ—писалъ онъ въ № отъ 24 марта 1915 г. подъ симптоматическимъ заголовкомъ «Плоды ложнаго ученія»,—систематически льстили рабочему и заискивающе улыбались ему... Они говорили ему, что онъ—соль

[1]) „The war and its ideals“ by A. G. G. „Daily News“ № отъ 7-го августа 1915 г.

земли, совершенно особенное существо, герой и жертва; что вся сила въ его рукахъ и что стоитъ ему только протянуть ихъ, чтобы взять все наилучшее... Законодательство наложило свою печать на такое воспитаніе рабочаго. Онъ не платитъ прямыхъ налоговъ... Нѣтъ ничего, что могло бы напомнить ему или убѣдить его въ томъ, что въ обществѣ, къ которому онъ принадлежитъ, у него есть доля обязанностей... Мы не вѣримъ, чтобы гниль этой деморализаціи зашла слишкомъ далеко, но что она существуетъ—въ этомъ нѣтъ никакихъ сомнѣній. Быть можетъ, это и будетъ одной изъ тѣхъ чертъ нашего быта, которая исправится войною. Мы повѣримъ этому, когда придворные короля Демоса, чье подхалимство не превзойдено царедворцами ни одного тиранна, найдутъ въ себѣ достаточно смѣлости, чтобы высказать истину». Такая грозная тирада противъ самыхъ характерныхъ особенностей англійской общественно-политической жизни, какъ она складывалась до войны, была лишь прологомъ къ общей атакѣ, направленной къ уничтоженію «плодовъ ложнаго ученія», которую повела группа газетъ во главѣ съ «Times». Государственная организація народнаго хозяйства имъ рисовалась единственно допустимой только въ формѣ «National Service», т.-е. воинской и рабочей повинности, въ формѣ введенія въ англійскій обиходъ принципа безусловнаго подчиненія авторитету государства, которое можетъ автократически распоряжаться трудомъ и жизнью гражданъ, какъ трудомъ и жизнью крѣпостныхъ. Въ «письмахъ въ редакцію», занимавшихъ цѣлые столбцы «Times», «Daily Mail» и др.—далеко, впрочемъ, не всѣхъ—консервативныхъ газетъ, вполнѣ откровенно проповѣдывалось возрожденіе для «деморализованныхъ» рабочихъ «оброчной повинности». «Я читалъ съ огромнымъ интересомъ письмо епископа въ сегодняшнемъ номерѣ вашей газеты—дѣлился, напр., своими мыслями съ читателями «Times» въ № отъ 26 мая «управляющій мастерской» (A workshop manager)—не могъ бы каждый промышленникъ, чьи рабочіе заняты выполненіемъ военныхъ заказовъ, обратиться къ правительству съ просьбой помочь ему изданіемъ временнаго закона, предписывающаго всему его рабочему персоналу скрѣпить своей подписью декларацію такого рода: «въ доказательство моего патріотизма и считая, что служить въ арміи я не способенъ, симъ беру на себя ту же отвѣтственность, что и солдатъ и матросъ».

Со своей стороны, и англійскіе рабочіе были вынуждены перспективой такого возстановленія натуральной повинности принять мѣры къ защитѣ своихъ интересовъ. Къ конкретнымъ шагамъ правительства, въ которые «конскрипціонистская» пресса обычно вкладывала къ

тому же желательный ей смыслъ [1]), они не могли относиться иначе, какъ съ опаской. Эту выжидательно настороженную точку зрѣнія рабочихъ на практическія мѣры реорганизаціи государствомъ народнаго хозяйства отразилъ органъ, выражающій взгляды наиболѣе политически умѣренной части англійскихъ рабочихъ, «трехъ милліоновъ кооператоровъ». «Перемѣны, происшедшія въ теченіе минувшихъ двѣнадцати мѣсяцевъ, суммируетъ «передовая» Co-operative News (№ отъ 7 августа 1915 г.), и перемѣны, въ настоящее время только еще происходящія, могутъ послужить общему благу страны, если онѣ будутъ проводиться въ жизнь справедливо и мудро... Это—дѣло, за которымъ рабочіе должны сами слѣдить; *они* должны опредѣлять результаты перемѣнъ». Мы не говоримъ уже о практическомъ слѣдствіи такого отношенія рабочихъ, о возрожденіи стачечной борьбы; его намъ прійдется коснуться въ дальнѣйшемъ.

Словомъ, въ главныхъ лагеряхъ англійской общественности перспектива грядущей, съ реорганизаціей народнаго хозяйства государствомъ, перестройки общественныхъ отношеній сказалась серьезнымъ обостреніемъ общественныхъ противорѣчій. И это обостреніе не могло, разумѣется, не усилить тѣ колебанія, какія правительство испытывало въ выборѣ конкретныхъ мѣръ, въ ту или иную сторону мѣнявшихъ весь бытовой укладъ Англіи. Пока политическая борьба не давала ясныхъ результатовъ, пока не выявлялся съ безспорностью перевѣсъ опредѣленной тенденціи, она создавала еще большія затрудненія: при невѣрномъ учетѣ силъ борющихся тенденцій неизбѣженъ былъ бы политическій кризисъ, особенно нежелательный во время международныхъ осложненій небывалаго значенія. Положеніе вещей складывалось, поэтому, такъ, что либеральный кабинетъ Асквита, проведшій Англію сквозь пороги первыхъ мѣсяцевъ войны и располагавшій до того абсолютнымъ довѣріемъ націи, почувствовалъ, что изъ-подъ его ногъ ускользаетъ почва, какъ только онъ берется за рѣшеніе задачи, возложенной на него новымъ характеромъ міроваго конфликта. Колебанія его, задерживавшія требуемую организацію снабженія арміи, вызывали суровую критику, подрывавшую его авторитетность; попытки же

1) Даже Ллойдъ-Джорджъ, ранѣе являвшійся главной цѣлью для обстрѣла консервативной печати, теперь ею зачисленъ въ число „своихъ"— настолько, что „Punch" счелъ нужнымъ предупредить своихъ читателей на счетъ содержанія выходящаго здѣсь сборника рѣчей послѣдняго. Хотя этотъ сборникъ и будетъ названъ „From Terror to Triumph" (т. е. отъ ужаса къ торжеству), не слѣдуетъ думать, что въ немъ изображается трансформація Ллойдъ-Джорджа „from Bogey to Idol" (изъ пугала въ кумиръ)— иронизируетъ „Punch".

выйти изъ бездѣйствія и предпринять какіе-либо шаги къ лучшей постановкѣ снабженія въ свою очередь натыкались на оппозицію, какъ это было, напр., съ намѣреніемъ Ллойдъ-Джорджа поднять производительность труда антиалкогольнымъ законодательствомъ, проваленнымъ ирландцами, заинтересованными въ производствѣ и торговлѣ спиртомъ, рабочими, возмущенными преувеличенными обвиненіями въ чрезмѣрномъ пьянствѣ, и консервативной прессой, воспользовавшейся случаемъ, чтобы подкопаться подъ нежелательный ей кабинетъ.

Это-то положеніе вещей и дѣлало необходимымъ прологомъ къ рѣшенію проблемы реорганизаціи народнаго хозяйства обезоруженіе оппозиціи, своего рода самострахованіе правительства, путемъ привлеченія къ участію въ немъ представителей всѣхъ другихъ партій. Каковы бы ни были ближайшія и побочныя причины, заставившія Асквита распустить либеральный кабинетъ и сформировать коалиціонное министерство,—главнымъ мотивомъ такой политической революціи явилось то, что отвѣтственность за всѣ соціально-политическія послѣдствія государственной реорганизаціи народнаго хозяйства стала, въ создавшихся условіяхъ, чрезмѣрно тягостной для одной какой-либо партіи.

Но хотя именно съ 25-го мая, когда къ 12 оставшимся въ кабинетѣ либераламъ присоединились 8 уніонистовъ и одинъ членъ рабочей партіи (ирландцы отклонили приглашеніе вступить въ министерство), назрѣвшая проблема получила, наконецъ, свое рѣшеніе въ рядѣ законодательныхъ и административныхъ актовъ, это рѣшеніе не было окончательнымъ, выводившимъ Англію на опредѣленный путь общественнаго развитія. Новыя формы общежитія были намѣчены въ общихъ чертахъ «актомъ о военной аммуниціи» (Munitions of War Act) и «актомъ о національной регистраціи» (National Registration Act); но и коалиціонный кабинетъ, проводя такія мѣры черезъ парламентъ, принужденъ былъ считаться съ отсутствіемъ ясныхъ указаній со стороны общественныхъ силъ, борьба которыхъ не дала еще точнаго представленія о ихъ реальномъ соотношеніи. Попытки нѣкоторыхъ парламентаріевъ и части прессы заставить коалицію «повести страну безъ учета послѣдствій» (to led the country regardless of consequences) не увѣнчались успѣхомъ. Кабинетъ сознавалъ, что «лидеръ, который пытается вести, несмотря на послѣдствія, зажжетъ въ странѣ пожаръ прежде, чѣмъ истечетъ мѣсячный срокъ», что «первой существенной обязанностью правительства является обязанность шагъ за шагомъ вести за собой большинство страны» [1].

[1]) „Three months of coalition", by „Auditur Tantum", Fortnightly Review, сентябрь 1915, стр. 429.

Въ силу этого и данныя мѣры его послужили, поскольку рѣчь идетъ о перестройкѣ англійскихъ общественныхъ отношеній, только пробными мѣрами, которыя должны были эмпирически выявить реальное положеніе вещей въ борьбѣ противоположныхъ тенденцій. Образованіе коалиціи лишь позволило прибѣгнуть къ подобному эмпирическому законодательству безъ риска повергнуть Англію въ хаосъ политическаго кризиса.

Такимъ образомъ, Англія и съ изданіемъ первыхъ законодательныхъ актовъ коалиціоннаго кабинета продолжаетъ, фактически, колебаться передъ неизвѣданными путями. Если, однако, до изданія ихъ соотношеніе общественныхъ силъ въ вопросѣ о формахъ общественнаго быта было недостаточно отчетливымъ, чтобы служить базой для практическихъ мѣръ, послѣ проведенія ихъ въ жизнь это соотношеніе начало неизбѣжно оформляться въ процессѣ выясненія преобладающаго отношенія къ нимъ.

II.

«Актъ о военной аммуниціи»—наиболѣе законченная изъ экспериментальныхъ мѣръ новаго кабинета, удовлетворяетъ самой настоятельной и неоспоримой потребности момента,—интенсификаціи производства военнаго матеріала. Но проведеніе въ жизнь этого акта сопровождалось крупными осложненіями, въ особенности—стачкой уэльскихъ углекоповъ, благодаря тому, что практика его была связана съ постановкой кардинальныхъ проблемъ англійскаго общественнаго быта.

На существѣ акта, поскольку подъ этимъ понимается основная цѣль его—обезпеченіе дѣеспособнаго снабженія арміи—мы останавливаться не будемъ. 715 крупнѣйшихъ фабрикъ и заводовъ Англіи, включая всѣ предпріятія, такъ или иначе приспособленныя къ обслуживанію нуждъ арміи въ военномъ матеріалѣ, были объявлены, на основаніи этого акта, «контролируемыми предпріятіями», т.-е. были переданы въ фактическое завѣдываніе министра аммуниціи, портфель котораго взялъ Ллойдъ-Джорджъ. Помимо этого, послѣдній получилъ благодаря акту возможность «мобилизовать» всѣ нужныя силы и средства для созданія 27 «національныхъ арсеналовъ», спѣшно строющихся и обѣщающихъ существенно поднять выработку орудій и средствъ разрушенія. Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что задача, которая была поставлена англійскому правительству новымъ характеромъ войны, удовлетворительно разрѣшается «актомъ о военной аммуниціи».

Дѣйствительнымъ существомъ такой мѣры было, однако, не столько разрѣшеніе этой задачи, сколько подготовка къ нему. Она потребовалась кабинету отнюдь не потому, что у послѣдняго не было санкціи на реорганизацію народнаго хозяйства, произведенную Ллойдъ-Джорджемъ послѣ ея проведенія черезъ парламентъ и включенія въ книги статутовъ. Эта санкція дана была еще въ январѣ «Вторымъ дополнительнымъ актомъ о защитѣ державы». Но одной санкціи оказалось недостаточнымъ, такъ какъ она не указывала правительству на тѣ внутренніе распорядки, какіе оно могло и должно было ввести въ предпріятіяхъ, переходящихъ въ вѣдѣніе государства. Между тѣмъ, отъ правительства требовалось именно установленіе этихъ распорядковъ. Назначенный 4-го февраля особый департаментскій «комитетъ по производству механическихъ и судостроительныхъ предпріятій» въ своемъ второмъ предварительномъ докладѣ отъ 20 февраля констатировалъ, что затрудненія въ ускореніи выработки обусловливались своеобразнымъ «обычнымъ правомъ», существующимъ здѣсь. «Мы придерживаемся убѣжденія, что производство снарядовъ и зажигательныхъ трубокъ — говорится въ докладѣ комитета—было бы значительно ускорено, если бы было достигнуто отступленіе отъ обычной практики, по которой рабочіе ограничиваютъ свою продуктивность, приноравливая свой заработокъ по сдѣльной оплатѣ къ «полуторадневному» (time and half) или иному мѣстному размѣру... Мы пришли къ заключенію, что въ производствѣ снарядовъ и зажигательныхъ трубокъ имѣются многочисленныя операціи, которыя по своей природѣ могли бы выполняться, и мѣстами уже выполняются, женщинами. Мы, такимъ образомъ, рекомендуемъ, чтобы женскій трудъ утилизировался для этой работы въ значительно большемъ объемѣ» [1]). Но попытка видоизмѣнить «обычное право», которымъ «нивеллируется» продуктивность индивидуальнаго рабочаго, встрѣчаетъ препятствіе въ ограниченіи найма женскаго и неквалифицированнаго труда и т. д., и должны были поставить—и поставили—вопросъ о взаимоотношеніяхъ государства и профессіональнаго рабочаго движенія, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и вопросъ о существѣ отношеній между личностью и коллективомъ.

Дѣло въ томъ, что это «обычное право» является драгоцѣннѣйшимъ завоеваніемъ англійскаго трэдъ-юніонизма. Въ условіяхъ капиталистическаго хозяйства не существуетъ противодѣйствія «желѣзному закону заработной платы» и другимъ чертамъ, отъ

[1]) „Second Interim Report of the Committee on Production in Engineering and Shipbuilding Establishments“, Board of Trade Labour Gazette, мартъ 1915, стр. 83.

которыхъ такъ приходилось страдать англійскому рабочему на зарѣ индустріальной революціи; это противодѣйствіе, на-ряду съ фабричнымъ законодательствомъ, создало профессіональное движеніе, оградивъ отдѣльнаго работника тѣмъ, что С. и Б. Веббы назвали «охранительными плотинами» (dykes), т.-е. опредѣленными распорядками, равно включаемыми въ коллективные договоры и проводимыми въ жизнь въ процессѣ производства каждымъ трэдъ-юніонистомъ. Трэдъ-юніоны за 90 лѣтъ, истекшихъ со времени уничтоженія въ 1825 г. извѣстныхъ «Combination laws» (законовъ о сообществахъ), которыми участіе въ рабочемъ союзѣ и «дѣйствіе скопомъ» приравнивались къ заговору, пріобрѣли въ этомъ отношеніи реальную силу, выработавъ, въ дополненіе къ юридическимъ нормамъ рабочаго законодательства, сложную систему «обычнаго права». Разумѣется, далеко не все въ этомъ правѣ равноцѣнно съ точки зрѣнія общественной пользы. «Трэдъ-юніоны въ прошломъ показали себя крайне плохими и пристрастными судьями новыхъ хозяйственныхъ процессовъ,—отмѣчаетъ, напр., одинъ изъ теоретиковъ «новѣйшаго трэдъ-юніонизма», «возникшаго послѣ стачекъ 1911—1912 годовъ.—Они сначала противились введенію машиннаго способа производства, и они всегда были способны взбунтоваться противъ развитія его. Они пытались... закрѣпить навсегда отжившіе производственные методы» [1]). Не менѣе извѣстна система сознательнаго пониженія производительности труда, называемая самими рабочими ca'canny (работай полегоньку). Но, какъ ни несовершенны отдѣльныя положенія трэдъ-юніонистскихъ common rules (распорядковъ, «обычнаго права») съ точки зрѣнія общества, ихъ полная законность и цѣлесообразность въ рамкахъ капиталистическаго хозяйства никѣмъ не оспаривается даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они идутъ въ разрѣзъ съ общественными интересами. «Мы понимаемъ—говорится, напр., въ цитированномъ выше докладѣ «Комитета по производству» относительно обычая, по которому рабочій не работаетъ больше, чѣмъ нужно для полученія по сдѣльной расцѣнкѣ полуторадневнаго заработка,—что эта практика порождена въ значительной мѣрѣ желаніемъ защитить нормы сдѣльныхъ расцѣнокъ; мы признаемъ, что нынѣшнія обстоятельства не должны быть использованы для пониженія заработной платы... что при установленіи расцѣнокъ заработокъ рабочихъ во время войны не слѣдуетъ принимать въ разсчетъ, а расцѣнки не должны быть понижены» [2]). Некомпенсируемая ничѣмъ отмѣна «обычнаго права» трэдъ-юніонизма, такимъ образомъ,

---

[1]) „World of Labour", by G. D. H. Cole, Лондонъ, 1913, стр. 355.

[2]) Board of Trade Labour Gazette, мартъ 1915, стр. 83.

оставила бы по себѣ чувство невознаградимой потери, гибели всего достигнутаго девяностолѣтней борьбой англійскихъ рабочихъ за право на достойное человѣка существованіе. Отказъ отъ этого достоянія въ глазахъ рядовыхъ трэдъ-юніонистовъ почти-что немыслимъ ни при какихъ, даже самыхъ чрезвычайныхъ, обстоятельствахъ безъ эквивалентнаго вознагражденія и соотвѣтствующихъ гарантій.

Съ этимъ фактомъ англійскимъ государственнымъ дѣятелямъ пришлось считаться, когда возникъ вопросъ о нормированіи внутреннихъ распорядковъ въ «контролируемыхъ предпріятіяхъ» въ моментъ изданія «Акта о военной аммуниціи» и ранѣе, когда были предприняты первые шаги къ повышенію производительности аммуниціонныхъ фабрикъ. Уничтоженіе на время войны «обычнаго права» англійской промышленности было, фактически, закрѣплено этимъ актомъ только послѣ того, какъ согласіе на него кабинетъ Асквита получилъ отъ аккредитированныхъ представителей трэдъ-юніонизма. Оно не было предписано сверху безапелляціонно; напротивъ, государство сознательно искало предварительнаго одобренія трэдъ-юніонистовъ, которыхъ вопросъ о внутреннихъ распорядкахъ въ мастерскихъ касался ближе всего, и оно получило его на извѣстныхъ условіяхъ. Тѣмъ самымъ, къ непосредственному участію въ государственномъ творчествѣ оказывались привлеченными тѣ, кто существенно заинтересованъ въ характерѣ этого творчества. Государство пошло даже дальше, понимая все значеніе для рабочихъ потребовавшихся отъ нихъ жертвъ. При министерствѣ аммуниціи функціонируетъ созданный ранѣе «совѣщательный комитетъ по военному производству» (Advisory Committee on War Output), состоящій цѣликомъ изъ представителей профессіональнаго движенія. Съ его-то помощью Ллойдъ-Джорджъ и провелъ наборъ рабочихъ-механиковъ, нужныхъ для расширенія производства военнаго матеріала: вмѣсто рекомендованнаго сторонниками «National Service» принудительнаго «призыва къ станку», комитету было предложено организовать добровольческую запись, что тотъ и сдѣлалъ путемъ воззванія къ своимъ товарищамъ съ такимъ успѣхомъ, что въ теченіе менѣе мѣсяца число кандидатовъ на военную работу далеко превышало требовавшійся контингентъ ихъ. Аналогичные мѣстные комитеты, выполняющіе функцію организаціи производства на мѣстахъ и состоящіе изъ равнаго числа представителей отъ промышленниковъ и рабочихъ (при участіи делегатовъ министерства), имѣются въ каждомъ изъ десяти аммуниціонныхъ округовъ. Чуть ли не каждый день, затѣмъ, приходится читать въ газетахъ сообщенія объ отъѣздѣ на передовыя позиціи рабочихъ делегатовъ, спеціально избираемыхъ профессіональными союзами для полученія

точнаго, изъ первыхъ рукъ представленія о положеніи вещей во Франціи и Фландріи и провѣрки утвержденій относительно нужды въ военномъ матеріалѣ.

Но всѣмъ этимъ вопросъ о взаимоотношеніяхъ государства и профессіональнаго движенія не былъ вовсе рѣшенъ. Соглашеніе отличалось извѣстной односторонностью, такъ какъ оно не распространялось прямо на предпринимателей и не требовало отъ нихъ ни соотвѣтствующихъ жертвъ, ни конфирмаціи слишкомъ обще формулированной гарантіи правительства. Впослѣдствіи было признано, что «правительство сдѣлало большую ошибку, которая обошлась ему мѣсяцами потеряннаго времени и постоянными треніями. Оно не предприняло никакихъ шаговъ, чтобы установить соотвѣтствующій контроль за предпринимателями, равно по отношенію къ ихъ прибылямъ и къ сманиванію ими другъ у друга цѣнныхъ работниковъ. А между тѣмъ оно было прекрасно освѣдомлено объ убѣжденіи рабочихъ, что хозяева «куютъ деньгу», и знало, какое вліяніе на нихъ оказывало это убѣжденіе... Соглашеніе не имѣло ожидавшихся послѣдствій... Предполагавшееся временное уничтоженіе трэдъ-юніонистскихъ правилъ не состоялось»[1]). Рядовые рабочіе, сознавая, что уничтоженіе этихъ правилъ ведетъ къ безпрепятственному обогащенію людей, продолжающихъ вести себя и въ военное время точно такъ же, какъ и въ обычное, чувствовали полную неправомѣрность требованія исключительно тяжкихъ жертвъ съ ихъ стороны, и только съ ихъ стороны. Тѣмъ же самымъ становилась необходимой и законодательная нормировка взаимоотношеній труда, капитала и государства, какую коалиціонный кабинетъ и далъ въ «Актѣ о военной аммуниціи».

Актъ этотъ, однако, не только не внесъ въ настроенія рабочихъ новую примирительную ноту, но, напротивъ, усилилъ ихъ увѣренность въ непропорціональности возлагаемыхъ на нихъ жертвъ. Правда, прибыли «контролируемыхъ предпріятій» были, по акту, ограничены, и ограничены существенно: несмотря на то, что каждое такое предпріятіе вынуждено было расширять дѣло, вкладывая въ него огромные добавочные капиталы, ни одно изъ нихъ не должно воспользоваться прибылью, общая сумма которой на одну пятую превысила бы среднюю сумму прибыли за два предшествовавшіе года. Излишекъ прибылей поступаетъ прямо въ казначейство, при чемъ исчисленіе этого излишка предварительно провѣряется рабочимъ «совѣщательнымъ комитетомъ по военному производству». Правда также, что

---

[1]) „Industrial factor in war", by Dr. Arthrur Shadwell. Nineteenth Century, августъ 1915, стр. 244.

владѣльцы «контролируемыхъ предпріятій» обязуются, согласно предписаніямъ акта, не отступать послѣ войны отъ распорядковъ, которые имѣли силу до нея. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, во взаимоотношенія государства и организованныхъ рабочихъ былъ внесенъ совершенно новый элементъ, серьезно подрывающій позиціи профессіональнаго движенія и создающій для рабочихъ Англіи исключительныя условія существованія. Запрещая совершенно стачки и локауты въ «контролируемыхъ предпріятіяхъ» подъ угрозой штрафа до 5 ф. ст. съ каждаго рабочаго, «Актъ о военной аммуниціи» открываетъ правительству возможность распространить это запрещеніе, въ порядкѣ указовъ, на любую отрасль народнаго хозяйства, такъ или иначе связанную съ производствомъ военнаго матерьяла, гдѣ прибыли нисколько не ограничиваются и гдѣ рабочій, продолжая служить индивидуальному предпринимателю, часто имѣетъ реальныя основанія для недовольства. Актъ смелъ, такимъ образомъ, въ сторону единственное дѣйствительное орудіе защиты, имѣющееся у рабочаго класса—стачку; а затѣмъ, это ослабленіе послѣдняго онъ подкрѣпилъ предписаніемъ, по которому рабочій персоналъ каждой данной фабрики теряетъ право покинуть свою фабрику.

Вполнѣ естественно, что «Times», добивавшійся учрежденія «National Service», призналъ эти черты акта «оселкомъ англійской государственности» точно такъ же, какъ вполнѣ естественно, что представители рабочихъ въ парламентѣ опредѣлили актъ, какъ «первую попытку пріучить народъ къ правительственному контролю за личными дѣлами, къ тиранніи крѣпостного государства» [1]), а въ профессіональномъ движеніи оппозиціонное настроеніе нашло выраженіе въ созданіи «комитета защиты трэдъ-юніонистскихъ правъ» (Trade Union Defence Committee) и сказалось стачкой уэльскихъ углекоповъ.

Не слѣдуетъ, конечно, думать, что дѣйствительнымъ намѣреніемъ законодателя было что-либо, помимо обезпеченія возможно большей скорости и безостановочности въ выработкѣ военнаго матерьяла, что онъ стремился дѣйствительно ввести съ помощью «Акта о военной аммуниціи» натуральную повинность для рабочихъ. Въ Англіи совершенно нѣтъ объективныхъ условій для возстановленія въ какой-либо формѣ видоизмѣненнаго крѣпостничества, которое мыслимо лишь при совершенно иномъ, чѣмъ здѣсь, общественно-политическомъ строѣ. Здѣсь съ 80-хъ годовъ ни одна сколько-нибудь крупная группа населенія, за исключеніемъ женщинъ, не является просто подданными государства; каждый почти англичанинъ имѣетъ полное

---

[1]) Further Fruits of the Coalition, by P. Snowden, M. P. „Labour Leader“ № отъ 8 іюня 1915, стр. 7.

основаніе считать себя *членомъ* послѣдняго; между же «подданными государства и членами его — какъ отмѣчаетъ проф. Гиддингсъ — имѣется существенно важное различіе. Всѣ тѣ являются подданными государства, надъ кѣмъ оно проявляетъ свой авторитетъ; только тѣ — члены государства, кто принимаетъ участіе въ его сознательной активности и кто своей лойяльностью и *своей добровольной помощью* вкладываетъ свою долю въ его авторитетность и власть [1]). Намѣченная «актомъ о военной аммуниціи» форма взаимоотношеній рабочаго и государства—съ точки зрѣнія ближайшихъ цѣлей законодателя играющая совершенно второстепенную, служебную роль—тѣмъ самымъ превращается въ экспериментъ, въ опытъ выясненія наиболѣе пріемлемыхъ для страны новыхъ общественныхъ отношеній—но не болѣе. Результаты же этого опыта сказались, какъ мы уже говорили, рядомъ общественно-политическихъ конфликтовъ, которыми Акту дано было совершенно иное толкованіе, чѣмъ вытекающее изъ буквальнаго смысла его нормъ.

Самымъ важнымъ въ этомъ отношеніи конфликтомъ была стачка уэльскихъ углекоповъ, которая внесла въ практику «Акта о военной аммуниціи» требовавшійся рабочими коррективъ. Происхожденіе стачки по существу не отличалось ничѣмъ отъ обычныхъ проявленій индустріальной борьбы. Она первоначально вовсе и не была связана съ законодательствомъ коалиціоннаго кабинета, являясь логическимъ продуктомъ общественно-экономическихъ условій Южнаго Уэльса. Южно-уэльскій горнозаводскій округъ всегда представлялъ собою арену острыхъ столкновеній между трудомъ и капиталомъ въ виду послѣдовательнаго, прямолинейнаго проведенія въ жизнь политики копевладѣльцевъ, направленной къ разгрому профессіональной организаціи углекоповъ. Намѣреніе «to bled to white» (обезкровить) эту организацію неоднократно высказывалось публично предпринимателями, и каждый удобный случай утилизировался ими для выполненія такого намѣренія. Точно также и въ настоящее время, когда срокъ коллективнаго договора истекъ и потребовалось пересмотрѣть его для обезпеченія нормальныхъ порядковъ въ копяхъ, копевладѣльцы прибѣгли къ традиціанной тактикѣ, категорически отказавшись даже разсматривать требованія рабочихъ и положившись на то, что потребность въ снабженіи аммуниціонныхъ фабрикъ и флота уэльскимъ углемъ заставитъ правительство предупредить стачку, вынудивъ рабочихъ пойти на уступки. Стачка, такимъ образомъ, становилась неизбѣжной, тѣмъ болѣе, что разсчеты промышленниковъ

---

[1]) „Principles of Sociology“ by Franklin H. Giddings, Нью-Іоркъ, 1896, стр. 176.

частью оправдались, и арбитражъ, предложенный министромъ торговли Рэнсимэномъ и принятый рабочими, закончился фіаско, ибо Рэнсимэнъ не столько выносилъ рѣшенія по спорнымъ пунктамъ, сколько отводилъ ихъ въ сторону—до окончанія войны—съ цѣлью сузить область переговоровъ. И какъ только стачка вспыхнула, копи Уэльса были подведены подъ дѣйствіе «Акта о военной аммуниціи» особымъ указомъ (Order in Council). Съ этого момента борьба углекоповъ за новый коллективный договоръ и превратилась въ активную оппозицію негативнымъ чертамъ акта. Кабинетъ рѣшилъ послать въ Южный Уэльсъ самыхъ талантливыхъ и популярныхъ министровъ, Ллойдъ-Джорджа и рабочаго члена министерства Гендерсона, которые, удовлетворивъ, при участіи Рэнсимэна, требованія углекоповъ, прекратили опасную для государства пріостановку работъ въ копяхъ [1]).

Стачка углекоповъ оказалась, иначе говоря, тѣмъ рѣшающимъ моментомъ, который далъ возможность испытать относительную силу опредѣленныхъ системъ взаимоотношеній государства и рабочихъ—той системы принужденія, которую выдвигали, въ качествѣ идеала, сторонники «National Service», и системы, основанной на демократическомъ принципѣ добровольнаго сотрудничества всѣхъ членовъ общества въ общемъ дѣлѣ. Такой именно урокъ стачки подчеркивался прогрессивной печатью Англіи. Ею отмѣчалось, что углекопы представляютъ собой самую патріотическую группу населенія, что «почти каждый вождь ихъ имѣетъ сына или сыновей на передовыхъ позиціяхъ», что, такимъ образомъ, упрекъ въ забвеніи общественныхъ и государственныхъ интересовъ ради узко-классовыхъ выгодъ, раздавшійся было по ихъ адресу, ни на чемъ не основанъ и что стачкѣ слѣдуетъ въ силу этого приписать глубоко принципіальное значеніе. Да и серьезная консервативная печать вынуждена была признать огромное соціально-политическое значеніе этой стачки [2]).

Весь комплексъ событій, завершившійся южно-уэльскимъ эпизодомъ, подтверждалъ тотъ прогнозъ, который дѣлали еще задолго до войны вдумчивые наблюдатели англійской экономической жизни, утверждая, что «каждое размышленіе о будущемъ народнаго хозяйства обязано считаться съ трэдъ-юніонами въ такой же мѣрѣ, какъ

---

[1]) По поводу толкованія отдѣльныхъ пунктовъ соглашенія, даннаго впослѣдствіи Рэнсимэномъ въ пользу копевладѣльцевъ, вспыхнула новая стачка. Но, послѣ вторичнаго совѣщанія тѣхъ же министровъ съ делегатами углекоповъ и рѣшенія недоразумѣній въ духѣ рабочихъ требованій конфликтъ былъ улаженъ окончательно.

[2]) См. „Three months of Coalition“ by „Auditur Tantum“, Fortnightly Review. сентябрь 1915, стр. 431.

и съ государствомъ» [1]), и что «сама демократія будетъ развиваться по направленію къ замѣщенію мелкаго промышленника и гигантскаго трэста состоящимъ на жалованіи чиновникомъ кооперативнаго общества, муниципалитета и правительственнаго департамента, трэдъ-юніонизмъ останется по-прежнему необходимымъ [2])». Южно-уэльскій эпизодъ выявилъ отчетливо тотъ фактъ, что по вопросу о руководствѣ жизнью страны въ военное время въ Англіи доминирующимъ факторомъ является отношеніе рабочихъ, ихъ взгляды, желанія и требованія. Ллойдъ-Джорджъ счелъ нужнымъ, напр., выступить на послѣднемъ, состоявшемся въ сентябрѣ въ Бристолѣ конгрессѣ англійскихъ трэдъ-юніоновъ съ пространнымъ объясненіемъ политики, какую министерство ведетъ въ связи съ «Актомъ о военной аммуниціи», и откровенно сознавался, что «съ вашей помощью побѣда обезпечена». И «Times», даже «Times», клеймившій «деморализацію» рабочихъ и лесть «политиковъ, рабочихъ вождей, реформаторовъ, всѣхъ тѣхъ, кто ищетъ поддержки въ народѣ», писалъ (въ № отъ 3 сентября 1915 г.) въ канунъ этого конгресса, что «по человѣчеству говоря, будущее цивилизаціи находится въ ихъ рукахъ», хотя конгрессъ назвалъ его любимое дѣтище—принужденіе къ труду и всеобщую воинскую повинность — продуктомъ «заговора, раздуваемаго группой реакціонныхъ газетъ».

Но какъ, въ такомъ случаѣ, примирить отрицательныя, съ точки зрѣнія организованныхъ рабочихъ, положенія «Акта о военной аммуниціи» съ этой тенденціей къ углубленію и закрѣпленію творческой роли трэдъ-юніонизма? Отвѣтъ заключается, конечно, въ томъ, что «Актъ о военной аммуниціи» представляетъ собою не столько плодъ сознательнаго выбора, сколько вынужденный внѣшнимъ давленіемъ императивныхъ нуждъ войны шагъ кабинета. Отвѣчая настоятельнымъ требованіямъ минуты, этотъ актъ отражаетъ, въ своей социалъ-реформаторской части, противорѣчія, порожденныя наблюдающейся въ Англіи борьбой общественныхъ тенденцій. Поэтому, единственный результатъ этой мѣры въ области реформы общественныхъ отношеній сводится къ тому, что идея «натуральной повинности», National Service, какъ основы новой системы этихъ послѣднихъ, оказалась лишенной какихъ бы то ни было корней въ соціально-экономическомъ бытѣ страны.

III.

Въ сущности, по поводу другихъ экспериментальныхъ мѣръ коалиціоннаго кабинета можно было бы повторить буквально то же

---

[1]) „National Guilds“ by A. R. Orage, Лондонъ, 1914, стр. V.
[2]) „Industrial Democracy“ by S. and B. Webb. Лондонъ, 1902, стр. 824.

самое, что было сказано объ «Актѣ о военной аммуниціи». Онѣ являлись, съ одной стороны, дополненіемъ этого послѣдняго, что особенно справедливо по отношенію къ «Акту о національной регистраціи» (National Registration act). Внося законопроектъ, которымъ устанавливалась особая трудовая перепись взрослаго, въ возрастѣ между 15 и 65 годами, населенія, авторъ его, министръ мѣстнаго управленія Вальтеръ Лонгъ, такъ именно и опредѣлялъ значеніе его. «Къ нашимъ аммуниціоннымъ фабрикамъ—сказалъ онъ—волонтеры сходятся толпами, чтобы доставить требуемый трудъ... Но въ то время, какъ нашей верховной обязанностью является поддержка нашихъ солдатъ и матросовъ, не меньшій для насъ долгъ—озаботиться, чтобы наши производительныя силы были организованы, чтобы наша торговля и промышленность функціонировали гладко и успѣшно. Чтобы поддержать наши финансовыя позиціи, намъ нужно также взять на себя заботы по успѣшному, насколько возможно, веденію экспортной торговли». Съ другой стороны, это расширеніе на всѣ буквально отрасли народнаго хозяйства Англіи тѣхъ же принциповъ государственнаго контроля и руководства вызывало постановку совершенно тождественныхъ проблемъ и тѣмъ самымъ обусловливало обостреніе борьбы тѣхъ же самыхъ общественныхъ тенденцій, какія вовлечены были въ конфликтъ «актомъ о военной аммуниціи».

Но «Актъ о національной регистраціи» былъ встрѣченъ въ Англіи не столько въ качествѣ конкретной мѣры государственной реорганизаціи народнаго хозяйства, сколько въ качествѣ средства подготовить почву для введенія института всеобщей воинской повинности—что вносило въ текущую англійскую жизнь новый элементъ. Самъ актъ представлялъ собой всего лишь законодательную санкцію для созданія «національнаго регистра», въ который должны были быть занесены всѣ лица, сообщившія въ опросныхъ листахъ родъ своего обычнаго занятія, характеръ работы, которую они сверхъ того могли бы выполнять, свѣдѣнія о семейномъ положеніи и т. п. Ни цѣль этого регистра, ни средства реализаціи такой цѣли въ немъ не были указаны, что давало возможность вкладывать въ эту мѣру любое содержаніе. Къ ней больше, чѣмъ къ какому-либо другому изъ экспериментальныхъ актовъ коалиціоннаго кабинета, приложима англійская поговорка, что «proof of the pudding is in eating». А этого «proof», этого оказательства истинной природы «Акта о національной регистраціи», не могли доставить въ достаточно опредѣленномъ видѣ дѣйствія коалиціоннаго кабинета. Если В. Лонгъ, а вмѣстѣ съ нимъ и другіе нѣкоторые члены кабинета, ставили удареніе на необходимости «полной, всесторонней и удовлетворительной организаціи» народнаго хозяйства, если въ ихъ

выступленіяхъ приходилось слышать увѣренія, что «мы — не военная нація въ обычномъ смыслѣ этого слова, и если быть военной націей означаетъ введеніе принциповъ милитаризма, извѣстнаго намъ по примѣру другихъ націй, мы надѣемся никогда не быть военной націей» [1]), то, вмѣстѣ съ тѣмъ, вопросъ о всеобщей воинской повинности никогда принципіально ими не отводился въ сторону. Напротивъ, всѣ члены кабинета опредѣленно говорили, что въ случаѣ необходимости, въ настоящій моментъ еще неощущаемой, правительство не остановится и передъ принудительнымъ призывомъ гражданъ подъ знамена. Нѣкоторые же представители коалиціи, во главѣ съ лордомъ Ленсдоуномъ и лордомъ Сельборномъ, публично заявляли, что, по ихъ личному мнѣнію, такая необходимость уже имѣется, и частичное удовлетвореніе ея видѣли именно въ «Актѣ о національной регистраціи». Болѣе того — впослѣдствіи выяснилось, что коалиціонный кабинетъ проектируетъ занести на спеціальныя «розовыя карточки» (pink forms) данныя о мужчинахъ призывного возраста и что имъ образованъ особый комитетъ, въ которомъ преобладаютъ сторонники «конскрипціи», для рѣшенія вопроса объ утилизаціи такихъ данныхъ съ цѣлью пополненія армій. Не недоставало также и утвержденій, что корона фактически имѣетъ право самостоятельно объявить обязательный наборъ рекрутовъ [2]). Словомъ, впечатлѣніе отъ «Акта о національной регистраціи» создавалось такое, что въ этой мѣрѣ можно было усмотрѣть и попытку подготовить почву для введенія всеобщей воинской повинности.

Между тѣмъ, ничто болѣе въ Англіи не въ состояніи было бы вызвать обостреніе политической борьбы, чѣмъ та перспектива «конскрипцій», какая была открыта этимъ толкованіемъ акта. Въ статьѣ «Изъ англійскихъ настроеній» намъ уже приходилось говорить объ отношеніи англичанъ къ идеѣ всеобщей воинской повинности. Въ Англіи, независимо отъ обычныхъ партійныхъ подраздѣленій, существуетъ очень сильное теченіе, разсматривающее отсутствіе здѣсь прямой обязанности служить подъ ружьемъ, какъ лучшую гарантію того, что политика авантюризма оказывается затрудни-

[1]) Изъ рѣчи Лонга 29 іюня 1915 г. въ палатѣ общинъ.

[2]) Такъ утверждалъ, напр., бывшій тогда верховнымъ канцлеромъ лордъ Холденъ. Но утвержденія эти, какъ показалъ тогда же крупный англійскій конституціоналистъ, сэръ Поллокъ, основаны на недоразумѣніи. „Ballot act" 1860 г., дозволяющій правительству призвать къ службѣ въ милиціи (теперь не существующей) всѣхъ мужчинъ въ возрастѣ между 18 и 30 годами, хотя и сохраненъ въ книгахъ статутовъ, но не имѣетъ силы спеціальной резолюціи парламента иначе, какъ путемъ включенія въ ежегодный „Army Act", опредѣляющій численность арміи. Другими словами, возродить его къ жизни можно только послѣ санкціи обѣихъ палатъ

тельной, если не невозможной, для английской дипломатіи. Не опираясь на право немедленной мобилизаціи крупныхъ контингентовъ (регулярное войско съ резервомъ едва достигаетъ 900 тысячъ) и соотвѣтствующаго потрясанія «бронированнымъ кулакомъ», государственные дѣятели, по этой точкѣ зрѣнія, вынуждены считаться съ реальнымъ настроеніемъ народа. Если война окажется непопулярной, если ея цѣли не толкнутъ массы народа на запись добровольцами[1]), то самые «блестящіе» планы дипломатовъ распадутся, какъ карточный домикъ. Напрасно сторонники конскрипціи, пользуясь «нѣмецкой паникой», неоднократно вспыхивавшей за первое десятилѣтіе XX в., пытались убѣдить избирателя въ томъ, что институтъ всеобщей воинской повинности необходимъ для безопасности страны. Даже сравнительно умѣренный проектъ National Service League (Лиги національной службы), созданной покойнымъ фельдмаршаломъ Робертсомъ—проектъ кратковременной всеобщей тренировки въ учебныхъ лагеряхъ по образцу швейцарской милиціи и съ обязательствомъ служить подъ ружьемъ только въ предѣлахъ Соединеннаго королевства—не находилъ популярности среди широкихъ массъ. Во всякой попыткѣ внести элементъ авторитарнаго принужденія въ методы составленія армій и создать въ Англіи крупные контингенты, находящіеся въ любой моментъ въ боевой готовности, здѣсь видѣли попытку развязать руки дипломатіи для такой континентальной политики, какая могла бы ввязать страну въ международный конфликтъ помимо ея ясно выраженной воли. Настолько велико и распространено въ Англіи недовѣріе къ «конскрипціи», что съ возникновеніемъ нынѣшней войны фельдмаршалъ Робертсъ—Old Bob, какъ его здѣсь называли всѣ — рекомендовалъ Лигѣ національной службы прекратить свою пропаганду, какъ затрагивающую одинъ изъ самыхъ спорныхъ вопросовъ.

Само собой, что постановка этого вопроса въ связи съ «актомъ о національной регистраціи» вызвала на поверхность английской общественно-политической жизни всю оппозицію, питаемую и опасеніями безконтрольности внѣшней политики и традиціоннымъ не-

[1]) Характерно, что въ непопулярныя наполеоновскія войны Питтъ не смогъ создать сколько-нибудь крупныхъ армій путемъ записи добровольцевъ. Его преемникъ былъ въ состояніи удовлетворить требованія Веллингтона едва тридцатью тысячами рекрутовъ, которыхъ онъ добылъ путемъ захвата бродягъ и т. п., и которыхъ самъ „желѣзный герцогъ“ назвалъ „scum of the earth“ (подонками земли). Съ этого-то времени и ведетъ начало легенда о „наемническомъ характерѣ“ английскихъ армій, такъ какъ английскому кабинету тогда пришлось, дѣйствительно, нанимать ганноверцевъ и др. солдатъ.

довѣріемъ къ «конскрипціи». Еще ранѣе, когда часть консервативныхъ газетъ подняла агитацію въ пользу «National Service», имѣя въ виду ту рабочую повинность, какая ими выдвигалась, какъ мы уже знаемъ, въ качествѣ основы для новыхъ общественныхъ отношеній, такая повинность ими помѣщалась въ однѣ скобки съ всеобщей воинской повинностью, чѣмъ и подготовлялась почва для столкновенія общественныхъ силъ. Въ антиконскрипціонистской печати—равно прогрессивной и консервативной — уже тогда стали раздаваться протесты противъ «форсированія правительства» на шагъ, который явно расходится съ навыками націи и угрожаетъ уничтожить нужное ей въ моментъ внѣшней опасности единство. Но, въ общемъ, до изданія «Акта о національной регистраціи» борьбы, фактически, не было или, вѣрнѣе, она не переходила предѣлы въ значительной мѣрѣ академическихъ споровъ. Недостатка въ аргументахъ не ощущалось, конечно, ни съ той, ни съ другой стороны, при чемъ, нерѣдко, противники пользовались совершенно тожественными аргументами. Если «антиконскрипціонисты» выдвигали соображеніе, что всеобщая воинская повинность подорветъ хозяйственную жизнь страны и сдѣлаетъ невозможнымъ надлежащее снабженіе армій и требуемое финансированіе войны, то и сторонники «National Service» пытались доказать, что таково именно вліяніе безпорядочнаго случайнаго набора добровольцевъ, а всеобщая воинская повинность, напротивъ, обезпечитъ замѣчательную дѣеспособность производственнаго аппарата страны; если «конскрипціонисты» бросали тѣнь на демократичность добровольчества, то противники парировали аргументы ихъ указаніемъ на мыслимое антидемократичное использованіе всеобщей воинской повинности для завоевательной политики и т. д., и т. д. Но вся эта борьба, какъ сказано, не выходила все-таки за рамки газетной полемики, покуда съ изданіемъ «акта о національной регистраціи» всеобщая воинская повинность не стала реальной возможностью.

Конскрипціонистская пресса встрѣтила этотъ актъ съ ликованіемъ, какъ первую свою побѣду. «Національный регистръ покажетъ намъ полностью—утверждалъ «Times» въ № отъ 30 іюня—размѣры нашихъ рессурсовъ и позволитъ властямъ *поручить* всѣмъ пригоднымъ мужчинамъ и женщинамъ выполненіе задачъ, въ той или иной — быть можетъ, весьма отдаленной—мѣрѣ связанныхъ съ войною». «Билль былъ бы болѣе практической мѣрой—читаемъ мы въ другомъ номерѣ (отъ 10 іюля 1915)—если бы онъ откровенно включалъ принципъ, который каждый министръ признаетъ въ общихъ выраженіяхъ, именно, что государство имѣетъ право распредѣлять службу среди всѣхъ гражданъ... Вчерашнія рѣчи въ Гилд-

холлѣ вносятъ, однако, значительныя улучшенія въ билль. Три министра сказали намъ теперь, что, если принужденіе потребуется для всеобщей воинской повинности, правительство не поколеблется прибѣгнуть къ ней». Точно также былъ оцѣненъ этотъ актъ и въ лагерѣ противниковъ конскрипціи. «Какъ соціалисты, мы не можемъ возражать противъ требованія со стороны государства, чтобы граждане сообщили ему подробности о себѣ—писалъ, напр., «Labour Leader» 1-го іюля 1915 г.—но регистръ значительно облегчитъ введеніе военной или рабочей повинности, и за развитіемъ событій слѣдуетъ зорко слѣдить».

Съ превращеніемъ всеобщей воинской повинности изъ объекта вожделѣній части прессы въ возможный пунктъ программы коалиціоннаго кабинета неизбѣжно было и обостреніе политической борьбы и уясненіе позицій каждаго борющагося лагеря. «Лига національной службы», прекратившая, было, свою агитацію на время войны, рѣшила возобновить ее и объявила о своемъ рѣшеніи въ манифестѣ, въ которомъ ссылалась на текущій моментъ, какъ на опредѣляющій судьбы всеобщей воинской повинности. Группой газетъ, контролируемыхъ лордомъ Нортклиффомъ («Times», «Daily Mail», «Evening News» и т. д.), была создана новая «лига», ставящая своей цѣлью тожественную пропаганду въ странѣ и пытавшуюся использовать кинематографы, церковныя каѳедры и др. средства популяризаціи идей для «tearing and raging campaign». Въ свою очередь, и противники конскрипціи предприняли шаги къ укрѣпленію своихъ позицій и подготовкѣ сопротивленія всякой попыткѣ навязать странѣ милитаризмъ. Сразу возникло нѣсколько «No-Conscription Fellowships» (антиконскрипціонистскихъ братствъ), собирающихъ подписи подъ обязательствомъ отказаться служить, если подписавшійся будетъ призванъ помимо своей воли. Но особенное значеніе въ этомъ отношеніи придавалось состоявшемуся въ сентябрѣ трэдъ-юніонистскому конгрессу, на которомъ должны были выясниться позиціи организованныхъ рабочихъ. Делегаты этого конгресса высказались вполнѣ опредѣленно, и одинъ изъ нихъ, поддерживавшій резолюцію, нашелъ удачную формулировку для настроенія членовъ «парламента труда», сказавъ, что нечего и вести войну, если, побивъ нѣмецкаго юнкера, англійская демократія окажется подъ каблукомъ отечественнаго юнкера, затѣявшаго конскрипціонистскую кампанію. «Мы, делегаты, собравшіеся на этотъ конгрессъ и представляющіе почти три милліона организованныхъ рабочихъ — гласила принятая конгрессомъ единодушно резолюція — сердечно привѣтствуемъ великолѣпный отвѣтъ, данный на призывъ добровольцевъ для борьбы съ тиранніей милита-

ризма. Мы энергично протестуемъ противъ зловѣщихъ усилій части реакціонной прессы создать газетную программу съ узко-партійными цѣлями и навязать странѣ конскрипцію, которая всегда является бременемъ для рабочихъ и разобьетъ страну на два враждебныхъ лагеря въ то время, когда абсолютное единодушіе существенно важно».

Но то же самое, что произошло въ результатѣ столкновенія общественныхъ силъ по поводу «Акта о военной аммуниціи», не могло не имѣть мѣста въ Англіи и въ результатѣ обостренной «Актомъ о національной регистраціи» борьбы конскрипціонизма съ волонтерствомъ. Въ основѣ своей эта борьба велась между тѣми же самыми лагерями и, въ конечномъ счетѣ, на почвѣ расхожденія тѣхъ же самыхъ общественно-политическихъ концепцій. Для этого характернымъ было включеніе въ однѣ скобки идеи и «натуральной повинности» и «всеобщей воинской повинности» сторонниками и противниками конскрипціи. И если голосъ организованныхъ рабочихъ, ихъ отказъ принять «Аммуниціонный актъ» въ томъ толкованіи, какое въ него вкладывалось защитниками «National Service», привелъ къ уничтоженію угрозы возрожденія въ Англіи «крѣпостного государства», то и въ существо «Акта о національной регистраціи» неизбѣжно долженъ былъ быть внесенъ соотвѣтствующій коррективъ самимъ фактомъ оппозиціи. Какъ это выразила «Daily News» въ № отъ 8 сентября, «мнѣнія епископовъ и музыкантовъ (особенно горячо поддерживавшихъ конскрипціонистскую агитацію) могутъ имѣть въ этомъ вопросѣ теоретическую цѣнность, но мнѣніе, которое практически рѣшитъ его, необходимо будетъ мнѣніемъ рабочаго класса нашей страны: если рабочіе предпочтутъ активно противиться принудительному набору, онъ становится автоматически несостоятельнымъ». И резолюція, единогласно принятая авторитетнымъ представителемъ рабочаго класса, трэдъ-юніонистскимъ конгрессомъ, оказалась той рѣшающей силой, которая опредѣленно перевѣсила чашки вѣсовъ къ невыгодѣ конскрипціонизма. «Мы полагаемъ, что единодушная декларація конгресса убила надежды конскрипціонистовъ на немедленное осуществленіе ихъ требованій» — писалъ «Labour Leader» 9 сентября. И даже Ллойдъ-Джорджъ, котораго такой освѣдомленный органъ, какъ «Nation», называетъ, вмѣстѣ съ лордомъ Кэрзономъ и Черчиллемъ, вождемъ конскрипціонистской части кабинета, точно также — въ шутливой, по своему обыкновенію, формѣ—охарактеризовалъ значеніе постановленія. «Вы можете дѣлать великія дѣла — говорилъ онъ делегатамъ «парламента труда». — Я не думаю, что вы въ достаточной мѣрѣ ясно представляете себѣ, какую роль вы могли бы

играть въ этой войнѣ. Во вторникъ у васъ состоялись важные дебаты. Вы подвергли «Daily Mail» жестокой бомбардировкѣ, которая разбила газету, вы осыпали съ облачныхъ высотъ сильно взрывчатыми бомбами крѣпкую голову лорда Нортклиффа. И если отъ него осталось еще что-либо, то это всего только лишнее доказательство, что онъ такъ или иначе состоитъ въ союзѣ съ самимъ нечистымъ».

Уже, до конгресса, впрочемъ, вѣроятность серьезной оппозиціи со стороны рабочихъ была столь очевидна, что вполнѣ опредѣленно понизила шансы конскрипціонистской агитаціи. Редакторъ незначительнаго еженедѣльника «Independent», указавшій лорду Китченеру, что «розовыя карточки», которыя считаются средствомъ обходнаго движенія въ пользу всеобщей воинской повинности, вызываютъ нареканія на правительство, 26 августа получилъ отъ военнаго министра категорическое опроверженіе: «Нѣтъ никакихъ основаній,— телеграфировалъ ему лордъ Китченеръ,—для утвержденій, что національный регистръ утилизируется съ цѣлью косвенно ввести конскрипцію. Розовыя карточки вводятся только для удобства рекрутирующихъ властей, и ни въ коемъ случаѣ не будутъ имѣть мѣста пріемы, которые можно было бы разсматривать, какъ открытыя для указаннаго вами толкованія». Въ свою очередь видные дѣятели консервативной партіи—такіе, какъ лорды Хью Сесиль, Эдмондъ Талботъ,—главный Whip («постегиватель», т.-е. организаторъ) этой партіи,—и Кромеръ попытались пріостановить агитацію, передавъ конскрипціонистской прессѣ свое убѣжденіе, что «никогда еще не былъ болѣе подходящимъ для молчанія эпитетъ «золотое», чѣмъ въ настоящій моментъ». Особенно знаменательные мотивы выдвинулъ въ этомъ отношеніи лордъ Кромеръ, самъ придерживающійся положительнаго взгляда на институтъ воинской повинности. «Сэръ,— писалъ онъ редактору «Times» (№ отъ 30 августа), — я вѣрю, что вы позволите мнѣ выразить полное мое согласіе съ лордомъ Хью Сесилемъ относительно того, что публичный споръ между сторонниками и противниками конскрипціи долженъ, насколько возможно, не допускаться. Недавно со мной совѣщались вліятельные унionисты—слѣдуетъ ли имъ въ настоящее время заявить о своей солидарности съ «Лигой національной службы». Въ отвѣтъ я изложилъ основанія, заставляющія меня лично молчать... Прежде всего, я полагаю, что каковы бы ни были личные взгляды многихъ руководящихъ дѣятелей уніонизма, поддержка ими программы Лиги теперь принесла бы больше зла, чѣмъ блага. Она скорѣй вела бы не къ ослабленію, а къ обостренію классовой борьбы, которая намъ съ очевидностью угрожаетъ и которую мы превыше всего должны избѣгать. Во-вторыхъ,—далеко не невозможно, что острое расхожденіе

во мнѣніяхъ, существующее по данному вопросу, могло бы разбить нынѣшнюю коалицію,—что, по моему убѣжденію, было-бы равносильно катастрофѣ. Существенно важно, чтобы единство было сохранено даже цѣной огромныхъ жертвъ личными убѣжденіями со стороны многихъ».

Но, если Регистраціонный актъ, въ силу такихъ обстоятельствъ, не можетъ быть признанъ опредѣленнымъ шагомъ по пути къ введенію института всеобщей воинской повинности, если этотъ неизвѣданный путь останется неизвѣданнымъ, то каковъ же смыслъ акта? Съ нимъ до такой степени тѣсно связывался вопросъ о судьбахъ конскрипцій, что многіе органы печати, предвидѣвшіе неудачу конскрипціонистской агитаціи, называли самый актъ безплоднымъ. Отвѣтъ мы найдемъ, принявъ за точное то толкованіе его, какое ему далъ его авторъ, Вальтеръ Лонгъ—въ обстоятельствахъ хозяйственной жизни страны, созданныхъ здѣсь войною, въ томъ, что было названо «дислокаціей индустріи», т.-е. перемѣщеніемъ центра тяжести экономической активности изъ области удовлетворенія спроса на общемъ рынкѣ въ область обслуживанія военныхъ нуждъ, и въ «мобилизаціи народнаго богатства», истощающей національный капиталъ Англіи и подрывающей существенно ея экономическую мощь.

Въ самомъ дѣлѣ, и то, и другое явленіе ставитъ здѣсь передъ государствомъ задачу возможно болѣе цѣлесообразной и экономной организаціи всего народнаго хозяйства страны. Обратимся, прежде всего, къ финансовому положенію. Текущій доходъ Англіи исчисленъ промысловой переписью 1911 г. въ предѣлахъ между 1.918 и 2.158 милліонами ф. ст.[1]). Изъ этой суммы безусловно немыслимо покрыть расходы по всѣмъ статьямъ военнаго бюджета, сумма котораго достигаетъ для 1915—16 финансоваго года 1.068 милліоновъ ф. ст.[2]). Помимо уже того, что соотвѣтствующее обложеніе довело бы до прямого голоданія населеніе, оно лишило бы страну сразу всего ея текучаго капитала, вызвавъ тѣмъ самымъ полнѣйшій хозяйственный застой. Единственный, открытый въ настоящую минуту источникъ погашенія военныхъ издержекъ даже для богатой Англіи заключается въ реализаціи ея основного капитала и пополненіи суммы ежегоднаго національнаго дохода также реализованной частью его, что и достигается путемъ внутреннихъ займовъ. Но перспектива такой жизни тѣмъ нежелательнѣе для демократическаго государства, которому чужда психологія извѣстной фразы «après nous le déluge»,

---

[1]) Final Report on the First Census of Production of the Unites Kingdom, Cd. 6320, 191,2 стр. 33.

[2]) Financial Statement (1915—16) H. C. № 222, стр. 7.

что она связана съ потерей на долгіе годы возможности хозяйственнаго процвѣтанія. Истощеніе капитала лишаетъ производственный аппаратъ необходимаго элемента, создаетъ условія хроническаго промышленнаго застоя; и этотъ застой обѣщаетъ, сверхъ того, обратиться въ своего рода «порочный кругъ» благодаря тому, что на долю государства послѣ войны выпадаетъ обязанность уплачивать проценты по займамъ и погашать капитальный долгъ, что, другими словами, сократившійся національный доходъ вынужденъ будетъ нести страшно выросшее податное бремя, нѣкоторое представленіе о размѣрахъ котораго даетъ фактъ увеличенія государственнаго долга Англіи за первые 8 мѣсяцевъ войны до 1.165.802.000 ф. ст., цифры, превышающей даже сумму финансоваго наслѣдія 20 лѣтъ наполеоновскихъ войнъ, и что «голодъ на капиталъ» соотвѣтственно обострится. Отсюда естественное стремленіе государства отыскать новые источники повышенія національнаго дохода, которые дали бы возможность поднять сумму его путемъ усиленной производственной активности. Такіе источники, разумѣется, имѣются. При индивидуалистическомъ хозяйственномъ режимѣ наблюдается неэкономное распредѣленіе функцій капитала, приводящее къ непродуктивному расходованію и живой и матеріализованной трудовой энергіи страны. По даннымъ всеобщей переписи 1911 г. на все населеніе въ возрастѣ старше 10 лѣтъ, такъ или иначе занятыхъ въ народномъ хозяйствѣ, приходилось всего 56,3%; остальная же часть занесена была въ качествѣ «неимѣющей занятія»; и притомъ пропорція неучаствующихъ въ хозяйственныхъ процессахъ растетъ въ Англіи по мѣрѣ роста здѣсь общей состоятельности, ибо еще въ 1891 г. на долю активнаго населенія приходилось 57,4% общаго населенія, а, кромѣ этого, активное населеніе выполняетъ далеко не цѣликомъ строго производительныя функціи: «мы должны вспомнить,—замѣчаетъ извѣстный статистикъ Кіозза Моней,—что въ нормальное мирное время только около половины нашего рабочаго населенія занято производствомъ дѣйствительныхъ благъ» [1]. Утилизировать полностью трудъ, въ обычное время расходуемый безполезно, направить на выполненіе хозяйственныхъ функцій неиспользованную трудовую энергію, значило бы поднять соотвѣтственно національный доходъ и покрыть гораздо большую часть военныхъ издержекъ изъ законнаго дохода страны, а не изъ дохода, искусственно увеличеннаго реализаціей основного капитала.

Подобная утилизація требуетъ, понятно, практической органи-

---

1) Report of the Board of Trade on the State of Employment in the Unites Kingdom, Cd. 7755, 1915, стр. 4.

заціи и координированія всего народнаго хозяйства, требуетъ рѣшенія задачи, посильной только одному государству. «Акту о національной регистраціи», если судить по вступительной рѣчи автора его, и могло бы быть поставлено цѣлью предварительное уясненіе реальныхъ рессурсовъ Англіи въ живыхъ силахъ для того, чтобы подготовить рѣшеніе такой задачи.

Съ другой же стороны, не менѣе существеннымъ послѣдствіемъ изданія этой мѣры можетъ быть борьба съ отрицательными чертами наблюдающейся «дислокаціи индустріи». То обстоятельство, что государство въ Англіи расходуетъ небывало огромныя суммы на веденіе войны, сказывается не только истощеніемъ національнаго капитала, но и значительнымъ перемѣщеніемъ центра тяжести хозяйственной активности. Главнымъ потребителемъ стало правительство, своими заказами уже въ декабрѣ обусловившее «на рабочемъ рынкѣ картину небывалаго промышленнаго бума» [1]). Къ 31 іюля пропорція безработицы, напр., понизилась до уровня, до какого она никогда еще не достигала со времени введенія статистическаго подсчета безработныхъ, именно, до 0,9% [2]). Результатомъ этого было то, что нормальное, обслуживающее общіе—внутренній и внѣшній—рынки производство переживаетъ существенный застой при огромномъ расширеніи спеціально военнаго производства. Англія оказывается вынужденной ввозить все возрастающее количество продуктовъ личнаго потребленія, при сокращеніи возможности расплачиваться за импортъ—экспортомъ и услугами (т.-е. финансированіемъ заграничныхъ предпріятій и торговымъ мореходствомъ). А это, въ свою очередь, приводитъ къ ряду тяжелыхъ послѣдствій. За необходимые ей продукты Англія вынуждена платить наличными средствами въ моментъ, когда и безъ того ея національный капиталъ истощается—вынуждена вывозить золото и распродавать при неблагопріятныхъ условіяхъ свои заграничныя «помѣщенія», чтобы поддержать на обычномъ уровнѣ денежный курсъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она стоитъ передъ перспективой значительнаго упадка техническихъ навыковъ, потери въ цѣнности всѣхъ неутилизируемыхъ орудій производства и т. п., такъ какъ обращеніе трудовой энергіи на военное производство оставляетъ безъ достаточнаго питанія производство обычное, и приходящая въ упадокъ экипировка фабрикъ не замѣщается, а требующіе постояннаго упражненія производственные навыки индивидуальнаго рабочаго теряютъ въ бездѣйствіи свою

---

[1]) «The War and British Industry» by L. Chiozza Money, Fortnightly Review, мартъ, 1915, стр. 530.

[2]) Board of Trade Labour Gazette, августъ, 1915, стр. 274.

дѣйственность и замѣщаются навыками, непригодными для мирнаго времени. Чтобы хотя частично парировать эту опасность экономическаго малокровія въ ближайшемъ будущемъ, требуется, очевидно, то же расширеніе хозяйственной активности съ помощью неутилизировавшагося ранѣе труда, та же практическая организація и координація народнаго хозяйства, какая необходима и для борьбы съ отрицательными послѣдствіями «мобилизаціи народнаго богатства».

Самъ по себѣ «Актъ о національной регистраціи» не означаетъ еще такой государственной перестройки всего народно-хозяйственнаго аппарата; но онъ является необходимымъ предварительнымъ шагомъ къ нему, тѣмъ учетомъ наличныхъ трудовыхъ силъ страны, безъ котораго немыслима была бы никакая практическая постановка вопроса. И, подготовляя, такимъ образомъ, осуществленіе государственной организаціи народнаго хозяйства, этотъ актъ открываетъ передъ государствомъ необходимость пойти неизвѣданными путями развитія. Нащупать вѣрное направленіе по этимъ путямъ позволяетъ государству, конечно, та равнодѣйствующая общественныхъ силъ, которая со все возрастающей очевидностью выясняется въ итогѣ борьбы соціальныхъ тенденцій, обостряемой каждымъ новымъ шагомъ коалиціоннаго кабинета. И хотя послѣдній испытываетъ большія колебанія передъ перспективой «смѣны лошадей въ серединѣ бурлящаго потока» (changing horses in midstream), какъ ярко характеризуютъ англичане коренную реформу общественнаго быта въ разгаръ міроваго конфликта, нынѣшняя война своими повелительными нуждами толкаетъ его и заставляетъ искать поддержку у тѣхъ общественныхъ силъ, которыя скорѣй всего способны содѣйствовать процессу пересмотра быта. «Я часто читалъ резолюціи трэдъ-юніонистскихъ конгрессовъ,—говорилъ Ллойдъ-Джорджъ въ своемъ выступленіи передъ бристольскимъ конгрессомъ,—относительно націонализаціи производствъ. Мы это сдѣлали... А разъ экспериментъ сдѣланъ, почему бы не привѣтствовать его? Почему бы не помочь ему? Это—крупнѣйшій шагъ, который когда-либо былъ сдѣланъ въ такомъ направленіи—поощрите же насъ, когда мы идемъ по указанному вами пути»...

А. Чекинъ.

ВОЕННЫЯ ПРИГОТОВЛЕНІЯ ВЪ СОЕД. ШТАТАХЪ.

(Письмо изъ Нью-Іорка).

I.

«Я ненавижу войну. Ненавижу ее за безчисленныя убійства, за массы вдовъ и сиротъ, которыя она оставляетъ за собой. Я былъ бы радъ дожить до того времени, когда нигдѣ на землѣ уже не нужны будутъ ни солдаты, ни матросы... Война—это ужасъ!»

Повѣрятъ ли читатели, что слова эти принадлежатъ морскому министру Соед. Штатовъ, Джозефу Даніэльсу, который теперь такъ усиленно хлопочетъ объ увеличеніи... боевыхъ морскихъ силъ республики! Я взялъ эти слова министра изъ его бесѣды съ корреспондентомъ нью-іоркскаго «Times»'а, опубликованной около трехъ мѣсяцевъ тому назадъ. За грохотомъ европейской бури, эта бесѣда прошла почти незамѣтно не только въ Европѣ, но и въ Новомъ Свѣтѣ. А между тѣмъ, въ этой бесѣдѣ вся идеологія американскаго милитаризма. По духу, по заданіямъ своимъ, онъ прямо противоположенъ тому прусскому милитаризму, прелести котораго успѣли уже довести до тошноты душевной почти весь культурный міръ.

«Мнѣ могутъ сказать,—продолжалъ Даніэльсъ,—что, въ качествѣ морского министра Соед. Штатовъ, я обязанъ воздержаться отъ высказыванія подобнаго рода мнѣній. Но это ошибка. Всѣ наши великіе солдаты,—Вашингтонъ, Грантъ, Ли,—тоже ненавидѣли войну. Въ качествѣ морского министра, я обязанъ проявлять не жажду крови («not be bloodthirsty»), а вдумчивость» [1]).

Въ устахъ германскаго морского министра такія сентенціи были бы, конечно, немыслимы. «Военная зона»,—возлюбленное дѣтище адмирала фонъ-Тирпица,—есть не что иное, какъ страшное проявленіе именно «bloodthirsty»... А морской министръ Соед. Штатовъ продолжаетъ:

«Представьте себѣ, что націи, нынѣ участвующія въ войнѣ, затратили бы тѣ безконечныя средства, которыя ушли на вооруже-

---

1) „Daniels hopes for disarmament", „The New York Times", 23-го мая 1915 г.

ніе, и тѣ, которыя тратятся теперь изо дня въ день на культурныя цѣли, на цѣли созданія! Вѣдь вся Европа могла бы быть покрыта прекрасными дорогами, и въ каждомъ домѣ, даже въ деревняхъ, могло бы горѣть электричество. Въ теченіе послѣдняго года передъ войной, военный бюджетъ всего культурнаго міра, не считая Китай, равнялся 2.159.000.000 долл. А сколько уходитъ теперь каждый день! Представьте себѣ, что всѣ эти милліарды пошли бы на культурныя цѣли,—не на разрушеніе, а на созданіе, не на развитіе дикихъ инстинктовъ, а на цѣли мирнаго воспитанія! Мы, американцы, считаемъ себя мирной націей, а вѣдь даже у насъ почти половина всѣхъ федеральныхъ расходовъ уходитъ на военныя цѣли. Въ 1914—15 г.г., изъ общей суммы федеральныхъ расходовъ въ 1.108.682.000 долл.,—466.182.000 долл. было затрачено на военную оборону. Если бы мы были въ состояніи обратить эти средства на мирныя, культурныя цѣли, вся наша страна превратилась бы въ цвѣтущій садъ. У каждаго гражданина Соед. Штатовъ было бы убѣжище»...

— Вы полагаете, очевидно, что интернаціональное разоруженіе въ настоящій моментъ весьма желательно?—спросилъ корреспондентъ.

«Это внѣ всякаго сомнѣнія,—отвѣтилъ министръ.—Міръ долженъ придти къ этому. Самыя прекрасныя, самыя возвышенныя мечты вождей человѣчества были бы осуществлены, если бы мы всѣ средства, затрачиваемыя теперь на цѣли разрушенія, обратили на цѣли созданія... Я вѣрю, что на долю Соед. Штатовъ послѣ войны выпадетъ высокая обязанность стать во главѣ международнаго движенія въ пользу разоруженія. Безъ этого невозможно дальнѣйшее развитіе цивилизаціи».

Эта часть бесѣды съ министромъ Даніэльсомъ не оставляетъ никакихъ сомнѣній относительно общихъ взглядовъ этого государственнаго дѣятели на проблему войны. Но... за этимъ слѣдуетъ большое «но», о которомъ, съ глубокой горечью и подкупающей искренностью, говоритъ самъ Даніэльсъ.

«Когда извѣстному изобрѣтателю, д-ру Гэтлингу, исполнилось 70 лѣтъ,—разсказываетъ министръ,—я позволилъ себѣ спросить его, не сожалѣетъ ли онъ о своихъ работахъ по усовершенствованію огнестрѣльнаго оружія. Вѣдь, столько смертей принесли они, эти усовершенствованія! Д-ръ Гэтлингъ мнѣ отвѣтилъ тогда, что онъ очень радъ дѣлу своей жизни. «Военныя усовершенствованія,—сказалъ онъ,—настолько увеличили ужасы современной войны, что народы больше, чѣмъ когда-либо, будутъ дорожить теперь миромъ». Увы, вскорѣ мы убѣдились, что д-ръ Гэтлингъ былъ неправъ. Быть

готовымъ къ войнѣ, имѣть за собой страшныя силы современной техники,—это не значитъ еще предупредить войну».

Итакъ, по мнѣнію Даніэльса, война есть зло, военная затрата—самыя непроизводительныя затраты, а подготовка къ войнѣ, какъ средство обезпечить миръ,—одинъ изъ самыхъ большихъ и опасныхъ софизмовъ. И тѣмъ не менѣе, министръ - пасифистъ, искренній и вдохновенный, разсказываетъ дальше о своихъ стараніяхъ, какъ можно быстрѣе увеличить морскія боевыя силы республики.

«Мы готовы поддержать всякое движеніе въ пользу интернаціональнаго разоруженія,—говоритъ Даніэльсъ. Оружіе—вещь, опасная не только въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ, но и въ рукахъ цѣлыхъ націй. Какъ внутри государства мы ограничиваемъ свободу имѣть и носить оружіе, точно такъ же, путемъ интернаціональнаго соглашенія, мы должны ограничить и свободу національныхъ вооруженій. Но это можетъ быть осуществлено только въ видѣ общаго соглашенія. Мы не можемъ разоружиться, когда прочіе, кругомъ насъ, вооружены съ головы до ногъ. Война—это ужасъ, но есть, къ сожалѣнію, вещи еще худшія, чѣмъ война. Лучше умереть, чѣмъ покинуть родныя жилища, предать свободу и подчиниться тиранніи... Послѣдній конгрессъ, учитывая европейскія событія, голосовалъ за увеличеніе нашего флота въ такомъ масштабѣ, какой неслыханъ въ нашей исторіи. Мы строимъ теперь пять новыхъ дредноутовъ, двѣнадцать истребителей и двадцать шесть подводныхъ лодокъ. Конгрессъ ассигновалъ на это 147.000.000 долл. Среди подводныхъ лодокъ три будутъ совершенно новаго типа. Мы стараемся быть готовыми ко всякой неожиданности, стараемся учесть всякій опытъ настоящей войны. Все, что мы строимъ,—«послѣднее слово» военной науки. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ поймать это «послѣднее слово», если что ни день,—то новыя изобрѣтенія, и весь геній человѣчества какъ будто бы сосредоточился на одной задачѣ—разрушать и разрушать! Вотъ, напримѣръ, нѣсколько дней тому назадъ, мнѣ, въ качествѣ морского министра Соед. Штатовъ, пришлось подписать контрактъ на новыя торпеды. Эти торпеды—«послѣднее слово» военной техники, и каждая изъ нихъ обойдется намъ въ 75.000 долл. Но развѣ не возможно, что къ тому времени, когда намъ эти торпеды будутъ доставлены, объявится новое изобрѣтеніе, которое во многомъ превзойдетъ предыдущее! Тогда намъ придется затратить новые и новые милліоны... Послѣднимъ, воистину послѣднимъ, словомъ военной науки будетъ всеобщее разоруженіе. Только въ этомъ—выходъ!

II.

Американскіе министры, быть можетъ, въ большей степени, чѣмъ ихъ европейскіе коллеги, владѣютъ даромъ простой, искренней рѣчи. Даніэльсъ, въ этомъ отношеніи, прекрасный сотрудникъ Вильсона, который, при случаѣ, такъ просто, такъ изящно умѣетъ показать все достоинство, всю обаятельность демократической государственной власти. Даніэльсъ не олимпіецъ, для котораго уже разъ навсегда разрѣшены всѣ вопросы, встающіе передъ государствомъ, онъ не «вѣщаетъ», встрѣчаясь съ людьми земли. Какъ и прочіе американскіе министры, онъ простъ, работящъ и высоко-культуренъ, и многія, очень многія истины, фатально непроницаемыя для прусскихъ умовъ и душъ, открыты для него и владѣютъ его интеллектомъ. «Да, мы въ тупикѣ,—признается онъ.—Но, какъ ни темно передъ нами, нельзя все же складывать рукъ». Въ своей бесѣдѣ съ корреспондентомъ «Times»'а, Даніэльсъ выразилъ классически ясно самую главную черту американскаго милитаризма. Какъ бы ни росли американскія вооруженія, какъ бы ни увеличивалась и какъ бы ни преобразовалась американская армія и флотъ,—это милитаризмъ *защитнаго* типа, разсчитанный лишь на оборону страны, въ случаѣ коварнаго нападенія. Надо вспомнить, что бесѣда съ Даніэльсомъ имѣла мѣсто послѣ потопленія «Лузитаніи», когда языки европейскаго пламени впервые прямо и горячо коснулись живого американскаго тѣла... Даніэльсъ зналъ, о чемъ онъ говоритъ, когда утверждалъ, что существуютъ на свѣтѣ вещи, худшія и горшія, чѣмъ война. А насколько мнѣнія министра раздѣляются въ этомъ случаѣ всей страной, намъ лучше всего покажутъ нѣсколько справокъ.

Выслушаемъ сначала «крайняго милитариста» Соед. Штатовъ, воинственнаго Теодора Рузвельта. Вездѣ, въ своихъ статьяхъ и книгахъ, и непосредственно, въ общественныхъ собраніяхъ, Рузвельтъ требуетъ отъ правительства Соед. Штатовъ болѣе активной внѣшней политики. Ему хочется, чтобы правительство Вильсона было живѣй, подвижнѣй и рѣшительнѣй и въ Мексикѣ, и въ сношеніяхъ съ Германіей. Но какъ отличается свѣтъ воинственности Рузвельта отъ того свѣта, которымъ полна, напримѣръ, печальная по своей извѣстности и значительности книга ген. Бернгарди! Рузвельтъ полагаетъ, что правительство Соед. Штатовъ обязано вмѣшаться въ мексиканскія дѣла, такъ какъ оно обязано повсюду защищать жизнь и интересы своихъ гражданъ. Въ своей статьѣ въ журналѣ «Metropolitan», Рузвельтъ прямо ука-

зываетъ имена американскихъ гражданъ, невинно погибшихъ въ мексиканской неразберихѣ [1]). Въ вопросѣ объ отношеніи къ европейскимъ событіямъ, свѣтъ рузвельтовской воинственности еще ярче и рѣзче отличается отъ воинственности прусскаго генерала. Еще до «Лузитаніи», до того момента, какъ Америка стала непосредственно заинтересована въ европейскихъ дѣлахъ, Рузвельтъ требовалъ отъ правительства Вильсона выступленій противъ Германіи, въ защиту международнаго права. «Тотъ видъ «нейтралитета»,—писалъ ex-президентъ въ своей книгѣ «Amerika and the World War»,—который заключается въ устремленіи къ миру, во что бы то ни стало, при боязливомъ отказѣ выполнить свои обязанности и выступить рѣшительно и активно противъ такой, напримѣръ, несправедливости (wrong), какъ нарушеніе бельгійскаго нейтралитета,—такого рода «нейтралитетъ» не достоинъ славной и могущественной націи». Въ одной изъ своихъ корреспонденцій изъ Англіи, г. Діонео, разбирая «идеологію» ген. Бернгарди, не безъ основанія сравнилъ послѣдняго съ апашомъ Тото Ларинетъ, воспѣтымъ Брюаномъ. «Если бы голоса Тото Ларинетъ,—писалъ г. Діонео, — былъ внезапно произведенъ въ прусскіе генералы и если бы ему предложили изложить свое міровоззрѣніе, основанное на тезисѣ «кошельки существуютъ, чтобы я ихъ рѣзалъ», то получилось бы, вѣроятно, нѣчто въ родѣ трехъ первыхъ главъ книги фонъ-Бернгарди» [2]). Это очень мѣткая характеристика. Предоставляю теперь самимъ читателямъ судить о томъ, какая бездна противоположности лежитъ между прусскимъ милитаризмомъ ген. Бернгарди и американскимъ милитаризмомъ Теодора Рузвельта. Одинъ цинически попираетъ всякое право, а другой громко зоветъ на защиту права...

Рузвельтъ, естественно, идетъ въ первыхъ рядахъ американскихъ гражданъ, требующихъ усиленія обороны страны. И чрезвычайно интересно, что ex-президентъ - милитаристъ почти слово въ слово предвосхищаетъ мысли намъ уже знакомаго министра-пасифиста. «Важнѣйшій урокъ, полученный Соед. Штатами въ настоящей войнѣ,—пишетъ Рузвельтъ въ своей книгѣ «America and the world war», заключается въ томъ, что во имя своихъ жизненныхъ интересовъ они должны, наконецъ, принять мѣры къ усиленію своихъ силъ. Подготовленность къ войнѣ не всегда предупреждаетъ войну или неудачи въ войнѣ, точно такъ же, какъ существованіе пожарныхъ командъ не всегда предупреждаетъ возникновеніе пожаровъ.

---

1) *Theodore Roosevelt*, Uncle Sam and the Rest of the World. „Metropolitan", March, 1915.

2) „Вѣстникъ Европы", февраль, 1915.

Но въ подготовленности единственная возможность избѣгнуть войны или неудачъ въ войнѣ и, во всякомъ случаѣ, возможность избѣгнуть позора въ войнѣ».

Несомнѣнно, что Рузвельтъ исполненъ бо́льшей воинственности, чѣмъ мирный философъ, морской министръ Соед. Штатовъ, Джозефъ Даніэльсъ. Но даже у Рузвельта, у этой по темпераменту, «крайней лѣвой» американскаго милитаризма, вы не найдете ни одного аггрессивнаго штриха. «Надо защищать своихъ гражданъ, надо защищать международное право, надо защищать свою родину, въ случаѣ нападенія!»—вотъ о чемъ неугомонно кричитъ старый «Тэдди», который даже любого изъ молодыхъ забьетъ своею жаждою жизни и любовью къ труду. Его милитаризмъ, какъ и милитаризмъ Даніэльса, явно *защитнаго* типа. Рузвельтъ завтра же согласится разоружиться, если только дикіе коршуны въ человѣчествѣ будутъ посажены на цѣпь надлежащаго международнаго соглашенія. Надлежащаго въ томъ смыслѣ, чтобы впредь эти соглашенія охранялись уже не «клочками бумаги», а дѣйствительной силой международнаго военнаго отряда [1]).

Милитаристы въ Америкѣ не настолько воинственны, чтобы мечтать о захватахъ чужого добра. Это, по нынѣшнимъ временамъ, большое счастье. Не меньшее счастье заключается и въ томъ, что пасифисты въ Америкѣ, уносясь въ небеса, не забываютъ все же грѣшную, очень грѣшную землю. Я рѣшилъ начать свой разсказъ съ бесѣды Даніэльса именно потому, что она удовлетворяетъ и тѣхъ, кто воинственнѣе морского министра, и тѣхъ, кто по своему положенію и взглядамъ прямо представляетъ американскій пасифизмъ. Какъ бы мирно ни былъ настроенъ Даніэльсъ, минимумъ воинственности для него, какъ для морского министра, все же обязателенъ. «Dieu me pardonnera,—сказалъ Гейне передъ смертью.—C'est son metier». Такъ какъ «metier» министра Даніэльса—быть хоть немного воинственнымъ, обратимся теперь къ «настоящимъ» американскимъ пасифистамъ.

Въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересенъ былъ недавній годичный съѣздъ крупнѣйшей и старѣйшей американской пасифистской организаціи, Lake Mohonk Conference International Arbitration. Съѣздъ былъ по счету двадцать первымъ и открылся 19-го мая, т.-е. въ промежуткѣ между потопленіемъ «Лузитаніи» и опублико-

---

[1]) „The armies and the navies of the world must become the world's police and not the world's oppressors",—сказалъ министръ Даніэльсъ въ бесѣдѣ съ корреспондентомъ нью-іоркскаго „Times"'а. Вообще, о будущей „международной полиціи" теперь много говорятъ общественные и государственные дѣятели Соед. Штатовъ.

ваніемъ бесѣды съ Даніэльсомъ. На съѣздъ собралось свыше 200 делегатовъ со всѣхъ концовъ Соед. Штатовъ. Обращеніе президента Вильсона къ съѣзду было прочитано Джономъ Муръ, профессоромъ международнаго права въ Колумбійскомъ университетѣ. Въ первый же день вниманіе собравшихся делегатовъ привлекла горячая рѣчь профессора Принстонскаго университета, Джона Гиббена. Комментируя эту и другія рѣчи, прозвучавшія на съѣздѣ, нью-іоркскій «Times» съ полнымъ основаніемъ замѣтилъ: «Peace conference talks mostly war» [1]).—«На мирной конференціи больше всего говорятъ о войнѣ».

«Мы собрались сюда,—сказалъ проф. Гиббенъ,—не для того, чтобы обсуждать проблему, имѣющую лишь академическій интересъ. Какъ нація, мы смотримъ въ будущее, которое для насъ темно и таинственно. Въ напряженіи интернаціональной ненависти и подозрительности, достаточно незначительнаго инцидента, чтобы и мы были захвачены катастрофой. И въ этотъ критическій моментъ, если онъ наступитъ, что мы скажемъ нашей странѣ? Миръ? Во что бы то ни стало, миръ?!

«Мы готовы заплатить за миръ все, что угодно. Мы готовы купить его цѣною какой хотите сдержанности, какихъ угодно страданій, цѣною всякихъ матеріальныхъ и личныхъ жертвъ. Мы готовы принести въ жертву все, лишь бы не было войны. Но развѣ мы можемъ забыть, что существуютъ на свѣтѣ вещи, которыхъ мы не отдадимъ даже за блага мира! Если мы поступимся *ими* для того, чтобы сохранить миръ, жизнь для насъ станетъ хуже ада. За блага мира мы не отдадимъ нашей чести, мы не измѣнимъ своему долгу даже ради благъ мира. Эти блага не обрадуютъ насъ, если ради нихъ намъ придется заткнуть свои уши, чтобы не слышать голосовъ тѣхъ, кто невинно гибнетъ у насъ на глазахъ».

Проф. Гиббенъ ясно и категорически высказался за «разумную подготовку и организацію боевыхъ силъ Соед. Штатовъ». Эта формула встрѣтила на мирной конференціи горячій сочувственный откликъ.

III.

Такимъ образомъ, въ вопросѣ о необходимости увеличить и организовать боевыя силы республики, Соед. Штаты, за незначительными исключеніями, представляютъ собою картину полнаго единодушія. Великую республику въ настоящій моментъ можно было бы изобразить въ видѣ двуликаго Януса, одно лицо котораго искренне

[1]) „The New-York Times", 20-го мая 1915.

устремлено къ небу и кричитъ о мирѣ всего міра, а другое—смотритъ на землю и, считаясь съ ея роковыми законами, спѣшно надѣваетъ военную каску...

Замѣчательно, что совсѣмъ еще недавно, въ декабрѣ 1914 г., Соед. Штаты вовсе не представляли собой картины такого единодушія. Президентъ Вильсонъ, съ удивительной чуткостью отражающій въ своихъ рѣчахъ равнодѣйствующую мнѣній и настроеній страны, въ своемъ обращеніи къ конгрессу 8-го декабря, счелъ даже необходимымъ дать отпоръ американскимъ милитаристамъ. Съ тѣхъ поръ прошло восемь мѣсяцевъ. Въ дни осады Севастополя каждый мѣсяцъ считался за годъ,—въ наши дни, когда что ни день, то историческое событіе, каждый мѣсяцъ можно смѣло считать за десятилѣтіе. За эти восемь мѣсяцевъ кой-чему поучились и американскіе милитаристы, и ихъ крайніе противники. И движеніе пошло по тому среднему пути, который мудро былъ намѣченъ Вильсономъ въ его декабрьскомъ обращеніи къ конгрессу.

Прежде всего, талантливый президентъ быстрой и рѣшительной рукой срѣзалъ съ милитаристическаго движенія въ Соед. Штатахъ тотъ небольшой налетъ, который нарушалъ демократическія традиціи великой республики. Президентъ энергично отвѣтилъ тѣмъ немногимъ голосамъ, которые высказывались за чрезмѣрное увеличеніе постоянной арміи въ Соед. Штатахъ и чуть ли не за установленіе обязательной воинской повинности «Во всякое время національной опасности,—утверждалъ президентъ,—всѣ наши надежды возлагаются не на постоянную армію и даже не на резервы, а на ополченіе изъ гражданъ, обученныхъ и способныхъ носить оружіе. Къ тому же, не сухопутная армія, а могучій флотъ—наша естественная оборона, военныя суда—наши крѣпости... Мы никогда не имѣли и, поскольку мы останемся вѣрны нашимъ принципамъ и идеаламъ, мы никогда не будемъ имѣть большую постоянную армію. Насъ спрашиваютъ, готовы ли мы для самозащиты. Мы отвѣчаемъ съ полнѣйшей увѣренностью: да, до послѣднихъ предѣловъ. И все-таки мы не обратимъ Америку въ военный лагерь и не заставимъ нашу молодежь проводить лучшіе годы ея жизни въ солдатской тренировкѣ».

Рѣчь президента была поворотнымъ моментомъ въ исторіи милитаристическаго движенія въ Соед. Штатахъ въ связи съ войной. Послѣ этой рѣчи, изъ движенія устраняются почти всѣ антидемократическіе моменты, и широкой волной оно распростроняется по всей странѣ. Со времени «Лузитаніи», это движеніе пріобрѣло, естественно, наиболѣе активный, дѣйственный характеръ. Почти на другой же день послѣ этого германскаго злодѣянія, морская лига

Соед. Штатовъ опубликовала резолюцію, встрѣтившую горячій сочувственный откликъ во всей странѣ. Во главѣ этой лиги стоитъ ген. Портеръ, въ спискѣ ея членовъ мы встрѣчаемъ имена Моргана, губернатора О'Нила, сенатора Джемса Фелэнъ, кардинала Гиббонса, Теодора Рузвельта и т. д. «Въ виду критическаго момента въ нашей внѣшней политикѣ,—читаемъ мы въ резолюціи,—мы, въ качествѣ представителей морской лиги Соед. Штатовъ, выражаемъ нашу горячую надежду, что немедленно будетъ созванъ конгрессъ и будутъ приняты спѣшныя мѣры для усиленія нашей національной обороны. Наша миролюбивая нація, именно вслѣдствіе ея любви къ миру, должна обладать наивысшей морской и надлежащей сухопутной силой. Большая сумма, если необходимо, до 500.000.000 долл., должна быть ассигнована на эти цѣли. Эта ассигновка, несомнѣнно, будетъ одобрена американскимъ народомъ. Американская жизнь и американскія права будутъ уважаться воюющими, если они будутъ знать, что за Америкой—могущественный флотъ. Въ этомъ для насъ единственная возможность избѣжать опасности быть втянутыми въ войну».

Вслѣдъ за выступленіемъ Морской лиги состоялось выступленіе Лиги національной защиты («National Security League»). Въ открытомъ письмѣ, обращенномъ «ко всѣмъ настоящимъ и бывшимъ министрамъ, къ членамъ конгресса, къ губернаторамъ С. Штатовъ, къ мэрамъ всѣхъ американскихъ городовъ, къ членамъ торговыхъ палатъ и организацій, ко всѣмъ американскимъ университетамъ, ко всѣмъ патріотическимъ организаціямъ, ко всѣмъ женскимъ клубамъ, ко всѣмъ американскимъ гражданамъ», Лига національной защиты прямо и открыто говоритъ о недостаткахъ обороны С. Штатовъ. «Наша милиція,—читаемъ мы въ обращеніи Лиги,—по количеству людей, по снаряженію и подготовкѣ, значительно ниже той силы, которая обозначена на бумагѣ. Наша береговая защита недостаточна, наши укрѣпленія слабы и не имѣютъ за собой надлежащихъ резервовъ. Нашъ флотъ и недостаточенъ, и неподготовленъ къ войнѣ. Вся наша первая линія защиты совершенно ненадежна и не имѣетъ за собою достаточнаго количества аммуниціи. Флотилія подводныхъ лодокъ существуетъ у насъ большей частью на бумагѣ. Намъ недостаетъ быстроходныхъ крейсеровъ, аэроплановъ, миноносцевъ, вспомогательныхъ и транспортныхъ судовъ. «Пока не выработанъ и не проведенъ въ жизнь планъ международнаго разоруженія, — читаемъ мы дальше въ воззваніи, — С. Штаты должны быть надлежащимъ образомъ подготовлены для защиты противъ нападенія. Довести національную оборону до надлежащей высоты можно и должно безъ вступленія на путь милитаризма [1]). Лига національной

[1]) Здѣсь имѣется въ виду, очевидно, милитаризмъ прусскаго типа. *А. З.*

защиты образовалась не для подготовки войны, а для подготовки противъ войны».

Лига національной защиты, точно такъ же, какъ и Морская лига, требуетъ немедленнаго увеличенія американскаго флота и улучшеній въ организаціи американской арміи. Въ мою задачу не входитъ сейчасъ во всѣхъ подробностяхъ описывать милитаристическое движеніе въ С. Штатахъ, растущее теперь буквально съ каждымъ днемъ. Все оно вращается вокругъ аргументаціи, высказанной въ обращеніяхъ этихъ двухъ лигъ. Вслѣдъ за обращеніями этихъ организацій съ заявленіемъ о недостаточности обороны С. Штатовъ, выступилъ полковникъ Робертъ Томсонъ, на собраніи, приблизительно, трехсотъ выдающихся нью-іоркскихъ дѣятелей. Затѣмъ выступали: адмиралъ Уайнрайтъ (Wainwright), одинъ изъ самыхъ выдающихся американскихъ офицеровъ, бывшій герой испанской кампаніи; адмиралъ Фиске, который на очередномъ годичномъ обѣдѣ въ морской академіи повторилъ, въ еще болѣе опредѣленныхъ выраженіяхъ, то, что онъ высказалъ прямо и откровенно еще прошлой зимой, въ засѣданіи морской комиссіи при конгрессѣ. По мнѣнію адмирала Фиске, американскій флотъ совершенно недостаточенъ, и пораженіе его неизбѣжно въ случаѣ столкновенія съ первоклассной морской силою. Рѣчь Фиске произвела въ С. Штатахъ столь большое впечатлѣніе, что серьезный и обстоятельный нью-іоркскій «Times» счелъ даже необходимымъ посвятить ея разсмотрѣнію спеціальную передовую статью [1]. Послѣ рѣчи Фиске, 14-го іюля, въ нью-іоркскомъ Carnegie Hall состоялся громадный митингъ, на которомъ, среди прочихъ выдающихся ораторовъ, выступили съ заявленіями о недостаточности обороны С. Штатовъ два бывшихъ военныхъ министра, Генри Стимсонъ и Дж. Диккинсонъ, и бывшій министръ юстиціи, Чарльсъ Бонапарте. Этихъ данныхъ, пожалуй, достаточно, чтобы представить себѣ размѣры и основательность новаго американскаго движенія.

Оно росло, углублялось и расширялось по мѣрѣ того, какъ темнѣлъ американскій горизонтъ и становилось все яснѣй и яснѣй, что не сегодня—завтра,—и въ великую битву народовъ будутъ втянуты также С. Штаты. Передъ американскимъ народомъ одна за другой прошли три ноты Вильсона къ Германіи по поводу «Лузитаніи» и по поводу нѣсколькихъ маленькихъ, но столь же возмутительныхъ «Лузитаній». Въ одной изъ отечественныхъ газетъ я прочиталъ недавно интересную передовую, въ которой эти ноты Вильсона были признаны «превосходными». «Но несчастіе въ томъ, — продолжалъ

[1] „Facts about the navy", „The New-York Times", 5-го іюня 1915 г.

авторъ,—что, составляя эти превосходныя ноты, президентъ Вильсонъ, видимо, чувствовалъ себя больше профессоромъ, чѣмъ государственнымъ дѣятелемъ, и что онѣ походятъ скорѣе на безстрастныя научныя «разсужденія», чѣмъ на «ударные» политическіе документы».

Я заступлюсь за президента Вильсона. Президентъ Вильсонъ—не безотвѣтственный правитель, а свободно избранный глава демократической республики. Онъ располагаетъ властью отозвать изъ любой столицы представителя С. Штатовъ и вручить паспортъ любому послу въ Вашингтонѣ. Но дальнѣйшее развитіе дѣйствій переходитъ уже къ конгрессу. Только конгрессъ можетъ объявить войну. Такимъ образомъ, въ активной внѣшней политикѣ президентъ С. Штатовъ долженъ обязательно имѣть за собою конгрессъ, всю американскую націю. Въ подписаніи «ударныхъ» политическихъ документовъ президентъ С. Штатовъ долженъ быть, поэтому, очень остороженъ. Какъ бы ни ясно было, что разрывъ съ какою-либо изъ державъ неизбѣженъ, что дѣйствія ея, по отношенію къ правамъ и достоинству С. Штатовъ, возмутительны, президенту С. Штатовъ приходится все же обязательно выжидать, пока до идеи неизбѣжности разрыва и борьбы «дозрѣетъ» вся страна, или, по крайней мѣрѣ, ея подавляющее большинство.

Безотвѣтственный Францъ-Іосифъ, при поддержкѣ безотвѣтственнаго Вильгельма II, въ іюлѣ прошлаго года, не задумываясь, бросилъ горящій факелъ въ пороховой погребъ европейскихъ отношеній. Конечно, тотъ «ударный» политическій документъ, съ которымъ Францъ-Іосифъ обратился къ Сербіи, или тотъ, съ которымъ Вильгельмъ II адресовался къ Россіи, нельзя сравнить съ тѣмъ «ударнымъ» документомъ, который, рано или поздно, долженъ выйти изъ-подъ пера президента С. Штатовъ. Но не слѣдуетъ ли вообще придти къ заключенію, что «ударные» документы—вещь крайняя и опасная, и обращаться съ ними слѣдуетъ какъ можно осторожнѣе. Здѣсь надо примѣрить не семь, а семью-семь разъ прежде, чѣмъ отрѣзать...

Въ нашемъ отелѣ сейчасъ смѣсь, если не одеждъ, то, во всякомъ случаѣ, лицъ. Здѣсь три мексиканскихъ семьи, укрывающихся въ С. Штатахъ отъ ужасовъ своей отечественной неразберихи, нѣсколько американцевъ, нѣсколько нѣмцевъ и двое русскихъ. Во время обѣда кругомъ звучитъ испанская, англійская, нѣмецкая, а иногда и русская рѣчь. Мой сосѣдъ по столу—пожилой ирландецъ, давнишній американскій гражданинъ. Онъ—ярый поклонникъ «Тэдди» Рузвельта и очень хотѣлъ бы видѣть его на президентскомъ креслѣ.

— Чего же въ томъ добраго? — говорю я. — Были бы сейчасъ С. Штаты въ войнѣ съ Мексикой и съ Германіей.

Относительно послѣдняго, я, признаться, ничего не имѣю противъ... Но мнѣ хочется послушать, что скажетъ мой собесѣдникъ,—солидный, пожилой человѣкъ.

— Oh, no!—говоритъ онъ.—You're mistaken... Вы ошибаетесь. «Тэдди» на президентскомъ креслѣ былъ бы спокойнѣе, чѣмъ сейчасъ.

Сбивчивымъ, не привыкшимъ къ абстрактнымъ разсужденіямъ языкомъ мой собесѣдникъ развиваетъ мнѣ совершенно правильную мысль. Какъ частный человѣкъ, Тэдди можетъ говорить, что ему угодно. И говоритъ онъ вполнѣ справедливо, и, быть можетъ, даже самъ президентъ Вильсонъ, какъ частный человѣкъ, говорилъ бы совершенно такъ же, какъ Тэдди. Но вѣдь президентъ С. Штатовъ долженъ считаться не только и не столько со своимъ личнымъ мнѣніемъ, сколько съ мнѣніемъ всей страны. Вмѣстѣ съ нею, президентъ—все. Безъ нея, будь онъ хоть семи пядей во лбу,—онъ ничто.

— Значитъ,—заключаю я,—и Рузвельтъ, будучи сейчасъ президентомъ, велъ бы ту же политику, что и Вильсонъ?

— Да, пожалуй, это такъ...

— Почему же вы предпочитаете Рузвельта?

— Да такъ,—отвѣтилъ мой ирландецъ.—Рузвельтъ...

Тутъ моему собесѣднику уже не хватило словъ, и онъ сдѣлалъ жестъ рукой, долженствующій, очевидно, выразить подвижной темпераментъ милаго Тэдди.

— Рузвельтъ мнѣ симпатичнѣе.

Какъ видите, здѣсь дѣло вкуса... Что касается меня, то, приглядываясь къ американской политической жизни, посильно вникая во всю ея прихотливость и сложность, я положительно не въ состояніи представить себѣ у ея руля кормчаго, который былъ бы болѣе талантливъ, болѣе привлекателенъ, чѣмъ Вильсонъ. Какъ политическій дѣятель, онъ растетъ передъ нами положительно не по днямъ, а по часамъ, съ каждымъ затрудненіемъ въ американской внѣшней политикѣ. Онъ остороженъ и медлителенъ, но любители Sturm und Drang-Politik должны замѣтить себѣ, что паузы въ политикѣ такъ же необходимы, какъ паузы, скажемъ, въ музыкѣ. А президентъ Вильсонъ умѣетъ дѣлать «божественныя» паузы. Набѣжала туча на политическій горизонтъ, и въ отвѣтъ ей гремитъ весь оркестръ американскихъ мнѣній. Тутъ поетъ и сладкая, вся ушедшая въ небо флейта ultra-миролюбиваго Брайана, и гудитъ тромбонъ воинственнаго Тэдди. Президентъ слушаетъ, — слушаетъ, какъ вождь демократіи, какъ «слуга народа», какъ онъ любитъ называть себя. И вотъ—пауза. Все смолкло, ждутъ президента... Ждетъ Америка, ждетъ весь міръ! А затѣмъ—голосъ Вильсона, звучащій

въ мертвой тишинѣ, какъ спокойный, сдержанный, но полный власти и силы аккордъ, объединяющій все, что звучало до него.

Мы переживаемъ съ начала войны критическіе, бурные дни. И, оглядываясь назадъ, я спрашиваю себя: сказалъ ли въ эти трудные дни президентъ Вильсонъ хоть что-нибудь, что могло бы унизить достоинство С. Штатовъ, или представляемые ими интересы человѣчности и культуры? И отвѣчаю совершенно опредѣленно: нѣтъ. Его голосъ въ эти дни міроваго испытанія всегда звучалъ въ защиту тѣхъ непререкаемыхъ принциповъ, которые теперь съ такимъ ожесточеніемъ топчетъ обнаглѣвшая прусская нога. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, своимъ спокойствіемъ, своей искренностью, своимъ миролюбіемъ президентъ Вильсонъ не разъ ставилъ на колѣни даже германо-американцевъ, въ прессѣ которыхъ голоса недовольства постоянно смѣнялись голосами восхищенія и выраженіями полнѣйшей лойальности и солидарности съ дѣйствіями президента. Когда, въ нотѣ отъ 21-го іюля, президентъ Вильсонъ сказалъ, наконецъ, Германіи свое послѣднее слово, за нимъ была уже вся страна, объединенная, спаянная однѣми мыслями, одними чувствами. Даже Брайанъ и Рузвельтъ отказались отъ критическихъ комментаріевъ на эту послѣднюю ноту... Развѣ это не торжество осторожной, мудрой, последовательно-демократической и благородной политики?

IV.

Отправивъ въ Германію свою послѣднюю ноту, согласно которой правительство С. Штатовъ будетъ разсматривать дальнѣйшія нарушенія правъ американскихъ гражданъ, какъ дѣйствія «предумышленно недружественныя» («deliberately unfriendly»), президентъ Вильсонъ отдалъ распоряженіе, чтобы военный и морской министры С. Штатовъ немедленно представили ему подробные доклады о состояніи американской арміи и флота. И съ тѣмъ же вниманіемъ и углубленностью, съ какою президентъ до сихъ поръ занимался изученіемъ международнаго права, онъ отдался изученію военныхъ вопросовъ.

Его ближайшій сотрудникъ, намъ уже извѣстный министръ Даніэльсъ, успѣлъ провести къ этому времени идею, заслуживающую даже въ Европѣ, и въ особенности въ нашемъ отечествѣ, нѣкотораго вниманія. Одна изъ американскихъ газетъ назвала эту идею очень мѣткимъ и вѣрнымъ словомъ «мобилизаціей геніальности».

Въ сегодняшнемъ нью-іоркскомъ «Times'ѣ» помѣщена обширная бесѣда, наглядно рисующая, что представляетъ изъ себя даже аме-

риканскій техническій геній въ *демобилизованномъ* состояніи. Сотрудникъ «Times»'а бесѣдовалъ съ извѣстнѣйшимъ американскимъ военнымъ изобрѣтателемъ, Луи Гэтманомъ. Здѣсь же помѣщенъ и портретъ этого «страшнаго человѣка». Худощавое старческое лицо, съ сѣдой бородкой клинышкомъ и съ добрыми, умными глазами, выглядывающими изъ-подъ очковъ.

Послушаемъ самого Луи Гэтмана. «Наше отечество нуждается,— говоритъ онъ,—въ непотопляемыхъ («unsinkable») военныхъ судахъ. Въ такихъ судахъ, которыя были бы въ состояніи выдержать удары всякихъ торпедъ, минъ и разрывныхъ снарядовъ. Мы можемъ, если захотимъ, имѣть такія суда. Это не плодъ моего воображенія: Германія уже имѣетъ ихъ. Я знаю это, такъ какъ эти германскія суда сдѣланы по моимъ чертежамъ» [1].

Дальше слѣдуетъ старая, но, увы, вѣчно новая и намъ особенно близко знакомая исторія. Нѣмцы не очень отличаются по части нахожденія новыхъ идей, но они съ удовольствіемъ берутъ ихъ повсюду, гдѣ только находятъ. И степень ихъ технической подготовки превышаетъ, поэтому, даже подготовку тѣхъ, кто особенно силенъ по части изобрѣтеній. Примѣръ съ изобрѣтателемъ Луи Гэтманомъ прямо-таки изумителенъ. «Я предлагалъ,—говоритъ онъ,—планъ своихъ непотопляемыхъ судовъ раньше и прежде всего, конечно, нашему правительству,—правительству С. Штатовъ; но не удостоился даже серьезнаго вниманія. Мои чертежи были послѣ этого пріобрѣтены германскимъ правительствомъ. То же самое было и съ орудіями моего изобрѣтенія. Будучи отвергнуты С. Штатами, они были пріобрѣтены Германіей и теперь демонстрируютъ свою пригодность въ качествѣ разрушителей траншейныхъ и крѣпостныхъ укрѣпленій. Германское правительство, надо отдать ему справедливость, всегда заботливо искало всякія новинки въ области военнаго дѣла».

Мы не будемъ здѣсь полностью приводить бесѣду съ Луи Гэтманомъ. Онъ разсказываетъ небезынтересно о своихъ чертежахъ непроницаемой брони для военныхъ судовъ,—о чертежахъ, которые уже одобрены и приняты германскимъ адмиралтействомъ... Исторія гэтмановскихъ изобрѣтеній для насъ важна сейчасъ, лишь какъ показатель того, что̀ творилось въ американскихъ военныхъ сферахъ *вчера*. Блага сегодняшняго дня и, въ частности, блага «мобилизаціи геніальности» выступятъ на этомъ фонѣ особенно ярко и ясно.

Идею «мобилизаціи геніальности» подалъ въ Соед. Штатахъ

---

[1]) „We need unsinkable battleships", „The New-York Times", 22-го августа 1915.

великій мастеръ по части всякихъ новыхъ идей, знаменитый Томасъ Эдиссонъ. Передо мною сейчасъ его портретъ во весь ростъ. Молодая, еще стройная фигура, бритое, полное ума и энергіи лицо, темные живые глаза, подъ темными густыми бровями, и совсѣмъ бѣлая, серебряная голова. Подъ этимъ серебромъ до сихъ поръ живетъ и неутомимо работаетъ воистину золотой умъ. Идея «мобилизаціи геніальности», поданная Эдиссономъ, такъ же ясна, проста и понятна, какъ и всѣ хорошія идеи. Я развертываю сейчасъ нью-іоркскій «Times», отъ 30-го мая 1915 г., и перечитываю бесѣду Эдиссона съ сотрудникомъ этой вліятельной газеты. Тема все та же,—какъ поднять до надлежащей высоты національную оборону Соед. Штатовъ. Какъ истый демократъ, Эдиссонъ противъ большой постоянной арміи. Сейчасъ, по послѣднему отчету генеральнаго штаба, американская армія состоитъ изъ 4.572 офицеровъ и 84.444 солдатъ. Эдиссонъ полагаетъ, что постоянная армія, въ общей сложности, не должна превышать 100.000 человѣкъ. Но необходимо имѣть наготовѣ достаточный офицерскій и унтеръ-офицерскій составъ для того, чтобы въ критическую минуту эта стотысячная армія могла бы развернуться въ милліоны. Все должно быть наготовѣ: правительственные заводы, которые, по первому знаку, могли бы изготовлять необходимое количество аммуниціи. Два милліона ружей и громадные запасы патроновъ и снарядовъ должны быть заготовлены въ арсеналахъ.

Но не въ этомъ, конечно, главный интересъ бесѣды съ Эдиссономъ. Здѣсь онъ повторяетъ то, что теперь уже знаетъ каждый средній американецъ. Новое вотъ въ чемъ: «Мы,—говоритъ Эдиссонъ,—хорошіе механики и для мирныхъ, и для военныхъ цѣлей. Въ этомъ отношеніи мы не уступимъ никакой другой націи міра. Мы создали броненосныя суда. Нашъ Максимъ изобрѣлъ пулеметъ. Нашъ Лэкъ (Lake) изобрѣлъ подводную лодку. Наши братья Райтъ (Wright) создали аэропланъ. Если бы какая-либо иностранная сила серьезно задумала напасть на нашу страну, сотни спеціалистовъ—техническихъ дѣятелей сосредоточились бы на военной работѣ и нашли бы новыя средства отразить врага. Я бы самъ принялъ участіе въ этой работѣ»[1].

Министръ Даніэльсъ, ознакомившись съ мыслями Эдиссона, рѣшилъ немедленно организовать при морскомъ министерствѣ спеціальный Совѣтъ изобрѣтателей («Advisory Board of Inventors»). Эдиссонъ—такой большой и заслуженный человѣкъ, что министръ не

---

1) „Edisson's Plan for Preparedness", „The New York Times", 30-го мая, 1915 г.

разрѣшилъ себѣ обратиться къ нему посредствомъ письма, а лично заѣхалъ къ геніальному изобрѣтателю и предложилъ ему стать во главѣ новаго совѣта. «Я сказалъ Эдиссону,—разсказываетъ министръ,—что прошу его не отъ своего имени, и даже не отъ имени флота, а отъ имени всѣхъ Соед. Штатовъ» [1]. Эдиссонъ предложеніе немедленно принялъ, и въ теченіе нѣсколькихъ дней сорганизовался уже весь центръ Совѣта изобрѣтателей. Въ составъ его, кромѣ Эдиссона, вошли: Максимъ, Райтъ, Лэкъ, Генри Фордъ и еще нѣсколько наиболѣе талантливыхъ американскихъ изобрѣтателей, инженеровъ и организаторовъ. Вокругъ этого центра, съ такою же быстротой, сложилась и периферія изъ наиболѣе выдающихся представителей ученыхъ и техническихъ американскихъ обществъ.

Министръ Даніэльсъ ждетъ отъ новаго совѣта работы въ двухъ областяхъ; во-первыхъ, совѣтъ непосредственно будетъ работать надъ усовершенствованіемъ средствъ военной обороны; во-вторыхъ, на разсмотрѣніе совѣта, какъ высшей учебной и технической инстанціи, будутъ поступать всѣ предложенія и планы со стороны. Въ послѣдней бесѣдѣ съ корреспондентомъ нью-іоркскаго «Times»'а, Даніэльсъ съ радостью разсказываетъ о томъ, какой горячій сочувственный откликъ во всей странѣ вызвала идея новаго совѣта. «Меня засыпаютъ письмами,—говоритъ министръ,—буквально со всѣхъ концовъ Соед. Штатовъ. Всѣ письма и газетные отклики я тщательно собираю и въ самомъ ближайшемъ времени приступлю къ изученію этихъ матеріаловъ. Не сомнѣваюсь, что въ цѣломъ рядѣ писемъ и статей я найду для себя весьма цѣнныя указанія. Вѣдь, тысячи умовъ, со времени опубликованія бесѣды съ Эдиссономъ, задумались надъ вопросами національной обороны. Быть можетъ, въ моихъ матеріалахъ будутъ также письма и отъ такъ называемыхъ «сумасшедшихъ». Но что такое «сумасшедшій»? Онъ кажется намъ, сплошь да рядомъ, ненормальнымъ сегодня, потому что мысли его—геніальное прозрѣніе завтрашняго дня... Я внимательно изучу весь матеріалъ. Недавно одинъ гражданинъ изъ Колорадо предложилъ намъ усовершенствованіе безпроволочнаго телеграфа. Этотъ планъ мы немедленно обсудили въ министерствѣ, онъ показался намъ очень интереснымъ, и мы вызвали неизвѣстнаго изобрѣтателя въ Вашингтонъ» [2].

Одновременно съ «мобилизаціей геніальности», въ Соед. Шта-

---

[1]) „What is expected of „Naval Board", „The New York Times", 3-го августа 1915 г.

[2]) Ibid.

тахъ подготовляется также и «мобилизація промышленности». Изъ уроковъ европейской войны, такимъ образомъ, энергичные янки извлекаютъ для себя немедленную пользу. Въ области «мобилизаціи промышленности» идетъ, пока что, внимательный подсчетъ всѣхъ наличныхъ промышленныхъ и техническихъ силъ. Въ критическій моментъ, надо полагать, всѣ онѣ будутъ объединены энергичной и рѣшительной рукой федеральнаго правительства. Чрезвычайно интересно и важно отмѣтить, что въ Соед. Штатахъ идетъ сейчасъ большое движеніе въ пользу того, чтобы производство оружія и аммуниціи разъ навсегда было бы изъято изъ частныхъ рукъ. Принципы этого движенія, еще три мѣсяца тому назадъ, энергично формулировалъ все тотъ же живой и дѣятельный министръ Даніэльсъ [1]).

«Мы больше всего заботимся о сохраненіи мира,—сказалъ онъ.—Но одна изъ самыхъ дѣйствительныхъ мѣръ сохранить миръ заключается въ томъ, чтобы производство оружія и аммуниціи было сосредоточено исключительно въ рукахъ правительства. Это подорветъ злостную милитаристическую агитацію со стороны тѣхъ, кто матеріально заинтересованъ въ военныхъ заказахъ. Связь между личнымъ обогащеніемъ и дѣломъ государственной обороны разъ навсегда должна прекратить свое существованіе. Государство само должно быть въ состояніи изготовлять все, что необходимо для арміи и флота. Это повыситъ боевую подготовку страны и сократитъ милитаристическую агитацію въ тѣхъ случаяхъ, когда она ведется субъектами, жаждущими наживы» («by dollar-making individuals»).

Этотъ принципъ, открыто и ясно провозглашенный министромъ, встрѣтилъ въ Соед. Штатахъ самый живой сочувственный откликъ. Передо мною сейчасъ редакціонная статья изъ «The New-York Evening Journal», отъ 19-го августа. Это—бойкая вечерняя газета, тиражъ которой недавно превысилъ милліонъ экземпляровъ. Голосъ этой газеты не всегда — vox Dei, зато всегда — vox populi. Поэтому, слѣдить за нею весьма не безынтересно. Какъ же широкая масса американскихъ гражданъ оцѣниваетъ проектъ Даніэльса? Отвѣтъ ясно выраженъ въ двухъ строкахъ редакціонной статьи въ «The Evening Journal»; выраженъ даже, для большаго эффекта, жирнымъ шрифтомъ и въ повелительной формѣ: «Make the manufacture of arms in this country a governement monopoly».—«Объявите производство оружія въ этой странѣ монополіей государства».

Въ настоящій моментъ всѣ проблемы, связанныя съ задачею

[1]) Въ уже указанной бесѣдѣ: „Daniels hopes for disarmament“.

національной обороны, пріобрѣли въ С. Штатахъ совершенно опредѣленный практическій смыслъ. Сейчасъ предо мною самыя послѣднія, самыя полныя, самыя точныя данныя о «подводной войнѣ». За шесть мѣсяцевъ «военной зоны», начиная съ 18-го февраля и кончая потопленіемъ «Арабика», 19-го февраля, германскія подводныя лодки потопили, въ общей сложности, 285 непріятельскихъ и нейтральныхъ торговыхъ судовъ. А о томъ, какое движеніе совершалось и совершается теперь по Атлантическому океану, можно судить хотя бы потому, что за одну только недѣлю,—съ 15-го до 22-го іюля, напримѣръ,—въ области «военной зоны» прошло 1.326 пароходовъ [1]). Въ каждый данный моментъ, въ настоящее время, на Атлантическомъ океанѣ, по пути черезъ военную зону, находятся свыше 150-ти пароходовъ. Что же значитъ, при такомъ движеніи, 285 пароходовъ, потопленныхъ *въ теченіе шести мѣсяцевъ!* Секретарь «Ливерпульской пароходной ассоціаціи» сообщилъ 8-го іюля, по этому поводу, весьма интересныя конкретныя данныя. Приблизительно, за пять мѣсяцевъ существованія военной зоны, пароходы, входившіе и выходившіе изъ Ливерпульскаго порта, совершили по Атлантическому океану около 20.000 рейсовъ и подверглись при этомъ нападенію подводныхъ лодокъ всего лишь въ 29-ти случаяхъ!

«Frankfurter Zeitung», въ номерѣ отъ 6-го іюня, высчитавъ, что германскія подводныя лодки въ теченіе трехъ мѣсяцевъ потопили всего лишь 111 судовъ, меланхолически замѣчаетъ, что «число это, пожалуй, не покажется особенно значительнымъ, по сравненію съ тѣмъ гигантскимъ движеніемъ, которое совершается теперь по Атлантическому океану въ пользу нашихъ враговъ». Да, пожалуй, это такъ...

Существуетъ ли «военная зона» или нѣтъ,—американская внѣшняя торговля ее не чувствуетъ и не замѣчаетъ. Каждая цифра вновь и вновь публикуемыхъ вашингтонскихъ оффиціальныхъ отчетовъ какъ будто смѣется надъ кровавымъ созданіемъ яростной, но безсильной фантазіи адмирала фонъ-Тирпица. Въ январѣ 1915 г. американскій экспортъ всего лишь на 63.812.710 долл. превышалъ данныя за январь предшествовавшаго года. Въ февралѣ, вторая половина котораго прошла уже подъ знакомъ «военной зоны», этотъ излишекъ поднялся до 125.885.724 долл. Въ мартѣ онъ чуть-чуть упалъ,—до 121.946.264 долл. Но колебанія въ предѣлахъ отъ одного до трехъ-четырехъ десятковъ милліоновъ присущи вѣдь и мир-

[1]) „Results of Submarine Warfare", въ нью-іоркскомъ ежемѣсячникѣ „Current History of the European War", August, 1915 г. Дополнительныя свѣдѣнія въ „The New-York Times", отъ 20 августа.

ному времени. Что «военная зона» въ данномъ случаѣ не сыграла никакой роли, лучше всего доказывается тѣмъ, что въ слѣдующемъ же мѣсяцѣ, апрѣлѣ, излишекъ въ экспортѣ, по сравненію съ предшествующимъ годомъ, поднялся сразу до 131.917.629 долл. Въ маѣ онъ упалъ до 112.485.523 долл., но это опять-таки безъ всякаго вліянія со стороны германской, какъ мы уже знаемъ, ничтожной опасности. За іюнь данныя еще не опубликованы [1]), но частичныя свѣдѣнія уже проникли въ печать. Такъ, Россія, которая въ маѣ ввезла къ себѣ изъ Соед. Шталовъ на 6.718.528 долл., въ іюнѣ ввезла на 13.914.312 долл. Франція—въ маѣ на 40.713.434 долл., а въ іюнѣ—на 43.107.426 долл. Италія—на 11.483.528 долл., въ маѣ, и на 15.182.873 долл., въ іюнѣ [2])... Маленькій ничтожный комарикъ—германская «военная зона»! Колоссъ американской внѣшней торговли совсѣмъ его не замѣчаетъ. Но этотъ комарикъ оказался все же настолько назойливымъ, настолько безцеремоннымъ, настолько ядовитымъ въ своихъ маленькихъ злобныхъ укусахъ, что великую націю, мирно главенствующую въ Новомъ Свѣтѣ, онъ все же раздразнилъ и раздражилъ.

Грядущее темно... Дѣйствительность на нашихъ глазахъ не только не оправдываетъ скромныя политическія предсказанія, но превосходитъ рѣшительно все, что могла бы представить себѣ даже самая богатая и яркая фантазія. Во всякомъ случаѣ, настроенія Соед. Штатовъ сейчасъ таковы, что приходится подводить итоги и производить подсчетъ всѣмъ силамъ страны.

По послѣднимъ оффиціальнымъ даннымъ, въ Соед. Штатахъ насчитывается около 17.000.000 мужского населенія въ возрастѣ отъ 18-ти до 44-хъ лѣтъ. Американская молодежь проходитъ, обыкновенно, хорошую гимнастическую и спортивную школу и въ минуты національной опасности представляетъ для арміи прекрасный, сильный и дисциплинированный матеріалъ. Что касается вооруженія и аммуниціи, такъ послѣднія изъ опубликованныхъ въ печати данныхъ таковы. Въ распоряженіи военнаго министерства Соед. Штатовъ въ настоящее время находится около 600.000 винтовокъ самаго послѣдняго образца и до 350.000 винтовокъ, которыя хотя и нѣсколько устарѣли, но все же вполнѣ пригодны для боевыхъ цѣлей. Два большихъ правительственныхъ оружейныхъ завода, въ Спрингфильдѣ и Рокъ-Айландѣ, въ состояніи выпускать въ день, при работѣ круглыя сутки, по 1.500 ружей. Кромѣ того,

---

[1]) Всѣ предшествовавшія цифры заимствованы нами изъ „Monthly Summary of Commerce and Finarce of the United States".

[2]) „The New-York Times", 19 августа 1915 г.

есть еще два частныхъ оружейныхъ завода, въ Нью-Гэвенѣ и Иліонѣ, которые могутъ выпускать ежедневно по 1.000 ружей. Такимъ образомъ, въ общей сложности, Соед. Штаты могутъ выпускать ежедневно по 5.000 ружей и, вооруживъ сразу милліонную армію, въ теченіе года въ состояніи вооружить еще около полутора милліона человѣкъ.

Въ настоящее время въ запасахъ американскаго военнаго министерства находится до 180.000.000 ружейныхъ патроновъ. Кромѣ того, американскіе заводы въ состояніи выпускать до 30.000.000 патроновъ въ недѣлю. До войны они были въ состояніи изготовлять лишь до 10.000.000 патроновъ въ недѣлю, но затѣмъ, вслѣдствіе военныхъ заказовъ изъ Европы, заводы значительно были расширены.

Въ области артиллеріи, дѣла С. Штатовъ обстоятъ хуже. Въ распоряженіи американскаго военнаго министерства въ настоящее время находится всего лишь 45 батарей тяжелой и 150 батарей легкой полевой артиллеріи. Въ каждой батареѣ по четыре орудія, и, въ общей сложности, С. Штаты располагаютъ, слѣдовательно, 780-ю орудіями. По отзывамъ спеціалистовъ, С. Штатамъ нужна чуть ли не въ десять разъ большая артиллерія. Роль артиллеріи въ современномъ бою совершенно исключительна. Въ теченіе всей франко-прусской войны нѣмецкая артиллерія израсходовала 817.000 снарядовъ, а сколько снарядовъ она расходуетъ теперь? Недавно передавали, что на линіи Дунайца германская артиллерія, открывъ ураганный огонь, произвела свыше 700.000 выстрѣловъ за 4 часа: по 470-ти выстрѣловъ изъ 1.500 орудій. По сообщенію отъ 17-го іюня, французы, въ сраженіи подъ Аррасомъ, въ теченіе одного лишь дня, израсходовали 300.000 снарядовъ. Можно представить себѣ, поэтому, какое количество орудій вводится въ современный бой!

С. Штаты подсчитываютъ свои силы и готовятся къ самымъ непріятнымъ неожиданностямъ. Подготовленія идутъ въ живой работѣ всѣхъ общественныхъ силъ, при полной свободѣ освѣщенія и критики. С. Штаты—великая страна! Въ началѣ мая, когда близъ Нью-Іорка стоялъ американскій атлантическій флотъ, мнѣ удалось объѣхать почти всѣ суда. Стояли на якоряхъ великаны-супердредноуты: «Wyoming», спущенный въ 1912 г. и обошедшійся С. Штатамъ около десяти милліоновъ долл.; «Texas», спущенный въ 1914 г. и обошедшійся почти въ одиннадцать милліоновъ долл.; «New-York», «Delaware», «North Dakota» и другіе. Тутъ же были и минные истребители, и крейсера, и флотилія подводныхъ лодокъ. Около двухъ милліоновъ нью-іоркскаго населенія перебывало за эти дни на военныхъ судахъ. Для всѣхъ гражданъ былъ открытъ на суда свободный доступъ. Морскіе офицеры любезно разъясняли посѣтителямъ всѣ хитро-

сти современнаго военно-морского строительства и боевого искусства.

Была прекрасная погода, и послѣ посѣщенія военныхъ судовъ я рѣшилъ пройтись по городу. Въ самомъ центрѣ, на углу шумнаго, богатаго, залитаго огнями Broadway'a, меня остановилъ молодой человѣкъ, очень интеллигентной наружности, и вручилъ мнѣ пачку листочковъ и небольшихъ брошюръ. Оказывается,—воззванія «Церкви соціальной революціи» («Church of the Social Revolution»). Есть въ Нью-Іоркѣ и такая организація... Я принесъ домой эти воззванія вмѣстѣ съ подробнымъ описаніемъ атлантическаго флота. И мнѣ казалось, что въ карманѣ у меня вся Америка: великая демократія, которая всѣ свои силы полагаетъ на свободное, мирное внутреннее развитіе, но въ критическую минуту, для защиты своей независимости, готова на самый страшный, самый отчаянный, самый смертный бой.

Америка—миролюбивая страна; но горе тому, кто безсовѣстно спекулируетъ на ея миролюбіи! Проведена «мобилизація геніальности», собранъ весь цвѣтъ, весь мозгъ страны. И если разрывъ и борьба съ Германіей будутъ неизбѣжны, вокругъ этого мозга сразу же сложится послушное, стальное тѣло. Миролюбіе выродится въ львиную отвагу, а любовь къ свободѣ—въ страстную ненависть къ тиранамъ міра.

А. І. Закъ.

БЫТОВЫЯ ОТРАЖЕНІЯ ВОЙНЫ ВЪ ГЕРМАНІИ.

О бытовыхъ отраженіяхъ войны можно было бы написать цѣлые томы. Трагическое и комическое, второстепенное и важное по слѣдствіямъ подавляютъ наблюдателя обиліемъ матеріала. Приходится довольствоваться изложеніемъ по необходимости отрывочнымъ и пестрымъ, какъ сама жизнь. Школа и техника, суда и доходы, питаніе и газеты, самоубійства, женскій вопросъ, жилищный вопросъ и еще рядъ всякихъ «вопросовъ»—«все промелькнуло передъ нами, все побывало тутъ». Но въ родѣ какъ по правилу большихъ чиселъ—когда набирается много сообщеній изъ самыхъ, казалось бы, разнообразныхъ областей, въ итогѣ получается отчетливое ощущеніе о сдвигѣ всей жизни въ очень опредѣленномъ направленіи. Такъ куча разноцвѣтныхъ камешковъ превращается въ мозаичный узоръ—мѣсто руки мастера занимаютъ вліяніе войны и внутренняя связь явленій въ жизни человѣческаго общества.

I.

...«Пришло время. Мы стоимъ стѣсненные, мужчина около мужчины и женщина около женщины, весь народъ, семьдесятъ милліоновъ, какъ единая рать, и тѣ, что съ оружіемъ, и тѣ, что безъ оружія, на землѣ, на водѣ, въ воздухѣ,—желѣзнымъ крестомъ, кровавымъ крестомъ, противъ востока и сѣвера и запада стоимъ мы стѣсненные—Karree»... Это маленькое стихотвореніе извѣстнаго нѣмецкаго поэта Лиссауэра, написанное еще въ началѣ войны, отлично передаетъ господствовавшее весь годъ въ Германіи настроеніе.

«Мы стоимъ стѣсненные»... Ресторанный завсегдатай, благополучно остающійся дома герой широкой глотки, «воинъ пивного стола», какъ называютъ такихъ въ Германіи,—эта непріятнѣйшая разновидность обывателя бахвалится, справляетъ оргію националистическаго шовинизма, кричитъ о легкости и несомнѣнности побѣды, которую обязаны одержать «unsere brave Jungen». Но страна въ цѣломъ настроена серьезно и выжидательно. Поглощенная болѣе важными думами, она лишь изрѣдка оборветъ патріотствующихъ пивныхъ героевъ, по большей части же не обращаетъ вниманія, вовсе не замѣчаетъ ихъ: не до того. Своеобразные герои тыла пользуются случаемъ—шумятъ, и на фонѣ общей молчаливой и напряженной сосредоточенности ихъ шумъ особенно замѣтенъ, особенно привлекаетъ вниманіе иностранныхъ наблюдателей. Въ результатѣ у читателя заграничныхъ по отношенію къ Германіи газетъ создается иногда совершенно невѣрное представленіе, будто Германія ведетъ войну какъ бы играючи, чуть не съ удовольствіемъ, будто примитивное до наивности культурное состояніе стало общимъ удѣломъ одного изъ главныхъ народовъ міра.

Въ Берлинѣ 28 авг. н. ст. между рейхстагомъ и Siegesallee открылся памятникъ генералу Гинденбургу. Желѣзная фигура въ 12 метровъ вышины—почти какъ восемь человѣкъ, поставленныхъ другъ на друга—увѣковѣчитъ образъ нынѣшняго главнокомандующаго и бывшаго военнаго профессора. Спущенный въ концѣ іюля новый броненосный крейсеръ императоръ Вильгельмъ приказалъ наименовать «Гинденбургъ». Успѣвшаго быть доставленнымъ съ Новой Гвинеи небольшого пушистаго хорошенькаго звѣрка—неизвѣстный доселѣ видъ сумчатыхъ—нѣмецкіе ученые съ согласія открывшаго назвали «Гинденбургомъ». Хвостатый Гинденбургъ помѣщенъ въ зоологическомъ саду въ особой клѣткѣ и «привлекаетъ даже больше вниманія, чѣмъ Мисси», по патріотическому сообщенію репортера (Мисси—извѣстная крупная шимпанзе-самка, любимица бер-

линцевъ). Городъ Zabrze съ 63 тыс. жит. съ разрѣшенія правительства переименовался въ «городъ Hindenburg». Слѣдуя его примѣру весь Забрженскій уѣздъ (въ Силезіи) переименовался въ Гинденбургскій. Крупные города Германіи собрали фондъ болѣе чѣмъ въ 10 милл. мар. и вручили его ученому генералу для расходованія по его усмотрѣнію. Саксонское правительство опубликовало въ своей газетѣ забавный циркуляръ, убѣждающій саксонцевъ не обременять генерала изобиліемъ почтовыхъ открытокъ съ видами: главнокомандующій «не имѣетъ возможности пользоваться своей столовой, которая загромождена открытками почти до потолка», генералъ не имѣетъ возможности получать личныя письма, ибо въ ежедневно доставляемой грудѣ нельзя угадать, какія извѣщаютъ о «провозглашеніи тоста за его здоровье въ такомъ-то ресторанѣ въ присутствіи такихъ-то» и какія содержатъ извѣстія, «болѣе интересующія имѣющаго очень мало времени генерала»—котораго въ виду этого почтоваго потопа саксонскій министръ вн. дѣлъ именуетъ «достойнымъ сожалѣнія».

Пивные герои наименовываютъ рождающихся сыновей Гинденбургами; по газетнымъ сообщеніямъ появилась даже дѣвочка «Hindenburga». Этотъ многочисленный разрядъ обывателей открылъ походъ противъ иностранныхъ словъ и иностранныхъ модъ, проповѣдывалъ обязательное обученіе дѣтей въ школахъ «Пѣсни ненависти противъ Англіи» и заваливалъ войска «патріотическими» открытками съ издѣвательствами въ рисункахъ надъ воюющими противъ Германіи народами. Такія выходки подхватывались и дѣлались достояніемъ міровой печати, а то культурное противодѣйствіе, какое встрѣчала она затѣмъ въ самой Германіи, оставалось обычно неизвѣстнымъ, и отчужденіе и отвращеніе настало въ то время, когда въ Германіи «патріотическія начинанія» указаннаго типа, встрѣтивъ отпоръ съ самаго начала, успѣвали уже обратиться въ объектъ общей насмѣшки. Справедливость требуетъ отмѣтить, что иногда общественное негодованіе противъ «пивныхъ патріотовъ» принуждало даже правительство оффиціально выступать противъ нихъ. Такъ запрещено было изданіе особо оскорбительныхъ открытокъ противъ воюющихъ съ Германіей государствъ, и уже изданныя были конфискованы. Эта мѣра проведена была послѣ ряда протестовъ наиболѣе видныхъ органовъ печати, не только крайнихъ, но и умѣренныхъ, ссылавшихся на недостойный характеръ и нехудожественность подобныхъ открытокъ, и печатавшихъ негодующія письма изъ арміи солдатъ и офицеровъ по поводу ихъ «загрязненія героями пивного стола». Подобно этому попытки распространенія Hassgesang'а и т. п. въ школахъ вызвали протесты

особенно сильные с.-д. печати, не преминувшей указать на лицемѣріе круговъ, особенно покровительствовавшихъ сѣянью вражды къ Англіи, разъ дѣло касается только ихъ самихъ и ихъ интересовъ. Вотъ напр. центральный органъ германской индустріи «Mitteilungen des Kriegsausschusses der deutschen Industrie». Въ передовицѣ онъ призываетъ населеніе къ разрыву всякихъ сношеній съ англичанами—и въ томъ же мартовскомъ номерѣ имѣется объявленіе: «Дѣловыя порученія въ Англію. Хорошо зарекомендованный нейтральный оптовый торговецъ съ хорошими связями въ англійскихъ оффиціальныхъ и дѣловыхъ кругахъ, живущій въ Берлинѣ и постоянно посѣщающій Англію, предлагаетъ заинтересованнымъ выполненіе дѣловыхъ порученій. Подробныя свѣдѣнія сообщаетъ торговое отдѣленіе Военнаго комитета герм. инд.».

Я останавливаюсь на этихъ фактахъ, чтобы объяснить, почему въ «бытовыхъ отраженіяхъ войны» не гонюсь за описаніемъ выступленій патріотическихъ отбросовъ. Для объективнаго сужденія гораздо интереснѣе не желѣзные Гинденбурги и не эксцессы объятыхъ шовинистическимъ угаромъ, а дѣйствительныя перемѣны въ бытѣ большинства, разсматривающаго войну какъ несчастье для Германіи, но несущаго на себѣ въ то же время всѣ ея тяготы—и несущаго пока безъ сопротивленія.

II.

Громадный отливъ мужчинъ на войну внесъ такія измѣненія въ личный составъ германскаго населенія, какія отражаются не только на данномъ состояніи, но и на самомъ естественномъ движеніи его—брачности, рождаемости, смертности.

Если не считать иностранцевъ, идіотовъ, слѣпыхъ, глухонѣмыхъ, арестантовъ и калѣкъ «мирнаго происхожденія», то въ Германіи, считая армію и флотъ, на 1 янв. н. ст. 1915 г. въ возрастѣ отъ 17 до 60 лѣтъ было всего $16^1/_2$ милл. мужчинъ и 17 милл. женщинъ. Не всѣ изъ нихъ принадлежали къ производительному населенію. Въ частности наемныхъ рабочихъ и служащихъ всякаго рода и всѣхъ отраслей, включая домашнюю прислугу и директоровъ фабрикъ, а равно занятыхъ у себя на дому рабочихъ домашней промышленности, числилось въ этомъ возрастѣ (16—70 лѣтъ) всего $11^1/_2$ милл. мужчинъ, или 70% всего мужского населенія этихъ лѣтъ, и почти 5 милл. женщинъ (численность всѣхъ наемныхъ рабочихъ и служащихъ—13.435 тыс. мужч. и 5.840 тыс. женщ.,—считая недостигшихъ 17 лѣтъ и пережившихъ 60).

Изъ всѣхъ рабочихъ и служащихъ мужчинъ въ профессіональ-

ныхъ союзахъ, объединенныхъ руководимой депутатомъ Легиномъ «генеральной комиссіей», къ 1 іюля 1914 г. организовано было 2.300 тыс. мужчинъ, т.-е. 20%, а по отношенію ко всему мужскому населенію 17—60-ти лѣтъ—14% (сверхъ того женщинъ въ легиновскихъ союзахъ 221 тыс., т.-е. менѣе 5% всѣхъ занятыхъ по найму лицъ женскаго пола). Слѣдовательно, величина достаточно крупная, чтобы по ней судить о ходѣ мобилизаціи вообще,—тѣмъ болѣе, что члены союзовъ распредѣлены по всѣмъ мѣстностямъ страны и по всѣмъ профессіямъ. Сводные отчеты «генеральной комиссіи» даютъ точную цифру мобилизованныхъ мужчинъ—членовъ союзовъ (напр. на 1 сент. 1914 г.—27,7%, на 30 янв. 1915 г.—34,7%, на 30 апрѣля н. ст. 1915 г.—41,7% и т. д.). Распространивъ ее на все мужское населеніе, получимъ для іюля н. ст. почти 7.900 тыс. Почти точно та же цифра получается, если исходить изъ данныхъ о количествѣ семей призванныхъ подъ знамена, получающихъ пособія отъ казны и городскихъ думъ. По отчету городской думы собственно Берлина въ іюлѣ н. ст. такихъ семей было тамъ 141,4 тыс. Какъ извѣстно, 9% семей не получаетъ въ Германіи пособій, какъ имѣющія доходъ свыше нормы, дающей право на пособіе. Затѣмъ по даннымъ генер. ком. о милліонѣ мобилизованныхъ среди нихъ имѣется ровно треть безсемейныхъ (остальные оставили дома жену и въ среднемъ болѣе чѣмъ по одному ребенку) [1]). Присчитывая зажиточныхъ и холостыхъ, получимъ для двухмилліоннаго собственно Берлина 232 тыс. мобилизованныхъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, а для всей страны—7.888 тыс. чел., т.-е. почти точное совпаденіе съ выводомъ изъ массовыхъ данныхъ совсѣмъ другого источника—изъ свѣдѣній о числѣ призванныхъ членовъ профессіональныхъ рабоч. союзовъ.

Кромѣ мобилизованныхъ по случаю войны, которыхъ касаются эти цифры, Германія по оффиціальному «Jahrbuch» за 1914 г. имѣла еще 880 тыс. мужчинъ въ составѣ арміи и флота до мобилизаціи (въ томъ числѣ 79,4 тыс.—флотъ). Всего, слѣдовательно, изъ $16^1/_2$ милл. мужчинъ въ возрастѣ отъ 17 до 60 лѣтъ по іюль н. ст., въ Германіи вошло въ составъ военныхъ силъ уже почти $8^3/_4$ милл. чел., т.-е. 53%, цѣлая половина всего «мужского матеріала» страны. Если же взять мужское населеніе только отъ 17 по 45 лѣтъ (ибо лишь оно подлежитъ въ Германіи воинской повинности), то изъ него вошло въ составъ военныхъ силъ уже *ровно двѣ трети*. Таковъ результатъ для Германіи перваго года войны, и въ дальнѣйшемъ, естественно, ей приходится стремиться

1) Изъ этого, кстати, видно, насколько умѣстно „пивные патріоты“ называютъ ихъ „unsere brave Jungen“.

лишь поддерживать, насколько возможно, личный боевой составъ на нынѣшнемъ уровнѣ; для дальнѣйшаго же увеличенія арміи совершенно нѣтъ мѣста.

Конечно, не всѣ призванные находятся въ живыхъ и въ строю. Самъ нѣмецкій штабъ для перваго полугодія войны считаетъ свои среднія мѣсячныя потери въ 60 тысячъ убитыми, 16 тысячъ безнадежными инвалидами, 25 тысячъ плѣнными и 113 тысячъ просто ранеными. Въ іюлѣ военное вѣдомство опубликовало данныя о судьбѣ этихъ раненыхъ, выписанныхъ изъ лазаретовъ за первые 9 мѣсяцевъ войны. За все время умерло 2%, выписано инвалидами 9%, способно вернуться въ строй 88% (послѣдняя цифра по мѣсяцамъ даетъ правильно поднимающійся рядъ, начиная съ 84,8 въ августѣ н. ст. 1914 г. и кончая 91,2 въ апрѣлѣ н. ст. 1915 г.). Замѣна однихъ убитыхъ и умершихъ, инвалидовъ и взятыхъ въ плѣнъ требуетъ, такимъ образомъ, около 115 тыс. чел. въ мѣсяцъ,— а во второмъ полугодіи потери, вѣроятно, увеличились вслѣдствіе увеличенія введенныхъ въ строй массъ и должны составлять соотвѣтственно не менѣе 150 тыс. чел. въ мѣсяцъ, не считая поддающихся полному излѣченію раненыхъ. Если въ Германіи къ началу второго года войны осталось еще до $4^1/_2$ милл. непризванныхъ мужчинъ, то по такому разсчету за второй годъ войны понадобилось бы призвать изъ нихъ еще почти 2 милліона для одного только поддержанія арміи на нынѣшнемъ уровнѣ. Иначе сказать, къ концу второго года въ Германіи осталось бы всего 15% непризванныхъ въ войска изъ всѣхъ мужчинъ въ возрастѣ 17—45 лѣтъ. Понятно, какія глубокія перемѣны вноситъ и еще внесетъ это напряженіе и въ работоспособность и въ естественное движеніе населенія страны. Оно принесло уже зарожденіе двухъ институтовъ: обязательства зачатій и обязательной рабочей повинности.

III.

Отвлеченіе въ армію громаднаго количества мужчинъ повело, естественно, къ пониженію брачности. Въ Берлинѣ въ апрѣлѣ 1915 г. заключено только 1.747 браковъ вмѣсто 2.996 въ апрѣлѣ 1914 г. Сначала война повела, правда, къ чрезвычайному повышенію цифры вѣнчающихся. Въ августѣ 1914 г. въ Берлинѣ обвѣнчалось 5.793 пары вмѣсто 1.309 паръ августа предшествовавшаго года. Но увеличеніе— преимущественно кажущееся: многіе уходившіе на войну сочли необходимымъ обвѣнчаться оффиціально со своими незаконными женами, чтобы обезпечить имъ пособіе изъ казны, которое въ началѣ войны

полагалось только оффиціальнымъ женамъ (позже союзный совѣтъ издалъ рядъ постановленій, которыми пособія предоставлены не только самимъ незаконнымъ женамъ, но и незаконнымъ дѣтямъ незаконныхъ женъ даже въ томъ случаѣ, если они зачаты не ушедшимъ на войну ея незаконнымъ мужемъ). Затѣмъ брачность стала понижаться: въ сентябрѣ—декабрѣ 1914 г. въ Берлинѣ вѣнчалось только 5.835 паръ вмѣсто 8.265 за тѣ же мѣсяцы предшествовавшаго года. То же происходило по всей странѣ.

Уже и раньше въ странѣ происходило постепенное пониженіе рождаемости. Ростъ населенія не замедлялся только по причинѣ параллельнаго уменьшенія смертности. Теперь явилось опасеніе и крутого уменьшенія рождаемости во время войны, и вліянія въ томъ же направленіи ея слѣдствій на рядъ лѣтъ впередъ. Ибо однимъ изъ этихъ слѣдствій должно быть чувствительное уменьшеніе общаго количества здоровыхъ мужчинъ, способныхъ къ вступленію въ бракъ, и повышеніе средняго возраста брачущихся, поскольку рѣчь идетъ о мужчинахъ. Вѣдь если считать невозвратной потерей только убитыхъ и безнадежныхъ инвалидовъ и если принять среднюю цифру потерь только перваго полугодія—и то Германія должна лишиться за 2 года войны 2,14 милл. мужчинъ, т.-е. 16,5 % изъ всего ихъ числа въ возрастѣ отъ 17 до 45 лѣтъ.

Перевѣсъ рожденій надъ смертностью составлялъ, въ 1912 г., во всей Германіи всего 12,7 чел. на тысячу жителей, при чемъ умирало на каждую тысячу 16,4 чел. и рождалось 29,1 [1]). Уменьшеніе рождаемости на двѣ трети вслѣдствіе ухода въ армію двухъ третей способныхъ къ зачатію мужчинъ означало бы уже само по себѣ абсолютное уменьшеніе населенія за 2 года почти на милліонъ человѣкъ. Къ этому надо прибавить еще $1^1/_2$ милл., которые за 2 года должны быть убиты и умереть отъ ранъ (по нормамъ перваго полугодія). Въ итогѣ уже только двухлѣтняя война должна была бы привести къ такому уменьшенію населенія Германіи, которое могло бы быть затѣмъ пополнено только черезъ 5 лѣтъ нормальнаго развитія, ибо и въ годы послѣ войны рождаемость должна уменьшиться на одну шестую (если отбросить убитыхъ и безнадежныхъ инвалидовъ). «А Россія увеличится за эти 7 лѣтъ болѣе чѣмъ на 20 милл. человѣкъ». И нѣмецкіе ученые высчитываютъ, что черезъ одно поко-

---

[1]) Рядомъ съ уменьшеніемъ смертности въ Германіи послѣднее 15-лѣтіе еще быстрѣе уменьшается рождаемость. Въ Пруссіи, напр., съ 1901 г. по 1913 г. на каждую тысячу жителей уменьшились: смертность съ 21,7 до 15,8 случаевъ въ годъ, рождаемость съ 37,4 до 29,0 и перевѣсъ рожденій надъ смертями съ 15,7 до 13,2. Приростъ населенія началъ замедляться уже и до войны.

лѣніе 300-милліонная Россія будетъ противостоять всего 90-милліонной Германіи: разница будетъ въ 210 милл. вмѣсто нынѣшнихъ 110, «и участь Германіи будетъ рѣшена».

Поэтому рожденіе дѣтей объявлено теперь общественнымъ мнѣніемъ патріотическимъ долгомъ [1]), и государство идетъ навстрѣчу этому движенію рядомъ разнообразныхъ предпріятій.

Въ іюлѣ опубликовано постановленіе верховной военной власти о томъ, чтобы въ войскахъ введена была очередь солдатскихъ отпусковъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы всѣ солдаты безъ изъятія въ теченіе года провели дома по двѣ недѣли. При этомъ всѣмъ имъ данъ безплатный проѣздъ по желѣзной дорогѣ въ оба конца. Эти «семейные» отпуски независимы отъ отпусковъ для посѣва и сбора урожая, которые широко давались въ мартѣ н. ст. и которые военное министерство обѣщаетъ давать по возможности и впредь. Дабы совершенно гарантировать успѣхъ «обезпеченія призыва 1935 г.», какъ назвала одна газета все мѣропріятіе, военное начальство воспретило кое-гдѣ продажу средствъ, препятствующихъ возникновенію или содѣйствующихъ прекращенію беременности. Такъ поступилъ, напр., «на основаніи военнаго положенія» начальникъ Ганноверскаго военнаго округа.

Кромѣ командировки мужей, германское правительство озаботилось еще предоставленіемъ женщинамъ денежныхъ средствъ на расходы по родамъ и на содержаніе имѣющихъ появиться дѣтей. Закономъ 25 апрѣля н. ст. 1915 г. союзный совѣтъ ассигновалъ на каждый случай 133 марки самой родильницѣ (она получаетъ ихъ постепенно въ теченіе мѣсяца до родовъ и трехъ мѣсяцевъ послѣ; если сама не кормитъ ребенка грудью, то на 45 мар. меньше). Кромѣ того самъ ребенокъ, отъ кого бы онъ ни родился, если мать законная или незаконная жена солдата, получаетъ отдѣльно отъ государства пособіе въ 6 марокъ въ мѣсяцъ, начиная со дня рожденія, и въ такомъ же размѣрѣ и отъ мѣстнаго самоуправленія. Рожденіе ребенка никоимъ образомъ не приноситъ поэтому съ собой матеріальныхъ лишеній.

Сдѣлавъ главное очередными командировками мужей и назначеніемъ спеціальныхъ пособій, германская власть наткнулась теперь на вопросъ о квартирахъ для семейныхъ. Даже и во время войны многіе домовладѣльцы публикуютъ въ своихъ объявленіяхъ о свободныхъ жилищахъ: «сдается лишь бездѣтнымъ» или «имѣющимъ

---

[1]) Въ Дюссельдорфѣ учрежденъ напр. фондъ въ 100 тысячъ мар. для выдачи въ будущемъ премій матерямъ, которыя будутъ имѣть не менѣе 4-хъ дѣтей.

не болѣе одного ребенка». Между тѣмъ въ Пруссіи по переписи 1 дек. 1910 г. изъ 7.810 тыс. женатыхъ, разведенныхъ и вдовыхъ женщинъ нѣмецкаго происхожденія вовсе не имѣли дѣтей лишь 575 тыс., имѣли 1 ребенка—986 тыс., имѣли 2—4 дѣтей—2.880 тыс., 5—9 дѣтей—2.095 тыс. и 10 и болѣе дѣтей—462 тыс. (изъ нихъ у 789 матерей было болѣе чѣмъ по 20 дѣтей; относительно 810 тыс. матерей число дѣтей неизвѣстно). Требованія жилищной реформы дѣлались все громче передъ войной; даже органъ партіи центра писалъ передъ ея началомъ: «въ области снабженія жилищами необходимо сдѣлать теперь же всю работу, и сдѣлать быстро». Кромѣ трудности достать съ дѣтьми квартиру вообще, трудно было достать ее еще дешево—и вопросъ о постройкѣ государственными и общественными учрежденіями нужнаго количества мелкихъ квартиръ начиналъ выдвигаться все настоятельнѣе. Война принесла въ квартирный вопросъ дальнѣйшее ухудшеніе перспективъ.

Убѣждая женщинъ имѣть больше дѣтей, выдавая имъ для этого пособія и командируя спеціально мужей, надо обезпечить имъ и жилища. Прусскій ландтагъ принялъ выработанную 17 іюня н. ст. его бюджетной комиссіей резолюціею, предлагающую правительству «внести законопроектъ, который особенно развилъ бы строительство мелкихъ жилищъ для предупрежденія соціальныхъ бѣдствій». Въ качествѣ источника средствъ указываютъ прежде всего на свободные капиталы всевозможныхъ страховыхъ учрежденій. Каждое мелкое жилище обходится по Бейстеру въ Германіи среднимъ счетомъ въ 6 тысячъ марокъ. У одной только государственной организаціи по страхованію рабочихъ отъ инвалидности имѣется фондъ свыше 2 милліардовъ марокъ. Изъ него до 1 янв. 1915 г. помѣщено въ постройку мелкихъ рабочихъ квартиръ 532 милл. мар. (изъ нихъ 50 милл. въ 1914 г.) и можетъ быть отпущено еще до милліарда, т.-е. на 150 тысячъ жилищъ сразу. Затѣмъ имперскій министръ финансовъ Гельфферихъ по неопровергнутымъ повторнымъ газетнымъ сообщеніямъ имѣетъ въ виду осуществить государственную монополію обществъ страхованія жизни. Журналъ «Technisches Gemeindeblatt» подсчиталъ, что этимъ путемъ можно будетъ предоставлять на мелкое квартиростроительство до 600 милл. мар. ежегодно изъ накопляющагося фонда премій (считая также ежегодный ростъ фонда госуд. страхованія рабочихъ отъ инвалидности), т.-е. на 100 тысячъ квартиръ въ годъ. Выдвинутый, далѣе, въ послѣднее время проектъ обязать закономъ гипотечные банки и сберегательныя кассы направлять въ это же дѣло часть своихъ средствъ обезпечилъ бы ежегодное строительство еще 50 тысячъ квартиръ. Принимая во вниманіе еще частное строительство, этого всего хватило бы для

покрытія ежегодной потребности въ мелкихъ жилищахъ; для одновременнаго же устраненія предвидимаго недостатка «союзъ германскихъ городовъ» проситъ правительство заботами государства предоставить къ окончанію войны нужныя громадныя суммы («хотя бы изъ контрибуціи»—нѣсколько преждевременное распредѣленіе еще необезпеченнаго источника). Во второй половинѣ марта образовался особый «центральный комитетъ по созданію жилищъ для участниковъ войны» во главѣ съ извѣстнымъ пропагандистомъ земельной реформы Ад. Дамашке. Комитетъ ставитъ своей цѣлью проведеніе закона о постройкѣ двухъ милліоновъ небольшихъ домиковъ (съ огородомъ при нихъ) для раздачи въ непрерывную аренду по особо дешевымъ цѣнамъ желающимъ изъ числа участниковъ войны. За первые три мѣсяца къ комитету примкнуло уже свыше тысячи всевозможныхъ организацій (среди нихъ есть и пользующіяся немалымъ вліяніемъ), и агитація комитета имѣетъ, по газетнымъ сообщеніямъ, особый успѣхъ въ войскахъ. Штабный врачъ Георгъ Бонне сообщаетъ напр. въ «Soziale Praxis» отъ 29 апрѣля о бесѣдахъ своихъ съ 800 раненыхъ (половина—жители деревень, половина—горные и фабричные рабочіе изъ городовъ). Всѣ требуютъ по его словамъ «хотя бы одинъ моргенъ (около 1/5 десятины) земли, за которую мы пролили свою кровь», требуютъ «свой собственный домашній очагъ рядомъ съ тѣми, какихъ мы не дали потушить».—«Довольно съ насъ угловъ (Schlafstelle) городскихъ ночлежекъ», прибавляютъ холостые, «послѣ войны заведемъ собственную семью».

Городскія ночлежки между прочимъ не могутъ пожаловаться на переполненіе во время войны. Въ Берлинѣ, напр., за первое мирное полугодіе 1914 г. въ нихъ переночевало 647 тыс. чел., а за первое военное полугодіе 1915 г., почти въ 6 разъ меньше—112 тысячъ. Количество женщинъ, составлявшее раньше, впрочемъ, всего 1%, абсолютно не сократилось почти и теперь, все уменьшеніе приходится на мужчинъ—этими учрежденіями пользуются преимущественно наиболѣе бѣдные, и потому холостые элементы. Въ началѣ войны они могли дать, безъ сомнѣнія, особенно много добровольцевъ. Отчасти, можетъ быть, сказываются результаты недостатка обычныхъ рабочихъ рукъ. Въ индустріи, по отчету «Reichsarbeitsblatt» за іюнь, процентъ безработныхъ мужчинъ уже значительно ниже нормы того же, еще мирнаго, мѣсяца предшествовавшаго года, составивъ къ 1 іюля н. ст. 1915 г. уже только 1,4 съ каждой сотни членовъ профессіональныхъ союзовъ, поставляющихъ матеріалъ для этой регистраціи. Оставшаяся безъ лучшихъ работниковъ индустрія подняла чернорабочихъ изъ ночлежекъ на лучше оплачиваемыя должности и вывела ихъ этимъ изъ ночлежекъ.

IV.

Какъ упоминалось уже, къ концу перваго года войны въ Германіи находилось подъ знаменами (или было убито, въ плѣну, излѣчено) цѣлыхъ 53% всего работоспособнаго мужского населенія, считая его отъ 17-ти до 60 лѣтъ. Не сразу создалось такое положеніе. Слѣдуя даннымъ о числѣ мобилизованныхъ членовъ союзовъ и о числѣ получающихъ пособія семействъ, къ концу перваго мѣсяца войны общее количество находящихся подъ ружьемъ, считая и обычный составъ арміи и флота, составляло лишь около 5 милл. человѣкъ (очень значительная часть ихъ находилась, разумѣется, въ лагеряхъ внутри страны, какъ и все время войны). Дополнительными мобилизаціями въ слѣдующіе 5 мѣсяцевъ призывалось приблизительно по 211 тыс. чел. ежемѣсячно, въ дальнѣйшіе 3 мѣсяца—уже по 420 тыс., и въ маѣ и въ іюнѣ н. ст.—болѣе чѣмъ по полумилліону. Постепенное и все усиливавшееся истощеніе рабочихъ силъ страны повело сначала къ исчезновенію безработицы: процентъ безработныхъ мужчинъ уменьшился въ четыре раза съ конца августа по конецъ января, и затѣмъ опять въ четыре раза уже противъ этой послѣдней величины съ конца января по конецъ іюня. Уменьшился значительно процентъ безработныхъ и среди женщинъ: ими стали замѣщать вакансіи, освобождавшіяся призывомъ мужчинъ въ войска. По своднымъ отчетамъ германскихъ больничныхъ кассъ съ 1 декабря 1914 г. по 1 іюля н. ст. 1915 г. число всѣхъ занятыхъ рабочихъ-мужчинъ уменьшилось на 61 съ каждой тысячи мужчинъ, а число женщинъ-работницъ увеличилось на 102 на каждую ихъ тысячу. Если принять во вниманіе мобилизованныхъ, безработныхъ и всѣ эти перемѣны, то къ 1 іюля н. ст. 1915 г. въ Германіи на каждыхъ 10 работницъ приходилось только 13 мужчинъ-рабочихъ. Между тѣмъ всего годъ назадъ, передъ самой почти войной, 1 іюля 1914 г. на каждыхъ 10 работницъ приходилось цѣлыхъ 24 мужчинъ-рабочихъ. Вся работа Германіи внутри страны уже почти на половину покоится на женскихъ плечахъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе къ отягощенію женщинъ измѣняется это соотношеніе.

Особенно подробно останавливаться на этомъ слѣдствіи войны не приходится, ибо и въ Россіи достаточно замѣтно усиленіе женскаго труда. Въ нѣкоторыхъ органахъ германской печати нерѣдко высказываются теперь сожалѣнія по поводу «хищническаго разрушительнаго хозяйства», какое принуждено теперь въ усиленной степени вести общество умноженнымъ отягченіемъ женскаго организма всевозможными, доселѣ чуждыми ему работами. Въ Берлинѣ

женщины много работаютъ теперь въ производствѣ сѣделъ, обуви, военныхъ касокъ, кожанныхъ сумокъ, въ конфекціонныхъ заведеніяхъ мужской одежды, какъ кондукторы и вагоновожатые трамвая (къ іюню 2 тысячи изъ 9 тысячъ и въ іюнѣ учреждено еще 5 школъ), даже какъ носильщики тяжестей, кучера, гладильщики, чистильщики оконъ многоэтажныхъ домовъ, велосипедисты для развозки покупокъ изъ магазиновъ, конюхи, вмѣсто мальчиковъ на лифтахъ, портье, въ качествѣ регистраторовъ городской думы, подсобными рабочими на военныхъ заводахъ и т. д. Газеты хвалятъ выдержанность и достоинство, съ какими ведутъ себя новоиспеченныя трамвайныя и прочія служащія, а юмористическіе журналы разсказываютъ исторіи о лицахъ, непрерывно подымающихся и опускающихся въ лифтахъ въ виду наличности хорошенькихъ управительницъ (Kriegsfahrstuhlführerin).

Отовсюду идутъ жалобы на оплату «военнаго труда» женщинъ ниже обычныхъ мужскихъ нормъ. Нѣжная рука «военной управительницы лифта» подымаетъ публику изъ этажа въ этажъ огромныхъ берлинскихъ универсальныхъ магазиновъ точно такъ, какъ это дѣлали раньше молодые мужчины. Но дѣвушка получаетъ теперь за ту же самую работу на 40% меньше (Vorwärts, № 119 за 1915 г.). Даже казенныя учрежденія, почта и желѣзныя дороги хуже оплачиваютъ женщинъ, чѣмъ замѣщенныхъ ими ихъ же мужей (вообще широко развилась практика, согласно которой мѣсто мобилизованнаго мужа предоставляется женѣ—даже въ профессіональныхъ союзахъ во многихъ случаяхъ, какъ сообщаютъ изъ Нюрнберга и изъ другихъ мѣстъ, должности секретарей отдѣловъ, кассировъ и т. п. переданы женамъ мобилизованныхъ должностныхъ лицъ союза).

Истощеніе и ослабленіе женскаго организма неминуемо должно сказаться въ будущемъ на состояніи здоровья потомства, да и на самихъ женщинахъ, на среднемъ уровнѣ германской работоспособности вообще. На желѣзной дорогѣ въ Ваннзее (около Берлина), въ Фриденау и т. д. женщины заняты земляными работами. Какъ почтальоны, онѣ часъ за часомъ ходятъ по безконечнымъ берлинскимъ лѣстницамъ, во всякую погоду мотаясь по улицамъ. Еще, пожалуй, хуже приходится въ отдѣленіяхъ «полевой почты», принимающей почтовыя отправленія въ армію. Здѣсь всю работу приходится дѣлать стоя, какъ по необходимости дѣлать отмѣтки въ разныхъ книгахъ и справляться съ очень большимъ количествомъ писемъ. По только-что вышедшему отчету за первый годъ дѣятельности «полевой почты», въ 23 сборныхъ пунктахъ ея сортировки и отправки занято было къ концу іюля н. ст. 14 тысячъ человѣкъ. За весь

годъ отправлено въ армію 2.400 милліоновъ писемъ и получено оттуда 1.600 милліоновъ. Постепенно повышаясь, количество отправляемыхъ въ армію почтовыхъ мѣшковъ съ письмами достигло къ концу іюля н. ст. 45 тысячъ ежедневно, вѣсомъ въ полтора милліона килограммовъ (почти сто тысячъ пудовъ въ день). Для отправки ихъ кромѣ вагоновъ служатъ еще 800 военно-почтовыхъ автомобилей. Для сравненія можно сказать, что въ войну 1870—71 г. съ 15 іюля по конецъ марта полевой почтой было доставлено всего 104 милл. писемъ, въ 40 разъ меньше нынѣшняго, и на каждаго служащаго «полевой почты» приходится теперь въ 14 разъ больше почтовыхъ отправленій, чѣмъ тогда;—настолько повысилась за эти 45 лѣтъ производительность труда и техника почтоваго дѣла.

Главная часть этой гражданской работы выполняется женщинами—и на плохихъ условіяхъ, какъ полагаютъ заинтересованные круги. Дѣвицы должны работать на почтѣ отъ $7^1/_2$ утра до 3 ч. дня, въ экстренныхъ случаяхъ до 5 часовъ. За все время полагается только одинъ перерывъ въ 15 минутъ. По воскресеньямъ работа отъ 8 утра до часу дня, каждое третье воскресенье свободно. За все это полагается мѣсячная плата, смотря по разряду работницы, отъ 58 до 80 марокъ (27—37 руб. въ мѣсяцъ, т.-е. ниже обычнаго заработка средняго фабричнаго рабочаго Германіи).

Ставшая тяжелѣе обычнаго, плохо оплачиваемая и захватившая болѣе широкіе круги работа женщинъ обѣщаетъ, такимъ образомъ, не только понизить состояніе здоровья націи въ будущемъ, но и ухудшить положеніе рабочихъ-мужчинъ послѣ войны. Разъ пониженныя расцѣнки не такъ-то легко будетъ поднять потомъ вновь, особенно если нѣкоторыя учрежденія вообще пожелали бы удержать женскій трудъ вмѣсто мужского. Для устраненія этой опасности центры союзныхъ организацій профессіональныхъ рабочихъ союзовъ всѣхъ направленій обратились въ маѣ къ имперскому правительству. Замѣститель канцлера созвалъ совѣщаніе представителей всѣхъ центральныхъ организацій предпринимателей, съ участіемъ представителей рабочихъ. На этомъ совѣщаніи предприниматели обязались принять послѣ войны обратно на ихъ мѣста мобилизованныхъ нынѣ рабочихъ и служащихъ, и предпринимательскія организаціи подтвердили затѣмъ это важное обязательство особымъ заявленіемъ въ газетахъ за своими подписями. Заключено было затѣмъ въ іюнѣ и особое соглашеніе относительно выздоровѣвшихъ отъ ранъ, но потерявшихъ часть своей трудоспособности рабочихъ, не являющихся полными инвалидами, могущихъ заниматься еще промышленнымъ трудомъ, но непригодныхъ уже къ военной службѣ и получающихъ поэтому пожизненно военную пенсію. Предприниматели

въ лицѣ всѣхъ своихъ союзовъ обязались, во-первыхъ, не засчитывать имъ пенсію въ заработную плату, во-вторыхъ, принимать на прежнія мѣста, а поскольку это возможно по характеру ихъ инвалидности—на другія мѣста въ той же профессіи и отрасли промышленности, а при совершенной непригодности къ прежней профессіи—обучить ихъ другому занятію и дать соотвѣтственное мѣсто. Въ берлинской металлической индустріи образовался уже, наприм., комитетъ изъ равнаго количества представителей союзовъ рабочихъ и союзовъ хозяевъ. Этому комитету, по взаимному соглашенію обѣихъ сторонъ, предоставленъ контроль надъ возвращеніемъ къ работѣ частичныхъ инвалидовъ и окончательное разрѣшеніе всѣхъ разногласій относительно размѣра ихъ заработной платы. Военное министерство выпустило между прочимъ спеціальное воззваніе къ ранемымъ, которое выдается всякому изъ нихъ въ лазаретахъ. Воззваніе проситъ раненыхъ не падать духомъ, приводитъ примѣры и доказательства, что при современномъ состояніи медицины даже потеря рукъ или ногъ не дѣлаетъ абсолютно неработоспособнымъ [1]), обѣщаетъ, что государство приметъ всѣ мѣры для возстановленія возможной работоспособности каждаго пострадавшаго, снабдитъ ихъ безплатно искусственными членами и обучитъ новымъ занятіямъ неспособныхъ къ прежнимъ (занятія найдутся даже для слѣпыхъ) и независимо отъ этого будетъ пожизненно выдавать пенсію (рядовому солдату 558 марокъ въ годъ при потерѣ уже 10% трудоспособности и, затѣмъ, больше—до 1.348 мар. въ годъ при полной потерѣ трудоспособности); сообщается также объ обязательствѣ союзовъ предпринимателей предоставить имъ мѣста, по возможности прежнія, и о мѣрахъ для обезпеченія непониженія имъ заработной платы отъ одного только факта полученія пенсіи. Воззваніе проситъ раненыхъ довѣриться заботливости благодарнаго отечества и со спокойной душой отдаться дѣлу своего исцѣленія.

Безъ сомнѣнія, гораздо большія заботы о будущемъ раненыхъ, чѣмъ какія имѣли мѣсто въ 1871 г., объясняются не только общимъ ростомъ культурности и требовательности населенія, но и желаніемъ, используя даже не вполнѣ трудоспособныхъ, ослабить тѣмъ грядущій недостатокъ рабочихъ силъ,—вѣдь даже послѣ двухлѣтней только войны страна лишится убитыми и безнадежными инвалидами 16% всѣхъ мужчинъ въ возрастѣ отъ 17 до 45 лѣтъ. Ничего подобнаго не ожидалось въ войну 1870—71 г.г.

---

[1]) На дачѣ, гдѣ я живу, крестьянинъ съ придѣланными къ обрубкамъ обѣихъ рукъ крючками и лопатками самъ обрабатываетъ свой огородъ съ быстротой, не многимъ уступающей сосѣдямъ.

Такимъ образомъ, въ будущемъ женщины должны будутъ, по крайней мѣрѣ въ фабрично-заводскихъ предпріятіяхъ, опять уступить мѣсто мужчинамъ, отчасти раненымъ. Хуже въ мелкихъ заведеніяхъ, торговыхъ и ремесленныхъ, гдѣ ожидаютъ упроченія дешеваго женскаго труда, — долженъ же онъ гдѣ-нибудь осѣсть прочно вмѣсто тѣхъ мужчинъ, которые будутъ не доставать, и естественно, его упроченіе въ наиболѣе плохо поставленныхъ и въ наиболѣе дурно оплачиваемыхъ предпріятіяхъ. Уже теперь можно видѣть постановленія въ родѣ рѣшенія союза владѣльцевъ кондитерскихъ Gross-Berlin'а отъ 8 іюня н. ст.: не ставить впредь мужчинъ въ качествѣ продавцовъ въ кондитерскихъ, а исключительно «молодыхъ дѣвушекъ», ибо мужчинъ гонитъ въ продавцы «частью тщеславіе фигурировать предъ публикой при отсутствіи хозяина въ роли руководителя заведеніемъ, частью стремленіе обезпечить себѣ обильный побочный источникъ дохода полученіемъ Trinkgeld'а». Всѣхъ мужчинъ рекомендуется, вмѣсто этого, перевести въ пекарни для изготовленія кондитерскихъ произведеній — въ виду того, что «уже до войны чувствовался недостатокъ въ мужскихъ силахъ въ этомъ дѣлѣ». Или вотъ 6 іюня н. ст. очень распространенный органъ мелкой прессы «Berliner Zeitung am Mittag» съ ужасомъ увѣряетъ, будто парикмахерскихъ подмастерьевъ не только хозяевамъ, но и клiентамъ приходится величать теперь «господинъ» и по фамиліи—«ибо заказчиковъ въ Берлинѣ милліонъ, а парикмахерскихъ подмастерій осталось двѣ дюжины». Въ связи съ этимъ начинается непринятое доселѣ въ Германіи проникновеніе женскаго труда въ парикмахерскія по скандинавскому образцу. Въ Скандинавіи онъ утвердился здѣсь, какъ и въ баняхъ, по сходной причинѣ: при 10 милліонахъ населенія трехъ сѣверныхъ государствъ цѣлыхъ 4 милліона выходцевъ изъ нихъ живетъ въ Сѣверной Америкѣ — эмигрируютъ главнымъ образомъ мужчины, и потому въ хуже оплачиваемыхъ отрасляхъ мужскія руки замѣняются женскими...

Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ занятій приливъ свѣжихъ женскихъ силъ совершенно измѣнилъ репутацію женщинъ данной профессіи. Въ маѣ берлинскія газеты нѣсколько разъ возвращались по этому поводу къ кельнершамъ, вѣроятно, по случаю начала оживленнаго посѣщенія кафе и ресторановъ съ расцвѣтомъ весны. Раньше кафе съ женскимъ персоналомъ, общепринятое, напр., въ Мюнхенѣ, въ Берлинѣ считалось учрежденіемъ весьма легкомысленнаго тона, служившимъ не столько отдыху, чтенію газетъ и закусыванію, сколько увеселеніямъ съ прислуживавшими дѣвицами. Большинство подобныхъ учрежденій—многочисленныхъ въ Берлинѣ «какъ песокъ морской»—держало поэтому до войны исключительно мужчинъ кельнеровъ. Съ

призывомъ на войну одной части и съ уходомъ на лучше оплачиваемыя должности другой части кельнеровъ, большинство мѣстъ замѣнено повсюду дѣвицами, вышедшими непосредственно изъ нѣдръ семьи (по случаю ухода на войну отца или молодого мужа), воспитанными и держащими себя совершенно не въ духѣ кельнершъ прежняго типа. Какъ сообщалъ «Vorw.», онѣ почти всегда ставятъ условіемъ, чтобы обязанности ихъ ограничены были услуживаніемъ посѣтителямъ безъ готовности служить «объектомъ развлеченія»—и взаимныя отношенія публики и служащихъ въ кафе и ресторанахъ значительно измѣнились теперь.

Война принесла женщинамъ въ Германіи все, что угодно, но только не увеличеніе пріятности и легкости жизни. Оцѣнивая значеніе ихъ усиленной работы въ настоящее время для самаго поддержанія существованія страны, общественное мнѣніе и правительственные круги обѣщаютъ наградить ихъ впослѣдствіи уравненіемъ съ мужчинами. Для прежней оффиціальной германской идеологіи съ ея заповѣдью «мѣсто женщины въ кухнѣ, въ церкви и въ дѣтской» неслыханное новшество представляютъ собой произнесенныя въ іюнѣ н. ст. на публичномъ собраніи слова бывшаго министра колоній и нынѣшняго приближеннаго императора, статсъ-секретаря Дернбурга: «Нѣмецкая женщина призвана послѣ войны играть значительную политическую роль и по всей вѣроятности она получитъ избирательное право. Отечество не забудетъ великихъ заслугъ женщинъ въ нынѣшнюю войну и трудъ ихъ для общаго блага и вознаградитъ ихъ. Эта награда должна состоять въ политическомъ равноправіи. Я могу опредѣленно предсказать (bestimmt voraussagen), что женское избирательное право въ Германіи придетъ безъ борьбы».

Другой сановникъ, одинъ изъ довѣренныхъ канцлера, нѣкій тайный совѣтникъ Мейеръ-Гергардтъ, выразился по этому поводу такъ: «Женщина вообще показала себя равной мужчинѣ. Ея вѣрная работа во время войны высоко цѣнится въ Германіи и принесетъ свои плоды, а именно дастъ женщинамъ избирательное право, и при томъ при поддержкѣ государства (mit Unterstützung des Staates)».

Конечно, нельзя пока предсказать, насколько все это будетъ выполнено, но ужъ и само появленіе подобныхъ разговоровъ въ подобныхъ кругахъ — достаточно характерное «бытовое отраженіе» войны. Слишкомъ тяжелымъ бременемъ легла она на нѣмецкую женщину, и печальными послѣдствіями грозитъ это бремя всему будущему состоянію націи въ ближайшіе годы—можетъ быть, поэтому изъ среды женщинъ особенно рѣзко раздаются въ Германіи голоса протеста, начиная съ противовоенныхъ женскихъ демонстрацій 18 марта и 28 мая н. ст. передъ зданіемъ рейхстага и кончая аре-

стомъ Клары Цеткинъ въ концѣ іюля по обвиненію въ распространеніи противовоенной резолюціи, принятой по ея предложенію на послѣдней Международной конференціи женщинъ-работницъ въ Бернѣ. Изъ трехъ виднѣйшихъ представительницъ женскаго движенія въ Германіи остается на свободѣ лишь одна Луиза Цицъ. Роза Люксембургъ сидитъ въ тюрьмѣ уже нѣсколько мѣсяцевъ «за оскорбленіе арміи» разоблаченіемъ насилій надъ солдатами въ казармахъ.

V.

Отсутствіе обычнаго количества рабочихъ рукъ обострялось еще усиленнымъ отвлеченіемъ ихъ для военныхъ цѣлей. Одна, напр., берлинская центральная биржа труда поставила 70 тысячъ рабочихъ для земляныхъ работъ на границѣ. Много рабочихъ потребовала постройка и эксплоатація желѣзныхъ дорогъ и желѣзнодорожныхъ приспособленій внѣ Германіи. По отчету за первые 8 мѣсяцевъ войны нѣмцами построено на театрѣ военныхъ дѣйствій 104 болѣе крупныхъ мостовъ, не считая мелкихъ, возстановлено 8 туннелей, перестроено и расширено 160 вокзаловъ и передано эксплоатаціи 14 новыхъ ширококолейныхъ дорогъ, не считая короткихъ подъѣздныхъ путей и узкоколеекъ. Возстановлено 8.270 километровъ испорченныхъ желѣзныхъ дорогъ и находилось въ постройкѣ къ 1 мая н. ст. 415 килом., возстановлено 1.200 ж. д. станцій, 350 электрическихъ станцій, 5 газовыхъ, 180 ж.-д. и машинныхъ мастерскихъ, устроено вдоль ж.-д. линій за границей 135 крупныхъ общежитій для ж.-д. персонала, 130 бань, 20 учрежденій для обеззараживанья, 35 продовольственныхъ пунктовъ, 30 «Erfrischungsstellen» Краснаго Креста и т. д. Понятно, сколько это отвлекало работниковъ извнутри страны [1]). Стоитъ еще упомянуть, что изъ всей полевой площади занятой части Франціи и Бельгіи нѣмцами было вспахано и засѣяно 80%, хотя, главнымъ образомъ, самими же солдатами (докладъ министра сельскаго хозяйства прусскому ландтагу). Все же при прибывшихъ изъ Германіи сельскохозяйственныхъ машинахъ находилось немало управлявшихъ ими рабочихъ. Въ Бельгію для организаціи производства снарядовъ на бельгійскихъ заводахъ, для устройства базы подводныхъ лодокъ и т. д. послано было столько нѣмецкихъ рабочихъ, что для нихъ учреждены тамъ особыя больничныя кассы по дѣйствующему въ Германіи закону. Нѣмецкими же

[1]) По оффиціальному отчету, при эксплоатаціи однѣхъ только бельгійскихъ желѣзныхъ дорогъ занято теперь 45 тысячъ нѣмецкихъ желѣзнодорожныхъ служащихъ.

силами произведена переработка на французскихъ сахарныхъ заводахъ (сосредоточенныхъ какъ разъ въ занятой области) очень большихъ количествъ мѣстной свекловицы въ кормъ для скота, равно разборка и вывозка въ Германію болѣе чѣмъ на милліардъ марокъ всевозможныхъ сырыхъ матеріаловъ (хлопокъ и т. п.), лишь теперь заканчивающаяся.

Все это дополнительное отвлеченіе рабочихъ силъ изъ страны лишь въ небольшой степени замѣщалось трудомъ плѣнныхъ. Въ самихъ плѣнныхъ недостатка, правда, не было. По отчету главнаго штаба на 1 августа н. ст. 1915 г. всего за первый годъ войны было взято Германіей въ плѣнъ 1.058.869 человѣкъ (Австрія взяла значительно меньше—лишь 636.534 чел., при этомъ по сообщенію гл. штаба крупная часть ихъ взята нѣмцами и лишь помѣщена въ Австріи). Но изъ всего этого крупнаго количества занято было въ Германіи на работахъ къ 1 августа лишь 40 тыс. чел., а остальные находились въ концентраціонныхъ лагеряхъ, лазаретныхъ и этапахъ [1]). Очевидно, не хватаетъ людей для возможности управлять организаціей работъ не для 40, а хотя бы для 400 тыс. плѣнныхъ—въ мѣстѣ для приложенія нѣтъ недостатка, взять хотя бы осушеніе болотистыхъ полей, которыхъ имѣется въ Германіи свыше милліона гектаровъ. Весной эти работы велись плѣнными даже въ болѣе широкомъ масштабѣ, чѣмъ теперь, тогда было ихъ занято 70 тыс. чел.

Другимъ источникомъ покрытія потребности въ рабочихъ силахъ служатъ удержанные при началѣ войны русско-подданные сельскохозяйственные рабочіе и, затѣмъ, привезенные весной и лѣтомъ изъ Польши. Но, первыхъ всего около 40 тыс. душъ, а послѣднихъ хотя вывезено уже до полумилліона (Гинденбургъ издалъ особыя правила о переходѣ навербованными нѣмецкими агентами рабочими границы безъ паспортовъ, лишь съ принудительнымъ освобожденіемъ отъ насѣкомыхъ «gründlich und sachgemäss»), но они замѣнили лишь выѣхавшихъ иностранцевъ (особенно мобилизованныхъ австрійцевъ) и не представляютъ собой чистаго выигрыша. Въ смыслѣ сбиванія заработной платы привезенные изъ Польши рабочіе, повидимому, не особенно опасны—рѣчь идетъ о людяхъ, уже у себя дома привыкшихъ къ профессіональной борьбѣ. Въ газетахъ встрѣчаются иногда свѣдѣнія въ родѣ такого: въ началѣ іюня забастовали въ угольной копи въ Вальденбургѣ, въ Нижней Силезіи 100 русскихъ рабочихъ, выписанныхъ изъ Лодзи. При наймѣ въ Польшѣ имъ обѣщано было

---

1) Изъ всѣхъ австро-германскихъ плѣнныхъ по отчету штаба приходилось на сербовъ почти 50 тыс. чел., бельгійцевъ 41 тыс. чел., англичанъ 24 тыс. чел. и французовъ 255 тыс. чел.

6 марокъ въ день (обычная плата углекопу въ этомъ районѣ 5 мар.), но при первой же расплатѣ управленіе копи разочлось по низшей расцѣнкѣ. Послѣ двухдневной забастовки рабочимъ сдѣланы были уступки.

Плѣнные работаютъ, главнымъ образомъ, по осушкѣ болотъ и въ сельскомъ хозяйствѣ. Нѣкоторое количество французовъ и бельгійцевъ, бывшихъ по профессіи углекопами и на родинѣ, заняты въ копяхъ Рурскаго бассейна. По требованію нѣмецкихъ профессіональныхъ союзовъ горнорабочихъ, эти плѣнные получаютъ ту же заработную плату, какъ и нѣмецкіе углекопы, и работаютъ столько же часовъ,—иначе углекопы не соглашались допустить трудъ плѣнныхъ въ копяхъ. Плѣнные оцѣнили эту защиту, и у нихъ установились съ нѣмецкими углекопами хорошія отношенія. Печать зарегистрировала цѣлый рядъ случаевъ, когда плѣнные, напр., съ опасностью жизни добровольно бросались въ воду вытаскивать случайно упавшихъ туда дѣтей (несчастные случаи съ дѣтьми участились вслѣдствіе уменьшенія призора).

Такимъ образомъ, въ конечномъ итогѣ Германія обходится пока лишь собственными силами (только одни хъ иностранцевъ замѣнили другіе). Если принять во вниманіе, что 880 тыс. мирнаго состава арміи и флота не были заняты производительной работой и до войны, что трудъ прибывшихъ изъ Польши и плѣнныхъ замѣнилъ 400 тысячъ мужчинъ-иностранцевъ въ возрастѣ отъ 17 до 60 лѣтъ, выѣхавшихъ или интернированныхъ за годъ войны,—то и за всѣмъ этимъ количество работоспособныхъ лицъ, если считать вмѣстѣ мужчинъ и женщинъ въ возрастѣ отъ 17 до 60 лѣтъ, уменьшилось къ концу іюля н. ст. уже на 23,6% всего ихъ количества въ мирное время (на 8 милл. чел.) Конечно, до войны въ Германіи работали далеко не всѣ работоспособные люди. Еще перепись 1907 г. насчитала 3.405 тыс. чел. «самостоятельныхъ безъ занятій, въ томъ числѣ рантье» (изъ нихъ 1.618 тыс. мужчинъ), не считая членовъ ихъ семействъ. Конечно, среди нихъ немало неспособныхъ къ серьезному труду пенсіонеровъ и мобилизованныхъ, но все же не менѣе милліона мужчинъ и женщинъ вполнѣ работоспособныхъ, какъ полагаютъ, можно было бы привлечь къ дѣлу, если бы обязать ихъ работать, несмотря на наличность у нихъ достаточныхъ доходовъ и безъ труда. Затѣмъ, имѣетъ значеніе и то, что пятая часть германской промышленности работаетъ обычно на вывозъ, который въ первое полугодіе войны сократился до половины нормы, во второе—до четверти,—и врядъ ли удержится и на этомъ уровнѣ. Это даетъ возможность сократить запасъ рабочихъ силъ не менѣе, чѣмъ на 15% безъ ущерба для поддержанія элементарнаго существованія страны. Кое-

что даетъ усиленное привлеченіе въ деревнѣ къ работамъ дѣтей, не достигшихъ 17 лѣтъ;—съ этою цѣлью въ Пруссіи, напр., въ сельскихъ мѣстностяхъ дѣтямъ разрѣшено не посѣщать школу въ лѣтнее полугодіе по мѣрѣ надобности, и каникулы подогнаны къ страдѣ въ каждой провинціи соотвѣтственно времени уборки хлѣба. Такъ какъ на сельскія мѣстности (общины до 2 тыс. жит.) приходится почти 40% населенія, то это равносильно возможности привлеченія свыше двухъ милліоновъ малолѣтокъ въ возрастѣ 12—16 лѣтъ, которые вмѣстѣ, пожалуй, замѣнили бы до полумилліона взрослыхъ (считая пятерыхъ за одного). Наконецъ, имѣетъ значеніе еще повышеніе интенсивности труда оставшихся рабочихъ—по патріотическимъ соображеніямъ. Что этотъ факторъ пріобрѣлъ въ Германіи важное значеніе, видно, напр., изъ данныхъ о добычѣ бураго угля на голову углекопа въ округахъ Halle и Bonn,—гдѣ между прочимъ за этотъ промежутокъ совсѣмъ не имѣло мѣста повышеніе заработной платы и не было удлиненія рабочаго дня, стало быть, на-лицо ростъ интенсивности по безкорыстному желанію рабочихъ увеличить снабженіе Германіи углемъ, о необходимости чего все время твердила пресса, пока добыча угля не дошла, наконецъ, теперь до трехъ четвертей нормы мирнаго времени, что признается достаточнымъ. Для сравненія взяты «мирная» вторая четверть и «военная» четвертая четверть 1914 г. Средній дневной заработокъ за это время въ галльскомъ округѣ уменьшился съ 3 мар. 74 пф. до 3 мар. 73 пф. и въ боннскомъ округѣ съ 4 мар. 25 пф. до 4 мар. 20 пф. Между тѣмъ добыча угля на человѣка составила въ галльскомъ округѣ за всю вторую четверть 254 тонны, а за четвертую—335. Для боннскаго округа тѣ же цифры 400 и 464. Увеличеніе производительности составляетъ не менѣе 15%.

При помощи всѣхъ этихъ средствъ (кромѣ только принудительнаго привлеченія къ труду рентьеровъ и неработающихъ еще женщинъ) Германія въ общемъ еще обезпечивала себѣ потребныя ей внутри страны рабочія силы. Легко видѣть однако, что теперь стихійно вдвигавшіеся въ работу резервы уже использованы. Сейчасъ работаетъ уже столько же женщинъ, какъ и до войны, процентъ безработныхъ среди мужчинъ упалъ до 1, 4. При дальнѣйшихъ мобилизаціяхъ надо будетъ ввести принудительную работу для рентьеровъ и неработающихъ еще женщинъ (какъ увидимъ, общественная мысль уже занимается обѣими этими проблемами) и продолжать сокращеніе и запрещеніе тѣхъ отраслей труда, безъ которыхъ страна въ крайнемъ случаѣ можетъ обойтись, начало чему уже положено.

Послѣднее явленіе наложило уже замѣтную печать на всю

бытовую обстановку, на характеръ и размѣры удовлетворенія обычныхъ потребностей. Соображенія о томъ, безъ чего можно обойтись, переплелись съ сокращеніемъ запасовъ сырыхъ матеріаловъ для нѣкоторыхъ отраслей индустріи. Съ одной стороны, наступило царство суррогатовъ, съ другой послѣдовалъ, особенно въ іюлѣ н. ст., рядъ прямыхъ воспрещеній и ограниченій производства, проведенныхъ союзнымъ совѣтомъ на основаніи данныхъ ему рейхстагомъ особыхъ полномочій.

Я уже употребилъ разъ выраженіе «современный Робинзонъ» въ примѣненіи къ нынѣшнему состоянію Германіи. Съ тѣхъ поръ оно стало еще болѣе подходящимъ—запасы не производимой внутри страны доли матеріаловъ еще болѣе истощились, а выступленіе Италіи и созданіе Англіей голландскаго, швейцарскаго и норвежскаго торговыхъ трестовъ еще болѣе отрѣзало страну отъ внѣшняго міра и возможности подвоза. И когда наблюдаешь, какъ изворачивается, какъ приспособляется, какъ борется съ неслыханными трудностями своего положенія современная Германія—забываешь иногда о войнѣ, объ имперіализмѣ и о прочихъ вещахъ и дѣйствительно испытываешь переживанія въ родѣ тѣхъ, какъ въ дѣтствѣ при чтеніи Робинзона. Робинзонъ изъ палки и кремня сдѣлалъ себѣ орудія для строительныхъ работъ и земледѣлія, изъ листьевъ смастерилъ шляпу и на корѣ дерева высѣкъ календарь. Германская техника въ лихорадочной работѣ создаетъ электрическіе провода безъ мѣди и изоляторы безъ резины, шьетъ теплыя куртки и зимнія одѣяла изъ старыхъ газетъ, вату дѣлаетъ изъ бумаги, приготовляетъ фотографическія пластинки безъ селитры и превращаетъ карманный электрическій фонарикъ въ неистощаемое маленькое perpetuum mobile [1]), кухонные отбросы перерабатываетъ въ пищу для коровъ, а кровь убиваемыхъ животныхъ претворяетъ въ здоровый безцвѣтный и безвкусный напитокъ для людей, «соломенной мукой» кормитъ свиней и «сахарными шницелями» лошадей, ловитъ азотъ изъ воздуха и превращаетъ его въ порошокъ, удобреніе и бѣлковой кормъ безплодныя площади городовъ, пустыри и болота покрываетъ картофелемъ и пшеницей, приводитъ въ дѣйствіе автомобили выгоняемымъ изъ сахара спиртомъ, изъ касторки изготовляетъ свѣчи и машинное масло, создавая въ странѣ культуру самаго растенія, даю-

---

[1]) Способъ очень простъ: истощенный сухой электрическій элементъ вынимаютъ изъ погасшей лампы, заворачиваютъ въ нѣсколько слоевъ сукна (Tuch) и кладутъ въ накрытый фаянсовый сосудъ. Сосудъ ставятъ на часъ на не слишкомъ раскаленную плиту — и батарея опять уже въ состояніи заставить свѣтиться фонарикъ. Послѣ новаго истощенія можно повторять это опять и опять.

щаго oleum ricini, безъ кишекъ заворачиваетъ колбасу, безъ прорезиненья доставляетъ непромокаемую одежду, изъ вновь изобрѣтеннаго целлона дѣлаетъ прозрачныя крылья для своихъ аэроплановъ, начинаетъ для увеличенія урожая отапливать землю проведенной въ трубахъ отработанной горячей фабричной водой, отстраиваетъ четыре фабрики съ производствомъ машинъ для искусственнаго опрыскиванія полей въ бездождье, организуетъ широкій сборъ морской травы для своего скота и сушитъ для него же древесные листья, изготовляетъ «твердый спиртъ» и вводитъ въ массовую практику не требующія нитокъ для пришиванья автоматическія пуговицы и т. д. и т. п. Велико и разнообразно царство суррогатовъ современнаго Робинзона, есть среди нихъ и прочныя полезныя пріобрѣтенія,— но за всѣмъ тѣмъ не уйти отъ недостатка рабочихъ и матеріаловъ, и вмѣсто суррогатовъ начинается ограниченіе потребленія. Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ исторіи послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ.

Союзный совѣтъ ограничиваетъ производство пива 60% нормы мирнаго времени, причемъ третья часть еще реквизуется для арміи, такъ что населенію остается только 40% обычнаго потребленія. Между тѣмъ потеря пива означаетъ для нѣмца большое лишеніе: въ видѣ пива населеніе Германіи получало передъ войною 3 тысячи милліардовъ калорій изъ всѣхъ 90 тысячъ милліардовъ калорій энергіи, доставлявшейся ему ежегодно всей пищей и всѣми потреблявшимися напитками («Народное продовольствіе»—коллект. трудъ 15 профессоровъ, изданный ректоромъ берлин. торгов. политехн. Эльцбахеромъ). Каждые 4 литра пива по питательности равны фунту хлѣба. Поэтому раздается уже требованіе ввести «пивныя карточки» и при избыточномъ противъ средней нормы потребленіи кѣмъ-либо пива отсчитываетъ у него соотвѣтственную часть дневного раціона изъ «хлѣбной карточки». Въ мирное время на каждаго жителя Германіи приходилось 100 литровъ пива въ годъ; послѣднее же постановленіе союзнаго совѣта понижаетъ возможную среднюю до 40 литровъ.

Правда, отчасти жертва здѣсь приносится въ пользу арміи: при напряженіяхъ похода солдаты испытываютъ особенно лѣтомъ чрезвычайную жажду. Для утоленія ея съ конца іюня пущены вдоль фронта особые поѣзда съ минеральной водой. Позади фронта, въ Стрыѣ, Рогатынѣ и другихъ мѣстахъ были открыты военнымъ министерствомъ заводы минеральной воды. Вода отправлялась поѣздами въ 14 вагоновъ съ 80 тыс. бутылками и, кромѣ того, 2.400 литрами фрукт. сока. Съ доставкой посуды обратно каждая бутылка обходилась въ 8 пфенниговъ (отчетъ отъ 21 іюня н. ст.).

Затѣмъ, союзный совѣтъ 28 іюня 1915 г. ограничилъ производство спирта на весь предстоящій годъ 48%-тами количества,

производившагося въ мирное время. Да и эти 48% предназначены главнымъ образомъ для техническаго употребленія, особенно для приведенія въ движеніе автомобилей (вмѣсто недостающаго бензина, т. к. одна Румынія не можетъ покрыть надобности, удовлетворявшейся прежде и Россіей и Америкой). Поэтому питье водки почти совершенно прекратилось въ Германіи—а въ видѣ спирта населеніе получало раньше 1 тысячу милліардовъ калорій изъ 90, доставлявшихся всѣмъ продовольствіемъ въ годъ. Между прочимъ, среди благотворныхъ послѣдствій, о какихъ пишутъ по поводу прекращенія пьянства въ Россіи, въ Германіи незамѣтно сокращенія живущихъ на счетъ общественной милостыни нищихъ. Впрочемъ, можетъ быть потому, что и до войны къ этому разряду принадлежали въ Германіи только лица абсолютно неработоспособныя. Такъ въ Берлинѣ въ 1914 г. городское попечительство о бѣдныхъ содержало 50 тысячъ человѣкъ, что составляетъ $2^1/_2$ процента населенія столицы—изъ каждыхъ 40 человѣкъ одинъ въ Берлинѣ нищій. Изъ нихъ 14 тысячъ были старше 70 лѣтъ, 13 тысячъ въ возрастѣ отъ 60 до 70 лѣтъ, 10 тысячъ взрослыхъ моложе 60 л. (всѣ эти 37 т. чел. получали въ среднемъ по 18,1 мар. пособія въ мѣсяцъ) и 13 тысячъ малолѣтнихъ дѣтей (изъ нихъ только 6 тысячъ получали не менѣе 10 мар. въ мѣсяцъ).

Впрочемъ, отпускъ спирта для автомобилей еще не означаетъ, что каждый владѣлецъ можетъ пользоваться своимъ автомобилемъ: еще ранѣе воспрещено пользованіе на время войны автомобилями частнымъ лицамъ, кромѣ признанныхъ общественно необходимыми (какъ городскіе автобусы), о чемъ выдается спеціальное удостовѣреніе въ каждомъ случаѣ. Въ одномъ Берлинѣ остановилось благодаря этому около 15 тысячъ автомобилей, остававшихся еще въ движеніи послѣ реквизиціи для военныхъ цѣлей.

Запрещенъ былъ оптовымъ обществамъ выпускъ на рынокъ керосина на два съ лишнимъ мѣсяца, срокомъ до 1 сент. н. ст.[1]). Союзный совѣтъ мотивировалъ это необходимостью сохранить больше запасовъ къ зимѣ, предупреждая, что все равно на зиму не хватитъ керосина для потребленія его въ обычномъ размѣрѣ. Сколько не хватитъ, не объявлено, но установлена общеимперская розничная цѣна—на 33% выше расцѣнки мирнаго времени. Въ городахъ усиленно вводится электричество, а въ деревняхъ, по сообщеніямъ провинціальныхъ газетъ, начинаютъ иногда кое-гдѣ зажигать по вечерамъ лучину (цит. по ганноверской газетѣ).

---

[1]) Даже экипажамъ было разрѣшено ѣздить до 1 сент. н. ст., не зажигая фонарей.

Кожа и въ мирное время ввозится въ Германію въ большомъ количествѣ извнѣ. Теперь не только привозъ сократился, но и изъ имѣющагося количества значительная часть отвлечена въ сторону удовлетворенія военныхъ надобностей. По сообщенію союза башмачныхъ фабрикантовъ цѣны на сырую кожу возрасли уже на 200% сравнительно съ мирнымъ временемъ. Для контроля надъ всѣмъ имѣющимся въ странѣ количествомъ кожи и для распредѣленія его между предпріятіями сообразно степени ихъ важности для арміи и государства учрежденъ особый «кожанный центръ». Онъ уже объявилъ, что производство обуви и другихъ кожанныхъ издѣлій для гражданскаго населенія придется сократить. Прусскій министръ народнаго просвѣщенія издалъ 1 іюля н. ст. слѣдующій необыкновенный для Германіи циркуляръ: «Запрещеніе приходить въ школу босикомъ можетъ быть правильно только въ условіяхъ мирнаго времени. Во время же войны, особенно въ сельскихъ мѣстностяхъ, это запрещеніе не должно быть примѣняемо уже просто потому, что вслѣдствіе повысившихся цѣнъ родителямъ не всегда легко возможно будетъ снабдить дѣтей необходимой обувью».

Въ пекарняхъ и кондитерскихъ запрещено работать ночью, какъ мотивируетъ союзный совѣтъ, чтобы отучить населеніе отъ потребленія свѣжаго хлѣба по утрамъ и пріучить къ болѣе полному использованію вчерашняго хлѣба. Запрещено изготовленіе мюнхенскихъ «бѣлыхъ колбасокъ», какъ требующихъ слишкомъ расточительнаго обращенія съ матеріаломъ. Сахарное производство на второй годъ войны ограничено двумя третями нормальнаго количества (что̀ хватитъ для людского потребленія, ибо въ мирное время вывозилось около половины, во время войны внутреннее потребленіе возрасло). Чай и цвѣтная капуста исчезли изъ продажи (одинъ Берлинъ ввозилъ въ мирное время 5 милліоновъ пудовъ цвѣтной капусты въ годъ—все изъ Италіи). Свиноводство мѣрами правительства сокращено къ маю на 40%. Ограничено союзнымъ совѣтомъ производство крахмала и отчасти мыла. Все это сокращаетъ потребность въ сырыхъ матеріалахъ, позволяетъ обходиться меньшимъ количествомъ рабочихъ рукъ—и ухудшаетъ бытовую обстановку населенія.

Воспрещено производство всякихъ украшеній изъ мѣди, а 20 іюля н. ст. объявлены секвестрованными въ пользу государства всѣ издѣлія изъ мѣди, никкеля и мессинга, въ томъ числѣ вся кухонная и столовая посуда всѣхъ частныхъ лицъ. Владѣльцамъ предоставлено пользоваться ею до 25 сент. Открыты сборные пункты (въ Берлинѣ 40), куда каждый можетъ доставлять принадлежащія ему издѣлія, получая за издѣлія изъ мѣди по 4 марки, за издѣлія изъ Messing'а по 3 мар. и за издѣлія изъ никкеля по

13 мар. за килограммъ. Въ первый же день сбора 1 авг. н. ст. государству доставлено въ одномъ Берлинѣ 20 тысячъ пудовъ мѣди. Опубликованныя въ газетахъ заключенія экспертовъ утверждаютъ, что въ Германіи имѣется въ проводахъ и во всѣхъ издѣліяхъ 120 милліоновъ пудовъ мѣди, чего для военныхъ надобностей, по заявленію военнаго министерства, должно хватить на десять лѣтъ. Однако, не во всѣхъ машинахъ мѣдь можетъ быть замѣнена другими металлами (въ проводахъ рѣшено замѣнить, сдѣланы нѣкоторыя улучшенія, уменьшающія потерю тока, обычную при переходѣ отъ мѣди къ другимъ металламъ). Хозяйки во всякомъ случаѣ лишаются своихъ кастрюль; всѣ 20 тыс. пудовъ, снесенные въ первый день въ Берлинѣ, состоятъ изъ домашней утвари.

Менѣе поражаетъ широкіе слои объявленное въ концѣ іюля постановленіе союзнаго совѣта, воспрещающее вывозъ за границу лентъ для кинематографовъ и имѣющее цѣлью сократить производство этихъ лентъ ради сохраненія нѣкоторыхъ примѣняемыхъ матеріаловъ. Довольно спокойно принимаетъ населеніе также энергично проводимую теперь замѣну угля коксомъ для домашняго отопленія и варки пищи (ради бензола и другихъ важныхъ побочныхъ продуктовъ, получаемыхъ при производствѣ кокса). Несравненно глубже затрагиваетъ зато весь народъ предписанное союзнымъ совѣтомъ въ іюлѣ серьезное сокращеніе всего текстильнаго производства. Мѣра эта распространяется на издѣлія изъ хлопка, шерсти, льна, джута, пеньки и конопли. Совершенно запрещено производство изъ этихъ матеріаловъ матерій и предметовъ, которые являются, по мнѣнію союзнаго совѣта, предметами роскоши — сюда отнесено, напр., извѣстное носильное бѣлье д-ра Ламана (пористосѣтчатое). Разрѣшается впредь вырабатывать только болѣе грубыя ткани, чѣмъ обычно, для производства необходимыхъ принадлежностей бѣлья, для матерій на платье и на подкладку. По сообщенію администраціи Хемницкаго округа отъ 20 іюля н. ст., только въ одномъ этомъ районѣ вслѣдствіе такого запрещенія увольняется 30 тысячъ рабочихъ, освобождающихся для другихъ занятій. Въ округѣ Лаузицъ (Саксонія) происходитъ сокращеніе производства въ такомъ же размѣрѣ и т. д.—эта мѣра является одной изъ наиболѣе рѣшительныхъ и показательныхъ. Тѣмъ самымъ, во-первыхъ, все населеніе ограничивается въ потребленіи бѣлья и одежды, во-вторыхъ, привыкшіе къ лучшимъ сортамъ болѣе зажиточные слои низводятся къ болѣе грубымъ одѣяніямъ «простого народа», — поскольку износятся имѣющіеся уже у нихъ запасы. Пока это наблюдается лишь относительно мѣховъ: благодаря прекращенію привоза мѣховые воротники и боа замѣняются теперь разнаго сорта плотной

матеріей, которой оборачиваютъ шею. Модные журналы пытаются научить своихъ кліентовъ дѣлать это съ возможно большимъ изяществомъ.

Не слѣдуетъ, конечно, думать, что Германія начнетъ уже сейчасъ же ходить плохо одѣтая. Въ богатой промышленной странѣ всегда есть громадные запасы платья, хотя бы и ношеннаго. По анкетѣ Berl. Tag. уже и сейчасъ крупныя портновскія заведенія Берлина занимаются болѣе передѣлками и поправками, чѣмъ шитьемъ новой одежды. Такимъ образомъ, можно тянуть долго. «Шерстяная недѣля», организованная въ пользу войскъ во всей имперіи, дала, по сообщенію Nordd. Allgem. Zeit. отъ 13 іюня, такіе результаты: полмилліона одѣялъ, по нѣсколько сотъ тысячъ куртокъ, брюкъ и жилетокъ для солдатъ [1]), затѣмъ на нѣсколько милліоновъ марокъ непригоднаго къ употребленію старья, сданнаго для переработки фабрикамъ искусственной шерсти, и 200 тысячъ «поношенныхъ, но хорошо сохранившихся» полныхъ мужскихъ, женскихъ и дѣтскихъ платьевъ, посланныхъ главнымъ образомъ пострадавшему населенію Восточной Пруссіи. По оффиц. отчету отъ 12 іюня н. ст., бѣжало за все время изъ Вост. Пр. до 400 тысячъ жителей, большая часть которыхъ уже вернулась. Изъ мирнаго населенія убито 1.620 чел. и ранено 433; сверхъ того уведено 5.419 мужч., 2.587 женщ. и 2.719 дѣтей. Сожжено и разрушено 33.553 зданій, уничтожена обстановка болѣе чѣмъ въ ста тысячахъ жилищъ. Провинція, такимъ образомъ, сильно нуждалась въ помощи, чѣмъ объясняется предоставленіе ей части сбора «шерстяной недѣли» и учрежденіе своеобразныхъ «опекуновъ»: многіе изъ среднихъ и крупныхъ городовъ внутренней Германіи объявили себя каждый опекуномъ какого-нибудь подлежащаго возстановленію города Восточной Пруссіи. Это означаетъ, что разъ Шарлоттенбургъ объявилъ себя опекуномъ Гумбиннена, то онъ посылаетъ туда архитекторовъ, вырабатываетъ планы возобновленія, ассигнуетъ крупныя средства на всякаго рода помощь гумбинненцамъ и централизуетъ ее въ своихъ рукахъ.

Общій лозунгъ — экономія въ рабочихъ рукахъ, экономія въ матеріалахъ — накладываетъ отпечатокъ на всѣ стороны быта. Во многихъ случаяхъ, какъ указано выше, дѣло не ограничивается проповѣдью, а принимаются принудительныя мѣры. Иногда выплываютъ проекты, не получающіе осуществленія, или мѣры, поража-

---

[1]) Военное министерство объявило обезпеченной армію запасами теплыхъ вещей и матеріаловъ для нихъ для второго зимняго похода. „Шерст. недѣля" дала лишь не очень крупную часть всего нужнаго, зато безплатно.

ющія своей мелочной наивностью. Къ первымъ относится мысль о коллективныхъ принудительныхъ обѣдахъ, которую одно время обсуждало министерство внутр. дѣлъ и по поводу которой ломали поэтому копья въ печати. Проектъ состоялъ въ томъ, чтобы всѣ получающіе казенное или городское пособіе (семьи мобилизованныхъ, безработные, нищіе) часть его получали натурой въ видѣ горячаго обѣда. Обѣдъ долженъ былъ приготовляться въ каждомъ городѣ въ нѣсколькихъ центральныхъ кухняхъ и развозиться въ сохраняющихъ теплоту фургонахъ въ районныя столовыя. Помѣщеніями столовыхъ должны были служить нынѣ существующіе рестораны, которые предоставлялись бы для этого на нѣсколько часовъ въ день за умѣренное вознагражденіе. Чтобы выдача обѣдовъ не носила характера задѣвающей личное достоинство принудительной кормежки свыше, министерство предполагало, во-первыхъ, выставить въ каждой районной столовой разнообразное меню, изъ котораго каждый посѣтитель заказывалъ бы себѣ на завтра блюда по своему вкусу. Во-вторыхъ, пособіе продолжало бы выдаваться всѣмъ на руки деньгами или обѣденными карточками, и каждый самъ расплачивался бы за себя ежедневно въ ресторанѣ. Въ-третьихъ, должна была быть сохранена система обслуживанія посѣтителей кельнерами и кельнершами, дабы «никто не чувствовалъ себя униженнымъ отступленіемъ отъ порядка, принятаго въ ресторанахъ для обычныхъ посѣтителей». Системой центральныхъ кухонь и принудительныхъ коллективныхъ обѣдовъ предполагалось достичь лучшаго питанія получающаго пособія населенія, чѣмъ какое возможно при индивидуальномъ расходованіи каждымъ причитающейся ему суммы, и вмѣстѣ съ тѣмъ—экономіи въ трудѣ и въ матеріалахъ. Было высчитано, что въ Берлинѣ, напр., изъ 2 милл. жителей такой системѣ подчинено было бы до 400 тыс. чел. (свыше 300 тыс. членовъ семей мобилизованныхъ, до 40 тысячъ безработныхъ съ ихъ семьями и 50 тысячъ нищихъ), подобное же соотношеніе и въ другихъ мѣстахъ.

Идея централизованно организовать кормленіе цѣлыхъ 20% городского населенія Германіи не была осуществлена,—какъ полагаютъ нѣкоторые органы печати, отказъ лишь временный,—едва-ли не, главнымъ образомъ, вслѣдствіе критики соціалдемократовъ. Они заявили, что дѣло идетъ исключительно о рабочемъ классѣ: зажиточные не нуждаются въ дешевыхъ казенныхъ обѣдахъ. И хотя рабочій классъ, если это необходимо для страны, можетъ согласиться на «соціализацію стола», но лишь при одномъ условіи—пусть всѣ зажиточные посажены будутъ на то же самое меню и въ тѣхъ же самыхъ ресторанахъ. Тогда, дѣйствительно, освободится много прислуги, и будетъ очевидно, что дѣло идетъ лишь о равномѣрномъ

распредѣленіи продовольствія, а не о сокращеніи расходовъ на пособія путемъ лишенія рабочихъ извѣстной части ихъ семейной жизни. Въ противномъ случаѣ лучше повысить пособія и не вводить принудительности публичныхъ обѣдовъ для однихъ рабочихъ семействъ. Въ зажиточныхъ кругахъ абсолютно не проявилось влеченія къ организаціи спартанскихъ обѣдовъ въ Германіи для нихъ самихъ, и министерство внутреннихъ дѣлъ махнуло пока рукой на всю затѣю. Вмѣсто того на май—октябрь размѣръ пособія каждой женѣ мобилизованнаго былъ повышенъ на 6 марокъ въ мѣсяцъ противъ предусмотрѣннаго закономъ (въ томъ числѣ 3 мар. отъ казны и 3 мар. отъ мѣстнаго самоуправленія).

Примѣромъ бережливости юмористическаго типа можетъ служить распоряженіе берлинскаго магистрата отъ 26 апр. Расходы Берлина возрасли теперь въ чрезвычайной степени. На одну соціальную помощь по случаю войны израсходовано свыше 100 милл. мар. за первый годъ. Сверхъ того выкуплены за 140 милл. мар. обслуживающіе городъ электрическіе заводы и тоже за 140 милл. мар. купленъ поясъ лѣсовъ, окружающій Берлинъ почти со всѣхъ сторонъ (Груневальдъ и т. д.) — городская дума постановила на вѣчное время не вырубать и не позволять застраивать эти лѣса. И вотъ магистратъ, «слѣдуя общему лозунгу» о сбереженіи силъ и матеріаловъ для наибольшей способности «выдержать», обращается ко всѣмъ своимъ служащимъ со строгимъ и длиннымъ циркуляромъ: употреблять четвертушки бумаги вмѣсто цѣлыхъ листовъ, если возможно только умѣстить содержаніе на четвертушкѣ; беречь ручки и карандаши,—«новые будутъ выдаваться впредь лишь по представленіи остатковъ старыхъ; будутъ выданы держалки, позволяющія использовать почти до конца чернильные и обыкновенные карандаши»; вскрывать конверты осторожно, чтобы можно было употреблять ихъ вторично, вывернувши, «но вывернутые конверты посылать лишь при сношеніяхъ съ другими городскими учрежденіями г. Берлина», а никакъ не постороннимъ лицамъ; чернильницы закрывать или затыкать «хотя бы кускомъ плотной бумаги», оберегая отъ запыленія и высыханія; наконецъ—«каждое стальное перо должно служить восемь дней, при затребованіи новыхъ запасовъ должно быть обращено на это вниманіе».

VI.

Привлеченіе женщинъ и дѣтей, сокращеніе производства и т. п. оказываются недостаточными. Рабочихъ силъ имѣется въ Германіи въ нѣкоторыхъ отрасляхъ уже настолько въ обрѣзъ, что естественные переходы рабочихъ съ мѣста на мѣсто, оставленіе службы изъ-

за несогласія относительно условій труда, простое переселеніе въ другой городъ или провинцію—начинаютъ дѣлаться для предпринимателей нестерпимыми. Отливъ рабочихъ сильнѣе всего въ наихудше оплачиваемыхъ отрасляхъ труда—прежде всего, слѣдовательно, въ сельскомъ хозяйствѣ. Кто немобилизованъ—тотъ легче, чѣмъ раньше, можетъ найти теперь лучше оплачиваемую работу въ городѣ. Правда, помѣщики могли бы удержать батраковъ въ деревнѣ улучшеніемъ условій труда, уравненіемъ обращенія и содержанія ихъ съ городскими рабочими: чистая прибыль германскаго сельскаго хозяйства за годъ войны по самымъ осторожнымъ подсчетамъ удвоилась въ сравненіи съ предшествовавшимъ годомъ. Но прусскіе сельскіе хозяева предпочитаютъ прибѣгнуть къ особымъ полномочіямъ военнаго времени, находящимся въ рукахъ тѣхъ изъ нихъ, кто состоитъ командующими 20 военныхъ округовъ Германіи. Такъ создался лѣтомъ этого года давно забытый въ Германіи институтъ *принудительнаго прикрѣпленія рабочаго къ мѣсту и къ хозяину.* Возникнувъ въ сельскомъ хозяйствѣ, онъ начинаетъ теперь распространяться и на другія отрасли, испытывающія стѣсненія въ рабочихъ рукахъ—война превращаетъ страну все болѣе въ единую громадную принудительную «рабочую колонну», подобную находящимся при арміи. Здѣсь даже не государство противостоитъ рабочему—личность его оказывается просто выданной въ связанномъ по рукамъ и ногамъ видѣ его хозяину, воскрешаются воспоминанія крѣпостной зависимости.

Графъ Эйленбургъ, генералъ-отъ-кавалеріи, командующій 1-мъ военнымъ округомъ (Кенигсбергъ и Восточная Пруссія) «на основаніи закона 24 апр. 1854 г.» издалъ въ серединѣ іюня н. ст. такое постановленіе. Всѣ сельскохозяйственные рабочіе и сельская прислуга обоего пола не имѣютъ отнынѣ права покидать ту мѣстность, гдѣ находится мѣсто ихъ нынѣшней службы. Начальникъ полиціи, соотвѣтствующій русскому приставу, можетъ разрѣшить имъ это въ томъ случаѣ, если хозяинъ выдастъ имъ письменное разрѣшеніе на оставленіе должности или если судъ освободитъ ихъ отъ нея (въ случаѣ недопустимыхъ истязаній со стороны хозяина и т. п. поводовъ, дававшихъ суду и въ мирное время право расторгать договоръ найма). Сверхъ того отнынѣ и до конца войны всѣ они обязаны служить у того же хозяина, у кого застанетъ ихъ настоящій приказъ. Никто не имѣетъ права впредь нанимать ихъ безъ письменнаго разрѣшенія нынѣшняго хозяина. За нарушеніе всего этого будетъ назначаться годъ тюрьмы «согласно § 9 въ закона 4 іюня 1851 г.»—Духъ постановленія вполнѣ соотвѣтствуетъ древности законовъ, на какіе оно ссылается для своего обоснованія.

Черезъ нѣсколько дней Freiherr v. Schlieffen, командующій 20-мъ военнымъ округомъ, на основаніи тѣхъ же законовъ издалъ такое же постановленіе для района 20-го округа. Единственная поблажка, какую онъ сдѣлалъ,—разрѣшеніе жаловаться на пристава ландрату. Но прикрѣпленіе къ мѣсту и къ хозяину остается въ полной силѣ. Всѣ подобныя постановленія относятся, между прочимъ, не только къ военнообязаннымъ, но ко всѣмъ безъ изъятія сельскимъ рабочимъ, въ томъ числѣ къ женщинамъ и къ несовершеннолѣтнимъ.

Три генерала, управляющіе тремя военными округами, на какіе раздѣлена Баварія, издаютъ такія же постановленія «объ ограниченіи свободы передвиженія с.-х. рабочихъ и прислуги сельскихъ хозяевъ». «Аппетитъ приходитъ съ ѣдой»—и, сверхъ рабочихъ, застигнутыхъ постановленіями на мѣстѣ, пытаются передать въ крѣпостную зависимость аграріевъ и другія категоріи. Примѣръ подаетъ, естественно, Восточная Пруссія. Дорого обойдется все это прусскимъ юнкерамъ при слѣдующихъ выборахъ въ рейхстагъ, полагаютъ оппозиціонные органы: до сихъ поръ консерваторы проходили въ рейхстагъ все же, главнымъ образомъ, голосами сел.-хоз. рабочихъ. Проявленное германскими аграріями своекорыстіе въ вопросѣ о стоимости продовольствія и практика прикрѣпленія, какъ полагаютъ, не въ малой степени посодѣйствуютъ измѣненію позиціи поддерживавшихъ ихъ доселѣ избирателей.

Тотъ же генералъ графъ Эйленбургъ въ началѣ августа н. ст. постановилъ забрать и принудительно отдать въ работу всѣ «неосѣдлые элементы» Восточной Пруссіи, не могущіе представить достаточно уважительной причины пребыванія въ ней безъ осѣдлости. Рѣшеніе, «достаточно уважительна» причина или нѣтъ, предоставляется мѣстной полиціи, которой и вручается право отдавать «неосѣдлыхъ» въ работу. За самовольное оставленіе указанной работы полагается годъ тюрьмы.

Еще дальше пошла администрація въ браунсбергскомъ округѣ Восточной Пруссіи. Еще передъ этимъ во всей Восточной Пруссіи было предъявлено къ деревенскимъ женщинамъ, женамъ мобилизованныхъ, требованіе поступить на работу въ помѣстья. Въ противномъ случаѣ имъ грозили лишеніемъ пособія, какъ за «дурное поведеніе». Браунсбергскій ландратъ сдѣлалъ 26 іюля н. ст. починъ и въ отношеніи горожанокъ. Въ объявленіи мѣстной полиціи отъ этого числа значится: «Жены участниковъ войны не имѣютъ права уклоняться отъ участія въ работѣ оттого, что вслѣдствіе казеннаго пособія считаютъ себя не нуждающимися въ работѣ. Въ такихъ случаяхъ пособія будутъ прекращаться. Господъ работодателей по-

лицейское управленіе проситъ сообщать о каждомъ случаѣ отказа со стороны женщинъ, дабы можно было выступить противъ нихъ всѣми имѣющимися въ распоряженіи средствами (mit allen zu Gebot stehenden Mitteln scharf entgegentreten)». А при военномъ положеніи у полиціи имѣется не мало средствъ для «выступленія» противъ горожанокъ, не желающихъ идти въ деревню получать отъ помѣщика «легкіе удары», на какіе даетъ ему право относительно сельской прислуги и с.-х. рабочихъ прусскій законъ о челяди.

Вслѣдъ за сельскими рабочими наступаетъ очередь городскихъ. Сначала 14 іюня н. ст. командующій 2-мъ военнымъ округомъ заявляетъ въ своемъ постановленіи, что промышленные рабочіе начали устраивать стачки, «чтобы достичь высшей заработной платы», чѣмъ «ставятъ подъ вопросъ военные заказы, а также продовольствіе народа, его одѣванье и обуванье». Въ виду этого генералъ, несмотря на дороговизну, не приказываетъ поднять заработную плату, но просто воспрещаетъ стачки на все время войны для всего округа, за исключеніемъ только Свинемюнде (эта крѣпость изъята изъ его вѣдѣнія). Кто будетъ бастовать или кто оставитъ работу безъ разрѣшенія хозяина до окончанія срока найма — подлежитъ году тюрьмы. Другимъ хозяевамъ запрещается впредь принимать подобныхъ преступниковъ на работу.

Примѣру этому слѣдуетъ 20 іюня ф. Гайль, военный командиръ всей Вестфаліи и нижняго Рейна—въ этомъ районѣ находится свыше милліона индустріальныхъ рабочихъ. Онъ проводитъ соглашеніе между всѣми поставщиками арміи и флота (занимающими сотни тысячъ рабочихъ) о томъ, чтобы не принимать рабочихъ, уволившихся съ прежняго мѣста по недовольству заработной платой,—въ томъ случаѣ, если прежній хозяинъ платилъ по тарифу. Генералъ не желаетъ обращать вниманія на три пункта: тарифныя соглашенія заключены еще до войны; къ іюню стоимость жизни рабочей семьи повысилась уже на 52% въ сравненіи съ іюнемъ прошлаго года по оффиц. же сводкѣ для всей Пруссіи,—повысилась, конечно, лишь въ томъ случаѣ, если не понизился уровень жизни, и, наконецъ, фабриканты наживаются теперь гораздо больше, чѣмъ въ мирное время, и нѣтъ повода понижать уровень жизни рабочихъ ради дальнѣйшаго повышенія предпринимательскихъ барышей. Особенно не останавливаясь для этого даже передъ лишеніемъ рабочаго имѣющагося въ его рукахъ послѣдняго средства самозащиты—возможности свободно уйти съ дурно оплачиваемаго мѣста.

24 іюня н. ст., послѣдовало прикрѣпленіе къ фабрикѣ

уже не территоріальное, а профессіональное: для всѣхъ рабочихъ табачной индустріи. Здѣсь эта мѣра проведена постановленіемъ «военнаго центра табачныхъ фабрикантовъ», объединяющаго всѣ фабрики Германіи. При низкомъ заработкѣ табачнаго рабочаго приковать его къ тому предпріятію, гдѣ застало постановленіе, значитъ совсѣмъ отдать на милость и немилость владѣльца. Понятно, что означаютъ въ бытовомъ отношеніи всѣ эти многочисленныя прикрѣпленія, какую совсѣмъ новую струю вносятъ они въ отношенія между хозяевами и рабочими и какой ударъ наносятъ соціальному положенію рабочихъ.

Немудрено поэтому, что заинтересованныя рабочія организаціи пробуютъ выступать противъ новой методы. У сельскихъ рабочихъ нѣтъ массовыхъ организацій. Распоряженія Гайля и Фитингофа не касаются одной какой-либо опредѣленной категоріи рабочихъ и потому непосредственно не вызвали столкновеній. Лишеніе свободы передвиженія табачниковъ было встрѣчено протестомъ трехъ союзовъ табачныхъ рабочихъ и работницъ: с. д.-скаго, либеральнаго и христіанскаго. Протестъ не имѣлъ послѣдствій, но другое дѣло тамъ, гдѣ рабочіе сильно организованы.

Фельдцейхмейстерское управленіе военнаго министерства издало 15 янв. постановленіе, отмѣнившее свободу передвиженія рабочихъ по металлу въ Берлинѣ съ предмѣстьями (Gross-Berlin) и прикрѣпившее каждаго изъ нихъ къ его заводу. Но здѣсь имѣлся на-лицо, во-первыхъ, Легиновскій союзъ рабочихъ по металлу съ 600.000 членовъ во всей Германіи, во-вторыхъ, еще 8 союзовъ, соединившихся съ Легиновскимъ для общей борьбы противъ фельдцейхмейстерскаго постановленія. «По причинѣ трудностей, вызванныхъ предписанными мѣропріятіями», гласитъ изданное въ февралѣ сообщеніе,—распоряженіе взято было обратно и замѣнено соглашеніемъ между 10 рабочими союзами и союзомъ хозяевъ, утвержденнымъ фельдцейхмейстерствомъ. Соглашеніе создаетъ особый комитетъ изъ равнаго количества выборныхъ отъ союзовъ рабочихъ и союза хозяевъ. Когда рабочій желаетъ оставить мѣсто при несогласіи хозяина—вопросъ рѣшаетъ комитетъ. Несогласія изъ-за размѣровъ заработной платы тоже рѣшаются комитетомъ. При этомъ работницамъ предоставляется оставлять мѣста и т. п. безъ всякихъ ограниченій, такъ какъ комитету подчинены лишь мужчины.

Но и прикрѣпленія начинаетъ, повидимому, оказываться уже недостаточно. Въ Германіи начинаютъ думать о томъ, о чемъ уже раньше публично заговорили въ Австріи и къ чему неизбѣжно должна придти съ дальнѣйшимъ отвлеченіемъ рабочихъ силъ въ армію и Германія: объ обязательной всеобщей рабочей повинности.

Въ Австріи отливъ рабочихъ рукъ еще больше, тамъ мобилизованы до 50 лѣтъ, тогда какъ въ Германіи лишь до 45. Въ Вѣнѣ 13 іюня н. ст. состоялся съѣздъ представителей «военной комиссіи потребительскихъ интересовъ». Основанная въ декабрѣ, организація эта изъ различныхъ учительскихъ, чиновничьихъ, женскихъ кооперативныхъ, профессіональныхъ и т. п. союзовъ. На съѣздѣ представлено было 2 милліона домохозяйствъ, т.-е. свыше четверти населенія Австріи (безъ Венгріи и Босніи). Единственная резолюція съѣзда гласитъ: «Чтобы помочь чувствительному недостатку рабочихъ въ сельскихъ мѣстностяхъ, надо не только привлечь военноплѣнныхъ, но необходимо ввести также всеобщую обязательную рабочую повинность для всѣхъ мужчинъ и женщинъ работоспособнаго возраста, освобождая отъ нея только вслѣдствіе непригодности по состоянію здоровья. Съ этимъ должно быть соединено регулированіе вопроса о заработной платѣ на время войны. Рабочая повинность должна пониматься въ смыслѣ предписанной закономъ готовности работать, которая должна быть использована по распоряженію администраціи въ разныхъ округахъ, смотря по ихъ потребности и въ соотвѣтствіи съ правительственными мѣропріятіями. Нормальныя заработныя платы для мужчинъ и для женщинъ должны быть опредѣлены по округамъ, согласно жизненнымъ условіямъ отдѣльныхъ провинцій (Kronländer)».

Въ Германіи до такой всеобщей постановки вопроса дѣло еще не дошло, зато все оживленнѣе обсуждается вопросъ объ обязательной службѣ женщинъ. Ее предполагаютъ организовать не только на время войны, но какъ постоянное учрежденіе въ родѣ всеобщей воинской повинности для мужчинъ. Помимо большого количества брошюръ разныхъ авторовъ, начиная отъ фельдмаршала фонъ-деръ-Гольца и кончая неизвѣстными дѣвицами, предложеніе это все чаще обсуждается на всевозможныхъ женскихъ съѣздахъ, и все съ положительнымъ результатомъ. Напр., въ Ганноверѣ 18-го мая былъ поднятъ этотъ вопросъ на съѣздѣ «нѣмецко-евангелическаго женскаго союза», въ Висбаденѣ—15-го мая на съѣздѣ «союза женскаго образованія», въ Эрфуртѣ на Троицу—на съѣздѣ «союза католическихъ учительницъ Германіи», въ тотъ же день—въ Берлинѣ на съѣздѣ «всеобщаго германскаго союза учительницъ» и т. д. Въ результатѣ мысль о «женской повинности» принимаетъ постепенно болѣе реальный обликъ—несомнѣнное вліяніе войны, ибо до нея она служила преимущественно лишь темой шутокъ для юмористическихъ изданій. Теперь оно имѣетъ такой видъ.

По окончаніи народной школы и соотвѣтственно средняго учебнаго заведенія, т.-е. въ возрастѣ 14—18 лѣтъ, всѣ дѣвочки

обязаны сперва прослушать полугодичный курсъ домоводства, ухода за дѣтьми и больными. Занятія происходятъ въ учебныхъ заведеніяхъ, курсъ которыхъ удлиняется на 1/2 года; дѣвочки живутъ у родителей. Затѣмъ на второе полугодіе всѣ 600 тысячъ (таковъ ежегодный составъ «призывного возраста», считая всѣхъ поголовно) размѣщаются обязательно въ восьми тысячахъ германскихъ благотворительныхъ учрежденій и больницъ. Такъ какъ въ продолженіе года могутъ быть двѣ смѣны, то одновременно на каждое учрежденіе придется около 35 дѣвицъ. Всѣ онѣ обязаны безплатно исполнять тамъ полгода какъ всѣ черныя работы, такъ и совершенствоваться въ уходѣ за больными, дѣтьми и т. д., работая восемь часовъ въ день и одѣваясь въ установленное простое рабочее платье. Дочери малозажиточныхъ получаютъ ѣду и помѣщеніе отъ учрежденія даромъ (учрежденіе экономитъ на прислугѣ), а болѣе зажиточныя обязаны платить государству въ соотвѣтствіи съ доходомъ родителей до 300 марокъ въ мѣсяцъ. Однако, содержаніе и помѣщеніе онѣ получаютъ то же, что и прочія, и подчиняются той же строгой дисциплинѣ (на одномъ учительскомъ съѣздѣ высказано даже убѣжденіе въ пользѣ «Потсдама», т.-е. палки). По отбытіи второго полугодія дѣвицы отпускаются и зачисляются въ запасъ, при чемъ періодически призываются на повторительную службу на четыре недѣли. Эту службу онѣ отбываютъ до 45 лѣтъ въ качествѣ помощницъ служащихъ мѣстныхъ самоуправленій, занятыхъ въ области соціальной помощи населенію. Повторные призывы распредѣляются такъ, чтобы круглый годъ извѣстное количество безплатныхъ помощницъ было въ распоряженіи этихъ служащихъ (отсрочки при беременности и кормленіи). Въ случаѣ войны мобилизуются всѣ для обслуживанія раненыхъ и нуждающейся въ этомъ части гражданскаго населенія.

Будетъ ли осуществлена послѣ войны вся эта стройная система, конечно, вопросъ. Но во время войны переходъ къ принудительному труду неработающей части населенія назрѣваетъ все болѣе: прикрѣпленіе къ мѣсту уже работающихъ людей, являющееся началомъ внесенія формальной принудительности въ сферу труда, само по себѣ не можетъ вѣдь увеличить количества занятыхъ работой рукъ.

VII.

Война принесла Германіи разгромъ школы, количественное и качественное паденіе разсадниковъ культуры. Если отливъ силъ въ войска тяжко отразился на сферѣ производительнаго труда, то въ области народнаго образованія онъ повелъ къ суживанію еще боль-

шему, и на всѣхъ ступеняхъ школы: передъ Молохомъ военныхъ потребностей сжимаются и отступаютъ очаги благосостоянія и культурнаго развитія.

Изъ 52 высшихъ учебныхъ заведеній Германіи вовсе закрылись пока лишь 4 лѣсныхъ академіи. Во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ передъ войной числилось 87,6 тысячъ студентовъ и вольнослушателей (въ томъ числѣ женщинъ среди студентовъ 4,2 тыс. и среди вольнослушат. 2 тыс.; вольнослуш.-мужчинъ было 6,5 тыс.). При объявленіи войны часть была призвана и не записалась на новый семестръ; другіе же продолжаютъ вносить плату за ученье, находясь въ арміи—такихъ большинство, особенно среди добровольцевъ. Наконецъ, сильно сократилось число иностранцевъ и составляетъ теперь лишь 6 тыс. лицъ обоего пола.

Количество студентокъ почти не сократилось—впрочемъ, и изъ нихъ человѣкъ 400 значатся въ спискахъ, въ дѣйствительности же несутъ санитарную службу. Зато о мужчинахъ оффиціальные отчеты приводятъ такія данныя. Въ списки внесено всего 66 тыс. мужчинъ—студентовъ и вольнослушателей. Но изъ этого числа находится въ арміи 36 тыс. университантовъ, 8 тыс. техниковъ, $1^1/_2$ тыс. коммерсантовъ, сельскохозяйственниковъ и т. п. Посѣщаютъ высшія учебныя заведенія лишь 20 тысячъ мужчинъ, а за исключеніемъ иностранноподданныхъ лишь немногимъ болѣе 20% обычно получающихъ высшее образованіе нѣмецкихъ юношей (конецъ мая н. ст.). Количественно высшія учебныя заведенія сжались такимъ образомъ въ Германіи на четыре пятыхъ. Берлинскій политехникумъ посѣщается теперь 363 лицами вмѣсто 2.200 прошлаго года, университетъ—2.300 вмѣсто 8.647 и т. д.

Какая доля профессоровъ и прочихъ университетскихъ преподавателей ушла на войну, не подсчитано. Но въ іюньской книжкѣ «Akademische Rundschau» приводится списокъ 29 доцентовъ и ассистентовъ только 5 высшихъ учебныхъ заведеній, уже убитыхъ на войнѣ. Для 9 университетовъ приводятся также цифры убитыхъ за первые 10 мѣсяцевъ студентовъ: Боннъ—113 чел., Фрейбургъ—117, Геттингенъ—142, Гейдельбергъ—78, Іена—112, Киль—24, Лейпцигъ—266, Мюнхенъ—180, Тюбингенъ—130, итого 1.162 чел. Пропорціонально изъ всѣхъ воюющихъ студентовъ должно было быть убито за первый годъ войны около 3.720 чел., не считая искалѣченныхъ и т. п.

Изъ именъ извѣстныхъ профессоровъ встрѣчались мнѣ въ спискахъ добровольцевъ немногіе. Прежде всего, стоитъ упомянуть Шульце-Геверница, пошедшаго рядовымъ, несмотря на свой возрастъ, и еще такихъ: ганноверскій профессоръ архитектуры

тайн. совѣтникъ Лангъ—нынѣ оберъ-лейтенантъ; марбургскій физіологъ Ломаннъ — штабный врачъ пѣшей артиллеріи, равно какъ и фрейбургскій физіологъ Мангольдъ; франкфуртскій историкъ Оръ — ротный командиръ ополченія; іенскій физикъ Паули, вступившій добровольцемъ, получилъ уже офицерскія нашивки, а другой доброволецъ, грейфсвальдскій геологъ Филиппъ, оставался еще рядовымъ въ Штральзундѣ; геттингенскій географъ Штилле состоитъ лейтенантомъ и т. д. Кромѣ этого временнаго отвлеченія научныхъ силъ (которое легко можетъ стать вѣчнымъ), война коситъ еще германскія каѳедры созданіемъ необычайнаго напряженія, какого не выдерживаютъ давно пережившіе уже первую молодость ученые. Такъ умерли Лексисъ, Лампрехтъ, Конрадъ, не говоря уже о менѣе извѣстныхъ. Старые уходятъ, а молодыхъ возможныхъ замѣстителей убиваютъ на войнѣ.

Тяжелый уронъ потерпѣлъ и учительскій персоналъ. Во всѣхъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Германіи до войны было 200 тысячъ учителей и 50 тысячъ учительницъ. Педагогическая центральная библіотека въ Лейпцигѣ собираетъ данныя обо всѣхъ убитыхъ на войнѣ учителяхъ. До конца іюня н. ст. ихъ оказалось 4.906 чел., почти 2% учительскаго персонала Германіи. Иначе сказать, за два года войны Германія должна будетъ потерять, если сосчитать и безнадежныхъ инвалидовъ, до двадцатой части своего учительскаго состава. Погибаютъ, впрочемъ, не только учителя, но и гимназисты послѣдняго класса, вступившіе въ прошломъ году въ большомъ количествѣ добровольцами—ихъ столь много, что теперь поднятъ вопросъ объ изданіи спеціальнаго закона, который принесъ бы имъ аттестатъ зрѣлости безъ пребыванія въ восьмомъ классѣ и безъ сдачи выпускныхъ экзаменовъ. «Не наказывать же дѣтей за ихъ патріотизмъ потерей года или двухъ въ сравненіи съ менѣе патріотичными одноклассниками», говорятъ родители, но прусское министерство народн. просвѣщ. пока не уступаетъ и собирается послѣ войны отправить опять за школьную парту своихъ воспитанниковъ, изъ которыхъ иные получили уже военный орденъ и младшій чинъ.

Народная школа распадается на двѣ степени: начальная съ 7-лѣтнимъ курсомъ, и «Fortbildungsschule», трехклассная и организованная по профессіямъ—въ нее поступаютъ по окончаніи начальной школы тѣ, кто идетъ въ среднія учебныя заведенія и занимается наемной работой. «Fortbildungsschule» даетъ нѣкоторыя профессіональныя свѣдѣнія и тѣ общія свѣдѣнія, которыя считаются германскимъ законодательствомъ полезными для ребенка, вырастающаго въ гражданина, но какія не содержатся въ программѣ началь-

ныхъ школъ. Въ Берлинѣ, напр., «дополнительныя школы» для мальчиковъ разбиты на 9 профессіональныхъ группъ: «необученные рабочіе» (въ 1915 г. 12.981 чел.), металлисты (7.704), «торговые служащіе» (5.832), «художественная промышл.» (3.386, въ томъ числѣ типографщики), «одежда» (1.469), «производство питательныхъ продуктовъ» (1.451), парикмахеры (350) и «прочія ремесла» (194). Дѣвочки раздѣлены всего на 4 группы: «необученныя работницы» (т.-е. прислуга, чернорабочія поденщицы и т. п.—самый обширный разрядъ), «торговыя служащія» (второй по величинѣ), «одежда» и «прочія ремесла». Т. к. ученики и ученицы находятся въ возрастѣ 14—17 лѣтъ, то на численности учащихся этихъ школъ вліяніе войны сказывается гораздо больше, чѣмъ въ начальныхъ школахъ. Во-первыхъ, изъ числа мальчиковъ освобождены отъ посѣщенія школы всѣ тѣ, кто занятъ работами въ предпріятяхъ, исполняющихъ заказы для военнаго вѣдомства. Во-вторыхъ, въ нѣкоторыхъ ремеслахъ, особенно нуждающихся въ рабочихъ рукахъ, упраздненъ на время войны третій годъ «дополнительной» школы. Благодаря этимъ мѣрамъ приведенныя выше въ скобкахъ цифры учениковъ на тысячи чел. меньше цифръ 1914 года. Въ третьихъ, и для тѣхъ, кто занимается, количество недѣльныхъ уроковъ уменьшено въ нѣкоторыхъ ремеслахъ съ 6 до 4 или даже 3-хъ. Словомъ, наступило и количественное и качественное ухудшеніе постановки дѣла. Удивительно то, что все же оказывается возможнымъ поддерживать существованіе этихъ школъ, являющихся въ сравненіи съ международнымъ положеніемъ дѣла чуть ли не «предметомъ роскоши».

Число учениковъ и ученицъ начальной школы абсолютно не сократилось. Произошло лишь, во-первыхъ, значительное сокращеніе числа учебныхъ дней (въ Пруссіи на 50), упраздненныхъ ради отпусковъ для вспомогательныхъ работъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Во-вторыхъ—отвлеченіе дѣтей отъ занятій военными событіями, реагированіемъ на нихъ, патріотическими перерывами въ занятіяхъ по случаю успѣховъ, сборомъ золотыхъ монетъ по знакомымъ для обмѣна ихъ въ имперскомъ банкѣ на бумажки (съ успѣхомъ организуется кое-гдѣ учебнымъ начальствомъ), занятіями въ «военныхъ отрядахъ» (въ одномъ Берлинѣ вступило въ нихъ 12 тысячъ мальчиковъ для подготовки себя къ военной службѣ въ будущемъ) и т. п.,—иногда даже писаніемъ коллективныхъ писемъ Гинденбургу. Опустошеніе души въ цифрахъ учесть трудно, но плоды его, конечно, еще скажутся впослѣдствіи, несмотря на нѣкоторое оказываемое противодѣйствіе, какъ приказъ баварскаго министра нар. просв. о противодѣйствіи развитію въ дѣтяхъ ненависти къ врагамъ, или какъ энергичная противошовинистская агитація рабочей печати

(особенно юношескаго ея органа, расходящагося въ ста тысячахъ экземпляровъ), въ послѣднее время отчасти и центровской (кельнская газета центра требуетъ напр. исключенія. Hassgesang'а Лиссауэра изъ книгъ для дѣтей).

Дѣти обрабатываются въ патріотическомъ направленіи съ изумительной всесторонностью—вплоть до праздничныхъ пряниковъ. Традиціонныя тисненія, вензеля и сказочныя фигуры съ многихъ изъ нихъ исчезли. Вмѣсто того фигурируютъ солдатскія головы, выглядывающія изъ окоповъ, либо игра въ футболъ англичаниномъ, выбрасываемымъ на свой островъ. Не обходится даже безъ выпеченныхъ или выложенныхъ крашеннымъ сахаромъ цитатъ изъ кронпринца: «feste druff, ess mich uff».

Война пошатнула въ нѣмецкой школѣ традицію палки; въ бытовомъ отношеніи это—цѣлая революція. Надо знать, какую неотъемлемую пока фактически, да и юридически, часть нѣмецкой школьной системы представляетъ собой розга, чтобы оцѣнить исчезновеніе ея изъ отчетовъ. Можетъ быть, нѣкоторое значеніе имѣла здѣсь замѣна части учителей учительницами. Впрочемъ, мои маленькіе друзья изъ Галензейской коммунальной школы (западная часть Gross-Berlin'а) утверждали, что милыя и привѣтливыя учительницы, съ такой простотой и весельемъ игравшія съ дѣтьми въ «кошки и мышки» на урокахъ гимнастики на дѣтской площадкѣ предъ моими окнами, съ такой же быстротой и энергіей прибѣгаютъ въ классѣ къ традиціонному «рорштоку», не уступая въ этомъ сухо и формалистически настроеннымъ учителямъ. Сѣченіе въ школѣ стояло такой непоколебимой скалой, что даже Vorwärts на-ряду съ «программой-максимумъ»,—полной отмѣной битья,—выставилъ, какъ первый шагъ къ цѣли, своего рода «программу-минимумъ»: если педагоги не могутъ обойтись безъ трости и законъ разрѣшаетъ, пусть по крайней мѣрѣ не кладутъ для наказанія на лавку, ибо ёрзанье по стулу вредно для внутреннихъ органовъ, а пусть просто приказываютъ наклониться и уже въ стоячемъ положеніи подвергаютъ соотвѣтственной операціи. Этотъ «гласъ» не остался «вопіющимъ въ пустынѣ» и во многихъ школахъ наказаніе производилось только такимъ «гигіеническимъ» способомъ. Но когда по одному частному поводу «Vorwärts» поддержалъ жалобу въ высшія инстанціи на раскладываніе—эти высшія инстанціи признали вопросъ «стоя или лежа» всецѣло входящимъ въ область личнаго усмотрѣнія учителя или учительницы. Такъ что нынѣшнее смягченіе обращенія надо отнести къ разряду бытовыхъ явленій, отражающихъ болѣе участливое отношеніе другъ къ другу, возникшее среди многихъ въ результатѣ охватившаго Германію настроенія...

М. Лурье.

ПЛОДЫ „РЕАЛЬНОЙ" ПОЛИТИКИ.

I.

Въ спеціальномъ нѣмецкомъ журналѣ, посвященномъ вопросамъ зубоврачебной техники, напечатано было недавно воззваніе, въ которомъ группа берлинскихъ дантистовъ предлагаетъ, во имя принципа: «все для войны», отказаться отъ употребленія золота для искусственныхъ зубовъ и воспользоваться зубами непріятельскихъ солдатъ, не только мертвыхъ, но и живыхъ, особенно на восточномъ фронтѣ, гдѣ зубы плѣнныхъ и убитыхъ «отличаются замѣчательною крѣпостью и бѣлизною». Предложеніе вырывать здоровые зубы у плѣнныхъ для пользы зубоврачебнаго дѣла въ Германіи должно считаться, по мнѣнію авторовъ воззванія, вполнѣ цѣлесообразнымъ, такъ какъ «въ военное время надо отбросить всякія сантиментальности».

Отреченіе отъ всякихъ сантиментальностей сдѣлалось въ Германіи руководящимъ правиломъ практической политики съ самаго начала войны. Берлинскіе дантисты, въ скромной сферѣ своей профессіональной дѣятельности, желаютъ примѣнить тотъ лозунгъ, который громко былъ провозглашенъ императоромъ Вильгельмомъ II, его канцлеромъ, министрами и генералами. «Надо отбросить сантиментальности»,—эта фраза постоянно повторялась нѣмецкими патріотами, когда дѣло шло о способахъ дѣйствій Германіи по отношенію къ ея противникамъ. Подъ сантиментальностью разумѣлось при этомъ все то, что̀ диктуется простымъ человѣческимъ чувствомъ, что̀ въ чемъ-нибудь стѣсняло бы или ограничивало разрушительные порывы германскаго патріотизма,—хотя бы эти стѣсненія и ограниченія вытекали изъ формальныхъ международныхъ договоровъ и обязательствъ, или изъ установившихся понятій, обычаевъ и традицій культурныхъ народовъ. Пока еще не слышно, чтобы нѣмцы рвали зубы у плѣнныхъ солдатъ; но германскіе командиры, конечно, не усомнились бы пустить въ ходъ идею берлинскихъ дантистовъ, если бы это требовалось интересами отечества.

Пренебреженіе къ предписаніямъ права и морали составляетъ первый существенный признакъ такъ называемой реальной политики, какъ ее понимаютъ въ современной Германіи. Эта политика руководится только соображеніями непосредственной осязательной выгоды, оставляя безъ вниманія вѣроятныя или неизбѣжныя будущія послѣд-

ствія принимаемыхъ рѣшеній. Тѣ «невѣсомые» элементы политической жизни, на которые часто ссылался князь Бисмаркъ, не существуютъ для новѣйшихъ его подражателей. Узкій и грубый прямолинейный реализмъ вовлекъ германское правительство въ цѣлый рядъ дѣйствій, которыя неминуемо должны были увеличить число его враговъ въ Европѣ и подорвать старую репутацію честности и правдивости нѣмецкаго народа.

Прежде всего оффиціальные руководители германской политики удивили міръ несвойственною нѣмецкому характеру системою безцеремоной лжи въ ихъ заявленіяхъ и объясненіяхъ по поводу возникшаго кризиса: они будто бы не знали содержанія австрійскаго ультиматума, до предъявленія его Сербіи, и, однако, не допускали ни обсужденія его по существу, ни вмѣшательства заинтересованныхъ державъ въ предпринятую австрійцами экзекуцію; рѣшившись на войну, они, на первыхъ порахъ, всю отвѣтственность за нее возлагали на Россію. Противъ нея Вильгельмъ II направлялъ громы своего краснорѣчія съ балкона своего дворца, въ роковую ночь на 19 іюля 1914 года, размахивая пачкою писемъ, документально уличавшихъ, будто бы, русское правительство въ злостномъ предательствѣ,—тогда какъ эти письма, какъ выяснилось впослѣдствіи, доказывали, наоборотъ, довѣрчивую надежду русской дипломатіи на благотворное посредничество германскаго императора. Нѣсколько времени спустя, нѣмцы еще съ большею яростью обвиняли во всемъ Англію, которая сама собиралась будто бы нарушить нейтралитетъ Бельгіи и устроить всеобщее совмѣстное нападеніе на мирную Германію, изъ зависти къ ея промышленному процвѣтанію и могуществу. Въ то же время вторженіе нѣмецкихъ войскъ въ предѣлы бельгійской территоріи оффиціально мотивировалось тѣмъ, что по полученнымъ, будто бы, германскимъ генеральнымъ штабомъ безусловно достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, Франція рѣшила двинуть свои войска черезъ Бельгію и что это обстоятельство побудило нѣмцевъ предупредить опасный шагъ противника. Неправдоподобность этого указанія на Францію была тѣмъ болѣе очевидна, что передъ тѣмъ французское правительство формально подтвердило свое рѣшеніе строго соблюдать бельгійскій нейтралитетъ, пока его не нарушатъ другія державы. Точно такъ же, при отсутствіи какихъ-либо внѣшнихъ поводовъ къ нападенію на Францію, оффиціальнымъ мотивомъ для объявленія ей войны послужило завѣдомо ложное утвержденіе, что, будто бы, французскіе военные авіаторы пролетѣли надъ германскою территоріею и бросили бомбы на города Нюренбергъ и Карльсруэ,—тогда какъ наканунѣ французское правительство передало германскому посланнику въ Парижѣ фонъ-Шену протестъ противъ дѣйствительнаго

нарушенія французской границы отдѣльными нѣмецкими отрядами въ разныхъ мѣстахъ.

И удивительнѣе всего, что эти явно несообразныя и противорѣчивыя сообщенія германскихъ правителей принимались на вѣру образованными и вліятельными классами нѣмецкаго общества, поддерживались большинствомъ газетъ и вызывали соотвѣтственное настроеніе въ странѣ. Народныя страсти искусственно возбуждались противъ мнимыхъ виновниковъ войны—сначала русскихъ, а затѣмъ англичанъ, на которыхъ даже спеціально призывалась Божья кара («Gott strafe England»). Озлобленіе противъ враждебныхъ націй и отчасти вообще противъ иностранцевъ возростало, принимая иногда уродливыя и постыдныя формы; вмѣстѣ съ тѣмъ усиливалась намѣренная жестокость самыхъ пріемовъ войны,—пускались въ дѣло ядовитые удушливые газы, бросались бомбы въ центры мирнаго населенія, брались заложники и разстрѣливались за чужія провинности, топились безъ предупрежденія пассажирскіе пароходы, и т. п. Все это дѣлалось для того, чтобы произвести возможно большее устрашающее впечатлѣніе на противниковъ и заставить ихъ поскорѣе просить мира. Но эта система террора не испугала даже маленькую Бельгію,—не говоря уже объ Англіи, Франціи и Россіи; она вызывала только ожесточеніе и закрывала всѣ пути къ компромиссамъ.

Прошло пятнадцать мѣсяцевъ кровопролитнѣйшей кампаніи, и разсудительные нѣмцы начинаютъ сознавать, что ихъ реальная политика оказалась отчасти фантастическою и что въ будущемъ она должна принести крайне горькіе плоды. Каковъ бы ни былъ исходъ войны, Англія, Франція и Россія останутся великими державами, и отношеніе ихъ къ нѣмцамъ, къ нѣмецкой торговлѣ и промышленности не можетъ быть безразличнымъ для Германіи. Никакими принудительными договорами—«клочками бумаги» по опредѣленію Бетманъ-Гольвега—нельзя будетъ возстановить и то вліятельное и часто преобладающее положеніе, которое нѣмцы въ мирное время занимали въ разныхъ сферахъ русской жизни. Мыслимо ли вновь создать довѣріе и дружбу между двумя сосѣдними націями послѣ того, что произошло съ іюля 1914 года? Трудно себѣ представить, чтобы когда-нибудь нѣмцы вернули утраченныя у насъ позиціи и пріобрѣли опять прежній просторъ для своей дѣятельности и предпріимчивости въ Россіи. Въ теченіе болѣе полутораста лѣтъ русское государство охотно подчинялось нѣмецкимъ придворнымъ и династическимъ вліяніямъ; оно неоднократно жертвовало интересами своей страны для пользы прусскаго короля и разныхъ германскихъ владѣтельныхъ фамилій, спасало Пруссію отъ Наполеона I, отдавало свои войска въ распоряженіе австрійцевъ для сохраненія цѣлости имперіи Габсбур-

говъ, способствовало образованію и укрѣпленію объединенной Германіи, за что первый ея императоръ на смертномъ одрѣ завѣщалъ своихъ преемникамъ сохранять неизмѣнную дружбу съ Россіею. Пруссія, можно сказать, выросла на плечахъ Россіи и отблагодарила ее за это тѣмъ, что занялась тщательною многолѣтнею подготовкою военнаго ея разрома. Въ русско-германскихъ отношеніяхъ наступитъ теперь крутой переломъ, отъ котораго во всякомъ случаѣ пострадаютъ нѣмцы. Точно такъ же Англія перестанетъ служить удобнымъ и богатымъ рынкомъ для произведеній германской промышленности; и мудрено будетъ нѣмцамъ возобновить съ нею обычныя коммерческія и политическія связи послѣ того, какъ серьезно призывали на нее гнѣвъ Божій. Нечего и говорить о Франціи: въ ней непріязнь къ сосѣднему народу утвердится на многіе десятки лѣтъ. Никогда не удастся Германіи съ ея союзниками одолѣть всѣ остальныя великія европейскія націи и окончательно подчинить ихъ своей волѣ; она всегда будетъ окружена непримиримыми могущественными врагами, которые рано или поздно съумѣютъ справиться съ нею. Побѣда Германіи предвѣщала бы дальнѣйшія ужаснѣйшія войны, и только ея пораженіе уничтожило бы источникъ наступательнаго милитаризма и привело бы къ водворенію прочнаго мира въ Европѣ. Сознаніе этой истины все болѣе распространяется и въ нейтральныхъ странахъ, особенно въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ никогда не забудется возмутительное и безсмысленное пиратство германскихъ подводныхъ лодокъ, потопившихъ, между прочимъ, немалое количество ни въ чемъ неповинныхъ американскихъ гражданъ съ женщинами и дѣтьми. Недовѣріе къ германскимъ заявленіямъ и обязательствамъ, даже формулированнымъ на «клочкахъ бумаги», поставитъ Германію въ большое затрудненіе при заключеніи новыхъ договоровъ, тѣмъ болѣе, что и другія державы могутъ съ своей стороны усвоить нѣмецкую точку зрѣнія относительно ничтожества и безцѣльности всякихъ международныхъ актовъ, заключенныхъ съ германскимъ правительствомъ. Военные успѣхи и завоеванія Германіи создали бы въ Европѣ такую атмосферу, въ которой жить нельзя; сами нѣмцы обрекли бы себя на грозное одиночество, имѣя противъ себя всѣ крупнѣйшія націи культурнаго міра. Отбросивъ всякія сантиментальности во имя торжества реальной политики,—хотя бы и безъ выдергиванія зубовъ у плѣнныхъ иностранцевъ,— они очутились бы внѣ нормальнаго международнаго общенія. Такая перспектива не можетъ не смущать болѣе дальновидныхъ представителей германскаго общественнаго мнѣнія, къ которымъ слѣдуетъ причислить значительную часть соціалъ-демократіи.

II.

Принципы реальной политики съ наибольшею силою завладѣли умами политическихъ дѣятелей небольшихъ балканскихъ государствъ. Блестящіе результаты совмѣстной кампаніи Болгаріи, Сербіи, Греціи и Черногоріи противъ Турціи въ 1912 году были совершенно уничтожены односторонними разсчетами главныхъ участниковъ союза при переговорахъ о дѣлежѣ завоеванныхъ территорій. Балканскій союзъ имѣлъ не только реальную, но и идеальную цѣль—объединеніе народовъ, связанныхъ общими интересами, для обезпеченія ихъ независимаго и свободнаго развитія въ предѣлахъ бывшей Оттоманской имперіи. Ближайшая задача союза—устраненіе турецкаго владычества — была исполнена съ необыкновеннымъ успѣхомъ, и степень этого успѣха какъ нельзя лучше выразилась въ текстѣ мирнаго договора между союзниками и султаномъ, подписаннаго въ Лондонѣ 17 мая 1913 года. Союзнымъ государствамъ уступлены были «всѣ территоріи имперіи на европейскомъ материкѣ, къ западу отъ линіи, проходящей отъ Эноса на Эгейскомъ морѣ до Мидіи на Черномъ морѣ, за исключеніемъ Албаніи», границы которой предстояло установить шести великимъ державамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ Турція отдала союзникамъ Критъ и отказалась отъ своихъ правъ на всѣ остальные острова въ Эгейскомъ морѣ, предоставивъ опредѣлить ихъ судьбу Европѣ.

Подъ соединенными ударами балканской федераціи склонилась могущественная нѣкогда Оттоманская имперія; но вскорѣ она опять ожила, когда между союзниками разгорѣлся споръ, превратившійся въ братоубійственную войну. Сербы, занявшіе фактически значительную часть болгарской Македоніи, рѣшили сохранить ее за собою и для этого возбудили вопросъ о пересмотрѣ союзнаго договора 29 февраля 1912 года, которымъ была указана приблизительная граница раздѣла македонскихъ земель между обѣими странами, съ назначеніемъ русскаго арбитража относительно спорной зоны. Съ своей стороны и Греція, не связанная подобнымъ предварительнымъ соглашеніемъ съ Болгаріею, пожелала утвердиться въ занятыхъ ею мѣстностяхъ, хотя и населенныхъ болгарами, — слѣдуя тому же принципу: beati possidentes. Сербія и Греція заняли позицію противъ Болгаріи, когда не былъ еще заключенъ миръ съ Турціею; тогда же, въ февралѣ 1913 года, русская дипломатія выразила сербскому правительству свое сожалѣніе о томъ, что оно въ такой неудобный моментъ «возбудило вопросъ, постановкѣ котораго мы отнюдь не можемъ сочувствовать, ибо онъ про-

тиворѣчитъ принятымъ на себя Сербіей обязательствамъ». Мѣсяцъ спустя Россія давала греческому правительству «настоятельный совѣтъ не предпринимать выступленій противъ Болгаріи, способныхъ возстановить противъ Греціи общественное мнѣніе въ Россіи и Европѣ»; наконецъ, болгарамъ указывали на «неисчислимыя и бѣдственныя послѣдствія, къ которымъ могло бы привести Болгарію столкновеніе съ ея нынѣшними союзниками», въ виду опасности вмѣшательства Румыніи и самой Турціи, причемъ русскому правительству оставалось бы «лишь съ болью въ сердцѣ быть безучастнымъ зрителемъ гибели болгарскаго дѣла».

Такого рода уговоры и предостереженія повторялись нашей дипломатіею по адресу балканскихъ государствъ почти четыре мѣсяца; въ половинѣ мая у насъ какъ-будто догадались, что «сербское и греческое правительства ведутъ, повидимому, уклончивую и опасную игру, заявляя намъ о своихъ мирныхъ намѣреніяхъ и въ то же время уклоняясь отъ прямыхъ и опредѣленныхъ отвѣтовъ на наши представленія и дѣятельно готовясь къ совмѣстной борьбѣ противъ Болгаріи». Софійскій кабинетъ сообщилъ 12 іюня о прекращеніи «всякихъ дальнѣйшихъ переговоровъ», что означало въ сущности рѣшимость воевать; нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ отвѣтилъ болгарскому посланнику, что «предпринятый Болгаріею шагъ является измѣною славянскому дѣлу и полнымъ невниманіемъ къ благожелательному нашему призыву» и что, очевидно, «Болгарія дѣйствуетъ такъ, подчиняясь постороннимъ внушеніямъ и подаваемымъ ей надеждамъ, въ которыхъ она можетъ горько разочароваться». Румынія оффиціально предупредила о своемъ вмѣшательствѣ въ случаѣ войны между болгарами и сербами; съ нашей же стороны категорически заявлено было въ Софіи, что если произойдетъ вооруженный конфликтъ болгаръ съ сербами и греками, «сколь ни грустно было бы для насъ болгарское пораженіе, мы пальцемъ не двинемъ, чтобы удержать Румынію» [1]).

Однако болгарскіе патріоты, съ генераломъ Савовымъ во главѣ, были вполнѣ увѣрены, что имъ удастся молніеноснымъ ударомъ разбить противниковъ прежде, чѣмъ успѣетъ вмѣшаться Румынія; на нихъ совсѣмъ не дѣйствовали нравственные доводы, которыми убѣждала ихъ русская дипломатія,—указанія на преступный характеръ братоубійственной борьбы, на измѣну славянству и на неудовольствіе Россіи; они считали, что быстрый реальный успѣхъ оправдаетъ ихъ не только въ глазахъ Европы, но и въ глазахъ самихъ сербовъ

---

1) См. „Сборникъ дипломатическихъ документовъ, касающихся событій на Балканскомъ полуостровѣ", Спб., 1914, стр. 89—200.

и грековъ. Они думали, что, получивъ внушительный урокъ, противники успокоятся и добровольно признаютъ надъ собою превосходство Болгаріи. Балканскій союзъ, которому они обязаны были своими побѣдами надъ Турціею, казался имъ уже ненужнымъ, отслужившимъ свою службу, и они бросились на бывшихъ союзниковъ, чтобы силою отнять захваченную ими Македонію—предметъ давнишнихъ національныхъ мечтаній и стремленій болгарскаго народа. Болгары опирались на союзный договоръ, отъ котораго отреклись сербы, и сами разорвали союзъ, лежавшій въ основѣ этого договора; они исполнили въ ночь на 17 іюня задуманный планъ внезапнаго нападенія на сербскія и греческія войска, оставивъ въ сторонѣ всякія сантиментальности. Это была узко-реальная политика, направленная только къ достиженію ближайшаго положительнаго результата, не останавливаясь передъ дальнѣйшимъ,—и она привела къ жестокой катастрофѣ. Молніеносный ударъ не удался: сербы успѣшно отразили его и стали вмѣстѣ съ греками тѣснить болгаръ, противъ которыхъ съ другой стороны двинулась румынская армія. Потерпѣвъ неудачу, болгарское правительство пыталось объяснить происшедшее столкновеніе простымъ недоразумѣніемъ; глава кабинета, Даневъ, распорядился по телеграфу, чтобы военныя дѣйствія были немедленно прекращены,—но было уже поздно: ни сербы, ни греки не могли принять массовое нападеніе противниковъ за случайную пограничную стычку. Болгары очутились въ трагическомъ положеніи: кромѣ грековъ, сербовъ и румынъ, противъ нихъ поднялись и турки, которые обратно заняли Ѳракію съ Адріанополемъ; Румынія потребовала часть болгарской территоріи съ городомъ Силистріею, и въ подкрѣпленіе этого требованія румынскія войска подвигались къ болгарской столицѣ. Болгарія не могла надѣяться на чью-либо помощь въ созданномъ ею остромъ кризисѣ; она должна была поневолѣ подчиниться обстоятельствамъ и дать свое согласіе на всѣ условія побѣдителей.

Это пораженіе самоувѣренныхъ реальныхъ политиковъ было закрѣплено бухарестскимъ мирнымъ договоромъ 28 іюля 1913 года, при участіи уполномоченныхъ представителей Болгаріи, Греціи, Сербіи, Черногоріи и Румыніи. Наканунѣ подписанія договора была сдѣлана отъ имени болгарской делегаціи оговорка, что по ея мнѣнію «прочный миръ и справедливое равновѣсіе на Балканахъ могли бы быть установлены лучше всего на основѣ національнаго принципа, но изъ уваженія къ совѣтамъ великихъ державъ и сообразно данному положенію дѣлъ болгарскіе делегаты согласились на сдѣлку, мотивированную единственно соображеніями факта»; вмѣстѣ съ тѣмъ они выразили надежду, что «Болгарія найдетъ у великихъ державъ

поддержку для улучшенія ея состоянія соотвѣтственно принесеннымъ ею жертвамъ и потребностямъ ея экономическаго и національнаго развитія». Представители Греціи и Сербіи возражали, стараясь, напротивъ, доказать, что состоявшееся соглашеніе создаетъ прочный и справедливый миръ и вполнѣ соотвѣтствуетъ національнымъ интересамъ участвующихъ государствъ; въ заключеніе предсѣдатель конференціи, румынскій министръ-президентъ Майореско высказалъ убѣжденіе, что «взгляды, изложенные болгарскимъ уполномоченнымъ, не могутъ ни въ чемъ ослабить или подорвать юридическую силу заключеннаго трактата» [1]. Затѣмъ, 16 сентября, былъ подписанъ въ Константинополѣ новый мирный договоръ между Болгаріею и Турціею.

Честолюбивые планы болгарскаго правительства были безпощадно ликвидированы; Болгарія не только потеряла Македонію и значительную часть завоеванныхъ у турокъ земель, но должна была отдать и часть своей собственной территоріи для удовлетворенія румынъ. На мѣсто балканскаго союза, во главѣ котораго фактически стояла Болгарія, образовался союзъ противъ Болгаріи—между Греціею и Сербіею, при косвенномъ участіи Румыніи. Болгарскіе патріоты напрасно жаловались на судьбу и на холодное равнодушіе великихъ державъ, особенно Россіи; они сами настаивали на томъ, чтобы спорный вопросъ былъ разрѣшенъ силою оружія, и противники имѣли полное основаніе воспользоваться правами побѣдителей. Въ вышедшей недавно книгѣ И. Е. Гешова о балканскомъ союзѣ сообщается между прочимъ, что причиною отставки автора, какъ министра-президента, за мѣсяцъ до нападенія на Сербію, послужило коренное противорѣчіе между намѣреніями царя Фердинанда и мирными стремленіями кабинета; это значитъ, что рѣшеніе воевать созрѣло въ придворно-военныхъ кругахъ Болгаріи задолго до разрыва съ союзниками. Тѣмъ не менѣе г. Гешовъ утверждаетъ, что назначенное послѣ него коалиціонное министерство Данева также не хотѣло войны и что болгарскія арміи напали 16 іюня на сербовъ и грековъ «по приказанію верховнаго командованія», вопреки единодушному мнѣнію болгарскаго правительства и безъ его вѣдома. «Какъ бы исторія ни осудила этотъ преступный актъ—говоритъ г. Гешовъ,—она все-таки должна признать, что болгарскій народъ не можетъ быть отвѣтственнымъ за него». При существованіи конституціонныхъ порядковъ, «можетъ ли народъ быть отвѣтственнымъ

---

[1]) Протоколы бухарестской мирной конференціи 17—28 іюля 1913 года въ «Извѣстіяхъ министерства иностранныхъ дѣлъ», 1913, кн. V, стр. 195—242.

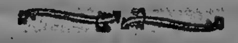
за переворотъ, за преступное безуміе, совершенное не только безъ предварительнаго согласія законодательнаго учрежденія, но и безъ того, чтобы объ этомъ знало отвѣтственное правительство?» Въ доказательство авторъ ссылается на оффиціальную справку, удостовѣряющую, что «въ протоколахъ министерскаго совѣта не было постановленія о начатіи военныхъ дѣйствій 16 іюня 1913 года противъ бывшихъ союзниковъ» [1]). Г. Гешовъ упустилъ изъ виду, что еще за нѣсколько дней до 16 іюня, какъ свидѣтельствуетъ циркулярная телеграмма русскаго министра иностранныхъ дѣлъ отъ 12-го числа, правительство Данева, черезъ своего посланника въ Петроградѣ г. Бобчева, объявило о своемъ рѣшеніи «прекратить всякіе дальнѣйшіе переговоры». Болгарская конституція даетъ коронѣ широкія, почти неограниченныя полномочія именно въ вопросахъ войны и мира и въ дѣлахъ верховнаго командованія арміей; но осуществленіе произвольныхъ воинственныхъ предпріятій было бы немыслимо, если бы не нашлось министерства, готоваго поддерживать политику царя Фердинанда. Трудно отдѣлять правительство отъ личныхъ совѣтниковъ монарха и отъ господствующей при дворѣ военной партіи; къ несчастью, народамъ всегда приходится расплачиваться за дѣйствія своихъ правителей, хотя бы эти дѣйствія были совершенно произвольныя и даже преступныя съ точки зрѣнія народныхъ интересовъ. Сами болгары не привлекали виновныхъ къ отвѣтственности за незаконный разрывъ съ Сербіею; они только затаили въ себѣ жажду мести за постигшую ихъ неудачу и искали случая достигнуть своихъ завѣтныхъ національныхъ цѣлей при помощи политическихъ комбинацій, вполнѣ свободныхъ отъ какой бы то ни было сантиментальности.

Можно сказать, что болгарская интеллигенція давно отреклась отъ чувствъ благодарности и симпатіи къ Россіи, какъ и вообще отъ славянской идеи; въ глазахъ болгаръ мы остались самымъ отсталымъ и некультурнымъ народомъ въ Европѣ, потому что, надѣливъ либеральною конституціею освобожденную нами Болгарію, мы сами упорно сохраняли у себя архаическій государственный строй, враждебный національному прогрессу и просвѣщенію. Какъ видно изъ любопытнаго трактата о болгарской народной психологіи, напечатаннаго въ 1914 году въ Софіи, многіе болгары открещиваются отъ славянства и отъ всякихъ связей съ Россіею; болгарскій народъ, по мнѣнію автора, г. Т. Панова, происходитъ отъ гунновъ и не имѣетъ и не желаетъ имѣть ничего общаго съ такъ называемыми

[1]) И. Е. Гешовъ, Балканскій союзъ. Воспоминанія и документы. Петроградъ, 1915. Стр. 69.

родственными націями. Толки объ этомъ мнимомъ родствѣ представляются ему зловредной славянской басней; «ни одна сила на свѣтѣ—замѣчаетъ онъ—не принесла Болгаріи столько несчастій, какъ славянство и славянская идея». Россія, правда, освободила болгаръ, но будто бы только для того, чтобы подчинить ихъ своей власти и открыть себѣ дорогу къ Царьграду. Россія, по словамъ г. Т. Панова, не имѣетъ права говорить о братскихъ славянскихъ народахъ, при извѣстныхъ ея отношеніяхъ къ крупнѣйшему изъ этихъ братскихъ народовъ—польскому. Названный болгарскій патріотъ совѣтуетъ читателямъ не забывать «ту простую истину, что въ политикѣ не существуетъ ни братства, ни кровнаго родства, ни чести, ни справедливости» [1]. И болгары,—а не одинъ Фердинандъ Кобургскій и его приближенные—поступили согласно съ этими принципами, не признавая ни братства, ни совѣсти, ни чести. Они соединились съ турками и австро-германцами противъ Сербіи и Россіи, чтобы общими силами раздавить своихъ бывшихъ союзниковъ и отнять у нихъ Македонію; окончательно оттолкнули отъ себя не только сосѣдніе болгарскіе народы и всегдашнюю свою покровительницу Россію, но и Англію, Францію и Италію. Они дѣйствовали въ данномъ случаѣ по всѣмъ правиламъ узко-реальной политики; они примкнули къ той сторонѣ, которая признавалась ими сильнѣйшею и обѣщала имъ болѣе непосредственныхъ матеріальныхъ выгодъ; но они не поставили себѣ вопроса: какъ они будутъ жить послѣ окончанія войны, каковъ бы ни былъ ея исходъ? Окруженные непримиримыми врагами и лишенные возможности обращаться за финансовымъ кредитомъ къ богатѣйшимъ денежнымъ рынкамъ Запада, они неизбѣжно попадутъ подъ тяжелую опеку Германіи. Ради насильственнаго пріобрѣтенія Македоніи, они рискуютъ потерять свою политическую независимость и погубить всю будущность самостоятельныхъ государствъ Балканскаго полуострова, и въ томъ числѣ свою собственную. Мнимая реальная политика, основанная въ концѣ концовъ на плохомъ и близорукомъ разсчетѣ, можетъ привести только къ горькимъ и слишкомъ позднимъ разочарованіямъ.

Л. Слонимскій.

---

[1] Т. Пановъ. Психология на Българския народъ. София, 1914, стр. 57, 72, 88 и др.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Неопредѣленныя ожиданія и противорѣчія въ общемъ ходѣ событій.—Дипломатія на Балканахъ.—Выступленіе Болгаріи и политика державъ „согласія".—Колебанія Греція и Румыніи.—Военныя приготовленія и парламентскія рѣчи въ Англіи и Франціи.

Очень много загадочнаго представляетъ современное положеніе военно-политическихъ дѣлъ въ Европѣ. Казалось бы, по всѣмъ имѣющимся даннымъ и по здравому смыслу, антигерманская коалиція должна имѣть безусловный перевѣсъ надъ Германіею какъ по количеству войскъ, такъ и по богатству финансовыхъ рессурсовъ; закрытіе морскихъ путей для привоза необходимыхъ продуктовъ, по общему мнѣнію, угрожало нѣмцамъ голодомъ и ставило Германію въ положеніе осажденной крѣпости. Чѣмъ же объяснить, однако, что эта «осажденная крѣпость» продолжаетъ дѣйствовать наступательно на четыре фронта, занимая обширныя части чужихъ территорій и располагая, повидимому, достаточными матеріальными средствами для того, чтобы снабжать ими своихъ союзниковъ, турокъ и болгаръ?

Могущественные противники Германіи постоянно подтверждаютъ свою рѣшимость добиться полной побѣды и, несомнѣнно, они стремятся къ тому. Но предпринимаемыя ими попытки энергическаго наступленія остаются пока отдѣльными эпизодами и приводятъ большею частью къ незначительнымъ результатамъ, не могущимъ вліять на общій ходъ кампаніи. Иниціатива въ военныхъ операціяхъ предоставлена почти всецѣло германцамъ; они создаютъ и осуществляютъ свои собственные планы, стараются давать событіямъ желательное имъ направленіе и заранѣе ведутъ себя какъ побѣдители. Обладая сильнѣйшимъ въ мірѣ военнымъ флотомъ, англичане пока еще существенно не проявили своего активнаго владычества на моряхъ, не предпринимали еще бомбардировки германскаго побережья въ отвѣтъ на нападенія цеп-

пелиновъ,—а между тѣмъ Англія вѣдь страшно заинтересована въ серьезной угрозѣ врагу именно здѣсь. Весьма важное по замыслу предпріятіе англичанъ и французовъ относительно Дарданеллъ и Босфора не имѣло ожидаемаго успѣха и приняло такой же характеръ длительной борьбы изъ-за укрѣпленныхъ позицій, какъ и въ другихъ районахъ военныхъ дѣйствій. На Балканахъ безконечное ухаживаніе державъ четверного согласія за Болгаріею завершилось полной неудачей: австро-германцы сумѣли привлечь болгаръ на свою сторону, чтобы «уничтожить» Сербію и черезъ ея территорію, соединившись съ болгарами, добраться до Константинополя. Смѣлый германскій планъ побудилъ Францію и Англію послать экспедиціонный корпусъ для защиты сербовъ и для противодѣйствія болгарамъ; но силы этого корпуса, къ сожалѣнію, недостаточны, чтобы противостоять соединеннымъ арміямъ Макензена и Фердинанда Кобургскаго. Въ экспедиціи должна принять участіе и Италія, но она занята въ Трентино и не рѣшается выдѣлять часть своихъ войскъ для отсылки въ Салоники; будетъ отправленъ туда и русскій отрядъ, но срокъ еще не назначенъ,—а тѣмъ временемъ австро-германцы подвигаются впередъ по несчастной сербской землѣ. Обманчивыми оказались и надежды союзной дипломатіи на Грецію и Румынію; обѣ эти страны считаютъ болѣе выгоднымъ для себя соблюдать нейтралитетъ и воздерживаются отъ вмѣшательства, несмотря на настойчивые уговоры Англіи, Франціи и Россіи. Внѣшнія обстоятельства складываются какъ-будто неблагопріятно для противниковъ Германіи и не обѣщаютъ имъ скорой побѣды; въ лучшемъ случаѣ, насколько можно судить по ходу успѣшныхъ французскихъ «продвиженій» въ Шампани, потребовалось бы много времени для окончательнаго вытѣсненія нѣмцевъ изъ занятыхъ и укрѣпленныхъ ими мѣстностей при той системѣ наступательной тактики, которая практикуется союзниками въ настоящее время. Разсчитывать только на истощеніе Германіи и ея рессурсовъ значило бы откладывать дѣло побѣды на слишкомъ долгій срокъ, что едва-ли соотвѣтствовало бы намѣреніямъ заинтересованныхъ правительствъ. Но представители антигерманской коалиціи все-же не сомнѣваются въ конечномъ успѣхѣ, и, разумѣется, они имѣютъ для этого вѣскія основанія. Извѣстно только одно, — что побѣда державъ согласія есть безусловная необходимость. Жутко становится, когда подумаешь, что было бы если бы нѣмцы прочно водворились въ Константинополѣ и въ Прибалтійскомъ краѣ.

Центръ тяжести событій находится теперь на Балканахъ. Въ теченіе цѣлаго года дипломатія, какъ выражается парижскій

«Temps», «преслѣдовала химеру» возстановленія мира и союза между Болгаріей съ одной стороны и Сербіею и Греціею—съ другой, съ цѣлью совмѣстныхъ дѣйствій противъ Турціи и ея союзниковъ. Какъ видно изъ недавняго правительственнаго сообщенія, еще въ іюлѣ 1914 года русское правительство предупредило Болгарію, что она можетъ разсчитывать на реальныя выгоды, если будетъ добросовѣстно согласовать свою политику съ начинаніями Россіи; въ то же время сербамъ дано было знать, что имъ придется «принести нѣкоторыя жертвы» для возсозданія балканской федераціи, съ цѣлью обезпеченія побѣды надъ общимъ врагомъ. Въ августѣ того же года вручена была сербскому министру-президенту отъ имени державъ тройственнаго согласія коллективная нота, въ которой выражалась увѣренность, что Сербія, въ случаѣ оказанія ей болгарами вооруженной помощи противъ Турціи, «согласится послѣ побѣды на земельныя уступки взамѣнъ вознагражденія въ другихъ мѣстахъ». Сербія не замедлила отвѣтить согласіемъ «уступить при указанныхъ условіяхъ часть своей территоріи взамѣнъ расширенія на счетъ Австро-Венгріи». Такимъ образомъ, съ самаго начала наша дипломатія основывала свои предложенія на вѣроятной будущей побѣдѣ надъ противниками, и она дѣйствовала съ нѣкоторымъ подобіемъ основательности, пока русскія войска завоевывали Галицію, переходили черезъ Карпаты и угрожали вторженіемъ въ Венгрію; но она придерживалась той же тактики и впослѣдствіи, когда началось отступленіе, приведшее къ оккупаціи австрійцами пограничныхъ русскихъ областей. Въ ноябрѣ 1914 года болгарамъ обѣщаны были, за одно сохраненіе дѣйствительнаго нейтралитета, «справедливыя земельныя приращенія въ Македоніи и Ѳракіи до линіи Эносъ-Мидія»,—конечно, послѣ счастливаго окончанія войны. Въ началѣ текущаго года Россія предлагала отдать Болгаріи за переходъ на сторону «согласія» всю такъ называемую безспорную зону Македоніи, принадлежащую нынѣ Сербіи, а послѣдней предоставить «нѣкоторыя австрійскія земли и широкій доступъ къ Адріатикѣ». Но, какъ признаетъ наше министерство иностранныхъ дѣлъ, соотвѣтствующіе шаги въ Нишѣ и Софіи были отложены «отчасти въ виду неблагопріятнаго настроенія въ Сербіи, главнымъ же образомъ, въ виду обнаружившагося тогда твердаго намѣренія Болгаріи сохранить занятое выжидательное положеніе». Другими словами, сербамъ не могла понравиться подобная комбинація, отнимающая у нихъ дѣйствительныя земельныя пріобрѣтенія взамѣнъ неопредѣленныхъ и условныхъ обѣщаній въ будущемъ; естественно поэтому, что и болгары относились скептически къ такого рода проектамъ. Въ маѣ

того же 1915 года посланники державъ согласія заявили сербскому правительству, что «въ случаѣ военнаго выступленія Болгаріи всѣми своими силами противъ Турціи, союзники согласны на немедленное присоединеніе къ Болгаріи Ѳракіи до линіи Эносъ-Мидія» (т.-е. послѣ завоеванія этой территоріи у турокъ), гарантируютъ Болгаріи «по окончаніи войны» часть Македоніи, включая Охриду и Монастырь (т.-е. послѣ добровольной или вынужденной уступки этихъ земель и городовъ сербами), съ тѣмъ условіемъ, «чтобы Болгарія не вступала въ означенную область до заключенія мира»; сверхъ того, болгарамъ обѣщана была «денежная помощь». Въ іюлѣ, въ отвѣтъ на просьбу болгарскаго правительства разъяснить нѣкоторые пункты предъявленной ноты, союзники подтвердили, что они «гарантируютъ Болгаріи безспорную зону по картѣ 1912 года и принимаютъ на себя обязательство въ томъ, что только подъ этимъ условіемъ Сербія получитъ послѣ войны какія-либо территоріальныя приращенія». Съ своей стороны «Болгарія должна опредѣлить срокъ своего выступленія противъ Турціи» и количество войскъ, съ которыми она выступитъ; иначе сдѣланное предложеніе должно было считаться несостоявшимся. Послѣ того какъ Сербія «въ принципѣ» согласилась на требуемыя отъ нея жертвы, балгарскому правительству было вновь и въ послѣдній разъ заявлено нотою 1 сентября, что «державы готовы гарантировать Болгаріи уступку Сербіею части Македоніи по договору 1912 года тотчасъ по окончаніи войны; эта гарантія обусловливается обѣщаніемъ Болгаріи въ недалекомъ будущемъ заключить съ союзными державами военную конвенцію касательно ея выступленія противъ Турціи». Предлагаемая гарантія, очевидно, могла бы имѣть значеніе только въ случаѣ полной побѣды союзниковъ: Болгарія получитъ Македонію, если союзникамъ удастся завоевать для Сербіи Боснію съ Герцеговиною или другія австрійскія или турецкія земли и закрѣпить эти завоеванія будущимъ миромъ, а за это обѣщаніе она должна теперь же вступить въ войну не только съ Турціею, но и съ Германіею, и Австро-Венгріею.

Дипломатія совершила несомнѣнную ошибку, принявъ свою увѣренность въ будущей побѣдѣ за реальную почву для опредѣленныхъ обязательствъ, взамѣнъ которыхъ можно требовать немедленныхъ дѣйствительныхъ жертвъ; и потому всѣ переговоры съ Болгаріею были въ сущности вполнѣ безцѣльны. А между тѣмъ противники соблазняли Болгарію немедленнымъ полученіемъ Ѳракіи до линіи Эноса и Мидіи, занятіемъ Македоніи въ желательныхъ для болгаръ предѣлахъ при помощи австро-германскихъ войскъ и сверхъ

того субсидіею въ размѣрѣ пятидесяти милліоновъ марокъ въ мѣсяцъ. Переговоры Болгаріи съ Турціею при германскомъ посредничествѣ, дипломатическая миссія князя Гогенлоэ-Лангенбурга, его разъѣзды изъ Софіи въ Константинополь и обратно, визитъ герцога Мекленбургскаго съ секретнымъ порученіемъ къ царю Фердинанду, — все это происходило почти на глазахъ нашихъ дипломатовъ, которые однако продолжали надѣяться на убѣдительную силу своихъ предложеній, поддерживаемыхъ непререкаемымъ для Болгаріи нравственнымъ авторитетомъ Россіи.

Послѣднія формальныя обѣщанія относительно уступки части Македоніи послѣ войны сдѣланы были уже послѣ того, какъ фактически состоялось турецко-болгарское соглашеніе, въ силу котораго Турція добровольно отдавала Болгаріи Ѳракію съ предмѣстьемъ Адріанополя, пространствомъ всего въ 2.300 квадратныхъ километровъ. Для всѣхъ было ясно, что такая колоссальная уступка дѣлается не даромъ и что болгарское правительство окончательно присоединилось къ враждебному намъ турецко-германскому лагерю. Тѣмъ не менѣе союзные дипломаты все еще ожидали отрезвленія Болгаріи, и когда объявлена была болгарская мобилизація, они готовы были повѣрить, что она означаетъ лишь вооруженный нейтралитетъ. Только черезъ десять дней послѣ мобилизаціи, когда въ страну прибыли германскіе офицеры, дипломаты «согласія» сообразили, что дѣло клонится къ развязкѣ, и они предприняли запоздалый шагъ, предъявивъ въ Софіи требованіе о разрывѣ съ Германіею и объ изгнаніи ея офицеровъ. Остальное извѣстно: Болгарія, вопреки миролюбивымъ увѣреніямъ своего министра-президента, двинула свои войска противъ Сербіи подъ предлогомъ мнимаго пограничнаго нападенія сербовъ не то у Бѣлградчика, не то у другого пункта; затѣмъ послѣдовало объявленіе войны со стороны державъ четверного согласія, начиная съ Россіи. Однако, ни мы, ни наши союзники не можемъ въ данный моментъ послать на Балканы достаточнаго количества войскъ, чтобы остановить наступательное движеніе огромныхъ силъ, направляемыхъ такимъ опытнымъ полководцемъ, какъ Макензенъ, и Сербія рискуетъ быть раздавленною прежде, чѣмъ мы успѣемъ придти ей на помощь. Въ этомъ и заключается трагизмъ положенія на Балканахъ.

Предательство Болгаріи значительно облегчило задачу нашихъ противниковъ; слишкомъ много времени потрачено было на безплодные переговоры, вмѣсто того чтобы заранѣе принять необходимыя мѣры обороны противъ австро-германскаго плана, подготовлявшагося въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Если болгарскіе

правители поступали коварно и грубо, воображая себя большими реалистами, то дипломатія союзныхъ кабинетовъ дѣйствовала уже черезчуръ довѣрчиво и сантиментально. Правда, казалось какъ-то противоестественнымъ, чтобы болгары, освобожденные отъ турецкаго ига менѣе полувѣка тому назадъ и еще недавно стоявшіе во главѣ побѣдоносной балканской федераціи противъ Турціи, соединились теперь съ турками и австро-германцами для совмѣстнаго разгрома Сербіи и для открытія нашимъ врагамъ свободнаго пути къ турецкой территоріи. Когда центральныя имперіи задумали раздавить Сербію, то рѣшимость болгаръ напасть на нее изъ-за спины и ускорить ея гибель свидѣтельствуетъ о такой степени злобной ненависти, которая помрачаетъ разсудокъ и приводитъ къ преступленію. Болгарскіе патріоты думаютъ такимъ способомъ осуществить свои національные идеалы; они не скрывали своихъ взглядовъ въ этомъ направленіи, и только дипломатія не замѣчала того, что высказывалось постоянно въ печати, въ обществѣ и въ народномъ собраніи.

Столь же безплодны были результаты дипломатическихъ стараній союзныхъ державъ въ Греціи и Румыніи. И въ Аѳинахъ, и въ Бухарестѣ настроеніе мѣнялось въ зависимости отъ хода событій на главныхъ театрахъ войны. Пока успѣхъ былъ на нашей сторонѣ, греки и румыны выражали патріотическую готовность дѣйствовать совмѣстно съ нами для защиты своихъ интересовъ на Балканскомъ полуостровѣ; а когда наши дѣла ухудшались балканскіе друзья являлись уже сторонниками строгаго нейтралитета. Небольшія государства боятся рисковать, и правители ихъ неизбѣжно склоняются на сторону тѣхъ державъ, которыя въ данный моментъ кажутся имъ сильнѣе; это обстоятельство, къ сожалѣнію, мало принималось во вниманіе нашими дипломатами, которые въ сношеніяхъ съ балканскими правительствами придерживались одинаковой тактики, какъ въ періоды внѣшнихъ удачъ, такъ и въ періоды неудачъ. Изъ всѣхъ политическихъ дѣятелей Балканскаго полуострова только одинъ Венизелосъ имѣлъ опредѣленную программу, независимую отъ временныхъ поворотовъ въ ходѣ военныхъ дѣлъ; онъ смотрѣлъ дальше впередъ и глубже оцѣнивалъ факты, но именно потому долженъ былъ уступить мѣсто болѣе робкимъ и скромнымъ людямъ. Страна инстинктивно довѣряла ему и возлагала на него честолюбивыя надежды, но консервативныя парламентскія и придворныя группы боялись его прямолинейной смѣлости и старались обойтись безъ него; въ февралѣ, вслѣдствіе разногласія съ королемъ, онъ вышелъ

въ отставку, но былъ вновь выдвинутъ іюньскими парламентскими выборами, доставившими ему большинство, и вскорѣ онъ опять сталъ премьеромъ, послѣ удаленія Гунариса. На болгарскую мобилизацію онъ отвѣтилъ мобилизаціею греческой арміи, причемъ онъ заявлялъ, что Греція тотчасъ же выступитъ противъ Болгаріи, если послѣдняя нападетъ на Сербію. Въ историческомъ засѣданіи греческаго парламента 21 сентября Венизелосъ произнесъ пространную рѣчь, въ которой доказывалъ, что Греція обязана не только въ видахъ самосохраненія, но и по долгу чести остаться вѣрною союзному договору съ Сербіею. Интересы Греціи, по словамъ Венизелоса, вполнѣ солидарны съ стремленіями державъ согласія; она не можетъ допустить разгрома Сербіи турками и болгарами, такъ какъ послѣдствія этого разгрома имѣли бы роковое значеніе для греческой націи. Объясненія Венизелоса были одобрены палатою большинствомъ 142 голосовъ противъ 102; но на слѣдующій день онъ былъ приглашенъ къ королю, который заявилъ ему, что не раздѣляетъ его точки зрѣнія и не можетъ слѣдовать за нимъ въ области внѣшней политики. Занявшій мѣсто Венизелоса старый парламентскій сановникъ Заимисъ составилъ министерство изъ такихъ же, какъ онъ безцвѣтныхъ, практическихъ дѣльцовъ.

Кабинетъ Заимиса рѣшилъ соблюдать нейтралитетъ и не призналъ обязательнымъ для Греціи оказать вооруженную помощь сербамъ противъ Болгаріи, ибо въ союзномъ договорѣ 1913 года не было предусмотрѣно нападенія на Сербію, заодно съ болгарами, двухъ центральныхъ имперій. Этотъ искусственно придуманный доводъ, конечно, не выдерживаетъ критики: если Сербія подверглась нападенію не одной Болгаріи, то она еще въ большей мѣрѣ нуждается въ помощи, чѣмъ предвидѣлось въ договорѣ, и тѣмъ скорѣе должно быть исполнено союзное обязательство, принятое на себя Греціей. Противъ этого толкованія договора горячо возражалъ Венизелосъ, но большинство все-таки стоитъ за нейтралитетъ, такъ какъ боится Германіи и не вѣритъ въ скорое торжество ея противниковъ. Впрочемъ, министерство Заимиса просуществовало всего около мѣсяца: вслѣдствіе рѣзкой выходки военнаго министра въ парламентѣ, вызвавшей вотумъ недовѣрія, кабинетъ долженъ былъ выйти въ отставку, и преемникомъ Заимиса назначенъ 24 октября столь же старый, но гораздо менѣе извѣстный въ политическомъ мірѣ Скулудисъ. Въ составъ новаго кабинета вошли почти всѣ вышедшіе въ отставку министры, и общее направленіе греческой политики остается пока прежнимъ.

Румынія, какъ и Греція, имѣетъ основаніе опасаться усиленія

Болгаріи и давно стремится принять активное участіе въ происходящихъ событіяхъ для защиты своихъ національныхъ интересовъ, но, очевидно, воздерживается отъ вмѣшательства подъ вліяніемъ чувства страха передъ австро-германскимъ «засильемъ». Отсюда постоянныя колебанія политической атмосферы, въ связи съ успѣхами и неудачами обѣихъ воюющихъ сторонъ, и положить конецъ этимъ колебаніямъ могутъ только крупныя фактическія перемѣны, благопріятныя для противниковъ Германіи. То, что останавливаетъ Грецію и Румынію въ ихъ воинственныхъ планахъ—признаніе военныхъ преимуществъ Германіи—ускорило рѣшеніе болгарскаго правительства, которое увѣровало въ непобѣдимость германскаго могущества.

Эта же вѣра въ непобѣдимость Германіи вдохновляетъ, повидимому, и турецкихъ правителей и патріотовъ; такъ въ одномъ изъ недавнихъ засѣданій турецкаго парламента были произнесены восторженныя рѣчи о блестящихъ перспективахъ будущей побѣды. «Когда установится сообщеніе между нашими войсками и германскими,—говорилъ президентъ палаты Халиль-бей—наша армія получитъ возможность гораздо лучше исполнять свою задачу на всѣхъ фронтахъ; надежды нашихъ непріятелей навсегда потерпятъ крушеніе передъ Константинополемъ и проливами, и никогда не возродятся вновь. Самымъ важнымъ результатомъ этой войны будетъ образованіе, отъ Сѣвернаго моря до Индійскаго океана, могущественной группы державъ, которая обуздаетъ британскій эгоизмъ и окажетъ отпоръ русскому честолюбію. Для достиженія этихъ великихъ цѣлей турецкая нація съ гордостью принесетъ всевозможныя жертвы». Извѣстный Энверъ-паша, въ качествѣ военнаго министра, доложилъ собранію, что турки одержали блестящія побѣды на Кавказѣ и въ Дарданеллахъ, послѣ чего палата единодушно подтвердила неизбѣжность конечнаго успѣха Турціи и ея союзниковъ. Любопытно, что по этому случаю Энверъ-паша счелъ нужнымъ повторить нелѣпую выдумку о томъ, что война была навязана туркамъ нападеніемъ русскаго флота на турецкое побережье въ Черномъ морѣ,—какъ будто въ палатѣ никто не слыхалъ объ извѣстныхъ «самовольныхъ» подвигахъ турецко-германскихъ крейсеровъ—«Гебена» и «Бреслау». Турки во всемъ подражаютъ германцамъ—даже въ изобрѣтеніи небывалыхъ фактовъ, для оправданія собственныхъ дѣйствій.

Антигерманская коалиція проникнута совершенно другимъ духомъ, чѣмъ австро-германо-турецкая: первая состоитъ изъ равноправныхъ державъ, между которыми нѣтъ первенствующей и руководящей, а вторая представляетъ собою въ сущности одну напра-

вляющую и командующую силу—Германію, которой подчинены австро-венгерцы, турки и болгары. Эта существенная разница сказывается во всемъ поведеніи и характерѣ обѣихъ группъ: первая связана единствомъ цѣли, но можетъ проявлять разнообразные и не всегда согласованные способы для ея достиженія; вторая имѣетъ одну волю, сосредоточенную въ лицѣ германскаго императора и его главнаго штаба. Державы «согласія», при всей своей солидарности по отношенію къ противникамъ, могутъ иногда фактически обнаруживать несогласіе въ отдѣльныхъ случаяхъ; каждая изъ нихъ имѣетъ свою особую самостоятельную систему дѣйствій при осуществленіи условленнаго общаго плана, тогда какъ въ противоположномъ лагерѣ всѣ участники должны слѣдовать указаніямъ центральныхъ распорядителей. Если сознательная согласованность дѣйствій самостоятельныхъ державъ имѣетъ свои преимущества передъ практикою пассивнаго подчиненія, то она имѣетъ и свои неудобства: нѣтъ надлежащей быстроты въ принимаемыхъ рѣшеніяхъ и въ ихъ практическомъ осуществленіи; проявляется склонность къ продолжительнымъ переговорамъ и обсужденіямъ, при чемъ необходимыя исполнительныя мѣры нерѣдко запаздываютъ.

Такъ, напримѣръ, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Делькассе находилъ безполезнымъ вести дальнѣйшіе переговоры съ Болгаріей послѣ того, какъ выяснилась ея истинная роль; онъ настаивалъ на своевременной организаціи экспедиціоннаго корпуса для противодѣйствія австро-германскому наступленію на Балканахъ, но—если вѣрить французскимъ газетамъ—не могъ убѣдить въ этомъ дипломатію союзниковъ, стремившуюся исчерпать до конца всѣ мирныя средства воздѣйствія на болгарскихъ правителей; проектъ экспедиціи былъ горячо поддержанъ Англіею послѣ разрыва съ Болгаріею, но въ осуществленіи его не могла тотчасъ же принять участіе Россія, а Италія отнеслась къ нему уклончиво. Возникшія тренія или разногласія по этому поводу нашли отголосокъ во французскомъ совѣтѣ министровъ и въ парламентскихъ кругахъ; Клемансо собирался обратиться къ правительству съ запросомъ о внѣшнихъ дѣлахъ, и Делькассе рѣшилъ выйти въ отставку подъ предлогомъ нездоровья, для избѣжанія упрековъ и обвиненій, на которыя неудобно было отвѣчать. Въ конфиденціальномъ письмѣ къ министру-президенту Вивіани онъ ссылался на существующія разногласія между нимъ и совѣтомъ министровъ по вопросамъ, касающимся направленія иностранной политики,—хотя глава кабинета не признавалъ существованія такихъ разногласій. Въ засѣданіи палаты 13 октября (нов. ст.) Вивіани рѣшительно отказался прочесть письмо Делькассе,—быть можетъ, потому, что въ немъ упоминалось о раз-

ногласіяхъ съ союзниками. Министерство поставлено было въ большое затрудненіе передъ палатою; Вивіани, взявшій на себя временно исполненіе обязанностей министра иностранныхъ дѣлъ, не только не могъ объяснить закулисныя причины отставки Делькассе, но долженъ былъ ограничиться общими успокоительными фразами относительно важныхъ военно-политическихъ интересовъ, о которыхъ говорили депутаты. Послѣ шумныхъ преній, продолжавшихся больше шести часовъ, формула довѣрія къ министерству была принята 372 голосами противъ 9, при 155 воздержавшихся.

Положеніе кабинета Вивіани сильно пошатнулось; нарушено было прежнее единодушіе въ стѣнахъ парламента по вопросамъ національной обороны. Двѣ недѣли спустя министерство вышло въ отставку, и министру юстиціи Аристиду Бріану было поручено составить новый кабинетъ. Бріанъ собралъ около себя выдающихся дѣятелей всѣхъ партій, въ томъ числѣ такихъ авторитетныхъ, какъ де-Фрейсинэ, Леонъ Буржуа, Комбъ и Жюль Гэдъ, назначенные министрами безъ портфелей; въ составъ кабинета вошелъ и Вивіани, въ должности министра юстиціи. Новое министерство представилось парламенту 21 октября и изложило свою программу въ подробной деклараціи, прочитанной въ палатѣ Бріаномъ, а въ сенатѣ—Вивіани.

«Сильная единеніемъ правительства съ народомъ и парламентомъ,—говорится между прочимъ въ деклараціи—Франція доведетъ войну до конца, до побѣды, въ результатѣ которой непріятель будетъ изгнанъ какъ изъ областей, населеніе которыхъ страдаетъ уже много мѣсяцевъ отъ вражескаго нашествія, такъ и изъ тѣхъ, которыя уже многіе годы терпятъ непріятельское иго. Франція положитъ оружіе лишь тогда, когда врагъ будетъ обезсиленъ; она подпишетъ миръ лишь тогда, когда побѣдою возстановитъ право и получитъ всѣ гарантіи прочнаго мира. Этой цѣли союзники достигнутъ поддержаніемъ тѣсной между собою солидарности. Съ каждымъ днемъ крѣпнутъ взаимныя узы.., но согласованность усилій союзниковъ должна сдѣлаться еще болѣе полною и болѣе рѣшительною. Какъ ни трудно добиться, этой согласованности на столь различныхъ и отдаленныхъ другъ отъ друга театрахъ военныхъ дѣйствій, мы тѣмъ не менѣе твердо рѣшили проводить ее на практикѣ посредствомъ болѣе частаго обмѣна мнѣній и болѣе близкаго взаимнаго общенія... Мы вполнѣ сговорились съ Англіей относительно военныхъ дѣйствій на Балканахъ; Франція и ея союзники не покинутъ геройской Сербіи». Декларація кончается словами: «Центральныя имперіи могутъ отсрочить свое пораженіе, но не устранить его. Что касается насъ, то мы твердо рѣшили бороться до конца; непріятелю

нечего разсчитывать ни на утомленіе, ни на колебанія съ нашей стороны. Мы воодушевлены желаніемъ побѣдить, и мы побѣдимъ».

Бодрый тонъ этихъ министерскихъ заявленій соотвѣтствуетъ, вѣроятно, общему настроенію Франціи. Особеннаго вниманія заслуживаютъ слова деклараціи о тѣсной солидарности союзниковъ и о необходимости болѣе полной согласованности ихъ дѣйствій, а также о томъ, что «мы (французы) вполнѣ сговорились съ Англіею относительно военныхъ операцій на Балканахъ»,—безъ упоминанія о другихъ союзникахъ.

Почти одновременно съ деклараціею Бріана британскій премьеръ Асквитъ представилъ въ палатѣ общинъ гораздо болѣе обстоятельныя и откровенныя объясненія объ общемъ положеніи дѣлъ. «Нація желаетъ быть освѣдомленною—говорилъ онъ въ засѣданіи 20 октября—и это желаніе является вполнѣ естественнымъ и законнымъ,—конечно, въ предѣлахъ, допускаемыхъ требованіями военной и дипломатической тайны». Асквитъ по возможности старался удовлетворить это желаніе. «Нѣкоторыя части горизонта—по его словамъ—покрыты тучами, но мы должны обладать необходимымъ чувствомъ перспективы и безпредѣльнымъ запасомъ мужества и терпѣнія». Говоря о Сербіи, премьеръ сообщилъ о полномъ соглашеніи съ Франціею, о которомъ говорилъ и Бріанъ; въ силу этого соглашенія «Сербія можетъ быть увѣрена, что союзники разсматриваютъ сохраненіе ея независимости какъ одну изъ главныхъ цѣлей настоящей войны». Несмотря на нѣкоторыя серьезныя ошибки и неудачи, Англія, по мнѣнію Асквита, можетъ вполнѣ разсчитывать на конечный успѣхъ. Подъ начальствомъ фельдмаршала Френча находится теперь около милліона человѣкъ; сверхъ того имѣются англійскія войска у Дарданеллъ, въ Египтѣ и въ другихъ мѣстахъ. Британскія колоніи приняли широкое и самоотверженное участіе въ увеличеніи военныхъ силъ имперіи; Канада выставила 96 тысячъ человѣкъ, Австралія—92 тысячи, Новая Зеландія—25 тысячъ, объ Индіи и говорить нечего. На судахъ британскаго флота перевезено адмиралтействомъ два съ половиною милліона человѣкъ, при чемъ потеря составляла лишь одну десятую часть процента. «Флотъ очистилъ моря всего міра отъ германскихъ судовъ. Гдѣ теперь тотъ флотъ, который долженъ былъ служить постоянной угрозой для Великобританіи? Запертый въ Балтійскомъ морѣ, онъ не смѣетъ показаться, такъ какъ иначе онъ былъ бы уничтоженъ». «Британскія подводныя лодки—продолжалъ Асквитъ—потопили или повредили въ Мраморномъ морѣ два броненосца, пять канонерокъ, одинъ миноносецъ, пять транспортовъ и 197 вспомогательныхъ судовъ.

Дарданелльское предпріятіе имѣло огромное значеніе и вызывалось необходимостью «открыть непосредственное сообщеніе съ Чернымъ моремъ и облегчить доступъ въ Англію хлѣбныхъ и другихъ продуктовъ; оно давало въ то же время возможность нанести ударъ въ самое сердце Турціи», но основательно задуманная операція не могла быть исполнена однимъ флотомъ, а свободныхъ сухопутныхъ войскъ не было еще въ распоряженіи Англіи въ февралѣ текущаго года; въ этомъ и заключалась коренная ошибка въ первоначальной постановкѣ всего предпріятія. Энергическія военно-морскія атаки повторялись въ теченіе цѣлаго мѣсяца и «достигли своего кульминаціоннаго пункта въ бомбардировкѣ проливовъ, 5 марта; дѣло окончилось отступленіемъ флота и потерей или поврежденіемъ нѣсколькихъ крупныхъ боевыхъ единицъ». Подъ вліяніемъ этого печальнаго опыта военноморскіе авторитеты пришли къ заключенію, что необходимы одновременныя комбинированныя дѣйствія морскихъ и сухопутныхъ силъ; на этихъ началахъ былъ выработанъ новый планъ, который однако также потерпѣлъ неудачу въ августѣ мѣсяцѣ,—хотя «шансы на успѣхъ казались и для насъ и для участниковъ дѣла на мѣстѣ, не только большими, но и подавляющими». И все-таки, по мнѣнію Асквита, неудавшіяся Дарданелльскія операціи принесли свою долю пользы; онѣ отвлекли часть турецкихъ войскъ отъ кавказскаго фронта, предупредили наступленіе турокъ въ Египтѣ, обезпечили успѣхи британской экспедиціи въ Месопотаміи, и вмѣстѣ съ тѣмъ косвенно отдалили на нѣсколько мѣсяцевъ вступленіе Болгаріи въ союзъ съ Германіею. «Не надо забывать, что за все время войны и до настоящаго времени наши силы на Галлипольскомъ полуостровѣ задерживали и задерживаютъ турецкую армію приблизительно въ двѣсти тысячъ человѣкъ, которая могла бы причинить неисчислимыя бѣдствія на другихъ театрахъ войны». Правительство продолжаетъ самымъ тщательнымъ образомъ обсуждать положеніе вещей у Дарданеллъ, «въ связи съ широко поставленными стратегическими задачами, выдвинутыми на очередь новѣйшею эволюціею военныхъ событій на ближнемъ Востокѣ». Въ заключеніе Асквитъ затронулъ поднятый недавно вопросъ о введеніи въ Англіи всеобщей воинской повинности и высказался весьма опредѣленно, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, противъ всякаго принужденія въ области вербовки людей въ армію при настоящемъ положеніи дѣлъ; такое принужденіе, по его словамъ, «явилось бы опасностью для національнаго единства и могло бы быть съ успѣхомъ примѣнено только съ общаго согласія». Если бы, однако, оказалось, что при данной системѣ невозможно собрать достаточное количество солдатъ, то страна была бы вынуждена замѣнить пополненіе арміи добро-

вольцами какою-либо формою обязательной службы, но «вѣроятно, до этого дѣло не дойдетъ».

Объясненія британскаго премьера были выслушаны съ напряженнымъ вниманіемъ и встрѣтили единодушное одобреніе парламента безъ различія партій. Въ отличіе отъ французскихъ министровъ, которые въ силу традиціи соблюдаютъ большую и иногда чрезмѣрную сдержанность въ публичныхъ заявленіяхъ по военно-политическимъ дѣламъ,—даже такимъ, какъ вопросъ о мотивахъ отставки Делькассе,—Асквитъ не стѣсняется сообщать подробныя свѣдѣнія о происходившихъ военныхъ операціяхъ и добросовѣстно признаетъ допущенныя въ нихъ ошибки, нисколько не умаляя своей спокойной и твердой увѣренности въ успѣшномъ конечномъ исходѣ войны. И парламентъ и страна довѣряютъ ему именно въ силу его правдивости. Англичане избѣгаютъ громкихъ и красивыхъ фразъ, которыя въ другихъ странахъ пускаются въ ходъ для такъ называемаго подъема настроенія; они трезво и дѣловито оцѣниваютъ событія и желаютъ знать о нихъ правду для того, чтобы вѣрнѣе и лучше направить всѣ усилія къ достиженію общей національной цѣли. Союзъ съ такими государствами, какъ Англія и Франція, долженъ считаться гарантіей успѣха, и надо надѣяться, что, общими силами союзниковъ, удастся заставить Германію прекратить безсмысленно-жестокое кровопролитіе.

НА ТЕМЫ ДНЯ.

Десятая годовщина манифеста 17-го октября. — Крайніе правые, просто правые и министерство. — Крылатое слово о „внутреннихъ врагахъ". — Замѣчательное воззваніе. — Административная ссылка. — Двѣ категоріи партій.—Субсидированная печать.—Письмо г. Струкова. — Дворянскіе выборы въ Госуд. Совѣтъ. — Недолговѣчные министры.—Послѣднія перемѣны въ составѣ кабинета.

Два мѣсяца тому назадъ можно было думать, что десятая годовщина манифеста 17-го октября застанетъ русскую политическую жизнь приблизившеюся или приближающеюся къ нормѣ, намѣченной этимъ государственнымъ актомъ. Больше чѣмъ когда-либо, въ виду военныхъ событій, чувствовалась необходимость внутренняго единенія—и больше чѣмъ когда-либо оно представлялось до извѣстной степени достижимымъ. Въ Государственной Думѣ, въ

первый разъ послѣ 1906-го года, сложилось крѣпкое, повидимому, большинство, установившее сравнительно легко осуществимую программу и указавшее способъ перехода отъ словъ къ дѣлу. Еще недавно немыслимое стало казаться возможнымъ: образовались точки соприкосновенія между большинствомъ Государственной Думы и если не большинствомъ, то значительною частью Государственнаго Совѣта. Къ лозунгамъ прогрессивнаго блока, поддержаннымъ почти всею независимою печатью, присоединились прочно организованные союзы, доказавшіе свою жизнеспособность на театрѣ и въ тылу театра военныхъ дѣйствій; ихъ примѣру послѣдовалъ рядъ общественныхъ учрежденій, не исключая и такихъ, которыя долго оставались въ сторонѣ отъ новыхъ теченій. Казалось, что противъ общаго движенія не устоитъ и министерство, за послѣдніе мѣсяцы нѣсколько измѣнившееся въ своемъ составѣ. Случилось не то: не было ускорено возобновленіе занятій Госуд. Думы, не были выслушаны депутаціи союзовъ общеземскаго и общегородского, а перемѣна въ министерствѣ произошла въ направленіи, противоположномъ ожидавшемуся. Не праздничнымъ, поэтому, было настроеніе, въ которомъ русское общество встрѣтило день 17-го октября. Неразрѣшенными, по-прежнему, остаются возбужденные тогда вопросы, не одинаково для всѣхъ яснымъ путь, по которому съ тѣхъ поръ идетъ Россія, неустраненнымъ—основное недоразумѣніе, такъ дорого уже стоившее государству.

Во многихъ западно-европейскихъ странахъ, раньше Россіи совершившихъ переходъ отъ неограниченной монархіи къ конституціонализму, различна была оцѣнка этого перехода. Рядомъ съ сторонниками онъ находилъ противниковъ, рядомъ съ одобреніемъ вызывалъ порицаніе; одни считали его преждевременнымъ, другіе—запоздалымъ; одни ставили ему въ вину избытокъ, другіе—недостатокъ рѣшительности; но никто не сомнѣвался въ томъ, что переходъ состоялся, что образъ правленія уже не прежній, что возвращеніе къ старинѣ возможно лишь путемъ насилія, а не путемъ закона. Иною была судьба манифеста 17-го октября, не только вслѣдъ за его обнародованіемъ, но и послѣ изданія декабрьскаго избирательнаго закона, февральскаго учрежденія Госуд. Думы, апрѣльской редакціи основныхъ законовъ. Не только на страницахъ услужливыхъ газетъ, но и съ думской каѳедры до сихъ поръ дѣлаются попытки свести на нѣтъ весь разрывъ съ прошлымъ, обратить октябрьскіе дни въ какой-то сонъ, необязательный послѣ пробужденія. Въ основныхъ законахъ власть монарха уже не именуется неограниченною, но крайніе правые называютъ себя поклонниками неограниченнаго самодержавія, какъ и прежде господствующаго надъ Россіей,

Эта политическая ересь держится упорно, выступаетъ самоувѣренно, претендуетъ на вліяніе и власть. Сама-по-себѣ, проповѣдуемая безъ таланта, безъ истиннаго увлеченія, не распространяющаяся ни въ ширь, ни въ глубь, не встрѣчающая отголоска ни въ образованной средѣ, ни въ народныхъ массахъ, она представляетъ величину, которую безъ большой ошибки можно было бы назвать безконечно малой; но извнѣ она заимствуетъ извѣстную долю силы, конечно— не идейной, а матеріальной. Ея ученіе исповѣдуютъ такъ называемые «крайніе правые»; но гдѣ оканчиваются крайніе правые и начинаются просто правые? И въ какой мѣрѣ солидарны между собою тѣ и другіе? Отвѣтъ на эти вопросы не безразличенъ потому, что правыми (просто правыми) прямо называютъ себя нѣкоторые изъ числа министровъ. Скажемъ больше: правымъ можетъ быть названо теперь, несмотря на уходъ г.г. Маклакова и Щегловитова, все министерство.

Было время, когда кабинетъ П. А. Столыпина, въ лицѣ своего премьера, искалъ точку опоры въ центрѣ Госуд. Думы — третьей Госуд. Думы, въ которой съ самаго начала далеко не опредѣленной была демаркаціонная черта между центромъ и правой. Достигнувъ, при помощи октябристовъ, двухъ главныхъ своихъ цѣлей—проведя землеустроительные законы и общеимперское законодательство для Финляндіи, — П. А. Столыпинъ создалъ себѣ «лейбъ-партію» изъ только-что образовавшейся группы націоналистовъ. Далекіе въ то время отъ раскола, внесеннаго въ ихъ среду нынѣшнею войною, націоналисты шли рука объ руку съ крайними правыми, не такъ откровенно, какъ послѣдніе, склоняясь на сторону прошлаго, но, въ сущности, раздѣляя ихъ политическую вѣру. Тройственный союзъ—министерство, крайніе правые, націоналисты— пережилъ своего основателя, работалъ сообща во время выборовъ 1912-го года, вышелъ изъ нихъ если не побѣдителемъ, то во всякомъ случаѣ и не побѣжденнымъ, отстаивалъ политику г.г. Кассо, Щегловитова и Маклакова даже тогда, когда ею возмущалось большинство четвертой Думы, и сохранилъ свою неприкосновенность и послѣ того какъ премьеромъ, на мѣсто гр. Коковцова, сталъ И. Л. Горемыкинъ. Распаденіе его началось лишь во время послѣдней думской сессіи. Годъ войны у многихъ раскрылъ глаза на многое; попытки крайнихъ правыхъ тѣснѣе слиться съ націоналистами привели къ противоположному результату, отдаливъ отъ первыхъ значительную часть послѣднихъ. Лѣвая группа націоналистовъ, войдя въ составъ прогрессивнаго блока, порвала—какъ и фракція центра— всякую связь съ правыми; остальные націоналисты слились съ крайними правыми, образовавъ вмѣстѣ съ ними такъ называемый «черный

блокъ». Стерлась, тѣмъ самымъ, грань между крайними правыми и просто правыми. И до тѣхъ поръ, пока министерство, пополняясь бывшими правыми (все равно, съ прибавкой эпитета или безъ прибавки), держитъ курсъ направо, трудно отрѣшиться отъ презумпціи, что оно раздѣляетъ символъ вѣры своихъ союзниковъ. Нѣтъ надобности объяснять, въ какой степени этимъ усложнено и затруднено положеніе, и безъ того бывшее достаточно сложнымъ и труднымъ.

Но вѣдь изъ среды правыхъ, даже крайнихъ правыхъ, вышелъ новый министръ внутреннихъ дѣлъ,—а между тѣмъ въ словахъ, сказанныхъ имъ при вступленіи въ должность, можно найти немало нотъ, плохо гармонирующихъ съ политическимъ старовѣрствомъ. Онъ видитъ залогъ плодотворной дѣятельности правительства въ сплоченіи власти съ обществомъ; онъ находитъ, что «авторитетъ Госуд. Думы за послѣднее время чрезвычайно укрѣпился»; онъ убѣжденъ, что «во взглядахъ на законодательныя палаты нѣтъ разногласія между обществомъ и правительствомъ»; по его словамъ, «власть считаетъ Госуд. Думу крупною творческою силой». Да, бывшимъ товарищамъ А. Н. Хвостова по партіи, бывшимъ поклонникамъ его, какъ нижегородскаго губернатора, всѣ эти заявленія нравиться не могутъ; но для правильной ихъ оцѣнки необходимо разсмотрѣть ихъ въ связи съ общимъ характеромъ его выступленій. На вопросъ объ отношеніи его ко времени созыва Думы, сдѣланный ему, на другой день послѣ вступленія его въ должность, однимъ изъ газетныхъ интервьюеровъ, онъ отвѣтилъ такъ: «Дума должна быть созвана, но я не вижу основаній дѣлать это раньше, чѣмъ это было предуказано. Созвать ее до ноября—значило бы идти на уступки обществу».—«А развѣ такъ страшно—замѣтилъ его собесѣдникъ,—идти на уступки обществу?»—«Не страшно,—возразилъ А. Н. Хвостовъ,—но общество въ данномъ случаѣ капризничаетъ. Уступать капризамъ, хотя бы и политическимъ, не слѣдуетъ. Власть должна быть твердой». Когда, два дня спустя, во время общей бесѣды министра съ представителями печати, одинъ изъ нихъ упомянулъ о неудовольствіи, вызванномъ въ обществѣ этими словами, А. Н. Хвостовъ объяснилъ ихъ маловажностью вопроса о времени созыва Думы, сравнительно съ тѣми колоссальными задачами государственной и исторической цѣнности, среди которыхъ протекаетъ теперь русская жизнь. Но вѣдь именно важностью этихъ задачъ и обусловливалась та страстность, съ которою широкіе круги общества стояли сначала за созывъ Думы, потомъ, когда возникли слухи о перерывѣ сессіи—за ея продолженіе, а когда перерывъ состоялся—за скорѣйшее ея возобновленіе. Видѣть въ этомъ «политическій капризъ»—значитъ держаться старой точки

зрѣнія, признающей за властью монополію высшей государственной мудрости и считающей, что чѣмъ труднѣе задачи, чѣмъ запутаннѣе вопросы, тѣмъ больше слѣдуетъ оставить въ привычныхъ рукахъ если не исключительное, то преимущественное право ихъ рѣшенія. Исходя изъ этого, еще недавно господствовавшаго взгляда, обществу и народу можно вполнѣ послѣдовательно рекомендовать благоразумное и кроткое терпѣніе; но совмѣстима ли такая рекомендація съ вѣрой въ «творческую силу» народнаго представительства, въ плодотворность «сплоченія власти съ обществомъ»? Сплоченіе — если не отождествлять его съ подчиненіемъ,—достигается именно путемъ уступокъ, принципіально отвергаемыхъ А. Н. Хвостовымъ. Твердость власти, выражающаяся въ невниманіи къ голосу общества—это твердость стараго покроя, идущая въ разрѣзъ съ требованіями и условіями новаго режима; это—твердость бюрократіи, увѣренной въ своей непогрѣшимости, а не правительства, сила котораго заключается въ единеніи съ страною.

Можно ли, однако, говорить теперь о бюрократіи, какъ о «самостоятельной политической категоріи», какъ объ организованной силѣ, претендующей на руководящую роль въ народной жизни? Существуетъ мнѣніе, что бюрократіи въ этомъ смыслѣ у насъ уже нѣтъ, что бюрократія стала «собирательнымъ псевдонимомъ отдѣльныхъ личностей, словеснымъ клише, утратившимъ всякую связь съ жизнью». Едва-ли это такъ. «Собирательнымъ псевдонимомъ» бюрократія является вездѣ и всегда, потому что выразителями ея тенденцій, обладателями представляемой ею силы вездѣ и всегда служатъ не столько учрежденія, сколько лица; измѣняется ихъ число, измѣняется форма распредѣленія между ними вліянія и власти, но личный элементъ никогда не поглощается, безъ остатка, коллективнымъ. «Собирательнымъ псевдонимомъ» бюрократію можно было назвать при гр. Д. А. Толстомъ или при В. К. Плеве съ не меньшимъ правомъ, чѣмъ при П. А. Столыпинѣ. Существующею бюрократія должна быть признаваема до тѣхъ поръ, пока въ дѣлахъ управленія преобладаютъ свойственныя ей черты: увѣренность въ превосходствѣ правящихъ надъ управляемыми, высокомѣрное отношеніе къ «ограниченному уму подданныхъ», систематическое отрицаніе «уступокъ», своеобразное пониманіе «сильной власти». Въ переходныя эпохи эти черты не такъ рѣзко подчеркиваются, не такъ ярко выступаютъ наружу; но если дѣйствіе ихъ менѣе замѣтно, это еще не значитъ, чтобы оно было менѣе интенсивно. Не въ нихъ однѣхъ, но отчасти несомнѣнно въ нихъ слѣдуетъ искать объясненіе тому, что до сихъ поръ такъ мало вошли въ жизнь основныя начала, провозглашенныя манифестомъ 17-го октября. И только тогда, когда эти начала получатъ полное

осуществленіе, бюрократія перестанетъ быть тѣмъ, чѣмъ сдѣлали ее долгіе вѣка безправія и застоя.

Исходя изъ бюрократическаго взгляда на недопустимость уступокъ, А. Н. Хвостовъ поставилъ въ вину прогрессивному блоку включеніе въ его программу вопроса объ амнистіи. «Амнистію», воскликнулъ министръ, «можно даровать, но ее нельзя давать подъ давленіемъ требованій». Другими словами, желаніе общества можетъ быть принято во вниманіе только тогда, когда оно остается невыраженнымъ; иначе оно превращается въ «давленіе», и потому исполненію не подлежитъ. Получается волшебный кругъ, о которомъ, при нормальныхъ отношеніяхъ между обществомъ и властью, не могло бы быть и рѣчи. Остается невыясненнымъ, распространяется ли отводъ, предъявленный А. Н. Хвостовымъ противъ пункта объ амнистіи, на другіе однородные пункты программы прогрессивнаго блока, напр. на возвращеніе административно-ссыльныхъ, зависящее непосредственно отъ власти министра внутреннихъ дѣлъ. Въ настоящій моментъ, по словамъ А. Н. Хвостова, «въ Россіи нѣтъ внутренняго врага, кромѣ тѣхъ, кто спекулируетъ на предметахъ первой необходимости». Не обязываютъ ли эти слова? Не вытекаетъ ли изъ нихъ необходимость отказа отъ привычно-широкаго примѣненія усиленной и чрезвычайной охраны? До какихъ предѣловъ оно доходило еще недавно,—а, можетъ быть, доходитъ и до сихъ поръ,—объ этомъ даетъ понятіе слѣдующій фактъ, оглашенный въ печати. Вскорѣ послѣ начала войны изъ Финляндіи былъ высланъ въ Сибирь бывшій тальманъ финляндскаго сейма. Когда, въ іюлѣ мѣсяцѣ, приближался созывъ Государственной Думы, въ газетахъ появилось извѣстіе о предстоящемъ возвращеніи г. Свинхувуда на родину. Довольно долго эта вѣсть не встрѣчала ни подтвержденія, ни опроверженія, но ей трудно было не вѣрить; слишкомъ очевиденъ былъ случайный характеръ мѣры, принятой противъ одного изъ популярнѣйшихъ политическихъ дѣятелей Финляндіи. Оказалось, наконецъ, что г. Свинхувуду дѣйствительно было дано право выѣхать изъ Сибири, но не домой, а въ Симбирскую губернію, гдѣ ему должно быть назначено мѣсто жительства по усмотрѣнію губернатора (но отнюдь не въ самомъ Симбирскѣ). Неудивительно, что г. Свинхувудъ отказался воспользоваться этимъ «правомъ»; но неужели распоряженіе, ему объявленное, остается въ силѣ до сихъ поръ, и выѣздъ изъ Сибири и теперь возможенъ для него только подъ условіемъ поселенія вдали отъ родины, въ обстановкѣ, быть можетъ, ничуть не лучшей, чѣмъ сибирская? Вѣдь онъ не принадлежитъ къ единственной категоріи «внутреннихъ враговъ», призна-

ваемой А. Н. Хвостовымъ. И если онъ преданный другъ Финляндіи, то отсюда еще не слѣдуетъ, что онъ врагъ Россіи.

Возвращеніе административно-ссыльныхъ — не единственный логическій выводъ, который можно и должно сдѣлать изъ отсутствія «внутреннихъ враговъ». Только предположеніемъ о ихъ наличности можно было объяснить (но, конечно, не оправдать) принятое у насъ дѣленіе партій на допустимыя и недопустимыя, подлежащія и неподлежащія легализаціи. Демаркаціонная черта, проведенная между тѣми и другими, создаетъ неравенство, для котораго не должно быть мѣста въ правовомъ государствѣ, обращаетъ въ привилегію то, что должно быть общимъ достояніемъ, возводитъ разногласіе на степень вражды, настроеніе—на степень дѣйствія, предполагаемое намѣреніе—на степень доказаннаго преступленія. Есть партіи, которымъ отказываютъ въ правахъ общества, въ правахъ юридическаго лица; есть другія, простая принадлежность къ которымъ влечетъ за собою уголовное преслѣдованіе. Въ новый политическій строй перенесены совершенно несовмѣстныя съ нимъ представленія другой, закончившейся эпохи. Отсюда явное противорѣчіе: можно безпрепятственно быть членомъ части, но нельзя безнаказанно быть членомъ цѣлаго, въ составъ котораго она входитъ; можно быть членомъ с.-д. фракціи Государственной Думы, но нельзя быть членомъ россійской с.-д. партіи. Это противорѣчіе, особенно рѣзко бросающееся въ глаза со времени прошлогодняго процесса пяти с.-д. депутатовъ, коренится въ томъ взглядѣ на «внутреннихъ враговъ», отъ котораго категорически отказывается А. Н. Хвостовъ—взглядѣ, прямо идущемъ въ разрѣзъ съ манифестомъ 17-го октября. Если бы начала, лежащія въ основѣ этого манифеста, перешли въ дѣйствительность, «внутренними врагами» государства могли бы быть признаваемы только *насильственно* посягающіе на его существованіе, на его устройство, на его безопасность; мнѣніямъ, въ чемъ бы они ни заключались, былъ бы предоставленъ полный просторъ не только въ стѣнахъ, но и внѣ стѣнъ законодательныхъ учрежденій. И «внутреннихъ враговъ»—враговъ не только по имени, но и на самомъ дѣлѣ—стало бы отъ этого не больше, а меньше.

Исправить ошибку, длящуюся со времени изданія манифеста 17-го октября, было бы особенно легко именно теперь, когда обрисовалось отношеніе крайнихъ лѣвыхъ партій къ войнѣ державъ четверного согласія съ центральными имперіями и ихъ союзниками. Совѣщаніе русскихъ эмигрантовъ-соціалистовъ, происходившее во Франціи, рѣшительно отказалось «отъ противопоставленія борьбы за демократическія требованія участію въ дѣлѣ народной самообороны». Оно обратилось къ своимъ единомышленникамъ въ Россіи

съ призывомъ къ сближенію между собою «для дружнаго служенія своему народу въ часъ переживаемой имъ смертельной опасности». «На всѣхъ сознательныхъ дѣтяхъ трудового народа Россіи—читаемъ мы дальше, — лежитъ огромная отвѣтственность... Вырожденіе и развращеніе—вотъ чѣмъ грозитъ Россіи германская побѣда... Равнодушное отношеніе къ исходу настоящей войны было бы для васъ равносильно политическому самоубійству... Всякое вспышкопускательство въ тылу арміи, борющейся съ непріятелемъ, по своему значенію равнялось бы измѣнѣ, такъ какъ было бы услугой внѣшнему врагу... Генеральному штабу германской арміи нужны безпорядки въ Россіи, нужно все то, что облегчаетъ осуществленіе его завоевательныхъ плановъ. Но вы не захотите его обрадовать. Вы не забудете словъ дѣдушки Крылова: что врагъ совѣтуетъ, то, вѣрно, худо. Вамъ нужно настаивать на томъ, чтобы всѣ ваши представители самымъ дѣятельнымъ образомъ участвовали во всѣхъ учрежденіяхъ, подъ надзоромъ общественнаго мнѣнія создаваемыхъ теперь для борьбы съ внѣшнимъ врагомъ. Ваши представители должны по возможности принимать участіе въ работѣ не только спеціальныхъ техническихъ учрежденій, которыя создаются для обслуживанія нуждъ арміи, но и всѣхъ другихъ организацій общественнаго и политическаго характера». Такъ говорить въ такой моментъ не могли бы враги Россіи. На почвѣ общей опасности зарождаются условія внутренняго мира. Суждено ли имъ укрѣпиться и созрѣть — покажетъ ближайшее будущее. Разсѣяно, во всякомъ случаѣ, одно изъ предубѣжденій, стоявшихъ на пути къ сближенію: «пораженцами» крайнихъ лѣвыхъ теперь никто называть не станетъ.

Противниками внутренняго мира, столь необходимаго для побѣды надъ внѣшнимъ врагомъ, остаются представители реакціонной печати. Не совсѣмъ исчезли съ ея страницъ и слѣды преклоненія передъ сильной властью, олицетвореніемъ которой еще недавно служило, въ ея глазахъ, германское правительство. Не характерна ли, въ самомъ дѣлѣ, слѣдующая фраза: «Мы съ перваго дня твердили, что наша дипломатія стравитъ насъ съ Германіей во имя какихъ-то высшихъ всечеловѣческихъ идеаловъ». Не слышится ли въ ней желаніе снять съ центральныхъ имперій отвѣтственность за войну, несомнѣнно вызванную ими, только ими? Что на днѣ печати не ставятся ни во что «всечеловѣческіе идеалы»—это понятно; но даже и тамъ не мѣшало бы потверже помнить факты, прежде всего и больше всего опредѣляющіе собою отношеніе къ великой борьбѣ

между правомъ и неправдой. Весь запасъ ненависти и злобы, которымъ располагаетъ реакціонная пресса, изливается ею на «внутреннихъ враговъ»—тѣхъ внутреннихъ враговъ, которыхъ, по удостовѣренію А. Н. Хвостова, въ Россіи, въ переживаемое теперь время, нѣтъ вовсе. Если бы газеты, изо дня въ день сѣющія рознь и апеллирующія къ грубой силѣ, издавались на средства, получаемыя отъ подписки и розничной продажи, противъ ихъ существованія нельзя было бы сказать ни слова: свобода печати должна быть одинакова для всѣхъ, и всякое мнѣніе, достаточно распространенное въ странѣ, можетъ имѣть свой органъ. Этого требуетъ то, что англичане называютъ fair play; борьба правильна только тогда, когда она происходитъ при равныхъ для всѣхъ условіяхъ. Худшимъ нарушеніемъ этого равенства является вмѣшательство власти, выражающееся въ тайномъ субсидированіи тѣхъ или другихъ органовъ печати. Можно, очень можно сомнѣваться въ цѣлесообразности оффиціозной прессы, открыто служащей проводникомъ правительственныхъ воззрѣній; но она не старается казаться иною, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ, не надѣваетъ на себя маску независимости и скромно довольствуется ролью рупора, черезъ который говорятъ другіе. Читатель оффиціозной газеты знаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло; онъ ищетъ въ ней не отраженіе какой-то коллективной, самостоятельной силы, ею руководящей или ею руководимой, а просто отголосокъ правительственныхъ намѣреній и взглядовъ. Если она и именуетъ себя—какъ покойная «Россія»—«частнымъ изданіемъ», то это никого не вводитъ въ заблужденіе; всѣмъ ясно, что это только manière de parler или нѣчто въ родѣ самообмана, придуманнаго для собственнаго успокоенія. Совсѣмъ другое дѣло, когда газета, издаваемая, de facto, на казенныя деньги, живущая изо дня въ день только благодаря казенной поддержкѣ, выставляетъ себя органомъ широкихъ общественныхъ круговъ или даже—въ силу правила: quand on prend du galon, on n'en saurait trop prendre,—органомъ народной массы. Какъ отличить, въ такихъ случаяхъ, мнѣніе небольшого писательскаго кружка, мало кому извѣстнаго или слишкомъ хорошо извѣстнаго, отъ мнѣнія власти, безъ содѣйствія которой не могло бы существовать редактируемое этимъ кружкомъ изданіе? Нормально ли положеніе дѣлъ, при которомъ правительство во всякую данную минуту можетъ отречься отъ солидарности съ газетой, ему и только ему обязанной своимъ существованіемъ—а для газеты столь же легко отречься отъ солидарности съ правительствомъ? Сколько бы, поэтому, ни говорилось въ печати и даже въ Госуд. Думѣ о субсидіяхъ, получаемыхъ нѣкоторыми газетами, въ дѣйствительности такого факта могло оставаться нѣкоторое сомнѣніе. Теперь оно устраняется

подробнымъ спискомъ субсидируемыхъ изданій, напечатаннымъ въ одной изъ петроградскихъ газетъ [1]) и до сихъ поръ (я пишу недѣлю спустя послѣ его появленія) не вызвавшимъ оффиціальнаго опроверженія. Этотъ списокъ, по словамъ огласившей его газеты, представленъ новому министру внутреннихъ дѣлъ, желаніе котораго ознакомиться съ данной бюджетной статьей едва-ли можетъ быть объяснено однимъ любопытствомъ. Въ томъ видѣ, въ какомъ существуетъ у насъ теперь субсидируемая печать, она является одною изъ многочисленныхъ аномалій, созданныхъ послѣконституціоннымъ періодомъ русской исторіи. Новому государственному строю эта печать систематически враждебна; Государственная Дума, въ ея глазахъ,—не болѣе, какъ законосовѣщательное учрежденіе; свободы, провозглашенныя манифестомъ 17-го октября,—источникъ безначалія и смуты. Отсюда логически вытекаютъ отвѣты на всѣ злободневные вопросы. Чѣмъ позднѣе будетъ созвана Дума, чѣмъ короче будетъ ея сессія—тѣмъ лучше. Свободнымъ заявленіямъ общественныхъ учрежденій долженъ быть положенъ конецъ. До окончанія войны должны, среди всеобщей тиши и глади, раздаваться одни «благонамѣренные» голоса. Однажды установившись, такое положеніе продлится ad infinitum и послѣ заключенія мира... Если найдутся желающіе проповѣдывать все это на собственный рискъ и счетъ, мѣшать имъ, конечно, не слѣдуетъ; но не пора ли поставить такую проповѣдь въ тѣ условія, какія обязательны для всякой другой?

Обычная, повидимому, форма газетныхъ субсидій—денежныя выдачи, доходящія иногда, если вѣрить упомянутому выше списку, до 120 тысячъ рублей въ годъ; но есть и другіе способы «поддержки», напр. предоставленіе услужливой газетѣ всѣхъ объявленій того или другого вѣдомства, а типографіи, печатающей такую газету—различныхъ казенныхъ заказовъ. Не прекращаются до сихъ поръ и попытки основанія новыхъ субсидированныхъ изданій. По словамъ «Русскихъ Вѣдомостей» (№ 236), въ Петроградѣ происходило недавно совѣщаніе одного изъ руководителей московскихъ союзниковъ, В. Г. Орлова, съ Григоріемъ Распутинымъ и протоіереемъ Востоpговымъ, на которомъ рѣшено приступить въ ближайшее время, въ Москвѣ, къ изданію правой копѣечной газеты для народа. Издателями этой газеты должны быть три вышеназванныя лица. «Какъ передаютъ—читаемъ мы дальше,—денежная сторона газеты вполнѣ обезпечена, благодаря полученію крупной субсидіи, которая уже обѣщана». Во время бытности своей въ Петроградѣ г. Орловъ былъ принятъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ Бѣлецкимъ и

[1]) „Биржевыя Вѣдомости", № 15151.

министромъ путей сообщенія; послѣднему «онъ представилъ докладъ о настроеніи въ желѣзнодорожномъ мірѣ»... Опроверженія всѣхъ этихъ извѣстій въ печати, на сколько мнѣ извѣстно, не появлялось.

Весьма близкимъ, по направленію и способу дѣйствій, къ субсидируемой печати былъ до сихъ поръ совѣтъ объединеннаго дворянства, въ теченіе долгихъ лѣтъ находившій опору въ созываемыхъ имъ обще-дворянскихъ съѣздахъ. Война, многое освѣтившая новымъ свѣтомъ, поколебала и эту твердыню. Предсѣдатель совѣта, г. Струковъ, почувствовалъ перемѣну, совершающуюся вокругъ него, но не далъ себѣ отчета въ ея значеніи и силѣ; привыкнувъ во всемъ и всегда полагаться на поддержку власти, онъ обратился къ ней, какъ къ надежному оплоту противъ новыхъ теченій. Довольно долго письмо г. Струкова къ предсѣдателю совѣта министровъ было извѣстно только въ специфически дворянскихъ сферахъ; но даже тамъ оно не встрѣтило пріема, на который могло разсчитывать нѣсколько лѣтъ или даже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Теперь текстъ письма появился въ печати; установлена дата его отправленія (23 августа), установлено и то, что оно было составлено и отправлено одною группою членовъ совѣта, безъ вѣдома остальныхъ. «По глубокому убѣжденію совѣта—сказано въ этомъ письмѣ—произносимыя и передаваемыя прессою во всѣ концы страны лѣвыя рѣчи, нѣкоторыя заключенія столичныхъ совѣщаній и злоупотребленія печатнымъ словомъ являются предвѣстниками новыхъ смутъ, съ цѣлью измѣненія государственнаго строя Россіи. Только незыблемость основъ существующаго порядка, въ соединеніи съ твердою и единою правительственною властью въ центрѣ и на мѣстахъ, оградитъ страну отъ шатанія мыслей и внутренней смуты». Смыслъ письма становится вполнѣ ясенъ, если принять во вниманіе время его отправленія. «Лѣвыя рѣчи»—это, очевидно, рѣчи оппозиціонныхъ депутатовъ; 23-го августа думская сессія была въ полномъ разгарѣ. «Нѣкоторыя заключенія столичныхъ совѣщаній»—это резолюціи, принятыя 16-го августа въ Москвѣ кружкомъ общественныхъ дѣятелей и нѣсколько дней спустя нашедшія сочувственный откликъ въ московской городской думѣ, въ московскихъ собраніяхъ купеческомъ и биржевомъ. «Злоупотребленія печатнымъ словомъ»—это газетныя статьи, привѣтствовавшія новое движеніе. Угрозы порядку, элементовъ смуты во всемъ этомъ не было и слѣда—но было, безспорно, полнѣйшее расхожденіе съ стремленіями объединеннаго дворянства. И вотъ, представителями послѣдняго овладѣваетъ обычный страхъ передъ возможнымъ detrimentum ихъ вліянія; на сцену является обычный призывъ къ «консуламъ», т.-е., въ переводѣ съ латинскаго на русскій,—къ высшей полицейской власти. Пускай

прекратятся «лѣвыя рѣчи»—т.-е. пускай будутъ приняты мѣры, ведущія къ роспуску Государственной Думы; пускай будетъ положенъ конецъ «совѣщаніямъ»—т.-е. пускай будутъ разогнаны частныя собранія и взяты подъ надзоръ засѣданія общественныхъ учрежденій; пускай будутъ обузданы «злоупотребленія печатнымъ словомъ»—т.-е. пускай будутъ пущены въ ходъ всѣ ординарные и экстраординарные рессурсы цензуры. И недаромъ въ письмѣ говорится о твердой и единой власти въ центрѣ и на мѣстахъ; между строками здѣсь ясно читается страхъ, внушаемый перспективой «министерства общественнаго довѣрія» и возможностью ограниченія губернаторскаго произвола. Таковы прадѣдовскіе пріемы, рекомендуемые для борьбы съ «шатаніемъ мыслей», т.-е. съ естественнымъ, неотвратимымъ ростомъ общественнаго сознанія и политической мысли. Долго эти пріемы пускались въ ходъ, не встрѣчая ни противодѣйствія, ни возраженій въ средѣ объединеннаго дворянства; но теперь вопіющій контрастъ между ними и требованіями времени оказался черезчуръ рѣзкимъ. Уже въ собраніи петроградскаго дворянства, происходившемъ въ концѣ сентября, три уѣзда пытались выступить съ протестомъ противъ отжившихъ тенденцій; это не было допущено губернскимъ предводителемъ, но оппозиціонное настроеніе распространялось все дальше и дальше, и на дняхъ совѣщаніе предводителей дворянства и дворянскихъ депутатовъ Петроградской губерніи единогласно постановило поручить губернскому предводителю и другимъ представителямъ губерніи воздержаться отъ участія въ организаціи объединеннаго дворянства. Еще раньше полтавское губернское дворянское собраніе постановило выйти изъ состава объединеннаго дворянства. Этому рѣшенію предшествовали пренія, во время которыхъ слышались очень рѣзкіе отзывы объ учрежденіи, еще недавно игравшемъ видную роль не только въ дѣлахъ своего сословія. Одинъ изъ ораторовъ назвалъ совѣтъ объединеннаго дворянства «больнымъ органомъ, требующимъ операціи», другой—«проводникомъ вредныхъ для государства идей»; «просто не вѣрится—воскликнулъ онъ,—что въ совѣтѣ есть культурные люди»... Къ заключенію, неблагопріятному для объединеннаго дворянства, пришло и костромское дворянское собраніе.

Другимъ признакомъ, обнаруживающимъ сдвигъ налѣво въ средѣ дворянства, служитъ составъ выборщиковъ, которымъ предстоитъ избраніе семи членовъ отъ дворянства въ Гос. Совѣтъ. Въ ту минуту, когда пишутся эти строки, общій результатъ выборовъ еще неизвѣстенъ, но имѣются уже на-лицо характерные факты. Среди выборщиковъ оказалось два теченія, почти равносильныхъ: одно—близкое къ завѣтамъ объединеннаго дворянства, другое—близ-

кее къ программѣ прогрессивнаго блока. Судя по газетнымъ сообщеніямъ, къ первому теченію примкнули, кромѣ правыхъ, и такъ называемые нейдгардтцы; тѣмъ не менѣе оба баллотировавшіеся 23-го октября члены этой партіи большинства голосовъ не получили. При баллотировкѣ С. Е. Бразоля голоса раздѣлились поровну (35 и 35), а В. М. Андреевскій забаллотированъ 37 голосами противъ 33.

Наименѣе долговѣчнымъ министромъ, до наступленія конституціоннаго періода, былъ у насъ—если не считать кн. С. Н. Урусова, управленіе котораго министерствомъ юстиціи съ самаго начала разсматривалось лишь какъ переходъ отъ Д. Н. Замятнина къ графу К. И. Палену,—былъ князь П. Д. Святополкъ-Мирскій, стоявшій во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ съ августа 1904-го по январь 1905-го года, т.-е. около пяти мѣсяцевъ. Послѣ манифеста 17-го октября быстрая смѣна министровъ становится у насъ явленіемъ болѣе обыкновеннымъ; достаточно назвать, въ видѣ примѣра, Н. Н. Кутлера, И. П. Шипова, кн. Ширинскаго-Шихматова, В. И. Тимирязева. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, однако, причины перемѣнъ были болѣе или менѣе извѣстны и состояли въ тѣсной связи либо съ общимъ ходомъ политическихъ событій, либо съ опредѣленнымъ вопросомъ, возникшимъ въ предѣлахъ даннаго вѣдомства. Не такъ легко объяснимы послѣднія перемѣны въ составѣ кабинета. Съ небольшимъ три мѣсяца управлялъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ князь Н. Б. Щербатовъ; еще менѣе продолжительна была бытность А. Д. Самарина оберъ-прокуроромъ Св. Синода. Причины увольненія какъ того, такъ и другого остаются загадкой, пока неразрѣшимой. Особенно сильное впечатлѣніе произвела отставка А. Д. Самарина, одинаково неожиданная для него самого, для вѣдомства, въ которое онъ вступилъ, и для среды, въ которой онъ до своего назначенія игралъ выдающуюся роль. Съ рѣдкимъ единодушіемъ выразилось сочувствіе къ нему и въ московской городской думѣ, и въ рядахъ московскаго дворянства. Несомнѣнно доказаннымъ можно уже теперь считать одно: быстрые перерывы административной карьеры свойственны не только парламентарному режиму.

P. S. Дворянскіе выборы въ Госуд. Совѣтъ закончились только на третій день побѣдою нейдгардтцевъ. Соглашеніе между нейдгардтцами и «умѣренными» должно было привести къ рѣшительному «пораженію правыхъ»; но при голосованіи произошло что-то не-

предвидѣнное, и изъ семи мѣстъ два досталось на долю кандидатовъ, которыхъ проводили правые. Въ какой степени ген. Чеботаревъ и гр. П. С. Шереметевъ окажутся правовѣрными правыми—это, впрочемъ, еще не совсѣмъ ясно. Во всякомъ случаѣ благопріятнымъ для крайнихъ правыхъ результатъ выборовъ назвать нельзя.

P. P. S. Объ увольненіи В. А. Кривошеина и С. В. Рухлова стало извѣстно въ тотъ моментъ, когда настоящая статья была уже въ печати. Приходится только отмѣтить эти факты, оставляя ихъ оцѣнку до слѣдующаго мѣсяца.

К. Арсеньевъ.

ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

Десятилѣтіе манифеста 17 октября.—Власть сильная и власть „виноватая".—Слова и первые шаги новаго управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.—Упреки по адресу земскаго и городского союзовъ.—Экономныя и неэкономныя траты на войнѣ. — Борьба съ дороговизной. — Въ чемъ коренятся ея непосредственныя и внутреннія причины?

Тускло и безцвѣтно прошла первая юбилейная годовщина дня 17 октября. Правда, газеты отмѣтили десятую годовщину дарованія Россіи конституціи гораздо болѣе дружно и полно, чѣмъ она отмѣчалась въ предыдущіе годы. Немало было напечатано и воспоминаній. Октябристы собирались на банкеты. Но не въ томъ даже дѣло, что проявленій чествованія было, все-таки, очень немного, а въ томъ, что юбилейнаго, праздничнаго настроенія не было и слѣда. Общій тонъ передовыхъ статей и воспоминаній имѣлъ слишкомъ яркій характеръ не празднованія, а тризны. И было бы совершенно несправедливо относить этотъ, подернутый грустью, тонъ на счетъ внѣшнихъ условій переживаемаго момента,—войны. Война вспоминалась въ этотъ день какъ обстоятельство, связывающее конецъ десятилѣтія съ его началомъ. О войнѣ же, какъ причинѣ подавленнаго настроенія вообще и, въ частности, отсутствія настроенія юбилейнаго, не говорилъ и не писалъ рѣшительно никто.

Въ десятую, юбилейную дату напрашивались сами собой сопоставленія другого рода, цѣликомъ относящіяся къ событіямъ, фактамъ и обстоятельствамъ внутренней жизни. И наибольшую роль въ данномъ отношеніи сыграла, конечно, всего два мѣсяца тому назадъ опубликованная и оставшаяся ни въ чемъ не реализованной, про-

грамма прогрессивнаго парламентскаго блока. Дѣйствительно, какое ни взять изъ положеній программы, ни одно не представляетъ собою и тѣни чего-либо новаго, по сравненію съ словами манифеста 17 октября, съ текстомъ извѣстнаго доклада графа Витте и съ тѣми требованіями и желаніями, которыми тогда дополняли тезисы доклада средніе прогрессивные общественные круги, нынѣ объединившіеся на программѣ блока.

Первой заботой графа Витте, по объявленіи манифеста, было созданіе министерства съ широкимъ привлеченіемъ въ него общественныхъ дѣятелей. И эту заботу онъ ставилъ во главу угла именно потому, что только общественные дѣятели могли въ положеніи министровъ встрѣтить въ странѣ то довѣріе, необходимость котораго была тогда имъ сознана и на которое ни въ какомъ случаѣ не могли разсчитывать министры-бюрократы. Прошло десять долгихъ лѣтъ, и основной лозунгъ дня оказался формулированнымъ чуть не въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ. Въ программѣ блока читаемъ: «Нижеподписавшіеся... исходя изъ увѣренности, что только сильная, твердая и дѣятельная власть можетъ привести отечество къ побѣдѣ, и что такою можетъ быть лишь власть, опирающаяся на народное довѣріе, пришли къ единогласному заключенію», что первымъ условіемъ должно быть «созданіе объединеннаго правительства изъ лицъ, пользующихся довѣріемъ страны и согласившихся съ законодательными учрежденіями относительно выполненія въ ближайшій срокъ опредѣленной программы».

Первымъ слѣдствіемъ манифеста 17 октября и возглашенія гражданской свободы и новыхъ формъ государственнаго строя,—слѣдствіемъ, которое отразило желаніе страны,—была амнистія. Начиная перечень конкретныхъ мѣръ для осуществленія новой внутренней политики, программа блока также точно, прежде всего, говоритъ объ амнистіи. И, мало того,—говоритъ въ рамкахъ гораздо болѣе тѣсныхъ не только по сравненію съ тѣми, въ которыхъ десять лѣтъ тому назадъ вопросъ объ амнистіи рисовался въ общественномъ сознаніи, но даже по сравненію съ рамками послѣдовавшаго 22 октября 1905 года указа.

Обновленіе состава мѣстной администраціи ставилъ себѣ задачей, какъ видно изъ его доклада, графъ Витте. Особенно подчеркнулъ эту очередную въ 1905 году потребность ноябрьскій земскій съѣздъ въ Москвѣ, и навѣрное у многихъ еще сохранилось въ памяти, что отказъ графа Витте, когда уже многое измѣнилось и когда предсѣдатель совѣта министровъ уже раздѣлялъ полноту власти съ П. Н. Дурново,—что именно его отказъ пойти навстрѣчу данному требованію съѣзда опредѣлилъ собою окончательный разрывъ между

нимъ и представителями общественности. Десять лѣтъ спустя, программа блока снова, рядомъ со «строгимъ проведеніемъ начала законности въ управленіи» и т. д., говоритъ: «обновленіе состава мѣстной администраціи».

Нужно ли продолжать дальнѣйшія сопоставленія? Нужны ли еще доказательства того, что если бы слова манифеста о незыблемыхъ основахъ гражданской свободы «на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ»,—что если бы эти слова были въ теченіе десяти лѣтъ хоть частью реализованы, то программа блока была бы невозможна?

Черезъ десять лѣтъ, возвращаясь мыслью назадъ, видишь передъ собой голую дату. Того, что тогда связывалось въ надеждахъ съ этой датой, нѣтъ. Откуда же было явиться юбилейному подъему настроенія?..

Назначеніе А. Н. Хвостова управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, когда оно состоялось, было встрѣчено даже не какъ симптомъ условнаго значенія, а какъ яркій фактъ, свидѣтельствующій о побѣдѣ, одержанной крайними правыми.

И хотя въ первыхъ же словахъ, сказанныхъ А. Н. Хвостовымъ представителямъ печати, сквозило его желаніе перекинуть мостъ между собою и тѣмъ общественнымъ мнѣніемъ, выразителемъ котораго служатъ газеты, печатаемыя не на казенныя деньги, однако, формулируя поставленныя имъ себѣ конкретныя задачи, онъ назвалъ двѣ: борьбу съ нѣмецкимъ засильемъ и борьбу съ дороговизной. Задачи эти суть задачи, опредѣленно получившія среди правыхъ политическихъ теченій характеръ задачъ партійныхъ. И именно онѣ и недостаточно энергичное ихъ проведеніе со стороны правительства были основными темами той части рѣчи А. Н. Хвостова въ Думѣ 3 августа, въ которой онъ говорилъ не отъ себя лично, а высказывалъ мысли и требованія своей фракціи. Въ той же первой бесѣдѣ съ представителями печати А. Н. Хвостовъ укорялъ прогрессивный блокъ за то, что блокъ не включилъ въ выработанную имъ программу ни борьбы съ нѣмецкимъ засильемъ, ни борьбы съ дороговизной. И эти укоры позволяли думать, что въ дѣятельности министра внутреннихъ дѣлъ онъ будетъ руководиться лозунгами думской правой фракціи. Не могла, конечно, не утверждать въ тѣхъ же мысляхъ слишкомъ яркая и слишкомъ хорошо памятная дѣятельность А. Н. Хвостова, какъ вологодскаго и, особенно, нижегородскаго губернатора. Такое же значеніе имѣлъ пріемъ имъ въ Москвѣ чиновъ министерства и слова, при этомъ пріемѣ сказанныя. 4 октября

въ Москвѣ, на вокзалѣ, были собраны отнюдь не одни представители корпуса жандармовъ, но и другіе чины вѣдомства, не исключая занимающихъ сравнительно высокое служебное положеніе. Газетные же отчеты по поводу этого пріема гласили: «Въ 10-мъ часу утра А. Н. Хвостовъ прошелъ изъ вагона въ парадныя комнаты и былъ встрѣченъ собравшимися. Онъ обратился къ нимъ приблизительно со слѣдующими словами: «Я очень радъ познакомиться съ чинами корпуса жандармовъ. Я давно знакомъ съ ихъ дѣятельностью, особенно въ 1904—1905 годахъ, которые я пережилъ на мѣстѣ, когда самоотверженная дѣятельность чиновъ корпуса жандармовъ оказала существенныя услуги Россіи. Я благодарю васъ за вашу честную и преданную службу, какъ и другихъ чиновъ министерства внутреннихъ дѣлъ, и прошу васъ считать меня своимъ». Послѣ этого министру представлялись всѣ собравшіеся» (см. «Русскія Вѣдомости», прилож. къ № 227). Такое исключительное вниманіе, оказанное чинамъ корпуса жандармовъ, очевидно, не было и не могло быть случайнымъ.

Есть, однако, факты и другого рода. Характерно, прежде всего, отношеніе къ нему тѣхъ газетъ, о которыхъ на-дняхъ въ другихъ газетахъ было напечатано, сколько и какія рептиліи получаютъ изъ секретнаго фонда. При прежнихъ министрахъ, насколько помнится, такія свѣдѣнія въ печать не проникали. Далѣе, совсѣмъ не обычна была его рѣчь, сказанная 7 октября въ залѣ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ. Едва-ли былъ у насъ когда-нибудь примѣръ, чтобы вновь назначенный министръ отсылалъ своихъ ближайшихъ сотрудниковъ, для выясненія программы ихъ предстоящей, подъ его руководствомъ, дѣятельности, къ «столичнымъ газетамъ», гдѣ была напечатана его бесѣда съ редакторами.

Въ одномъ изъ недавнихъ засѣданій совѣта министровъ, какъ сообщалось въ газетахъ, слушался докладъ комиссіи генерала Ведерняпина объ отпускѣ земскому и городскому союзамъ очередного аванса въ размѣрѣ десяти милліоновъ рублей. Комиссія указывала, что, получая огромныя суммы изъ казны на помощь раненымъ воинамъ, союзы, въ лицѣ своихъ центральныхъ органовъ представляютъ весьма краткіе отчеты, изъ которыхъ нельзя усмотрѣть, правильно ли и цѣлесообразно ли расходуются казенныя деньги. Вмѣстѣ съ тѣмъ, комиссія въ своемъ докладѣ говорила, что расходованіе казенныхъ суммъ производится союзами «неэкономно, отчетность крайне скудна, что весьма затрудняетъ правильность контроля».

На основаніи этого доклада, И. Л. Горемыкинъ заявилъ, что, при указанныхъ обстоятельствахъ, въ отпускѣ союзамъ испраши-

ваемаго аванса необходимо отказать, «впредь до представленія подробныхъ отчетовъ въ израсходованіи ранѣе отпущенныхъ суммъ». Но А. Н. Хвостовъ рѣшительно возсталъ противъ такого обычнаго пріема дѣйствій «виноватой въ народномъ сознаніи власти». Онъ сказалъ, что предложенное И. Л. Горемыкинымъ рѣшеніе врядъ ли явится цѣлесообразнымъ, ибо оно на практикѣ приведетъ къ тому, что земскій и городской союзы принуждены будутъ прекратить перевязку раненыхъ и вообще пріостановить всю свою многостороннюю и высокополезную дѣятельность по оказанію помощи больнымъ и раненымъ воинамъ. Такую постановку вопроса министръ внутреннихъ дѣлъ считалъ обидной и ни съ какой точки зрѣнія не могущей быть оправданной. Если, продолжалъ А. Н. Хвостовъ, земскій и городской союзы дѣйствительно повинны въ тѣхъ грѣхахъ, о которыхъ докладывалъ генералъ Веденяпинъ, то объ этомъ онъ, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, сочтетъ своимъ долгомъ довести до свѣдѣнія Государственной Думы, которая и разберется въ этомъ дѣлѣ. Правительство же не можетъ и не должно ни на одну минуту прерывать дѣятельность земскаго и городского союзовъ, путемъ отказа имъ въ средствахъ, такъ какъ помощь раненымъ и больнымъ воинамъ составляетъ первѣйшую и священнѣйшую обязанность всѣхъ и каждаго. Мнѣніе А. Н. Хвостова одержало верхъ, и испрашиваемый авансъ былъ полностью отпущенъ.

Слѣдующій фактъ представляютъ собою слова, сказанныя А. Н. Хвостовымъ въ бесѣдѣ съ членомъ Думы А. И. Савенко. «Во время бесѣды—писало «Новое Время» въ номерѣ отъ 20 октября—былъ затронутъ вопросъ относительно бѣженцевъ. А. Н. Хвостовъ заявилъ, что онъ считаетъ бѣженство явленіемъ стихійнымъ, съ которымъ правительство управиться не въ состояніи. Съ этою стихіею возможно бороться только общественными силами. Поэтому А. Н. Хвостовъ считаетъ необходимымъ передать всю работу по организаціи помощи бѣженцамъ обще-земскому и обще-городскому союзамъ. Обоимъ союзамъ будетъ разрѣшено объединиться для организаціи совмѣстной помощи бѣженцамъ». На другой день, правда, въ газетѣ было напечатано письмо въ редакцію, въ которомъ А. Н. Хвостовъ опровергъ приписанныя ему слова, что будто бы съ вопросомъ о бѣженцахъ правительство «управиться не въ состояніи». Но словъ о необходимости передать работу по организаціи помощи бѣженцамъ земскому и городскому союзамъ, а также словъ о томъ, что союзамъ будетъ разрѣшено объединиться въ этой работѣ, онъ не опровергалъ. Напротивъ, они въ письмѣ даже нашли подтвержденіе, ибо А. Н. Хвостовъ писалъ: «Я поставилъ цѣлью устраненіе всякихъ препятствій къ дружной совмѣстной работѣ правительствен-

ныхъ и общественныхъ организацій въ огромномъ и живомъ дѣлѣ призрѣнія бѣженцевъ».

Оба приведенные факта весьма знаменательны не только по сравненію съ тѣми тенденціями, которыхъ въ отношеніи союзовъ держался Н. А. Маклаковъ, но даже по сопоставленію второго изъ нихъ съ закономъ 30 августа, который въ дѣлѣ обезпеченія участи бѣженцевъ не нашелъ мѣста для дѣятельности союзовъ. Но дѣлать изъ этихъ фактовъ окончательный выводъ о томъ, куда направитъ внутреннюю политику А. Н. Хвостовъ, конечно, преждевременно. Все раскроетъ созывъ Государственной Думы, когда онъ окажется лицомъ къ лицу и со своей бывшей фракціей, и съ прогрессивнымъ блокомъ, и съ представителями крайнихъ лѣвыхъ партій.

Упреки земскому и городскому союзамъ въ неэкономности расходованія денегъ и въ скудности представляемыхъ отчетныхъ свѣдѣній и данныхъ раздаются не впервые. Но одно было дѣло, пока они шли со столбцовъ правой печати и изъ устъ г.г. Марковыхъ и Замысловскихъ, и совершенно другое—разъ они стали предметомъ сужденій въ совѣтѣ министровъ. Нельзя также пройти мимо и упрека комиссіи генерала Веденяпина въ томъ, что изъ отчетовъ союзовъ комиссія лишена возможности усмотрѣть, цѣлесообразно ли расходуются союзами отпускаемыя въ ихъ распоряженіе казенныя деньги.

Само собою разумѣется, что всякія деньги и всѣми уполномоченными на ихъ расходованіе учрежденіями и лицами должны расходоваться не расточительно. Но большой еще споръ, особенно въ примѣненіи къ условіямъ военной обстановки и военнаго времени вообще, что считать экономнымъ и неэкономнымъ производствомъ тратъ. И если въ данномъ отношеніи существуетъ разница въ воззрѣніяхъ между учрежденіями казенными и общественными, то далеко еще нельзя сказать, что правота воззрѣній на сторонѣ первыхъ.

Расходы земскаго и городского союзовъ на дѣло помощи больнымъ и раненымъ воинамъ распадаются на такіе, которые производятся внутри Имперіи, и такіе, которые производятся на фронтахъ и по эвакуаціи раненыхъ съ фронтовъ въ тылъ. Въ отношеніи первыхъ, всѣ исполнительныя дѣйствія лежатъ на обязанности мѣстныхъ губернскихъ и городскихъ комитетовъ, работающихъ въ тѣсной связи съ соотвѣтственными мѣстными органами земскаго и городского самоуправленія. Такимъ образомъ, въ отношеніи расходовъ этого рода дѣятельность главныхъ комитетовъ союзовъ имѣетъ

характеръ лишь общаго руководства,—по распредѣленію числа коекъ по установленію нормъ тратъ въ зависимости отъ типа лѣчебныхъ заведеній и т. п., — а равно общаго надвора. Расходы второго рода производятся черезъ фронтовые комитеты, черезъ другія спеціальныя организаціи и черезъ отдѣльныхъ уполномоченныхъ, непосредственными распоряженіями главныхъ комитетовъ. И если первые, несмотря на всю ихъ дробность въ деталяхъ и на все ихъ разнообразіе въ номенклатурѣ предметовъ тратъ, все-таки, въ сущности, представляются расходами одной категоріи,—на лѣченіе раненыхъ и больныхъ воинскихъ чиновъ, то вторые, наоборотъ, суть расходы, не поддающіеся никакому иному обобщенію, кромѣ единства цѣли: обслуживать потребности, вызываемыя и создаваемыя войной.

Начавшаяся съ формированія и съ отправки на театръ военныхъ дѣйствій передовыхъ перевязочныхъ отрядовъ, дѣятельность союзовъ на фронтахъ необычайно разрослась. Она охватываетъ положительно всѣ роды возможнаго для невойсковыхъ организацій содѣйствія войскамъ въ ближайшемъ тылу. Сюда же входятъ прямо безчисленныя формы дѣятельности по обслуживанію нуждъ мѣстнаго населенія: устройство и содержаніе лѣчебныхъ заведеній, бань и питательныхъ пунктовъ, устройство колодцевъ, организація удаленія нечистотъ, снабженіе населенія пищевыми продуктами, первыя самыя трудныя мѣры помощи въ случаяхъ появленія волны бѣженцевъ и т. д. И очевидно, что совершенно невозможно было бы соблюдать требованія казенной отчетности при такомъ разнообразіи дѣятельности и обусловливаемыхъ ею огромныхъ расходовъ. Надо помнить, притомъ, что въ большинствѣ случаевъ потребности не только возникаютъ, но и удовлетворяются, въ силу необходимости, раньше оффиціальнаго ихъ признанія. Кромѣ того, при первыхъ же шагахъ работы на фронтахъ, союзамъ пришлось оказаться вплотную передъ тѣмъ, что даетъ и къ чему приводитъ, въ условіяхъ войны, начало экономности тратъ.

Очищеніе войсками города N было рѣшено двумя недѣлями раньше, чѣмъ оно было приведено въ исполненіе. Какъ только рѣшеніе было принято, началась эвакуація военныхъ госпиталей. Немного спустя, ушли и учрежденія Краснаго Креста; войска же еще цѣлыхъ двѣ недѣли потомъ оставались въ городѣ и на окружавшихъ городъ позиціяхъ. И всѣ эти двѣ недѣли шли непрерывные бои. Въ городъ ежедневно доставлялось до двухсотъ раненыхъ, а въ послѣдніе дни—до пятисотъ. Принимали ихъ буквально до послѣдней минуты два, имѣвшіе лазареты, отряда союзовъ. Не опасность, конечно, личнаго характера вынудила поспѣшность эвакуаціи военныхъ госпиталей. Ее вынудила опасность характера имущественнаго, —

опасность утраты имущества, если не произвести эвакуаціи заблаговременно. Другими словами, войска въ теченіе двухъ недѣль оставались безъ военныхъ госпиталей только во имя огражденія интересовъ казеннаго рубля, или, иначе, во имя пресловутой экономіи въ расходованіи казенныхъ денегъ. Союзы, не эвакуировавшіе своихъ отрядовъ до послѣдней минуты, несомнѣнно рисковали гибелью имущества; но у кого хватитъ смѣлости сказать, что они за это заслужили упрекъ?

Готовность идти на рискъ утраты имущества и на производство такихъ расходовъ, которые, въ условіяхъ войны, могутъ оказаться безцѣльными, дѣйствительно составляетъ одну изъ характерныхъ чертъ работы общественныхъ организацій на фронтахъ. Подъ угломъ зрѣнія вѣдомственныхъ и междувѣдомственныхъ комиссій въ Петроградѣ, эта готовность, пожалуй, и можетъ заслуживать упрека; но на войнѣ къ ней относятся иначе. И если войсковыя части такъ цѣнятъ работу учрежденій земскаго и городского союзовъ, то именно потому, что эта работа ведется безъ парализующихъ ее постоянныхъ сомнѣній, что̀ скажетъ контроль и не будетъ ли начета. Въ періодъ отхода нашихъ войскъ изъ Галиціи мы были свидѣтелями слѣдующей картины. Въ шести-семи верстахъ отъ деревни шелъ бой. Деревня лежала на шоссе. По шоссе, черезъ деревню, везли раненыхъ. Раненые были перевязаны средствами такъ называемыхъ индивидуальныхъ пакетовъ. Имъ предстояло еще слѣдовать въ фурманкахъ двадцать верстъ. Между тѣмъ, въ деревнѣ стояли въ свернутомъ видѣ два военныхъ госпиталя. Распаковывать повозки они не рисковали, ибо каждую минуту ожидалось, что наступитъ необходимость уходить; а только-что пришедшій отрядъ союза городовъ моментально распаковался и принялся за работу. Если, благодаря тому, что отрядъ не заботился охранить имущество отъ гибели, своевременная медицинская помощь спасла хоть десять человѣческихъ жизней, хоть пять, хоть одну, неужели возможенъ вопросъ: онъ ли, этотъ отрядъ, или два военныхъ госпиталя поступили такъ, какъ должно было поступить? А что госпитали не распаковались, никакой другой причины, кромѣ страха заслужить упрекъ въ «неэкономности», не было.

Съ другой стороны, могутъ ли быть вообще примѣняемы на войнѣ мѣрки мирнаго времени для различенія того, что̀ «экономно» и что̀ «неэкономно»? Всякая военная неудача влечетъ за собой неисчислимый имущественный ущербъ. И этотъ ущербъ настолько великъ, что въ немъ безъ слѣда исчезаютъ непроизводительно истраченные и трудъ, и рубли,—истраченные въ предположеніи, можетъ быть явно ошибочномъ, что неудачи не будетъ. Въ томъ же городѣ

N, несмотря на рѣшеніе городъ очистить, до послѣдняго дня занятія его нашими войсками не прекращались начатые три мѣсяца назадъ работы по подъему разрушеннаго моста. На работахъ стояло нѣсколько сотъ человѣкъ, работы велись непрерывно день и ночь, а когда наступилъ моментъ отхода, колоссальные долгіе труды и громадныя деньги взлетѣли на воздухъ: пироксилиновыя шашки, съ помощью керосина, въ какой-нибудь часъ уничтожили результатъ трехмѣсячнаго тяжелаго, упорнаго и дорого оплаченнаго казной труда. Но на войнѣ никакая предусмотрительность не можетъ предвидѣть всѣхъ случайностей. Не великъ былъ шансъ, что очищать городъ не придется. Однако, онъ былъ и, слѣдовательно, бросать работы по подъему моста было невозможно. А сколько на эти работы было совершенно непроизводительно, въ концѣ концовъ, истрачено денегъ,—это соображеніе въ стратегическое поле зрѣнія не входило и входить не могло. Такъ же точно и въ той области дѣятельности на фронтахъ, которая отведена земскому и городскому союзамъ, приступая къ тратамъ, никогда нельзя имѣть увѣренности въ томъ, что траты будутъ производительны.

Если не вполнѣ, то въ извѣстной степени, тѣ же соображенія приложимы и къ дѣятельности союзовъ въ глубокомъ тылу. Достаточно вспомнить, въ этомъ отношеніи, минувшую весну, когда имѣлись всѣ основанія ожидать, что лѣтомъ разовьются эпидеміи. Борьба съ надвигавшимися эпидеміями не была сразу отдана союзамъ, при чемъ несомнѣнно играли роль соображенія экономіи, въ виду того, что союзами былъ составленъ и представленъ широкій планъ борьбы. По счастью, ожиданія не оправдались. Но что, если бы они оправдались и если бы тылъ оказался неприготовленнымъ къ успѣшной и энергичной борьбѣ? Достаточно вспомнить, далѣе, то положеніе, въ какомъ оказался, въ виду стремленія къ экономіи, вопросъ о бѣженцахъ. Конечно, и бѣженцы не подвергались бы тѣмъ страданіямъ, какимъ они подвергаются сейчасъ, и расходовъ изъ средствъ государственнаго казначейства, въ конечномъ итогѣ, было бы произведено меньше, если бы порожденное войною явленіе, получившее стихійный характеръ, было встрѣчено заблаговременно произведенными затратами.

Комиссія генерала Веденяпина, упрекая союзы въ неэкономности тратъ и въ скудности отчетныхъ данныхъ, не учла глубокаго различія въ пріемахъ и навыкахъ дѣятельности общественныхъ и казенныхъ учрежденій. Отправное положеніе въ казенномъ хозяйствѣ—начало недовѣрія къ исполнительнымъ органамъ. Отправное положеніе въ хозяйствѣ учрежденій общественныхъ—начало довѣрія. Отсюда неизбѣжно, что если къ хозяйственнымъ операціямъ, произ-

водимымъ органами самоуправленія, примѣнять тѣ формальныя требованія отчетности, которыя привычны въ казенномъ хозяйствѣ, то отчетность всегда будетъ казаться скудной, а самыя траты—«не экономными». Нельзя, конечно, отрицать возможности злоупотребленій и въ дѣятельности общественныхъ организацій; но тѣмъ менѣе возможно считать, что сложная и строгая отчетность и бумажная экономія служатъ надежной гарантіей противъ злоупотребленій. По крайней мѣрѣ, вѣковой опытъ бюрократическаго казеннаго хозяйства говоритъ прямо обратное. Бывали примѣры судебныхъ процессовъ и о злоупотребленіяхъ въ земскомъ и городскомъ хозяйствѣ. Но ихъ, во всякомъ случаѣ, было неизмѣримо меньше, чѣмъ такихъ же примѣровъ въ хозяйствѣ казенномъ. Свободный общественный контроль, очевидно, представляетъ собою нѣчто не менѣе дѣйствительное, чѣмъ строгія формы казенной отчетности.

Что касается упрека въ невозможности для комиссіи провѣрять цѣлесообразность производимыхъ союзами расходовъ, то на этотъ упрекъ отвѣтить весьма просто: комиссія, очевидно, не такъ понимаетъ свои задачи, какъ ихъ понимаютъ союзы. И съ увѣренностью думаемъ, что союзы скорѣе согласятся на что угодно, нежели на то, чтобы комиссія или другое правительственное учрежденіе, не исключая совѣта министровъ, повѣряли ихъ дѣятельность съ точки зрѣнія цѣлесообразности дѣйствій и распоряженій. Главная сила союзовъ въ томъ и заключается, что имъ принадлежитъ та самостоятельность, которой лишены земскія учрежденія и городское самоуправленіе, возвратъ которой признанъ настоятельно необходимымъ указомъ 12 декабря 1904 года и которую они напрасно болѣзненно ждутъ уже одиннадцать лѣтъ. Разъ союзы тратятъ казенныя деньги, то отчитываться въ правильности производства расходовъ—ихъ неоспоримый долгъ. Но цѣлесообразность принимаемыхъ мѣропріятій составляетъ ихъ внутреннее дѣло, подлежащее повѣркѣ не постороннихъ учрежденій, а ихъ собственныхъ распорядительныхъ органовъ. Такими органами являются: въ земскомъ союзѣ—собраніе уполномоченныхъ губернскихъ земствъ, въ городскомъ—съѣздъ представителей городовъ. Для доклада же собранію и съѣзду заключеній по предмету повѣрки цѣлесообразности дѣйствій и распоряженій главныхъ комитетовъ въ обоихъ союзахъ существуютъ ревизіонныя комиссіи. Въ земскомъ союзѣ ревизіонная комиссія образована еще въ мартѣ, и уже два раза такіе доклады представляла, въ городскомъ нѣсколько позже—въ сентябрѣ.

А. Н. Хвостовъ, въ противоположность И. Л. Горемыкину, повидимому, такъ и смотритъ на земскій и городской союзы, какъ на организаціи, ни въ какомъ смыслѣ и ни въ какомъ отношеніи не

находящіяся въ инстанціонной подчиненности ни комиссіи ген. Веденяпина, ни совѣту министровъ. Дѣйствительно, лишь Госуд. Дума, какъ учрежденіе выборное, можетъ быть признана органомъ компетентнымъ для принятія рѣшеній въ случаѣ возникновенія конфликта по поводу отпуска денегъ между союзами и правительствомъ.

Въ прошломъ году дороговизна цѣликомъ трактовалась въ предѣлахъ внѣшняго проявленія факта. Сопоставлялись цѣны на продукты первой необходимости, стоявшія до войны, съ ихъ ростомъ послѣ ея объявленія и принимались мѣры къ тому, чтобы въ лавкахъ и пекарняхъ мясо, хлѣбъ, овесъ и т. п. продавались если не совсѣмъ по прежнимъ цѣнамъ, то съ незначительной на нихъ надбавкой. А потому средства борьбы съ дороговизной были элементарны и просты. Главное средство составляли таксы, подкрѣпляемыя суровыми карами и угрозой реквизиціи въ случаѣ ихъ нарушенія. Но вскорѣ обнаружилось, что такъ трактовать вопросъ нельзя. Продукты первой необходимости не только стали дороги, но оказалось, что запасъ ихъ въ большихъ центрахъ съ каждымъ днемъ уменьшается. Тогда все вниманіе было обращено на упорядоченіе желѣзнодорожнаго транспорта. Но и въ этомъ направленіи примѣнявшіяся мѣры не помогли. Недостатокъ запасовъ къ нынѣшней осени смѣнился отсутствіемъ тѣхъ или другихъ продуктовъ даже въ предѣлахъ удовлетворенія текущихъ потребностей дня. Сахаръ-рафинадъ одно время даже вовсе исчезъ-было въ Петроградѣ. У лавокъ появились длинные хвосты жаждущихъ получить фунтъ сахара, бутылку молока или два фунта пшеничной муки.

Въ такомъ положеніи вопросъ находится въ настоящее время. Всегда чего-нибудь нѣтъ. Появилось мясо—не стало сахара; появился сахаръ—не стало муки, яицъ, макаронъ и т. д. Эти недохватки обывателями, конечно, ощущаются чрезвычайно остро. И самые жестокіе упреки сыплются на министерство путей сообщенія—за то, что желѣзныя дороги не подвозятъ достаточнаго количества продуктовъ, и на городское самоуправленіе—за то, что оно не озаботилось своевременно образовать нужные населенію запасы. Болѣе всего, естественно, достается городской думѣ, ибо и бранить думу можно безбоязненно, и предъявлять къ ней требованія можно какія угодно. Нареканія на петроградское городское самоуправленіе проникли даже туда, гдѣ, казалось бы, очень хорошо извѣстно, насколько мало въ рукахъ думы и городского головы средствъ и способовъ взять на себя упорядоченіе транспорта и урегулированіе торговыхъ цѣнъ.

Что касается мѣръ борьбы, то очередными продолжаютъ быть упорядоченіе транспорта и «обузданіе алчности торговцевъ». Мѣры послѣдняго рода направляются, впрочемъ, уже не столько на тѣхъ, отъ кого покупаютъ продукты потребители, а на оптовиковъ.

Условность значенія разстройства желѣзнодорожнаго и другихъ видовъ транспорта обнаруживаютъ, однако, два факта. Насколько рѣчь идетъ о Петроградѣ, который питаетъ сейчасъ одна желѣзнодорожная линія, настолько, конечно, можно считать причиной всѣхъ причинъ эту линію. Но такіе же точно хвосты чающихъ урвать фунтъ сахара, масла или муки, какъ въ Петроградѣ, украшаютъ и улицы Москвы, являющейся главнымъ въ Россіи узломъ желѣзнодорожныхъ линій. Значитъ, не одинъ транспортъ во всемъ виноватъ, а, вѣроятно, съ нимъ конкуррируетъ въ винѣ отсутствіе погрузки на мѣстахъ производства. Другой фактъ: Петроградъ всегда получалъ главную массу хлѣбныхъ грузовъ, и для своего потребленія, и для экспорта, не по желѣзнымъ дорогамъ, а водою. Почему же въ нынѣшнемъ году хлѣбные грузы даже на одну потребность потребленія Петрограда не пришли? Поздніе урожаи въ приволжскихъ губерніяхъ и ранніе заморозки не разъ бывали и раньше. Почему же прежде Петроградъ никогда не зналъ недостатка ни ржи, ни муки, ни овса, ни крупъ? Очевидно не Финляндія виновата.

Но если такъ, скажутъ, то остается алчность торговцевъ. Не отрицая, само собою разумѣется, весьма вѣроятныхъ проявленій алчности въ отдѣльныхъ случаяхъ, мы полагаемъ, что это была бы слишкомъ уже простая причина всѣхъ причинъ. Алчность—алчностью, но торговыя цѣны и торговля регулируются въ общемъ итогѣ не ею, а нормальнымъ стремленіемъ къ выгодѣ и нормальной боязнью убытковъ. А потому, если признать установленнымъ, что въ хлѣбную кампанію нынѣшняго года у крупныхъ торговцевъ не было стремленія направлять въ Петроградъ и въ Москву надлежащее количество товаровъ, то придется сдѣлать дальнѣйшій выводъ и признать, что система таксъ, реквизицій и каръ, какъ система обоюдоострая, обратила свое остріе отъ торговцевъ на потребителей. Правильность этого вывода подтверждаетъ грозящій Петрограду дровяной голодъ. Какъ докладывалось въ одномъ изъ недавнихъ засѣданій городской думы, на потребность нынѣшняго года, несмотря на чудовищно высокія цѣны и на переходъ весьма многихъ предпріятій съ угольнаго отопленія на дровяное, въ тѣхъ уѣздахъ, которые обычно питаютъ Петроградъ дровами, заготовлено было дровъ меньше прежняго. Учитывая, слѣдовательно, таксу, кары и возможность реквизиціи, лѣсопромышленники не только не развили своего

дѣла, въ соотвѣтствіе съ увеличившейся потребностью, а его сократили.

Намъ случалось уже высказывать нашъ взглядъ на дороговизну, и обстоятельства послѣднихъ мѣсяцевъ не только не заставили насъ его измѣнить, но мы тѣмъ болѣе укрѣпились въ нашемъ мнѣніи. На дороговизну должно смотрѣть, какъ на явленіе неустранимое. Страна переживаетъ глубокій экономическій и финансовый кризисъ. Денежныхъ знаковъ выпущено въ обращеніе въ три раза больше. И хотя цѣнность денежныхъ знаковъ внутри страны не подвергается курсовымъ колебаніямъ, но по своей покупательной способности деньги стали дешевле. Слѣдовательно, то сложное явленіе, которое такъ болѣзненно сейчасъ переживается «людьми средняго достатка»,—чиновниками, представителями свободныхъ профессій, пенсіонерами и т. п.,—съ одинаковымъ правомъ можно называть и дороговизной жизни, и дешевизной денегъ.

Не менѣе глубокъ кризисъ экономическій, ударившій по тѣмъ же самымъ классамъ. Россія живетъ деревней. Деревня же внезапно экономически переродилась. Тѣ полтора милліарда, которые населеніе, главнымъ образомъ въ лицѣ крестьянъ и рабочихъ, тратило на водку, уже второй годъ остаются у него на рукахъ. За то же время въ деревню влились многія сотни милліоновъ рублей, въ видѣ пайковыхъ выдачъ семьямъ запасныхъ и ратниковъ и въ видѣ уплатъ за поставки по военно-конской и повозочной повинности. Изумившіе годъ тому назадъ вклады въ сберегательныя кассы продолжаютъ непрерывно расти. Несмотря на удвоившіяся цѣны, деревня стала покупать мануфактурные товары въ большемъ количествѣ, чѣмъ покупала когда-нибудь въ самые урожайные годы.

Но раньше деревня не только урѣзывала свои потребности: она въ буквальномъ смыслѣ слова голодала. Что же страннаго въ томъ, что прежде всего она стала ѣсть, т.-е., другими словами, перестала выбрасывать на городской рынокъ тѣ продукты питанія, которыхъ сама не доѣдала. Лѣтомъ намъ пришлось быть во время сѣнокоса въ очень хорошо намъ извѣстной мѣстности одной изъ сѣверныхъ губерній. Утромъ, въ полѣ, намъ случилось какъ-то подойти къ отдыхавшимъ и завтракавшимъ крестьянамъ большой деревни. Когда крестьяне снова взялись за косы, мѣсто, гдѣ они завтракали, оказалось сплошь усыпаннымъ яичной скорлупой. Чтобы крестьяне въ этой мѣстности ѣли яйца не въ праздникъ и не какъ лакомство, мы никогда не видали. Они не позволяли себѣ этой роскоши при обычной цѣнѣ яицъ по 10—11 коп. за десятокъ. А въ этомъ году они отказывались продавать яйца скупщикамъ

по 30—32 коп. за десятокъ. Въ той же самой мѣстности мы имѣли случаи сдѣлать и рядъ другихъ наблюденій. Тамъ широко развито льноводство, обыкновенно обслуживавшееся въ помѣщичьихъ хозяйствахъ, въ періодъ, когда ленъ колотятъ и стелятъ, поденно работавшими женщинами, преимущественно дѣвушками-подростками. Колотить и стлать ленъ—работа не трудная и не особенно утомительная, но довольно пыльная и порой заставляющая мокнуть подъ дождемъ. Обычная поденная плата за эту работу была въ послѣдніе годы 35—40 коп. Въ нынѣшнемъ же году нельзя было найти поденщицъ за 1 р. 20 к. въ день. И не потому ихъ нельзя было найти, что ихъ не было, а потому, что онѣ ни за какую цѣну не хотѣли дышать пылью и потомъ мокнуть подъ дождемъ.

Экономическій кризисъ всегда ведетъ за собой дороговизну, какъ слѣдствіе нарушенія сложившихся экономическихъ порядковъ и отношеній. Конечно, нарушеніемъ сложившихся экономическихъ порядковъ пользуется человѣческая алчность. Но никакая борьба, въ смыслѣ мѣръ приказа и принужденія, не въ силахъ экономическаго кризиса побороть. Задача власти въ моменты кризисовъ гораздо сложнѣе. На власти лежитъ обязанность умѣть отличить, что̀ представляетъ собою прямое слѣдствіе кризиса и что̀—слѣдствіе косвенное, какъ непомѣрное, не оправдываемое расходами производства вздуваніе цѣнъ. Во всякомъ случаѣ, можно съ увѣренностью сказать, что Петроградъ расплачивается въ настоящую минуту за то, что власть слишкомъ долго скользила по поверхности явленія и разсчитывала справиться съ нимъ средствами принужденія.

В. Кузьминъ-Караваевъ.

ПАМЯТИ ОТОШЕДШИХЪ АРТИСТОВЪ.

(В. М. Стрѣльская, К. А. Варламовъ, М. Г. Савина).

Одинъ за другимъ отошли въ нынѣшнемъ году ветераны и столпы нашей сцены: милая старушка—«бабушка» В. М. Стрѣльская, воплощенные жизнерадостность и смѣхъ—К. А. Варламовъ, вѣчно юная и обаятельная Марія Гавриловна Савина, несмотря на свои 60 съ чѣмъ-то лѣтъ, неизмѣнно моложавая, бодрая, дѣятельная, почти наканунѣ своей внезапной смерти, которая, по выраженію Красинскаго, лишь «сократила минуты ея старости»...

Съ ихъ уходомъ какъ бы замыкается цѣлый періодъ — почти полувѣковой—въ исторіи русскаго театра. Остался, къ счастью, Вл. Н. Давыдовъ, не только первоклассный, но провозглашенный «первый» русскій артистъ, и не только остался, но онъ неизмѣнно идетъ впередъ, ежегодно работая надъ новыми воплощеніями, выступая въ новыхъ роляхъ. О Стрѣльской и Варламовѣ нельзя сказать, чтобы мы отъ нихъ еще ожидали за послѣдніе годы чего-либо новаго: они давно опредѣлились; словно отлитые въ искусно составленныя формы, они давали намъ все тѣ же, давно знакомыя впечатлѣнія, возбуждали пріятныя, хотя и извѣданныя ощущенія, ласкали слухъ и глазъ привычными образами.

Что касается Стрѣльской, то мы такъ свыклись съ ея ролью «бабушки» и неизмѣнно цѣнили ея меткую, всегда правдивую, съ неподдѣльнымъ комизмомъ игру въ цѣломъ рядѣ пьесъ Островскаго, такъ привыкли ее видѣть то купчихой, то свахой, то бѣдной старушкой-чиновницей и т. п., что основательно забывали, что на ея плечахъ 57 лѣтъ службы въ театрѣ, что она, хотя сравнительно и въ молодыхъ годахъ перешла на амплуа комическихъ старухъ, но была же она когда-то и на самомъ дѣлѣ молода и играла молодыя роли. Только справка въ Хроникѣ Петербургскихъ Театровъ Вольфа за 60-тые годы открываетъ намъ, что въ ту пору—«Стрѣльская исполняла роли субретокъ (въ комедіяхъ Мольера) и поразила умнымъ и бойкимъ исполненіемъ ихъ. Такую-то артистку продолжали держать въ черномъ тѣлѣ»... съ сожалѣніемъ замѣчаетъ хроникеръ. Но вѣдь это было болѣе полувѣка назадъ, а Стрѣльская *«не* въ черномъ тѣлѣ» прославилась именно въ бытовомъ репертуарѣ и останется въ исторіи русской сцены, какъ образцовая исполнительница комическихъ старухъ, какъ бы закрѣпивъ традицію тонкой, выразительной безъ утрировки, въ мѣру

очерченной для рельефности образа, но безъ грубаго подчеркиванія, игры. Ея мягкій юморъ нашелъ себѣ особенно удачное примѣненіе въ чтеніи басенъ Крылова, которымъ она какъ бы сообщала новую жизнь.

К. А. Варламовъ сохранилъ въ теченіе своей долгой артистической карьеры нѣкоторыя черты комизма, которыя онъ проявлялъ еще въ молодыхъ годахъ, когда выступалъ въ роляхъ великовозрастныхъ гимназистовъ, говорящихъ «басомъ». Въ сущности онъ въ тѣ времена, — еще въ 70-хъ годахъ, когда, за смертью Виноградова, Варламовъ занялъ на сценѣ Александринскаго театра (съ 1875—1915 г.г.) почти всѣ его роли и особенно выдвинулся исполненіемъ Скалозуба,— не разъ просто «буфонилъ», и тотъ Варламовъ, который сталъ кумиромъ «райка», пользовался широкой популярностью въ провинціи, какъ несравненный «комикъ», появлялся на плакатахъ и анонсахъ, какъ живое воплощеніе смѣха, благодаря только физическимъ особенностямъ своей фигуры, есть лишь одна сторона весьма несомнѣннаго артиста, съ болѣе широкими и глубокими заданіями. Уже послѣ его смерти возникъ споръ,—въ чемъ лучше, сильнѣе былъ Варламовъ, въ чисто-комическихъ, на половину буфонныхъ роляхъ, возбуждавшихъ только смѣхъ, или въ драматическихъ положеніяхъ? И, кажется, большинство высказалось именно за Варламова, какъ драматическаго актера, когда онъ бывалъ не только серьезенъ, но зачастую трогалъ и волновалъ. Быть можетъ, онъ даже не вполнѣ использовалъ эту сторону своего дарованія, въ которой онъ былъ болѣе всего актеромъ-художникомъ. Разумѣется, онъ бывалъ до-нельзя забавенъ въ такихъ пьесахъ, какъ «Не летать тетеревамъ по деревамъ» (передѣлка съ французскаго), «Левъ Гурычъ Синицынъ» тоже передѣлка французскаго водевиля: (Le père de la débutante), въ недавно возобновлявшемся «Званномъ вечерѣ съ итальянцамъ», и въ цѣломъ рядѣ теперь уже забытыхъ водевилей, создалъ нѣсколько прекрасныхъ воплощеній при постановкахъ комедій Мольера, до послѣднихъ лѣтъ выступая въ роли Сганареля, хотя непомѣрная тучность парализовала быстроту движеній проворнаго слуги Донъ-Жуана, но мимика и интонація остались прежними. Артистъ же Варламовъ сказался, главнымъ образомъ, въ русскомъ классическомъ репертуарѣ. Купецъ-самодуръ въ театрѣ Островскаго, крѣпостной слуга Осипъ — въ «Ревизорѣ», чиновникъ-плутъ въ комедіяхъ Сухово-Кобылина и Щедрина, Варламовъ въ исполненіи разныхъ ролей этого репертуара умѣлъ давать типическое, жизненно-бытовое и вмѣстѣ съ тѣмъ не то, чтобы, по новой терминологіи, «переживалъ» положенія, но игралъ, «подавалъ» публикѣ заложённое въ роли какъ бы въ поясненіе замысла автора. Этотъ путь для артиста, вообще говоря, скользкій и легко на немъ сбиться въ

сторону чистаго шаржа, «актерства», вмѣсто строго-художественнаго воплощенія типа или характера. Нѣкотораго шаржа Варламовъ не боялся. Онъ былъ избалованъ успѣхомъ, и ему прощали уклоны въ сторону внѣшняго комизма. Тѣмъ не менѣе, онъ обладалъ, вмѣстѣ съ цѣлой группой сверстниковъ, какимъ-то даромъ заражать игрой, хотя бы и чувствовалось, что это не совсѣмъ правда, но ярче, красочнѣе, чѣмъ жизненная правда, и сильнѣе по впечатлѣнію, въ которомъ уже потомъ можно разобраться. Изъ ролей съ драматическимъ перевѣсомъ особенно удавался ему типъ Русакова въ «Не въ свои сани не садись» и послѣдній актъ «Свои люди сочтемся» въ роли купца Большакова [1]). Помню у него и чисто-драматическую сцену въ одной пьесѣ Айзмана («Жены»), въ которой Варламовъ былъ удивительно хорошъ. Запомнилась надолго и его траги-комическая фигура въ роли мужа «Провинціалки» Тургенева. И съ несомнѣннымъ мастерствомъ онъ умѣлъ придать роли Фурнычева въ «Смерти Пазухина» особую рельефность переходами отъ комическаго къ драматическому: въ сценѣ, когда онъ крадетъ деньги и потомъ пойманъ и уличенъ, Варламовъ уже не смѣшилъ, а былъ и отвратителенъ и жалокъ. И, несмотря на нѣкоторую двойственность артистическаго облика Варламова, то склоннаго къ буфонадамъ, то настоящаго и крупнаго художника, — у него столько было истинныхъ достиженій, что слѣдовало бы подробнымъ анализомъ его игры въ разныхъ роляхъ завѣщать на память потомству усвоенныя имъ толкованія того или другого образа. Ибо актеръ, какъ бы ни коротка была его личная слава, обрывающаяся со смертью, является прежде всего истолкователемъ замысла драматурга, и въ особенностяхъ этого толкованія—его завѣтъ другимъ, позднѣйшимъ испол-

[1]) Какъ разъ по поводу толкованія роли Большова въ этомъ актѣ когда-то былъ споръ между Добролюбовымъ и Ап. Григорьевымъ: послѣдній считалъ, что роль Большова здѣсь чисто-драматическая; Добролюбовъ же, наоборотъ, полагалъ, что только съ внѣшней стороны старикъ Большовъ, приходящій навѣстить дочь изъ долгового отдѣленія, въ которомъ его держалъ зять, отказывавшій платить кредиторамъ за „злостнаго банкрота", хотя самъ участвовалъ въ этой мошеннической продѣлкѣ, внушаетъ жалость, но по существу онъ до конца комиченъ. „По нашему мнѣнію, писалъ Добролюбовъ, вся [послѣдняя] сцена [въ „Свои люди сочтемся"] очень близко подходитъ къ той сценѣ „Ревизора", гдѣ городничій ругаетъ купцовъ, что они не помнятъ, какъ онъ имъ плутовать помогалъ"... „Талантливый актеръ могъ бы съ поразительной силой выставить весь *комизмъ* этого самодурнаго смѣшенія Иверской съ Іудою, ссылки въ Сибирь съ христорадничествомъ". Но „талантливый" Варламовъ отнюдь не смѣшилъ въ этой сценѣ и не показывалъ ея комизма. Онъ, — конечно, безсознательно, — всталъ на сторону Ап. Григорьева, поставившаго вопросъ: „остроумный авторъ статей „Темное царство" положительно отказываетъ въ своемъ сочувствіи Большову даже и въ трагическую минуту жизни этого послѣдняго... Откажетъ ли ему

ситнлямъ, его какъ бы посмертная слава, разъ онъ становится достояніемъ исторіи.

Такого рода заслуги въ особенности выпадаютъ на долю великой артистки, которой мы недавно лишились,—Марьи Гавриловны Савиной. Ея имя тѣснѣйшимъ образомъ связано съ исторіей не только русскаго театра, но и русской литературы, особенно съ того времени, когда даровитая артистка какъ бы окончательно нашла себя и выступила живымъ воплощеніемъ цѣлаго ряда образовъ нашихъ классическихъ писателей. Ея артистическая карьера была долгая, свыше 40 лѣтъ на Императорской сценѣ, а раньше она играла въ провинціальныхъ театрахъ, пользовалась успѣхомъ въ Казани, Саратовѣ, Калугѣ, выступила впервые на подмосткахъ еще 8-ми лѣтнимъ ребенкомъ, «чуть ли не родилась на сценѣ», какъ писалъ объ ней Вольфъ въ 1874 году. И тѣмъ понятнѣе ея извѣстный афоризмъ: «сцена моя жизнь». Играя, что ни попало, такъ, напримѣръ, «Офелію» и «Прекрасную Елену», артистка никогда систематически не училась,—писалъ о ней хроникеръ петербургскихъ театровъ,—никакой школы не прошла, а играла по вдохновенію, по инстинкту, какъ Богъ на душу положитъ»... Настоящій самородокъ, выработавшійся своимъ умомъ и со временемъ занявшій одно изъ первыхъ мѣстъ на русской сценѣ силой своего генія. Какъ самородокъ и самоучка,—вѣдь были ими и величайшіе умы,—Савина по вполнѣ понятнымъ причинамъ не сразу нашла свое настоящее амплуа. Успѣхъ сопровождалъ ея выступленія съ раннихъ шаговъ, но этотъ же успѣхъ и былъ причиной того, что въ огромномъ репертуарѣ исполненныхъ ею ролей (свыше 400) талантливая, обаятельная, и какъ артистка, и по счастливымъ внѣшнимъ даннымъ, съ ранняго времени уже избалованная отношеніемъ къ ней публики и почитателей, Марья Гаври-

---

въ сожалѣніи и, стало быть, извѣстномъ сочувствіи масса?"—Нѣтъ, скажемъ мы теперь, по человѣчеству въ сожалѣніи ему отказать нельзя, и Варламовъ это понялъ; понялъ, что какія бы гнусности ни продѣлалъ Большовъ, онъ такъ поступалъ по своему невѣжеству и темнотѣ. Но въ немъ все-таки смутно тлѣло сознаніе—„мы совѣсть за деньги продаемъ"—и, будучи самъ обманутъ Подхалюзинымъ,—онъ искупаетъ свою вину униженіемъ и позоромъ на старости лѣтъ. Теоретически Добролюбовъ былъ правъ въ осужденіи этого самодура, попавшаго въ разставленныя для другихъ сѣти, но, повторяю, по человѣчеству, приниженный и раздавленный Большовъ все-таки не можетъ не внушать намъ жалости и Варламовъ въ этомъ смыслѣ истолковывалъ роль, придавая ей оттѣнокъ не комизма, а драматизма. По наивности „смѣшивалъ" Большовъ Иверскую съ Іудой, по невѣжеству и душевной неразвитости онъ и Сибири боялся и Христа-ради просилъ Подхалюзина сжалиться надъ его безпомощностью: было бы ошибкой вносить въ эту сцену элементы „комизма".

ловна удѣляла много вниманія такого рода произведеніямъ, въ которыхъ не было матеріала для серьезнаго, устойчиваго творчества. Кромѣ того, она «искала себя», берясь за самыя разнообразныя роли, не всегда удачно соперничая со Стрепетовой (напр., въ пьесѣ Куликова «Семейные разсчеты», въ которой Стрепетова была много сильнѣе), выступая въ роляхъ, не соотвѣтствовавшихъ характеру ея дарованія (Офелія и др.); но у нея не было учителей и руководителей, которые могли бы направлять ее, наставлять, учить. Всѣмъ она была обязана лишь самой себѣ. Однако, эти учителя нашлись со временемъ, только не въ средѣ артистовъ. Она вступила на новый и вѣрный путь, когда стала прислушиваться къ корифеямъ, русской литературы того времени, когда завязались у нея знакомства и отношенія съ нашими великими писателями классической поры русской литературы. Тургеневъ, Гончаровъ, Островскій, Достоевскій, Л. Толстой— вотъ тѣ титаны художественной мысли, счастливой современницей которыхъ была Савина, сохранившая имъ благородный культъ на всю жизнь.

Ей до нѣкоторой степени принадлежитъ честь «открытія» Тургенева, какъ драматурга, ибо извѣстно, что первыя поставленныя Тургеневымъ пьесы не пользовались успѣхомъ у публики, не встрѣтили особаго сочувствія и у тогдашнихъ заправилъ театра. Онѣ имѣли «succès d'estime» и Тургенева продолжали считать больше беллетристомъ-романистомъ, чѣмъ драматургомъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. М. Г. Савина предугадала ту оцѣнку театра Тургенева, которая у насъ установилась сравнительно недавно, послѣ первыхъ пьесъ Чехова, генетически съ нимъ связаннаго. Еще въ 1879 году Савина выпросила у Тургенева для своего бенефиса «Мѣсяцъ въ деревнѣ», пьесу, которую Тургеневъ и не предназначалъ для сцены и, около 20 лѣтъ послѣ ея напечатанья, никто и не покушался ее ставить. Молодая артистка чутьемъ угадала, что нельзя жертвовать художественностью образовъ въ угоду искомой тогда театральности пьесы и за свой страхъ рѣшилась выступить въ роли Вѣрочки. Ея побѣда была побѣдой и Тургенева-драматурга, признавшагося, что онъ и самъ не ожидалъ, что возможно роли Вѣрочки придать такую яркость и выпуклость. И благодаря Савиной пьеса стала репертуарной, и Тургенева, вообще, стали ставить на сценѣ, признавъ за нимъ иныя, раньше не разгаданныя качества.

Здѣсь неумѣстно входить въ разборъ различнаго исполненія ролей М. Г. Савиной въ ея обширномъ репертуарѣ. Мнѣ хотѣлось бы только отмѣтить, что, ставъ горячей и преданной почитательницей нашей художественной литературы въ широкомъ смыслѣ слова, не только спеціально драматической, предназначенной для исполненія на

сценѣ, она по-своему воспринимала и переживала образы, созданные нашими писателями, и какъ актриса «Божіей милостью», естественно, стремилась къ ихъ воплощенію. Отчасти это достигалось въ чтеніяхъ на литературныхъ вечерахъ, отчасти исполненіемъ ролей въ передѣлкахъ, или такъ назыв. «инсценировкахъ» повѣствовательныхъ произведеній. Чтенія Марья Гавриловна меньше любила, чѣмъ игру: это было свойствомъ ея дарованія, отчасти темперамента. Въ свое время она играла и Пушкинскую Татьяну, но признавалась, что гораздо лучше бы провела сцену объясненія съ Онѣгинымъ, если бы могла ее разыграть. И дѣйствительно, она гораздо полнѣе и цѣльнѣе сумѣла воплотить образъ Лизы изъ «Дворянскаго гнѣзда», когда выступила въ передѣлкѣ П. И. Вейнберга романа Тургенева. Можно и совершенно правильно осуждать всякія передѣлки и приспособленія для сцены романовъ и повѣстей, такъ какъ при этомъ неизбѣжно либо искажается, либо умаляется замыселъ писателя въ его цѣломъ. Но это осужденіе не касается тѣхъ образовъ, которые даются намъ со сцены, какъ иллюстраціи къ произведеніямъ романистовъ, при предположеніи, что зрители знаютъ эти произведенія, что они сознательно воспринимаютъ лишь часть цѣлаго, что они смотрятъ на инсценировку лишь какъ на проясненіе и образное воплощеніе отдѣльныхъ моментовъ знакомаго имъ замысла въ его художественной цѣльности. Тогда и эпизодическія сцены могутъ достичь полной художественности. На этомъ принципѣ зиждется успѣхъ постановки «Братьевъ Карамазовыхъ» въ Московскомъ Художественномъ театрѣ. М. Г. Савина готова была переиграть или воплотить большинство женскихъ образовъ, созданныхъ лучшими нашими писателями эпохи классическаго расцвѣта русской литературы. И подобно тому, какъ она «открыла» намъ Вѣрочку, какъ впослѣдствіи была превосходной Натальей Петровной въ той же пьесѣ Тургенева, нѣжной и идеально-возвышенной Лизой,—такъ она чудесно воплотила и образъ Настасьи Филипповны въ «Идіотѣ» Достоевскаго, превосходно читала сцену Марѳиньки съ Викентьевымъ изъ «Обрыва» Гончарова и напослѣдокъ дала намъ вѣрный, правдиво очерченный рисунокъ бабушки—изъ того же романа, хотя разсчитывала лучше разработать этотъ рисунокъ при повторныхъ спектакляхъ, которые не состоялись. Она очень мечтала дать намъ свое пониманіе Катюши Масловой изъ «Воскресенья» Толстого, но, къ сожалѣнію, по цензурнымъ соображеніямъ спектакль не могъ состояться.

У Савиной въ ея обширномъ репертуарѣ былъ рядъ ролей, въ которыхъ она откровенно какъ бы показывала лишь себя, не гоняясь за художественнымъ перевоплощеніемъ въ чужой ей образъ, не работая творчески надъ созданіемъ чего-то новаго, угадываемаго

и воплощаемаго сложной работой переживаній и воспроизведенія. Ходили просто смотрѣть Савину, когда она выступала въ Крыловскихъ пьесахъ, даже когда она играла «Чародѣйку», «Майоршу», «Генеральшу Матрену» и др. Была виртуозность, не было творчества. Но Савина рѣшительно жертвовала собой, когда отдавалась подлинному творчеству, заботясь лишь о вѣрности воспроизведенія типа. Таковы, напримѣръ, ея исполненія ролей—Марьи Антоновны въ «Ревизорѣ», Агаѳьи Тихоновны въ «Женитьбѣ», или Акулины во «Власти тьмы». Она очень много достигла самыхъ настоящихъ художественныхъ воплощеній въ разныхъ пьесахъ Островскаго, котораго почти сплошь переиграла въ различныхъ амплуа. Она ярко иллюстрировала нѣкоторыя роли въ пьесахъ Потѣхина, Тихонова, Карпова, Гнѣдича и др. Сумѣла подойти и къ нѣкоторымъ образамъ театра Чехова, правда, въ болѣе раннихъ его произведеніяхъ. Но изъ послѣднихъ ея достиженій все-таки приходится на первомъ планѣ поставить, послѣ «Холоповъ» Гнѣдича, роль матери Картина въ «Живомъ трупѣ» и, по яркости созданнаго ею образа, старухи-купчихи въ «Торговомъ домѣ» молодого писателя Сургучева. Бытовыя роли, драматическія и чисто-комедійныя, были ея неизмѣнными шедеврами. Но какъ ни велики ея заслуги въ исторіи русскаго театра, по своимъ знакомствамъ и отношеніямъ къ русскимъ писателямъ-художникамъ, въ широкомъ смыслѣ слова, по тому, что она отъ нихъ восприняла и въ свою очередь сумѣла, какъ артистка, доказать и показать, по той новой сценической традиціи, которую она создала, оригинальнаго и вполнѣ самостоятельнаго воплощенія образовъ изъ русской дѣйствительности въ художественномъ претвореніи, М. Г. Савина займетъ почетное мѣсто не только въ исторіи нашихъ сценическихъ дѣятелей, но ея значеніе должно быть отмѣчено и историками русской литературы.

Ѳ. Батюшковъ.

КОНСТАНТИНЪ МАКОВСКІЙ.

Не много найдется въ исторіи русской живописи такихъ счастливцевъ, какъ недавно умершій профессоръ Константинъ Егоровичъ Маковскій. Горькая доля русскаго художника—жить въ вѣчной нуждѣ и борьбѣ за новые идеалы въ искусствѣ, въ постоянныхъ поискахъ новыхъ путей и неудовлетворенностью найденнымъ—миновала К. Маковскаго. Онъ рано нашелъ въ живописи

самого себя и почилъ на лаврахъ, увѣренный въ своемъ искусствѣ, окруженный почетомъ, избалованный вниманіемъ русскаго общества, осыпаемый золотомъ за всякій вершокъ холста, къ которому прикоснулась его полная блеска кисть. Нежданная смерть отъ ушибовъ, полученныхъ при столкновеніи петроградскаго трамвая съ извозчикомъ, на которомъ ѣхалъ Маковскій, пресѣкла обильную произведеніями жизнь этого 77-лѣтняго старца, протекавшую въ сказочной для нашего времени обстановкѣ, нѣкогда окружавшей великихъ европейскихъ мастеровъ. Выразитель красоты и роскоши древне-русской жизни, Маковскій и самъ жилъ среди роскошныхъ мебелей, ковровъ, утвари, драгоцѣнныхъ коллекцій, наполнявшихъ его мастерскія въ Петроградѣ и Парижѣ. Артистическая натура Маковскаго не находила удовлетворенія въ одной только живописи: онъ охотно выступалъ организаторомъ и устроителемъ блестящихъ аристократическихъ празднествъ, спектаклей, пріемовъ, маскарадовъ. Самъ онъ зналъ близко свѣтлыя, радостныя стороны жизни—ея улыбки и хотѣлъ, чтобы ихъ видѣли другіе, посвятилъ этимъ улыбкамъ жизни свой талантъ.

К. Маковскій отнюдь не былъ художникомъ-пророкомъ; не стремился потрясать зрителей остротою психологическаго анализа. Его задачи въ живописи были проще, скромнѣе, и въ этомъ, безспорно, одна изъ тайнъ его славы. Маковскаго влекла къ себѣ внѣшняя красота человѣческаго лица, человѣческаго тѣла, роскошь обстановки. Въ его картинахъ и портретахъ нѣтъ глубокихъ переживаній, поразительныхъ проникновеній въ характеры и психологію. Они не взволнуютъ, не повергнутъ въ размышленія, не вызовутъ горячихъ споровъ: свѣтлый рой неизмѣнно красивыхъ обликовъ, созданныхъ кистью художника, способенъ ласкать глазъ зрителя, какъ полетъ очаровательныхъ, но безплотныхъ существъ, какъ волшебное, хотя и мимолетное видѣніе.

Пусть русская живопись въ цѣломъ миновала уже этотъ этапъ, но онъ не окончательно пройденъ еще русскимъ обществомъ: успѣхъ К. Маковскаго—живое тому доказательство. Пусть критика была въ большинствѣ неблагосклонна къ творчеству К. Маковскаго, и ему пришлось выслушать отъ нея не мало горькаго: общество въ массѣ оставалось на сторонѣ художника до самой его смерти. Его картины нравились—значитъ, онъ былъ правъ передъ современниками и нуженъ имъ.

Несомнѣннымъ предтечей и подлиннымъ учителемъ К. Маковскаго былъ знаменитый Брюлловъ, всѣхъ ослѣпившій и покорившій внѣшнею красотой формъ въ своихъ картинахъ. Грандіозный успѣхъ Брюллова соблазнилъ въ свое время очень многихъ русскихъ худож-

никовъ, въ глубинѣ души тяготѣвшихъ къ тому же брюлловскому чисто-внѣшнему отношенію художника къ создаваемымъ имъ образамъ, и брюлловское направленіе надолго укрѣпилось въ русской живописи, расколовъ ее на два враждебныхъ лагеря. Примкнулъ къ брюлловцамъ и К. Маковскій, потому что ему тѣсно и душно показалось въ томъ станѣ враговъ брюлловщины — передвижниковъ, къ которому онъ принадлежалъ одно время. Маковскій искалъ въ природѣ радующихъ свѣтлыхъ красокъ, искалъ въ жизни чарующихъ, прекрасныхъ образовъ и, естественно, не могъ найти ихъ въ кругу живописцевъ—учителей жизни. Въ концѣ-концовъ ему оставалось одно: порвать съ передвижниками и уѣхать на поиски того трепетанія свѣта и воздуха, той эллинской жизнерадостности, которой требовалъ его художественный темпераментъ. Ему посчастливилось найти то, чего онъ искалъ. Успѣхъ у публики окрылилъ его и подсказалъ, что дальнѣйшія исканія излишни, что онъ обладаетъ уже достаточнымъ капиталомъ для того, чтобы смѣло расточать свои богатства. Приблизительно то же произошло и съ Айвазовскимъ: и онъ рано оставилъ свои художественные поиски, потому что найденнаго было вполнѣ достаточно не только для его творческой натуры, но и для современниковъ, нарасхватъ покупавшихъ картины Айвазовскаго.

К. Е. Маковскій родился въ 1839 году въ московской художественной семьѣ Маковскихъ. Страстный любитель живописи Маковскій-отецъ былъ основателемъ той самой «Московской академіи» (школы живописи, ваянія и зодчества), въ которой учились трое сыновей-художниковъ: Владиміръ, Константинъ и Николай. Московскую школу К. Маковскій смѣнилъ на петроградскую академію художествъ и шелъ тамъ въ группѣ историковъ, получивъ въ 1862 г. малую золотую медаль за картину «Убіеніе царя Θеодора Борисовича Годунова».

Разгоравшееся въ русской живописи противо-академическое освободительное движеніе захватило и молодого историка. Въ числѣ тринадцати «бунтовщиковъ», демонстративно покинувшихъ 9 ноября 1863 г. академію, не согласившуюся признать права юныхъ художниковъ на свободный выборъ сюжетовъ, былъ и К. Маковскій. Измѣнивъ карьерѣ историка, онъ становится жанристомъ и въ 1867 г. выставляетъ «Бѣдныхъ дѣтей» и «Селедочницу». Академія, не на шутку обезпокоенная успѣхомъ основанной непокорными питомцами художественной артели, пытается примириться съ ними и присуждаетъ Маковскому званіе академика. Черезъ два года, академикъ-бунтовщикъ ставитъ на выставку одну изъ значительнѣйшихъ жанровыхъ картинъ русской бытовой живописи шестидесятыхъ годовъ—

«Балаганы на Адмиралтейской площади». Успѣхъ картины былъ великъ, и ее покупаетъ Государь, а сконфуженная академія спѣшитъ избрать тридцати-лѣтняго художника въ профессора. Маковскій сразу становится модным художникомъ и его засыпаютъ заказами.

Но онъ все еще вѣренъ школѣ поучающаго реализма и въ 1870 г. подписываетъ, какъ учредитель, уставъ товарищества передвижныхъ выставокъ, а въ 1872 г. даетъ на выставку товарищества типично передвижническія «Похороны ребенка въ деревнѣ». Лишь съ половины семидесятыхъ годовъ Маковскій начинаетъ терять вѣру въ передвижничество, уѣзжаетъ въ путешествіе по Востоку и возвращается новымъ человѣкомъ—художникомъ, влюбленнымъ въ ту самую яркость красокъ, которая занимала, если не послѣднее, то во всякомъ случаѣ довольно не высокое мѣсто въ живописи передвижниковъ. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ онъ уже окончательно порываетъ съ товариществомъ передвижниковъ и, не оставляя кисти портретиста, возвращается къ исторической живописи.

Первыя его картины въ этомъ родѣ сопровождаются крупнымъ успѣхомъ: «Свадебный пиръ», въ олеографическихъ копіяхъ разнесенный по всей Россіи, встрѣчаетъ шумный успѣхъ въ Антверпенѣ, Парижѣ и пріобрѣтается въ Америку. Длинный рядъ произведеній, посвященныхъ красивымъ сценамъ изъ древне-русскаго быта, выходитъ изъ мастерскихъ Маковскаго. Изрѣдка эта блистающая вереница нарушается сюжетами иного порядка: «Смертью Іоанна Грознаго» въ роскошныхъ палатахъ дворца, блескъ которыхъ невольно отвлекаетъ вниманіе зрителя отъ мрачнаго сюжета, «Смертью Петронія»—среди розъ, во время пышнаго пира, въ цвѣтникѣ роскошнаго женскаго тѣла, колоссальнымъ «Воззваніемъ Минина къ нижегородцамъ», аллегорическими панно. Одновременно растетъ и другая, не менѣе длинная цѣпь—портретовъ и изящныхъ женскихъ головокъ.

К. Маковскій любилъ большія композиціи, дававшія ему возможность развертывать ослѣпительныя картины жизни, съ упоеніемъ воспроизводить переливы драгоцѣнныхъ тканей, сіяніе золота, игру алмазовъ и влажный блескъ жемчуговъ. Безобразію и бѣдности не было мѣста на его праздникахъ жизни, даже нищенки и цыганки выходили у него по-оперному нарядными и живописными. Самый колоритъ Маковскаго—нѣжный какъ акварель, матово-фарфоровый—усиливалъ общее впечатлѣніе нарядного маскарада.

Многочисленные женскіе портреты К. Маковскаго подчасъ возвышаются до мастерства западно-европейскихъ салонныхъ портретистовъ прошлаго вѣка, умѣвшихъ и польстить оригиналу съ

особою утонченностью, и въ то же время создавать произведенія крупной художественной цѣнности.

И если К. Маковскій не былъ великимъ мастеромъ живописи, то его художественная дѣятельность, отличавшаяся необычайной плодовитостью, даетъ ему во всякомъ случаѣ неоспоримое право на прочную память не только у современниковъ, но и въ исторіи русскаго искусства.

В. Никольскій.

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА РУСОВА.

9-го октября въ Саратовѣ 68-ми лѣтъ отъ роду скончался А. А. Русовъ. Въ лицѣ покойнаго гармонично соединялся человѣкъ науки и гражданинъ, съ ранней молодости выступившій на широкую арену общественной дѣятельности и почти до конца жизни не сходившій съ нея. Нѣтъ ничего поэтому удивительнаго, что имя его пользовалось большою извѣстностью въ интеллигентныхъ кругахъ, при чемъ особенную популярность пріобрѣлъ онъ въ Украинѣ, которой преданъ былъ всей душою, несмотря на великороссійское происхожденіе, ярко выраженное во всемъ его обликѣ. Украинофильство Русова было одною изъ главныхъ причинъ преслѣдованій его со стороны администраціи, выражавшихся въ обыскахъ, арестахъ и высылкахъ изъ предѣловъ юга Россіи. Уже въ концѣ 70-хъ годовъ бывшій чиновникъ контрольной палаты, Веледницкій, и семинаристъ Богословскій, оговаривая украинофиловъ, указывали на Русова, какъ на одного изъ видныхъ дѣятелей среди нихъ. По ихъ словамъ, «во главѣ организаціи украинофиловъ-соціалистовъ въ Кіевѣ стоялъ совѣтъ, носившій малороссійское названіе «громада». Въ числѣ членовъ этого совѣта былъ и Русовъ. Въ другомъ мѣстѣ Богословскій показалъ, что «Русовъ участвовалъ въ редакціи революціоннаго журнала «Громада» и былъ иниціаторомъ типографіи въ Женевѣ. Отличался приверженностью къ дѣлу пропаганды и поддержаніемъ въ другихъ энергіи въ преслѣдованіи преступныхъ цѣлей» [1]). Русовъ, сдѣлавшій, совмѣстно съ Волковымъ, примѣчанія къ этимъ оговорамъ, совершенно опровергаетъ правильность показаній «глупаго болтуна» Веледницкаго и «добродушнаго, очень еще молодого и не особенно

---

1) См. „Сводъ указаній, данныхъ нѣкоторыми изъ арестованныхъ по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ". „Былое", 1907 г., кн. VI-ая.

далекаго Богословскаго» и говоритъ слѣдующее: «Старѣйшій изъ кружковъ, такъ называемая «Старая Громада», былъ продолженіемъ украинскихъ традицій сороковыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ, въ половинѣ которыхъ онъ и сложился изъ обломковъ бывшей редакціи «Основы» и студенческой «громады» Кіевскаго университета, извѣстной въ свое время учрежденіемъ первыхъ въ Россіи воскресныхъ школъ. Состоя изъ людей, главнымъ образомъ, университетской и вообще учено-литературной среды, кружокъ былъ далекъ отъ какой бы то ни было революціонной дѣятельности, но отдавался вполнѣ дѣятельности конституціонно-освободительной, на почвѣ украинскихъ интересовъ. Будучи по большей части соціалистами въ теоріи (если угодно—катедеръ-соціалистами) и демократами по своимъ основнымъ и историческимъ принципамъ, члены этого кружка, конечно, не могли ограничивать своихъ задачъ только «организаціей рабочаго класса» или подготовленіемъ вооруженнаго возстанія, чтобы захватить власть и «волею народа», по выраженію Герцена, «строжайше предписать всѣмъ свободу». Ихъ дѣятельность была прежде всего научной и литературной, а затѣмъ широко-общественной—вездѣ, гдѣ они могли найти для себя какую-нибудь точку опоры, въ земскихъ, въ городскихъ дѣлахъ и т. д. Въ научной сферѣ, кромѣ работы педагогической—профессорской и учительской, кружокъ этотъ оставилъ по себѣ слѣды въ видѣ массы ученыхъ трудовъ историческихъ, экономическихъ, этнографическихъ и т. п.».

Справедливость приведеннаго вполнѣ подтвердилась всею жизнью Русова. Работая въ качествѣ земскаго статистика, на каковомъ поприщѣ пріобрѣлъ себѣ заслуженную извѣстность, А. А. въ то же время «отдавался вполнѣ дѣятельности конституціонно-освободительной на почвѣ украинскихъ интересовъ».

Земская дѣятельность Русова началась въ Черниговѣ, гдѣ онъ, совмѣстно съ Варзаромъ и Червинскимъ, организовалъ въ 1875 г. земскія статистическія изслѣдованія. Мы не будемъ касаться послѣднихъ, такъ какъ они давно уже оцѣнены, а скажемъ, что въ Черниговѣ Русовъ сблизился и даже сроднился съ совершенно подходящею по его взглядамъ земскою конституціонною средою. Въ центрѣ ея стоялъ положившій начало земскому конституціонному движенію молодой тогда и энергичный гласный борзенскаго уѣзднаго и черниговскаго губернскаго земства и мировой судья И. И. Петрункевичъ, а ближайшимъ сотрудникомъ его былъ тоже мировой судья и гласный губернскаго черниговскаго земства А. Ф. Линдфорсъ, на сестрѣ котораго, Софьѣ Өедоровнѣ, женился Русовъ. Съ этого времени имя послѣдняго неразрывно связывается съ именами двухъ первыхъ. Такъ, въ 1878 г., передъ извѣстнымъ кіевскимъ

съѣздомъ состоялся предварительный съѣздъ въ Нѣжинѣ при участіи А. Ф. Линдфорса и А. А. Русова [1]).

Въ томъ же году, вскорѣ послѣ кіевскаго съѣзда состоялся многочисленный съѣздъ въ Харьковѣ, на которомъ мы встрѣчаемъ опять-таки Русова съ Петрункевичемъ и другимъ черниговскимъ земцемъ—Савичемъ. Какъ «третій земскій элементъ», Русовъ не имѣлъ возможности принимать непосредственнаго участія въ земскихъ собраніяхъ, но это не мѣшало ему играть выдающуюся роль въ освободительномъ земскомъ движеніи «на почвѣ украинскихъ интересовъ». Послѣ Чернигова мы видимъ А. А. занимающимся статистическими работами въ земствахъ Херсонскомъ и Полтавскомъ и руководящимъ переписями въ городахъ: Харьковѣ, Нѣжинѣ, Кіевѣ. Путь Русова, какъ и жены его, всю жизнь усѣянъ былъ терніями, выражавшимися, какъ мы говоримъ, въ мелкихъ и крупныхъ административныхъ преслѣдованіяхъ. Но чѣмъ больше старались администраторы отравить существованіе А. А., тѣмъ больше возрастала и его популярность. Это особенно обнаружилось въ 1901 г., когда, при вторичной службѣ Русова въ Полтавскомъ земствѣ, исполнилось 25-ти-лѣтіе его статистической дѣятельности. Юбилей совпалъ со съѣздомъ въ Полтавѣ дѣятелей по кустарной промышленности. Съ рѣдкою теплотою и искренностью чествовала А. А. вся Полтавская губернская земская управа, включая «третій элементъ», и многочисленные участники съѣзда. А въ это время надъ юбиляромъ былъ уже занесенъ мечъ. Въ 1902 году назначенный министромъ внутреннихъ дѣлъ Плеве отрубилъ этимъ мечемъ Русова не только отъ полтавской статистики, но и отъ земства вообще. Русовъ высланъ былъ изъ Полтавы, а для уѣздовъ: Полтавскаго, Константиноградскаго, Переяславскаго и Кременчугскаго была «исходатайствована» «усиленная охрана». Чѣмъ же руководствовался всевластный министръ, высылая Русова? А тѣмъ, что,—какъ говорилось во всеподданнѣйшемъ докладѣ,—крестьянскія волненія «въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ съ очевидностью выяснили необходимость немедленно положить предѣлъ вредному вліянію, которое оказывали на населеніе нѣкоторые изъ земскихъ статистиковъ». Нужно ли говорить, что «сильная власть» въ данномъ случаѣ, какъ и во всѣхъ случаяхъ, сваливала все съ больной головы на здоровую. Сама цѣликомъ повинная во всѣхъ неурядицахъ русской жизни, она, не имѣя возможности устранить ихъ, набрасывается на первую, указанную охранными отдѣленіями, причину и, закрывъ глаза, рубитъ направо и налѣво. Конечно, ни

[1]) См. наше „Земское движеніе“, второе изданіе, Москва, 1914 г.

статистики вообще, ни тѣмъ болѣе Русовъ совершенно не были повинны въ тогдашнихъ аграрныхъ волненіяхъ; но какъ бы то ни было, а Русовъ вынужденъ былъ оставить свою дорогую Украину и перебраться въ Петроградъ, котораго онъ терпѣть не могъ. Петроградскій періодъ былъ для него очень тяжелъ, хотя А. А. пользовался въ столицѣ вниманіемъ и любовью въ широкихъ кругахъ интеллигенціи. Освободительное движеніе дало возможность Русову возвратиться въ Украину, и онъ поселился въ Кіевѣ, гдѣ принялъ живое участіе въ конституціонномъ движеніи опять-таки «на почвѣ украинскихъ интересовъ». Въ послѣдніе годы, не задолго, сравнительно, до кончины, кіевскій Коммерческій институтъ избралъ Русова профессоромъ статистики; но администрація не утвердила его. Кончина Русова не можетъ не вызвать самаго горячаго и искренняго сожалѣнія у всѣхъ знавшихъ этого умнаго, сердечнаго и отзывчиваго на все хорошее человѣка, оставившаго крупные слѣды своей дѣятельности какъ въ научной, такъ и общественной сферѣ.

И. П. Бѣлоконскій.

ОБЗОРЪ ВОЕННЫХЪ СОБЫТІЙ.

Съ тѣхъ поръ, какъ былъ напечатанъ предыдущій обзоръ, въ ходѣ событій на нашемъ фронтѣ произошли большія перемѣны. Произошли перемѣны также и въ составѣ верховнаго командованія нашихъ армій и въ дѣленіи ихъ на отдѣльные фронты. Приказомъ арміи и флоту отъ 23 августа 1915 г. Государь Императоръ извѣстилъ, что онъ принялъ на себя предводительствованіе всѣми сухопутными и морскими вооруженными силами, находящимися на театрѣ военныхъ дѣйствій. Бывшій Верховный Главнокомандующій Великій Князь Николай Николаевичъ получилъ назначеніе на постъ Намѣстника на Кавказѣ и главнокомандующаго Кавказской арміей. Нѣсколькими днями раньше начальникъ главнаго штаба верховнаго главнокомандующаго генералъ-отъ-инфантеріи Янушкевичъ оставилъ свою должность и былъ назначенъ состоящимъ при Намѣстникѣ на Кавказѣ. Его постъ начальника штаба верховнаго главнокомандующаго занялъ генералъ Алексѣевъ, состоявшій до того въ должности главнокомандующаго арміями сѣверо-западнаго фронта. Бывшій сѣверо-западный фронтъ раздѣленъ на два отдѣльныхъ фронта—сѣверный и западный. Во главѣ армій сѣвернаго фронта поставленъ генералъ-адъютантъ Рузскій, а во главѣ армій западнаго фронта—генералъ-отъ-инфантеріи Эвертъ, состоявшій до того времени командующимъ 4-ой арміей.

Боевыя дѣйствія на нашемъ фронтѣ за истекшіе три мѣсяца сводились, съ одной стороны, къ завершенію борьбы за обладаніе передовымъ театромъ военныхъ дѣйствій, съ другой,—къ попыткамъ германцевъ вести наступленіе въ глубь коренной Россіи и добиться полнаго «рѣшенія» на востокѣ путемъ уничтоженія русскихъ армій.

По существу борьба за передовой театръ войны была уже кончена въ іюлѣ. 23-го іюля русскія войска оставили Варшаву, днемъ раньше они оставили Ивангородъ, и тогда же начался нашъ общій отходъ отъ линіи Вислы. Мы удержали послѣ того въ своихъ рукахъ только одну крѣпость Новогеоргіевскъ, но она, будучи отрѣзана отъ нашей арміи и окружена со всѣхъ сторонъ непріятельскими войсками, уже не могла играть въ дальнѣйшемъ серьезной роли. Непосредственно послѣ ея обложенія, противникъ началъ атаки противъ нея, подготовляемыя бомбардировкой артиллеріи тяжелаго калибра. Въ ночь на 7-ое августа уже шелъ штурмъ Новогеоргіевска и 7-го августа крѣпость пала. Борьба за Новогеоргіевскъ представляетъ, впрочемъ, самостоятельный, какъ бы вставной, эпизодъ въ боевой дѣятельности послѣднихъ мѣсяцевъ. Ея исходъ не отражался и не могъ отражаться на событіяхъ на другихъ участкахъ нашего фронта, и взятіе крѣпости дало въ руки нашихъ противниковъ трофеи, но не предоставило имъ другихъ осязательныхъ выгодъ. Новогеоріевская крѣпость не запирала важныхъ путей сообщенія, а стояла нѣсколько въ сторонѣ отъ главныхъ дорогъ Привислинскаго театра войны.

Болѣе важное значеніе имѣли въ концѣ іюля боевыя дѣйствія на правомъ берегу Вислы, содержаніе которыхъ сводилось къ тому, что непріятель пытался помѣшать спокойному отходу нашихъ войскъ на новую оборонительную линію. Здѣсь къ моменту нашего отхода мы занимали охватываемое положеніе, при чемъ имѣли противъ себя—на сѣверѣ—германскія арміи Гальвица и Шольца, на западѣ—группу германо-австрійскихъ армій принца Леопольда Баварскаго и на югѣ—группу армій Макензена. Съ запада противникъ не особенно тревожилъ нашъ отходъ, что является вполнѣ естественнымъ, такъ какъ въ этомъ направленіи непріятель не могъ добиться какого-нибудь крупнаго успѣха. Его атаки съ запада могли бы, конечно, нѣсколько замедлить наше отступленіе, могли бы доставить ему въ нѣкоторыхъ случаяхъ трофеи, но какого-нибудь серьезнаго успѣха это наступленіе непріятелю не могло дать. Лишь атаки съ сѣвера и съ юга, глубокій охватъ нашихъ фланговъ и прорывъ въ тылъ, способны внести большія затрудненія въ наши тыловые пути сообщенія,—лишь эти операціи могли дать германцамъ тотъ крупный успѣхъ надъ нашей силой, къ которому они стремились съ гораздо большей энергіей, чѣмъ къ захвату отдѣльныхъ городовъ или даже крѣпостей. И германцы дѣй-

ствительно прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы помѣшать спокойному отходу нашихъ войскъ, дабы вовлечь ихъ въ восточной Польшѣ въ рѣшительную борьбу, которая должна была бы завязаться при неблагопріятныхъ для насъ условіяхъ. Имъ, однако, не удалось достигнуть этого, быть можетъ, потому, что съ достаточной энергіей они производили нажимъ лишь на одинъ изъ нашихъ фланговъ,—на сѣверный, группой армій Гальвица и Шольца. Съ юга такого энергичнаго давленія не производилось, вѣроятно, потому, что арміи Макензена, на которыя выпала главная тяжесть боевъ предыдущихъ мѣсяцевъ, были къ настоящему моменту настолько уставшими, что уже оказались неспособными проявить нужную въ такой рѣшительный моментъ энергію. Какъ бы то ни было, но эти арміи вели наступленіе во второй половинѣ іюля довольно вяло. Сколько-нибудь серьезныя дѣйствія были начаты ими лишь въ районѣ Влодавы въ послѣднихъ числахъ іюля и въ первыхъ числахъ августа, т.-е. уже тогда, когда главная масса нашихъ войскъ достаточно далеко отошла къ востоку и когда непосредственная угроза этому отходу была почти отстранена. На сѣверѣ, на бывшемъ Наревскомъ фронтѣ, въ теченіе всей второй половины іюля шли ожесточенные бои, и здѣсь по временамъ наше положеніе бывало затруднительнымъ. Въ сообщеніяхъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго нерѣдко встрѣчаются такія отмѣтки, какъ напр.: «Наши войска, несмотря на потери и безпрерывные бои съ усиливающимся противникомъ, оказываютъ ему энергичное сопротивленіе» или «Наша контръ-атака, произведенная 29-го іюля, облегчила войскамъ сѣвернаго участка отходъ на нѣсколько поданныя назадъ позиціи». Въ этихъ упорныхъ бояхъ и наши, и непріятельскія войска одинаково несли тяжелыя потери, но цѣною большихъ жертвъ противнику все-таки не удалось добиться поставленной себѣ цѣли. Оперировавшія здѣсь наши арміи достаточно долго задержали противника и дали возможность остальнымъ нашимъ войскамъ, двигавшимся отъ линіи Вислы къ востоку, отойти на новую оборонительную линію. Эта новая оборонительная линія шла приблизительно вдоль желѣзной дороги Граево—Брестъ, а отъ Бреста къ югу по Бугу, и непосредственно вслѣдъ за отходомъ нашихъ войскъ на эту линію начались непріятельскія атаки на нее, атаки, являющіяся въ сущности подготовкой новой операціи наступленія въ глубь Россіи.

Направленіе непріятельскихъ атакъ было обусловлено двумя моментами. Тутъ большую роль играла та группировка армій, которая сложилась въ предыдущія недѣли, и на нѣкоторыхъ направленіяхъ германцы вели наступленіе по инерціи. Для того, чтобы перебросить арміи на какіе-либо другіе участки фронта, требовалось продолжительное время, связанное до извѣстной степени съ прі-

становкой операцій въ болѣе крупномъ масштабѣ. Непріятель отъ такой перегруппировки не отказался, но производилъ ее исподоволь, а въ то же время, не желая пріостанавливать начатое имъ наступленіе, пытался вести атаки почти по всему нашему фронту. Эти атаки имѣли цѣлью, съ одной стороны, наиболѣе продолжительную задержку нашихъ войскъ въ западныхъ губерніяхъ, а съ другой,—подготовку новыхъ операцій широкаго охвата, неудавшуюся на передовомъ Привислинскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Цѣлямъ задержки нашихъ армій должны были служить преимущественно непріятельскія атаки, ведшіяся въ центрѣ нашего расположенія. Операціи охвата были намѣчены преимущественно на лѣвомъ непріятельскомъ флангѣ. Событія же на правомъ флангѣ стояли нѣсколько изолированными отъ хода операцій въ центрѣ и на сѣверѣ, что въ значительной степени было обусловлено тѣмъ, что арміи южнаго фронта отдѣлены отъ центра трудно проходимыми Пинскими болотами.

Наибольшая активность непріятеля въ центрѣ приходится на августъ мѣсяцъ. Извѣстнаго успѣха непріятелю удалось достигнуть прежде всего на крайнемъ сѣверѣ этого участка нашего фронта, въ районѣ Оссовца. Непріятельскія атаки непосредственно противъ Оссовца, предпринятыя имъ въ концѣ іюля, оказались безрезультатными. Но зато германцамъ удалось прорваться черезъ Бобръ южнѣе Оссовца, и вслѣдствіе этого судьба нашей небольшой крѣпости была рѣшена. Ея роль сводилась къ роли тетъ-де-пона, а все ея значеніе состояло въ томъ, что она прикрывала собой наиболѣе удобныя переправы черезъ Бобръ, но крѣпость была недостаточно велика, чтобы имѣть возможность самостоятельно сопротивляться противнику, въ случаѣ ея обложенія. Въ виду этого, какъ только непріятелю удалось утвердиться на лѣвомъ берегу Бобра, судьба Оссовецкой крѣпости была уже рѣшена, и мы, не дожидаясь дальнѣйшихъ попытокъ противника противъ нея, сами ее оставили, взорвавъ предварительно ея укрѣпленія. Это произошло вечеромъ 9-го августа.

Южнѣе Оссовца непріятель направлялъ свои усилія на районъ Бѣлостока, но здѣсь ему въ теченіе долгаго времени не удавалось добиться никакого осязательнаго успѣха. Большую удачу имѣлъ онъ еще на болѣе южныхъ участкахъ, на линіи Бѣльскъ-Клещели-Высоколитовскъ. Здѣсь ему въ концѣ концовъ удалось захватить линію желѣзной дороги и пойти отъ нея въ направленіи на востокъ, въ сторону къ Бѣловѣжской пущѣ и въ обходъ Брестъ-Литовска съ сѣвера. Одновременно съ этимъ непріятелемъ велось наступленіе и въ обходъ Брестъ-Литовска съ юга, направленное изъ района Влодавы. Уже въ первыхъ числахъ августа германцамъ удалось утвердиться въ этомъ районѣ на правомъ берегу Буга, и они повели отсюда наступленіе на

сѣверо-востокъ по шоссе къ Кобрину, т.-е. непосредственно въ тылъ Брестъ-Литовска. Здѣсь произошли упорные бои въ озерномъ районѣ у селенія Пищи, верстахъ въ 20 къ востоку отъ Влодавы, а затѣмъ непріятелю удалось прорваться къ станціи Малорыто на желѣзной дорогѣ отъ Бреста къ Ковелю и стать, такимъ образомъ, къ юго-востоку отъ Брестъ-Литовска. Непосредственныя атаки противъ самого Брестъ-Литовска, предпринимавшіяся иногда непріятелемъ, не отличались достаточной энергіей, но тѣмъ не менѣе судьба Брестъ-Литовска была рѣшена. Угроза обхода съ сѣвера и съ юга, прорывы на востокъ отъ линіи Бѣльскъ, Высоколитовскъ и по направленію отъ Влодавы и Малорыто, сами по себѣ еще,—можетъ быть, не являлись достаточно серьезной угрозой, для того, чтобы побудить насъ къ оставленію Бреста, являвшагося не только большой крѣпостью, но и чрезвычайно важнымъ стратегическимъ узловымъ пунктомъ дорогъ. Но къ концу первой половины августа намѣтилась уже достаточно осязательно болѣе серьезная и болѣе глубокая угроза со стороны непріятеля въ обходъ праваго фланга всей нашей новой оборонительной линіи. Эта угроза, предпринятая непріятелемъ въ направленіи на Ковно и Вильно, побудила насъ къ общему отходу со всей оборонительной линіи Нѣмана и Буга и этимъ самымъ опредѣлила судьбу Брестъ-Литовска. Будучи одной изъ самыхъ нашихъ обширныхъ крѣпостей, она требовала бы очень крупнаго гарнизона и въ то же время имѣла бы очень мало шансовъ на то, чтобы оказать непріятелю упорное сопротивленіе. Судьба такихъ крѣпостей, какъ Новогеоргіевскъ и Ковно, смогшихъ продержаться противъ непріятеля лишь въ теченіе полутора-двухъ недѣль, показывала, что и Брестъ-Литовскъ скоро попалъ бы въ руки непріятеля со всѣмъ своимъ гарнизономъ. Во избѣжаніе гибели гарнизона, было предпочтительнѣе не защищать Брестъ-Литовска, разъ наши арміи были вынуждены отходить далѣе на востокъ. Въ современной войнѣ крѣпости держатся и держались лишь до тѣхъ поръ, пока наряду съ ними дѣйствуютъ полевыя арміи и оказываютъ имъ надлежащую поддержку. Съ отходомъ полевой арміи крѣпость обречена на сдачу, такъ какъ при постройкѣ ни одной изъ современныхъ крѣпостей не принималась во вниманіе такая могущественная осадная артиллерія, какой располагаетъ теперь Германія, въ видѣ своихъ 16-ти-дюймовыхъ мортиръ.

13 августа русскія войска оставили Брестъ-Литовскъ, взорвавъ предварительно его укрѣпленія и мосты, и тѣмъ самымъ началась новая фаза кампаніи — наступленіе въ коренную Россію и полный отказъ отъ оборонительной линіи Нѣмана и Буга. Въ дальнѣйшемъ германское наступленіе въ центрѣ велось въ значительной степени по инерціи; германцы шли за отходящими нашими войсками, пыта-

лись возможно дольше задержать ихъ на западѣ, но не ставили себѣ здѣсь самостоятельныхъ цѣлей. Параллельно движенію на востокъ непріятель ослаблялъ свои центральныя арміи, усиливая за ихъ счетъ фланги, и въ центрѣ остановка германскаго наступленія оказалась раньше, чѣмъ на флангахъ.

Наступленіе на Вильну, приведшее насъ къ уходу съ Нѣмана и Буга и къ оставленію Брестъ-Литовска, было задумано непріятелемъ исподоволь. Еще въ серединѣ іюля непріятель сталъ накапливать силы, западнѣе Ковна подъ прикрытіемъ большихъ Козлово-Рудскихъ лѣсовъ. Здѣсь въ ближайшихъ окрестностяхъ Ковна непріятель прокладывалъ желѣзнодорожныя вѣтки для подвоза тяжелой артиллеріи, заранѣе подготовлялъ бетонныя платформы для установки своихъ чудовищныхъ орудій. Когда это было выполнено, 24-го іюля начались непосредственныя атаки германцевъ на передовыя позиціи Ковенской крѣпости, сосредоточенныя на ея западномъ фронтѣ между Нѣманомъ и ея маленькимъ притокомъ рѣкой Есей. Какъ теперь извѣстно, укрѣпленія Ковенской крѣпости состояли лишь изъ одной линіи фортовъ, общимъ числомъ 7. Изъ нихъ три приходились на атакованный непріятелемъ западный фронтъ, два—на юго-восточный фронтъ и по одному на сѣверо-восточный и сѣверо-западный, находившіеся на правомъ берегу Нѣмана. Эти форты были недостаточно далеко выдвинуты впередъ отъ центральной ограды крѣпости и по самому своему устройству не вполнѣ находились на высотѣ современной инженерной техники. Главный же недостатокъ ихъ былъ тотъ, что всѣ они лежали у подошвы довольно большой возвышенности, которая въ значительной степени мѣшала дѣйствію крѣпостныхъ орудій противъ позицій противника. Атаки германцевъ были направлены именно на эту передовую возвышенность, и длившаяся въ теченіе послѣднихъ чиселъ іюля борьба за эти передовыя позиціи кончилась тѣмъ, что всѣ они постепенно перешли въ руки германцевъ. Бои, ведшіеся здѣсь, отличались чрезвычайнымъ упорствомъ, и непріятельскому штурму предшествовалъ ураганный огонь тяжелой артиллеріи вплоть до 16-тидюймовыхъ орудій,—разбившихъ наши форты и пріостановившихъ дѣйствіе нашей артиллеріи. Германскія атаки велись густыми колоннами и большими силами. Въ первомъ большомъ штурмѣ, предпринятомъ германцами 26-го іюля, участвовало не менѣе 3-хъ дивизій. Мы причинили противнику очень большія потери, большинство его атакъ было отбито, но все же въ нѣкоторыхъ пунктахъ ему удавалось утвердиться и постепенно день за днемъ онъ расширялъ занятое имъ пространство. Когда всѣ передовыя высоты западнаго фронта перешли въ руки непріятеля, онъ началъ свои атаки уже непосредственно противъ линіи нашихъ фортовъ. Къ вечеру 3-го августа ему

удалось овладѣть однимъ сильно разрушеннымъ огнемъ фортомъ и одновременно прорваться въ промежутокъ между нѣкоторыми другими фортами западнаго фронта. Послѣ этого 4-го августа весь западный фронтъ между Нѣманомъ и Есей перешелъ въ руки противника и онъ сталъ переправляться на правый берегъ Еси противъ фортовъ 4-го и 5-го. 5-го августа германцами уже былъ занятъ городъ Ковно и они утвердились на перешейкѣ между Нѣманомъ и Виліей на правомъ берегу Нѣмана. 6-го августа вся Ковенская крѣпость была уже въ рукахъ непріятеля.

Съ нашей стороны была сдѣлана лишь одна попытка воспрепятствовать противнику овладѣть Ковенской крѣпостью. Попытка эта выражалась въ наступленіи на лѣвомъ берегу Нѣмана противъ праваго фланга и даже тыла дѣйствовавшихъ у Ковна германскихъ силъ. Наши войска уже грозили непріятелю въ районѣ Годлива и Юзефова, т.-е. въ непосредственной близости отъ осадныхъ работъ противника, но тѣмъ не менѣе попытка эта успѣха не имѣла. До сихъ поръ впрочемъ о ней не опубликовано никакихъ сколько-нибудь подробныхъ свѣдѣній, а въ печать проникли лишь глухія указанія на нее въ статьѣ корреспондента «Русскихъ Вѣдомостей» Кирова, давшаго болѣе отчетливый очеркъ борьбы за Ковенскую крѣпость. Да и вообще въ исторіи паденія Ковенской крѣпости есть много неясныхъ моментовъ. Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 227) опубликованъ приговоръ военнаго суда надъ комендантомъ Ковенской крѣпости ген. Григорьевымъ, обвинявшимся «въ сдачѣ означенной крѣпости непріятелю безъ использованія всѣхъ средствъ противодѣйствія и защиты, что не было выполнено вслѣдствіе оставленія крѣпости комендантомъ».

Въ моментъ паденія Ковна наши войска еще находились на лѣвомъ берегу Нѣмана и отошли оттуда несразу. Этотъ отходъ совершился лишь послѣ того, какъ намѣтилось сильное наступленіе германцевъ отъ Ковна дальше на востокъ по направленію къ Вильнѣ. Это наступленіе было предпринято противникомъ сейчасъ же послѣ взятія имъ Ковна. Уже въ сообщеніи Штаба Верховнаго Главнокомандующаго отъ 8-го августа упоминалось, что на направленіяхъ отъ Ковна наши войска задерживаютъ наступленіе противника на путяхъ къ Кошедарамъ. 8-го и 9-го августа бои происходили въ районѣ Кошедаръ, но 11-го августа непріятель велъ частныя атаки на фронтъ къ сѣверо-западу отъ мѣстечка Евье, т.-е. онъ продвинулся здѣсь на востокъ приблизительно верстъ на 25. 12-го августа наши войска стали уже оттягиваться съ позицій впереди Евье назадъ по направленію къ Вильнѣ.

Послѣ того въ виленскомъ районѣ наступило относительное затишье, длившееся, однако, очень непродолжительное время и исполь-

зованное германцами для овладѣнія Гродной и для закрѣпленія за собой всей линіи средняго Нѣмана. Произведя соотвѣтственную перегруппировку войскъ и пополнивъ свои запасы, непріятель въ концѣ августа приступилъ къ выполненію рѣшительной операціи, которая должна была бы дать ему то, чего ему не удалось достигнуть въ Привислинскомъ краѣ. Непріятель повелъ большими силами наступленіе на фронтѣ между Двинскомъ и Вильной, при чемъ главныя его силы были направлены не противъ самой Вильны, а противъ Двинска и въ промежуткахъ между Двинскомъ и Вильной. Наступленіе на Вильну развивалось довольно медленно и не носило первые дни особенно упорнаго характера. Гораздо болѣе бурно развивались событія въ районѣ къ сѣверу отъ Вильно, въ промежуткѣ между Вильной и Двинскомъ. Здѣсь непріятель сосредоточилъ очень большія массы кавалеріи, которыя устремились въ направленіи отъ Вилькомира къ Свѣнцянамъ, прервали у станціи Ново-Свѣнцяны Варшавскую желѣзную дорогу, устремились далѣе на востокъ, достигли линіи желѣзной дороги Молодечно—Полоцкъ, а передовымъ германскимъ частямъ удалось продвинуться далеко на востокъ до станціи Витгенштейнской, лежащей на Московско-Брестской дорогѣ приблизительно на половинѣ разстоянія между Минскомъ и Борисовымъ. Получился глубокій охватъ нашихъ войскъ виленской группы, угрожавшій въ то же время и войскамъ болѣе южныхъ нашихъ группъ. Тяжесть положенія войскъ виленской группы усугублялась еще тѣмъ, что одновременно съ прорывомъ въ районѣ Ново-Свѣнцянъ, т.-е. съ охватомъ виленской группы съ сѣвера, непріятель развилъ энергичное наступленіе въ направленіи отъ Оранъ на желѣзную дорогу Вильно—Лида, т.-е. въ обхватъ виленской группы съ юга. Желѣзнодорожные пути сообщенія для войскъ виленской группы были отрѣзаны и дѣйствовавшей здѣсь нашей X арміи приходилось отходить исключительно по грунтовымъ дорогамъ. Отходъ этотъ не могъ быть однако слишкомъ быстрымъ, такъ какъ войскамъ виленской группы приходилось считаться съ положеніемъ войскъ болѣе южныхъ группъ, которыя къ данному моменту занимали относительно болѣе выдвинутое положеніе. Въ тотъ самый моментъ, когда нѣмцы предприняли наступленіе на Вильну и Двинскъ, наши войска въ центрѣ стояли приблизительно на линіи Нижней Шары и г. Слонима, т.-е. на разстояніи 184 верстъ отъ Минска, тогда какъ отъ Молодечна до Минска всего 72 версты. Такимъ образомъ войскамъ виленской группы приходилось думать не только о томъ, чтобы самимъ выйти изъ крайне тяжелаго положенія, но и о томъ, чтобы этотъ отходъ былъ достаточно медленнымъ, для того, чтобы войска болѣе южныхъ группъ могли занять новое положеніе. Эта трудная и сложная операція была выполнена нашими войсками

удачно. Войска виленской группы отошли отъ Вильны, хотя и не безъ потерь, но во всякомъ случаѣ въ полномъ составѣ и остановились приблизительно на линіи Сморгони. Въ это же самое время наши войска центральныхъ армій поспѣли отодвинуться съ линіи Шары нѣсколько на востокъ, занявъ позиціи на небольшомъ разстояніи къ востоку отъ линіи Барановичей и г. Пинска.

Неудачѣ германской попытки охвата нашихъ войскъ на сѣверѣ въ значительной степени способствовала защита нами Двинска. Германское наступленіе на Двинскъ успѣха не имѣло. Двинскъ остался въ нашихъ рукахъ и, въ силу этого, кавалерійскимъ частямъ противника, прорвавшимся въ районѣ Ново-Свѣнцянъ, приходилось все время оглядываться на свой тылъ и на свой лѣвый флангъ, что парализовало свободу ихъ дѣйствій, лишало ихъ нужной въ такомъ случаѣ рѣшительности. Когда прошелъ первый моментъ неожиданности и когда были стянуты въ районъ прорыва наши войска, началось постепенное оттѣсненіе здѣсь германскихъ войскъ на западъ. Постепенно тѣсня противника, мы его оттѣснили до линіи озеръ, идущей отъ озера Демменъ (къ югу отъ Двинска), черезъ озера Дрисвяты, Оболе, Богиньское, рѣку Дрисвятицу, р. Мядзіолку, озера Мядзіолъ, Нарочь, Вишневское. На этой линіи непріятель сильно укрѣпился, занявъ окопами и проволочными загражденіями почти всѣ перешейки между озерами. Тутъ началась длительная борьба, носящая въ значительной степени позиціонный характеръ и не законченная до настоящаго времени. Характеръ этой борьбы по существу однако измѣнился. Въ сообщеніи Верховнаго Главнокомандующаго отъ 19-го сентября говорилось между прочимъ слѣдующее: «Дополняя общее свое заключеніе отъ 17-го сентября, Штабъ сообщаетъ, что въ результатѣ энергично выполняемыхъ, болѣе чѣмъ 20-дневныхъ и нынѣ еще не законченныхъ, операцій въ районѣ Вилейка, починъ дѣйствій былъ вырванъ нашими войсками изъ рукъ противника. Ударъ германцевъ въ направленіи Вилейки былъ рѣшительно отбитъ и планъ ихъ разстроенъ. Въ многодневныхъ тяжелыхъ бояхъ, о напряженіи которыхъ свидѣтельствуютъ предшествовавшія сообщенія, противникъ былъ послѣдовательно остановленъ, поколебленъ и, наконецъ, отброшенъ. Глубокій клинъ германцевъ, примѣрно по фронту Солы-Молодечно-Глубокое-Видзы былъ послѣдовательно уничтоженъ, при чемъ зарвавшемуся врагу нанесенъ огромный уронъ. Планомѣрный переходъ нашихъ войскъ отъ отступленія къ наступленію былъ совершенъ съ умѣньемъ и настойчивостью, доступными лишь высокодоблестнымъ войскамъ».

Этимъ самымъ отмѣчался переломъ всей кампаніи и переходъ германцевъ отъ общаго рѣшительнаго наступленія на нашемъ фронтѣ

къ дѣйствіямъ, по существу носившимъ оборонительный характеръ. По внѣшности германцы, однако, еще не сразу отказались отъ наступленія на нашемъ сѣверномъ фронтѣ, но ихъ энергія была уже сосредоточена въ дальнѣйшемъ лишь на отдѣльныхъ, сравнительно не большихъ, участкахъ нашего фронта и не преслѣдовала цѣлей общаго рѣшенія. Главнымъ объектомъ непріятельскихъ атакъ оставался въ теченіе дальнѣйшаго времени г. Двинскъ. На него германцы начали наступать еще въ концѣ августа и не остановили здѣсь своихъ атакъ до настоящаго времени, т.-е. до двадцатыхъ чиселъ октября. Сосредоточивъ здѣсь значительное количество тяжелыхъ орудій, развивая ураганный огонь и ведя непрестанныя пѣхотныя атаки, германцы продвинулись на близкое разстояніе къ Двинску, особенно на сѣверо-западѣ, гдѣ они въ концѣ концовъ цѣною большихъ потерь овладѣли городкомъ Иллукстомъ, но имъ все-таки не удалось овладѣть самимъ Двинскомъ и закрѣпить за собою весьма важную для нихъ переправу черезъ Двину, которая имѣетъ для нихъ одинаковое значеніе, какой бы планъ кампаніи въ дальнѣйшемъ они ни приняли на нашемъ фронтѣ. Борьба за Двину сдѣлалась главнымъ содержаніемъ боевыхъ дѣйствій на нашемъ сѣверномъ фронтѣ за послѣдніе полтора мѣсяца. Помимо района самого Двинска, эта борьба велась и на болѣе нижнихъ участкахъ теченія Западной Двины. Обладаніе Двиной было нужно германцамъ для обезпеченія своей обороны, въ случаѣ ихъ перехода къ стратегической оборонѣ на нашемъ фронтѣ, а равно и для обезпеченія ихъ операцій на сѣверѣ, въ томъ случаѣ, если бы они рѣшили продолжать свое дальнѣйшее наступленіе въ глубь Россіи.

Если наступленіе германцевъ на Двинскъ, отличаясь крайней настойчивостью и методичностью, велось безъ перерыва въ теченіе долгаго періода времени, то ихъ наступательныя попытки на болѣе нижнихъ участкахъ Двины носили нѣсколько иной характеръ. Въ нихъ непріятель не проявлялъ такой же настойчивости и методичности, и эти попытки предпринимались то на томъ, то на другомъ участкѣ, но ни въ одномъ случаѣ непріятелю не удалось довести дѣло до конца. Еще въ серединѣ іюля непріятелю удалось значительно приблизиться къ Ригѣ, и 21-го іюля бой здѣсь велся на р. Миссе между Митавой и Ригой, но вслѣдъ за тѣмъ мы оттѣснили непріятеля сперва съ этой рѣки, затѣмъ сбили его съ рѣки Экау и потѣснили въ направленіи къ Бауску. Послѣ того въ самомъ Рижскомъ районѣ установилось длительное затишье и въ теченіе долгаго времени здѣсь не было сколько-нибудь крупныхъ боевъ. Потерпѣвъ неудачу въ районѣ Риги, непріятель направилъ свои усилія на болѣе верхній участокъ теченія Двины въ направленіи къ г.г. Фридрихштадту и Якобштадту. Сперва эти усилія были направлены въ сторону Фридрихштадта, но потер-

пѣли неудачу, и непріятель сталъ пробиваться на Якобштадтскомъ направленіи. Тутъ тоже онъ не имѣлъ успѣха и послѣ того вновь вернулся на Фридрихштадтское направленіе. Въ серединѣ августа здѣсь обозначилось наступленіе значительныхъ силъ противника, получившихъ подкрѣпленія, и завязались упорные бои въ верховьяхъ рѣкъ Миссе и Эккау. Германцы приблизились вплотную къ Двинѣ, а немного ниже Фридрихштадта имъ удалось даже переправиться на сѣверный берегъ этой рѣки. Они однако были сейчасъ же сбиты нами обратно, и вскорѣ послѣ того въ Фридрихштадтскомъ районѣ вновь установилось длительное затишье. Возобновилось непріятельское наступленіе въ районахъ Риги и Фридрихштадта и на промежуточныхъ участкахъ Двины лишь въ первыхъ числахъ октября. Въ направленіи отъ Митавы къ Ригѣ непріятелю удалось сразу подойти довольно близко къ Ригѣ и занять линію Душель (на южной сторонѣ озера Бабитъ), Олай, Плаканенъ, Вальцинъ, Берсгофъ. Но дальше впередъ отъ этой линіи они продвинуться не могли, и вообще все наступленіе на Ригу, какъ оказалось, было предпринято далеко не съ такими крупными силами, какъ можно было думать въ началѣ. Большее упорство проявилъ непріятель нѣсколько выше по теченію Двины въ районѣ къ югу отъ Икскуля. Здѣсь непріятельскія атаки отличались особенно упорнымъ характеромъ, но въ концѣ концовъ тоже не дали никакихъ результатовъ. Послѣ неудачи непріятельскаго наступленія на Ригу и Икскуль, на этомъ фронтѣ установилось относительное затишье, знаменовавшее собою неудачу послѣднихъ попытокъ наступленія на восточномъ театрѣ войны.

Самостоятельное значеніе въ ходѣ боевыхъ дѣйствій на нашемъ крайнемъ правомъ флангѣ имѣютъ операціи на Балтійскомъ морѣ. Эти операціи въ началѣ августа получили большое развитіе. Какъ только германской арміи удалось приблизиться къ Рижскому заливу и овладѣть юго-западнымъ берегомъ этого залива, уже можно было ожидать энергичнаго участія германскаго флота въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣйствій на этомъ театрѣ. Германскій флотъ не могъ здѣсь преслѣдовать какой-либо самостоятельной цѣли, но его содѣйствіе для сухопутныхъ операцій германской арміи имѣло бы весьма большое значеніе, и поэтому вполнѣ естественно, что германцы сдѣлали попытку овладѣть Рижскимъ заливомъ. Попытка эта имѣла для нихъ тѣмъ большее значеніе, что, какъ мы видѣли, ихъ стремленіе пробиться къ Ригѣ сухимъ путемъ потерпѣло неудачу. Не имѣя возможности удѣлить сюда новыя значительныя сухопутныя силы, они разсчитывали добиться здѣсь рѣшительнаго успѣха путемъ содѣйствія сухопутнымъ операціямъ со стороны флота. Въ концѣ іюля значительныя германскія силы появились въ Балтійскомъ морѣ и стали предприни-

мать попытки овладѣть главнымъ входомъ въ Рижскій заливъ, Ирбенскимъ проливомъ, лежащимъ между островомъ Эзелемъ и материкомъ, единственнымъ проливомъ, черезъ который могутъ проходить въ Рижскій заливъ современныя большія боевыя суда съ ихъ глубокой осадкой. Сперва эти попытки велись не систематически, но со 2-го августа непріятель предпринялъ рядъ планомѣрныхъ операцій, цѣлью которыхъ было овладѣніе Рижскимъ заливомъ. Нашъ Балтійскій флотъ по своей численности значительно уступаетъ германскому флоту; поэтому главнымъ средствомъ нашей обороны были минныя загражденія; непріятель же прежде всего стремился уничтожить эти загражденія и открыть себѣ, такимъ образомъ, свободный проходъ въ Рижскій заливъ. Въ теченіе 3-го и 4-го августа наши суда отражали натискъ непріятеля, скрытой работѣ котораго по подготовкѣ прорыва способствовала туманная погода. 5-го августа непріятелю, пользующемуся густымъ туманомъ, удалось въ концѣ концовъ проникнуть въ Рижскій заливъ и наши суда вынуждены были отойти на новыя позиціи. 6-го и 7-го августа происходили въ Рижскомъ заливѣ отдѣльные бои между судами нашего флота и непріятельскими, при чемъ съ нашей стороны погибла лишь небольшая канонерская лодка «Сивучъ», которую настигъ непріятельскій крейсеръ вмѣстѣ съ миноносцами и разстрѣлялъ съ разстоянія 200 саженъ. Одновременно съ этимъ непріятельскій флотъ понесъ большія потери. За время съ 3-го по 8-е августа у германцевъ было выведено изъ строя и частью потоплено 2 крейсера и 8 миноносцевъ. Въ то же время англійской подводной лодкой былъ подорванъ одинъ изъ сильнѣйшихъ линейныхъ крейсеровъ германскаго флота, по частнымъ свѣдѣніямъ «Мольтке», а по другимъ источникамъ даже еще болѣе новый крейсеръ «Зейдлицъ». Въ результатѣ понесенныхъ непріятелемъ потерь, онъ оказался вынужденнымъ очистить 8-го августа Рижскій заливъ. Предпринятая имъ одновременно попытка дессанта у Пернова на сѣверномъ берегу Рижскаго залива, не носившая, повидимому, особенно серьезнаго характера, а являвшаяся скорѣе демонстраціей или развѣдкой, совершенно не имѣла никакого успѣха и была энергично отбита съ большими потерями для германцевъ.

Послѣ того со стороны германцевъ не предпринималось столь рѣшительныхъ попытокъ къ овладѣнію Рижскимъ заливомъ, но боевыя дѣйствія въ Балтійскомъ морѣ не прекратились. Большое развитіе пріобрѣли здѣсь операціи миннаго и подводнаго флота. Германскій флотъ понесъ въ ходѣ этихъ операцій еще одну крупную потерю въ видѣ броненоснаго крейсера «Принцъ-Адальбертъ», потопленнаго англійской подводной лодкой. Но еще большее значеніе имѣли потери германскаго торговаго флота. Англійскія и отчасти русскія подводныя

лодки предприняли систематическую охоту на германскіе пароходы, плавающіе въ Балтійскомъ морѣ, и, потопивъ большое ихъ число, почти пріостановили всякія сношенія между германскими портами и шведскими.

Особнякомъ стояли на нашемъ театрѣ военныхъ дѣйствій бои на южномъ фронтѣ. Въ разгаръ непріятельскаго наступленія въ Привислинскомъ краѣ въ восточной Галиціи царило длительное затишье. Здѣсь не было сколько-нибудь крупныхъ боевъ, не было попытокъ къ серьезному наступленію ни съ той, ни съ другой стороны. Затишье на южномъ фронтѣ длилось приблизительно до середины августа, когда непріятель предпринялъ наступленіе большими силами изъ района Владиміра-Волынскаго на востокъ и на юго-востокъ. Это наступленіе привело австро-германскія войска въ Волыни къ верхней Горынѣ и къ верхней Иквѣ, т.-е. приблизительно къ фронту Деражно, Клевань, Дубно, Кременецъ. Тѣмъ самымъ создалась серьезная угроза и для нашего положенія въ Галиціи, такъ какъ наши войска, занимавшія въ то время позиціи на рѣкѣ Золотой Липѣ, оказались въ слишкомъ выдвинутомъ впередъ положеніи. Это побудило насъ къ отходу съ Золотой Липы, сперва на рѣку Стрыпу, а затѣмъ и на рѣку Серетъ. На Серетѣ мы, однако, остановились, и непріятельскія попытки сбить насъ далѣе на востокъ не имѣли никакого успѣха. Мало того, почти сейчасъ же послѣ того начались активныя дѣйствія нашихъ войскъ, одинаково какъ въ Волыни, такъ и въ Галиціи, давшія намъ цѣлый рядъ крупныхъ частныхъ успѣховъ. Въ Волыни нашъ переходъ къ активнымъ операціямъ относится къ самымъ первымъ числамъ сентября. Послѣ упорныхъ боевъ на фронтѣ Деражно—Клевань, мы сбили противника и оттѣснили его значительно на западъ, занявъ г. Луцкъ. Послѣ того непріятелемъ были подтянуты сюда значительныя подкрѣпленія и австро-германскія войска вновь возобновили въ Волынскомъ раіонѣ свое наступленіе. Мы вынуждены были опять отдать непріятелю Луцкъ, но достигнуть какихъ-либо болѣе крупныхъ успѣховъ нашъ противникъ не могъ. Послѣ того на непосредственныхъ путяхъ отъ Луцка къ Ровно и Дубно большихъ боевъ не было, но зато нѣсколько къ сѣверу отъ этого района на средней Стыри боевыя дѣйствія, начавшіяся еще въ первыхъ числахъ сентября, не прекращались до послѣдняго времени. Районъ средней Стыри не благопріятствуетъ для дѣйствія большихъ войсковыхъ массъ. Здѣсь съ обѣихъ сторонъ были выдвинуты главнымъ образомъ кавалерійскія части, поддерживаемыя не особенно большими пѣхотными массами. Вслѣдствіе этого фронтъ боевыхъ столкновеній все время перемѣщался здѣсь то съ востока на западъ, то съ запада на востокъ. Отдѣльныя деревни при этомъ переходили изъ рукъ въ руки по много разъ. При-

бытіе къ той или другой сторонѣ сравнительно небольшихъ подкрѣпленій уже вносило и тутъ значительныя перемѣны въ общую обстановку и давало возможность значительно продвигаться впередъ, пока силы противника не уравновѣшивались новыми подкрѣпленіями или пока эти подкрѣпленія не давали ему перевѣса силъ, обезпечивающаго уже за нимъ возможность перейти въ наступленіе. Главнымъ содержаніемъ этихъ боевъ являлось обладаніе рѣкой Стырью и линіей желѣзной дороги Ковель—Сарны. Непріятельскія попытки пробиться къ Сарнѣ, являющейся весьма важнымъ узловымъ пунктомъ, не имѣли никакого успѣха. Больше того, несмотря на измѣнчивость фронта, несмотря на то, что частные успѣхи здѣсь все время колебались то въ ту, то въ другую сторону, въ общемъ перевѣсъ оставался здѣсь на нашей сторонѣ, и въ результатѣ долгихъ и продолжительныхъ боевъ мы все-таки утвердились на лѣвомъ берегу Стыри, укрѣпивъ за собою все ея среднее теченіе и лишивъ тѣмъ самымъ непріятельскія войска въ этомъ районѣ важной оборонительной линіи. Было бы слишкомъ трудно слѣдить за отдѣльными моментами борьбы на Стыри. Эта борьба слагалась изъ ряда отдѣльныхъ разрозненныхъ боевъ, не имѣвшихъ очень крупнаго размѣра, но отличавшихся тѣмъ не менѣе порою чрезвычайно большимъ ожесточеніемъ и сопровождавшихся вслѣдствіе этого большими потерями.

Послѣ того, какъ выяснилось, что непріятельское наступленіе въ Волыни можетъ быть нами остановлено и что оно вслѣдствіе этого не является острой угрозой для нашего положенія въ Галиціи, возобновились наши активныя операціи также на Галиційскомъ фронтѣ и на ближайшихъ къ нему участкахъ Волынскаго фронта (районъ Кременца и Ново-Олексинца). Уже 25 августа можно было отмѣтить нашъ первый крупный успѣхъ въ Галиціи въ районѣ Тарнополя, гдѣ мы нанесли противнику большія потери, взявъ сразу свыше 8.000 плѣнныхъ и до 30 орудій. Одновременно столь же крупный успѣхъ былъ одержанъ нами въ нѣсколько болѣе южномъ районѣ Трембовли, гдѣ, перейдя въ наступленіе, тоже взяли 7.000 плѣнныхъ, съ 3 орудіями и 36 пулеметами. Съ этого момента началась длительная и упорная борьба за обладаніе пространствомъ между рѣками Серетомъ и Стрыпой. Въ теченіе этой борьбы успѣхъ колебался то въ ту, то въ другую сторону, такъ какъ къ нашимъ противникамъ неоднократно подходили за это время значительныя подкрѣпленія. Въ общемъ итогѣ намъ, однако, удалось постепенно все болѣе и болѣе оттѣснить противника къ западу, достигнуть р. Стрыпы и постепенно укрѣпляться на ней на все большемъ пространствѣ. Къ настоящему моменту большая часть длинной полосы между Серетомъ и Стрыпой уже находится въ нашихъ рукахъ и въ нѣкоторыхъ важныхъ пунк-

тахъ наши войска уже перешли на правый, т.-е. западный берегъ Стрыпы.

Если брать въ отдѣльности всѣ бои, происходившіе въ теченіе августа, сентября и октября въ Волыни и Галиціи, то каждый изъ этихъ боевъ представляется не особенно крупнымъ и значительнымъ. Въ своей совокупности они, однако, складываются въ картину упорной борьбы, являющейся крупной даже на современный масштабъ. Достаточно сказать, что въ теченіе этихъ боевъ нами было взято въ плѣнъ на южномъ фронтѣ за послѣдніе два мѣсяца свыше 100.000 плѣнныхъ, нѣсколько десятковъ орудій и громадное количество пулеметовъ. Если принять во вниманіе потери противника убитыми и ранеными, то можно безъ преувеличенія сказать, что австро-германцы за два мѣсяца уложили въ Волыни и Галиціи большую армію, не только не достигнувъ никакихъ положительныхъ результатовъ, но и значительно ослабивъ свое положеніе въ сравненіи съ тѣмъ, какимъ оно было въ серединѣ августа.

Въ разгаръ германскихъ операцій на Двинскомъ и Ново-Свѣнцянскомъ направленіяхъ наши союзники произвели на западномъ театрѣ военныхъ дѣйствій сильную диверсію, имѣвшую цѣлью отвлечь на западъ часть непріятельскихъ силъ. Они предприняли одновременно наступленіе на Артуа и въ Шампани. Въ Артуа наступленіе велось главнымъ образомъ англійскими войсками, пробивавшимися къ г. Лансу съ сѣверо-запада. Этому наступленію оказывали поддержку французскія атаки въ районѣ къ сѣверу отъ Арраса. Самостоятельную операцію вели французы въ Шампани, гдѣ они послѣ продолжительной артиллерійской подготовки перешли въ наступленіе сразу на широкомъ фронтѣ. Наступленіе союзниковъ, какъ въ Артуа, такъ и въ Шампани, дало имъ крупные трофеи, до 25 тысячъ плѣнныхъ и около 150 орудій. Первая, а мѣстами и вторая оборонительныя линіи германцевъ были прорваны, французы и англичане захватили цѣлый рядъ важныхъ опорныхъ пунктовъ противника, но дальше своихъ успѣховъ они не развивали. Въ общемъ фронтъ германцевъ остался и въ Артуа и въ Шампани все же довольно устойчивымъ, и прибытіе сюда къ нимъ свѣжихъ подкрѣпленій дало имъ возможность возобновить оборону. Но уже тотъ фактъ, что германцамъ пришлось сюда спѣшно перебросить съ восточнаго театра войны значительныя силы, и явился крупнымъ успѣхомъ. Германцы взяли сюда съ востока цѣлую армію, общая численность которой, по самымъ скромнымъ разсчетамъ, во всякомъ случаѣ значительно превышаетъ 100 баталіоновъ, и это обстоятельство, конечно, въ значительной степени ослабило боевую способность германскихъ войскъ на востокѣ. Въ общемъ, однако, на за-

падномъ театрѣ военныхъ дѣйствій за послѣдніе три мѣсяца не произошло крупныхъ перемѣнъ.

Нельзя отмѣтить такихъ перемѣнъ и на итальянскомъ фронтѣ, гдѣ война съ самаго начала приняла строго позиціонный характеръ и ведется въ общемъ въ достаточной степени вяло.

Крупныя перемѣны произошли только на Балканахъ. Болгарія послѣ долгаго колебанія стала открыто на сторону нашихъ враговъ и въ концѣ сентября начала военныя дѣйствія противъ Сербіи. Эти военныя дѣйствія были предприняты ею одновременно съ наступленіемъ австро-германскихъ войскъ противъ Сербіи съ сѣвера. На Дунайскомъ фронтѣ въ теченіе почти цѣлаго года длилось затишье, не нарушавшееся съ ноября прошлаго года, когда австрійское наступленіе въ глубь Сербіи потерпѣло рѣшительную неудачу, вслѣдствіе необходимости отправки значительныхъ австрійскихъ силъ съ сербскаго фронта на Карпаты. Послѣ ноября австрійцы не возобновляли своего наступленія противъ Сербіи; Сербія же съ своей стороны не дѣлала никакихъ попытокъ перейти въ наступленіе противъ Австріи. Затишье это нарушилось только въ концѣ сентября, одновременно съ вмѣшательствомъ Болгаріи въ войну. Австро-германцы сосредоточили противъ Сербіи 2 арміи генераловъ Гальвица и Кевеша подъ общимъ командованіемъ фельдмаршала Макензена. Эти арміи были сформированы, главнымъ образомъ, изъ частей, взятыхъ изъ непріятельской арміи, дѣйствовавшей до того времени въ центрѣ нашего восточнаго театра войны, т.-е. преимущественно въ Барановичскомъ и Пинскомъ районахъ. Сербы, вынужденные одновременно вести борьбу на два фронта, на сѣверѣ — противъ австро-германцевъ и на юго-востокѣ противъ болгаръ, оказали непріятелю мужественное сопротивленіе, но это сопротивленіе не могло быть особенно продолжительнымъ. Сербы были недостаточно сильны, чтобы вести борьбу на два фронта. Наступленіе австро-германцевъ съ сѣвера велось, такъ сказать, нормальнымъ темпомъ, т.-е. не отличалось ни особенной быстротой, ни особенной медленностью и при такомъ темпѣ борьбы сербы могли бы вести ее продолжительное время. Но наступленіе болгаръ съ юго-востока уже очень скоро поставило сербскую армію въ тяжелое положеніе. Вскорѣ же послѣ начала военныхъ дѣйствій болгары заняли Вранью и тѣмъ самымъ прервали желѣзнодорожное сообщеніе между Нишемъ и Салониками. Еще большее значеніе имѣлъ захватъ болгарскими войсками Велеса (Кепрюлю) и Ускюба. Съ этого момента уже не только Нишъ, но и вся Сербія была отрѣзана отъ желѣзнодорожнаго сообщенія съ Салониками, и сербская армія оказалась охваченной почти со всѣхъ сторонъ. Австро-германцы угрожали въ это время сербамъ съ сѣверо запада отъ р. Двины и съ сѣвера, гдѣ они

достигли въ серединѣ октября линіи р. Лепеницы и затѣмъ заняли Крагуевацъ, гдѣ сосредоточены главные склады военныхъ запасовъ Сербіи, а съ востока и юго-востока сербскую армію охватывали болгарскія войска. Сербамъ оставался къ этому моменту единственный свободный выходъ на юго-западъ въ направленіи къ Черногоріи и сѣверной Албаніи, т.-е. въ такія мѣстности, отступленіе куда почти лишило бы сербскія войска способности дальнѣйшаго продолженія военныхъ дѣйствій.

Само собою разумѣется, что союзники не могли оставаться равнодушными къ положенію Сербіи и къ новой обстановкѣ, сложившейся на Балканахъ. Особенно сильно реагировали на эту новую обстановку наши союзники, французы и англичане. Было явно, что цѣль новаго германо-австрійскаго наступленія противъ Сербіи сводится не просто къ тому, чтобы вывести Сербію изъ рядовъ бойцовъ на послѣдующіе моменты войны. Планы германцевъ и австрійцевъ шли несомнѣнно гораздо дальше и походъ противъ Сербіи имѣлъ главной цѣлью открыть пути къ Константинополю, поддержать ослабѣвшія въ борьбѣ съ союзными войсками турецкія силы, защищавшія Галлипольскій полуостровъ и страдавшія въ значительной степени отъ недостатка снарядовъ. Германцамъ надо было, однако, не просто поддержать турокъ, но продлить ихъ способность въ защитѣ проливовъ и своей столицы. Помощь Турціи со стороны Германіи является въ данномъ случаѣ отнюдь не безкорыстной. Германцы имѣютъ въ виду воспользоваться ресурсами Турціи, съ одной стороны, въ видѣ разнаго рода сырыхъ матеріаловъ, которыхъ не хватаетъ германской промышленности, а съ другой стороны, въ видѣ большого людского запаса, который до сихъ поръ использованъ Турціей въ сравнительно слабой степени. Разъ война приняла такой длительный и затяжной характеръ, наиболѣе слабой стороной въ положеніи Германіи является то, что людскіе запасы Германіи и Австріи неизбѣжно будутъ исчерпаны гораздо скорѣе, чѣмъ у ихъ противниковъ. Тутъ большую роль играютъ уже простыя ариѳметическія цифры, показывающія количество населенія той и другой стороны. Германія мобилизовала свои силы съ гораздо большей быстротой, чѣмъ ея противники, но это не дало ей побѣды, и въ данный моментъ Германія, конечно, считается съ тѣмъ, что весною ея противники одинаково перейдутъ отъ обороны къ рѣшительному наступленію, какъ на западномъ, такъ и на восточномъ театрѣ военныхъ дѣйствій. При возобновленіи нашего наступленія Германія будетъ поставлена въ неблагопріятныя условія, такъ какъ перевѣсъ силъ, несомнѣнно, будетъ на нашей сторонѣ. Германія къ этому готовится и стремится восполнить недостатокъ людей у себя призывомъ къ оружію населенія Турціи. Въ ея планъ входитъ сфор-

мированіе новыхъ крупныхъ турецкихъ армій, которыя могутъ получить назначеніе либо на нашемъ Кавказскомъ фронтѣ, куда они должны будутъ отвлечь часть нашихъ силъ, либо будутъ направлены противъ Египта съ цѣлью отвлечь туда значительныя силы союзниковъ, либо, наконецъ, турецкія войска прямо будутъ перевезены на какой-либо изъ европейскихъ фронтовъ, для того, чтобы здѣсь принять непосредственное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Учитывая это и придавая вслѣдствіе этого весьма важное значеніе событіямъ на Балканахъ, союзники поспѣшили организовать помощь сербамъ и высадили дессантъ въ Салоникахъ. Но дессантныя операціи всегда требуютъ значительнаго времени, такъ какъ на посадку, на перевозку и на высадку значительныхъ войсковыхъ частей требуется много дней. Этого времени въ распоряженіи союзниковъ въ данномъ случаѣ не было. Высадившіяся въ Салоникахъ сравнительно скромныя силы союзниковъ сейчасъ же двинулись на сѣверъ, на поддержку сербскихъ войскъ, но онѣ не могли оказать рѣшающаго вліянія на ходъ событій на Балканскомъ фронтѣ. Еще меньшее значеніе имѣли такіе факты, какъ бомбардировка союзнымъ флотомъ болгарскаго порта Дедеагачъ (8-го октября) и бомбардировка нашимъ флотомъ Варны (15-го октября).

А. Оглинъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

— Сборникъ памяти Анны Павловны Философовой. Томъ первый. А. В. Тыркова. Анна Павловна Философова и ея время. Томъ второй. Статьи и матеріалы. Петроградъ, 1915. Цѣна 10 руб.

Превосходно изданный, съ множествомъ портретовъ А. П. Философовой, со многими изящными рисунками, сборникъ этотъ является достойнымъ памятникомъ выдающейся русской женщинѣ, связавшей свое имя съ десятилѣтіями борьбы за образованіе и самостоятельность женщинъ въ Россіи.

Въ первомъ томѣ этого прекраснаго изданія дана обстоятельная біографія А. П. Философовой, любовно и тщательно исполненная работа, съ широко схваченнымъ фономъ общественнаго движенія, въ особенности женскаго, въ которомъ А. П. принимала столь близкое участіе. Второй томъ отведенъ статьямъ и матеріаламъ. Здѣсь читатель найдетъ, между прочимъ, статьи и рѣчи А. Ѳ. Кони,

Ек. Лѣтковой, Ф. И. Родичева, М. М. Ковалевскаго, Н. Котляревскаго, и др. Въ приложеніяхъ ко второму тому даны съ большою полнотою матеріалы о сорокалѣтнемъ юбилеѣ общественной дѣятельности А. П., о пятидесятилѣтнемъ юбилеѣ, о кончинѣ ея и многочисленные некрологи, также подписанные множествомъ извѣстныхъ именъ. Въ заключеніе напечатаны письма къ А. П. Философовой—Тургенева и Достоевскаго и отвѣтъ А. П. на письмо Тургенева. Богатое содержаніе сборника привлечетъ вниманіе общества даже въ нынѣшніе трудные дни; его появленію будутъ рады не только многочисленные почитатели покойной, но и всѣ тѣ, кому дороги интересы нашего культурнаго развитія и въ частности женской культуры.

Въ основу біографіи Философовой г-жа Тыркова положила, прежде всего, автобіографическія замѣтки самой А. П. и письма ея къ членамъ семьи и другимъ лицамъ, затѣмъ — воспоминанія разныхъ лицъ, частью не появлявшіяся въ печати, и разнообразныя, уже опубликованныя данныя, какъ о самой А. П., такъ и о тѣхъ многочисленныхъ учрежденіяхъ, въ созданіи и развитіи которыхъ она принимала дѣятельное участіе.

Вышеупомянутыя автобіографическія замѣтки разбросаны въ разныхъ главахъ книги. Составительница біографіи упоминаетъ объ отрывочности и неполнотѣ замѣтокъ; можетъ быть, все-таки слѣдовало бы выдѣлить эти замѣтки, а также извлеченія изъ писемъ въ особый отдѣлъ, умноживъ выдержки изъ писемъ. То, что включено въ біографію изъ замѣтокъ и писемъ, иногда очень выразительно, и хотѣлось бы многое видѣть и безъ развлекающаго комментарія, потому что и письма и признанія Философовой говорятъ сами за себя. Впрочемъ, не ставимъ этого въ особый упрекъ сборнику, такъ какъ, вѣроятно, опубликованіе семейной переписки и автобіографіи полностью еще не удобно по разнообразнымъ соображеніямъ. Въ цѣломъ біографія, построенная на внимательномъ изученіи огромнаго матеріала, очень искусно пользуется всѣмъ необходимымъ изъ него, даетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ цѣльныя, законченныя картины и живо и тепло рисуетъ образъ самой Философовой въ разные моменты ея жизни, образъ женщины, прорѣдкой по душевнымъ качествамъ жившей яркую разностороннюю жизнь въ счастливомъ окруженіи множества выдающихся людей.

«Чѣмъ больше я вглядывалась въ жизнь Анны Павловны, яркую и дѣятельную, счастливую и щедрую, тѣмъ яснѣе мнѣ становилось,— пишетъ біографъ въ предисловіи:—какъ органически были связаны личныя ея переживанія съ переживаніями и развитіемъ русскаго общества въ теченіе цѣлаго полувѣка. Еще совсѣмъ молодой жен-

щиной писала она мужу: «Я не виновата, что судьба меня такъ поставила, что я и общество тѣсно связаны, или, лучше сказать, я виновата, потому что стремилась къ этому, какъ общественная дѣятельница». Въ этихъ словахъ выразила она одно изъ главныхъ своихъ устремленій. Анна Павловна не была ни ораторомъ, ни писателемъ, но въ важныя минуты всегда находила значительныя и вѣрныя слова. Также какъ, не будучи теоретикомъ, безошибочнымъ внутреннимъ чутьемъ подчинялась самымъ жизненнымъ идеямъ, отдавала свои силы самому насущному дѣлу. — Простая, свободная отъ догматики, по-женски непосредственная, она не боялась отдаваться чувству. Но за быстрой, подвижной впечатлительностью таилась въ этомъ умномъ сердцѣ цѣльная преданность разъ навсегда воспринятымъ нравственнымъ и религіознымъ идеямъ. Способность къ энтузіазму, служеніе отвлеченному началу, напряженность соціальныхъ эмоцій высшаго порядка, умѣнье во имя нихъ сплачивать и воодушевлять людей, вотъ что несла Анна Павловна въ русскую жизнь. «Прежде жены, матери и семьянинки—я человѣкъ и гражданка, люблю свое отечество и болѣю его болями», писала она. Она дѣйствительно обладала талантомъ гражданственности, рѣдкимъ даже у вліятельныхъ общественныхъ дѣятелей. Но она была женщиной, и многое было передъ нею закрыто. Зато, благодаря желѣзной энергіи, дѣятельному душевному горѣнью этой свѣтской красавицы, слѣдующія поколѣнія русскихъ женщинъ могли уже жить новой, расширенной жизнью».

Такъ резюмируетъ авторъ біографіи свои личныя и общія впечатлѣнія отъ изученія жизни и дѣятельности Философовой, и добавляетъ къ этому: «Меня радовала возможность воскресить во всѣхъ подробностяхъ жизнь счастливаго человѣка». Едва-ли не слѣдуетъ признать, что центръ тяжести и вліянія А. П., и интереса ея біографіи именно въ этомъ. Это была счастливая, радостная жизнь, и разсказъ о ней, связанный со многимъ, совсѣмъ не радостнымъ въ исторіи нашей общественности, производитъ свѣтлое и оживляющее впечатлѣніе. Крѣпостное рабство и освобожденіе крестьянъ, шестидесятые годы и зарожденіе женскаго движенія, борьба и порывы семидесятыхъ годовъ, реакція восьмидесятыхъ годовъ, освободительное движеніе начала XIX вѣка и снова наплывъ гнетущей реакціи и огромный размахъ, несмотря на нее, культурнаго строительства въ странѣ — все это было пережито А. П. Философовою всею полнотою ея прекрасной, къ прекрасному чуткой души, съ большей или менѣе долею страстности, и въ ея жизни представлено много и другихъ подобныхъ жизней, съ тѣмъ же, какъ у нея идеалистическимъ подъемомъ и дѣятельною преданностью дѣлу просвѣщенія.

По полнотѣ и живости изображенія особенно хороши въ книгѣ г-жи Тырковой первыя ея главы. Здѣсь рисуется живо былая бытовая обстановка богатыхъ дворянскихъ семей Дягилевыхъ, изъ семьи которыхъ происходила А. П., и Философовыхъ, въ которую она вошла чрезъ замужество съ Владиміромъ Дмитріевичемъ Философовымъ, чиновникомъ военно-судебнаго вѣдомства. Отецъ его, Дмитрій Николаевичъ Философовъ, помѣщикъ псковской губерніи, былъ необыкновенно яркій типъ крѣпостника, свято вѣрующаго въ свои «божіей милостью» дворянскія права, въ свой непререкаемый родительскій авторитетъ и соединявшій полную распущенность и дикое самодурство съ высокоразвитыми эстетическими склонностями и своеобразнымъ вольтерьянствомъ. Вторая глава книги, содержащая характеристику этого человѣка, читается съ большимъ интересомъ, и очаровательные рисунки парка и усадьбы въ его Богдановскомъ, украшающіе книгу, живьемъ переносятъ читателя въ дальнюю эпоху и нравы, полные противорѣчій, но по-своему и цѣльные, и законченные.

Сынъ старика Философова, мужъ Анны Павловны, въ молодости прошелъ школу литературнаго романтизма, самъ мечталъ о славѣ поэта, былъ полонъ вольнолюбивыхъ мечтаній и самостоятельную жизнь началъ, въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка, съ глубокимъ отвращеніемъ къ правительственному произволу своего времени. По натурѣ человѣкъ мягкій и нерѣшительный, онъ тѣмъ не менѣе остался навсегда вѣренъ себѣ, руководясь въ теченіе всей жизни и службы, въ мѣру разумѣнія, чувствомъ прежде всего честности и долга предъ государствомъ. Отрывки его дневника, приведенные въ книгѣ, представляютъ большой интересъ (между прочимъ, въ служебную поѣздку по Сибири въ сороковыхъ годахъ онъ видѣлся съ многими декабристами). Какъ чиновникъ сороковыхъ-пятидесятыхъ годовъ, В. Д. Философовъ представлялъ тотъ положительный, жизненный типъ, который былъ выведенъ въ романѣ Дружинина «Поленька Саксъ», въ произведеніяхъ Всеволода Крестовскаго - псевдонима и скептически затронутъ въ образѣ Курнатовскаго у Тургенева въ «Наканунѣ» и въ героѣ «Тысячи душъ» Писемскаго. Полная служебная честность, безкорыстіе, большая трудоспособность и преданность государственному долгу (что сливается у людей этого склада также съ преданностью своему дѣлу, какъ дѣлу «государеву») этотъ типъ, при весьма понятной враждѣ общества къ русской бюрократіи вообще, какъ-то мало обращалъ на себя вниманіе въ освѣщеніяхъ исторіи нашей общественности. Въ немъ выразилось верхнее теченіе либеральной русской мысли. Это—«отцы», дѣлавшіе реформы шестидесятыхъ годовъ и проводившіе ихъ въ жизнь на

мѣстахъ. Когда поднялось въ обществѣ не только либеральное, но также и радикальное и революціонное движеніе, эти «отцы» не признали «дѣтей», и отсюда глубокая пропасть между тѣми и другими.

А. П. Философова, можно сказать, начала свою общественную дѣятельность, въ которую вносила всегда живой, чисто личный сердечный порывъ, съ того, что при содѣйствіи мужа обуздала своего свекра, съ его привычками и склонностями старика Карамазова: его гаремъ былъ распущенъ, что было настоящей побѣдой надъ крѣпостничествомъ. И за этой побѣдою молоденькой свѣтской красавицы, очаровательной «дамы въ голубомъ», еще страстно увлекающейся всѣмъ блескомъ большого свѣта, должны были послѣдовать и другія побѣды на томъ же поприщѣ дѣятельнаго вмѣшательства въ чужую жизнь. Безпечная Полинька Саксъ, какъ называла себя сама А. П. въ молодости, переродилась и воспиталась до болѣе широкихъ чувствъ и настроеній гражданскаго долга, чѣмъ была обязана какъ мужу, такъ и собственной благодатной натурѣ, но при этомъ она сохранила вполнѣ все обаяніе и непосредственность живой цвѣтущей индивидуальности. Біографу А. П. превосходно удалось показать во всей жизни Философовой этотъ талантъ ея къ общественности, эту творческую импульсивность, стремительность и обходительность, заражавшую людей различнаго склада, покорявшую ей ихъ и соединявшую около нея для участія въ совмѣстномъ дѣлѣ.

Въ предѣлахъ настоящей замѣтки нѣтъ возможности слѣдить за всѣми разнообразными дѣлами, въ которыхъ и около которыхъ прошла счастливо наполненная жизнь А. П. Философовой. Начиная съ тріумвирата, составившагося въ началѣ шестидесятыхъ годовъ и состоявшаго, кромѣ А. П. Философовой, изъ М. В. Трубниковой и Н. В. Стасовой, А. П. все время стоитъ въ самомъ центрѣ развитія женскаго образованія и трудной, съ многими препятствіями, работы для его. Читатель въ книгѣ г-жи Тырковой найдетъ всѣ интересующія его фактическія подробности. Изъ нихъ складывается отчетливое представленіе о всемъ ходѣ женскаго движенія въ Россіи, и собранные біографомъ матеріалы во многомъ впервые даютъ о немъ обстоятельный отчетъ. Удачно отведено всему этому достаточно мѣста и въ то же время не заслонена временемъ и внѣшними подробностями живая личность А. П. Философовой.

Во второмъ томѣ сборника читатель найдетъ много восторженнаго объ А. П. Философовой, этой «младшей сестрѣ тургеневскихъ героинь», какъ называлъ ее П. Д. Боборыкинъ. Но среди того вѣрнаго, горячаго и любовнаго, что сказано единомышленниками и друзьями и что такъ естественно съ ихъ стороны, нужно отмѣтить особо некрологъ, написанный завѣдомымъ противникомъ общественно-поли-

тическихъ передовыхъ настроеній 60—70-хъ годовъ, именно В. Розанова, какъ и другихъ, покорила Анна Павловна. Онъ признаетъ ее своею учительницею-примирительницею во всемъ, что касается женскаго движенія: «Она мнѣ *собою* открыла и освѣтила цѣлую и сложнѣйшую сторону жизни; *убѣдила* собою; разсѣяла всякій страхъ; родила бездну *надеждъ*... Я думаю, она никогда бы не могла разрѣшить алгебраическаго уравненія первой степени; но біографія и личность ея разрѣшили труднѣйшую задачу міровой культуры, и съ очевидностью 2×2=4... Въ грубости и сумятицѣ 60-хъ годовъ она ничего грубого не приняла въ себя, ничѣмъ жесткимъ или жестокимъ не заразилась, не взяла оттуда въ себя ни одного пошлаго штриха... Она и есть «шестидесятые годы» въ ихъ лазури, безъ тьмы ихъ, безъ грубости, безъ жестокости, безъ нерѣдкой ихъ пошлости и ограниченности. Движеніе впередъ—есть. Бури, лома и бурелома—нѣтъ... Вѣчная *сестра* и вѣчная *подруга* всѣхъ поколѣній, самаго далекаго *будущаго*: вотъ кого мы похоронили. Да будетъ благословенно ея имя и память! Спасибо ей за молодость! Спасибо ей за старость! Спасибо больше всего за ея безконечную беззлобность. Этой черной кошки ни одного волоска въ ней не было. Она вся голубая».

Напечатанныя въ самомъ концѣ книги письма къ А. П. Философовой Тургенева и Достоевскаго (уже извѣстныя) составляютъ дополненіе къ той главѣ біографіи, въ которой говорится объ отношеніяхъ А. П. къ этимъ писателямъ. Аннѣ Павловнѣ больше всего импонировалъ Достоевскій. «Какъ много я ему обязана—пишетъ она въ своихъ замѣткахъ,—моему дорогому нравственному духовнику. Я ему все говорила, всѣ тайны сердечныя повѣряла и въ самыя трудныя жизненныя минуты онъ меня успокаивалъ и направлялъ на путь истинный». По складу своихъ религіозныхъ воззрѣній, онъ, православно-вѣрующій, былъ А. П. ближе скептика Тургенева, хотя она, по ея словамъ, и «не переваривала романа «Бѣсы». Я говорила, что это прямо доносъ. Я вообще тогда (начало семидесятыхъ годовъ) была нетерпима, относилась съ пренебреженіемъ и запальчивостью къ чужимъ мнѣніямъ и орала во все горло». Достоевскій, видимо, относился къ ней съ покровительственнымъ снисхожденіемъ и хвалилъ ея «умное сердце». Гораздо спокойнѣе, проще и сердечнѣе отношенія ея съ Тургеневымъ, которому она довѣрила свой дневникъ. Тургеневъ былъ плѣненъ имъ, и нельзя не пожалѣть, что этотъ дневникъ былъ уничтоженъ. Въ письмахъ къ А. П. Тургеневъ, какъ извѣстно, горячо заступается за своего Базарова, о которомъ А. П. отозвалась, какъ о каррикатурѣ.

Ч. ВѢТРИНСКІЙ.

— David Lloyd George. Through Terror to Triumph. London, 1915.

Въ этой книжкѣ собраны рѣчи Ллойдъ-Джорджъ о войнѣ, ея значеніи для Англіи и Европы и обязанностяхъ, возлагаемыхъ ею на демократію и всѣхъ друзей свободы и культуры. Книга вышла въ свѣтъ въ началѣ сентября и немедленно была расхватана. Ллойдъ-Джорджъ, нынѣ занимающій постъ «министра аммуницій», несомнѣнно, теперь самый популярный человѣкъ въ Англіи. Это—англійскій Гамбетта. Каждая его рѣчь составляетъ политическое событіе, о которомъ долго говорятъ во всѣхъ слояхъ общества. Въ сборникѣ впечатлѣніе отъ рѣчей нѣсколько ослабляется неизбѣжными повтореніями, но тѣмъ не менѣе это чрезвычайно интересные документы нашего времени, весьма заслуживающіе вниманія также и русскихъ читателей.

Для Ллойдъ-Джорджа нынѣшняя война «*святая война*», война за высшія цѣнности европейскихъ народовъ. Нынѣшній «министръ аммуницій» всегда былъ противникомъ международныхъ войнъ, искреннимъ «пацифистомъ», но этой войны Англія, по его мнѣнію, не могла избѣжать, не опозоривъ себя навѣки.—«Нѣтъ человѣка», такъ началъ онъ свою первую рѣчь объ этой войнѣ, произнесенную имъ 19-го сентября прошлаго года,—«нѣтъ человѣка, который бы относился съ большей антипатіей, съ большимъ отвращеніемъ къ перспективѣ великой войны, чѣмъ я въ теченіе всей моей политической жизни. Но нѣтъ также человѣка, который былъ бы болѣе меня убѣжденъ, что эта война не могла быть избѣгнута безъ національнаго позора».

А въ своемъ предисловіи къ сборнику онъ пишетъ: «Послѣ двѣнадцати мѣсяцевъ войны я болѣе, чѣмъ когда-либо, убѣжденъ, что эта страна не могла оставаться въ сторонѣ, не подвергая опасности своей неприкосновенности и не затрагивая своей чести».—Основывается это убѣжденіе на слѣдующемъ:—«Все, что произошло со времени объявленія войны, ясно показало, что военная система, до такой степени лишенная лояльности, чести и элементарнаго чувства человѣчности (какъ прусскій милитаризмъ), составляетъ крайне грозную опасность для цивилизаціи, и что благо человѣчества требуетъ, чтобы эта система была разрушена и отвергнута, какихъ бы жертвъ ни понадобилось для того». Если бы Британія не вмѣшалась, «темные дни наступили бы для человѣчества».

При этомъ Ллойдъ-Джорджъ весьма далекъ отъ ненависти къ Германіи и ея народу. Онъ уже въ первой своей рѣчи заявилъ: «Мы не воюемъ съ германскимъ народомъ. Германскій народъ

ходится подъ пятой военной касты, и разгромъ этой касты будетъ днемъ радости для германскихъ крестьянъ, ремесленниковъ и рабочихъ». Къ германскому народу Ллойдъ-Джорджъ относится съ уваженіемъ.—«Германцы, говорилъ онъ еще въ февралѣ текущаго года, народъ интеллигентный, несомнѣнно, народъ культурный, народъ, заслуженный передъ всѣмъ міромъ за свои великія идеи».—Но побѣда Германіи въ этой войнѣ означала бы побѣду *наихудшихъ элементовъ* германскаго народа.

Указывая на опасности, угрожающія Европѣ со стороны Германіи, Ллойдъ-Джорджъ счелъ нужнымъ откликнуться также на опасенія, распространенныя на Западѣ относительно Россіи.—«Я не защитникъ Россіи, сказалъ онъ въ своей рѣчи 19-го сентября 1914 г.; она совершала поступки, за которые, безъ сомнѣнія, стыдно ея собственнымъ лучшимъ сынамъ. Но, какая имперія не совершала такихъ поступковъ? Менѣе всего въ правѣ Германія бросать упреки по адресу Россіи. Россія приносила жертвы дѣлу свободы,—великія жертвы. Вспомните стоны Болгаріи, когда она находилась подъ гнетомъ самой безсмысленной изъ всѣхъ тиранній. Кто откликнулся на эти стоны? Единственнымъ отвѣтомъ высшей цивилизаціи было заявленіе, что свобода болгарскихъ крестьянъ не стоитъ жизни одного померанскаго солдата [1]). А грубые сѣверные варвары послали своихъ сыновъ тысячами умирать за болгарскую свободу».

Германскіе идеалы... «*Большая* имперія», «*большая* нація», «*большой* человѣкъ»!—Они признаютъ только «трехсаженныя націи»!—«Между тѣмъ міръ весьма многимъ обязанъ маленькимъ націямъ. Величайшее искусство было дѣломъ маленькихъ націй; величайшая литература пришла къ намъ отъ маленькихъ націй; величайшія произведенія англійской литературы возникли въ то время, когда Англія была не больше нынѣшней Бельгіи... И спасеніе человѣчества также пришло черезъ маленькую націю. Господь избралъ маленькія націи сосудами самаго лучшаго своего вина, подносимаго имъ къ устамъ человѣчества, чтобы возрадовать его сердце, возбудить его идеализмъ, поддерживать и укрѣплять его вѣру. И если бы мы оставались въ сторонѣ въ то время, когда двѣ маленькія націи (Бельгія и Сербія) подавляются и разрушаются грубой варварской рукой, мы бы опозорили себя на вѣчныя времена».

Какъ видимъ, Ллойдъ-Джорджъ смотритъ на эту великую европейскую войну съ чисто идеологической точки зрѣнія. Онъ не отрицаетъ и не скрываетъ также матеріальныхъ мотивовъ; но идеологическіе мотивы, очевидно, его больше интересуютъ, и онъ желаетъ,

---

[1]) Извѣстное заявленіе Бисмарка.

чтобы его народъ также больше интересовался такими мотивами. Это характеризуетъ нынѣшняго англійскаго «министра аммуницій» и бывшаго «министра соціальныхъ реформъ», какъ человѣка и какъ политическаго дѣятеля. Это, очевидно, «*идеологъ*». Питается его идеологія одновременно соціальными и религіозными мотивами. Родившись и выросши въ рабочей семьѣ, Ллойдъ-Джорджъ былъ воспитанъ въ строго-религіозномъ духѣ, въ старомъ, ветхозавѣтномъ англійскомъ протестантизмѣ. Отсюда его почтительное отношеніе къ народу ветхаго завѣта, выразившееся также въ одной изъ приведенныхъ цитатъ; отсюда его непоколебимая вѣра въ конечную побѣду добра надъ зломъ, дающая ему возможность, въ самомъ разгарѣ жесточайшей войны, воскликнуть, тронутый человѣчнымъ отношеніемъ французовъ къ раненымъ врагамъ: «А! Христосъ не даромъ отдалъ Свою жизнь!»

Отсюда проистекаетъ также увѣренность Ллойдъ-Джорджа въ благихъ послѣдствіяхъ этой войны.—«Народы пріобрѣтутъ отъ этой всеобщей борьбы больше, чѣмъ кто-либо предполагаетъ въ настоящее время, заявилъ онъ въ одной изъ своихъ рѣчей. Конечно, они будутъ освобождены отъ величайшей опасности для ихъ свободы. Но это не все. Есть еще нѣчто, безконечно болѣе значительное и болѣе существенное, что уже выплываетъ наружу изъ этого великаго конфликта:—новый патріотизмъ, содержательнѣе, благороднѣе и выше стараго. Я вижу во всѣхъ классахъ, высшихъ и низшихъ, освобождающихся отъ эгоистическихъ стремленій, новое сознаніе, что честь родины зависитъ не только отъ славы на полѣ битвы, но также отъ защиты родныхъ пепелищъ отъ нужды. Это открываетъ новыя перспективы для всѣхъ классовъ».—Ллойдъ-Джорджу кажется, что даже крупные финансовые дѣльцы изъ лондонскаго Сити сразу стали новыми людьми. Въ доказательство онъ ссылается на внезапную перемѣну, происшедшую, по его наблюденіямъ, въ ихъ настроеніи послѣ нападенія Германіи на Бельгію. Тогда какъ до этого, еще въ критическую субботу (18-го/31-го іюня), лондонскіе финансисты, съ которыми Ллойдъ-Джорджу, бывшему въ то время министромъ финансовъ, приходилось бесѣдовать, были единодушно противъ участія Англіи въ войнѣ, тѣ же самые финансисты были въ слѣдующій вторникъ столь же единодушно *за войну*.

«Что же случилось за это время?—спрашиваетъ Ллойдъ-Джорджъ.— Колоніи остались въ томъ же положеніи, какъ въ субботу; точно также промышленность, торговля и судоходство; всѣ эгоистическія побужденія оставались въ томъ же состояніи и той же силѣ въ субботу и во вторникъ. Переворотъ, происшедшій въ общественномъ настроеніи, надо всецѣло приписать нападенію Германіи на

маленькую, беззащитную страну, не причинившую ей никакого зла; и то, что Британія не была расположена дѣлать ради политическихъ и торговыхъ интересовъ, то она охотно сдѣлала для защиты слабаго и безпомощнаго. Крупные дѣльцы и финансисты сразу отогнали отъ себя всѣ соображенія личнаго интереса,—личныхъ потерь и даже личнаго разоренія».

Тутъ идеологія Ллойдъ-Джорджа, можетъ быть, увлекла его ужъ слишкомъ далеко; но интересна именно эта склонность бывшаго министра финансовъ и нынѣшняго министра аммуницій къ такого рода увлеченіямъ. У Ллойдъ-Джорджа это не слабость, а *сила*, великая сила, играющая большую роль въ соціально-политической жизни современной Англіи; увлекаясь самъ, онъ силой своего удивительнаго краснорѣчія увлекаетъ за собою также значительную часть англійской общественности; идеализируя все и всѣхъ, онъ возбуждаетъ идеальныя стремленія и въ своихъ слушателяхъ, поднимая ихъ на болѣе высокій уровень человѣчности и общественности. Это особенно цѣнно въ настоящее время. Поэтому-то въ Англіи теперь всѣ сердца обращены къ этому удивительному «министру аммуницій».

Р. Б.

— Н. Б. Петрова. I. Изъ дневника народной учительницы. II. Дѣти-сироты. Москва. 1915.

Въ этой книжкѣ читатель встрѣтится съ очерками изъ дѣтской жизни, въ видѣ отрывковъ повседневныхъ ихъ рѣчей, простыхъ, но подчасъ весьма выразительныхъ эпизодовъ изъ области ихъ отношеній другъ къ другу, къ школьнымъ занятіямъ и къ школьной учительницѣ, — служившихъ предметомъ наблюденія Н. Б. Петровой въ деревенской школѣ и устроенномъ авторомъ пріютѣ для сиротъ. Занесенныя Н. Б. Петровой въ свои записки (не предназначавшіяся, сказать кстати, къ печати) наблюденія, равно какъ и вызванныя въ авторѣ общеніемъ съ дѣтьми мысли и настроенія проникнуты глубокой любовью къ дѣтямъ, вѣрою въ ихъ добрую природу, горячимъ участіемъ къ горю и радостямъ дѣтей, радостнымъ воспріятіемъ распускающагося цвѣтка дѣтской души, радостями взаимной любви дѣтей и ихъ наставницы и «мамы». Волненія любящей и чуткой участницы дѣтской жизни передаются и читателю. — «Во время устнаго счета со старшими Сережа вырвалъ у Дуни листъ бумаги и подалъ мнѣ. На листѣ была таблица умноженій, а внизу приписано карандашемъ: Н. Б.,

моя хорошая, какъ я тебя люблю! Я оторвала эту записку себѣ на память, а на оборотной сторонѣ написала: «Дуня, моя хорошая, какъ я тебя люблю». Дуня покраснѣла, сконфузилась и спрятала головку въ парту» (с. 77). «Какъ дороги мнѣ всѣ эти милые неряхи! Какъ неподдѣльна ихъ радость и горе, и что бы ни вышло изъ нихъ впослѣдствіи, я счастлива ихъ близостью» (с. 149).

Покойный Л. Н. Толстой о рукописи Н. Б. Петровой въ своемъ дневникѣ отмѣтилъ: «читалъ милый дневникъ N». Этой характеристикой великаго психолога и дѣтолюбца мы и закончимъ свою замѣтку.

В. В.

— Б. С. Грейденбергъ. Судебно-психіатрическая экспертиза въ уголовномъ процессѣ. Петроградъ. 1915.

Работа извѣстнаго харьковскаго психіатра носитъ характеръ свода наблюденій, подводящихъ итогъ его 30-лѣтней судебно-психіатрической дѣятельности. Этотъ характеръ книги, придавая ей особый интересъ жизненности, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣсколько невыгодно отражается на общемъ ея построеніи. Читатель не найдетъ въ ней систематической разработки подлежащихъ вопросовъ; въ ней собрано то, что было уже ранѣе воспроизведено авторомъ въ рядѣ статей, докладовъ, отчетовъ. Объ этомъ говоритъ самъ авторъ, указывающій на то, что въ основу книги положены судебно-психіатрическія наблюденія, печатавшіяся въ спеціальныхъ журналахъ, извлеченія изъ отчетовъ психіатрическихъ больницъ, которыми завѣдывалъ г. Грейденбергъ въ теченіе 20 лѣтъ, и доклады его на ученыхъ съѣздахъ. Правда, всѣ эти матеріалы въ извѣстной степени переработаны и къ нимъ добавлены очеркъ законоположеній о душевно-больныхъ, статистическія данныя и новый рядъ судебно-психіатрическихъ наблюденій. Тѣмъ не менѣе, трудъ г. Грейденберга не можетъ быть названъ законченной монографической разработкой вопроса о судебно-психіатрической экспертизѣ.

Во вступительныхъ замѣчаніяхъ г. Грейденбергъ отмѣчаетъ заслуги земской медицины въ области судебно-психіатрической экспертизы. До появленія у насъ школы земскихъ врачей-психіатровъ экспертиза находилась въ рукахъ полицейскихъ, городовыхъ и уѣздныхъ врачей, по свидѣтельству автора, въ большинствѣ незнакомыхъ даже съ элементами науки о душевныхъ болѣзняхъ. «Лишь съ конца 70-ыхъ и начала 80-ыхъ годовъ прошлаго столѣтія, съ возникновеніемъ земской психіатріи и появленіемъ цѣлаго ряда посвятившихъ себя ей молодыхъ врачей, начала создаваться,

на-ряду съ другими сторонами широкой организаціи психіатрическаго дѣла, и научная судебно-психіатрическая экспертиза».

Книга раздѣляется на двѣ части, неравныя по объему. Въ первой изъ нихъ (стр. 3—56) авторъ даетъ очеркъ положенія судебно-психіатрической экспертизы въ уголовномъ процессѣ. Въ краткомъ очеркѣ уголовныхъ законоположеній о душевно-больныхъ наибольшую цѣнность представляетъ, на нашъ взглядъ, не догматическая часть, воспроизводящая текстъ статей закона и относящихся къ нимъ сенатскихъ разъясненій, а замѣчанія, касающіяся практическаго примѣненія закона, и основанныя на значительномъ опытѣ предложенія de lege ferenda. Авторъ совершенно основательно указываетъ на то, что прекрасный памятникъ эпохи великихъ реформъ, судебные уставы 1864 года, въ части своей, касающейся психіатрической экспертизы, представляютъ значительные пробѣлы, и что однимъ изъ способовъ увѣковѣченія судебныхъ уставовъ было бы введеніе раціональнаго законодательства о душевно-больныхъ. Самъ авторъ даетъ цѣнныя указанія на необходимость измѣненій въ порядкѣ освидѣтельствованія въ распорядительныхъ засѣданіяхъ окружнаго суда и въ порядкѣ изслѣдованія лицъ, помѣщаемыхъ въ психіатрическія больницы на испытаніе въ состояніи умственныхъ способностей.

Вторую часть книги, по объему составляющую 9/10 ея, занимаетъ судебно-психіатрическая казуистика. Здѣсь воспроизведено 78 подробно изложенныхъ наблюденій, составленныхъ на основаніи подлинныхъ матеріаловъ предварительнаго слѣдствія и скорбныхъ листовъ психіатрическихъ больницъ. Наблюденія эти представляютъ первостепенный научный интересъ для спеціалистовъ и, кромѣ того, могутъ имѣть несомнѣнное значеніе, «какъ образцы систематическаго изслѣдованія состоянія умственныхъ способностей подслѣдственныхъ, присылаемыхъ въ психіатрическія заведенія окружными врачами на испытаніе».

Таково содержаніе работы г. Грейденберга, которая не можетъ не возбудить живѣйшаго интереса какъ среди психіатровъ, такъ и среди криминалистовъ. Наблюдаемое въ послѣднее время научное общеніе психіатровъ и криминалистовъ влечетъ за собой весьма замѣтный прогрессъ обѣихъ сопредѣльныхъ отраслей знанія.

Ал. Маклецовъ.

— Проф. М. Хвостовъ. Развитіе формъ промышленности въ древнемъ мірѣ. Казань. 1915.

Подъ такимъ заглавіемъ профессоромъ М. М. Хвостовымъ опубликована рѣчь, произнесенная имъ передъ защитою въ Петроградскомъ университетѣ докторской диссертаціи—«Очерки организаціи промышленности и торговли въ греко-римскомъ Египтѣ. I. Текстильная промышленность». Послѣднее изслѣдованіе, стоящее въ тѣсной связи съ другою, опубликованною семь лѣтъ тому назадъ, работою автора о восточной торговлѣ греко-римскаго Египта, представляетъ собою часть задуманнаго, повидимому, проф. Хвостовымъ цикла работъ, посвященныхъ исторіи экономической жизни древняго Египта (см. «Очерки», предисловіе), то-есть какъ разъ той части исторіи древняго міра, которая сравнительно съ другими ея частями, напримѣръ, исторіей аграрной, имѣющей въ рядахъ своихъ изслѣдователей многія крупныя имена, до послѣдняго времени была какъ бы обойдена капитальными изслѣдованіями. Особенно это слѣдуетъ сказать относительно эллинистическаго и римскаго періода исторіи Египта, а отсюда на долю работы проф. Хвостова въ настоящее время выпадаетъ исключительная роль, и она получаетъ, можно сказать, совершенно особое значеніе. А въ связи съ этимъ становится вполнѣ понятнымъ и интересъ вышепоименованной брошюры, такъ какъ она до извѣстной степени носитъ какъ бы характеръ введенія къ «Очеркамъ» и даже, пожалуй, больше—ко всему предположенному циклу работъ.

Цѣль рецензируемой брошюры—выяснить, «какое... мѣсто въ общемъ хозяйственномъ развитіи древняго міра занимаетъ промышленность греко-римскаго Египта» (стр. 4). Сообразно этому она представляетъ рядъ характеристикъ. Авторъ останавливается послѣдовательно на различныхъ эпохахъ древней исторіи и съ точки зрѣнія развитія формъ промышленности отмѣчаетъ ихъ типическія черты.

Сообразно характеру привлеченнаго къ хозяйственной жизни капитала, древняя исторія можетъ быть разсматриваема какъ распадающаяся на три фазиса. Для до-эллинистическаго періода является типичнымъ отсутствіе крупныхъ капиталовъ: образованію ихъ препятствовалъ весь строй древней жизни, какъ государственной, такъ и международной. Обратнымъ характеризуется слѣдующая затѣмъ эпоха Птоломеевъ. Здѣсь на сцену выступаютъ крупные капиталы, но они являются по преимуществу капиталами государственными. Въ римское время, хотя величина привлеченныхъ къ

хозяйственной жизни капиталовъ не уменьшается—напротивъ, она возрастаетъ часто до баснословныхъ размѣровъ—но измѣненіе происходитъ въ томъ отношеніи, что государственные капиталы уступаютъ поле дѣятельности капиталамъ частныхъ лицъ. Сообразно съ этой эволюціей совершается и развитіе въ древнемъ мірѣ формъ промышленности. Однако, здѣсь развитіе идетъ до извѣстной степени своеобразно, и число періодовъ является инымъ. До-эллинистическій періодъ въ данномъ случаѣ можно разсматривать какъ двѣ отдѣльныхъ эпохи. Гомеровское время характеризуется господствомъ ремесла, но въ классической Греціи мы уже наблюдаемъ появленіе мануфактуръ, и, кромѣ того, можно предположить существованіе т. н. Verlagssystem. Далѣе монархія Птоломеевъ, сочетавъ свою политику съ данными наслѣдія Египта фараоновъ и работою теоретической мысли, внесла въ картину хозяйственной жизни новый штрихъ. На сцену, какъ въ сферѣ промышленности, такъ и въ сферѣ торговли появляются государственныя монополіи. Но принципъ Птоломеевъ въ эпоху римскаго владычества сталкивается съ принципомъ противоположнымъ. Риму духъ монополіи является, вообще говоря, чуждымъ. Отсюда монополіи постепенно уступаютъ свое мѣсто системѣ налоговъ, что къ этому времени можетъ быть сдѣлано безъ всякаго ущерба для хозяйственной жизни, такъ какъ условія, препятствовавшія раньше образованію въ древнемъ обществѣ крупныхъ частныхъ капиталовъ, теперь считаются устраненными, и частные капиталы могутъ съ полнымъ успѣхомъ, если не вполнѣ, то въ значительной части принять на себя функцію капиталовъ государственныхъ. «Такова, — по мнѣнію автора, — въ основныхъ чертахъ эволюція промышленности въ эллинистическомъ и римскомъ Египтѣ».

Въ заключеніе очерка авторъ удѣляетъ нѣсколько строкъ десятому тому Оксиринхскихъ папирусовъ. Этотъ томъ появился въ свѣтъ уже по отпечатаніи «Очерковъ», и авторъ спѣшитъ дополнить эти послѣдніе почерпнутыми изъ новой публикаціи нѣкоторыми интересными данными.

Б. П. Ивановъ.

С. П. Аржановъ. Методика начальнаго курса географіи. Для народныхъ учителей, учительскихъ курсовъ, институтовъ и семинарій, и педагогическихъ классовъ женскихъ гимназій и епархіальныхъ училищъ. Петроградъ, 1915 г. Стр. 188. Ц. 1 р.

Едва-ли мы ошибемся, если скажемъ, что, изъ всѣхъ предметовъ нашей средней школы, чуть не самое

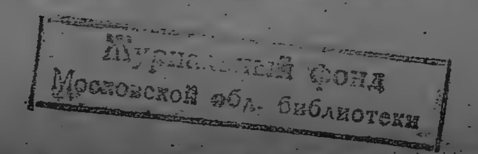
занимаетъ географія. Несмотря на огромное общеобразовательное значеніе этой науки, надъ ней до сихъ поръ тяготѣетъ какое-то проклятіе и даже въ настоящее время преподаваніе географіи въ школѣ не поставлено на ту высоту, какой заслуживаетъ ея содержаніе. Если нельзя сказать, что за послѣдніе годы преподаваніе географіи—какъ это было сравнительно еще недавно—сводится къ голому пересказу названій мѣстностей, рѣкъ и городовъ, и если сейчасъ отошли уже въ область прошлаго такіе учебники—если ихъ вообще можно назвать учебниками—какъ Соколова, Смирнова и Лебедева, то, во всякомъ случаѣ, и сейчасъ еще продолжаются споры о томъ, кто долженъ преподавать эту науку—филологъ или естественникъ? Авторъ разсматриваемаго труда задался цѣлью собрать воедино всю многочисленную литературу по обученію географіи, какъ русскую, такъ и иностранную, и въ доступной формѣ изложить методику географіи для народныхъ учителей и лицъ, готовящихся къ преподавательской дѣятельности. Трудно, конечно, оперируя съ такимъ огромнымъ матеріаломъ, остаться въ предѣлахъ намѣченнаго заданія. Но расширеніе предѣловъ книги, нисколько не умаляя первоначальной цѣли, послужило, безусловно, на пользу самому труду—въ результатѣ получилась замѣчательно интересная и полная монографія, трактующая о географіи со всѣхъ точекъ зрѣнія, какія могутъ имѣть значеніе для учителя, руководителя практическими занятіями по географіи и пр. Детально разбирать нѣкоторыя положенія автора можно лишь въ спеціальной педагогической литературѣ, здѣсь же необходимо лишь ограничиться краткимъ содержаніемъ. Авторъ начинаетъ съ изложенія сущности и содержанія географіи, какъ науки и учебнаго предмета, и, переходя къ методамъ преподаванія ея, особенно выдвигаетъ на первый планъ наглядность въ обученіи. Далѣе слѣдуетъ разсмотрѣніе вопроса о преподаваніи географіи съ точки зрѣнія родиновѣдѣнія, и въ заключеніе авторъ останавливается на общеобразовательномъ значеніи географіи, на объемѣ и содержаніи курса географіи, на отношеніи общихъ вопросовъ педагогики къ методикѣ географіи и на краткомъ перечнѣ отдѣльныхъ моментовъ развитія географіи, какъ науки. Въ приложеніяхъ авторъ приводитъ рядъ свѣдѣній объ организаціи отдѣльныхъ уроковъ и сообщаетъ литературныя данныя для лекціонныхъ демонстрацій: опыты, иллюстрирующіе образованіе искусственнаго снѣга, вулкана, облаковъ и дождя и проч. Затѣмъ приводятся списки необходимыхъ пособій для учителей и учащихся, географическихъ картинъ, коллекцій и картъ. По богатству своего фактическаго матеріала, ясности и популярности изложенія, разсматриваемая книга можетъ быть вполнѣ реко-

мендована всѣмъ, желающимъ ознакомиться съ сущностью и современнымъ состояніемъ вопроса о начальномъ преподаваніи географіи.

Н. Сумъ.

— Семенъ Масловъ. Крестьянское хозяйство. Очерки экономіи мелкаго земледѣлія. Второе переработанное и дополненное изданіе. Москва. 1915.

Въ названномъ выше популярно составленномъ трудѣ, имѣющемъ цѣлью «выяснить, что такое мелкое хозяйство вообще, почему и какъ оно существуетъ, что оно получаетъ, что и почему оно теряетъ»—вопросы объ экономической сторонѣ мелкаго хозяйства, о его статикѣ и динамикѣ и о его положеніи въ современномъ обществѣ съ господствующимъ хозяйственнымъ строемъ, основаннымъ на началѣ эксплоатаціи труда капиталомъ и на захватѣ крупнымъ капиталомъ кредита и посредничества между производителемъ и потребителемъ — вопросы эти разъясняются главнымъ образомъ на данныхъ русской жизни, почему трудъ г. Маслова пріобрѣтаетъ также характеръ очерка именно русскаго крестьянскаго хозяйства. Относясь къ нему съ этой точки зрѣнія, нельзя не указать на нѣкоторые пропуски и неточности фактической части въ общемъ недурной книги, дающія неправильное или неполное представленіе о нѣкоторыхъ трактуемыхъ въ ней предметахъ. Мы не будемъ останавливаться на промахахъ, относящихся къ дореформеннымъ временамъ, но не можемъ не выразить сожалѣнія по поводу упущенія относительно того важнаго момента исторіи, когда закладывались основы свободнаго класса мелкихъ земледѣльцевъ въ Россіи. Говоря о земельномъ устройствѣ освобождаемыхъ отъ крѣпостной зависимости крестьянъ, г. Масловъ сообщаетъ лишь объ отрѣзкахъ земли, находившейся въ единственномъ пользованіи крестьянъ, и не упоминаетъ о лишеніи крестьянъ безъ всякаго вознагражденія права участія въ пользованіи кормовыми угодьями владѣльцевъ, приведшемъ все почти крѣпостное населеніе нечерноземныхъ губерній къ необходимости арендовывать недостающее имъ угодье у своихъ бывшихъ помѣщиковъ. Въ главѣ о сельскохозяйственныхъ улучшеніяхъ на крестьянскихъ земляхъ и отношеніи къ этому процессу общины, авторъ представилъ совершенно неправильно положеніе дѣла распространенія травосѣянія на общинныхъ земляхъ, какъ извѣстно, получившаго въ нѣкоторыхъ губерніяхъ массовой характеръ. Онъ ограничивается по данному вопросу заявленіемъ, что «фактъ перехода къ травосѣянію цѣлыми селеніями и отдѣльными лицами

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Полное собраніе сочиненій Е. А. Баратынскаго. Томъ второй. Подъ ред. и съ прим. М. Л. Гофмана. Изд. разряда изящн. слов. И. А. Наукъ.

Настоящимъ томомъ закончено академическое изданіе сочиненій Баратынскаго. Первый томъ его встрѣтилъ довольно суровую оцѣнку, главнымъ образомъ въ отношеніи принятаго авторомъ принципа—давать, какъ основной, первый печатный текстъ произведеній поэта. Этого же принципа держится редакторъ и во второмъ томѣ, гдѣ даны поэмы и проза Баратынскаго. Но три поэмы „Пиры“, „Эда“ и „Цыганка“, въ видѣ уступки редактора, ссылающагося на значительныя измѣненія въ окончательной редакціи, даны также полностью и въ этомъ окончательномъ видѣ. Во всякомъ случаѣ, изданіе подъ редакціей г. Гофмана авторитетно, если не въ отношеніи принципа, отъ котораго вольны отступать редакторы другихъ изданій, то въ отношеніи обильнаго матеріала, исправляющаго промахи и недочеты текста прежнихъ изданій. Цѣнны во второмъ томѣ также приложенія, изъ которыхъ очень интересенъ библіографическій обзоръ всей литературы о Баратынскомъ, оживившейся лишь съ девяностыхъ годовъ прошлаго вѣка.

С. Елпатьевскій. Разсказы о прошломъ (Соч., т. III, 2-е изд.). М. 1915. Издательство писателей въ Москвѣ. Ц. 1 р. 25 к. Его же. Гекторъ и разсказы о прошломъ. То же издательство, серія „народно-школьныхъ изданій“. Ц. 50 к.

Разсказы о прошломъ—это разсказы автора о своемъ дѣтствѣ, о бытѣ и нравахъ стараго сельскаго духовенства, объ исчезающихъ и исчезнувшихъ типахъ его, о жизни, близкой къ простонародной и къ природѣ. Воспоминанія большей частью свѣтлы и написаны съ большой теплотой и живостью: превосходная книга для подростковъ.—Нѣсколько главъ изъ нея выдѣлены въ серію „народно-школьныхъ изданій“ и перепечатаны, съ двумя разсказами изъ жизни дѣтей и животныхъ: „Гекторъ“ и „Въ кухнѣ“; это также отличная книжка для подростковъ. Впрочемъ, въ „Гекторѣ“ не понятенъ дѣтямъ и, пожалуй, слишкомъ мраченъ эпизодъ о застрѣлившемся ссыльномъ.

Д. С. Мережковскій. Было и будетъ. Дневникъ. 1910—1914. Изд. т—ва Сытина. Пгр. 1915. Ц. 1 р. 50 коп.—Его же. Двѣ тайны русской поэзіи. Некрасовъ и Тютчевъ. Изд. то же. Ц. 50 коп.—Его же. Завѣтъ Бѣлинскаго. Кн—во „Прометей“ Н. Михайлова. Пгр. Ц. 30 коп.

Большая книга — сборникъ мелкихъ статей, и двѣ большія статьи, напечатанныя отдѣльно. „Было и будетъ“—грезится Д. С. Мережковскому — вѣчное безсознательное или сознательное - христіанское міропониманіе, въ центрѣ мірового процесса ставящее Христа и его воскресеніе, которое искупило міровую неправду. Длинная цѣпь литературныхъ и общественныхъ явленій, сложная ткань міровой жизни и мелочи, подхватываемыя газетнымъ фельетономъ,—ко всему прикинута одна мѣрка, все оцѣнено съ одной и той же, давно читателямъ извѣстной, точки зрѣнія. Надо думать, у г. Мережковскаго есть не мало читателей и почитателей, которымъ, кажутся значительными и нужными его словесныя кружева и узоры сближеній и про-

тивоположеній во славу религіозной революціонности или революціонной религіозности: двѣ Россіи—революціонная и консервативная—„кажущееся отрицаніе—дѣйствительное утвержденіе, кажущееся утвержденіе — дѣйствительное отрицаніе"; или „Некрасовъ весь въ безсознательномъ дѣйствіи; Тютчевъ въ созерцаніи бездѣйственномъ. У Некрасова религіозное народничество революціонное во имя Россіи будущей; у Тютчева—консервативное—во имя Россіи прошлой"; или: у Достоевскаго и Бѣлинскаго—„у одного Богъ безъ свободы, у другого свобода безъ Бога. Какъ соединить свободу съ Богомъ? Бѣлинскій искалъ соединенія и не нашелъ. Найти его и значитъ исполнить завѣтъ Бѣлинскаго". Десятки, сотни страницъ все такихъ же фразъ. Возможно, что излюбленное г. Мережковскимъ предвидѣніе въ ближайшемъ или отдаленномъ будущемъ изъ единаго движенія религіозно-реформаторскаго и политическаго-освободительнаго и оправдается. Тѣмъ не менѣе прочитать всѣ безчисленныя варіаціи г. Мережковскаго на эту тему по удобнымъ и неудобнымъ случаямъ, это—по-истинѣ тяжкій трудъ. Иногда игра и переливы этихъ варіацій кажутся остроумными, но чаще всего въ нихъ искажена перспектива и историческій смыслъ явленій, а самыя явленія упрощены до уровня словесной игры. И Тютчевъ, и Некрасовъ, и Бѣлинскій, конечно, гораздо сложнѣе, чѣмъ упрощенныя ради излюбленной точки зрѣнія, холодныя и безжизненныя схемы, предлагаемыя г. Мережковскимъ.

Ч. В—скій.

Деревня и запрещеніе продажи питей въ Московскомъ уѣздѣ. Москва. 1915.

Характеристика трезвой деревни сдѣлана въ данной работѣ статистическаго отдѣленія московскаго уѣзднаго земства на основаніи отзывовъ 700 лицъ, преимущественно крестьянъ, и обнимаетъ вопросы о вліяніи прекращенія продажи питей на зажиточность населенія, состояніе крестьянскаго хозяйства, на потребленіе чая, сахара и сластей, на ростъ личности, на семейный и общественный бытъ, на интересъ къ общественнымъ дѣламъ, къ кооперативамъ и т. п. Другая статья сборника заключаетъ детальную разработку свѣдѣній о расходахъ на вино до запрещенія его продажи, заключающихся въ бюджетныхъ данныхъ постоянныхъ корреспондентовъ земства. Разработка ведется съ одной стороны по хозяйственнымъ районамъ уѣзда и по районамъ различной отдаленности отъ столицы; съ другой—по группамъ дворовъ различной зажиточности и съ различной хозяйственной физіономіей. Разсматриваемый трудъ, составленный г.г. Колокольниковымъ, Сидякинымъ и Суринымъ, займетъ, конечно, не послѣднее мѣсто въ числѣ матеріаловъ для освѣщенія вопроса о пьяной и трезвой русской деревнѣ.

В. В.

Въ теченіе октября мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры:

Андреевъ, Леонидъ. Собраніе сочиненій. Т. XV. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Анцыферовъ, А. Н. Очерки по кооперацiи. Москва, 1915 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Асѣевъ, Николай и *Петниковъ, Григорій.* Лѣторѣй. Москва, 1915 г. Цѣна 70 коп.

Баладыженко, К. Буковина («Зелена Русь») и ея прошлое. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 30 коп.

Бачинскій, А. І. Физика для среднихъ учебныхъ заведеній. Первая половина. Москва, 1915 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Беккъ, Р. М. Космическое сознаніе. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Бертенсонъ, Л. и *Никольскій, Д.* Руководство по поданію первой помощи. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 75 коп.

Бородинъ, Н. А. Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты и Россія. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Букшпанъ, Я. М. Проблема чайной монополіи и міровой чайный рынокъ. Петроградъ, 1915 г.

Василенко, Н. П. Очерки по исторіи Западной Руси и Украины. Кіевъ, 1915 г. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Витязевъ, Петръ. Ссылка П. Л. Лаврова въ Вологодской губ. и его занятія антропологіей. Вологда, 1915 г.

Гернетъ, С. П. Миніатюры Скальда. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Григорьевъ, Аполлонъ. Собраніе сочиненій. Подъ ред. В. Ѳ. Саводника. Вып. 7, 10, 11 и 13. Москва, 1915 г.

Гурвичъ, Георгій. „Правда воли монаршей" Ѳеофана Прокоповича и ея западно-европейскіе источники. Юрьевъ, 1915 г. Цѣна 70 коп.

Дурылинъ, С. Градъ Софіи. Москва, 1915 г. Цѣна 35 коп.

Дюрвиль, Г. Призракъ живыхъ. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб. 65 коп.

Елпатьевскій, С. „Гекторъ" и разсказы о прошломъ. Москва, 1915 г. Цѣна 50 коп.

Ефимовъ, Евгеній. Два идеала гражданскаго воспитанія. Москва, 1915 г.

Жидъ, Шарль. Основы политической экономіи. Пер. Виктора Сережникова подъ ред. В. Ѳ. Тотоміанца. Москва, 1915 г. Цѣна 3 руб. 50 коп.

Жиро, Ф. Опытный магнетизмъ. Кн. I. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 50 коп.

Здзѣховскій, Маріанъ. О польскомъ религіозномъ сознаніи. Москва, 1915 г. Цѣна 20 коп.

Измайловъ, А. Осиновый колъ. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Кельбергенъ, И. П. Черта осѣдлости. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 75 коп.

Коганъ, П. С. Прологъ. Мысли о литературѣ и жизни. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 60 коп.

Крюковъ, Н. А. Славянскія земли. Т. II. Ч. I. Галиція. Петроградъ, 1915 г.

Лавровъ, П. Л. Къ вопросу объ антропологическихъ изслѣдованіяхъ Вологодской губ. Вологда, 1915 г.

Левбергъ, Марія. Лукавый странникъ. Стихи. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 60 коп.

М—скій, В. А. Дневникъ заложника. Съ предисловіемъ М. М. Ковалевскаго. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб.

Мусинъ-Пушкинъ, А., гр. Средне-образовательная школа въ Россіи и ея значеніе. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб.

Никандровъ, Н. Береговой вѣтеръ. Разсказы. Москва, 1915 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Обуковъ, М. И. Мектебы Уфимской губерніи. Уфа, 1915 г.

Павловъ, Анатолій. Физико-математическіе эдикты. Тифлисъ, 1915 г.

Погодинъ, А. Исторія польскаго народа въ XIX вѣкѣ. Москва, 1915 г. Цѣна 2 руб. 25 коп.

Поповъ, А. А. Популярныя таблицы по исторіи философіи. Часть I и II. Петроградъ, 1915 г. Цѣна каждой части 75 коп.

Проходцовъ, И. И. Рязанская губернія въ 1812 году. Ч. II. Рязань, 1915 г.

Розенбергъ, В. В. Современныя правоотношенія къ непріятельскимъ подданнымъ. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 50 коп.

Рославлевъ, Александръ. Сквозь цвѣтныя стекла. Петроградъ 1915 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Роша-де, А. Свѣтовыя излученія человѣка. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 75 коп.

Садовской, Борисъ. Лебединые клики. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Свенцицкій, В. Граждане неба. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Слезкинъ, Юрій. Святая радость. Разсказы. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб. 75 коп.

Сочава, Л. Стихотворенія. Вып. I и II. Петроградъ, 1914 г.

Сухановъ, Ник. Наши лѣвыя группы и война. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 50 коп.

Тотсъ, Георгій. На зеленой травѣ. Стихи. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб.

Умершій. Легіонъ бѣсовъ. Москва, 1915 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Флоберъ, Г. Собраніе сочиненій. Переписка. Часть I и II. Петроградъ, 1915 г. Цѣна каждой части 3 руб.

Хинтонъ, С. Х. Четвертое измѣреніе и новая эра мысли. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб. 75 коп.

Чеканинскій, Ив. Къ изученію фольклора въ Сибири. Красноярскъ, 1915 г.

Чролли. Гунинъ. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 25 коп.

Шевцовъ, Петръ. Бельгійцы. Трагедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб.

Шмелевъ, Ив. Распадъ. Т. I. Изд. 2-ое. Москва, 1915 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Яницкій, Н. Экономическій кризисъ въ Новгородской области XVI вѣка. Кіевъ, 1915 г.

Экъ, Екатерина. Письма матери. Москва, 1915 г. Цѣна 30 коп.

Америка о виновникахъ войны. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 50 коп.

Бесѣды. Сборникъ Общества исторіи литературы въ Москвѣ. I. Москва, 1915 г. Цѣна 2 руб.

Извѣстія главнаго комитета по снабженію арміи. № 2 — 3. Москва, 1915 г.

Извѣстія Кіевской Рентгеновской комиссіи. №№ 1, 2 и 3. Кіевъ, 1915 г.

Историческое Обозрѣніе. Сборникъ подъ ред. Н. И. Карѣева. Т. 20. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб 50 коп.

Наука и школа. Научно-педагогическій журналъ-сборникъ. № 1 Харьковъ, 1915 г.

Памяти Александра Павловича Гавриленка. Политехническое Общество. Москва, 1915 г.

Доманицький, В. Смерть за правду. Вид. 2-ге. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 6 коп.

Лункевич, В. Життя людського тіла. Переклад В. Чикаленка. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 15 коп.

Українськии Науковий Збірник Москва, 1915 г. Цѣна 1 руб. 50 коп

La Revue Ukranienne. № 3. Mensuel édité par Arthur Seelieb. Lausanne, 1915. Prix 2 fr. 50.

Издатель: М. М. Ковалевскій.

Ред.: К. К. Арсеньевъ. Д. Н. Овсянико-Куликовскій. А. С. Посниковъ.

5 р. въ годъ за 24 №№

БЮЛЛЕТЕНИ
Литературы и Жизни.

Двухнедѣльный журналъ НОВАГО ТИПА.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915—16 г. (7-й г. изд.).

Журналъ выходитъ **два раза** въ мѣсяцъ книжками въ 5 печатн. лист. **большого формата.** За годъ выйдетъ 24 №№ (около 2000 страницъ). ● **„Бюллетени“** идутъ навстрѣчу потребностямъ той массы интел. читателей, которая лишена возможности знакомиться съ текущей печатью. ● Главная задача журн. — всесторонне отражать **картину идейной, духовной жизни современности.** ● **„Бюллетени“** — это коллективная литер. памятка наиболѣе выдающихся явленій и фактовъ, вопросовъ и задачъ современности.

За истекшій годъ въ „Бюл.“ напеч. 238 ст. по самымъ разнообр. вопр. Кромѣ того даны: 1) сводъ отзывовъ о 360 книгахъ, 2) перечень около 2400 нов. кн., 3) содерж. болѣе 80 журн. за годъ и 4) библіографія по ряду отдѣльныхъ вопросовъ.

Библіографія въ „Бюлл.“ ведется такъ полно, какъ ни въ одномъ изъ существ. журн. Въ такомъ видѣ она необходима для самаго широкаго круга читателей.

Отзывы печати: **Утро Рос.:** „Журн. заслуживаетъ особаго вниманія“. ● **Русск. Вѣд.:** „Бюлл.“ знакомятъ болѣе или менѣе обстоятельно съ выдающимися явл. соврем. жизни“... ● **Русск. Шк.:** „Бюлл.“ дѣлаютъ свое дѣло умѣло и живо“... ● **Русск. Сл.:** „Въ журн. запечатлѣна вся литератур. жизнь года“... ● **Совр. Сл.:** „Задача журн. имѣетъ несомнѣнно культурно-популяризаторское значеніе“... ● **Голосъ:** „Въ журн. сосредоточено все новое, что позволяетъ постоянно быть въ курсѣ настроеній и исканій какъ отечественной, такъ и міровой мысли“. ● **Нов. Журн. для Вс.:** „Бюлл.“ незамѣнимы, особенно въ провинціи“. ● **Русск. Молва:** „Много цѣннаго и важнаго найдутъ для себя въ „Бюлл.“ самые широкіе круги читателей“... ● **Кіев. М.:** „Для провин. читателя, руководителей библіотекъ и т. д. журн. представляетъ интересъ сугубый“. ● **Ран. Утро:** „Самые широкіе круги читающей публики не могутъ не заинтересоваться „Бюлл.“. ● **Вѣстн. Восп.:** ..„Изданіе заслуживаетъ вниманія широкихъ круговъ читателей“... ● **Нижег. Лист.:** „...Изданіе, очень интересное по своему характеру“... ● **Сибирь:** „Типъ „Бюл.“... очень удачный... Подборъ ст. дѣлается умно и, дѣйствительно, даетъ отраженіе „идейной, дух. жизни современности“...

Проспектъ журн. высылается безплатно. Подписная цѣна: на годъ **5 р.**, 6 м.—**2 р. 50 к.**, 3 м.—**1 р. 25 к.** За границу на годъ **6 р.** Для сельск. учит. при **непосредственномъ обращеніи** въ контору на годъ **4 р. 50 к.** **Подписка приним.** во всѣхъ книжн. магаз. и въ почт. учрежден. **Имѣются полные комплекты „Бюл.“. Цѣна компл. за 1911/12 и 1912/13 гг. по 3 р. безъ перепл. и по 4 р. въ перепл.; за 1913/14 и 1914/15 гг.— 4 р. безъ перепл. и 5 р. въ перепл. Пересылка по вѣсу и разстоянію.**

Подписной годъ начинается съ 1-го сентября.

Можно подпис. съ 1-го числа кажд. мѣс.

Контора и ред.: **Москва, Хлѣбный пер., д 1. Тел. 5-02-06.**

Издатели: *В. Крандіевскій* и *В. Косенковъ.*

Редакторъ: *В. Крандіевскій.*

